

ЛОУРЕНС РИС

ХОЛОКОСТ

НОВАЯ ИСТОРИЯ

18+

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Преступления против человечества

Лоуренс Рис

Холокост. Новая история

«Азбука-Аттикус»

2017

УДК 94(430).086
ББК 63.3(4)6

Рис Л.

Холокост. Новая история / Л. Рис — «Азбука-Аттикус»,
2017 — (Преступления против человечества)

ISBN 978-5-389-14729-4

«По каким причинам нацисты решили уничтожить целый народ? Почему они отправляли в концлагеря миллионы мужчин, женщин и детей, заталкивали их в газовые камеры, вешали, расстреливали, морили голодом, забивали до смерти – уничтожали всеми вообразимыми и невообразимыми способами? Какое место занимает этот геноцид среди всех ужасов, сотворенных нацистами? Я размышлял над данными вопросами 25 лет, создавая телевизионные документальные программы о нацизме и Второй мировой войне. В ходе этой работы я побывал во многих странах, встречался с сотнями очевидцев тех событий – с теми, кто пострадал от рук нацистов, с теми, кто наблюдал за этим со стороны, и с теми, кто совершал эти преступления. Среди материалов, собранных для моих фильмов, лишь малая часть была известна ранее. Холокост – самое чудовищное преступление в истории человечества. Нам нужно понять, как такое изуверство стало возможным. И эта книга, созданная не только на основании новых материалов, но и с опорой на недавние исследования и документы того времени, – моя попытка это сделать». Лоуренс Рис

УДК 94(430).086
ББК 63.3(4)6

ISBN 978-5-389-14729-4

© Рис Л., 2017

© Азбука-Аттикус, 2017

Содержание

Пролог	7
Глава 1	9
Глава 2	17
Глава 3	27
Глава 4	43
Глава 5	63
Глава 6	70
Глава 7	86
Глава 8	108
Глава 9	126
Глава 10	143
Глава 11	165
Глава 12	183
Глава 13	198
Глава 14	209
Глава 15	220
Глава 16	235
Глава 17	246
Глава 18	262
Постскриптум	276
Благодарность	279
Примечания	281
Иллюстрации	322
Фотоматериалы	357

Лоуренс Рис

Холокост. Новая история

© Laurence Rees, 2017

© Бавин С.П., перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2018

КоЛибри®

* * *

Посвящаю Камилле

Пролог

Для нацистов преступление 20-летней Фриды Вайнеман было очевидным, ведь она еврейка. В мае 1944 года во французском Сент-Этьене Фриду арестовали коллаборационисты. Вместе с родителями и тремя братьями она сначала оказалась в концентрационном лагере Дранси в пригороде Парижа, а затем была отправлена в лагерь смерти Освенцим-Биркенау на оккупированной немцами территории Польши.

В начале июня 1944-го поезд, в котором находились Фрида, ее семья и еще почти тысяча евреев из Франции, миновал кирпичные ворота Биркенау и въехал на территорию лагеря. Двери товарного вагона открылись... В них хлынул дневной свет, но Фрида подумала, что оказалась в аду. «Запах! Запах был чудовищный!»¹ Конечно, о реальном предназначении Биркенау девушка не догадывалась. На огромной территории было много заключенных. Может, всех вновь прибывших направят на работы?

Фрида и ее родные стояли на платформе рядом с железнодорожными путями, и тут началось что-то странное. Узники, одетые в полосатую форму, стали кричать: «Отдайте детей пожилым женщинам!...» Вскоре и мать Фриды оказалась с ребенком на руках – его передала ей совсем молодая женщина, лет двадцати с небольшим.

Евреям приказали выстроиться на платформе в две колонны: мужчинам в одной, женщинам в другой. Не понимая, что происходит, Фрида встала в колонну вместе с матерью, держащей на руках чужого малыша. Когда подошла очередь матери, эсэсовец (Фрида Вайнеман полагает, что это был доктор Менгеле) сказал, чтобы она с ребенком шла направо. Фрида пошла с матерью... Вот что она об этом вспоминает: «Менгеле остановил меня и сказал: “Тебе налево”. Я ответила, что не расстанусь с мамой. Он очень обыденно возразил: “Твоя мать будет заниматься детьми, а ты пойдешь с молодыми”».

Фрида недоумевала: почему их разделяют? «Я не могла понять, зачем нужно отдавать детей пожилым женщинам. К тому же моей матери было всего сорок шесть! Я ничего не могла понять... Все происходило очень быстро».

Мать Фриды Вайнеман ушла с чужим ребенком. В это время начался отбор для ее отца и трех братьев. Им сказали держаться вместе, но, пока они стояли на платформе, старший брат Фриды Дэвид увидел, что мать уходит, и решил, что самому младшему, 13-летнему Марселю, лучше остаться с ней. Он рассудил, что Марселю будет легче, если мама сможет о нем позаботиться. Дэвид сказал братишке, чтобы тот пошел с матерью. Младший послушался и побежал к ней. Сам того не подозревая, Дэвид отправил брата на смерть...

Они не могли знать, что в этот момент все проходили отбор – в ходе этого процесса врачи-эсэсовцы за секунду решали, кому будет позволено временно остаться в живых, а кто должен умереть немедленно. Подавляющему большинству людей, прибывших этим поездом, суждено было очень быстро расстаться с жизнью в газовых камерах Биркенау, в том числе и матери Фриды вместе с ребенком, которого она несла на руках. Нацисты строго следили за тем, чтобы дети, старики и больные не оставались жить в лагере дольше нескольких часов.

Фриду, ее отца и троих братьев отобрали для работы. Хотя нацисты и планировали постепенно уничтожить всех евреев, это было, по крайней мере, некоторой отсрочкой смерти. Отправив Марселя к матери, Дэвид невольно решил его участь – этой группе предстояло погибнуть сразу. 13-летний Марсель по возрасту мог оказаться в любой группе, поэтому эсэсовцы не стали возражать, когда он присоединился к матери. Как говорит Фрида, поступок Дэвида был бы правильным в иных обстоятельствах, но в бесчеловечных условиях Освенцима это решением оказалось роковым.

Выходит, что члены лагерной рабочей команды крематория призвали молодых матерей отдать своих детей потому, что шанс пройти первоначальный отбор в глазах эсэсовских врачей

был только у той, что шла без ребенка. Даже если мать выглядела здоровой и сильной, эсэсовцы редко пытались разъединить ее с ребенком в процессе окончательного отбора: зачем сеять панику среди вновь прибывших? Заключенные в полосатых робах увидели мать Фриды, когда она стояла у вагона, и решили, что она слишком стара – отбор не пройдет. А тех, кому было суждено умереть, объединяли... Шанс прожить дольше одного дня, таким образом, был только у молодой матери.

Как вообще могла возникнуть такая ситуация на нашей планете? Как могли нормы здравого смысла и нравственности оказаться извращены до такой невообразимой степени, что вполне разумное желание старшего брата сказать младшему, чтобы он присоединился к матери, привело к его гибели, а единственным шансом на выживание молодой женщины стало решение отдать своего ребенка, которого ждала смерть?

Говоря шире, по каким причинам нацисты решили уничтожить целый народ? Почему они отправляли в концлагеря миллионы мужчин, женщин и детей, заталкивали их в газовые камеры, вешали, расстреливали, морили голодом, забивали до смерти – уничтожали всеми вообразимыми и невообразимыми способами? Какое место занимает этот геноцид среди всех ужасов, сотворенных нацистами?

Я размышлял над данными вопросами 25 лет, создавая телевизионные документальные программы о нацизме и Второй мировой войне. В ходе этой работы я побывал во многих странах, встречался с сотнями очевидцев тех событий – с теми, кто пострадал от рук нацистов, как Фрида Вайнеман, с теми, кто наблюдал за этим со стороны, и с теми, кто совершал эти преступления. Среди материалов, собранных для моих фильмов, лишь малая часть была известна ранее.

Холокост – самое чудовищное преступление в истории человечества. Нам нужно понять, как такое изуверство стало возможным. И эта книга, созданная не только на основании новых материалов, но и с опорой на недавние исследования и документы того времени, – моя попытка это сделать.

Глава 1

Корни ненависти

В сентябре 1919 года Адольф Гитлер написал исторически важное письмо, но в то время его значимость никто не осознал. Дело в том, что автор этого письма был никем. В 30 лет у Гитлера не было ничего и никого – ни дома, ни жены, ни подруги, ни одного близкого товарища. Карьеры тоже не было. Вся его предыдущая жизнь оказалась крушением надежд. Он хотел стать знаменитым художником, но творческое сообщество его отвергло. Он мечтал сыграть значимую роль в победе Германии в мировой войне, но стал лишь свидетелем унижительного поражения немецкой армии в ноябре 1918-го. Он был озлоблен, ожесточен и искал, кто во всем этом виноват.

В этом письме, датированном 16 сентября 1919 года и адресованном бывшему сослуживцу Адольфу Гемлиху, Гитлер недвусмысленно констатирует, кто же несет ответственность не только за его личные беды, но и за страдания всего немецкого народа. «Среди нас живет, – пишет Гитлер, – негерманское, чуждое племя, не желающее и не способное пожертвовать своими особенностями... И тем не менее оно обладает всеми политическими правами, которые есть у нас... Все, что заставляет людей бороться за высокие цели, будь то религия, социализм или демократия, для него – лишь средство для удовлетворения своей жажды денег и господства. Его деятельность порождает расовый туберкулез среди наций»¹. Врагом, которого идентифицировал Гитлер, были евреи. И он добавил, что конечной целью любого немецкого правительства должна стать бескомпромиссная ликвидация всех евреев.

Это весьма примечательный документ. И не только потому, что дает нам понять, о чем в 1919 году думал человек, который стал, что называется, архитектором Холокоста, но и потому, что это первое неоспоримое свидетельство антисемитских настроений Гитлера. В автобиографической книге «Моя борьба» (*Mein Kampf*), написанной пять лет спустя, он утверждал, что ненавидел евреев, еще будучи в первые годы XX века бедным художником, но некоторые ученые сомневаются в столь упрощенной версии его прошлого² и задаются вопросом: действительно ли у Гитлера выработались такие жесткие антисемитские взгляды во время жизни в Вене и службы в армии в течение мировой войны, которую на Западе называли Великой, а в СССР империалистической или германской³.

Тем не менее это не означает, что в 1919 году антисемитизм возник в голове Гитлера из ниоткуда. В своем письме он отразил антисемитские настроения, которые существовали в Германии до Великой войны, в годы, когда она шла, и после ее окончания. Можно сказать, что в написанном Гитлером в сентябре 1919 года ничего оригинального не было. Да, позже он окажется наиболее ярким поборником антисемитизма, но эта позиция опирается на прочный фундамент – долгую историю преследований евреев.

Антисемитизм отнюдь не нов. Его корни уходят в глубь не то что веков – тысячелетий. Например, в Евангелии от Иоанна говорится: «Стали иудеи гнать Иисуса, и искали убить Его»⁴. В какой-то момент они даже «...взяли камень, чтобы бросить на Него»⁵. А сам Иисус говорил иудеям: «Ваш отец диавол»⁶.

Таким образом, многие поколения священнослужителей клеймили евреев как коварный народ, который хотел погубить Христа⁷. Нетрудно понять, почему гонения на евреев были широко распространены в средневековой Европе, где господствовала христианская культура. Во многих странах евреям запрещалось владеть землей, заниматься определенными профессиями и жить там, где они хотели бы. В разные периоды в ряде европейских городов евреи были вынуждены проживать в гетто и носить на одежде специальные отличительные знаки. В

XIII веке в Риме, в частности, это были желтые метки на груди. Одной из немногих профессий, которыми позволялось заниматься евреям, стало ростовщичество, поскольку христианам религия этот вид деятельности запрещала. Если судить по «Венецианскому купцу» Шекспира, еврей-ростовщик постепенно становился ненавистной фигурой. В 1543 году Мартин Лютер – христианский богослов, инициатор Реформации, ведущий переводчик Библии на немецкий язык – написал памфлет «О евреях и их лжи». Евреи, по его словам, «...суть воры и разбойники, у которых нет ни крохи во рту, ни нитки на теле, которую бы они не украли или не отняли у нас посредством их проклятого ростовщичества». К чему призывал народ Лютер? «Навсегда изгнать их из нашей страны»⁸.

Эпоха Просвещения принесла в судьбу европейских евреев изменения. В этот период научного и политического развития под сомнением оказались многие традиционные убеждения. Например, действительно ли евреи заслуживают того отношения, от которого страдают, или они просто жертвы предрассудков? В 1781 году немецкий историк Христиан Вильгельм фон Дом выступил за гражданское равноправие евреев, отметив, что «все, в чем обвиняют евреев, возникло из-за политической обстановки, в которой они сейчас живут»⁹. В 1789-м во Франции вслед за принятием Декларации прав человека и гражданина вступил в действие закон, объявляющий евреев свободными и равными гражданами. В Германии в течение XIX века были сняты многие запреты, налагавшиеся на евреев, в том числе ограничения на профессии.

Все эти свободы дались не даром. В то же самое время, когда перед немецкими евреями открывались новые возможности, сама страна переживала серьезные изменения. Ни одно европейское государство не изменялось так быстро, как Германия второй половины XIX столетия. Если в 1850 году здесь добывали 1 500 000 тонн угля, то в 1906-м – уже 100 000 000¹⁰. Численность населения увеличилась с 40 000 000 в 1871 году до 65 000 000 в 1911-м. С объединением страны в 1871 году Германия изменилась и политически. На волне этого подъема многие задавались концептуальными вопросами о культурной и духовной специфике этой новой нации. И не в последнюю очередь вопросом о том, что значит быть немцем.

Один из ответов предложили сторонники веры в *Volk*. Хотя это слово обычно переводится как «народ», концепция *Volk* не может быть передана столь однозначно. Для теоретиков движения фолькиш (*völkisch*) оно означало почти мистическую связь группы людей, говорящих на одном языке, обладающих общим культурным наследием, с почвой – землей, на которой живут они и жили их предки. В качестве реакции на внезапный рост городов и загрязнение окружающей среды новыми заводами и фабриками они проповедовали достоинства немецкой сельской жизни, в особенности силу леса. Один из самых знаменитых идеологов *Volk*, профессор Вильгельм Генрих Риль в книге «Земля и люди» (*Land und Leute*), писал: «...народ вымрет, если больше не сможет ценить наследие лесов, в которых он черпал силу и обновление. Мы должны беречь леса не только для того, чтобы зимой поддерживать огонь в очаге, но и для того, чтобы сохранять биение горячего пульса народа, чтобы немцы оставались немцами»¹¹. Уже в середине XIX века Риль предупреждал об опасности, которую представляет собой не только рост городов, но и символ технического прогресса – железные дороги. «В особенности крестьянин чувствует, что больше не может оставаться “традиционным крестьянином” рядом с новой железной дорогой... Все боятся оказаться кем-то другим, и те, кто желает лишить нас традиционного образа жизни, больше похожи на исчадия ада, чем на тех, кто желает добра»¹².

Концепция *Volk* оказала влияние на идеологию Гитлера и нацизма. Министерство пропаганды Третьего рейха, возглавляемое Йозефом Геббельсом, сделало заказ на фильм, который прославлял бы силу и значимость леса и крестьянина-земледельца. Картину сняли Ханс Спрингер и Рольф фон Соньевски-Ямровски, называлась она «Вечный лес» (*Ewiger Wald*) и в прокат вышла в 1936 году. В информационном сообщении для прессы, выпущенном в пред-

двери выхода фильма в прокат, говорилось: «Наши предки были лесным народом. Их Бог обитал в пещерах, их религия зародилась в лесу. Ни один народ не может жить без леса, и те, кто повинен в уничтожении лесов, канет в небытие»¹³, а последняя фраза, сказанная в нем, подчеркивает связь между *Volk* и лесом: «Наш народ, подобно лесу, будет стоять вечно!»¹⁴

В первом десятилетии XX столетия самым популярным молодежным движением в Германии было «Вандерфогель» («Перелетная птица»), призывавшее юношей и девушек переселяться в сельскую местность и восстанавливать связь между немецким народом и природой. «Это духовное движение, – говорит Фридолин фон Шпаун, вступивший в «Вандерфогель» подростком. – Оно стало реакцией на эпоху императора Вильгельма, олицетворением которой были промышленность и торговля»¹⁵. Другие молодые немцы объединялись в группы типа Немецкого гимнастического союза и занимались физкультурой на открытом воздухе. «В Немецком гимнастическом союзе я впервые увидел свастику, – говорит Эмиль Кляйн, вступивший в него перед Первой мировой войной. – Четыре *F – Frisch* [бодрость], *Fromm* [благочестие], *Fröhlich* [радость], *Frei* [свобода] – образовывали двойную свастику на значке, который нам выдавали, бронзовом значке, носимом как знак отличия»¹⁶. Они считали, что этот древний символ, который использовался в разных культурах прошлого, представляет связь с их древними предками, отчасти потому, что подобные изображения обнаруживали в Германии среди археологических находок.

Все эти новшества стали проблемой для немецких евреев, поскольку они из концепции *Volk* оказались исключены. Большинство немецких евреев жили в городах и занимались тем, что представляло антитезис идеалу *völkisch*. Евреи были явно не тем народом, который «вышел из леса». В чрезвычайно популярном романе Густава Фрейтага «Приход и расход» (*Soll und Haben*, 1855)¹⁷ центральный персонаж, предприниматель еврейского происхождения Фейтель Итциг, представлен как омерзительный тип, одержимый жадной наживы и обманывающий честных, но наивных немцев. Итциг – паразит, ведущий образ жизни, невообразимо далекий от благородного идеала крестьянина-земледелца.

Конечно, не каждый, разделяющий идею *Volk*, обязательно был антисемитом, но тем не менее для националистических движений евреи стали символом всех бед и невзгод новой Германии. Крестьянин-земледелец, которому было тяжело мириться с бурным ростом городов и реальностью железной дороги, которая вдруг оказалась проложена по его земле, мог винить в этом еврея. Лавочник, обнаруживший, что его покупатели предпочитают новые крупные универсальные магазины, мог винить в этом еврея. Ремесленник, изготавливающий в мастерской кустарные изделия и больше не имеющий возможности продавать их из-за появления на рынке товаров массового промышленного производства, мог винить в этом еврея.

Эти аргументы основывались, разумеется, на недоразумениях. Если немецкие евреи жили в городах, если они открывали универсальные магазины и фабрики, то это в большой степени обуславливалось тем, что на протяжении столетий они были лишены возможности заниматься «одобренными» националистической идеологией видами деятельности. Другими словами, после того как евреям запретили владеть землей, их начали обвинять в «оторванности» от почвы. Этот рост антипатии к немецким евреям еще более удивителен в том смысле, что в самой Германии евреев жило очень мало – менее процента от всей численности населения. Многие немцы никогда в жизни евреев не видели и дел с ними не имели. Но отсутствие евреев для антисемитизма не преграда.

Пауль Лагард, один из самых убежденных антисемитов националистического толка, использовал термины, которые одобрил бы Мартин Лютер. В книге «Евреи и индогерманцы» (*Juden und Indogermanen*, 1887) он писал: «Мы антисемиты, потому что в Германии девятнадцатого века евреи, живущие среди нас, представляют взгляды, обычаи и требования, которые восходят к временам разделения народов вскоре после всемирного потопа... Потому,

что среди христианского мира евреи – азиатские варвары». Евреи, по мнению Лагарда, «народ, который на протяжении тысячелетий не внес никакого вклада в историю»¹⁸.

Ложное представление о том, что евреи одновременно являются и чуждой, и тайной политической силой в новой Германии, послужило для Генриха Класа, президента Пангерманского союза, поводом написать книгу «Если бы я был императором» (*Wenn ich der Kaiser wär*), правда, под псевдонимом Даниэль Фриманн. Опубликованная в 1912-м, за два года до начала Великой войны, она связывала потребность «оздоровления жизни нашей нации» с требованием, чтобы еврейское влияние было «полностью ликвидировано или сведено до терпимого, безвредного уровня»¹⁹. Класс предложил ряд запретных мер в отношении евреев. Он призывал, чтобы газеты, принадлежащие евреям или публикующие материалы авторов-евреев, размещали рядом с заголовком звезду Давида, чтобы евреям было запрещено служить в армии и флоте, работать преподавателями и юристами.

Параллельно с националистическим и «традиционным» христианским антисемитизмом активизировались нападки на евреев с совершенно другой стороны. За рассуждениями Гитлера в сентябрьском письме 1919 года стоит идея «антисемитизма, основанного на разуме». «Современные» антисемиты, подобно ему, пытались найти псевдонаучные доводы, оправдывающие их ненависть к евреям, утверждая, что нацию следует презирать не по религиозным, а по расовым соображениям.

Мысль, что люди различаются между собой по расовому признаку и одни расы выше других, получила квазиинтеллектуальную поддержку в «Эссе о неравенстве человеческих рас» (*Essai sur l'inégalité des races humaines*) Жозефа Артюра де Гобино, опубликованном в 1855 году²⁰. Дипломат, а не ученый, Гобино представил мир, в котором существуют три расы – черная, желтая и белая. Из них негроидная – самая низшая и стоит у подножия лестницы. Народы, принадлежащие к желтой расе, явно превосходят черных, но они, по мнению автора эссе, не создали ни одного цивилизованного общества; они психически неустойчивы и не способны привести в действие пружины красоты и деятельности. На вершине этой расистской иерархии располагается белая раса. Она обладает замечательной и даже чрезмерной любовью к свободе. Таким образом, история, по мнению Гобино, учит, что все цивилизации произошли от белой расы, ни одна не может существовать без ее помощи, и общество велико и прекрасно лишь постольку, поскольку в нем сохраняется кровь благородной группы, которая его создала. Также автор утверждал, что немецкая раса – часть высшей белой расы – происходит от этнической группы арийцев, мигрировавшей в Европу из Индии.

Хьюстон Стюарт Чемберлен, писатель, родившийся в Англии и позже ставший гражданином Германии, представил антисемитское толкование всего этого в труде «Основы девятнадцатого века» (*Die Grundland des Neunzehnten Jahrhunderts*), опубликованном в 1899 году. Книга стала очень популярной – и не только в Германии. В эмоциональном предисловии к английскому изданию Алджернон Б. Митфорд, лорд Редесдейл, отметил, что эта книга быстро была признана одним из шедевров столетия – цельный плод изысканий и исследований Чемберлена ныне созрел на благо всего мира²¹. Чемберлен утверждал, что если арийцы – это совершенный идеал, то евреи олицетворяют собой нечто противоположное. Даже если некоторых евреев на первый взгляд трудно отличить от арийцев, реальность в том, что все евреи – чуждый азиатский народ, который самыми подлыми способами приобрел несметные богатства²². Тем не менее, поскольку лишь еврейская и немецкая нации сумели сохранить себя чистыми, из этого следует, что эти две расы – арийская и еврейская – схлестнулись в титанической борьбе за превосходство.

Теперь ясно, почему у Гитлера и Чемберлена нашлось много общего. Когда они в 1923 году встретились, Чемберлен сказал, что в результате этого общения состояние его души изменилось – в одну минуту²³. В ответ нацисты признали Чемберлена своим. Его 70-летие широко

освещалось в их газете *Völkischer Beobachter*, а «Основы девятнадцатого века» стали текстом не только читаемым – почитаемым.

Эта расистская теория оказалась привлекательной для многих людей, особенно тех, кто, по мнению Гобино и Чемберлена, принадлежал к высшей расе. Мысль, что ценность личности может определяться исключительно внешними данными, была весьма соблазнительна. В популярном немецком романе «Хельмут Харринга» (*Helmut Harringa*, 1910) Германа Поперта судья отпускает героя просто потому, что не может допустить, что человек с такой внешностью может быть виновен²⁴. Вывод пришелся по душе рейхсфюреру Генриху Гиммлеру. В 1938 году при посещении одного из подразделений СС некий солдат привлек его внимание чем? Правильно, внешностью. Только на этом основании Гиммлер решил, что это способный, чистокровный немец. Изучив его досье, Гиммлер ходатайствовал о повышении солдата по службе²⁵.

В сию ядовитую смесь «традиционного», националистического и расового антисемитизма необходимо добавить еще один компонент – возникновение политического движения, основанного на идеях евгеники. Термин «евгеника» (в буквальном переводе с греческого – «благородный») предложил английский ученый Фрэнсис Гальтон. В 1869 году в книге «Наследственный гений» (*Hereditary genius*) он утверждал, что общество должно дать ответ на один ключевой, но по сути простой вопрос: кому позволено производить потомство? Гальтон писал, что путем тщательного отбора через разумные браки на протяжении нескольких поколений станет возможным создание высокоодаренной расы людей. Общество должно признать, что каждое поколение способно оказать огромное влияние на природную одаренность тех, кто идет следом, и, таким образом, его долг перед человечеством – исследовать диапазон этого влияния и использовать его так, чтобы, не совершая глупостей по отношению к себе, создавать наиболее благоприятные условия для будущих обитателей Земли²⁶.

Гальтон никогда не призывал к насильственному запрету на размножение «неподходящим» членам общества. Это делали другие. В 1895 году Альфред Плетц, немецкий сторонник евгеники и автор термина «расовая гигиена», поднял вопрос о возможности наделения специальных врачебных комиссий правом решать с точки зрения расовой ценности, каких новорожденных оставлять в живых, а каких безболезненно умерщвлять. Он также заявлял, что сторонники расовой гигиены не имеют особых возражений против войны, поскольку рассматривают ее как один из способов борьбы наций за существование. Кроме того, Плетц говорил, что в ходе боевых действий «худшие» люди могут использоваться в качестве, что называется, пушечного мяса и направляться в особо опасные места²⁷.

Многие из пионеров евгеники не были антисемитами (тот же Плетц, например, считал, что евреи относятся к арийской нации), но их учение широко использовалось другими людьми. Мысль о расовой гигиене как основе здоровья нации в сочетании с идеей Хьюстона Чемберлена, что евреи представляют собой расовую угрозу арийцам, добавила потенциально катастрофический компонент в антисемитское варево. Традиционный антисемитизм основывался на религии. Если иудей принимал христианство, у него появлялся шанс избежать преследований. Но мысль, что еврейство – нечто неотъемлемое, присутствующее, как утверждали нацисты, в крови, означала, что путей спасения нет. Твоя национальность, которую нельзя изменить, – твоя судьба. Ты можешь быть добрейшим, благороднейшим человеком, но если твоя нация считается низшей или представляющей опасность, преследований тебе не избежать.

Гитлер в сентябрьском письме 1919 года недвусмысленно заявил: «Евреи, безусловно, национальное, а не религиозное сообщество». Эта идея стала фундаментальной основой его антисемитизма. Для Гитлера она означала, что вопрос о религиозной принадлежности евреев практически не имеет значения, поскольку «... вряд ли найдется хоть одна нация, представители которой исповедуют исключительно одну конкретную религию».

Несмотря на отчаянные попытки найти тест для идентификации еврейской «крови», нацистам не удалось (что неудивительно) предложить научное обоснование для определения принадлежности того или иного человека к еврейской нации. В результате, когда они начали преследовать, а затем и уничтожать евреев, им приходилось определять «еврейство» через религию. Они идентифицировали еврея на основании того, сколько его дедушек и бабушек исповедовали иудаизм. Тем не менее нацисты все равно считали, что еврейство – нация, а не религия. Главенство расы в истории человечества было чрезвычайно важным аспектом в мировоззрении Адольфа Гитлера. Он и в мыслях не мог допустить противопоставление кем-то каких бы то ни было научных аргументов.

Здесь следует сделать одно важное замечание. С учетом того, что свидетельства об антисемитских настроениях в Германии появились до того, как национал-социализм стал политической силой, легко допустить существование прямой связи между антисемитизмом довоенного периода и временем Третьего рейха и Холокоста и заявить: последующий кошмар был неизбежен. Но такой взгляд будет ошибочным по двум причинам. Во-первых, несмотря на всю горячность и страстность своих позиций, немецким партиям антисемитской направленности не удавалось заручиться поддержкой остальных граждан страны. На выборах в рейхстаг 1893 года, к примеру, депутатские мандаты получили всего 16 представителей антисемитских группировок, плюс еще 12 кандидатов от других партий, которые поддерживали их взгляды²⁸. Подавляющее большинство немецких избирателей – 95 процентов – оказались не готовы отдать свои голоса за откровенных антисемитов.

Разумеется, статистика не может выявить скрытую предубежденность по отношению к евреям. Есть все основания, чтобы сказать: антисемитизм существовал в Германии на протяжении многих веков. Но в те времена он был и во многих других европейских странах.

Вторая причина, по которой не следует переоценивать немецкий антисемитизм, заключается в следующем. Если бы вы жили в начале XX века и вас попросили предсказать, какая из стран в будущем станет проводить политику, направленную на уничтожение евреев, крайне маловероятно, что вы указали бы на Германию. Скорее всего, вы бы вспомнили о России. Масштабы насилия, которое испытали на себе российские евреи до Первой мировой войны, поистине ужасают. В ходе кишиневского погрома в апреле 1903 года были уничтожены сотни домов и лавок, погибли 49 человек. Спустя два года, в октябре 1905-го, в Одессе было разгромлено более 1600 еврейских домов и несколько тысяч человек погибли или получили ранения²⁹. Это лишь два примера жестоких нападений на евреев в России в тот период. На самом деле их насчитывается намного больше. В результате преследований в период с 1880 года до начала Первой мировой из России в поисках лучшей и безопасной жизни бежали более 2 000 000 евреев. В Германии в это время ничего подобного не происходило. Немецкие евреи читали о погромах в Кишиневе и Одессе и были уверены, что им очень повезло: они живут в цивилизованной стране, где подобному варварству места нет.

Сложнее точно определить отношение Гитлера к евреям перед Первой мировой войной. Между 1908 и 1913 годом он жил в Вене и восхищался ее бургомистром Карлом Люгером, убежденным антисемитом, который однажды заявил, что власть евреев над прессой и капиталом означает устрашающий терроризм и он хочет освободить христианский народ от еврейского господства³⁰. Также Люгер считал, что евреи – величайшие враги немецкого народа³¹. Чтобы сам Гитлер в это время высказывал подобные идеи, сомнительно. И в то же время можно сказать другое – он был готов иметь дело с торговцами-евреями, когда продавал свои картины в Вене³². Возможно, как предполагает один известный ученый, Гитлер вел себя просто прагматично, контактируя с евреями, но тем не менее «пропитался венским антисемитизмом»³³. Знать наверняка мы не можем.

Впрочем, нет сомнений, что Адольф Гитлер целиком и полностью поддержал позицию Германии в мировой войне и воспользовался возможностью принять участие в конфликте. В августе 1914 года он подал заявление о желании вступить в баварский полк и таким образом стал солдатом немецкой, а не австрийской армии. Гитлер являлся убежденным пангерманистом и даже при том, что родился в Австрии, считал себя прежде всего немцем. Солдатом он был храбрым и удостоился Железного креста первого класса. Во время Второй мировой войны Гитлер носил на кителе эту награду. Правда, никогда не упоминал, что представил его к ордену еврейский офицер Гуго Гутман³⁴.

К 1916 году военная ситуация для Германии складывалась плачевно. Боевые действия на фронтах зашли в тупик, в тылу ощущалась нехватка продовольствия. Идея быстрой победы, которую планировал Генеральный штаб немцев, уже представлялась фантазией. Люди начали искать виноватых в переживаемых Германией трудностях, и многие стали возлагать вину на евреев. Военный министр Германии заявил, что его ведомство постоянно получает жалобы от широких слоев населения на то, что многие мужчины иудейского вероисповедания уклоняются от своего долга служить на передовой³⁵. В конце концов провели расследование с целью установить, сколько же евреев действительно принимают участие в войне. Результаты его никогда не были опубликованы. Существует мнение, что после того, как власти выяснили – немецкие евреи служат честно, было принято решение скрыть это, а не снимать с евреев ложные обвинения.

На самом деле немецких евреев в армии в пропорциональном отношении было не меньше, чем неевреев. Тем не менее настойчиво муссировался слух, что они каким-то образом манкируют своим долгом перед отечеством. Уже в 1920-е годы газета *Der Schild* публиковала материалы, компрометирующие и высмеивающие евреев. В частности, в одном из них сообщалось, что недалеко от линии фронта был обустроен полевой госпиталь для евреев, прекрасно оснащенный медицинским оборудованием и укомплектованный исключительно сотрудниками-евреями. И вот в него доставили первого пациента, вопящего от боли, потому что ему на ногу упала пишущая машинка³⁶...

Не первый раз в истории на евреев была возложена роль козлов отпущения. Вальтер Ратенау, крупный еврейский промышленник и политик, пророчески писал другу в 1916 году: «Чем больше евреев погибнет на фронте в эту войну, тем более упорно их враги будут доказывать, что они все прятались в тылу и занимались военными спекуляциями. Ненависть возрастет вдвое, если не втрое»³⁷.

Обстоятельства, при которых для Германии завершилась Первая мировая, предоставили антисемитам еще больше возможностей возложить всю вину на евреев. Во-первых, потому, что после перемирия, заключенного в ноябре 1918-го, начались волнения социалистического толка. Газета *Ruhr-Echo* заявляла, что скоро над всей Германией торжествующе взметнется красный флаг. «Германия должна стать советской республикой и, в союзе с Россией, трамплином для грядущей победы мировой революции и социализма во всем мире»³⁸. В апреле 1919 года революционеры провозгласили создание Баварской советской республики. Коммунисты во главе с Евгением Левине попытались установить жесткий социалистический режим в Мюнхене: экспроприировали дорогие дома у их владельцев, чтобы предоставить жилье беднякам. В достижении своих целей они применяли силу. 30 апреля были расстреляны десять заключенных. В мае 1919 года отряды фрайкора – полувоенных патриотических формирований правого толка – прошли маршем по Баварии, вступили в Мюнхен и нанесли поражение коммунистам. В результате кровавой мести убиты были более тысячи революционеров.

Да, среди видных коммунистов-революционеров были евреи, и многие молодые люди, такие, как Фридолин фон Шпаун, вступивший в фрайкор сразу после окончания Первой мировой войны, очень просто оправдали свой антисемитизм, увидев прямую связь между комму-

низмом и евреями. «Те, кого послали в Баварию устанавливать советский режим, почти поголовно оказались евреями, – пишет фон Шпаун. – Естественно, мы также знали, что в России евреи стали очень влиятельными. Поэтому в Германии постепенно сложилось представление, что большевизм и иудаизм – практически одно и то же»³⁹.

Евреев обвиняли не только в попытке устроить в Германии коммунистическую революцию. Им ставили в вину и поражение в войне, и разрушение прежнего политического режима во главе с кайзером, и согласие с условиями ненавистного Версальского мирного договора, и участие в Веймарском правительстве, которое способствовало гиперинфляции начала 1920-х годов.

Антисемиты указывали на участие евреев во всем этом и многом другом. Они, например, напоминали, что Веймарскую конституцию написал юрист еврейского происхождения Гуго Прейсс, председателем независимой социал-демократической партии в 1919 году был политик еврейского происхождения Гуго Гаазе, министр юстиции еврей Отто Ландсберг отправился в Версаль и слушал все требования победивших союзников относительно мирных соглашений, промышленник еврейского происхождения Вальтер Ратенау не только работал в военном министерстве во время войны, но и стал министром иностранных дел в Веймарской республике.

Все это правда. И тем не менее полностью картину данные факты не отражают. Абсурдно возлагать персональную ответственность на политиков-евреев за коллективные решения, в которых они лишь принимали участие. Любая попытка «обвинить» этих конкретных людей при внимательном рассмотрении проваливается. Да, Гуго Прейсс действительно участвовал в составлении Веймарской конституции, но окончательная версия принадлежит не ему и содержит положения, против которых он яростно возражал. Действительно, Отто Ландсберг слушал все требования, которые выдвигали союзники в Версале, но антисемиты не говорят о том, что он подал в отставку, чтобы не подписывать договор. Что касается Гуго Гаазе и Вальтера Ратенау, то вскоре после войны оба были убиты (один в 1919-м, другой в 1922 году), и вряд ли могут нести ответственность за политические промахи Веймарской республики.

И все-таки предубежденность «работает» только тогда, когда одни факты игнорируются, а другие преувеличиваются. Многие немцы не анализировали свои эмоциональные реакции на плачевное положение, в котором они оказались. Миллионы из них голодали из-за морской блокады Германии, организованной союзниками, – блокады, которая сохранялась до лета 1919 года с целью оказать давление на новое правительство в подписании условий мирного договора. Немецкое общество также страдало от последствий эпидемии инфлюэнцы 1918 года – она унесла очень много жизней. С учетом всех этих факторов и страха перед грядущей коммунистической революцией немалое число людей обратилось к антисемитизму как удобному способу объяснить свои несчастья. В частности, Теодор Эшенбург, которому в конце войны исполнилось 14 лет, вспоминает, что у его отца внезапно проявился расовый антисемитизм, которого прежде не было. «Мировая революция, мировая банковская система, мировая пресса – кругом одни евреи»⁴⁰.

Именно на этом фоне проигранной войны и огромного недовольства на юге Германии зародилась новая политическая сила – Национал-социалистическая немецкая рабочая партия. Или нацизм.

Глава 2

Рождение нацизма (1919–1923)

Рождению нацистской партии способствовали фундаментальные изменения политической обстановки в Германии. Для немецких антисемитов евреи стали не просто виновниками еще больших проблем, чем до войны, – их ненависть обрела совершенно новое направление.

В 1912 году лидер пангерманистов Генрих Класс возвестил о грядущей атаке на евреев в книге «Если бы я был императором». Класс полагал, что перемены, к которым он призывал, возможны в рамках существующей политической системы, во главе которой стоял кайзер. Но в 1919-м вообразить, чтобы лидер антисемитов озаглавил новую атаку на евреев «Если бы я был президентом Веймарской республики», уже было нельзя. Дело в том, что правительство больше не рассматривалось как средство для решения «еврейской проблемы» – его само считали частью проблемы.

На фоне всех этих недовольств махровым цветом расцвели антисемитские объединения. Наиболее влиятельным среди них был Немецкий народный союз обороны и наступления (*Deutschvölkischer Schutz- und Trutzbund*), основанный в феврале 1919 года. К 1922-му он насчитывал 150 000 членов, и каждый подписывался под программой, призывающей к ликвидации еврейского разлагающего, подстрекательского влияния¹.

Бавария стала родиной целого ряда радикальных антисемитских объединений. В частности, Группа изучения германской древности (общество Туле), базировавшаяся в Мюнхене, требовала, чтобы каждый ее новый перспективный член дал клятву, что в его венах или венах его жены не течет ни капли еврейской либо «цветной» крови². Основателем общества Туле считается Рудольф Фрайер фон Зеботтендорф – один из видных немецких оккультистов. Ко времени окончательного поражения немецкой армии в ноябре 1918 года его взгляды приобрели поистине апокалиптическое звучание. Он провозглашал: «...отныне правит наш смертельный враг – Иуда. Мы еще не знаем, что вырастет из этого хаоса. Можно только догадываться. Грядет время борьбы, тяжелых испытаний, опасное время! Мы, участники этой борьбы, все в опасности, ибо враг ненавидит нас со всей бесконечной ненавистью еврейской нации. Теперь – око за око, зуб за зуб... Братья и сестры! Сейчас не время для глубокомысленных речей, собраний и торжеств! Сейчас время борьбы, и я хочу и буду бороться! Бороться до тех пор, пока не взойдет триумфально свастика. Настало время говорить о германском рейхе, настало время сказать, что еврей – наш смертельный враг»³. Остается только напомнить, что свастика была символом общества Туле.

Второй знаковой фигурой Группы изучения германской древности был 50-летний драматург Дитрих Эккарт – человек, оказавший очень большое влияние на 30-летнего Адольфа Гитлера. Эккарт, являвшийся убежденным антисемитом, больше всего прославился адаптацией пьесы Генрика Ибсена «Пер Гюнт», которую изменил так, что все тролли выглядели карикатурными евреями⁴. В другой своей пьесе – «Отец семейства» – Эккарт поведал историю смелого журналиста, пытающегося разоблачить коррупционное влияние евреев на прессу: он пишет пьесу, дабы предупредить публику об опасности, которую представляют евреи, но те используют свое влияние, чтобы провалить премьеру. Дальнейшие события могли бы показаться смешными, если бы все не было так грустно... Пьеса Эккарта о неудачливом драматурге, чье творение провалилось из-за влияния евреев, провалилась сама. Автор обвинил в этом – вполне предсказуемо – евреев⁵. Для Эккарта еврейский вопрос лежал в основе всех

прочих вопросов. «Все на свете стало бы понятно, если бы удалось пролить свет на эту тайну»⁶. Более того, писал он, ни один народ на земле не позволил бы существовать евреям, если бы мог понять, сколь они опасны. «Если бы они внезапно увидели, что такие евреи и чего хотят, они бы завопили от ужаса и передумали бы их всех немедленно»⁷.

Эккарт поддерживал небольшую политическую группу в Мюнхене, которая называлась Немецкая рабочая партия и была достаточно тесно связана с обществом Туле. Так между ним и Гитлером установились особые отношения. 12 сентября 1919 года, за неделю до того, как Гитлер написал то самое письмо, объяснявшее его антисемитизм, он посетил собрание партии в мюнхенской пивной. Немецкая рабочая партия была одной из небольших баварских политических группировок и отличалась крайне правыми взглядами. Все ее члены придерживались одного мнения: немецкие солдаты проиграли войну, потому что получили удар ножом в спину от еврейских спекулянтов, орудовавших в тылу, евреи были зачинщиками и коммунистической революции, и ненавистной веймарской демократии. На этом собрании на Гитлера обратил внимание председатель партии, железнодорожный механик Антон Дрекслер. Он высоко оценил ораторские способности Гитлера и предложил ему вступить в организацию.

Впрочем, в следующие месяцы наибольшее влияние на развитие Гитлера оказал именно Дитрих Эккарт. Парадоксально, но Эккарт особенно высоко оценил те качества Гитлера, за которые фронтовые друзья Адольфа считали его несколько странным⁸. Нетерпимость, социальная неадекватность, неспособность вести разговор спокойно и абсолютная уверенность в своей правоте – все это, по мнению Эккарта, было позитивными качествами. Есть все основания злиться по поводу поражения немцев в войне – в этом нет ни малейших сомнений, и Гитлер это чувство персонифицировал. А в сочетании с экстремистскими взглядами на то, кто виновен в сложившейся ситуации, это были те слова, которые хотели услышать сбитые с толку мюнхенцы. Кроме того, участие Гитлера в войне рядовым солдатом, который заслужил Железный крест за храбрость, выделяло его из старой элиты – вождей, столь явно предавших народ. «Толпу нужно напугать до смерти, – говорил Эккарт. – Я не могу использовать офицеров; народ их больше не уважает. Лучше всего подошел бы рабочий, у которого хорошо подвешен язык... Ему не нужно быть интеллигентом; политика – самое тупое занятие на свете»⁹. Все это способствовало пророческому высказыванию Эккарта о Гитлере: «Это – грядущий человек Германии; настанет день, когда весь мир будет говорить о нем»¹⁰.

Что касается Гитлера, его отношение к Эккарту действительно было особым. Пожалуй, можно сказать, что Адольф Гитлер почти боготворил его. Впоследствии он говорил о себе, что, когда впервые встретился с Эккартом, в интеллектуальном смысле был попросту младенцем. «Но утешало то, что даже у него все это возникло не само по себе – все в его работе было результатом терпения и интеллектуальных усилий»¹¹. Гитлер не скупился на комплименты: «Эккарт сияет в наших глазах как Полярная звезда»¹².

До того как Эккарт в декабре 1923 года умер от сердечного приступа, эта странная пара – лысый, рано постаревший и много пьющий драматург и неуклюжий, так сказать, социально неловкий бывший солдат – пережила много совместных приключений. Некоторые их сомнительные эскапады обрели чуть ли не мистический статус. В частности, есть утверждения, что в марте 1920 года они отправились на аэроплане в Берлин, дабы попробовать установить контакт с революционерами правого толка, которые только что свергли правительство в ходе так называемого Капповского путча – мятежа, предпринятого консервативными силами против правительства Веймарской республики. Погода была плохой, и перелет оказался тяжелым (Гитлера нещадно тошнило). В Берлине они изображали предпринимателя и его помощника. Для более эффективной маскировки у Адольфа даже была накладная борода. Явившись в отель «Адлон», где располагалась штаб-квартира Вольфганга Каппа, вождя этого краткосрочного путча, Гитлер и Эккарт слышали от его секретаря, что того нет на месте. «Предприниматель»

внимательно посмотрел на секретаря и сказал «помощнику», что они немедленно уходят – этот человек явно еврей. Впоследствии Гитлер заметил, что не сомневался в провале Капповского путча, потому что «секретарь правительства Каппа... оказался евреем»¹³.

За три недели до этого предполагаемого неудачного визита в Берлин Немецкая рабочая партия, уже переименованная в Национал-социалистическую немецкую рабочую партию (*Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei, NSDAP* – НСДАП), в мюнхенском пивном ресторане «Хофбройхаус» огласила 25 пунктов своей партийной программы. Четвертый пункт, написанный Гитлером и Антоном Дрекслером, гласил: «Гражданином Германии может быть только тот, кто принадлежит к немецкой нации, в чьих жилах течет немецкая кровь, независимо от религиозной принадлежности. Таким образом, ни один еврей не может быть отнесен к немецкой нации, а также являться гражданином Германии»¹⁴. Предпоследний пункт программы подчеркивал антисемитскую направленность политики партии и утверждал, в частности, что она «борется с еврейско-материалистическим духом внутри и вне нас».

На протяжении следующих лет Адольф Гитлер проповедовал свои антисемитские взгляды на бесконечных митингах и собраниях НСДАП. Он говорил, что «решение еврейского вопроса – главная задача национал-социалистов... И решить его можно только грубо, силой»¹⁵. Кроме того, Гитлер заявлял: «...еврей разрушает и должен разрушать, потому что начисто лишен представлений о деятельности, которая служит на пользу обществу»¹⁶. Он настаивал: «...невозможно никакое спасение до тех пор, пока носитель этого разобщения, еврей, не будет лишен возможности причинять вред»¹⁷. Гитлер винил евреев в том, что они принесли в Германию демократию: «...демократия глубоко чужда немцам; это еврейское изобретение»¹⁸, и повторял традиционную антисемитскую выдумку о том, что евреи – нация воров. «Он [еврей] не основал ни одной цивилизации, зато разрушал цивилизации сотнями. Он ничего не создал сам из того, чем обладает»¹⁹.

Адольф Гитлер обращал внимание слушателей на то, что такого понятия, как «хороший еврей», не существует. Индивидуальные действия и достижения не имеют никакого значения. Для Гитлера не имело значения, порядочный человек конкретный еврей или нет. Он несет в себе черты, которыми наделила его природа, и не в состоянии от них избавиться. «И для нас он вреден»²⁰. Для будущего вождя Третьего рейха решение об эмансипации евреев было равноценно приступу белой горячки, потому что равенство предоставлено народу, который «явно и безусловно является чуждой расой»²¹. Официальной политикой НСДАП стало лишение гражданства немецких евреев, но в статье, опубликованной в марте 1921 года в газете *Völkischer Beobachter*, приобретенной нацистской партией с помощью Дитриха Эккарта, Гитлер пошел дальше и заявил: для защиты Германии евреев нужно изолировать от общества. «Еврейское подрывное влияние на наш Volk должно быть предотвращено, – писал он, – при необходимости путем заключения зачинщиков в концентрационные лагеря. Короче, наш Volk должен быть очищен от всего этого яда сверху донизу»²².

Радикальный гитлеровский антисемитизм очевиден даже на столь раннем этапе существования нацистской партии, но из этого напрямую не следует, что все, кто вступал в НСДАП в то время, испытывали аналогичные чувства к евреям. Для некоторых, подобных Эмилю Кляйну, главными стимулами были в первую очередь разочарование от поражения в войне и страх перед коммунистической революцией. «Мы были поколением детей войны, – говорит Кляйн. – Мы видели, как призывали наших отцов. Мы видели их в гирляндах цветов на железнодорожных станциях, когда они уезжали во Францию. Мы видели плачущих матерей, которых они оставляли»²³. Затем, после возвращения отцов с проигранной войны, в 1919 году, во время мюнхенского коллапса, сверстники Эмиля вдруг увидели красные флаги. «Пришли

коммунисты, они обстреливали весь город со своих грузовиков и разбрасывали листовки. Они агитировали за свою партию и революцию лозунгом “Пролетарии всех стран, соединяйтесь!”».

Путь Эмиля Кляйна к антисемитизму пролегал через якобы существующую связь между коммунизмом и иудаизмом. «Я смотрел на все это в то время и понял, что те, кто наверху [в период мюнхенской “советской республики”], – преимущественно образованные евреи. Во всяком случае, их было много. В Баварии чувствовалась огромная обида на то, что тон задают евреи. Так появилось выражение “еврейская республика”». Масштабы антисемитизма Кляйна, попавшего под влияние риторики нацистской партии, расширились, и он пришел к убеждению, что евреи в ответе не только за коммунизм, но и за все язвы капитализма в целом. Эмиль считал, что борьба против еврейства, прописанная в программе нацистской партии, – это борьба не только против евреев как таковых, но и против международной финансовой аристократии, финансовой власти еврейства. Следовательно, не против евреев как личностей, но против капитализма, который произрастает из еврейства, то есть с Уолл-стрит. «Уолл-стрит упоминался всегда».

Впрочем, Гитлер сделал намного больше, чем просто объяснил сторонникам нацистов – во всех проблемах Германии виноваты евреи. Он учил ненависти, но тем не менее давал надежду. Адольф Гитлер рисовал картину новой Германии, в которой исчезнут классовые различия и все «арийские» немцы объединятся в едином национальном сообществе. Эмиля Кляйна привлекала идея, что нацистская партия «хочет стереть классовые различия, при которых рабочий класс – здесь, буржуазия – тут, а средний класс – там. Существовали глубоко укоренившиеся представления, которые разделяли нацию на две части, и это было для меня очень важно, мне нравилась мысль, что нация должна стать единой»²⁴.

Ютта Рюдигер, которая позже возглавит нацистскую организацию Союз немецких девушек (Der Bund Deutscher Mädel), тоже хотела видеть единое немецкое общество: «Тот факт, что на первом месте семья, затем клан, затем сообщество, затем нация, а затем Европа, был не туманной концепцией, а идеей, основанной на семейных ценностях... Концепция представляла настоящее бесклассовое общество без каких-то различий, в то время как прежние молодежные движения, и в первую очередь это касается бойскаутов, состояли преимущественно из старшекласников – выходцев из обеспеченных семей, а дети рабочих в основном были предоставлены сами себе. Мы объединили молодых рабочих и молодых учащихся в одно целое. Между ними не было никаких различий, и никто не спрашивал, чем занимается твой отец»²⁵.

Суть идеи, о которой говорит Рюдигер, хорошо отражается в одном эпизоде, который произошел после того, как нацисты пришли к власти. «Дело было незадолго до Рождества, все занимались сбором денег, особенно активно – в День национальной солидарности, как это тогда называлось¹. Принимали участие ведущие члены партии, министры, промышленники. Они находились на улице под дождем и ветром. К одному из немецких фабрикантов подошел богатый иностранец и спросил, зачем он стоит на холоде, призывая прохожих пожертвовать мелочь, если может просто положить тысячу марок в банку. Промышленник обернулся к Ютте и сказал: “Они просто ничего не понимают”».

Бруно Хенель, вступивший в нацистскую партию в начале 1920-х годов, тоже проникся идеей национального единства (*Volksgemeinschaft*). «Это просто означает, что в немецком обществе всегда были два различимых слоя – буржуазия и пролетариат, – говорит он. – Для того чтобы преодолеть разрыв, нужно было сформировать национальное единство, дабы и интеллектуалы, и трудящиеся объединили свои силы. Национальное единство выражалось в прекрасной фразе нашей партии, которую, думаю, все повторяли непрестанно: “Интересы

¹ Союз немецких девушек наряду с другими собирал деньги в рамках кампании «Зимняя помощь немецкому народу» (*Winterhilfswerk des Deutschen Volkes*), пиком которой был День национальной солидарности. – *Примеч. авт.*

общества – прежде всего”. И это означало, что мы не просто национал-социалисты, а национально мыслящие социалисты»²⁶.

Как много позже тайно записал один высокопоставленный немецкий офицер, находившийся во время войны в плену у британцев, «...кое-что останется вечно. Сохранится на протяжении сотен лет. Не дороги, построенные нацистами, – они не имеют значения. Но сохранится то, как было организовано государство, в особенности – включение трудящихся в управление государством. Гитлер нашел место в государстве для трудящегося. Никто до него этого не делал... Принцип, согласно которому каждый трудится на общее благо, идея о том, что промышленник на самом деле – доверительный собственник капитала, созданного немецким трудом, и другого капитала, звучат очень просто, но никому раньше этого не удавалось...»²⁷.

Тем не менее сторонники нацистов, поддерживающие идею бесклассового общества, не могли не поддерживать и другую, более мрачную. Дело в том, что Гитлер учил, что новая, бесклассовая, жизнь станет возможна только после того, как представители другой нации будут исключены из общества истинных немцев. «Мы говорим себе, – заявлял он, – что нет такого понятия, как классы: их не может быть. Класс означает касту, а каста означает нацию»²⁸. Мысль о бесклассовой Германии возникала, и Гитлер об этом особенно заботился, из признания идеи, что нация – наиважнейшее качество. Таким образом, евреи представляли собой помеху для Германии, в которой всех объединит нацистский идеал бесклассового мира. Это евреи мешали немецкому счастью и процветанию. Если их «власть» каким-то образом не нейтрализовать, не будет никакого прогресса, никакого выхода – выбраться из трясины не удастся. В сентябре 1922 года Гитлер в своем выступлении сформулировал, в чем причина тяжелого положения Германии: «Мы в Германии пришли к следующему: шестидесятимиллионный народ видит свою судьбу – подчиняться воле нескольких дюжин еврейских банкиров»²⁹.

Разумеется, НСДАП была не единственной организацией, продвигавшей как антисемитские, так и националистические идеи. До 70 группировок, перечисленных в *German Völkisch Yearbook* 1921 года, полагали, что лишение евреев немецкого гражданства придаст *Volk* новую силу³⁰. Одна из них, небольшая Немецкая социалистическая партия (*Deutschsozialistische Partei*), базировавшаяся во Франконии, на севере Баварии, в 1920-м стала выпускать свою газету. В первом номере была напечатана статья, призывавшая социалистов переходить на крайне правые позиции, аргументируя это тем, что партии левого толка, объявляя войну против капитала, даже против крупных еврейских денежных займов, на самом деле оплачиваются евреями: «Неужели вы правда думаете, что Ротшильды, Мендельсоны, Бляйхредеры, Варбург и Коны могут подпустить вас к своим источникам денег? В конце концов, хватит верить во всякую ерунду! До тех пор пока кровные братья Мендельсонов, Бляйхредеров и Конов являются вашими капитанами и до тех пор пока вашими бригадирами остаются торговцы-евреи, вы не представляете опасности для толстосумов. До тех пор пока вы сами не станете лидерами, до тех пор пока над вами нависает мрачная тень чужаков, вас будут соблазнять и обманывать. Черный чужак заинтересован в своей собственной прибыли, а не в вашей»³¹.

Автором этой статьи был 36-летний школьный учитель, ветеран Великой войны, который позже сыграет важную роль в разжигании антисемитизма в Германии. Речь идет о Юлиусе Штрейхере. Как и Гитлер, Штрейхер заслужил на войне Железный крест, но, в отличие от будущего фюрера, он был уроженцем Германии, а не Австрии. Штрейхер вырос в окрестностях Аугсбурга, в Юго-Западной Баварии. В его школьные годы этот регион значительно изменился: численность населения увеличилась, в частности, за счет нескольких тысяч переселившихся туда евреев. Штрейхер возводит начало своей нелюбви к ним к инциденту, который, по его словам, произошел, когда ему было пять лет. Мать Юлиуса купила кусок материи в еврейской лавочке. Дома оказалось, что ткань невысокого качества. Мать залилась слезами и сказала, что такое жульничество типично для евреев³².

Осенью 1921 года Штрейхер вступил в Объединение немецких предприятий (*Deutsche Werkgemeinschaft*), и его нападки на евреев стали более яростными и более персонифицированными. Он заявлял, что евреи в Нюрнберге похищают и убивают христианских младенцев, дабы добавлять их кровь в мацу – ритуальный хлеб своего праздника Песах. Эта же самая «кровавая клевета» была использована для инициации еврейского погрома в Кишиневе почти 20 лет назад... 5 сентября 1922 года в суде Швайнфурта в обвинении за разжигание религиозной розни привлеченный к делу эксперт констатировал, что Штрейхер ставит евреям в вину то, что они до сих пор сохраняют практику ритуальных убийств. «Он [Штрейхер] ссылался на Восток, где во время мировой войны служил офицером, и объяснял, что там открыто говорят о ритуальных убийствах, совершаемых евреями. Он добавил, что в Германии накануне Песаха ежегодно таинственным образом исчезает сотня младенцев, и задал вопрос: “Куда деваются эти дети?”»³³

В другом выступлении 1922 года Штрейхер заявил: «Не будет преступлением, если однажды мы все поднимемся и прогоним евреев к черту... отомстим этим ублюдкам за их ложь»³⁴. Он также утверждал, что евреи подтвердили свое «...желание несчастий Германии и что если бы немецкий народ узнал содержание секретных договоров военного времени, он бы уничтожил всех евреев»³⁵.

Риторика Штрейхера была популярна у определенных групп, но она же становилась и причиной конфликтов. По крайней мере одно собрание пришлось прекратить после того, как оратор распалил аудиторию до такой степени, что началась драка. Даже руководство Объединения немецких предприятий критиковало Штрейхера за его выходки. Всем было ясно, что он агрессивный и потенциально опасный человек, одержимый ненавистью к евреям и «чужим» нациям. И тем не менее Штрейхер оказался как раз тем, кого Гитлер захотел увидеть в рядах нацистской партии. Вспоминая об этом периоде почти 20 лет спустя, Гитлер заметил, что Дитрих Эккарт неоднократно говорил ему, что Штрейхер сумасшедший. Но, продолжил Гитлер, Эккарт всегда добавлял, что невозможно надеяться на победу национал-социализма, не оказав поддержку таким людям, как Штрейхер³⁶.

В том же 1922 году Юлиус Штрейхер отправился в Мюнхен, где в первый раз слушал Гитлера. О своих впечатлениях он рассказал уже после окончания Второй мировой войны – на Нюрнбергском процессе: «Сначала медленно, едва слышно, затем быстрее и более энергично и, наконец, с ошеломляющей силой... Он открыл огромную сокровищницу мыслей в речи, длившейся более трех часов, облеченных во вдохновенные фразы. Это чувствовал каждый: человек говорит как избранник божий, как посланник небес в момент, когда ад угрожает поглотить все. И все его понимали – мужчины и женщины, душой или сердцем. Он обращался к каждому, ко всему немецкому народу. Около полуночи его речь завершилась вдохновляющим призывом: “Трудящиеся, работники физического труда и служащие! К вам протянута рука активного участия общества немецкого народа!”»³⁷

Так или иначе, Штрейхер решил, что ему судьбой предназначено служить Адольфу Гитлеру. На самом деле сие было почти религиозное обращение. «Я видел этого человека вскоре после полуночи, – говорил он на Нюрнбергском процессе, – после того, как он говорил три часа, мокрого от пота, но сияющего. Мой сосед сказал, что увидел нимб над его головой, и я испытал нечто, выходящее за рамки обыденного»³⁸. Вскоре после этого Штрейхер убедил своих сторонников вступить в нацистскую партию и признать лидерство Адольфа Гитлера. В 1923 году он начал издавать антисемитскую газету *Der Stürmer* («Штурмовик») и продолжал руководить этим листком ненависти до конца Второй мировой войны.

Примерно в это же время Гитлер привлек в партию и других людей, которые впоследствии станут ведущими фигурами нацистского движения. Эрнст Рем, Герман Геринг, Ганс Франк, Рудольф Гесс – все они и многие другие решили примкнуть к Гитлеру в начале 1920-х.

Одни были молоды и впечатлительны, другие, в частности Рем и Геринг – циничные ветераны проигранной войны, все повидали и ничему не удивлялись. Эти двое, кстати, имели офицерские звания и были удостоены боевых наград. Теперь, после поражения Германии, у них на выбор было немало партий, вступив в которые можно было бы реализовать свои цели, и тем не менее оба решили подчиниться бывшему ефрейтору – Адольфу Гитлеру.

Очевидно, это произошло и потому, что они стали свидетелями силы его ораторского искусства. Рем и Геринг поняли, как Гитлер может привлекать на свою сторону новых людей, того же Юлиуса Штрейхера, но не менее важно и то, что они разделяли его взгляды. В том, что касается политики новой партии, Гитлеру ни в чем не пришлось их убеждать, хотя то, что он предлагал, по большей части в своих выступлениях, представляло собой сплав четкости идей и обещаний использовать для их реализации радикальные методы.

Все это подкреплялось абсолютной уверенностью, с которой Гитлер произносил свои речи. Он излагал причины, по которым Германия якобы оказалась в бедственном положении, а затем сообщал аудитории, что эти трудности должны быть преодолены. Никаких дебатов, никаких дискуссий. Уверенность Гитлера в собственной правоте была настолько велика, что подавляла любые сомнения. Профессор Карл Александер фон Мюллер видел, как он выходил на трибуну во время митинга в Мюнхене в 1923 году. До этого фон Мюллер пару раз встречался с лидером нацистской партии в частных домах, но теперь перед ним стоял другой человек. «Удлиненное, бледное лицо было словно сведено спазмом внутренней ярости, – писал позже профессор. – В выпуклых глазах горело холодное пламя, взгляд словно искал врага, которого следует победить. Может, толпа придавала ему столь мистическую силу? Или она распространялась от него на людей? “Фанатический, истерический романтизм в сочетании с brutальной силой воли”, – отметил я. Такого человека мог выдвинуть убогий средний класс, но он не был одним из них. Он, безусловно, являлся выходцем из совершенно иных глубин мрака»³⁹.

Многие сторонники националистического движения мечтали о том, чтобы появился тот, кто предложит, как выйти из тупика. «Человек! Поступок! *Volk* и высший совет жаждут! Человека! Поступка!»⁴⁰ – так писал в 1907 году поэт Стефан Георге – один из пророков национал-социализма. Похоже, Гитлер оказался готов откликнуться на прозвучавший призыв. Бруно Хенель, сторонник нацистов, говорит: «Нашей целью было найти сильного человека, который должен принимать решения, и у нас появился такой сильный человек»⁴¹.

Адольф Гитлер уже стал бесспорным лидером нацистского движения. В меморандуме, написанном в январе 1922 года, он определил ошибки предыдущих лидеров националистов. Эти люди хорошо образованны, но фантастически наивны, и у них не было горячего дыхания молодой энергии нации. Гитлер считал, что движению нужно придать «...мощную движущую силу упрямых драчунов»⁴². И он нашел такую силу у Штрейхера, Рема и Геринга. Это были люди борьбы и действий, как говорил будущий фюрер, – именно такие нужны партии.

Таким образом, Адольф Гитлер не только предложил расистское и антисемитское мировоззрение, не только проанализировал, почему Германия проиграла в войне и теперь проигрывает в мире, не только дал обещание построить бесклассовое общество. Он предложил путь, который был рассчитан на молодежь, – возбуждающий, опасный, яркий. «Старые партии учили молодых болтовне, – сказал Гитлер в июле 1922 года. – Мы предпочитаем учить их развивать физическую силу. Ибо говорю вам: если юноша не может найти свою дорогу туда, где в последней надежде наиболее верно решается судьба его народа, если он занимается философией в такое время, как наше, погружается в книги или сидит дома у камина, он – не немецкий юноша! Я призываю вас! Вступайте в штурмовые отряды!»⁴³

Этим же летом молодой студент сельскохозяйственного отделения Высшего технологического училища при Мюнхенском университете Генрих Гиммлер пытался определить для себя смысл жизни. В ходе поиска он воспринял многие идеи крайне правого толка. Однако

Гиммлера не привлекали люди типа грубого, эмоционального антисемита Юлиуса Штрейхера. Он, напротив, предпочитал псевдонаучный анализ, содержащийся в трудах Хьюстона Стюарта Чемберлена. Тот написал «Основы девятнадцатого века» в стиле объективном, не полностью пропитанном ненавистью антисемитизма⁴⁴. Молодой Гиммлер полагал, что может иметь дело с отдельными евреями на уровне профессии, сознавая при этом, что с расовой точки зрения они представляют угрозу. В частности, в январе все того же 1922 года он встречался с юристом-евреем и охарактеризовал его в дневнике как чрезвычайно дружелюбного и доброго человека, который тем не менее не может скрыть свое еврейство, поскольку оно у него в крови⁴⁵. Гиммлер также одобрял жестокое отношение к евреям, которые, по мнению фанатичных националистов, вредят Германии. В июне 1922-го, узнав об убийстве министра иностранных дел Германии, еврея Вальтера Ратенау, Гиммлер записал в дневнике: «Я рад... он был негодяем»⁴⁶.

Как многие из тех, кто не принимал участия в Великой войне, Генрих Гиммлер хотел показать, что может быть храбрым бойцом. Послушав в Мюнхене выступление генерала, который в 1919 году сражался на Балтике против большевиков, он сделал в дневнике такую запись: «Теперь я более чем когда-либо уверен, что, если начнется новая кампания на востоке, я приму в ней участие. Восток для нас важнее всего. Запад попросту умирает. Нам нужно завоевывать и осваивать восток»⁴⁷. Эти слова оказались пророческими, учитывая то, что позже, во время Второй мировой, именно Гиммлер станет организатором геноцида на востоке.

Генрих Гиммлер, каким он представляется по дневникам того времени, – рефлексирующий юноша, который очень высокого мнения о себе, но тем не менее испытывает трудности в обращении с женщинами. Он считал, что относится к типу людей меланхолическому и строгому: «...такие необходимы в обществе, но, по моему мнению, обречены на неудачу, если в ближайшее время не обвенчаются, поскольку в нас очень сильна человеческая животная натура»⁴⁸. Будущий рейхсфюрер СС считал, что качества, которыми должен обладать каждый мужчина, – это честность, порядочность, справедливость. «Такой человек ничего не стесняется и не боится, а это трудно»⁴⁹. Как и у многих других, на карьеру Гиммлера негативно повлияли экономические проблемы 1922 года. Получив диплом агронома, он надеялся остаться в университете и далее изучать политологию, но осенью был вынужден поступить на работу в компанию, производящую удобрения. Это изменение в судьбе Гиммлера почти наверняка произошло вследствие бушующей в то время гиперинфляции – многие семьи, принадлежавшие к среднему классу, не смогли оплачивать обучение своих сыновей. С Гитлером Гиммлер еще не познакомился, но из-за своих убеждений, а также, конечно, сложившихся в его жизни обстоятельств был вполне расположен к тому, чтобы позитивно воспринять его идеи.

В те ранние годы нацизма Адольф Гитлер и его партия в первую очередь считали себя революционерами. НСДАП действительно формировалась в революционное время: коммунистические восстания в Берлине и Мюнхене в 1919 году, Капповский путч в 1920-м... К 1922-му Гитлер уже был готов не только говорить о насилии как пути к власти, но и вести в бой свои вооруженные формирования – штурмовиков, или коричневорубашечников (по аналогии с итальянскими чернорубашечниками – вооруженными отрядами Национальной фашистской партии в Италии после мировой войны). Изначально бывшие членами так называемой гимнастической и спортивной секции партии, штурмовики занимались охраной партийных сборищ. Ну и избивали политических оппонентов...

В октябре 1922 года НСДАП оплатила поезд, чтобы доставить около 800 человек в коричневых рубашках в Кобург, на север Баварии, где были очень сильны настроения левого толка. Гитлер намеревался спровоцировать в Кобурге столкновение, и это ему удалось. Штурмовики устроили массовые избиения социалистов на улицах, после чего объявили себя победителями. Теперь подлинная сущность нацистской партии уже стала ясна всем.

Как все революционеры, Адольф Гитлер совершенно не задумывался о том, насколько его идеи окажутся привлекательными для людей, которые пойдут к избирательным урнам. Он не переживал по поводу того, поддержит ли электорат политику нацистов, равно как и его собственное желание лишить немецких евреев гражданства, что, кстати, для будущего вождя нации было к лучшему, поскольку в то время не имелось никаких подтверждений, что большинство немцев разделяют его радикальные идеи. Национал-социалисты, не следует забывать, все еще были мелкой маргинальной партией, противостоящей значительным группам, которые с презрением относились к их антисемитским и расистским планам. Изучение распределения голосов пришедших в начале 1920-х годов на выборы показывает, что многие немцы голосовали за партии, не согласные с политикой антисемитизма⁵⁰. Нужно помнить и о том, что немало людей, как, например, Йозеф Фельдер, позже депутат рейхстага от социал-демократической партии, испытывали отвращение к речам Гитлера. Фельдер вспоминает, что однажды в начале 1920-х слушал одну его антисемитскую диатрибу, после чего сказал приятелю: «Надо надеяться, что этот человек никогда не придет к власти»⁵¹.

Тем не менее в 1922 году Гитлеру и его сторонникам показалось, что для успешной революции есть хорошие предзнаменования. В том же месяце, когда будущий фюрер вывел своих штурмовиков на улицы Кобурга, его, так сказать, коллега – революционер Бенито Муссолини – увидел своих чернорубашечников марширующими по улицам Рима, что привело к смене правительства. К концу октября 1922 года Муссолини стал премьер-министром Италии.

Тем временем в Германии нарастал экономический кризис. В начале 1923-го французские и бельгийские войска перешли границу Германии и оккупировали Рейнскую область. Оккупация – результат отказа Германии выплачивать репарации – была, что неудивительно, крайне непопулярна. Оказалось, что Веймарское правительство не в состоянии даже защитить границы страны... Кризис в немалой степени способствовал тому, что к ноябрю число членов НСДАП удвоилось и достигло 55 000 человек. Это один из первых признаков того, что движение процветало на бедствиях.

В сентябре 1923 года генеральным комиссаром Баварии – практически с диктаторскими полномочиями – был назначен Густав фон Кар. Гитлер надеялся, что Кар и немецкие войска, расквартированные в Баварии, поддержат национал-социалистов и другие вооруженные формирования правого толка в марше на Берлин. Он полагал: то, что помогло Муссолини в Италии, поможет и им в Германии! Вечером 8 ноября нацистские штурмовики сорвали встречу, которую проводил Кар в мюнхенском пивном зале «Бюргербройкеллер», а на следующий день прошли маршем по центру города. В этом мероприятии, позже ставшем известным как пивной путч, приняли участие многие из тех, кто впоследствии выдвинулся на ведущие роли в нацистской партии, в том числе Гиммлер (все еще не знакомый с Гитлером лично), Геринг и Штрейхер – все убежденные революционеры. В ходе марша по Мюнхену на углу у Фельдхернхалле (*Feldherrnhalle*) – «Зала баварских полководцев» в южной части площади Одеонсплац в районе Максфорштадт нацистов и их сторонников встретила полиция. Началась стрельба. Убиты были 16 штурмовиков и четверо полицейских.

Гитлер выступил в «Бюргербройкеллер» – он угрожал Кару, взятому здесь в заложники, и тот пообещал поддержать путч. Тем не менее, как только Кар оказался в безопасности, он перевел правительство в Регенсбург, издал приказ, в котором отказывался от всех заявлений, сделанных «под дулами пистолетов», и объявлял о роспуске НСДАП и штурмовых отрядов. К этому времени штурмовики под командованием Рема заняли штаб-квартиру сухопутных сил в военном министерстве, но ночью здание осадили регулярные войска, верные Кару. Гитлер неправильно оценил потенциальную готовность баварских властей правого толка поддержать его революцию. Запасного плана на тот случай, если мятежникам придется действовать самостоятельно, у него не было, но, несмотря на все это, ему удалось превратить унижительное поражение в пропагандистский триумф.

Адольф Гитлер был арестован и в феврале 1924 года предстал перед судом. Памятуя об изначальной поддержке Кара, высказанной им в «Бюргербройкеллер», и учитывая, что власти Баварии тоже определенным образом были втянуты в путч, Гитлер использовал зал суда как сцену, с которой объявил всему миру свои политические убеждения. Он заявил, что является разрушителем марксизма, совершенно не имел в виду государственную измену, а всего лишь хотел создать в Германии условия, при которых было бы возможно «железной рукой избавиться от всех наших врагов»⁵². Он не сожалеет о своих поступках, а гордится ими!

Гитлера признали виновным в государственной измене – с учетом выдвинутых против него обвинений никакой другой вердикт был невозможен. Тем не менее суд проявил снисходительность. Судья Георг Нейтхард был одной из многих ведущих фигур в баварских правящих кругах, которые симпатизировали целям нацистов. В результате Гитлер получил самое меньшее из возможных наказаний – пять лет тюрьмы с возможностью условно-досрочного освобождения.

Стремясь понять становление нацистской партии как революционного антисемитского движения, в этом эпизоде нужно обратить внимание не только на черты личности Гитлера (хотя это тоже важно), а скорее на ядовитую смесь обстоятельств, которые сделали возможной подобную ситуацию в Баварии. Время, конечно, было бурное, но все равно трудно понять, как в цивилизованном государстве смогли допустить возникновение такой политической организации во главе со склонными к насилию руководителями.

Да, на протяжении нескольких послевоенных лет немцы боролись с трудностями, которые представляли потенциальную опасность для их жизни. Гиперинфляция уничтожила сбережения. Веймарское правительство оказалось беспомощным перед лицом иностранной интервенции – особенно унижительным было появление французских и бельгийских войск на немецкой территории, в Рейнской области. Коммунисты-революционеры все еще представляли угрозу. Демократия принесла преимущественно хаос. И тут парадокс в том, что национал-социалистическая партия, проповедующая насилие, утверждала, что предлагает путь к стабильности. В результате поддержку ей высказало не так уж мало немцев.

И наконец, в период невероятных страданий Гитлер предложил утешение. «Послушайте! – звучало в подтексте всех его выступлений. – Вы не виноваты ни в одной из этих проблем». В течение следующих месяцев, проведенных в тюремной камере, Адольф Гитлер будет уточнять, кто, по его мнению, повинен во всех бедствиях немецкого народа и почему.

Глава 3

От революции к избирательным урнам (1924–1933)

Гитлер отбывал свой срок в Ландсберге, всего в 50 километрах от Мюнхена. Ландсберг – это тюрьма-крепость, но с относительно комфортными условиями содержания и даже возможностью посещения. Гитлеру они были разрешены, и впоследствии один из членов НСДАП вспоминал, что камера будущего лидера Третьего рейха напоминала ему гастроном: сторонники обеспечивали своего вождя и ветчиной, и колбасами, и пирожными, и шоколадом, и всем прочим¹.

В такой приятной обстановке, в компании своих товарищей, которые тоже принимали участие в путче, Гитлер работал над «Моей борьбой». Эта книга, написанная в грубой, гиперболизированной манере, тем не менее дает возможность понять основы мировоззрения ее автора. Конечно, «Моя борьба» – не программа Холокоста, Гитлер в ней не формулирует план уничтожения евреев, но откровенно излагает природу собственного антисемитизма. Он объясняет, более детально, чем в своих речах, почему ненавидит евреев. Эта ненависть воспринимается сегодня как продукт ума, настолько глубоко погрязшего в пучине предрассудков, что выглядит почти помешательством.

Тема евреев в книге доминирует. Не будет большим преувеличением сказать, что евреи – это клей, на котором держались личные взгляды Адольфа Гитлера, его кредо. Евреи были в этом смысле полезны Гитлеру с точки зрения и расчета, и смысла. Дело в том, что он полагал: великий вождь должен направлять борьбу только против одного врага². Это отчасти оправдано тем, пояснял Гитлер, что «восприимчивость масс очень ограничена, круг их понимания узок, зато забывчивость очень велика»³. Тем не менее тактическая выгода, которую он находил, связывая евреев со всеми проблемами Германии, не должна заслонять от нас тот факт, что будущий фюрер искренне верил в угрозу, которую представляют собой евреи. «Существуют ли виды мерзости или распутства, особенно в культурной жизни, без того, чтобы к ним не был причастен хотя бы один еврей? – писал он в «Моей борьбе». – Если аккуратно вскрыть такой нарыв, вы найдете, словно червя в гниющем трупe, ослепленного внезапным светом, – жида!»⁴

Адольф Гитлер не только пытался рассказать в своей книге о том, как устроен мир, но и поведал о собственном характере и развитии с юношеских лет. Мы уже отмечали сомнения, высказывавшиеся о том, до какой степени его антисемитские взгляды сложились за время жизни в Вене, но в «Моей борьбе» он однозначно утверждал, что беспощадное отношение к евреям стало результатом именно жизни в австрийской столице. В Вене, утверждал Гитлер, он возненавидел евреев по бесчисленному, несметному числу причин. Евреи грязные – «даже по внешнему виду можно было сказать, что среди них нет любителей воды»⁵; они коварные – «я просто не знал, чему удивляться: хорошо подвешенному языку или искусству лжи»⁶; они сутенеры – «отношение евреев к проституции и еще больше к торговле девушками можно наблюдать в Вене лучше, чем где бы то ни было в Западной Европе, за исключением, быть может, некоторых портов на юге Франции»⁷. И кроме того, они стоят за идеологией, которую Гитлер презирал больше всего, – «еврейское учение марксизма отвергает аристократический принцип рождения»⁸.

Будущий фюрер писал, что вел жаркие споры с евреями, пытаясь убедить каждого в опасности их «марксистского безумства». Безуспешно... «Как вы ни пытаетесь ухватить такого апостола, рука ваша как будто погружается в жидкую грязь. Грязь эта уходит сквозь пальцы

и тотчас же каким-то образом опять облегает ваши руки»⁹. Гитлер изображал себя во время пребывания в Вене политическим агитатором: «... в моем маленьком кругу я спорил с ними до хрипоты, до мозолей на языке в полной уверенности, что должен же я их убедить во вредности их марксистских нелепостей». В это утверждение трудно поверить, поскольку впоследствии никто не подтвердил, что принимал участие в подобных дискуссиях. Понять, зачем было Гитлеру формировать такой свой образ довоенного времени, нетрудно. В книге «Моя борьба» он создавал собственный миф – почти псевдорелигиозный трактат. Стадии его пробуждения, как изображал их Гитлер, были ясны и логичны. В Вене молодой человек фанатично возненавидел евреев потому, что увидел опасности, которые неотделимы от их происхождения. В годы мировой войны он узнал, каким образом евреи, роскошествующие в немецком тылу, сводят на нет все усилия храбрых солдат на передовой. Вскоре после завершения военных действий ему окончательно стала ясна собственная миссия: «... что касается меня, я решил заняться политикой»¹⁰.

На самом деле все было иначе. Во время пребывания в Вене и службы в немецкой армии Гитлер оставался маргиналом-одиночкой. Он никогда не проявлял интереса ни к карьере политика, ни к многочасовым спорам с евреями. В конце концов, Адольф Гитлер уже выбрал для себя стезю – он мечтал стать художником. Даже в первое послевоенное время, в полном противоречии с утверждениями из «Моей борьбы», будущий фюрер не проявлял никакого желания заниматься политикой. Он не вступил в военизированные отряды – фрайкор, а остался в армии – единственном доме, который у него был. Только летом 1919 года, после того, как Гитлер поступил на службу в армейскую просветительскую команду под началом капитана Карла Майра в Мюнхене, у него появился какой-то интерес к политике.

Проблема для Гитлера заключалась в том, что его истинная биография вовсе не была биографией героя. В реальности он был одним из многих молодых людей, удрученных событиями, которые не мог контролировать. Если бы не мировая война, он, надо думать, так и остался бы бедствующим художником, готовым продавать свои картины еврейским посредникам. Закончилась война каким-либо иным образом, Гитлер, скорее всего, не пошел бы в политику. Но он оказался достаточно сообразителен, чтобы понять – его подлинная личная история не привлечет ни одного потенциального сторонника. Адольфу Гитлеру нужно было показать, что он рожден для великих целей. Этому человеку необходимо было заявить, что он управляет событиями, а не подчиняется им.

Сказанное выше важно в контексте Холокоста, поскольку означает, что нельзя объяснить это преступление, утверждая, что Адольф Гитлер был каким-то образом обречен совершить его. То, что во время написания «Моей борьбы» у него уже сформировалась глубокая ненависть к евреям, – правда, но реальным толчком для подобных эмоций стал характер поражения Германии в ноябре 1918 года в сочетании с политической и экономической ситуацией в Баварии в послевоенный период. Данные обстоятельства также объясняют, почему многие оказались заворожены его выступлениями. До войны, когда Гитлер разглагольствовал в кругу знакомых о своих взглядах на искусство, его никто не хотел слушать. Теперь, говоря о политике, он легко устанавливал контакт со сторонниками, потому что они испытывали аналогичные эмоции и находились в плену таких же предрассудков.

Гитлер не просто высказывал перед теми, кто готов был – и хотел! – его слушать, взгляды, которые эти люди разделяли. Его антисемитские и расистские взгляды отличались таким экстремизмом, что оправдывали поведение его соратников в части расширения и укрепления их собственной ненависти. Когда Гитлер делал в «Моей борьбе» гиперболизированные заявления, например о том, что еврей был и остается типичным паразитом, тунеядцем, который, подобно вредоносной бацилле, распространяется, как только возникает благоприятная среда¹¹, он тем самым раздвигал границы существующих антисемитских взглядов других немцев и радикали-

зировав скрытых или «умеренных» антисемитов. Заразить ненавистью к евреям тех, кто пока не был ей подвержен, представляется гораздо более трудным. Как писал Олдос Хаксли, «пропагандист – это человек, который направляет в нужное русло уже существующий поток. Там, где воды нет, он будет копать зря»¹².

Наиболее радикальное утверждение Гитлера о евреях из «Моей борьбы» хорошо известно. «Если бы в начале и во время войны, – писал он, – двенадцать или пятнадцать тысяч еврейских развратителей народа попали под ядовитый газ, как это произошло с сотнями тысяч наших самых лучших немецких рабочих на поле боя, то жертвы миллионов на фронте были бы не напрасны. Напротив: вовремя уничтоженные двенадцать тысяч мерзавцев могли бы спасти жизни миллионам истинных немцев, ценных для будущего»¹³.

Обратим внимание: Адольф Гитлер недумственно заявил, что евреев следовало бы отравить ядовитым газом во время Первой мировой войны. И все-таки делать из этого вывод, что уже в тот момент он однозначно сложил в уме такую судьбу для всех евреев, было бы ошибочно. Конечно, прочесть невысказанные мысли Гитлера не представляется возможным, но сказать (с известной долей уверенности), что в то время он публично не выступал за уничтожение евреев, ошибкой не будет. Упоминая о ядовитом газе, Гитлер называет определенное число евреев, которые, по его мнению, саботировали военные устремления Германии. Свидетельств, что он хотел распространить такую практику на целые еврейские семьи и проводить массовое умерщвление евреев, нет. Политика национал-социалистической партии оставалась направленной на преследование евреев и лишение их немецкого гражданства – и на этой версии их будущего базируются все высказывания Гитлера в «Моей борьбе».

Тем не менее существует одна непосредственная причинная связь между взглядами, которые он выражал по поводу евреев в своей книге, и тем, что произошло позже. Гитлер полагал, что евреи, действуя в тылу, подорвали шансы Германии на победу в мировой войне, и был готов сделать все, чтобы им не удалось нечто подобное еще раз. «На совести этой нации преступников – два миллиона погибших в той войне, – говорил фюрер в частной беседе 25 октября 1941 года, спустя два года после начала Второй мировой, – а сейчас уже на сотни тысяч больше»¹⁴. С мыслью о том, что из событий Великой войны следует извлечь непосредственный урок, и этот урок легитимизирует Холокост, мы столкнемся позже.

Таким же образом, даже при том, что трудно поддержать утверждение, согласно которому Гитлер во время работы над «Моей борьбой» намеревался, в случае прихода к власти, проводить политику уничтожения всех евреев, нельзя сказать, что где-то в глубине души даже на этой стадии ему не хотелось бы, чтобы они исчезли. В своей книге будущий вождь Третьего рейха пишет, что если бы мог нажать кнопку, которая привела бы к полному исчезновению всех евреев в мире без каких-то последствий для него лично или для партии, он бы непременно это сделал. Это не означает, что у Гитлера уже был план убийства евреев; просто его ненависть к ним стала практически непреодолимой.

Оправдывая антисемитизм, Адольф Гитлер в «Моей борьбе» ссылаясь на традиционные предрассудки по отношению к евреям, существующие в христианстве. Он писал, что действует в согласии в волей Творца: «...защищая себя от еврея, я сражаюсь за дело Господа»¹⁵. Двумя годами ранее, выступая в Мюнхене, Гитлер был еще более откровенен в своей опоре на христианство: «Мое чувство христианина показывает мне моего Бога и Спасителя, как борца, – говорил он в апреле 1922-го. – Оно показывает мне человека, который, будучи некогда в одиночестве, окруженный лишь несколькими сторонниками, увидел этих евреев теми, кем они были на самом деле, и кто – истинный Бог! – был велик не как страдалец, а как борец»¹⁶.

Тот исторический факт, что Иисус родился евреем, очевидно, сильно мешал нацистам, но широко распространенная идея Хьюстона Чемберлена о том, что Иисус был не евреем, а арийцем, помогла преодолеть это затруднение. Теоретик нацизма Альфред Розенберг в книге

«Миф XX века» развернул идею Чемберлена и предложил «позитивное христианство» – утверждение христианской церкви, свободной от «еврейского» влияния, с Иисусом, происходящим от нордического предка.

И все-таки собственное отношение Гитлера к христианству было сложнее, чем кажется на первый взгляд. Если в 1922 году он откровенно заявил, что является христианином, то мотив, стоящий за этим утверждением, почти наверняка прагматичен, если не сказать циничен, поскольку будущий фюрер хорошо понимал, что рискует оттолкнуть многих сторонников, если объявит себя неверующим. Он говорил: «Мне нужны как баварские католики, так и прусские протестанты, чтобы создать могущественное политическое движение. Все остальное придет позже»¹⁷.

Важно отметить, что через два года после написания «Моей борьбы» Адольф Гитлер уже не говорил, что является христианином. Вместо этого он сделал двусмысленное заявление, что действует в согласии с Творцом всемогущим и сражается за дело Бога. Христианин, прочитавший эти строки, мог предположить, что Бог в данном случае – Иисус, но слова Гитлера можно истолковать и так, что он верит в нехристианского Бога-творца, который предоставляет людям самим решать свои земные проблемы, и что не существует никакой потусторонней жизни, за исключением жизни нации. Его последующие высказывания по поводу христианства делают такую интерпретацию более чем убедительной. Например, позже Гитлер критиковал смиренность и слабость христианства¹⁸. В 1941 году Геббельс писал, что фюрер «...ненавидит христианство, потому что оно искажает все благородное в человечестве»¹⁹. Нет доказательств, что Гитлер искренне верил в божественное происхождение или воскресение Христа либо в какие-то иные ключевые догматы христианской веры. Напротив, он полагал, что на протяжении тысячелетий не существовало единой концепции Бога²⁰.

Основное направление аргументации в «Моей борьбе», не считая упоминания Творца всемогущего, полностью антирелигиозное. Для Гитлера суть, определяющая природу мира, заключается не в религии, а в нации. Причина опасности евреев в том, кем они являются сами по себе. В «Моей борьбе» он пишет: «...все существование евреев базируется на одной великой лжи, а именно на том, что они – религиозное сообщество, в то время как они на самом деле – нация, да еще какая!»²¹

Единственная причина упадка цивилизаций, утверждал он, заключается в смешении разных наций и «итоговом падении национального уровня». Развивая аргументацию Хьюстона Чемберлена, Гитлер подчеркивал, что «еврей почти никогда не берет в жены христианскую женщину»²², а это означает, что евреи ревностно блюдают чистоту собственной крови, а значит, они особенно опасны. Главной борьбой за существование, следовательно, является борьба между двумя наиболее национально чистыми сообществами людей – арийцами и евреями. Необходимо подчеркнуть, что все эти утверждения правдой не являются. На самом деле немецкие евреи были одной из наиболее ассимилировавшихся групп европейских евреев.

Две следующие идеи Гитлера, изложенные в «Моей борьбе», важны с точки зрения того, что произойдет дальше. Первая – его приверженность идее, разработанной теоретиками расовой гигиены, о сохранении «качества» нации с помощью контроля над теми, кому позволено иметь детей. «Требование о том, – писал Гитлер, – чтобы неполноценные люди были лишены возможности приносить равно неполноценное потомство, – это чрезвычайно разумное требование, которое, при систематизированном исполнении, представляет собой самый гуманный акт человечества»²³. Вторая идея – убежденность будущего вождя Третьего рейха в том, что для процветания нации немецкий народ должен иметь как можно больше территорий. Адольф Гитлер прямо указывал, где необходимо обрести дополнительное «жизненное пространство» (*Lebensraum*). «Если говорить о землях современной Европы, – писал он, – то в

первую очередь мы должны думать о России и зависимых от нее приграничных странах»²⁴. Более того, на территории СССР, которая больше всего привлекала Гитлера, – на плодородных землях Украины и Белоруссии – также проживало много евреев. Если бы Гитлер сразу решился осуществить свои намерения, конфронтация и с Советским Союзом, и с евреями оказалась бы неизбежной.

«Моя борьба» – работа чрезвычайно важная. В этой книге предельно откровенно изложены основные постулаты мышления ее автора. В ней есть все: чудовищность угрозы, которую представляют евреи; сугубая значимость национального вопроса; определение тех, кому позволено иметь детей; необходимость для Германии приобретения территорий на востоке. Суть настолько очевидна, что кажется, будто Гитлер прячет все свои радикальные мысли на самом виду. Как писал его первый биограф Конрад Хайден, действительно оказалось, что «не существует более эффективного способа маскировки, чем самая широкая огласка»²⁵.

Чего в «Моей борьбе» нет, так это упоминания о планировании или осуществлении пивного путча. И тем не менее именно он способствовал популяризации личности Адольфа Гитлера в Германии и был темой, которая гарантировала интерес читателей. Впрочем, есть и объяснение, почему сам Гитлер предпочел не зарабатывать дополнительные очки на событиях ноября 1923 года в Мюнхене. Пока что, в 1924-м, он сидел в своей вполне комфортабельной камере в Ландсберге и не мог знать, когда сумеет получить условно-досрочное освобождение, а получив таковое, будущий вождь нации был бы вынужден сотрудничать с властями Баварии в деле реформирования национал-социалистической партии. Иначе как бы он смог вернуться в политику? Зачем рисковать и настраивать против себя влиятельных людей в Мюнхене, называя их поименно и, вероятно, досаждать тем представителям администрации, которые были вовлечены в путч на начальных стадиях? Не лучше ли помолчать? Из этого следует, что Гитлер посчитал, что мысли, изложенные в «Моей борьбе», не должны вызвать недовольство баварских властей. Им, наоборот, надлежит поспособствовать восстановлению его политической карьеры.

В начале осени 1924 года Адольф Гитлер жил надеждами, что его скоро выпустят из тюрьмы. Но служба прокурора Баварии была против этой идеи. Сотрудники прокуратуры напомнили суду, что Гитлер был подстрекателем революции и никогда не выражал раскаяния в своих действиях. И вообще, осужден он на пять лет, а отсидел пока меньше года²⁶. Тем не менее некоторые влиятельные баварцы поддерживали досрочное освобождение. В частности, начальник Ландсбергской тюрьмы Отто Лейбольд написал рапорт, в котором отметил, что во время заключения Адольф Гитлер несомненно стал более зрелым и спокойным, он – человек многогранных способностей, в особенности способностей политических, и обладает необычайной силой воли и прямоотой мышления. Из этого документа также следовало, что Лейбольд не только в курсе того, что Гитлер за решеткой пишет «Мою борьбу», но и знаком с ее содержанием. «Он полностью поглощен написанием своей книги, которая должна быть закончена в течение ближайших нескольких недель. Она содержит его автобиографию вкупе с мыслями о буржуазии, еврействе и марксизме, немецкой революции и большевизме, о национал-социалистическом движении и проблемах, которые привели к событиям 8 ноября 1923 года»²⁷.

Во втором своем докладе, написанном в декабре 1924-го, Лейбольд проявил еще большее участие, отметив, что Адольф Гитлер «в особенности заслуживает досрочного освобождения»²⁸. Министр юстиции Баварии Франц Гюртнер согласился с его доводами, и 21 декабря 1924 года Гитлер получил условно-досрочное освобождение. Великодушие Гюртнера он не забыл и в 1933-м, после того как стал канцлером, назначил его рейхсминистром юстиции.

В Ландсберге Гитлер принял два важнейших решения. Одно имело отношение к дальнейшей тактике, которую он намеревался использовать для свержения Веймарского правительства. Адольф Гитлер решил добиваться власти демократическим путем, отметив следующее:

«...если победить их в голосовании сложнее, чем перестрелять, то, по крайней мере, результат будет гарантирован их же собственной конституцией»²⁹. Второе решение касалось евреев. Летом 1924 года, когда «Моя борьба» еще не была закончена, он сказал товарищу: «Я изменил взгляд на методы борьбы с евреями. Это правда. Я был слишком снисходителен. Работая над книгой, я пришел к пониманию того, что для победы нужно будет применять самые жесткие меры. Убежден, что это жизненно важный вопрос не только для нашего народа, но и для всех народов, поскольку евреи – это чума для всего мира»³⁰.

На свободе Гитлер очень быстро понял, что политический климат в Германии изменился, и не в его пользу. По плану Дауэса, подписанному 16 августа 1924 года, был установлен новый порядок репарационных выплат Германии после мировой войны так, чтобы их размер соответствовал экономическим возможностям Веймарской республики. Державы-победительницы согласились на реструктуризацию долгов Германии и прекращение оккупации Рурского региона. Американцы предоставили Германии значительные кредиты, что помогло стране выплачивать репарации. В результате Соединенные Штаты оказались гораздо более влиятельным игроком на европейском экономическом рынке, а любые последующие финансовые проблемы, с которыми будет сталкиваться Америка, станут непосредственным образом сказываться на делах в Европе. Это и произошло спустя пять лет, во время биржевого краха на Уолл-стрит... Пока же, в конце 1924 года, могло показаться, что худшие времена для Германии остались позади. Национальная валюта стабилизировалась. Министр иностранных дел Густав Штретземан вел переговоры с западноевропейскими странами о нормализации отношений. Этот процесс завершился в 1925-м подписанием Локарнских договоров. На выборах в рейхстаг в декабре 1924 года было отмечено существенное падение поддержки экстремистских партий. Одни только коммунисты потеряли 17 процентов голосов.

Таким образом, два тома «Моей борьбы», вышедшие из печати в середине 1920-х годов, попали в безучастный, почти равнодушный к ним мир. Книга продавалась не очень хорошо. К 1929 году было куплено лишь 15 000 экземпляров второго тома. Отчасти это произошло из-за невысокого качества текста – известно высказывание Муссолини, что книга оказалась настолько скучна, что он не смог ее дочитать³¹, но отчасти и потому, что ко времени ее публикации интерес к Гитлеру заметно охладел.

Тем не менее предубеждение по отношению к евреям, которое столь громогласно проявлялось в первые послевоенные годы, уничтожить было не так-то просто. Арнон Тамир, немец еврейского происхождения, который в 1920-е годы учился в школе в Штутгарте, вспоминает, что его преподаватели никогда не упускали возможности сделать уничижительные замечания по поводу Веймарской республики. А республика во многом ассоциировалась с евреями. Тамир свидетельствует: «Что такое антисемитизм, я испытал уже в детстве. Родители непрестанно вдалбливали мне, как должен вести себя еврейский мальчик, чтобы не вызывать подозрений». Школьный друг Тамира «выдал» приятелям его еврейское происхождение. Вот что он об этом говорит: «Ребенком мне было особенно больно, когда мой так называемый лучший друг присоединялся к другим ребятам, и они кричали хором: “Еврейская свинья, трусливая еврейская свинья!” и прочие “зоологические” обзывательства. Я очень быстро понял, что являюсь другим, выгляжу иначе... Когда я в слезах вернулся домой, отец сказал мне: “Не уступай, когда они к тебе пристают. Давай сдачи!” В результате я дрался каждые два дня, приходил домой в крови, в порванной одежде, но потом научился защищать себя. Мне не повезло – я оказался единственным евреем в довольно реакционной школе, хотя там были учителя, которые, возможно, не являлись явными антисемитами. Один из них, бывший генерал-майор со шрамами на лице, говорил: “Да, в моем полку встречались достойные и храбрые евреи”, но это звучало так, словно он хотел сказать, что в других полках, или среди евреев, которых он не знал, действительно были трусливые и подлые люди. Такое отношение как-то просачивалось

исподволь, мы выпитывали его капля за каплей. И такие замечания, и им подобные, делали меня в глазах соучеников чужаком»³².

В то время как Арнон Тамир пытался приспособиться к своей жизни как немца и как еврея, в 500 километрах к северо-востоку от него, в Берлине юный Евгений Левине тоже испытывал непростые эмоции. Мальчика звали так же, как его отца, а это имя имело в Германии добрую – или недобрую, в зависимости от точки зрения, – славу. Еврей Евгений Левине-старший был одним из руководителей коммунистической революции 1919 года в Мюнхене. После того как отряды фрайкора восстановили контроль над городом, его расстреляли. Для сына Левине это была очень тяжелая история. Вот что он говорит: «Мне дали понять, что отец перед смертью вел себя мужественно. Он крикнул: “Да здравствует мировая революция!” Я был еще маленьким и многого не понимал, но усвоил, что нужно кричать, когда тебя будут расстреливать... Я тренировался, выкрикивая: “Да здравствует мировая революция!” И поневоле задумывался, хватит ли у меня храбрости, если меня поставят к стенке? Мальчиком я неоднократно подходил к стене, поворачивался и представлял, что меня сейчас расстреляют, потому что чувствовал, что самое главное – не испугаться и мужественно встретить смерть. И каким-то образом тогда уже пришел к мысли: когда-нибудь это обязательно случится и я буду готов. Все юношеские годы я не сомневался, что благородный человек должен рано или поздно погибнуть – либо на баррикадах, либо у стенки»³³.

Мать Евгения рассказывала ему о своем детстве в России. О том, как ее семья дрожала по ночам, лежа без сна, в то время как банды антисемитов бродили по окрестностям в поисках евреев. «Но коммунизм положил всему этому конец, – говорит Евгений. – При коммунизме евреи были просто одним из национальных меньшинств и официально антисемитизма не существовало».

Детство Евгения Левине-младшего прошло в Германии, и он испытывал определенные проблемы в связи со своим еврейским происхождением. Временами хулиганы приставали к нему в школе, но Евгений занимался боксом и мог дать отпор. В целом его заключение таково: «У меня было очень счастливое детство. Мне нравится все немецкое. Мне нравится немецкая живопись, немецкая поэзия, немецкие песни. Мне нравились многие мои товарищи... Хочу сказать, да, антисемитизм тогда был, но, если бы в то время сказать большинству немцев: “Слушайте, у вас будет правительство, которое убьет шесть миллионов евреев”, они бы воскликнули: “Нет-нет-нет! У нас же цивилизованная страна!”»

«Я не предполагаю, – продолжает Евгений, – что все немцы как-то особо по-доброму относились к евреям, но симпатии на индивидуальном уровне безусловно были». Многие из тех, с кем он сталкивался, проводили различие между ненавистью к предполагаемому «международному еврейскому заговору» и отношением к отдельным евреям, с которыми они сталкивались в повседневной жизни. «В известном смысле некоторые сознавали, что если ты ненавидишь “евреев”, то это не потому, что ненавидишь конкретных евреев, а просто потому, что считаешь евреев “плохими” – они распяли Иисуса Христа, из-за них немцы проиграли войну и вообще евреи делают много чего плохого. Но конкретные евреи могут быть хорошими. В одной из школ, в которой я учился, был поклонник нацистов, который сказал: “Ты должен быть одним из нас”. Я ответил: “Пойми, я не могу. Я еврей”. Он сказал (и многие евреи подтвердят, что им говорили то же самое): “Речь о других евреях! Достойные парни, такие, как ты, прекрасно подойдут новой Германии”. В конце концов я доказал, что являюсь достойным евреем, потому что, например, занимаюсь в школе фехтования, а значит, я не такой уж плохой».

Евгений Левине вспоминает, что у некоторых штурмовиков даже были подружки-еврейки. Утверждение может показаться нелепым, если бы не тот факт, что в 1920-е годы у Йозефа Геббельса, который позже станет ближайшим соратником Гитлера и одним из главных идейных вдохновителей Холокоста, тоже имелась подруга, в жилах которой текла еврейская кровь. Геббельс, активный член НСДАП с 1924 года, встречался со школьной учительницей

Эльзой, мать которой была еврейкой. Он утверждал, что любил Эльзу, и говорил, что она не только красивая, но и вообще хорошая. Тем не менее ее происхождение Геббельса беспокоило. В частности, в его дневнике есть такая запись: «Еврейский дух в характере Эльзы часто огорчал и раздражал меня»³⁴. Словом, проблема была³⁵.

Станным можно считать то, что отношения у Эльзы и Геббельса возникли именно в тот момент, когда его антисемитизм стал укрепляться. Вскоре после провала пивного путча Йозеф Геббельс, например, сделал следующую запись: «...евреи – яд, который убивает организм Европы... каждый мечтает дать еврею в морду»³⁶. В апреле 1924 года в своем родном городке в Рейнской области он стал одним из основателей группы сторонников национал-социалистов. На первом собрании главной темой дискуссии была идея антисемитизма. Впоследствии Геббельс напишет: «Я на стороне националистов. Я терпеть не могу еврея и умом, и сердцем. Я испытываю к нему неприязнь и ненавижу всеми фибрами своей души»³⁷. Однако через пару недель он изливает на бумаге такие мысли: «Эльза – милое, доброе дитя. Немножко скучноватая. Но верная, трудолюбивая маленькая слуга. На нее можно положиться, она делает для тебя все возможное»³⁸.

Тот факт, что в голове Геббельса могли ужиться две противоположные идеи – он ненавидел евреев и одновременно встречался с девушкой еврейского происхождения, – служит ярким напоминанием о реальности, с которой сталкивался Евгений Левине: некоторые нацисты презирали абстрактных евреев и могли любить конкретных евреев во плоти. Как говорит Бруно Хенель, бывший в 1920-е годы штурмовиком, у него имелись родственники-евреи, и все они встречались на семейных праздниках. «У меня были очень теплые отношения с двумя кузинами, являвшимися еврейками»³⁹. Тем не менее все это не помешало Бруно Хенелю, равно как и Йозефу Геббельсу, стать убежденным национал-социалистом.

Путь Геббельса к нацизму тоже показателен, поскольку демонстрирует ключевую роль политической и экономической ситуации в создании почвы для поддержки крайне правых. Свидетельств о том, что Геббельс был антисемитом до завершения Первой мировой, нет. К концу войны ему сравнялся 21 год. В армии он не служил из-за хромоты. Не имея возможности стать солдатом, Геббельс выбрал карьеру ученого. Руководителем его диссертации стал еврей – профессор Макс фон Вальдберг, но Геббельсу это, похоже, не мешало. Поворотным в его жизни оказался 1923 год, когда французские войска заняли Рейнскую область. Он родился в этих местах, в небольшом городке Рейдт, и в 1923-м жил здесь с родителями. Работы у Геббельса не было. Он страдал, как миллионы других немцев в это время, от гиперинфляции и политического хаоса, а теперь еще и возненавидел врага, который оккупировал его родину. Как многие соотечественники, он искал, кто виноват во всем происходящем, и нашел. Евреи!

Йозеф Геббельс начал читать выступления Гитлера и очень скоро решил, что вождь нацистов может стать тем спасителем, в котором нуждается Германия. «В Гитлере подкупает то, – писал в своем дневнике Геббельс в марте 1924 года, – что он показывает себя как совершенно прямая и честная личность. Это редко встречается в нашем мире партийных интересов»⁴⁰. Через три дня будущий министр пропаганды добавил: «Гитлер – энтузиаст-идеалист. Человек, который несет новую веру немецкому народу. Я читаю его речи и вдохновляюсь до бесконечности. Путь идет от головы к сердцу... Еврейский вопрос не может быть решен, если не действовать жестко, безжалостно и непреклонно»⁴¹.

Важно отметить, что Геббельс проникся симпатией к вождю национал-социалистов задолго до того, как познакомился с ним. Гитлеровских речей, изложенных на бумаге, оказалось достаточно, чтобы Геббельс убедился в значимости его личности. Так что его путь к нацизму формировался и на эмоциональном, и на рациональном уровне. Он озирался вокруг в поисках того, кто несет ответственность за проблемы Германии, потом решил, что это евреи,

а затем увидел в Адольфе Гитлере человека, который сначала укрепил, а затем и усилил его ненависть.

В августе 1924 года Геббельс посетил одно из собраний крайне правых в Веймаре. У него хватило здравого смысла понять, что среди сторонников нацистов встречаются, мягко говоря, люди довольно странные. Чтобы охарактеризовать, например, Юлиуса Штрейхера как фанатика с поджатыми губами и некоторой патологией личности, оказалось достаточно одной встречи⁴². Но Геббельс остался верен делу и спустя четыре месяца, когда Гитлера выпустили из Ландсберга, записал в дневнике: «Адольф Гитлер на свободе! Теперь мы можем порвать с националистической публикой, которая все время смотрит назад, и снова стать настоящими национал-социалистами. Привет, Адольф Гитлер! Мы опять обрели веру в победоносную силу нашей идеи»⁴³.

Впервые Геббельс увидел того, на кого возлагал столько надежд, в июле 1925 года на очередной встрече в Веймаре. Впечатление было просто ошеломляющим. «Веймар оказался буквально возрождением, – признавался он в дневнике. – Этот день я никогда не забуду. Я до сих пор как во сне... Какой голос! Какие жесты, какая страсть! Именно таким я себе его и представлял»⁴⁴. Геббельс, человек, который позже напишет: «Идет мировая война, уничтожение евреев должно стать неизбежным последствием»⁴⁵, пребывал в полнейшем восторге.

Если Геббельс был абсолютно уверен в Гитлере, то подавляющее большинство немцев, как мы уже знаем, придерживались иной точки зрения. В середине 1920-х годов Германия становилась все более процветающей, и нацистская партия казалась теперь неуместной, эксцентрической группой на задворках политической жизни. Но пропустить этот период развития национал-социализма было бы ошибкой. То, как в те годы Адольф Гитлер выстраивал процесс принятия решений внутри партийной элиты, дает возможность понять, в чем заключалась его руководящая роль в Холокосте.

Важно отметить, что летом 1925-го, когда Геббельс слушал выступление Гитлера, НСДАП являлась не обычной политической партией, а движением, возглавляемым одним человеком, уверенным в своей легитимности исключительно исходя из личной притягательности, эффекта, который он оказывал на собственных сторонников, и легитимность в данном случае понимается как согласие людей, добровольно признающих за своим вождем право принимать решения. «Теперь я понял, что тот, кто во главе, – прирожденный вождь, – писал в дневнике Геббельс в июле 1925 года. – Я готов пожертвовать всем ради этого человека. В моменты величайшей потребности история дает народу величайших мужей»⁴⁶. Идея, что члены нацистской партии должны полностью подчиняться своему вождю, или фюреру, потому что его предназначение – возглавлять их, стала определяющей для концепции партии задолго до того, как нацисты пришли к власти.

Тем не менее НСДАП не была организацией, в которой Гитлер диктовал и контролировал все нюансы политической жизни. На самом деле, пока он был уверен, что подчиненные безусловно соглашались с его руководящей ролью, он мог удивительным образом долгое время не проявлять никаких диктаторских черт. Например, Геббельс в 1925 году придерживался совершенно иных взглядов на Советский Союз, чем Гитлер. В статье, опубликованной в *Völkischer Beobachter* в ноябре 1925-го, Геббельс писал, что было бы неправильно рассматривать большевизм как исключительно еврейское изобретение. Нет, большевизм следует понимать как потенциальный путь к построению более благополучного общества в России. Такой взгляд для Гитлера был бредом, причем бредом вредным, но вождь нацистов, когда они позже в том же месяце встретились на очередном собрании, вел себя с Геббельсом вполне дружелюбно⁴⁷.

В начале 1926 года Геббельс входил в состав группы внутри национал-социалистической партии, добивавшейся и других изменений. Эта группа под руководством Грегора Штрассера, видного деятеля НСДАП из Баварии, который работал на севере Германии, выступала за

то, чтобы партия стала более «социалистической». В планы Гитлера сие не входило и вообще выглядело так, словно Штрассер и Геббельс покушаются на его авторитет, а такого он допустить не мог. На конференции в Бамберге в феврале 1926 года Гитлер пресек эти попытки не спором с инакомыслящими, а двухчасовой речью, в которой опроверг их идеи. Он неоднократно повторил, что большевизм – это еврейский заговор и естественными союзниками Германии являются Италия и Британия, а отнюдь не СССР.

Геббельс был потрясен. «Одно из величайших разочарований в моей жизни, – записал он в дневнике. – Я больше не полностью верю в Гитлера. Это ужасно: я утратил внутреннюю убежденность... Я в отчаянии!»⁴⁸ Но Гитлер, сознавая потенциал Геббельса для дела национал-социализма, решил, что нужно утешить его уязвленное эго. Он пригласил Геббельса в Мюнхен, предоставил возможность пользоваться своей машиной с шофером, проводил с ним много времени и хвалил его. Гитлер также в общих чертах обрисовал свое представление о будущем Германии в таких рамках, которые должны были вновь активизировать энтузиазм засомневавшегося сподвижника. «Я люблю его [Гитлера], – действительно впоследствии записал Геббельс в дневнике. – Он все продумал... Я преклоняюсь перед великим политическим умом!»⁴⁹

Адольфу Гитлеру удалось увести Геббельса – человека, действительно им ценимого, – от политического курса, с которым тот был не согласен, и вернуть на позиции безоговорочной поддержки. Более того, он достиг этого, избежав личной конфронтации. Гитлер никогда не критиковал Геббельса прямо. Он не пытался победить его в споре. Он, можно сказать, руководил сознанием Геббельса, в данном случае сначала произнес речь, в которой опроверг его идеи, а затем загладив нанесенный ущерб «агрессивным обаянием». Это не традиционный образ Адольфа Гитлера как вождя, сложившийся у многих людей. Их впечатление формировалось преимущественно непримиримым тоном его выступлений, запечатленных на старых черно-белых кадрах кинохроники, и они считали его авторитарным, грубым и агрессивным. Как показывает описанный инцидент, Гитлер был способен тонко управлять людьми, но этот случай показывает и то, что он очень строго следил за тем, чтобы подчиненные не покушались на его абсолютную власть. Детали поведения Гитлера беспокоили меньше. Нарисовав широкое «видение» Германии, какую он хотел создать, фюрер мог оставить своим сторонникам право продумывать, как воплощать эти идеи на практике, а потом подправлять их, если был не во всем согласен с избранной ими методологией.

Есть еще один важный момент в гитлеровской технике руководства людьми, с которым в это время пришлось столкнуться Геббельсу. Фюрер редко распределял конкретные обязанности среди членов партии, поэтому конфликты между амбициозными нацистами были неизбежны. Например, после того, как Геббельс был назначен ответственным за пропаганду, он увидел, что другие люди продолжают осуществлять контроль за определенными аспектами радио, кино и подготовкой лекторов. Ему пришлось самому думать, как взять в свои руки все рычаги управления, и делать это. Другими словами, внутри партии все время что-то происходило, особенно с учетом того, что Гитлер редко вмешивался в споры о зонах ответственности между своими подчиненными. Как мы увидим, такой стиль руководства окажет существенное влияние на развитие Холокоста.

В 1928 году Адольф Гитлер написал продолжение «Моей борьбы». На сей раз в своих размышлениях он сосредоточился преимущественно на международных проблемах. Эта работа – «Вторая книга» – при его жизни не была опубликована, но тем не менее дает представление о развитии политических убеждений будущего вождя Третьего рейха. Главное, она показывает, как Гитлер использовал понятие «раса» в качестве ориентира в международной политике.

Гитлер задался вопросом, почему Америка процветает, а СССР остается относительно отсталым, и ответ увидел в расовой плоскости. Он утверждал, что, поскольку «лучшая кровь» из Европы перетекла в США, неудивительно, что эта страна стала такой сильной и богатой. С

другой стороны, в «иудо-большевистской» России живут люди меньшей расовой ценности, а значит, СССР никогда не сможет возвыситься как государство.

И опять в центр событий Гитлер поставил евреев. «Конечной целью еврейской борьбы за выживание является порабощение производительно активных народов»⁵⁰, – писал он. Свою мысль лидер НСДАП развивает дальше и доводит до логического, по его мнению, завершения: «Конечная цель еврея – денационализация и хаотическая порча других народов, понижение расового уровня высших и доминирование над расовой массой... Таким образом, еврейская интернациональная борьба всегда будет заканчиваться кровавой большевизацией»⁵¹.

Во «Второй книге» Адольф Гитлер снова заявил, что Германии для процветания нужны новые территории, и эти территории должны быть приобретены силой: «Свободу можно обрести не выпрашиванием или обманом, не трудом и старанием, а исключительно борьбой – борьбой за собственные интересы»⁵².

Ко времени написания «Второй книги» Гитлер уже утвердился как доминантная фигура среди правых националистов. Он добился этого не публикацией работ, демонстрирующих его «провидческие» достоинства, и не осуществлением «мудрого» руководства, которое покорило Йозефа Геббельса, а приемом в НСДАП людей, с которыми не всегда и не во всем был согласен. В частности, в 1927 году членом нацистской партии стал граф Эрнст фон унд цу Ревентлов. В 1924-м граф, один из руководителей движения пангерманизма, стал одним из основателей Немецкой националистической партии свободы (*Deutschvölkische Freiheitspartei*), но спустя несколько лет решил «подчинить» себя Адольфу Гитлеру. Почему Ревентлов это сделал? Он объяснил: потому, что Гитлер «доказал, что может быть вождем; он создал свою партию на основе собственных взглядов, своей воли, объединяющих национал-социалистических идей и руководит ей. Он и партия неразделимы, и это демонстрирует единство, которое является необходимым условием для успеха»⁵³. Ревентлов призвал членов своей партии присоединиться к нацистам, заявив, что единственная возможность добиться какого-то прогресса у Германии есть только с Национал-социалистической немецкой рабочей партией.

Ревентлов искренне верил в социалистические идеи, которые продвигал Грегор Штрайсер и которые были отвергнуты вождем нацистов на Бамбергской партийной конференции 1926 года. Тем не менее Гитлер приветствовал его переход к нацистам. Он понимал, что, если хочет собрать все националистические партии под знаменем со свастикой и получить шанс завоевать власть, надо быть терпимым к широкому диапазону мнений.

Одним из пунктов, по которым между Ревентловом и Гитлером было согласие, оказался антисемитизм. В марте 1928 года граф сказал, что стране нужен закон, который запретил бы дальнейшую иммиграцию евреев. «Выдворить из страны всех евреев, которые приехали в Германию после 1914 года, а к остальным применить закон об иностранцах, оставляющий право последующего их выдворения из страны и лишаящий их всех прав, которые обеспечивает немецкое гражданство!»⁵⁴

Предложение не прошло, но тот факт, что Ревентлов почувствовал – такие идеи можно огласить, демонстрирует его уверенность в антисемитизме нацистов. Несмотря на очевидное процветание и модернизацию Веймарской республики, антисемитизм оставался укорененным в определенных областях немецкой жизни. Вот один пример. Многие молодые евреи создавали собственные туристические клубы, чтобы путешествовать по стране. Членом такой молодежной еврейской ассоциации любителей турпоходов стал и Евгений Левине. «Не забывайте, что в Германии были места, где никогда не видели живого еврея, – говорит он, – поэтому там было очень легко ненавидеть евреев вообще. Помню, как мы возвращались с прогулки по сельской местности на поезде в Берлин. Я был с рюкзаком, в коричневой рубашке». В купе вместе с Евгением и его друзьями оказался крестьянин, который начал ругать евреев, и вдруг услышал: «А мы тут все евреи». Он расхохотался и сказал: «Вы думаете, что мы в деревне такие тупые?»

Вы же явно очень приличные, спортивные немецкие парни. И не говорите мне, что вы евреи!» Этот человек действительно думал, что над ним пошутили. «Мы не носили пейсы и бороды, и лапсердаков на нас не было, – продолжает Евгений. – По его мнению, мы выглядели как обычные немецкие юноши. Возможно, с более длинными носами или более темными глазами, но у многих немцев длинные носы и темные глаза. Самое комичное – это расовая идея “германцев”: видит Бог, большинство нацистов не выглядели как идеальные “арийцы”»⁵⁵.

Гитлер заявлял, что в Германии ненависть к евреям стала сильнее, чем когда-либо. На ежегодном съезде НСДАП в сентябре 1928 года он сказал, что антисемитизм укрепляется как идея. «То, что едва ли можно было встретить десять назад, сейчас существует: еврейский вопрос занимает сознание людей, он больше не исчезнет, и мы сделаем так, чтобы он стал вопросом мирового, международного уровня; мы не отступим, пока он не будет решен окончательно. И мы думаем, что доживем до этого дня»⁵⁶.

Тем не менее, несмотря на хвастовство вождя национал-социалистов, свидетельств того, что большинство немцев поддерживали нацистов и их яростный антисемитизм, нет. Совсем наоборот. Произнося эти слова, Гитлер не мог не вспоминать, что четыремя месяцами раньше, в мае 1928 года, на всеобщих выборах НСДАП набрала всего 2,6 процента голосов избирателей. Для нацистов это был катастрофический результат. Однако через пять лет Адольф Гитлер станет канцлером Германии и вождем крупнейшей политической партии страны, и такая трансформация окажется следствием не его фальшивого заявления о повсеместной озабоченности немцев «еврейским вопросом», а фактора, над которым он уж точно был не властен, – экономической катастрофы.

Экономика Веймарской республики, полностью зависящая от американских кредитов, рухнула вслед за катастрофой на Уолл-стрит в октябре 1929-го. Всего за один год – с сентября 1929 по сентябрь 1930-го – число безработных в Германии увеличилось с 1 300 000 до 3 000 000 человек. Демократическое правительство практически прекратило существование в марте 1930 года, когда распалась коалиция, в которую входили Немецкая народная партия и социал-демократы. Новому правительству рейхсканцлера Генриха Брюнинга пришлось широко пользоваться статьей 48 Веймарской конституции, позволявшей проводить законы президентскими указами.

На выборах в сентябре 1930 года нацисты получили 6 000 000 голосов и стали второй по численности политической партией в рейхстаге. Это был поразительный результат. Миллионы немцев, совсем недавно отвергавшие Гитлера и нацизм, в это страшное время внезапно повернулись к ним. И все-таки, несмотря на громогласные заявления 1928 года об усилении в Германии антисемитизма, лидер НСДАП хорошо сознавал реальность: новые сторонники пришли к нему далеко не в первую очередь из-за ненависти к евреям. Так или иначе свою одержимость еврейским вопросом Гитлер приглушил. Из его выступлений в период с 1930 по 1933 год следует, что в это время он уделял евреям гораздо меньше внимания, чем раньше. В октябре 1930-го Гитлер даже заявил: «...мы не имеем ничего против порядочных евреев, но, если они сговариваются с большевиками, мы смотрим на них как на врагов»⁵⁷.

Вместо разглагольствований о евреях Адольф Гитлер сосредоточился на необходимости восстановления Германии через создание национал-социалистического государства. Он призывал отклонить штрафные санкции, наложенные на Германию странами-победительницами после мировой войны, и предупреждал об опасности большевизма. На встрече с промышленниками Дюссельдорфа в январе 1932 года фюрер, в частности, сказал: «Сегодня настал поворотный пункт в судьбе Германии, потому что страна рискует свалиться в большевистский хаос»⁵⁸ и во всей своей продолжительной речи ни разу не упомянул о евреях.

Впрочем, из этого не следует, что аудитория могла по наивности поверить, что национал-социалисты внезапно отказались от антисемитизма. Нацистская пропаганда постоянно

твердила, что евреи несут ответственность за большевизм, за ненавистный Версальский договор и за «извращения» капитализма, которые привели к экономическому краху, а значит, когда Гитлер упоминал одну из этих идей в своих выступлениях, многие слушатели могли понять, что все это в конечном счете вина евреев.

Слушая выступление Адольфа Гитлера в 1932-м, Ютта Рюдигер, которой тогда был 21 год, прекрасно понимала, что за словом «большевизм» скрываются евреи. «Евреи, безусловно, ассоциировались с коммунизмом, – говорит она. – Тогда была популярна злая шутка, что среди коммунистов в России должен быть по крайней мере один гой, чтобы он мог подписывать смертные приговоры по субботам – в священный для евреев день. Это, конечно, грубо, но непосредственная связь между коммунизмом и евреями точно была»⁵⁹.

Ютта Рюдигер свидетельствует, что в начале 1930-х годов Гитлер и национал-социализм привлекли ее потому, что ей казалось – они предлагают выход из экономического тупика и дадут Германии возможность достигнуть поставленных целей. Кроме того, она считает, что антиеврейская тематика являлась вполне уместной: «У народа было общее ощущение, которое присутствовало и во времена империи, и могло также присутствовать в определенное время и в других странах, что евреи представляют собой чуждый элемент»⁶⁰.

Иоганнес Цан, который в 1932 году был молодым банковским служащим, согласен с этим утверждением: «Общее мнение было таково, что евреи в Германии слишком далеко зашли»⁶¹. Под словосочетанием «слишком далеко» Цан имеет в виду, что немецкие евреи заняли непропорционально большое место в таких сферах деятельности, как юриспруденция, медицина и журналистика. (Совершенно неудивительно, что евреи выбирали связанные со всем этим профессии, поскольку многие иные были для них долгое время запрещены.) По словам Иоганнеса Цана, в какой-то момент евреев стало чересчур много, вот и появилось ощущение, что их следует «укоротить», и с этим никто не спорил, но никто из немцев не поддержал бы мысль, что их всех следует убить. А если бы и поддержал, то таких оказалось бы совсем немного⁶².

Тем не менее основной причиной растущей популярности национал-социалистической партии в Германии оставалась тяжелая экономическая ситуация. Для многих людей во время экономической катастрофы и в атмосфере политической неопределенности самое главное – найти работу и обеспечить семью. К началу 1933 года в стране было 6 000 000 безработных. Интересно, что одновременно с нацистами набирали силу и коммунисты. Казалось, страна раскалывается на две диаметрально противоположные части: с одной стороны – коммунисты, с другой – нацисты. «Шесть миллионов безработных означает, если считать семьи из трех человек, восемнадцать миллионов тех, кому нечего есть, – говорит Иоганнес Цан. – А когда в такое время человек лишается работы, ему остается одно: либо стать коммунистом, либо вступить в штурмовые отряды. Предприниматели считали, что лучше будет, если такие люди пойдут в отряды Рема, потому что там дисциплина и порядок. И вначале – это нужно сегодня отметить – было трудно понять, что такое национал-социализм: нечто хорошее с некоторыми негативными побочными эффектами, или нечто плохое с некоторыми позитивными побочными эффектами»⁶³.

Такие утверждения похожи на самооправдание. Дело в том, что в период подъема нацизма, между 1930 и 1933 годом, Гитлер действительно не акцентировал свою ненависть к евреям, но его сторонники подобной сдержанности не проявляли. Юлиус Штрейхер не только продолжал публиковать антисемитскую грязь в своем *Der Stürmer*. В 1932-м он заявил: «Мы, национал-социалисты, убеждены, что Адольф Гитлер – мессия новой Германии. Мы убеждены, что он послан Богом для освобождения немецкого народа от кровососов – всемогущего еврейства»⁶⁴.

Йозеф Геббельс в это время тоже продолжал озвучивать свои антисемитские убеждения. С момента назначения гауляйтером Берлина в конце 1926 года он сделал объектом травли бер-

линских евреев, прежде всего Бернхарда Вайса – вице-президента полиции столицы. В своем пропагандистском журнале *Der Angriff* («Атака») Геббельс постоянно именовал его Исидором. Напомним, что Исидор, в отличие от настоящего имени Вайса Бернхард, – архетипичное еврейское имя. В *Der Angriff* «Исидора Вайса» изображали в разных карикатурных образах – крючкомосого, подозрительного еврея и даже осла. Вице-президент полиции подал в суд, который подтвердил, что карикатурное изображение осла действительно на него похоже. После этого Геббельс еще раз напечатал карикатуру и сопроводил ее подписью, которая гласила, что судьи согласились с тем, что Вайс выглядит как осел⁶⁵. Наряду с этим Геббельс поддерживал уличные акции, направленные против евреев. В сентябре 1931 года, в канун праздника Рош а-Шана – еврейского Нового года, штурмовики пронесли по бульвару Курфюрстендамм – одному из самых популярных мест для прогулок, покупок и развлечений в Берлине, нападая на всех, кто казался им евреем. К этому моменту Геббельс уже вычеркнул из своей жизни полуеврейку Эльзу и встречался с голубоглазой блондинкой Магдой Квандт. В декабре 1931-го они поженились.

В начале 1930-х годов нацистская пропаганда подвергала нападкам и те области экономики, в которых, как многие думали, господствовали евреи. В частности, в листовке, выпущенной к выборам на севере Германии, говорилось: «В Ганновере подготовлен и нанесен новый удар, нацеленный на ваше разорение! Существующая система позволяет гигантскому американскому концерну *Woolworth* при поддержке финансового капитала открыть новый вампирский магазин в центре города, на Георгштрассе, чтобы полностью разорить вас»⁶⁶.

Многие сразу воспринимали упоминание *Woolworth* как атаку на евреев. Дело в том, что национал-социалисты уже не первый год твердили, что крупные универсальные магазины принадлежат преимущественно евреям и представляют опасность для традиционной лавочной торговли. Эти магазины – символ современности – вампирскими нацисты называли потому, что они якобы высасывают всю кровь у небогатых предпринимателей. Сторонников Гитлера настолько раздражало существование таких магазинов, что им был посвящен один из 25 пунктов первоначальной программы НСДАП (в пункте 16 говорилось, что большие магазины следует сдавать внаем, по низким ценам, мелким производителям).

После прихода национал-социалистов к власти крупные универмаги стали особым объектом их ненависти. Из того же Ганновера сообщали, что в декабре 1934 года неоднократно происходили бунты против еврейского бизнеса. «В воскресенье перед Рождеством в еврейские магазины и в магазин Ф. У. Вулворта бросали емкости с ядовитым газом. Из-за серьезного отравления десять продавцов доставлены в больницу»⁶⁷. На самом деле местный представитель концерна *Woolworth* евреем не был.

Йозеф Геббельс одобрял такую политику «вины по ассоциации». Когда рядовые немцы слышали словосочетание «универсальный магазин», они представляли себе евреев, подсчитывающих выручку; когда им говорили об опасности марксизма, обыватели тут же вспоминали, что Маркс был евреем, и так далее. Геббельс считал – пропаганда становится максимально эффективной, если людей удастся заставить думать, что они самостоятельно пришли к какому-то заключению по поводу чего бы то ни было⁶⁸.

Но даже при том, что в это время поддержка нацистов росла, многие немцы все еще были против них. С особым презрением к их антисемитизму относились социалисты. Сторонники коммунистов, такие, как, например, Алоиз Пфаллер, недоумевали – немцы еврейского и нееврейского происхождения говорят на одном языке, учатся в одних школах и живут по соседству, так за что их ненавидеть? Пфаллер и его друзья полагали, что человек никак не может повлиять на свое рождение, и совершенно ясно, что никто не несет за него ответственности⁶⁹. Для таких людей, как Пфаллер, главным была не раса, а создание в Германии общества равноправия при ограничении власти крупных предпринимателей.

В немецких газетах появлялись и пророческие предупреждения о том, что может случиться, если нацисты придут к власти. Например, журналист еврейского происхождения Лион Фейхтвангер в январе 1931 года писал в *Welt am Abend*: «Национал-социализм стремится низложить разум и утвердить на его месте эмоции и импульс – точнее, варварство. После становления Третьего рейха интеллектуалам и художникам остается ждать одного: уничтожения»⁷⁰.

Тем не менее немцы хотели радикальных перемен. При том что сами нацисты никогда не набирали большинство голосов избирателей, многие избиратели поддерживали партии, которые открыто выступали за отмену демократии. На всеобщих выборах в июле 1932 года национал-социалисты получили 37 процентов голосов, а коммунисты – 14 процентов. В сумме это был 51 процент – чрезвычайно важный результат, поскольку он означал, что большинство голосует против существовавшей в то время системы демократического правления. Немцы чувствовали, что оказались в плачевном положении не из-за действий отдельных политиков или партий, а из-за самого механизма руководства страной.

Нерасположенность населения Германии к демократии в начале 1930-х годов вызвала разные комментарии. «Победа национал-социализма возможна прежде всего потому, что в этой стране за демократию никогда не шли кровавые битвы, – писал в декабре 1931 года Генрих Манн. – В конкретный исторический момент, после поражения в войне, она выглядела как возможный выход – по сравнению с катастрофой монархии и опасностью большевизма. Только выход – не цель, и уж никак не предмет страсти»⁷¹.

«У немцев нет традиции демократии, – утверждает Арнон Тамир. – И никогда не было. В Германии до наших дней не было демократии, за которую пришлось бы сражаться ее гражданам». Немецкий еврей Тамир, чья молодость пришлась на 1920–1930-е годы, тоже пришел к мысли, что успех Гитлера стал возможен прежде всего из-за кризиса немецкой государственности: «Нацизм зародился в обстоятельствах 1920-х, после того, как была проиграна война, когда немецкий народ чувствовал себя подавленным и униженным, переползая от одного экономического кризиса к другому, от одного политического кризиса к другому. Так что все очень удобно сложилось. Надо было только найти виновных. И весь антисемитизм нацизма на самом деле заключен в одной фразе: во всем и всегда виноваты евреи»⁷².

Если Адольф Гитлер в период укрепления популярности у избирателей и приглушил свою риторику в отношении евреев, то направление политики нацизма оставалось прежним и ничем не отличалось от вывода Арнона Тамира: «Виноваты евреи». Как заметил в октябре 1931 года видный деятель НСДАП Грегор Штрассер, нацисты, придя к власти, обязательно положат конец господству евреев в Германии. Это будет достигнуто путем «исключения евреев из всех областей, в которых они препятствуют развитию немецкой экономики»⁷³. 37 процентов избирателей, поддержавших в июле 1932 года национал-социалистов, таким образом, проголосовали за партию, которая открыто намеревалась в случае победы заняться преследованием немецких евреев. Нацисты этого не скрывали.

Интересы многих представителей политической элиты Германии совпадали с интересами национал-социалистов. Власти предрасположенные также хотели восстановить в стране «порядок», уничтожив демократию и покончив с угрозой, исходившей от коммунистической партии. В 1932 году 85-летний президент Пауль фон Гинденбург, во время мировой войны командовавший немецкими войсками, уже был готов отказаться от демократии и поддержать создание правительства правых. Проблемой для Гинденбурга являлось одно: Адольф Гитлер как вождь наиболее влиятельной силы на правом фланге политической жизни Германии был для него неприемлем в качестве канцлера. Когда они встречались в августе 1932-го, Гинденбург сказал Гитлеру, что не сможет оправдать перед Богом, перед своей совестью и перед страной переход всей полноты власти к одной партии, тем более такой, которая настроена против людей, имеющих иные взгляды⁷⁴. Он повторил свое мнение при встрече с лидером НСДАП и в ноябре,

выразив опасение, что кабинет во главе с ним неизбежно превратится в партийную диктатуру со всеми вытекающими из этого последствиями, а сие приведет к усилению противоречий, характеризующихся острой борьбой враждебных друг другу сил и тенденций. Гинденбург еще раз подтвердил, что не может примирить подобную ситуацию со своей клятвой и своей совестью⁷⁵. Его нежелание видеть Гитлера канцлером отчасти было основано на классовом происхождении. Президент называл Гитлера богемским капралом⁷⁶. Он также дал понять, что не во всем поддерживает политику нацистов, в первую очередь в вопросе о неприкрытом партийном антисемитизме. В августе 1932-го Гинденбург, кстати, написал письмо в Центральный союз немецких граждан иудейского вероисповедания (*Centralverein*) с осуждением нападок на евреев, а еще раньше, в ходе перевыборной президентской кампании, депутаты рейхстага от нацистской партии несколько раз сказали о самом Гинденбурге как о еврейском кандидате⁷⁷.

Тем не менее часть ближайшего окружения Гинденбурга разделяла антисемитские взгляды. Франц фон Папен, канцлер Германии на протяжении большей части 1932-го в следующем году в интервью лондонской газете *Evening Standard* отметил, что такое большое число евреев в медицине и юриспруденции, какое есть сейчас в Германии, немыслимо для Британии, и необходимо бороться с влиянием «международного еврейства», которое захватило ведущие позиции в немецкой государственной гражданской службе⁷⁸.

Гинденбургу пришлось иметь дело еще с одной проблемой. Никто из канцлеров, назначенных им в 1932-м, – ни Франц фон Папен, ни Курт фон Шлейхер – не имели широкой поддержки, и он опасался, что разрыв между правящим классом и рядовыми немецкими избирателями будет только увеличиваться. Пожалуй, это даже может привести к гражданской войне между коммунистами и нацистскими штурмовиками на улицах городов...

Гитлер позиционировал себя как человек, с уважением относящийся к Гинденбургу, и как молодой патриот, намеренный объединить Германию. Выступая 4 января 1933 года в Детмольде, он сказал: «Возникновение национал-социалистического движения было обусловлено стремлением к подлинному объединению немецкого народа... Судьба поставила перед нами великую задачу покончить с разъединением немецкого народа». Необходимо, говорил Гитлер, безжалостно уничтожить все, что разрывает страну на части. Одной из угроз для немецкого *Volk* он называл марксизм. О евреях Гитлер опять не упомянул, но многие уже не раз слышали, как марксизм непосредственно связывали с ними⁷⁹.

Францу фон Папену в итоге удалось примирить Гинденбурга с Гитлером. В декабре 1932 года Папен был вынужден уступить пост канцлера Курту фон Шлейхеру, поскольку его администрация не пользовалась поддержкой у народа. Шлейхер для собственного правительства попытался создать более широкую платформу, но не преуспел в этом. Папен взял реванш и предложил свою кандидатуру как вице-канцлера при канцлере Гитлере. Пауль фон Гинденбург согласился. Они предполагали, что Папену удастся «усмирить» нового канцлера и ввести в кабинет кое-каких министров, не являющихся членами нацистской партии.

30 января 1933 года, через 13 лет после оглашения программы Немецкой рабочей партии в мюнхенском пивном ресторане «Хофбройхаус» и меньше чем через пять лет после того, как нацисты получили всего 2,6 процента голосов на всеобщих выборах, Адольф Гитлер стал канцлером Германии. Теперь-то он наконец и начнет воплощать свои давно лелеемые планы в жизнь.

Глава 4

Консолидация власти (1933–1934)

Миллионы немцев восприняли назначение Гитлера на пост канцлера как добрый знак. Они были согласны с утверждением Геббельса: это поворотный момент в истории Германии¹. Студент Манфред Шредер говорит: «Молодежь преисполнилась энтузиазма и оптимизма, мы верили в Гитлера и считали, что появился замечательный шанс преодолеть последствия Первой мировой войны и в особенности Версальского договора. Так что мы все были в приподнятом настроении... Складывалось ощущение национального освобождения, нового старта»².

«Естественно, мы были в восторге, – подтверждает Габриэла Винклер, в то время юная секретарша. – Мы считали, что теперь все будет по-другому и все будет лучше». Она помнит, что «все молодые люди... сияли, потому что мы были счастливы»³. Гюнтер Лозе, которому в 1933 году исполнилось 15 лет, считает, что была вера лично в Гитлера – он сдержит свои обещания, реализует их. «Вокруг него уже тогда создавался миф»⁴.

Во многих городах проходили торжественные факельные шествия. Одно из них, в Гамбурге, 6 февраля 1933 года наблюдала Луиза Сольмиц. Ее описание происходившего сделано на фоне семейной истории, которая неоднозначна: сама Луиза не была еврейкой и яркой националисткой, но ее муж являлся выкрестом. «Первые факелы появились около десяти часов, – писала фрау Сольмиц в дневнике. – За ними потянулись другие, как волны в море, всего около двадцати тысяч коричневорубашечников, их лица в свете пламени сияли энтузиазмом». Луиза Сольмиц запомнила, что штурмовики скандировали: «Республика – дерьмо», выкрикивали: «Смерть евреям!» и пели: «Еврейская кровь будет литься с наших ножей». Рядом с последней записью много лет спустя она сделала пометку: «Кто тогда мог к этому относиться всерьез?»⁵

Канцлерство Гитлера незамедлительно сказалось на многих немецких евреях. Евгений Левине, учившийся в школе, где были представители разных религий, вспоминает, что один парень – не еврей, который совсем недавно вполне дружелюбно к нему относился, подошел и спросил: «Слушай, Левине, а ты еще не купил билет в Палестину?» Евгений испытал шок. «Видите ли, антисемитизм всегда тут был как бы под спудом. Я врезал ему кулаком, он упал. Самое интересное, в драку он не полез. Я показал, что очень зол, он почувствовал, что виноват, и просто ускользнул. Так что чувства людей во многом зависят от обстоятельств, и в каждой конкретной ситуации ты можешь поступить так, как считаешь нужным»⁶.

У Арнона Тамира в Штутгарте ситуация оказалась схожей. «Самый тупой одноклассник, который, кстати, ходил в школу в форме штурмовика, сунул мне в руки карточку, на которой было написано: “Билет в Палестину, в один конец, навсегда”. Я уже приготовился дать ему как следует, но вмешались ученики постарше. Один был сыном генерала, другой – офицера. В классе они считались “благородными” антисемитами. Они сказали этому парню: “Слушай, ты не прав... Он тут ни при чем. У него ничего общего ни с большевиками-евреями, ни с капиталистами-евреями. К нему это не относится”. А затем они впервые пригласили меня к себе в гости, как бы демонстрируя, что есть и достойные, уважаемые оппоненты. Конечно, я не поверил. Я отказался от чести быть принятым в их домах»⁷.

В Гамбурге еврейская школьница Люсиль Эйхенгрин и ее сестра тоже внезапно ощутили изменения в отношении к себе: «Гитлер пришел к власти в январе 1933 года. Примерно через три месяца после этого дети, которые жили с нами в одном доме, перестали с нами разговаривать. Они бросали в нас камнями, обзывали по-всякому... Мы не могли понять, чем все

это вызвано. И всегда возникал вопрос: почему? Когда мы спрашивали дома, нам говорили примерно так: “Это пройдет, не обращайтесь внимания, все нормализуется”. Что это значило на самом деле, мы не знали. Но изменения были явные. Родители нам говорили: “По дороге домой, в автобусе, в трамвае не привлекайте к себе внимания, стойте сзади, громко не разговаривайте, не хохочите, старайтесь быть незаметными”. Мы этого не понимали, смысл не понимали. Вопросы оставались без ответа... И мы боялись еще больше... Дорога в школу пешком занимала сорок пять минут. На улицах на нас кричали. Дети плевали в нашу сторону, взрослые отворачивались. На нас не было никаких меток, но мы уже чувствовали себя мечеными»⁸.

Все эти примеры показывают, как легко многим немцам, раньше никак не демонстрировавшим антисемитские взгляды, оказалось принять модель поведения, которого ожидал от них режим. У одних такие взгляды были всегда, но до поры до времени скрывались, другие просто решили пойти по пути наименьшего сопротивления – тем более в тот момент, когда у могучего немецкого государства появился канцлер, известный своим яростным антисемитизмом.

Тем не менее Адольф Гитлер, оказавшись на посту канцлера Германии, пока еще не стал бесспорным диктатором. Его действия сдерживались рядом весьма влиятельных сил, которые он намеревался со временем взять под контроль. Прежде всего Гитлеру нужно было заручиться поддержкой военных. И совершенно не случайно, что одним из его первых решений – буквально через четыре дня после назначения – оказалась встреча с представителями вооруженных сил. 3 февраля Гитлер сообщил военачальникам, что планирует широкую программу перевооружения и при этом опасаться слияния регулярной армии со штурмовиками нацистской партии не следует. Неудивительно, что военные благосклонно отнеслись к обоим известиям. «Предстояло создать армию, которая на самом деле могла бы защитить Германию, – говорит граф Иоганн Адольф фон Кильмансегг, в то время молодой армейский офицер. – Это было необходимым действием». Убеждало и стало очень значимым для солдат и то, что президент фон Гинденбург, что называется, благословил Гитлера. «Для нас это было важно. Для армии Гинденбург – совсем не то же самое, что Гитлер»⁹.

10 февраля 1933 года новый канцлер выступил в берлинском Дворце спорта. Его речь транслировалась по радио на всю страну. Гитлер постарался уклониться от конкретизации планов своего правительства, отметив, что, когда оппоненты требуют детализировать программу, он может сказать им лишь одно: «После того, что вы натворили, после того, как валяли дурака и занимались подрывной деятельностью, немецкий *Volk* нужно восстанавливать сверху донизу, точно так же, как вы уничтожали его сверху донизу. Вот наша программа!» Впрочем, он не раз повторил, что ничто не помешает ему искоренить марксизм¹⁰.

Гитлер действовал осмотрительно. Он назначил новые выборы на 5 марта, чтобы легитимизировать свой режим и принять закон о чрезвычайных полномочиях, который дал бы ему возможность принимать решения, не считаясь с парламентом и не нуждаясь в одобрении каждого законопроекта со стороны президента фон Гинденбурга. Ему нужно было пойти на ряд компромиссов. Например, чтобы заручиться поддержкой партии центра, Адольф Гитлер пообещал, что никогда не вступит в альянс с партией, которая выступит против христианства¹¹.

27 февраля 1933 года произошло удивительное событие. Голландский коммунист Маринус ван дер Люббе устроил пожар в здании немецкого парламента в рейхстаге. Геббельс записал в дневнике, что Гитлер поначалу пришел в бешенство, увидев пламя. «Наступило время действовать», – решил Геббельс. Через несколько часов злоумышленник – человек, олицетворявший опасность марксизма, был схвачен. «То, что нам надо, – отметил в своих записях Геббельс. – Голландский коммунист»¹². Отличное время для нападения, за неделю до выборов, вкупе с весьма подходящей политической принадлежностью поджигателя вызвали появление множества конспирологических теорий, допускающих причастность нацистов к поджогу рейхстага, но их участие в преступлении убедительно не было доказано никогда.

Наверняка можно сказать одно: поджог оказался для Гитлера как нельзя кстати. На следующий день Гинденбург подписал закон, отменяющий в Германии гражданские свободы, в том числе свободу собраний и свободу слова. Наряду с этим поджог вызвал дальнейшее ограничение деятельности немецких коммунистов. Герман Геринг, министр внутренних дел Пруссии, уже рекрутировал немало штурмовиков в качестве «вспомогательной» полиции для подавления бывших политических оппонентов нацистов.

Что касается немецких евреев, они пока не подвергались массовым арестам, хотя единичные нападения на них в течение ближайших недель и месяцев, пока НСДАП праздновала свою победу, происходили. До убийств дело не доходило, но в большинстве случаев эти акты агрессии носили чрезвычайно унижительный и оскорбительный характер. В частности, в Гамбурге отца Руди Бамбера в числе других евреев штурмовики согнали на стадион и заставили зубами «стричь траву». Руди узнал об этом от сверстников, чьи отцы тоже подверглись этому издевательствам... «Мой отец не смог или не захотел об этом рассказывать, – говорит Бамбер. – Он, правда, пришел домой с пепельно-серым лицом, и все... Не думаю, что тогда у антисемитов был какой-то согласованный план; просто время от времени подворачивалась какая-то возможность сделать что-то против евреев, показать, в каком положении они находятся среди немцев. Унизить их. Советы наверняка были, но расплывчатые, которые можно трактовать по своему усмотрению. Штурмовики между тем уже понимали, что получили карт-бланш и могут делать все что угодно. Эти люди могли быть в той или иной степени антисемитами, могли испытывать какие-то сильные негативные чувства либо просто хотели проявить себя перед соратниками»¹³.

Оценку Руди Бамбером действий штурмовиков в Нюрнберге в первые месяцы 1933 года в целом можно считать верной – действительно, у нацистов не было согласованного плана преследования отдельных евреев, но вскоре по всей стране пройдет антиеврейская акция, которая будет выглядеть гораздо более продуманным и государственно санкционированным актом террора. Это случилось вскоре после того, как в результате выборов 5 марта НСДАП набрала почти 44 процента голосов. Акция началась 7 марта в Рейнской области и в течение нескольких дней распространилась по всей Германии. Штурмовики и те, кто сочувствовал нацистам, устраивали демонстрации перед магазинами, принадлежащими евреям, всячески издевались над продавцами и нередко вынуждали их закрывать торговлю.

24 марта наконец был принят Закон о чрезвычайных полномочиях, очень нужный Гитлеру. Этот нормативный акт, официально называвшийся Законом о преодолении бедственного положения народа и государства, дал ему возможность действовать без одобрения парламента и стал юридической базой для возникшей позже нацистской диктатуры. Через четыре дня Гитлер инициировал призыв к общенемецкому бойкоту еврейских магазинов и предприятий. Форма этого обращения к товарищам по национал-социалистической партии весьма важна по ряду причин. Во-первых, получив широкое одобрение своей новой власти, Адольф Гитлер спокойно мог вновь соединить слова «марксизм» и «еврейство». Немецкий *Volk*, сказал он, должен положить молниеносный конец марксистско-еврейскому кошмару. Во-вторых, нацисты утверждали, что евреи, бежавшие из страны, разворачивают беспринципную, предательскую агитационную кампанию из-за границы. И в-третьих, он заявил: «Группировки, ответственные за распространение всяческой лжи и клеветы, являются евреями в нашей среде, поскольку у немецких евреев есть силы поднять лжецов по всему миру»¹⁴. Это то же самое утверждение о международном еврейском заговоре, которое лидер НСДАП неоднократно делал в начале 1920-х, только в последние годы он удерживался от столь открытой демонстрации своих убеждений. Гитлер явно хотел показать международному сообществу, что не намерен терпеть критику нацистского режима, в особенности его антисемитскую политику, из-за рубежа. Иными словами, немецкие евреи начали использоваться как заложники, чтобы помешать евреям других стран дискредитировать нацизм. Это первый пример того, что позже стало распростра-

ненной реакцией нацистов на критику из-за пределов рейха: чем сильнее звучали нападки на Германию в иностранной прессе, тем большему риску подвергались немецкие евреи. И наконец, Адольф Гитлер не стал подписывать этот документ лично. Он был резолютирован проще: «Руководство Национал-социалистической немецкой рабочей партии», но мы с уверенностью можем говорить, что фюрер имел к нему самое непосредственное отношение, и не только потому, что содержание документа отражало его взгляды, высказываемые ранее. На следующий день газета *Völkischer Beobachter* сообщила, что на первом заседании кабинета министров после принятия закона о чрезвычайных полномочиях канцлер отметил: меры по борьбе с еврейской злостной пропагандой из-за рубежа являются необходимостью, поскольку в ином случае против евреев выступил бы сам *Volk*, а это могло бы вылиться в нежелательные действия¹⁵.

Такая схема – опора на желание сторонников национал-социалистов инициировать антисемитские акции, санкционирование нападений и одновременно обеспечение того, чтобы его имя не было явно связано с формальным приказом нападения на евреев, – похожа, как и использование евреев в качестве заложников, на те, которые мы еще увидим неоднократно. Позже Гитлер говорил о своем желании видеть немецких генералов бультерьерами на цепи, постоянно мечтающими о войне, войне, войне. А он бы их сдерживал¹⁶. Данный принцип руководства, при котором подчиненные призывают к действиям, ранее им в принципе санкционированным, проявился и в поведении штурмовиков в контексте нападений на евреев, и в поведении военачальников перед началом войны. Таким образом, Гитлер получал немало преимуществ: он мог не только дистанцироваться от любых мер, которые впоследствии оказывались непопулярными или вредными, но и при необходимости свалить вину за произошедшее на «горячие головы» – бультерьеров просто не удалось удержать. Но рычаги власти он всегда держал в своих руках. Если Адольф Гитлер хотел что-то прекратить, это прекращалось незамедлительно.

Узнав о ширящихся акциях протеста евреев за рубежом, он почти наверняка поверил, что это своего рода проявление международного еврейского заговора. Самой известной стала акция протеста 27 марта 1933 года в Нью-Йорке. Тогда в спортивном комплексе *Madison Square Garden* и рядом с ним собрались более 50 000 протестующих. За несколько дней до этого, 24 марта, на первой полосе британской газеты *Daily Express* появился призыв: «Иудея объявляет войну Германии – евреи всего мира, объединяйтесь!»

В конце марта по требованию Геринга в Лондон были направлены две делегации немецких евреев – от Организации немецких сионистов и от Центрального союза немецких граждан иудейского вероисповедания. Перед ними поставили задачу попытаться предотвратить применение против Германии торговых санкций¹⁷. Такие действия понять можно, но в искаженном мире, в котором обитал Адольф Гитлер, они подтвердили, что связь между евреями распространяется шире государственных границ. Еврейские группы за пределами Германии тоже хорошо осознавали парадокс, который приходилось принимать во внимание. Если они молчали, это выглядело так, словно немецкие евреи ими брошены, а если выступали, то тем самым подогревали фантазии Гитлера о существовании международного еврейского заговора. Дилемма оказалась неразрешимой и в первые годы власти нацистов препятствовала объединению международной реакции на антисемитские акции внутри Германии.

24 марта Центральный союз немецких граждан иудейского вероисповедания выпустил информационное сообщение для прессы, которое показывает, какую тонкую интригу пытались сплести представители этого самого влиятельного еврейского объединения в Германии. С одной стороны, они опровергли как выдумку сообщения, появившиеся в иностранных газетах и журналах, о том, что, например, за границами еврейского кладбища в Берлине были найдены сваленные в кучу тела евреев и что в городе прошла облава на еврейских девушек. С

другой стороны, союз признал, что некоторые евреи стали объектом актов политической мести и насилия. Его представители как бы говорили: ситуация для евреев в Германии плоха, но не так страшна, как заявляет кое-кто за рубежом¹⁸.

Накануне запланированного бойкота евреев Геббельс с согласия Гитлера заявил, что акция будет проходить только один день – в субботу 1 апреля, но повторится, если нападки на режим из-за границы не прекратятся. Нацисты в очередной раз решили показать, что благополучие немецких евреев зависит от отношения к Германии других стран. Гитлер и Геббельс пытались создать ментальную схему, согласно которой насилие по отношению к немецким евреям можно было бы рассматривать как акт самозащиты против нападков их соплеменников из-за рубежа.

15-летний Арнон Тамир, живший в Штутгарте, с тревогой ждал начала бойкота. Он уже слышал рассказы подвергавшихся избиениям и вообще многое знал. У него тоже был товарищ, старший друг, который как-то раз во время такого эксцесса оказался дома, в деревне. Он рассказал, что штурмовики ворвались в жилища евреев и избили всех так, что никто неделю даже сидеть не мог. Штурмовой отряд был не местным. У нацистов это была обычная практика – направлять на погромы штурмовиков из других областей¹⁹.

1 апреля Арнон понял, что его мир изменился... «Штурмовики маршировали по улицам и останавливались перед каждым еврейским магазином. Они мазали краской витрины, а потом два-три человека оставались перед входом. Прохожие старались ускорить шаг, хотя были и такие, кто останавливался. Штурмовики кричали: “Немцы не покупают в еврейских магазинах!”, “Евреи – наше несчастье!” и тому подобное. Бывало, что люди все равно заходили в магазин. Их не останавливали, это все-таки был еще 1933 год... И потом до нас дошло: если к евреям можно относиться таким образом... Все рассказы сошлись воедино... Рассказы об арестах... Об избиениях и убийствах... Мне казалось, что я проваливаюсь в глубокую яму. Тогда я в первый раз интуитивно понял, что существующие законы к евреям неприменимы. То есть с евреями можно делать все, что хочется, за них никто не заступится, евреи – вне закона. Тогда я впервые почувствовал, что значит, когда любой может сделать с тобой все что ему вздумается, даже забить до смерти. Меня это ужаснуло... Я был молодым, мне еще шестнадцать не исполнилось. Но уже тогда что-то щелкнуло. Я начал дистанцироваться от немцев. Сказать по правде, родители не верили, что возможно нечто подобное. Да и некоторые соседи-немцы говорили: “Это просто кошмарный эпизод! Это пройдет! Они не имеют в виду вас. Они имеют в виду других – важных евреев, богатых евреев, международных евреев”»²⁰.

С точки зрения нацистов, бойкот дал неоднозначные результаты. С одной стороны, он позволил направить необузданную ненависть штурмовиков в организованное русло, а с другой – показал отсутствие поддержки столь жестоких действий широкой публикой. Свидетельство Арнона Тамира, что некоторые немцы бросали вызов нацистам – как ни в чем не бывало заходили в магазины, – не единственное. Это происходило повсеместно. Стало очевидно, что мало кому из немцев по душе акции нацистских бандитов, направленные против беззащитных владельцев магазинов, пусть даже евреев, и такой явный, санкционированный на государственном уровне бойкот больше не повторялся.

Запугав евреев физической силой, нацисты обратились к силе закона. 7 апреля 1933 года правительство Гитлера приняло первый пакет антисемитских законопроектов. Закон о восстановлении профессионального чиновничества предписывал увольнение всех чиновников неарийского происхождения. Другой закон запрещал им заниматься юридической практикой. Правда, по требованию президента Гинденбурга были сделаны некоторые исключения, в основном для ветеранов мировой войны и тех, чьи родственники погибли на фронте. Это позволило многим – в том числе более чем половине юристов-евреев – продолжить свою деятельность. В конце апреля появился третий закон – Закон против переполненности немецких

школ и университетов, который устанавливал в учебных заведениях пятипроцентную квоту для евреев.

Стремление яростных сторонников национал-социализма расширять антисемитские акции трудно было соотнести с желанием Гитлера и нацистского руководства минимизировать трудности в экономике, да и просто в частной жизни граждан страны. В апреле все того же 1933 года из запретительного законодательства, например, были выведены врачи-евреи, но некоторые местные нацистские группы продолжали их преследовать. Не вызывало сомнений, что многие сторонники Гитлера – явно под влиянием его предыдущей яростной риторики, направленной против евреев, – желали более быстрых изменений.

Многие еврейские предприниматели пострадали очень сильно. Вот конкретный пример. Отец Арнона Тамира владел небольшой табачной фабрикой в Штутгарте. Вскоре после апрельского бойкота его контрагенты сказали, что больше не будут продавать выпускаемые им сигареты. Официальной акцией сие не было – местные партийные чиновники могли ничего не знать о такой инициативе, но какое это имело значение для человека, лишившегося своего дела? В результате отец Арнона впал в глубокую депрессию.

Тем не менее среди немецких евреев были и такие, кто не ощутил на себе, что к власти пришли нацисты. Качество жизни таких людей во многом зависело от отношения немцев нееврейского происхождения, среди которых они жили. Руди Бамбер, к примеру, чувствовал себя в своем Нюрнберге совершенно спокойно. Ну если не считать нескольких неприятных эпизодов в школе... И все-таки через несколько месяцев после того, как Гитлер стал канцлером, Руди обратил внимание на то, что преподавание в их школе, а учились в ней дети, принадлежащие к разным церквям даже в русле христианства, не говоря уж о других конфессиях, изменилось. Учитель биологии, например, начал преподавать свой предмет с расистских позиций, говорить о том, что евреи и немцы относятся к разным расам. Однажды Руди нашел на своей парте антисемитскую карикатуру из *Der Stürmer*. Вот что он рассказывает об этом. «Все стояли и смотрели, какой будет моя реакция. Я точно не помню, что сделал, но мне сразу стало понятно, что в любом случае я должен поступить очень продуманно, дабы не доставить слишком большое удовольствие этим наблюдателям. Кажется, я просто поднял крышку парты, сунул карикатуру в ящик и оставил ее там. Преподаватели продолжали строго следить за тем, чтобы в классе был порядок, поэтому ученики знали, что слишком далеко заходить нельзя»²¹.

Наряду с немцами, открыто проявлявшими антисемитизм, оставались и такие, кто старался по мере сил помогать евреям. Евгений Левине вспоминает, что добрых самаритян порой можно было встретить в самых неожиданных местах. Вскоре после прихода Гитлера к власти товарищ Евгения – юноша из нееврейской семьи – предупредил его, что за квартирой, в которой он живет, ведется слежка. Евгений подвергался особому риску – как сын одного из известных революционеров 1919 года и как член берлинской организации молодых коммунистов. Но удивило его то, что предупреждение об опасности исходило от... члена НСДАП. Евгений навсегда остался ему благодарен, не в последнюю очередь за то, что тот пошел на большой риск, сделав это²². Позже он узнал, что и другие евреи рассказывали аналогичные истории.

В первые месяцы нацистского правления страну покинули около 37 000 немецких евреев. Это 7 процентов от 520 000 евреев, живших в Германии в ту пору²³. Большинство перебиралось в соседние Францию или Голландию. Получить визу в Соединенные Штаты было невероятно трудно. Евреям, желавшим эмигрировать, приходилось подчиняться строжайшим законам, определяющим, что они имеют право вывезти с собой. В результате многие буквально остались с пустыми руками. Центральный комитет немецких евреев по вопросам помощи и реконструкции, созданный в 1933 году, выступал против массового исхода: «Бесцельный отъезд за границу никому не пойдет на пользу... это только увеличит число безработных и людей без средств к существованию»²⁴.

Были и другие причины, по которым отъезд оставался спорным вариантом. «С нами жили мои бабушка и дедушка со стороны матери, – рассказывает Руди Бамбер, – и, если у родителей еще была какая-то возможность найти себе что-нибудь за границей, взять с собой стариков они не могли... Это было немыслимо... Но и оставить их на произвол судьбы мама совершенно не была готова. Возможно, и на меня повлиял оптимизм отца и матери – оптимизм, который разделяли многие, что хуже не станет»²⁵.

Сегодня мы знаем, насколько стало хуже евреям, которые остались жить в Германии, но очень важно помнить: в то время никто не мог наверняка утверждать, что Адольф Гитлер продержится в своем кабинете дольше нескольких месяцев. В конце концов, три предыдущих канцлера тоже пытались контролировать ход событий, но были смещены с поста... Почему бы и Гитлеру не оказаться очередным в этом списке? «Многие думали: “Он не справится с безработицей, – говорит Евгений Левине. – Националисты ничего не в состоянии сделать. Их лидер надавал кучу обещаний, выполнить которые не сможет. Скоро ему конец...” Вот почему многие евреи оставались. Кому хочется стать беженцем и жить неизвестно на что, если у тебя здесь есть хорошая квартира и свое дело?»²⁶

В то время жизнь евреев в Германии существенно различалась, и во многом это определялось географией. Большинство немецких евреев жили в крупных городах, преимущественно в Берлине и Франкфурте. В последнем они составляли 5 процентов всего населения²⁷. В крупных центрах у немецких евреев было меньше шансов стать жертвами произвольного нападения, чем в провинции. В маленьких городах и деревнях нередко можно было увидеть надписи «Евреям здесь не место» и подобные им. Особенно заметным антисемитизм стал на севере Баварии, в регионе, известном как Франкония. Гауляйтером Франконии являлся Юлиус Штрейхер, и уровень антисемитских настроений здесь был крайне высок. Совсем не случайно в эти первые годы правления нацистов именно во Франконии, в городке Гунценхаузен, что в 50 километрах к юго-западу от Нюрнберга, произошел самый страшный случай нападения на евреев.

Вечером 25 марта 1934 года 22-летний штурмовик Курт Бер с несколькими приятелями пришел в пивную, принадлежащую еврею. До них дошел слух, что якобы какой-то ариец зашел выпить пива именно в это заведение, и они сочли сие возмутительным. Было, кстати, Вербное воскресенье – праздник, имеющий для христиан особое религиозное значение. Потом Бер говорил, что в пивной Юлиус Штраус, сын хозяина, плюнул в него, хотя тот, в свою очередь, сказал, что это неправда. Так или иначе, Бер стал избивать не только Юлиуса, но и его отца, а также остальных членов семьи Штраус. Перед пивной уже собралась толпа, и Бер прекратил рукоприкладство, но лишь для того, чтобы произнести речь. Он спросил, как это возможно, чтобы даже в этот день христианин пил пиво у евреев, если евреи – их смертельные враги, они ведь распяли Господа. Более того, на евреях вина за 2 000 000 оставшихся на полях мировой войны, а еще за 400 погибших и 10 000 сильно пострадавших членов нацистского движения. К тому же сколько раз в прошлом евреи насиловали немецких девушек и сколько этих ублюдков продолжает заниматься тем же самым по сей день?! Вывод из этих огульных обвинений был однозначный: «Сегодня, если еврей смеет плевать на члена штурмового отряда, – это все равно, что он плюет на Адольфа Гитлера и на всех национал-социалистов»²⁸. Есть свидетельство, что Бера слушали около 200 человек и все согласились с ним²⁹.

Избиение Юлиуса возобновилось, толпа провоцировала штурмовиков криками: «Дай ему, дай ему еще!»³⁰ Затем всю семью Штраус забрали в полицию, а потом отправили в местную тюрьму. В официальном докладе по поводу этого инцидента отмечено, что после того, как фрау Штраус выразила протест и заявила, что ничего плохого не сделала, Курт Бер ударил ее по лицу и крикнул: «Закрой рот, еврейская шлюха!» Фрау Штраус попыталась спрятаться за тюремного надзирателя, во всяком случае, схватила его за руку. Для Бера это стало пово-

дом нанести ей еще один удар со словами: «Еврейская шлюха! Не смей прикасаться к христианину!»³¹

Через какое-то время по улицам Гунценхаузена шатались уже сотни (по некоторым сообщениям – тысячи) человек, которые выкрикивали: «Евреи, убирайтесь вон!» Начались нападения на дома евреев. Около 30 человек были ранены, а для двоих тот день стал последним. Один еврей совершил самоубийство, когда толпа подступила к нему с угрозами, а другого, Якоба Розенфельдера, нашли повешенным в сарае. Почти наверняка он был убит.

В беспорядках приняли участие многие жители городка, но перед судом предстали всего несколько штурмовиков. В июне 1934 года окружной суд Ансбаха, города земельного подчинения, вопреки ряду свидетельств вынес свой вердикт: оба погибших еврея покончили жизнь самоубийством. Таким образом, подозреваемым предъявили обвинения только в нарушении общественного порядка и нанесении мелких телесных повреждений. Пятерых обвиняемых оправдали, 17 приговорили к тюремному заключению на срок от трех до семи месяцев. Курт Бер получил десять месяцев. Ни один из осужденных не был немедленно взят под стражу, а 21 августа приговор отменили всем, за исключением Бера. В ходе расследования преступления заместитель руководителя СА в правительстве Центральной Франконии пытался переложить вину за происшедшее на самих евреев. Есть официальный документ, в котором этот партийный функционер утверждает: «...несмотря на национал-социалистическую революцию, грязным играм евреев еще не положен конец... евреи в этом регионе – такие же высокомерные, дерзкие, наглые и бесстыжие, какими были до революции. Многие жители Гунценхаузена, равно как и его окрестностей, уже давно совершенно обоснованно испытывают недовольство по этому поводу»³².

В Берлине обеспокоились, но только тем, что местные нацисты проявляют много инициативы. В Баварию пришло указание рейхсминистра внутренних дел: «Настоятельно рекомендую принять меры по недопущению в дальнейшем подобных беспорядков. Полиции надлежит вмешиваться, если на улицах распевают песню: “Когда с наших ножей польется еврейская кровь, все станет хорошо!” Еврейский вопрос будет решаться правительством рейха, а не штурмовыми отрядами или властями Гунценхаузена»³³.

И тем не менее на этом инцидент не закончился. 15 июля 1934 года Курт Бер с двумя товарищами вернулся в ту же пивную в Гунценхаузене... Вот выписка из обвинения, которое ему было предъявлено впоследствии. «Бер вошел в зал с криками “Руки вверх!”, после чего два раза выстрелил в Симона Штрауса – владельца пивной, который сидел напротив входа. Обе пули попали в голову». Сын хозяина пытался убежать, но Бер успел выстрелить и в него. Бера задержали. Вскоре у местной тюрьмы собралась большая толпа. Беру удалось крикнуть в окно: «“Я застрелил двух евреев! Вы можете мною гордиться! Я защищал честь своих товарищей по СА!”»³⁴

Симон Штраус умер, а Юлиус остался жив, поэтому Беру предъявили обвинение в убийстве и покушении на убийство. В октябре 1934 года его приговорили к десяти годам тюремного заключения, но на свободе Бер оказался спустя четыре года. Этому немало способствовал Штрейхер, сказавший, в частности, по словам одного свидетеля: «Нехорошо, что этого еврея убили, но я буду рад, если мертвыми окажутся все евреи»³⁵.

События в Гунценхаузене – крайнее проявление антисемитизма, акций, которые проводились в первые два года пребывания Адольфа Гитлера на посту канцлера Германии. Ничего подобного в Баварии больше не происходило до Хрустальной ночи, или Ночи разбитых витрин, – серии скоординированных атак против евреев во всей Германии и части Австрии 9–10 ноября 1938 года, осуществленной отрядами СА и гражданскими лицами. Полиция тогда самоустранилась, а нападения привели к тому, что улицы были покрыты осколками стекла из окон принадлежавших евреям магазинов, зданий и синагог.

И все-таки спонтанные акции начала 1930-х годов имеют большое значение. Прежде всего, они показывают – у нацистов уже, что называется, чесались руки. При этом нет никаких свидетельств, что нападения на евреев планировались заранее. Бер в тот день в той пивной просто потерял самообладание, вот все и произошло... Но даже с учетом того, что его действия стали своего рода катализатором, погром был возможен только как результат подспудной напряженности. Многие жители Гунценхаузена поддержали штурмовиков потому, что их ненависть по отношению к евреям достигла градуса, когда от слов переходят к делу. То, что Бер в своем выступлении перед пивной заострил внимание на традиционном, христианском антисемитизме, по сути, новым не было. В этой части Франконии жили в основном протестанты, а за них уже многое сказал Мартин Лютер.

Этот инцидент продемонстрировал разногласия между местными партийными властями, которые полагали, что могут предпринимать против евреев любые действия, и центральным аппаратом НСДАП – из Берлина ясно дали понять, что еврейский вопрос будет решаться в столице, а не в провинции, но примечателен и тот факт, что тот же Бер почувствовал, наверное интуитивно, что Гитлер, скорее всего, согласился бы с тем, что плевок на немца в форме СА – это все равно, что плевок в него. И наконец, эта неприглядная история в Гунценхаузене показывает нам, до какой степени уже извратилось немецкое правосудие после прихода нацистов к власти. Даже при том, что в данном случае некоторые из штурмовиков предстали перед судом и были признаны виновными, юридическая система впоследствии словно забыла о жертвах преступления, освободив штурмовиков по апелляции. Вскоре такая схема стала общепринятой, поскольку нацистское государство отвергало принцип верховенства права.

В мае 1934 года, через два месяца после злополучного Вербного воскресенья, *Der Stürmer* Юлиуса Штрейхера вышел специальным выпуском. Назывался он «Еврейский убийственный заговор». Карикатура на первой полосе в гротескном виде изображала двух евреев, причем один из них был с окровавленным ножом в руке. Та самая кровь христианских младенцев... Текст внизу гласил, что евреи собирают христианскую кровь, чтобы подмешивать ее в мацу, – таков их давний ритуал. Был и другой рисунок – евреи, сосущие через соломинки кровь распостертого ребенка, а также репродукция барельефа из церкви во имя Божией Матери в Обервезеле – городе в земле Рейнланд-Пфальц, запечатлевшего якобы приношение в жертву 16-летнего юноши, впоследствии канонизированного как Вернер Обервезельский. Кроме того, в одной из статей утверждалось, что вся история евреев – это непрерывная цепь кровопролитий и массовых убийств.

Спецвыпуск *Der Stürmer* не преминул подчеркнуть и связь между евреями и коммунистами. После революции 1917 года в России, говорилось в другом материале, расстреляны, замучены и уморены голодом уже 35 000 000 человек. В настоящее время в «...еврейской большевистской России массовые убийства продолжаются, причем убийцы – в основном евреи». Продано было свыше 100 000 экземпляров «Еврейского убийственного заговора», а на уличных стендах газета оказалась чуть ли не на каждом углу.

Нельзя не отметить, что этот спецвыпуск *Der Stürmer* вызвал протесты не только за рубежом, но и среди христиан в самой Германии. Они были настолько сильны, что федеральному правительству пришлось внести «Еврейский убийственный заговор» в список запрещенных изданий. Важно отметить, что, по словам самого Гитлера, он запретил спецвыпуск *Der Stürmer* не из-за лжи о евреях, содержащейся в нем, а потому, что сама тема может быть истолкована как нападки на святое христианское сообщество³⁶. Что из этого следует? Очевидно то, что, несмотря на признание политической целесообразности дистанцироваться от экстремистского содержания «Еврейского убийственного заговора», Адольф Гитлер не мог себя заставить выступить с критикой газеты за нападки против евреев.

Пока еще не существовало официального курса на сегрегацию немецких евреев от остального населения, но на них, особенно в провинции, оказывалось сильнейшее давление с

тем, чтобы они покидали места, в которых их больше не желали видеть. В частности, газета *Fränkische Tageszeitung* 26 мая 1934 года сообщила следующее: «В четверг в 17 часов над домом последнего еврея, покинувшего Херсбрук, Средняя Франкония, был водружен флаг со свастикой. Округ Херсбрук окончательно очищен от евреев. Население восприняло этот факт с гордостью и удовлетворением»³⁷. *Fränkische Tageszeitung* ликовала – есть надежда, что вскоре этому примеру последуют и другие районы. Недалек тот день, когда вся Франкония избавится от евреев. И вообще, неизбежно наступит такое время, когда во всей Германии не останется ни единого еврея!

Не было пока и закона, запрещающего евреям вступать в брак или иметь внебрачные отношения с неевреями, но тем не менее уже имелось много примеров того, как местные нацистские организации всячески унижали смешанные пары. Юрист еврейского происхождения Курт Розенберг в августе 1933 года записал в своем дневнике, как в Куксхафене, в Нижней Саксонии, арийскую девушку провели по городу с табличкой на шее: «Я свинья, потому что встречаюсь с евреем». Рядом толкали в спину ее молодого человека... В других местах на стены домов клеили листки с именами немцев, которых заметили в компании с евреями. И повсюду евреям стали запрещать появляться на городских площадях³⁸.

Тем не менее, несмотря на все примеры государственно санкционированного и инициированного на местах преследования, важно обратить внимание на то, что в это время *не* происходило. Немецких евреев еще массово не отправляли в концентрационные лагеря. Первые импровизированные лагеря создавались для политических оппонентов нацистов, а не для евреев. В Пруссии тысячи штурмовиков, призванных Германом Герингом во вспомогательную полицию – военизированную организацию, существовавшую в Пруссии и других землях Третьего рейха с февраля до середины августа 1933 года, задерживали своих бывших политических противников и сажали в импровизированные тюрьмы, созданные в неиспользуемых фабричных зданиях, на складах, даже в подвалах домов самих членов СА. Задержанных уже избивали и унижали. В марте 1933-го Вильгельм Мурр, вюртембергский гауляйтер и рейхсштатгалтер, то есть представитель имперского правительства на подведомственных ему территориях, в задачу которого входило наблюдение за выполнением политических директив фюрера и рейхсканцлера, сказал примечательные слова: «Мы не говорим: око за око, зуб за зуб. Нет, если кто-нибудь выбьет нам один глаз, мы снесем ему голову, а если кто-нибудь выбьет нам один зуб, мы раскрошим ему челюсть»³⁹.

В марте 1933 года полицей-президентом Баварии стал Генрих Гиммлер, к тому времени уже являющийся главой специальной службы безопасности – (*Schutzstaffel*, SS), изначально созданной для защиты ораторов партии национал-социалистов на публичных митингах. Гиммлер начал процесс превращения этой организации в элитный отряд сторонников нацизма, хотя пока еще и в рамках более общей структуры штурмовиков под командованием главы СА Эрнста Рема. Многие члены СС давали присягу как служащие вспомогательной полиции и в этом качестве начали карьеру в первых концентрационных лагерях в Баварии.

В марте 1933-го Гиммлер выступил с речью, оправдывающей массовые аресты политических оппонентов новой власти. Это один из первых примеров патерналистской демагогии, которой он прославится в следующие годы: «Я выступаю за широкое применение превентивного заключения... Я вынужден так поступать, потому что во многих районах города происходят такие волнения, что я не могу гарантировать безопасность отдельных людей, которые их провоцируют»⁴⁰.

Гиммлер также заявлял, что людей отправляют в концентрационные лагеря для их же собственной пользы, поскольку в случае массовых народных выступлений против их действий на улицах безопасность им не может быть обеспечена. Похожая аргументация будет позже, в том же месяце, у Гитлера по поводу бойкота евреям. Он скажет, что нацистское государство

вынуждено вмешаться, иначе немецкий *Volk* возьмет дело в свои руки⁴¹. По словам Гимmlера, превентивное заключение служит двум целям: население окажется защищено от тех, кого арестовывают нацисты, а сами арестованные – от этого самого населения. Только такой логикой можно объяснить весьма причудливое заявление, которое должны были подписывать заключенные перед тем, как их выпустят из концентрационного лагеря: «Я сознаю, что могу в любой момент подать прошение о дальнейшем превентивном заключении, если почувствую, что моему физическому существованию угрожает опасность»⁴².

Превентивное заключение не заменило существующую в Германии юридическую систему, а существовало параллельно ей. Герман Геринг так объяснял это на Нюрнбергском процессе в 1946 году: «Необходимо провести различие между двумя категориями. Те, кто совершал какие-то изменнические действия по отношению к новому государству или намеревался совершить подобные действия, и этому были подтверждения, разумеется, подвергались суду. Те же, от кого можно было ожидать подобных действий, но не совершившие их, подвергались превентивному заключению. И как раз эти люди попадали в концентрационные лагеря»⁴³. Данная идея противоречит всем нормам права, но вполне согласуется с принципами, изложенными Адольфом Гитлером в «Моей борьбе». Людей следует судить и за то, кто они есть, и за то, что они сделали. Это часть той самой философии, которая утверждает, что еврей, даже крещеный, никогда не станет христианином, потому что по своему существу остается евреем.

Такой образ мыслей имеет и другое последствие. Заключенные в концентрационных лагерях не отбывали определенный срок – да и как его можно было установить, если они зачастую не совершали никакого преступления? Таким образом, заключенный не знал дату своего освобождения. Может, его выпустят завтра... А может, никогда не выпустят. Как позже говорил комендант одного концентрационного лагеря, неопределенность длительности их заключения была тем, с чем они никогда не могли примириться. Это изматывало их больше всего и ломало самую крепкую силу воли⁴⁴.

Первые концентрационные лагеря и не планировались как обычные тюрьмы, где наказанием служило само заключение. Согласно нацистской теории, заключение человека в лагерь являлось не актом возмездия, а возможностью дать ему измениться. «Мы должны были спасти этих людей, – говорил Геринг, – чтобы вернуть их в немецкое национальное общество. Мы должны были их перевоспитывать»⁴⁵.

Итак, первый концентрационный лагерь в Баварии открылся 22 марта 1933 года в небольшом городке всего в 15 километрах от центра Мюнхена. Название этого городка Дахау. Гимmlер лично инспектировал это место – заброшенную фабрику на окраине города, и решил, что именно здесь и разместится лагерь. Что в этом «учреждении» будет происходить, было ясно с самого начала. «Теперь мы пришли к власти, – говорил оберфюрер СС Иоганн Эразмус фон Мальзен-Поникау охранникам в Дахау. – Если бы победили эти свиньи, то наши головы наверняка бы валялись в грязи. Так что никаких сантиментов. Тем, кто вступил в наши ряды и не может выдержать вида крови, здесь не место. Они должны уйти»⁴⁶. Эти слова демонстрируют лицемерие Геринга, утверждавшего, что роль лагерей была в «спасении» заблудших немцев, и Гимmlера, который заявлял, что отряды СС должны были обеспечивать безопасность заключенных.

В канун Рождества 1934 года социал-демократ Йозеф Фельдер лично узнал, в каком виде может проявляться отсутствие сантиментов. В марте 1933-го он проголосовал против закона о чрезвычайных полномочиях и, как один из политических оппонентов нацистов, стал одним из основных кандидатов на превентивное заключение. Фельдера арестовали и доставили в Дахау, где бросили в одну из камер здания, известную как бункер. «Они забрали мешок с соломой, который лежал... на досках кровати. При этом охранники сказали: “Тебе он не понадобится, потому что очень скоро ты сдохнешь”»⁴⁷. Фельдер остался в темной клетке и слышал, как

эсэсовцы все более бурно веселились – выпивали, праздную Рождество. Около полуночи один из них вернулся, открыл железное окошко на двери камеры и протянул узнику тарелку с сосисками и претцелями – традиционными кренделями в форме узла. «Это тебе подкрепиться перед казнью, – сказал он. – Хотя ты этого не заслуживаешь, ублюдок. Мы все про тебя знаем. Мы тебе покажем!» Охранник захлопнул окошко и ушел. Он вернулся ночью еще раз – теперь с веревкой в руках – и посоветовал Йозефу повеситься. Фельдер сказал, что не сделает этого – у него семья, а если они хотят его смерти, то пусть убьют сами. «Да, – усмехнулся эсэсовец. – Мы так и сделаем. Но у нас много времени!»

Психологическая пытка продолжалась. Через несколько дней, проведенных в бункере, Йозефу Фельдеру сказали: «Тебя выпустят завтра», но это оказалось мрачной шуткой. «Охранники и дальше продолжали говорить, – вспоминает он, – что меня выпустят завтра. Но они просто издевались». Три из четырех дней ему давали только воду и кусок хлеба. На четвертый день – чай и, в лучшем случае, немного горячей пищи. Он лежал в темноте, в антисанитарных условиях... Голова раскалывалась от тревожных мыслей. Неудивительно, что через некоторое время у Фельдера начались проблемы со здоровьем. Вновь дала о себе знать болезнь легких, которая была несколько лет назад. В конце концов охранники перевели его в отдельную зону, где находились еще с десятков заключенных, тоже страдающих легочными заболеваниями. «Нацисты очень боялись туберкулеза, – говорит Фельдер. – В те времена он считался серьезной болезнью».

Йозефу Фельдеру стало лучше, и через год пребывания в Дахау он был выпущен на свободу. Многие заключенные этого лагеря сидели в нем примерно столько же, хотя кого-то отпускали через несколько месяцев, а кто-то за колючую проволоку уже никогда не вышел. Объяснений никаких не было. Все заключенные, выпущенные из лагеря, подписывали обязательство никогда и никому не рассказывать о том, что в нем происходит. В противном случае они рисковали снова оказаться здесь.

Немецкие евреи в первых концентрационных лагерях, безусловно, были, но тут все не столь однозначно. В марте 1933 года в одном из своих выступлений Гиммлер подчеркнул, что евреи не будут подвергаться преследованиям только за то, что они евреи. Он сказал: «На один момент я должен обратить особое внимание. Для нас граждане иудейского вероисповедания – такие же граждане, как те, кто не исповедует иудаизм, и их жизнь и имущество находятся под такой же защитой. Мы не делаем никаких различий в этом отношении»⁴⁸. Для Гиммлера это было странное заявление, тем более что программа НСДАП отрицала, что евреи являются «настоящими» немцами. Вероятно, он сделал это лицемерное заявление для зарубежной аудитории – чтобы опровергнуть якобы «злостную пропаганду», да и для внутренней тоже. Наверное, штурмовики эту его речь не слышали. Во всяком случае, как руководство к действию она воспринята не была. Часть коммунистов и социалистов, направляемых в лагеря, являлись евреями, и с ними нередко обращались гораздо более жестоко, чем с другими заключенными. Макс Абрахам после того, как ему удалось покинуть Германию, написал книгу «Смерть Иуды. Раввин в концентрационном лагере». Опубликована она была в 1934 году. Абрахам описал в ней свои страдания в первые месяцы после прихода Гитлера к власти.

Макса Абрахама арестовали в июне 1933-го якобы за агрессивное поведение по отношению к штурмовику, но, поскольку он был членом социал-демократической партии и активным деятелем небольшой еврейской общины в родном городе Ратенау, вполне вероятно, что нацисты просто искали повод задержать его. Наряду с этим у них был к Абрахаму, что называется, и персональный счет: еще в 1930 году за нападение на него один штурмовик получил пять месяцев тюрьмы.

После ареста члены СА избивали Абрахама дубинками сами, а затем придумали себе другое развлечение. «Нас, четверых евреев, заставили бить дубинками друг друга, – пишет Абра-

хам. – Если мы били недостаточно сильно, штурмовики подвергали нас еще более жестоким пыткам»⁴⁹. Что это, как не садизм?

Макса Абрахама привезли в небольшой лагерь в Папенбурге, в 60 километрах от Ольденбурга, на севере Германии. Приближался еврейский Новый год, и охранники решили отметить этот праздник по-своему. В первый день Рош а-Шана эсэсовцы загнали Абрахама и еще нескольких евреев в навозную яму. «Шарфюрер СС Эверлинг заорал на меня: “Вот здесь, раввин, будешь проводить свою службу!” – пишет Абрахам. – Во мне все взбунтовалось против такого буквального осквернения веры. И я отказался...» Охранники настаивали на исполнении приказа. Абрахам продолжал повторять: «Я не буду проводить службу в навозной яме». В конце концов раввина оттуда вытащили, и на него обрушился град ударов дубинками и прикладами. Когда Абрахам упал без чувств, его оттащили обратно в барак. Там он два часа пролежал без сознания. Позже в этот же день Абрахама вновь привели к навозной яме, и шарфюрер Эверлинг приказал ему рассказать об иудаизме перед группой евреев. Эсэсовцы наблюдали за происходящим. «Иудейская религия, как и любая другая, основана на десяти заповедях, – сказал Абрахам, – самое прекрасное библейское изречение – возлюби ближнего, как самого себя». Эверлинг заорал: «Заткнись, свинья! Мы научим тебя нашим представлениям о добродетелях!» Затем Абрахама снова избивали. «Все тело болело от побоев, я не мог ни сидеть, ни лежать. Начались лихорадка и конвульсии. Ночь я провел в кошмарном бреду. Наутро я был в настолько плохом состоянии, что меня перевели в больницу. Там я оказался среди нееврейских товарищей, социал-демократов и коммунистов, которые, как могли, ухаживали за мной. Я никогда не забуду их дружескую помощь»⁵⁰.

После четырех месяцев заключения Макса Абрахама выпустили на свободу. В 1934-м ему удалось перебраться в Чехословакию. Затем он оказался в Британии, где и жил до самой смерти, последовавшей в 1977 году⁵¹. Его книга «Смерть Иуды. Раввин в концентрационном лагере» свидетельствует о том, что штурмовики и эсэсовцы проявляли садизм по отношению к евреям в концлагерях задолго до создания фабрик смерти во время Холокоста.

Нацисты не делали секрета из создания концлагерей. Об их существовании было хорошо известно. О них писали газеты всего мира. В частности, 1 января 1934 года реалии жизни в так называемом бункере в Дахау описывала *Manchester Guardian*: «Камеры бетонные, в каждой – одно зарешеченное окно (которое может закрываться), в них сыро, отопительная система отсутствует». В статье также рассказывалось об экзекуциях, которые проводили охранники: «Заклоченных бьют бичами из бычьей кожи, в которые по всей длине вделаны стальные полосы шириной три-четыре миллиметра (их изготавливают сами заключенные). Удары – их число варьируется от двадцати пяти до семидесяти пяти, в зависимости от вынесенного решения о наказании, – считает охранник-эсэсовец. Два других охранника держат заключенного – один за руки, другой за голову, на которую предварительно надевают мешок, чтобы приглушить крики истязаемого... Бывает, что заключенных также избивают кусками резиновых шлангов. Бывает, что прижигают сигаретами, а к некоторым применяют то, что американцы называют “водной пыткой”»⁵².

Немецкий коммунист Ганс Баймлер опубликовал еще одно раннее свидетельство о том, что творилось в лагере в 1933 году. Свою книгу он уже тогда назвал «Лагерь смерти Дахау»⁵³. Для этого есть все основания, хотя в Дахау было убито относительно немного заключенных, и концлагеря того периода не следует путать с лагерями уничтожения, возникшими позже, такими, как Треблинка, единственной функцией которых была смерть, смерть, смерть... При всем ужасе нацистского режима до войны в Дахау большинство тех, кто там тогда оказался, остались живы.

Баймлера – известного коммуниста, секретаря окружного комитета компартии Германии в Южной Баварии – арестовали 11 апреля 1933 года. Штурмовики при этом даже не

пытались скрыть свое ликование. В тюрьме его, конечно, избивали – жестоко, резиновыми дубинками. Через две недели Баймлера перевели в Дахау и бросили в камеру в бункере, предварительно ударив по голове. Как и Йозефу Фельдеру, охранник принес Баймлери веревку и посоветовал повеситься... Как-то Баймлер услышал крики заключенных, подвергавшихся истязаниям, потом распахнулась дверь его камеры и ворвались несколько охранников. Ганса избили настолько жестоко, что он несколько дней не мог встать – и спать от боли тоже оказался не в состоянии.

Поразительно, но Баймлери удалось сбежать из Дахау. Он оторвал доску над небольшим высоким окошком в своей камере, протиснулся в узкое отверстие и сумел выбраться за пределы лагеря. Конечно, Баймлера искали – и по горячим следам, и после, но товарищи помогли ему перебраться через немецкую границу. Словом, Ганс Баймлер оказался на свободе. Он погиб в 1936 году в Испании, сражаясь в рядах интернациональных бригад.

В результате публикации таких книг, как «Смерть Иуды. Раввин в концентрационном лагере» и «Лагерь смерти Дахау», материалов в *Manchester Guardian* и других газетах, жесточайший характер нацистского режима был известен в мире с самого начала. Тем не менее наряду с этими достоверными свидетельствами печатались и другие статьи, в первую очередь в самой Германии, дезинформирующие о том, что происходит в концентрационных лагерях. Например, городская газета Дахау *Amper-Vote* в сентябре 1933 года утверждала, что заключенные в лагере занимаются спортом и с удовольствием трудятся⁵⁴. И многие немецкие граждане верили этому. Эрна Кранц, в 1930-е годы мюнхенская школьница, вспоминает: «Мы знали о существовании Дахау, но это же просто лагерь для заключенных, так ведь? Нам говорили, что там содержатся коммунисты и преступники»⁵⁵. Карл Бем-Тейтельбах, в то время молодой военный летчик, был убежден, что в Дахау собраны преступники-рецидивисты. «Им, конечно, приходилось там работать. Вдобавок Гитлер убирал с улиц и отправлял туда всех изгоев общества, особенно гомосексуалистов. Они содержались в Дахау, в трудовом лагере, и люди против этого особо не возражали»⁵⁶.

Мысль, что все заключенные лагерей типа Дахау в каком-то смысле заслуживают своей участи – даже при том, что им не предъявляли никаких обвинений в преступлениях, – действительно укоренилась у многих. Вальтер Фернау, к примеру, впервые услышал словосочетание «концентрационный лагерь» в 1935 году, будучи подростком. Вот что он вспоминает. «Сын друга моего отца флиртовал в кафе с замужней женщиной, а затем там появился человек в форме гауптштурмфюрера СС, который оказался ее мужем. Он стал орать на парня. Тут надо заметить, что этот молодой человек был бездельником и проматывал отцовское состояние. Единственными его занятиями были романы с женщинами и пустое времяпрепровождение в барах. И он ударил этого эсэсовца так, что тот перелетел через два стола и грохнулся на пол. Затем он подхватил свою даму, то есть жену этого гауптштурмфюрера, и они ушли. Разумеется, через некоторое время полиция его арестовала. Мой отец рассказал матери эту историю за обедом. Мы с сестрой слышали. Потом он добавил: “Представляешь, старшего сына Адельберта арестовали. Он избил офицера СС, и теперь его отправляют в концентрационный лагерь”. Мать спросила: “И что с ним будет?” Отец ответил: “Наконец-то он научится работать”. Разумеется, я, пятнадцатилетний подросток, подумал: “Это бездельник, который ничего полезного в своей жизни не сделал, только ухлестывал за женщинами и гонял по городу на автомобиле. Произошедшее пойдет ему на пользу. Труд его изменит”»⁵⁷.

Безусловно, были и такие, кто оценивал это с политической точки зрения. Манфред фон Шредер, добропорядочный сын банкира, вступивший в нацистскую партию в 1933 году, полагал, что концентрационные лагеря – вполне понятный побочный продукт революции. «Известна ли вам в истории, – спрашивает он, – хоть одна революция без неприглядных аспектов с той или другой стороны?»⁵⁸ Ему вторит австрийский нацист Рейнхард Шпитци: «При

всех революциях, а мы считали, что у нас произошла революция, национал-социалистическая революция, проливается кровь»⁵⁹.

На первый взгляд, может показаться странным, что так много людей приветствовало революцию, даже с ее «неприглядными аспектами». Но чему тут удивляться, если вспомнить, что Германия только что пережила экзистенциальный кризис? В результате экономического краха вся страна, казалось, разваливается на куски. Все знали, что произошло в 1917 году в России, и были реальные опасения, что такая революция может разразиться и в Германии. В результате очень многие немцы, негативно относящиеся к, возможно, еще более страшному хаосу и насилию, полагали, что единственный способ обрести мир и безопасность – поддержать Гитлера и его штурмовые отряды. Они считали, что национал-социалистическая революция предпочтительнее коммунистической и что ее результатом станут главенство закона и столь желаемый всеми порядок. Это устраивало людей еще и потому, что нацисты, казалось, четко обозначили своих врагов: не только евреев, но и коммунистов с социал-демократами. Так что, если ты не был евреем, коммунистом или социал-демократом, не был бездомным бродягой, не входил в конфликт с новым режимом каким-то иным образом, а являлся добропорядочным немцем, который хотел все начать сначала, тебе нечего было опасаться преследований. И вполне вероятно, что ты мог одобрительно относиться к тому, что делали нацисты.

С учетом того, что риторика Гитлера фокусировалась на борьбе с врагами и их подавлении, неудивительно, что контроль над охраной, служившей в лагерях, стал особой заботой режима. Гиммлер решил не только укомплектовать лагеря, находящиеся в его подчинении, эсэсовцами, но и сменить коменданта своего показательного «учреждения» – Дахау, причем произошло это буквально через три месяца после начала его работы. Первый комендант, Хильмар Векерле, был образцовым немецким солдатом. Образцовым немецким солдатом, мыслящим старыми категориями. . . Ветеран мировой войны, участник фрайкора, классический «старый боец», которого привлек бунтарский характер нацистской партии. Теперь, когда НСДАП пришла к власти, Векерле оказался на должности, которой не вполне соответствовал по широте «нового мышления».

Векерле мог идти только, что называется, по прямой дороге, а Гиммлера это не устраивало. Кроме того, к Дахау уже было привлечено слишком много внимания, абсолютно ненужного. Вот, например, смерть 12 апреля 1933 года четверых заключенных, евреев. Их вывели за пределы лагеря в ближайший лес и застрелили при попытке к бегству – такой эвфемизм нацисты использовали всегда. Почему этих конкретных заключенных решено было убить, до сих пор остается неизвестным, хотя один офицер, лейтенант полиции Шулер, позже говорил, что, по его мнению, Векерле опасался коммунистического восстания в лагере⁶⁰. Этим случаем заинтересовалась прокуратура Баварии, и результаты расследования оказались для Гиммлера весьма неприятными. Обстоятельства гибели заключенных противоречили его рассказам о Дахау как дисциплинарном объекте, главная задача которого – перевоспитание.

Именно в разгар этого разбирательства, 9 мая, удалось бежать из лагеря Гансу Баймлеру. Другими словами, был повод говорить не только о том, что в Дахау исполняют внесудебные приговоры, но и о том, что охрана не справляется со своими прямыми обязанностями. В общем, к концу следующего месяца Векерле отправили в отставку.

Новым комендантом Дахау стал Теодор Эйке. Этого человека с полным правом можно назвать одним из создателей системы концентрационных лагерей в нацистской Германии. Дахау новый комендант в короткие сроки превратил в образцовый лагерь с исключительно дисциплинированной охраной. Принудительный труд, существовавший в лагерях и до Эйке, сохранился, но при нем Дахау стал экономически эффективным предприятием (появились обувная мастерская, кузница, пекарня и т. д.). В дальнейшем все концлагеря создавались по образу и подобию Дахау.

При выборе обергруппенфюрера СС Теодора Эйке на должность коменданта Дахау Гиммлер руководствовался собственным представлением о том, какие качества характера важны для высших офицеров его ведомства. При этом Эйке можно назвать антиподом самого рейхсфюрера. Гиммлер был педантичным, организованным и спокойным, а Эйке – вспыльчивым, яростным спорщиком. В 1932 году его арестовали по обвинению в подготовке к терактам с использованием взрывчатки и приговорили к двум годам заключения, но министр юстиции Баварии Франц Гюртнер, который в 1924 году способствовал тому, чтобы Гитлер, приговоренный к пятилетнему заключению, вышел на свободу уже через девять месяцев, отпустил Эйке под честное слово домой – по состоянию здоровья, и он практически сразу бежал в Италию. В Германию он вернулся только после того, как Адольф Гитлер стал канцлером. У Эйке почти сразу начались конфликты с гауляйтером Рейнланд-Пфальца Йозефом Бюркелем. Закончилось все это тем, что Эйке вместе с группой эсэсовцев ворвался в штаб-квартиру НСДАП в Людвигсхафене и на три часа запер Бюркеля в стенном шкафу. Потом, правда, самого Эйке поместили в психиатрическую клинику и лишили звания СС. Под присмотром врачей он находился до июня того же года, а потом был освобожден и восстановлен в звании. Распоряжение подписал Гиммлер.

Рейхсфюрер рассчитывал не только на организаторские способности Эйке, которые действительно были незаурядными, но и на то, что отныне тот будет безгранично предан ему лично. Без вмешательства Гиммлера карьера 40-летнего Эйке не то что пошла бы на спад – оборвалась бы в крутом пике. Гиммлер дал ему шанс. Давал он их и другим, в частности Рейнхарду Гейдриху, который позже примет самое непосредственное участие в разработке и реализации программы уничтожения евреев. После того как Гейдрих, морской офицер, вынужден был уйти в отставку после суда чести, в 1931 году Гиммлер поручил ему заняться созданием спецслужбы НСДАП, впоследствии получившей известность как СД.

При Эйке кардинально изменилась охрана Дахау. Штурмовиков сменили профессионалы из сформированной недавно дивизии СС «Мертвая голова». Комендант подписал целый ряд новых инструкций, но не для того, чтобы исключить насилие по отношению к заключенным, а для того, чтобы его регламентировать. В частности, в одном из таких распоряжений было сказано, что казнить следует любого узника, который нападет на охранника или служащего войск СС, откажется подчиниться приказу, выполнять команды, полученные на рабочем месте, будет подстрекать или призывать других к подобным действиям с целью поднять бунт, выйдет из марширующей колонны либо уйдет со своего рабочего места или будет призывать к этому других, кричать, агитировать, а также произносить речи во время марша или на рабочем месте⁶¹.

Теодор Эйке подчеркивал, что требует от своих подчиненных жесткости и бескомпромиссности, если речь идет о заключенных. «Каждый, у кого возникнет даже самое малое проявление сострадания по отношению к ним, должен немедленно покинуть наши ряды, – говорил комендант. – Мне нужны только твердые как скала, абсолютно преданные члены СС. Мягким нравом в наших рядах места нет»⁶². Такие заявления не только определяли качества, которых Эйке требует от тех, кем командует, но и формировали представление о том, что все они – не простые тюремщики, а элитные бойцы, под надзором которых находятся враги государства. Комендант Дахау хотел, чтобы отряды СС в лагере стали единым братством, а все его члены помнили, что наряду с другими солдатами рейха сражаются за общее благородное дело. Обергруппенфюрер постоянно повторял, что задача командира – не только вести за собой подчиненных, но и заботиться о них. Эти слова с делом у него не расходились, и вскоре, по свидетельству одного из офицеров, все они прониклись к нему чуть ли не обожанием⁶³. Тогда же у Теодора Эйке появилось прозвище Папа. А в том, что касалось врагов... Вот что говорит Макс фон Даль-Арми, один из офицеров СС, служивших в Дахау: «Эйке ненавидит своих врагов – тех, кто оказался за колючей проволокой... Он постоянно говорит об их уничтожении

и истреблении. Он внушает эту ненависть своими речами и беседами. Эйке – верный своим идеям офицер СС и пылкий национал-социалист, для которого нет компромиссов... Эсэсовец должен уметь ненавидеть, поэтому и сердце в его груди должно превратиться в камень»⁶⁴.

И капо – тщательно отобранные узники, которые выполняли в бараках роль надзирателей, появились в Дахау при Теодоре Эйке. Идея использования избранных заключенных для контроля над другими не нова, их и раньше назначали старшими и в обычных тюрьмах, и в концентрационных лагерях, но теперь Эйке преподнес ее как свою собственную. Для СС в данной системе оказалось много преимуществ. Таким образом надзор осуществлялся и без солдат СС, а потенциальное самоуправство, которое могли применять капо к тем, кто оказался в их власти, к тому же повышало психологическую напряженность в бараке. Это еще больше подавляло людей. Что касается самих капо, получивших статус надзирателей, их жизнь в лагере стала легче не во всем. Они могли применять силу по отношению к тем, кто находился под их началом, но при этом вынуждены были помнить, что и на них может найтись управа. Недаром Гиммлер, уже во время войны, сказал: «Задача капо – следить, чтобы работа была исполнена... Таким образом, он должен подгонять своих людей. Как только мы почувствуем, что не удовлетворены им, он перестанет быть капо и вернется в ряды обычных заключенных. И он знает, что в первую же ночь его забьют до смерти»⁶⁵.

Появление системы капо имело для войск СС еще один плюс, причем плюс с перспективой. Со временем капо, эта привилегированная прослойка заключенных, составили актив нацистских концентрационных лагерей и стали осуществлять непосредственный, низовой контроль над повседневной жизнью простых узников, так что это нововведение позволило эсэсовцам больше дистанцироваться от них. В частности, вместо того, чтобы самим избивать заключенных, они могли дать указание сделать это капо. Таким образом, охрана уже не рисковала забрызгаться кровью тех, кого, к примеру, били плетью. Конечно, солдаты СС продолжали принимать непосредственное участие в разных экзекуциях, но система капо предложила им альтернативный способ осуществления надзора и наказания. Своего страшного апофеоза она достигла в Освенциме, где заключенные могли подвергаться самому ужасающему насилию, вплоть до убийства, со стороны капо, которые имели полную власть над ними и в бараках, и на месте рабского труда.

Многие из тех, кто позже дослужился до высоких постов в системе нацистских концентрационных лагерей, прошли подготовку у Теодора Эйке. Скажем, Рудольф Хесс, ставший в 1940 году первым комендантом Освенцима, начал в Дахау в 1934-м на низшей административной должности – блокфюрером. Впоследствии Хесс вспоминал, что Эйке убедил всех своих подчиненных, что они имеют дело с опасными врагами государства, поэтому должны вести себя с ними жестко⁶⁶. Но было бы неверно воспринимать слова Хесса, написанные им в автобиографических записках уже после войны, буквально. Можно не сомневаться, что призывы Эйке оказали на него определенное влияние, но это вряд ли единственная причина того, что сам Хесс позже стал заместителем руководителя системы концентрационных лагерей в главном административно-хозяйственном управлении СС. Его прошлое, как и прошлое многих из тех, кто вступил в ряды СС и служил в Дахау, предрасполагало к тому, чтобы в полной мере разделять идеи, насаждавшиеся Теодором Эйке.

Когда Хесс появился в Дахау, ему было 33 года, и за ним тоже тянулась личная кровавая история. Он родился в 1900-м, но успел повоевать на фронтах мировой войны, вступив в армию добровольцем. Рудольф Хесс получил несколько наград за храбрость, в том числе Железный крест второго и первого класса, и в 17 лет стал самым молодым фельдфебелем Германии. После ее поражения он вступил в отряд фрайкора и в 1920 году участвовал в подавлении восстания левых сил в Руре. В ноябре 1922-го стал членом НСДАП, а в следующем году участвовал в убийстве одного из членов фрайкора, которого заподозрили в предательстве.

Хесса арестовали и приговорили к десяти годам тюремного заключения. В 1928-м он вышел по амнистии и присоединился к артаманам – молодежной националистической организации, которая разделяла принципы *Volk*. Тогда же Хесс познакомился с Генрихом Гиммлером, который поддерживал идеалы движения артаманов.

Таким образом Рудольф Хесс задолго до того, как стал служить в Дахау под началом Теодора Эйке, не только совершил несколько жизненно важных поступков, продемонстрировавших его приверженность национал-социализму, но и принял участие в актах жестокого насилия, а также приобрел шестилетний опыт тюремного заключения. Другими словами, в Дахау Хесс оказался на своем месте. Работы для таких, как он, там было много, но к ней предстояло привыкнуть. Вот как впоследствии Хесс описывал наказание двух узников, обвиненных в краже сигарет. Обоим полагалось по 25 ударов плетью. «Их доставили в специальный дисциплинарный блок, где сначала на полу... растянули первого заключенного, шуплого закоренелого симулянта. Двое солдат держали его руки и голову, а двое сотрудников блока исполняли наказание, поочередно нанося удары. Этот заключенный не проронил ни звука. Другой узник, профессиональный политик довольно крепкого телосложения, повел себя совершенно иначе. Он начал кричать при первом ударе и пытался вырваться. Орал до самого конца, хотя комендант требовал, чтобы он заткнулся. Я стоял в первом ряду и был вынужден следить за всей процедурой. Я сказал “вынужден”, потому что, если бы стоял сзади, мог бы не смотреть. Когда тот человек стал кричать, меня одновременно бросило и в жар, и в холод. На самом деле от всей процедуры, даже избиения первого заключенного, меня трясло. Позже, в начале войны, я сам проводил первую казнь, но она не произвела на меня и доли того впечатления, которое я испытал, будучи впервые свидетелем телесного наказания»⁶⁷.

В то время как Эйке в Дахау стремился сплотить вверенные ему отряды СС, чтобы они стали профессионалами с каменными сердцами, на севере Германии развивалась параллельная структура концентрационных лагерей. Этой системой занимался Герман Геринг как министр-президент Пруссии, или, точнее, пытался заниматься, поскольку испытывал трудности с подчинением себе штурмовиков и эсэсовцев. В Пруссии не было своего Эйке, который остановил бы стихийную жестокость охранников, перерастающую в анархию.

Большие проблемы возникли в комплексе лагерей в Эмсланде, на северо-западе страны, где войска СС не желали сотрудничать с отрядами СА. В Папенбурге их конфликт стал открытым⁶⁸. Эсэсовцев обвиняли в том, что они вторглись в эти земли, как стая саранчи. «Они брали в долг у частных предпринимателей, ломали мебель в питейных заведениях, от них беременели девушки... Всюду, где бы они ни появлялись, их встречали враждебно. Население посылало жалобы в министерство с просьбами убрать из города части СС»⁶⁹. В самом лагере охранники спорили о степени «мер», которые следует применять к заключенным. «Узники должны были вскакивать с коек среди ночи, – писал один политический заключенный этого лагеря⁷⁰. – Им не давали возможности одеться. Они выстраивались в ряд голыми и подвергались безжалостным избиениям. Это было отвратительно – настолько отвратительно, что даже некоторым эсэсовцам казалось чрезмерным. Одна группа эсэсовцев, участвовавших в такой “карательной акции”, открыто выразила свое отношение к этому. Они направили на сослуживцев оружие со словами: “Ну, хватит! Прекратите, или мы будем стрелять!”»⁷¹

К ноябрю 1933 года ситуация настолько обострилась, что из Берлина пришла директива отстранить эсэсовцев от охраны⁷². Новость им не понравилась, и солдаты бушевали за границами лагеря: «С...ть мы хотели на республику жирных котов!»⁷³ Потом последовало менее эмоциональное, но более конкретное заявление: «Мы не допустим, чтобы нас заменила полиция, даже если для этого придется сражаться по колено в крови»⁷⁴.

По свидетельству Вальтера Лангхоффа, одного из заключенных этого лагеря, эсэсовцы пришли в чрезвычайно воинственное расположение духа. Вот что он вспоминает: «Охрана у ворот была усилена, по периметру лагеря установили пулеметы, и комендант Флейтман отдал приказ: “Каждый полицейский, который приблизится к лагерю и проигнорирует требование остановиться, будет застрелен на месте”. В самом лагере эсэсовцы сказали нам, заключенным: “Если они появятся, мы раздадим вам оружие, и вместе отразим атаку! После этого мы создадим фрайкор Флейтмана, пробьемся в Австрию и устроим там революцию!”»⁷⁵

Обещание эсэсовцев дать в руки узникам оружие и предложение устроить «революцию», на первый взгляд, похоже на бред, но объяснение ему может крыться в словах «фрайкор Флейтмана». Отдельные полувоенные формирования, фрайкоры, созданные после Первой мировой войны, часто назывались по имени руководителя, и их члены приносили присягу на верность именно своему командиру, а не высшему руководству или какой-то абстрактной конституции. И вот теперь, вспомнив те революционные дни, эсэсовцы могли заявить, что хотят следовать за своим собственным вождем, Флейтманом.

И тем не менее, скорее всего, эти эсэсовцы просто были пьяны, и поэтому несли околесицу. Достоверно известно, что вечером накануне того дня, когда им должна была прийти на смену полиция, они перепились и творили непотребное: «... испражнялись в шкафы, мешали соль с сахаром, били окна в бараках для охраны и в столовой... и много чего еще»⁷⁶. На следующее утро, 6 ноября 1933 года, эсэсовцы, несомненно страдающие похмельем после бесчисленно выпитого ночью спиртного, побрели за ворота, не устраивая никаких «революций», и оставили лагерь в распоряжении полиции.

Жестокие эксцессы в Эмсланде – дело рук рядовых охранников, но предпосылкой всех беззаконий, творившихся в концлагерях, было отсутствие контроля со стороны высшего руководства. Теперь, когда Гиммлер превратил Дахау в место упорядоченного, а не хаотичного кошмара, ему будет дана власть реформировать концентрационные лагеря в прусских владениях Геринга. Гиммлер стал также начальником всей немецкой полиции, хотя в пределах Пруссии номинально находился в подчинении у Геринга.

Важным этапом в карьере самого Гиммлера стала «ночь длинных ножей», во время которой были убиты лидер штурмовиков Эрнст Рем и другие якобы противники режима. К июню 1934 года Рем и его ближайшее окружение стали проблемой, которую нужно было решать... Штурмовые отряды насчитывали уже почти 3 000 000 человек. Они были вооружены винтовками и пулеметами. Их лидером был Рем, а не Гитлер. Придя к власти конституционными методами, НСДАП не знала, что делать со штурмовиками. Предполагалось слияние их с рейхсвером и последующее создание национал-социалистической народной армии. Рем предполагал, что эта армия будет создана на основе СА, а он ее возглавит. Однако офицеры рейхсвера его не признавали, а президент Гинденбург не подавал ему руки. Вице-канцлер фон Папен тоже выражал озабоченность беззаконным поведением штурмовиков. 17 июня 1934 года он, в частности, сказал: «Ни одна нация, которая хочет сохраниться в истории, не может позволить постоянных волнений снизу... Нельзя допустить, чтобы Германия стала поездом, несущимся в неизвестность, когда никто не знает, где он остановится»⁷⁷.

30 июня Рем был арестован на курорте Бад-Висзее и переправлен в Мюнхен, в тюрьму Штадельхайм. На следующий день к нему в камеру пришли два офицера СС. Для исполнения этой исторической миссии выбрали Теодора Эйке и его адъютанта Михеля Липперта. В ситуации, напоминающей изощренное издевательство, принятое в Дахау, когда отдельным заключенным предлагали совершить самоубийство, они дали Рему пистолет с единственным патроном и посоветовали застрелиться. Он отказался, и тогда выстрелили Эйке и Липперт.

В тот же день Эйке вернулся в Дахау, и вечером эсэсовцы устроили в лагере праздник⁷⁸. Есть свидетельство, что позже Теодор Эйке говорил: «Горжусь, что застрелил этого борово-пидораса [гомосексуалиста Рема] собственноручно»⁷⁹.

В деле Рема все эсэсовцы, и в первую очередь их командир Генрих Гиммлер, доказали Гитлеру свою преданность. Фюрер хотел, чтобы Рем исчез, – и Гиммлер без колебаний сделал все, чтобы это произошло. У войск СС уже имелся свой девиз – «Наша честь называется верность», он был выбит на пряжках ремней солдат и офицеров войск СС, а также на клинках их кинжалов, и Гиммлер в тот день его подтвердил, что и стало первым проявлением одной важной истины Третьего рейха. Когда требовалось беспрекословно и гарантированно выполнить жестокую задачу, Гитлер обращал свой взор на войска СС.

Гиммлер и его подопечные, безусловно, извлекли пользу из участия в «ночи длинных ножей». Уже 20 июля 1934 года статус СС стал равен статусу СА. Раньше непосредственным начальником Гиммлера был Рем, а теперь стал сам Гитлер. Эйке получил назначение на пост инспектора концентрационных лагерей и командира охранных подразделений СС и распространил свое организационное рвение на всю сеть учреждений превентивного заключения.

Гиммлер и его люди оказались в центре всего аппарата безопасности нацистского государства. Что же касается Гитлера, его власти над Германией предстояло укрепиться еще больше.

Глава 5

Нюрнбергские законы (1934–1935)

2 августа 1934 года скончался президент Гинденбург, и Адольф Гитлер стал не только рейхсканцлером, но и главой государства. 18 месяцев он был канцлером во главе кабинета министров, в котором имелось немало политиков, способных, как полагали, его сдерживать, но теперь даже разговоры о «приручении» Гитлера закончились. Он стал безоговорочным правителем Германии.

Вскоре лично Гитлеру присягнули на верность личный состав вооруженных сил и государственные служащие. В армии многие, подобно молодому офицеру графу Иоганну Адольфу фон Кильмансеггу, были довольны, что Адольф Гитлер разгромил штурмовиков и занялся реорганизацией рейхсвера. Кильмансегг и его товарищи не видели ничего странного в том, что им предложили принести присягу на верность Гитлеру. «В прусско-германской истории немало таких случаев, – говорит он. – На самом деле нас это устраивало больше, чем клясться какому-то куску бумаги. Раньше мы давали клятву на Веймарской конституции, которую никто ни разу не прочитал»¹.

Усиливать роль концентрационных лагерей в государстве непосредственно после того, как он сосредоточил всю власть в своих руках, Гитлер не стал. Напротив, он предпочел показать, что первый этап революционных преобразований, во время которого, так сказать, сводились счеты, уже завершен. Весной 1934 года фюрер распорядился выпустить несколько тысяч заключенных. Этот акт «доброй воли» Гиммлер позже в частной беседе назовет одной из глубочайших политических ошибок, которые только могло совершить национал-социалистическое государство². К лету 1935-го в системе концлагерей оставалось меньше 4000 человек – при том, что в обычных тюрьмах находилось в 25 раз больше.

Что касается немецких евреев, политика ограничения их прав сохранялась, и это, разумеется, стало для них поводом желать эмиграции. Но уехать из страны евреям оказалось непросто. Как мы уже знаем, решившие покинуть Германию должны были преодолеть два серьезных препятствия. Первым было намерение нацистов отобрать у них перед отъездом все деньги, а вторым – найти государство, которое бы согласилось их принять. Одним решением выхода из этого тупика стало соглашение Хаавара, подписанное 25 августа 1933 года, через семь месяцев после прихода Гитлера к власти, Сионистской Федерацией Германии, Англо-Палестинским банком (АРС) и министерством экономики рейха. Идея заключалась в том, чтобы евреи покупали немецкое оборудование, преимущественно сельскохозяйственного назначения, которое затем надлежало экспортировать в Палестину. После этого они могли покинуть Германию – практически без гроша в кармане, а по прибытии в Палестину им должны были возместить стоимость этого оборудования, приобретаемого палестинскими компаниями. Немецкая сторона выигрывала от этого не только потому, что получала возможность продавать оборудование за границу, но и потому, что в таком случае имела твердую валюту на приобретение всего необходимого для собственной промышленности. Разумеется, немецкие евреи, уезжавшие в Палестину, в конечном счете тоже не оставались совсем уж ни с чем, потому что часть накоплений им компенсировали.

Реализовывалась данная схема на фоне вполне реальной угрозы организованного евреями мирового бойкота германских товаров. В июне 1933 года немецкий консул в Иерусалиме Генрих Вольф обратил внимание Берлина на то, как важна пропаганда сотрудничества с еврейскими организациями – только это может способствовать принятию соглашения Хаа-

вара. Кроме того, Вольф сказал, что Сэм Коэн, один из инициаторов этой сделки, использует все свое влияние, чтобы через еврейскую газету *Doar Hayom* представлять Германию в позитивном свете³.

Безусловно, соглашение Хаавара было противоречивым. Президент Американского еврейского конгресса Стивен Вайз сделку осудил, так как считал, что соглашение подрывает перспективы международного бойкота немецких товаров и потворствует нацистскому режиму⁴. Тем не менее польза этого соглашения для немецких евреев была столь очевидна, что оно действовало до 1939 года, то есть до начала войны. Воспользоваться данной схемой и эмигрировать в Палестину смогли десятки тысяч немецких евреев. Конечно, историческое значение соглашения Хаавара велико не только потому, что евреи, которые смогли им воспользоваться, остались живы и сохранили часть своих сбережений. Оно показало, что на каком-то этапе нацистские власти и еврейские организации были способны к сотрудничеству, хотя на самом деле именно это в свое время приводило в ярость многих американских сионистов.

Да, соглашение Хаавара совершенно однозначно отрицает, что Гитлер был своего рода сионистом и благоволил созданию еврейского государства в Палестине. По этому поводу он четко обозначил свою позицию в книге «Моя борьба»: «Им [евреям] даже в голову не приходит создать в Палестине еврейское государство, чтобы жить там; все, чего они хотят, – создания центральной международной организации для надувательства всего мира, наделенной суверенными правами и избавленной от интервенции других государств: рая для отъявленных негодяев и университета для перспективных мошенников»⁵. Таким образом, выгодный механизм быстрого избавления страны от евреев (типа соглашения Хаавара) был для Гитлера приемлем, но государство, контролируемое евреями, воспринималось им как невероятная угроза. Он и мысли не допускал, чтобы евреи могли сами определять свою судьбу.

Впрочем, Гитлер слышал критику политики преследования евреев, доносившуюся из-за границы. Свидетельств, что его личная ненависть к евреям как-то уменьшилась, нет, но спонтанные нападки на евреев со стороны рядовых нацистов фюрер считал не то чтобы недопустимыми, а скорее ненужными. Именно об этом писал рейхсминистр внутренних дел после погрома в Гунценхаузене в Вербное воскресенье – еврейский вопрос будет решать правительство рейха, а не местные горячие головы⁶. Проблема, с которой столкнулся Адольф Гитлер, заключалась в том, что многие его сторонники по-прежнему считали, что меры, принятые для исключения евреев из немецкой жизни, недостаточны. Активисты на местах, в частности, выступали за запрет посещения евреями не то что плавательных бассейнов и катков – это само собой разумеется, но и целых городов. Руди Бамбер вспоминает, что в 1935 году нужно было вести себя уже очень осторожно, потому что во многих городах и деревнях висели плакаты «Евреи здесь не нужны!»⁷.

Даже до принятия официальных законов, запрещающих сексуальные отношения между евреями и неевреями, нацистская пропаганда, утверждавшая, что евреи всегда растлевали немецких девушек, оказывала влияние на сознание молодых евреев, таких как Арнон Тамир. Вот его свидетельство: «Что касается меня, могу лишь сказать, что в то время – я был молодым парнем – простая мысль о том, чтобы подружиться с немкой, не говоря уж о чем-то большем, была отравлена с самого начала этими ужасными карикатурами и статьями, в которых утверждалось, что евреи заражают немецких девушек. Для меня стало невозможно... подойти к немке, просто как я подошел бы раньше к любой другой сверстнице. Мы боялись дать малейший повод для подобных разговоров. Даже не хочется говорить о том, что чувствовали немецкие мужчины и женщины и еврейские мужчины и женщины, которые дружили или тем более были связаны супружескими отношениями. Для них это должно быть ужасно...»⁸

В апреле 1935-го заместитель фюрера (эту руководящую должность в НСДАП Гитлер ввел своим распоряжением от 21 апреля 1933 года) Рудольф Гесс обратился к членам партии с

письмом, в котором предупредил, чтобы они не давали выхода своим чувствам – насильственные действия против отдельных евреев недопустимы. Они затрудняют вождю немецкой нации возможность опровергать обвинения в злодеяниях, о которых говорят евреи за границей⁹. Тем не менее спонтанные нападения не прекращались, и в августе следующего года рейхминистр экономики Ялмар Шахт, получивший от Гитлера поручение добыть деньги – значительные деньги – на финансирование программы перевооружения армии, пожаловался, что антисемитские действия могут помешать это сделать, да и вообще подрывают экономику¹⁰. Шахт не возражал против притеснений и гонений на евреев по моральным соображениям, он просто хотел, чтобы они были введены в правовое русло. Если государство сможет принять законы, которые систематизируют и, может быть, ограничат преследования, и уж конечно прекратят стихийные антиеврейские акции, это пойдет на пользу всем. Государство было готово это сделать.

15 сентября 1935 года на съезде НСДАП в Нюрнберге по инициативе Адольфа Гитлера были провозглашены два законодательных акта – основных закона: Закон о гражданстве рейха (*Reichsbürgergesetz*) и Закон об охране германской крови и германской чести (*Gesetz zum Schutze des deutschen Blutes und der deutschen Ehre*). Их тут же единогласно приняла сессия рейхстага, специально созванная в Нюрнберге по случаю съезда партии. Кстати, Вильгельм Фрик, министр внутренних дел, в конце июля говорил, что идет подготовка этих законов, но скорость, с которой они были приняты, можно, пожалуй, считать экстраординарной. Первый закон провозглашал, что гражданином рейха может быть лишь тот, кто обладает германской или родственной ей кровью и своим поведением доказывает желание и способность преданно служить германскому народу и рейху. Такая формулировка фактически означала лишение немецкого гражданства в первую очередь евреев и цыган. Второй закон, среди прочего, запрещал как осквернение расы брак и внебрачное сожитие между евреями и гражданами германской или родственной ей крови. Подобные требования уже звучали, в частности, в выступлении председателя Национал-социалистического союза врачей Герхарда Вагнера 12 сентября.

Итак, вечером 15 сентября Адольф Гитлер на заседании сессии рейхстага заявил, что вынужден представить на утверждение новые законопроекты из-за того, что со всех сторон поступают громкие жалобы на провокационные действия отдельных представителей «этой» нации. Возмущенные немцы имеют право на защиту со стороны государства. Предлагаемые законопроекты – это своего рода попытка установить между еврейским и немецким населением «терпимые отношения», но в случае продолжения «международной еврейской агитации»¹¹ он как глава государства будет вынужден оценить ситуацию по-новому.

Эту карту – ложь вместе с угрозами – Гитлер умел разыгрывать виртуозно. Он опять, как в апреле 1933 года, представил свои действия как необходимую меру для того, чтобы «возмущение населения» поведением евреев не переросло в насилие над ними. Кроме того, фюрер недвусмысленно дал понять, что отношение к немецким евреям отчасти определяется поведением международного еврейского сообщества. Из контекста его речи следовало, что, если другие страны не будут мешать Германии проводить свою политику, это избавит немецких евреев от более суровых преследований.

После Гитлера выступил Герман Геринг – президент рейхстага. Он во всем поддержал фюрера и сосредоточился преимущественно на том, что, на первый взгляд, могло показаться наименее значительным среди законопроектов, подлежавших рассмотрению в тот день, – на Законе о государственном флаге (*Reichsflaggengesetz*). Этот законодательный акт, утверждающий символом Германии флаг со свастикой, казался относительно безобидным по сравнению с открыто антисемитским законом о защите немецкой крови и немецкой чести, но происхождение его весьма красноречиво. До сего времени в стране были два официальных флага – со свастикой и черно-бело-красный флаг Германской империи. Гитлер, придя к власти, проявил в этом вопросе осторожность, дабы не задеть чувства приверженцев традиции, таких как прези-

дент фон Гинденбург, и не стал настаивать на немедленной отмене имперского флага. Так что немецкие торговые суда, например, ходили под двумя государственными флагами, что стало поводом для инцидента, произошедшего в июле 1935 года в Нью-Йорке. Тогда группа протестующих прорвалась на борт немецкого корабля «Бремен» и сбросила в воду флаг со свастикой, но, поскольку он был не единственным легитимным, американцы могли утверждать, что этим действием оскорбление Германии не нанесено. Судья Луис Бродски, американец еврейского происхождения, не стал рассматривать дело против тех, кто совершил этот поступок, что больше всего возмутило нацистское правительство. Ганс Франк, глава Национальной ассоциации юристов и президент Академии германского права, заявил, что решение Бродски является частью еврейской угрозы цивилизованному миру. «Это наиболее прискорбный и одновременно наиболее опасный прецедент того, как еврею в столь высококультурной стране, как Соединенные Штаты, позволяется унижать достоинство судейской мантии до такой степени, чтобы не скрывать выражения бесконечной ненависти своей нации к другим»¹².

Новый закон изменил статус флага со свастикой, и теперь, как подчеркнул Геринг, его оскорбление приравнивается к оскорблению государства¹³. В контексте инцидента с «Бременом» президент рейхстага выразил американцам свое сочувствие, поскольку они были вынуждены стать свидетелями действий наглого еврея. Но отныне флаг со свастикой символизирует вечную верность Германии национал-социализму, и, разумеется, ни одному еврею не будет позволено поднимать этот священный символ на флагшток. После того как Геринг закончил свое выступление, были приняты все три компонента того, что во всем мире стало известно как Нюрнбергские законы, – Закон о флаге рейха, Закон о защите немецкой крови и немецкой чести и Закон о гражданстве рейха. Последние два являлись безусловно антисемитскими.

Адольф Гитлер никогда публично не комментировал, почему он в сентябре 1935 года решил, что пришло время принять эти законы, хотя мысли о том, что евреев не следует считать немецкими гражданами и о запрете сексуальных отношений с неевреями были, разумеется, не новы. Есть мнение, что якобы первоначально фюрер планировал сделать в Нюрнберге заявление о своих внешнеполитических требованиях, но в последнюю минуту его отговорил от этого министр иностранных дел Константин фон Нейрат. Тем не менее уже было объявлено о специальном заседании рейхстага, но не принимать же там один Закон о флаге. Антисемитские законы между тем ожидали многие партийные активисты и члены правительства – тот же Шахт. Словом, в позиции режима по отношению к евреям нужна была ясность¹⁴. Кроме того, вполне вероятно, что Гитлер решил: вопрос действительно комплексный. Он наверняка был оскорблен, узнав, что флаг со свастикой оказался в воде гавани Нью-Йорка – города, который у нацистов всегда ассоциировался с евреями, тем более что флаг сорвали с «Бремена», являющегося гордостью немецкого торгового флота. Здесь прослеживается характерная черта поведения Гитлера – она проявлялась и позже, в конце 1930-х годов, и во время войны: репрессии против немецких евреев ужесточались как реакция на действия за пределами Германии – там, куда нацисты не могли дотянуться¹⁵.

В целом Нюрнбергские законы лишь отражали реалии, которые уже сложились в Германии, поскольку еще до их принятия функционеры НСДАП на местах делали все для того, чтобы неевреи максимально дистанцировались от евреев как в частной, так и в общественной жизни. И все-таки эти законы стали своего рода водоразделом в отношении нацистского государства к немецким евреям. Теперь жесткого отделения евреев от остального сообщества требовал закон рейха, а это совсем не то, что инициативы горячих голов и непримиримых борцов за чистоту арийской крови на местах. Дело не только в том, что с 1935-го евреи легально считались «ненастоящими» немцами. Новое законодательство вторгалось в частную жизнь каждого немецкого гражданина. Государство решило, что ему дозволено определять, с кем он – или она – может вступать в интимные отношения. Политическая полиция Третьего рейха

(*Geheime Staatspolizei, Gestapo*) теперь получила право знать, как строится личная жизнь в каждом доме, и никто не был защищен от доноса. Что за неизвестный приходил вчера вечером к соседке? Не был ли он похож на еврея? Более того, государство могло теперь требовать отчета о том, что происходит в спальне этой самой соседки, от нее самой, поскольку определение «интимные отношения» стало трактоваться чрезвычайно широко, а в следующем году верховный суд рейха постановил, что в это понятие не входит «всякое непристойное действие, но оно не ограничивается непосредственным контактом, то есть помимо контакта как такового оно включает в себя любые действия сексуального характера с представителями противоположного пола, которые производятся вместо непосредственного контакта для удовлетворения сексуальных потребностей по крайней мере одного из партнеров»¹⁶.

Чтобы начать применять новые законы на практике, нацистам оставалось решить еще одну проблему – определить, кто является евреем, а кто нет. Теперь эта информация становилась жизненно важной в прямом смысле слова. Закон о защите немецкой крови и немецкой чести декларировал, что чистота немецкой крови необходима для дальнейшего существования немецкого народа, но нельзя же просто по лабораторному анализу определить, кто еврей, а кто нет, а изначально в тексте определения, кто является евреем, не было. Таким образом, этот расовый закон, принятый в Нюрнберге 15 сентября 1935 года, не имел оснований для применения на практике. Возникла срочная надобность в поправке к нему, и в середине ноября такая была сформулирована – в Законе о гражданстве рейха появилось понятие «еврей». Речь в документе шла о «еврейской крови» и «чистокровных евреях», но при этом для определения еврейства пришлось прибегнуть к религиозным основаниям. Теперь закон гласил: «Евреем считается тот, у кого трое из родителей его родителей были чистокровными евреями». Но далее говорилось, что предки во втором поколении (бабушки и дедушки) считаются чистокровными, если он или она принадлежали к еврейской религиозной общине¹⁷. Таким образом, нацисты стали определять национальность человека по религиозной принадлежности его бабушек и дедушек.

Много времени у авторов закона ушло на решение вопроса о немцах, имеющих смешанное происхождение. У некоторых из этих законодателей, ярых националистов, ведущих безупречно «арийский» образ жизни, оказалось по два еврейских предка во втором поколении. Между тем другие люди с такой же родословной были в глазах нацистов явными евреями, поэтому чиновники приняли двусмысленное решение. Оно основывалось опять-таки на изучении религиозной принадлежности конкретных людей. В соответствии с этим документом, если у женщины (мужчины) имелись две бабушки-еврейки, но ее (его) супруг (супруга) не был евреем (еврейкой) и он (она) не вели еврейский религиозный образ жизни, ее (его) еврейкой (евреем) не считали. А вот если при двух бабушках-еврейках есть еще и муж-еврей (жена-еврейка) или в семье придерживаются еврейских религиозных традиций, речь явно идет о еврействе.

Какая логика может быть при двусмысленности? Поправка к Закону о гражданстве рейха свидетельствует о крайней противоречивости определения еврейства с точки зрения расы и крови. Как мог один человек с двумя еврейскими предками считаться евреем, а другой с такими же предками – нет? Все-таки их происхождение должно было означать, что объем «еврейской крови» в жилах того и другого совершенно одинаков.

Гитлер тем не менее посчитал принятие Нюрнбергских законов успехом и призвал нацию «не отклоняться от пути»¹⁸. Похоже, фюрер рассматривал эти антисемитские меры не только как идеологическое утверждение ценностей рейха, но и как способ напомнить о субординации особо рьяным членам партии на местах, которые намеревались действовать самостоятельно. На следующий день после принятия всех трех законов *Völkischer Beobachter* напомнила о необходимости удерживаться от стихийных действий против евреев¹⁹.

Эмиль Кляйн, вступивший в нацистскую партию в начале 1920-х годов, не видел в этих дискриминационных мерах ничего необычного. «Политика расовой сегрегации существовала не только в Германии, – говорит он. – Все слышали о дискриминации и угнетении, происходивших в Америке. В Германии не было ничего особенного. Это лишь часть того, что тогда происходило, – и там, и тут, и по всему миру»²⁰. Кляйн прав (и это необходимо помнить) – расовая дискриминация в то время не ограничивалась одной Германией, но его комментарии все-таки лукавы. В Германии было нечто «особенное», поскольку ярость, с которой нацисты развивали свою расовую теорию, поразительна.

Парадоксально, но многие немецкие евреи рассматривали Нюрнбергские законы почти в позитивном свете. Да, они явно дискриминационные, но новые законодательные акты, по их мнению, якобы очерчивали границы преследований. Такие были правила²¹, и немецким евреям следовало жить по этим правилам. Казалось, что антисемитские Нюрнбергские законы обеспечивали защиту от стихийного насилия со стороны местных бандитов.

Обычные немцы не уделяли мерам, принимаемым против евреев, слишком пристального внимания. Гораздо больше их занимало, например, то, что после прихода Гитлера к власти стала массово сокращаться безработица: с 6 000 000 человек в 1933 году до 1 000 000 в 1936-м. Даже при том, что национал-социалисты манипулировали данными, в частности, в сводки больше не включали женщин, это был несомненный успех. «В 1934 году мы увидели: что-то может измениться, – говорит Эрнст Кранц, в то время молодая жительница Баварии. – Для всех забрезжила надежда. Не только для безработных, но вообще для всех, потому что мы понимали, что были повергнуты в прах. В 1933-м в Германии был коллапс... Нельзя же скрывать факты, верно? А тогда многое изменялось к лучшему. Зарплата рабочих и служащих повышалась. Жизнь понемногу улучшалась. Я не все отчетливо помню, но могу судить об этом времени по ситуации в нашей семье. Все видели, как с улиц исчезали безработные. Это уже был большой плюс. Разумеется, люди замечали – за этим что-то стоит. Но молодежь прежде всего привлекали к спорту, к общественной деятельности, что само по себе было очень важно. Началось строительство автомобильных дорог. Все это способствовало созданию рабочих мест. Да, это было определенно многообещающее время, иначе почему в результате народные массы пошли за Гитлером? Почему?»²²

Экономический успех обусловили преимущественно крупномасштабные займы, которые были нужны Германии в первую очередь для модернизации армии. С 1933 по 1935 год расходы на военные нужды увеличились с 1 процента национального дохода почти до 10 процентов – рост более быстрый, чем в любой капиталистической стране в мирное время²³.

Внимание Адольфа Гитлера в этот период было сосредоточено не на еврейском вопросе, а на строительстве новой немецкой армии. 16 марта 1935 года был принят Закон о создании вооруженных сил (*Gesetz über den Aufbau der Wehrmacht*), и почти все в стране теперь работало на эту цель.

Что касается внешней политики, Гитлер предпочитал взаимодействовать с иностранными государствами на уровне их лидеров, а не при посредничестве Лиги Наций. Ради этого – и для осуществления политики перевооружения – он и вывел Германию из данной организации в 1933 году, вскоре после прихода к власти. Спустя два года, в июне 1935-го, посол Германии в Великобритании Иоахим фон Риббентроп подписал в Лондоне англо-германское морское соглашение, которое определило разрешенную мощь немецкого военно-морского флота в процентном отношении к флоту Британии. Соглашение стало нарушением Версальского договора, но не имело никаких негативных последствий для Германии. Позднее Гитлер говорил, что день подписания англо-германского морского соглашения стал одним из счастливейших в его жизни²⁴.

Для тех, кто читал «Мою борьбу», ничего из сказанного выше не могло оказаться сюрпризом. Гитлер хотел видеть Великобританию союзницей и хотел иметь мощные вооруженные силы, чтобы завоевать для Германии новые территории на востоке. Обо всем этом он заявлял еще в 1920-е годы. Однако о том, что он ненавидит евреев и видит в них смертельную угрозу, Адольф Гитлер тоже заявлял. Прежде чем фюрер вплотную займется решением еврейского вопроса, пройдет еще несколько лет, но это время неумолимо приближалось.

Глава 6

Строительство империи: новые приоритеты (1935–1938)

В стремлении создать, как он говорил, этническое государство¹, Гитлер думал об изменении сознания всего немецкого народа. «Этническое государство, – писал он в «Моей борьбе», – должно выполнить гигантскую образовательную задачу. И придет день, когда это будет рассматриваться как более значительное достижение, чем самые победоносные войны»². Важнейшей частью решения этой задачи являлось пробуждение у «арийских» немцев понимания, насколько опасны евреи. Иницилируя принятие новых законов, Гитлер рассчитывал на то, что преследование евреев тут же будет всеми оправдано, но изменить менталитет нации оказалось не так уж просто. Уже в сентябре 1935 года, в том же месяце, когда были приняты Нюрнбергские законы, стало ясно, что пока фюрер от решения поставленной перед собой «гигантской образовательной задачи» далек.

Один саксонец – член социал-демократической партии – в это же время, например, писал: «Большинство населения игнорирует дискредитацию евреев. Многие даже демонстративно идут за покупками в еврейские магазины и проявляют весьма недружественное отношение к представителям политической полиции, которые там дежурят»³. Ситуация не изменилась и спустя много месяцев – в Баварии, в частности, гестапо по-прежнему констатировало, что еврейские торговцы скотом контролируют большую часть рынка и значительное число крестьян предпочитает продолжать вести дела именно с ними⁴.

Гитлер всегда понимал, что «перевоспитание» нации требует времени, и при этом жизненно важно уделять побольше внимания молодежи. В сентябре 1935 года во время партийного съезда в Нюрнберге перед трибунами промаршировали 54 000 немецких юношей, а фюрер еще раз напомнил своим соратникам: «По нашему мнению, молодой немец будущего должен быть стройным и ловким, резвым, как борзая, эластичным, как кожа, и твердым, как крупновская сталь. Мы должны воспитать нового человека, чтобы наш *Volk* не был разрушен»⁵.

Молодежь оказалась восприимчива к нацистской пропаганде не в последнюю очередь потому, что жизнь стала меняться к лучшему – как для самих юношей и девушек, так и для их родителей. «Когда Гитлер пришел к власти, у нас появилась работа, – говорит Вильгельм Рес, детство которого пришлось на 1930-е годы. – Плохое настроение в доме ушло в прошлое. В моем детстве в доме всегда было грустно и тревожно, потому что в одиннадцать часов мать не знала, что поставит на стол в двенадцать. В 1934-м отец получил работу. Кажется, он приносил 380 марок, но для нас ситуация значительно улучшилась. Отец говорил, что этим мы обязаны фюреру. Что я должен был осознавать? Я впитал все эти чувства, сидя на коленях у матери»⁶.

Система образования тоже претерпела изменения. Теперь преподаватели постоянно напоминали своим арийским ученикам об их превосходстве над евреями. Таким образом в контексте воспитания антисемитизма у молодых немцев создавалась позитивная установка. Мария Маус, жившая и учившаяся на севере Германии, к примеру, вспоминает, что в 1930-е годы ее учителя говорили, что только немцы являются достойными представителями человечества. «Была такая небольшая брошюра под названием “Немецкие изобретатели, немецкие поэты, немецкие музыканты”. Ничего другого не существовало. И мы наслаждались этим. Мы были абсолютно убеждены, что мы – самые великие»⁷. Эрна Кранц, мюнхенская школьница того же времени, считает, что в сфере образования было сделано очень много – у молодежи появились новые возможности, все происходило организованно. «Такого достатка, как

сегодня, конечно, не было, но тогда существовали порядок и дисциплина. И у нас имелось много примеров для подражания. Это стимулировало. Хорошие писатели – им придавали значение, и философам тоже... Должна сказать, это было весьма заразительно. Если каждый день молодому человеку говорить: “Ты лучший!”, он в конце концов в это поверит. Да, тогдашние лидеры пытались вывести так называемую немецкую расу. Они постоянно твердили: мы хотим то, мы хотим это, мы хотим, чтобы был здоровый народ, работающий народ, талантливый народ. Прежде всего речь шла о “немецкости”, это внушалось, закреплялось в те годы, – понятие “немецкость”⁸. Безусловно, внушить детям, что они лучше всех, нетрудно. Намного труднее было донести мысль, что евреи опасны, особенно если у учеников имелись среди них знакомые – благожелательные и обладающие другими привлекательными чертами характера. Вильгельм Рес, скажем, мог получать удовольствие от «позитивности» нового режима, как он его видел, но испытывал трудности с приложением антисемитизма, которому его учили, к окружающему миру. В городе, где Рес жил, были еврейские магазины, и он помнит, как их владельцы жертвовали одежду и другие вещи и товары для сирот. Удивительно ли, что Вильгельму не нравились все эти карикатуры в *Der Stürmer*? «Я не мог их понять»⁹, – говорит Рес.

Одним из способов, которые учителя могли применять, дабы нивелировать разницу между евреями, какими их рисовала нацистская пропаганда, и евреями из плоти и крови, с которыми сталкивались их ученики в жизни, было акцентирование внимания на их двуличности¹⁰. Самый известный пример такого рода – детская книжка «Поганка» (*Der Giftpilz*)¹¹. В первом рассказе сборника мать объясняет ребенку, что в лесу порой трудно отличить хороший гриб от ядовитого, и точно так же трудно разглядеть злостную природу евреев, особенно когда они пытаются маскироваться. Польза этого рассказа для пропаганды антисемитизма очевидна. Аналогия простая – евреи коварны, они только притворяются обаятельными и любезными, так же как ядовитые грибы в лесу подчас выглядят самыми привлекательными, но в действительности чрезвычайно опасны.

Таким образом, еврейство представляли как антитезис «немецкости». У истинного немца нет нужды скрывать свою истинную натуру, в то время как евреи испокон века камуфлировали присущую каждому из них двуличность. Если арийские ученики – лучшие, то евреи теперь представлялись как нечто ядовитое. В брошюре «Еврейский вопрос в образовании», написанной в 1937 году Фрицем Финком и сначала напечатанной в *Der Stürmer*, учителям рекомендовалось укреплять у учеников с самого детства надлежащее представление о евреях, и напоминалось, как это важно, чтобы молодые немцы все узнали о порочности и опасности еврея. Для Финка, инспектора школ, расовый, в первую очередь еврейский, вопрос был центральным в теории национал-социализма, которая становилась частью системы образования. Самый эффективный способ донести до учеников мысль, что с евреями не должно быть никаких контактов, утверждал он, – это ведение преподавания с научной точки зрения. Во главе табуна диких лошадей ведь никогда не встанет дикий кабан? Каждый вид держится своих и ищет вожака среди себе подобных. Дети должны как можно раньше усвоить, что животные естественным образом чувствуют, что для них лучше. И только люди извратили природу, когда посягнули на чистоту расы. «Лишь худшие представители разных рас смешиваются друг с другом, – писал Финк. – И далее плохое смешивается с плохим. Такая помесь получает худшие черты, присущие каждой расе. Учитель, который доносит эти мысли до своих учеников, без труда объяснит им значение Нюрнбергских законов. Дети не увидят в этих законах ничего, кроме возвращения к естественному, божественному порядку»¹².

Гитлер понимал, что пропагандистам национал-социализма проще влиять на впечатлительных детей, чем на менее податливых взрослых. Взрослым может быть сложнее – но не невозможно! – примирить теоретическое понимание новой политики государства в отношении всех евреев с собственным личным отношением к знакомым евреям. Молодой офицер

люфтваффе Карл Бем-Тетельбах, к примеру, имел все основания в 1935 году быть благодарным одному немецкому еврею. Бем-Тетельбах совершил аварийную посадку на поле, и помощь ему оказал работавший неподалеку еврей. Желая отблагодарить спасителя, летчик пригласил его на ужин и был удивлен, когда этот человек вдруг сказал, что он еврей, и спросил, не боится ли герр пилот общаться с евреями. Бем-Тетельбах ответил, что не боится – в конце концов, он ведь обязан ему жизнью. «Тогда я впервые понял, что с евреями может что-то случиться...» – вспоминает Бем-Тетельбах. Впрочем, дальше этой мысли дело не пошло. «Национал-социалисты, – говорит он, – утверждали, что в больших городах, особенно в Берлине, почти все юристы – евреи. И утверждение, что у нас слишком много юристов, было понятным. Тем не менее признать это не означало, что ты уже антисемит и готов убивать евреев. Ты можешь не быть с ними социально близок, можешь их не очень любить, но это не значит, что ты готов их уничтожать»¹³. Узнав о принятии Нюрнбергских законов, Бем-Тетельбах посочувствовал немецким евреям, но тем не менее он признает: «Это меня особо не беспокоило».

В 1930-е годы подобные чувства испытывали многие немцы, но они же были готовы согласиться, что евреи действительно имеют слишком много власти и влияния и этому пора положить конец – в министерстве народного просвещения и пропаганды свое дело знали. В руках Геббельса были все необходимые рычаги управления печатью, радио, кинематографом и другими сферами культуры. За счет сочетания в целях пропаганды демагогической риторики, умелой постановки массовых мероприятий и эффективного использования современной для того времени техники, прежде всего радио и кино, ему удалось опорочить в глазах немцев не только евреев, но и коммунистов, социал-демократов, а потом и служителей церкви... Если кто-то из немцев и испытывал неловкость, становясь свидетелем антисемитских эксцессов, он просто отводил глаза в сторону... В лучшем случае кого-то из знакомых евреев, с которыми сложились давние хорошие отношения, пока еще считали не такими плохими, как все остальные «эти».

Вожди национал-социализма обращали внимание немецкого народа не только на практические, как они говорили, аспекты еврейского вопроса вроде числа евреев-юристов в Берлине, но и на фундаментальную проблему расы. Диспропорциональность евреев, занимающихся юриспруденцией, была для них симптомом «болезни», тогда как расовая неполноценность являлась самой патологией. Даже рейхсминистр продовольствия Рихард Дарре говорил: «Нам нужно собирать лучшую кровь. Так же, как мы сейчас разводим ганноверскую породу лошадей от небольшого стада чистокровных жеребцов и кобыл, мы должны увидеть как результат такого же способа воспроизводства в следующем поколении чистую породу нордических немцев»¹⁴. Правда, одновременно обергруппенфюрер Дарре являлся начальником Главного управления СС по вопросам расы и поселения.

Такого рода заявления не только способствовали продвижению в массы яростного антисемитизма. Они помогали установить связь между ним и евгеникой – учением о селекции применительно к человеку, а также о путях улучшения его наследственных свойств, или, по нацистской терминологии, расовой гигиеной. Связь между расовой гигиеной и преследованием евреев на первых этапах существования Третьего рейха не была очевидной, но для нацистов обе эти идеи всегда являлись звеньями одной цепи. Национал-социалисты декларировали, что необходимо не допускать смешения еврейской и арийской крови, но одновременно считали, что слабейшим арийцам вообще нельзя разрешать производить потомство. В терминологии Рихарда Дарре, нельзя спаривать ганноверскую лошадь с лошадью низшей породы, как и здоровую ганноверскую кобылу с больным жеребцом.

Для Адольфа Гитлера мысль, что рожать детей должно быть позволено лишь здоровым арийцам, была очень важна. Он говорил об этом еще на партийной конференции 1929 года в Нюрнберге: «Из-за нашего современного сентиментального гуманизма мы прилагаем усилия, чтобы поддерживать слабых за счет сильных... Преступникам позволено размножаться, за

дегенератами старательно ухаживают... Таким образом мы постепенно преумножаем слабых и убиваем сильных»¹⁵. Более того, Гитлер заявил: «Если бы в Германии появлялся миллион младенцев ежегодно и из них семьсот-восемьсот тысяч уничтожались, конечным результатом стало бы увеличение числа сильных. Для нас самое опасное – отрезать себя от процесса естественного отбора». Идея, которую будущий фюрер предлагал в 1929-м, за четыре года до того, как стал канцлером, то есть возможность умерщвления семи-восьми из десяти новорожденных, в контексте проблемы, о которой мы говорим, имеет огромное значение. Для Гитлера создание этнического государства означает, в принципе, умерщвление огромного числа «слабых», и не только евреев.

С учетом непоколебимой убежденности вождя НСДАП в необходимости, так сказать, моделирования нации, неудивительно, что меньше чем через шесть месяцев после прихода к власти он подписал Закон о предотвращении рождения потомства с генетическими заболеваниями (*Gesetz zur Verhütung erbkranken Nachwuchses*). В силу он вступил 1 января 1934 года и повлек за собой, в частности, создание судов по наследственному здоровью населения с целью принудительной стерилизации всех, имеющих перечисленные в этом законе заболевания. Некоторые из них вообще нельзя считать генетическими, но это давало нацистам возможность стерилизовать тех, кого они считали социально нежелательными элементами, например алкоголиков.

Надо отметить, что нацистская Германия не стала первой страной, которая приняла закон о насильственной стерилизации. Он уже существовал во многих штатах США... И тем не менее национал-социалисты развивали эту идею с большим рвением, чем кто бы то ни было. По Закону о предотвращении рождения потомства с генетическими заболеваниями в детстве принудительной стерилизации подвергся Пауль Эггерт, живший в Рейнской области. Генетических заболеваний у Пауля не было, но с точки зрения апологетов расовой гигиены он являлся нежелательным членом общества. Семья была неблагополучной. Отец Пауля сильно пил. В детстве мальчику приходилось попрошайничать, а если он возвращался домой без денег, папаша его избивал. Со временем, как рассказывает Эггерт, местным жителям надоело на все это смотреть¹⁶. Его забрали у родителей и поместили в специальный приют в Дортмунде, где вскоре сделали операцию, сказав, что удаляют грыжу. О том, что на самом деле его стерилизовали, Пауль Эггерт узнал только после войны.

Идея национал-социализма в данном случае заключалась в том, что реализация Закона о предотвращении рождения потомства с генетическими заболеваниями избавит будущие поколения немцев от бремени, как называл это сам Гитлер, заботы о самых никчемных гражданах. Об этом же – документальный фильм «Жертвы прошлого» (*Opfer der Vergangenheit*), снятый в 1937 году. Ленга, которую показывали во всех кинотеатрах Германии, пропагандировала необходимость умерщвления людей с отклонениями в умственном развитии. В комментарии к ней были названы две причины, по которым поступать нужно именно так. Во-первых, сохранять таким людям жизнь значит выступать против закона Творца о естественном отборе и порядке (!), а во-вторых, деньгам, потраченным на заботу о таких людях, можно найти лучшее применение, помогая сильным и здоровым детям¹⁷.

Некоторые немецкие врачи эту жестокую идею одобрили, а психиатр Карл Кнаб еще в 1935 году писал, что в немецких лечебницах содержатся не только идиоты самого низшего уровня развития, но и, как он выразился, душевные развалины, и от них, как от балласта, на который тем не менее тратятся деньги, следует избавляться – безболезненно умерщвляя. Это оправданно, отметил доктор Кнаб, с финансовой точки зрения в контексте борьбы нации за свое существование¹⁸.

На премьере фильма «Жертвы прошлого» выступил Герхард Вагнер – председатель Национал-социалистического союза врачей. Он лучше, чем кто бы то ни было, знал взгляды

фюрера относительно этого вопроса, поскольку Гитлер уже в 1935 году говорил Вагнеру, что в ходе будущей войны им следует запланировать уничтожение людей с тяжелыми психическими заболеваниями¹⁹. Тут важно отметить уверенность фюрера в том, что грядущая война даст ему возможность реализовать столь радикальные меры – и не в последнюю очередь потому, что в это время также можно будет организовать массовое уничтожение евреев.

Принудительная стерилизация проводилась в Германии масштабно: ей подверглись от 300 000 до 400 000 человек²⁰. Безусловно, это не могло не привести к кардинальному изменению мышления представителей медицинской профессии. Отныне забота врачей о здоровье их пациентов становилось отнюдь не единственной... Если доктор считал, что в рамках нового закона человек подлежит стерилизации, никакие возражения не принимались. Того, что сегодня называется конфликтом интересов, Герхард Вагнер здесь не видел, поскольку полагал, что первоочередной заботой врачей должно быть благополучие государства²¹. В результате нацисты заявили, что на врачах теперь лежит еще большая ответственность – оказывать помощь не отдельным нуждающимся в ней людям, а всему народу (*Volkskörper*). Только так может быть создано этническое государство²².

Этническое государство в данном случае означало страну, в которой власти предрешающие имеют законное право вторгаться во все, что ее граждане делают. Нацисты могли изучать родословную любой семьи, определять, с кем человеку можно сочетаться браком, а с кем нельзя, решать, имеет ли он право производить потомство, и т. д. Если немка беременела и ее будущий ребенок считался расово полезным, ей запрещалось делать аборт. Люди больше не имели права не работать; в ином случае их признавали уклоняющимися от труда и подлежащими превентивному заключению. И выбирать себе друзей они теперь должны были с оглядкой, поскольку если соседи неодобрительно относились к их компании, попавших под подозрение имели право объявить асоциальными элементами, то есть весьма ненадежными членами расового сообщества.

И все-таки, несмотря на все это, большинство немцев продолжали поддерживать Гитлера. В частности, на референдуме 1934 года, посвященном объединению постов канцлера и президента, 88 процентов избирателей выразили желание, чтобы после смерти Гинденбурга главой государства стал Адольф Гитлер. На выборах 1936 года, в рамках которых также на обсуждение был вынесен вопрос о поддержке предложения Гитлера о силовом возвращении Германией Рейнской области, его поддержали более 98 процентов голосовавших. Конечно, нельзя забывать, что эти выборы проходили в недемократическом обществе, где не соблюдались никакие гарантии, характерные для выборов подлинно свободных, и использовать для реальной оценки поддержки режима эти статистические данные нельзя, но тем не менее результаты показательные. Можно понять, почему Ян Кершоу, один из ведущих специалистов по личности Адольфа Гитлера и его эпохе, на основании всех доступных свидетельств пришел к выводу, что результаты выборов 1936 года представляют собой ошеломительную демонстрацию его одобрения²³. Многие немцы в 1930-е годы, несомненно, согласились бы с Эрной Кранц, которая уже после войны заявила: «Думаю, тогда было лучше, чем сейчас. Говорить так, конечно, рискованно. Но я все равно скажу»²⁴.

Для молодой немки того времени, такой как Эрна Кранц, вопрос о позитивных и негативных аспектах жизни при Гитлере попросту не стоял. В широком смысле темные стороны режима, как мы их видим сейчас, – концентрационные лагеря, изоляция меньшинств, неудобных нацистам, и т. д. – воспринимались неотъемлемой частью происходящего. Концлагеря считались необходимыми для удаления из общества нежелательных элементов. Новые школьные программы, основанные на расовом подходе, приветствовались потому, что объясняли немецким мальчикам и девочкам, что они самые лучшие. А что касается «исключения» из жизни евреев, то, как говорит банкир Иоганнес Цан, среди определенной части населения бытовало

мнение, что они в Германии «слишком далеко зашли»²⁵. Так что если человека устраивали нацистские идеалы, а миллионы немцев они устраивали, то в рейхе 1930-х годов вполне можно было хорошо себя чувствовать. Многие из тех, к кому это относится, позже заявляли: им и в голову не приходило, что преследование евреев, официально закрепленное Нюрнбергскими законами и другими нормативными актами, способно привести к Холокосту. В известном смысле это правда. Никаких свидетельств, что у Гитлера в то время был готовый план того, от чего впоследствии содрогнется мир, нет. И тем не менее такие утверждения обманчивы. Дело в том, что главной причиной благополучного существования миллионов немцев в гитлеровской Германии стало то, что они с энтузиазмом поддерживали расистские теории, лежащие в основе учения национал-социализма. Немцы восприняли идею, что они лучше, чем другие. Соответственно, к тем, кто, как им говорили, не такой, как они, стало можно относиться как к низшим человеческим существам. Спор мог идти не о том, что другие хуже, – с этим соглашалось большинство населения Германии, а о том, как именно относиться к низшим нациям.

Что касается евреев, Нюрнбергские законы подтвердили, что в новой Германии им места нет. Евреи все больше замыкались в своих общинах. Там жизнь для многих из них оставалась терпимой. Гюнтер Рашин, подросток, живший в центре еврейской общины в Берлине, вспоминает, что у них был хороший дом и, пожалуй, не так уж много трудностей... «Мы ходили в еврейскую школу и спокойно возвращались домой»²⁶. Его отец, во время мировой войны воевавший в германской армии, служил кантором в местной синагоге и всем говорил: «Я немецкий еврей, со мной ничего не случится».

Отец Гюнтера, как и многие другие немецкие евреи, придерживался мнения, что самое лучшее для них – оставаться дома, в границах берлинской еврейской общины, как ему казалось – в безопасности. И, говоря в целом, обстановка с лета 1935 до лета 1937 года в основном это подтверждала. Да, были отдельные насильственные действия против евреев, продолжали появляться новые постановления, ограничивающие их права (например, с октября 1936 года государственным служащим запрещалось пользоваться услугами врачей-евреев), но о систематическом массовом притеснении речь не шла. Однако то, что многие восприняли как признак стабилизации по отношению к евреям, оказалось просто паузой – нацистский режим готовился к применению более радикальных мер.

Одной из причин относительного спокойствия национал-социалистов в этот период было желание Гитлера триумфально провести Берлинскую олимпиаду 1936 года. В Соединенных Штатах звучали призывы к бойкоту игр, и их поддерживали такие видные публичные деятели, как, например, мэр Нью-Йорка Фиорелло Ла Гуардиа. Тем не менее президент Американского олимпийского комитета Эйвери Брендедж уговорил атлетический союз своей страны послать команду в Германию. При участии не только американцев, но и спортсменов еще 48 стран Берлинская олимпиада стала огромным достижением Третьего рейха. Немцы завоевали больше всех медалей, и само событие было огромным успехом нацистской пропаганды, которая сумела превратить игры в средство возвеличивания своей страны. Открытие Олимпиады впервые транслировалось по телевидению в прямом эфире, а соревнования стали материалом для создания документального фильма Лени Рифеншталь «Олимпия». Торжество идей национал-социализма выразилось уже в его первых кадрах – на стадион в Берлине олимпийский факел внес светловолосый атлет, олицетворение арийского идеала, и его встретили нацистским приветствием.

Еще более поразительна с сегодняшней точки зрения оценка Гитлера, данная ему бывшим премьер-министром Британии Дэвидом Ллойд Джорджем после посещения в сентябре 1936 года Бергхофа – альпийской резиденции Гитлера близ Берхтесгадена. В статье, написанной для *Daily Express*, Ллойд Джордж отметил, что Гитлер – прирожденный лидер, магнетическая, динамическая личность, целеустремленный, с решительной волей и бесстрашным серд-

цем²⁷. Он написал, что фюреру поклоняются как национальному герою, который спас страну от безысходного отчаяния и деградации. Ллойд Джордж увидел в Германии страсть к единству и констатировал, что теперь католик и протестант, пруссак и баварец, предприниматель и рабочий, богатый и бедный – все консолидировались в единое целое. Заключение было таким: «Я никогда не видел более счастливого народа, чем немцы, и Гитлер – один из величайших людей». Ллойд Джордж тепло отозвался об атмосфере этого возрождения. Она оказала невероятное влияние на единение нации, и в результате народ стал более жизнерадостным.

А как же немецкие евреи, мог бы спросить кто-нибудь. Ллойд Джордж знал, что на территории Германии они подвергаются преследованиям. Он даже вскользь упомянул об этом в своей статье²⁸. Как же он мог говорить, что народ стал более жизнерадостным, если, конечно, не считал немецких евреев настоящими немцами? Такая вероятность может показаться удивительной с учетом того, что в ноябре 1917 года Ллойд Джордж поддержал декларацию Бальфура, в которой говорилось, что правительство его величества относится благосклонно к восстановлению национального очага для еврейского народа в Палестине. Впрочем, истинные мотивы политиков, сказавших «да» этой декларации, до сих пор являются темой дискуссий, и один историк, например, пришел к следующему заключению: «...люди, породившие ее [декларацию Бальфура], были христианами и сионистами, но были среди них и антисемиты, считавшие, что евреи правят миром»²⁹.

В Британии Ллойд Джордж стал не единственным, кто восхвалял Гитлера, несмотря на преследования нацистами евреев. Можно с уверенностью говорить, что неофашистские веяния никогда не получали широкого распространения в этой стране – Британский союз фашистов Освальда Мосли в 1930-е годы и близко не подошел к возможности оказаться представленным в парламенте, но существовал антисемитизм на бытовом уровне. В частности, Иоганнес Цан, немецкий банкир, запомнил антиеврейские высказывания британских финансистов, которые слышал во время посещения Лондона³⁰. Евгений Левине считает, что в Британии в 1930-е годы антисемитизм проявлялся гораздо сильнее, чем в Германии в 1920-е. «Я чувствовал, что в быту англичане – бóльшие антисемиты, чем немцы. Люди нередко весьма добродушно шутили: “В конце концов, мы же не травим евреев газом”. Нет, газом не травили, но, например, в свой гольф-клуб не принимали... Но если спросить человека, с которым ты в дружеских отношениях, почему он и его товарищи не принимают того-то или того-то в гольф-клуб, можно было получить такой ответ: “Видишь ли, дорогой, если принять одного, он тут же приведет всех своих приятелей”»³¹. Антиеврейские настроения можно было отметить и в газетах. Например, в передовой статье *Sunday Express* в 1938 году появился такой пассаж: «В данный момент отмечается большой приток евреев-иностранцев в Британию. Они буквально заполняют страну!»³²

Антисемитская риторика, как отметил Евгений Левине, во многом опиралась на предвзятое мнение, будто евреи представляют собой особую группу, которая никогда не сможет ассимилироваться. Что касается Ллойда Джорджа, он явно разделял позицию тех, кто считал, что евреи невероятно могущественны и действуют, не считаясь с государственными границами. До крайности она была доведена у Адольфа Гитлера³³... Возможно, этим сходством и объясняется тот панегирик, который британский аристократ, хотя и не очень родовитый (Ллойд Джордж был виконтом Гвинедом и 1-м графом Дуйвором), пропел немецкому фюреру. Мы не можем утверждать наверняка. С уверенностью скажем другое: если в 1936-м Гитлер смог произвести такое прекрасное впечатление на Ллойда Джорджа и убедить его в прогрессе Германии, то на следующий год мир увидит совсем другого человека.

1937 год оказался поворотным во многих смыслах. Олимпиада осталась позади, и риторика Гитлера снова стала такой же экзальтированной, если не сказать лихорадочной, какой была в баварских пивных десять лет назад. Выступая на съезде партии в Нюрнберге 13 сен-

тября 1937 года, он заявил, что большевизм представляет собой величайшую угрозу для культуры, да и для всего человечества со времен крушения государств Античности³⁴. Фюрер вновь провел связь между евреями и большевиками, и это очень важно. Участвовавшие беспорядки, сказал он, с которыми сталкивается мир, создают вожди еврейского большевизма в Москве. На тот случай, если кто-то не уловил связь, Гитлер добавил: «Когда я сознательно представляю эту проблему как еврейскую, то все вы должны понимать, что это не голословное предположение, а факт, подтвержденный неопровержимыми доказательствами». Фюрер решил преподать своим слушателям урок истории – хотя и крайне искаженный, – который начинался с его взглядов на Россию. (Адольф Гитлер упорно называл СССР Россией, хотя Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика в то время была лишь одной из республик Советского Союза.) Гитлер заявил, что евреям удалось проникнуть в правящую элиту этой страны и ликвидировать предыдущих, как он их назвал, лидеров. Евреи – инородцы, которые получили полный контроль над русской цивилизацией и теперь хотят использовать Россию как плацдарм для завоевания новых территорий и порабощения других народов.

Далее фюрер нарисовал совершенно невероятную фантазмагорию: будто бы обезумевшие массы при поддержке асоциальных элементов совсем озверели и тащат титульную нацию на плаху, залитую кровью. И за всем этим кошмаром стоят евреи. А происходит это потому, что евреи считают необходимым уничтожить элиту в стране, которую намерены взять под свою руку. Гитлер напомнил слушавшим его, что все они пережили то же самое, имея в виду восстание спартакистов в Берлине, организованное коммунистами и социалистами в 1919-м, и Баварскую советскую республику – кратковременное государственное образование, провозглашенное советом рабочих и солдатских депутатов в том же году.

Адольф Гитлер сказал, что Германия, как никто другой, заинтересована в предотвращении распространения большевистской чумы в Европе. Он напомнил, что, несмотря на то что Германия в прошлом воевала с разными европейскими странами, это были войны между цивилизованными государствами, а большевистская Россия – нечто совершенно иное. Московские власти – это варварская, иудобольшевистская интернациональная шайка преступников! Национал-социалисты заслуживают похвалы за то, что не позволили еврейским ничтожествам диктовать свои требования немецким рабочим. Более того, немцы сегодня – гораздо лучшие солдаты, чем раньше, и готовы дать отпор всем, кто мечтает распространить большевистскую заразу в Германии.

Фюрер заявил, что воинственный характер его речи обусловлен ситуацией в Испании, где бушует гражданская война, в особенности потому, что Сталин помогает республиканцам, которые выступают против националистов. Кремль поставляет сражающимся против генерала Франко оружие и посылает в Испанию военных советников.

Гитлер и здесь лукавил – антибольшевистские взгляды у него тоже сформировались в 1920-е годы, но по ряду причин от их публичного представления в таком агрессивном виде он пока воздерживался. Это был вопрос тактики, пояснил фюрер на встрече с партийными активистами в апреле 1937-го, за полгода до своей нюрнбергской речи. На этом закрытом собрании он сказал, что понимает желание некоторых своих соратников применять по отношению к евреям более сильные меры, такие, как, например, «маркировка» их специальными знаками, но надо понимать, что до сих пор его главной задачей было удерживаться от действий, которые впоследствии пришлось бы отменять, и шагов, которые могли каким-то образом навредить их общему делу. «Вы должны понимать, что я всегда продвигаюсь вперед настолько, насколько могу рискнуть, – и ни на шаг дальше. Жизненно важно обладать шестым чувством, подсказывающим, что еще можно сделать, а что делать не надо»³⁵. Потом Гитлер добавил, что опасность, исходящую от евреев, сознают все члены НСДАП, но думать, что возможно в каждый конкретный момент, должен он. Из этой речи мы можем сделать вывод, что Гитлер давно хотел бы радикально действовать при преследовании евреев, но вынужден был считаться с полити-

ческой необходимостью продвигаться к конечной цели постепенно. Какова эта цель, объясняет Геббельс, 30 ноября 1937 года сделавший в дневнике следующую запись: «Долго говорили [с Гитлером] о еврейском вопросе. Евреи должны быть изгнаны из Германии, из всей Европы. На это требуется время, но это должно произойти и произойдет. Фюрер полностью готов к этому»³⁶.

Тактический подход у фюрера был и при реализации другого его давнего убеждения: придет время и Германии понадобится плацдарм на западной границе большевистской России. В 1930-е годы он никогда публично об этом не говорил, но в частном порядке за год до нюрнбергской речи 1937-го ясно дал понять, что имеет намерения противостоять распространению коммунистической чумы, а уже в августовском циркуляре 1936 года, в то время, когда Герман Геринг был назначен руководителем экономической программы, известной как «четырёхлетний план», уже есть упоминание, что в военном смысле судьба Германии – искоренить большевизм. «Четырёхлетний план» подразумевал переустройство экономической жизни страны с целью ее перевода на военные рельсы. В нем, в частности, было сказано, что, поскольку Германия перенаселена, ей необходимы новые территории, и, следовательно, «окончательное решение этой проблемы заключается в расширении нашего жизненного пространства»³⁷. Слова «окончательное решение» скоро станут штампом нацистской лексики – позже так назовут, например, и план истребления евреев, но пока они означают отграничение переходной фазы, во время которой немцы будут наращивать свою военную мощь, от этапа, когда, собственно, начнутся боевые действия.

На заседании кабинета министров 4 сентября 1936 года Геринг зачитал циркуляр Гитлера и прокомментировал его. Логика и посыл фюрера ясны: столкновение с Россией неизбежно³⁸. Спустя два месяца, в ноябре, Геббельс подтвердил, что партийное и военное руководство рейха в полной мере осознает: у Германии будет схватка с Россией. Геббельс сослался на разговор с фюрером о том, как идет перевооружение. «Мы вкладываем в это огромные средства. В 1941 году оно завершится. Наше господство в Европе не должно вызывать сомнений... Конфронтация с большевизмом приближается»³⁹.

Еще через десять месяцев, в сентябре 1937 года, в своей чрезвычайно эмоциональной нюрнбергской речи Гитлер сделал попытку свести воедино то, что говорил в частных беседах, и то, что было сказано публично, хотя речь о нападении Германии на Советский Союз, конечно, не шла. Наоборот, фюрер заявил, что вермахт перевооружается для того, чтобы быть готовым отразить большевистскую угрозу в случае нападения русских. А поскольку за большевиками стоят евреи, военный конфликт с русскими будет также означать вооруженную борьбу с еврейской угрозой. То, что война между Германией и СССР станет противостоянием не только техники, но и идеологий, было ясно уже тогда, но, по мнению Гитлера, она подразумевала еще и демонстрацию неоспоримой силы и превосходства арийской расы.

Тем, кто эту точку зрения не разделял, пришлось уйти или для начала как минимум уступить часть своих полномочий. В частности, 27 ноября 1937 года с поста рейхсминистра экономики был уволен Ялмар Шахт, хотя еще раньше, после назначения Геринга главным по реализации «четырёхлетнего плана», ряд функций по руководству военной экономикой перешел именно к нему. Шахт остался в составе правительства в качестве министра без портфеля и сохранил пост президента Рейхсбанка, но в январе 1939 года лишился и его. Впоследствии Шахт имел контакты с группой военных, решивших выступить против нацистского режима, хотя сам участником заговора не был. 21 июля 1944 года, после провала июльского покушения на фюрера, он был арестован и отправлен в концлагерь.

Ялмар Шахт – не единственный из тех, кто в начале 1930-х годов во всем поддержал Гитлера, а потом оказался отстранен от власти. Его судьба повторилась – с теми или иными вариациями – у некоторых других представителей элиты Третьего рейха. Она может показаться,

как говорят теперь, экстремальной, все-таки Шахт занимал очень высокое положение в нацистском государстве, но тем не менее попал за колючую проволоку. Впрочем, даже с учетом всего этого путь от первоначальной эйфории после победы НСДАП до разочарования в последующей агрессивной политике режима у многих долгим не был. 5 ноября 1937 года, за несколько недель до того, как Шахт лишился должности министра экономики, Гитлер посвятил в свои радикальные планы нескольких представителей немецкой военной и политической аристократии старой закалки. Идеи фюрера безусловно поддержали не все, и после этого карьера многих сначала встала под вопрос, а затем закончилась – с теми или иными неприятностями для них, а то и бедами. В тот день на совещании в рейхсканцелярии присутствовали главнокомандующий сухопутными силами генерал-полковник Вернер фон Фрич, главнокомандующий военно-морскими силами гросс-адмирал Эрих Редер, главнокомандующий военно-воздушными силами рейхсминистр авиации Герман Геринг, а также военный министр фельдмаршал Вернер фон Бломберг и министр иностранных дел Константин фон Нейрат. Ставший впоследствии широко известным протокол совещания назван по имени военного адъютанта Гитлера полковника Фридриха Хоссбаха – именно он вел записи. Гитлер открыто изложил свои экспансионистские планы в Европе. Германии нужны новые территории, а значит, в ближайшие годы неизбежны войны. Как следует из протокола, войну с Англией и Францией в 1939 году Гитлер не планировал, но, чтобы получить доступ к источникам сырья для германской экономики, намеревался провести малые кампании. Полномасштабный европейский военный конфликт намечался на 1941–1944 годы, и вот тогда как раз подразумевались Англия и Франция. О своей самой грандиозной идее – нападении на СССР – Гитлер на этом совещании не сказал ни слова. В целом краткосрочными целями были названы аншлюс Австрии и оккупация Чехословакии.

Кроме того, 5 ноября 1937 года Гитлер заявил, что для него главная цель политики – безопасность немецкого общества, а первостепенный вопрос, который надо решать, – обеспечение жизненного пространства. Это полностью совпадает с тем, что он излагал еще в 1924 году в своей книге⁴⁰. Далее фюрер подчеркнул, что Германия должна как можно быстрее двигаться вперед, проводя агрессивную внешнюю политику, потому что нынешнее преимущество, достигнутое благодаря перевооружению, вечным не будет. Наладить партнерские отношения с Лондоном не представляется возможным – это очевидно. Действительно, Риббентропу, летом 1936 года назначенному послом в Великобритании, чтобы в том числе добиться прочного германо-британского союза, заключить желанный альянс не удалось. Теперь Гитлер считал, что Великобритания, которая не хочет и не может согласиться с существованием сильной Германии, в грядущем конфликте станет противником.

Геринг, как всегда, фюрера в развернувшейся дискуссии поддержал, но остальные военачальники были настроены скептически. В особенности они опасались – пророчески, – что Германия может оказаться втянута в войну на два фронта. Аргументы были обоснованными, но Гитлер от своих подчиненных желал услышать вовсе не это.

Все, кто выразил на этом совещании те или иные сомнения или выражал их ранее, в ближайшие несколько месяцев покинули свои посты, а Бломберг, Фрич и Нейрат вообще лишились их в один день.

Бломберг в январе 1938 года женился, и тут выяснилось, что до этого его супруга давно была на заметке у полиции – еще с тех пор, когда была замечена позирующей для порнографических фотографий. Военная элита, надо сказать, испытала шок, а Гитлер и Геринг увидели в этом подрыв авторитета вермахта. 26 января Бломберг был снят со всех постов, а 4 февраля отправлен в отставку.

Фрич в этот же день подал в отставку сам – после того, как его ложно обвинили в гомосексуальной связи. 18 марта 1938 года он был оправдан, однако в должности не восстановлен.

Нейрат покинул министерство иностранных дел, получив «повышение» в виде поста президента кабинета министров – консультативного органа, который ни разу не собирался.

Все новые люди, назначенные на ключевые посты военного и других ведомств, оказались либо более покладистыми, либо менее смелыми. А может быть, в их характерах сочетались оба этих качества. Министром иностранных дел Германии стал Иоахим фон Риббентроп, бывший посол в Великобритании. Фрича на посту главкома сухопутных войск сменил Вальтер фон Браухич, до этого командовавший 4-й армейской группой. Должность военного министра была упразднена. Прямых свидетельств, что эти кадровые изменения произошли потому, что все, о ком идет речь, высказали свое скептическое отношение к захватническим планам Гитлера, а Фрич к тому же вступил в перепалку с Герингом, нет, но поводы отстранить их от реальной власти нашлись тут же, хотя, например, фотографиями, компрометирующими жену Бломберга, гестапо располагало достаточно давно. Так или иначе, в результате всего этого решению фюрера проводить более радикальную внешнюю политику теперь мало что препятствовало, если вообще препятствовало.

Первые шаги на пути более агрессивного поведения Германии по отношению к другим странам были сделаны уже через четыре месяца после этого знакового совещания. Тут надо заметить, что отношения между Адольфом Гитлером и правительством его родины – Австрии в последнее время стали весьма напряженными. Эта конфронтация, в свою очередь, привела к глобальным изменениям в политике нацистского антисемитизма.

До того как Гитлер стал канцлером Германии, история австрийских евреев во многом была схожей с таковой у соседей – евреев немецких. О положении венских евреев первой половины XIX века можно судить, в частности, по зданию богато украшенной синагоги (*Stadttempel*), построенной в центре города в середине 1820-х годов. С одной стороны, интерьер – ионические колонны и куполообразный свод – свидетельствует о процветании и успехах венской еврейской общины, а с другой – очень скромный вход, почти невидимый с улицы, заставляет вспомнить о гонениях, несмотря на то что в 1782 году император Иосиф II подписал так называемый патент о религиозной толерантности, который вводил в империи свободу вероисповедания.

В 1867 году австрийские евреи наконец были по закону признаны равными в правах с остальными подданными короны, и в Вене начался золотой век еврейской культуры. Это было время композитора Густава Малера, писателя Артура Шницлера, психиатра Зигмунда Фрейда – все они родились в еврейских семьях. Безусловно, не всех австрийцев обрадовала новообретенная свобода евреев. Особенно яростный антисемитизм демонстрировали два политика – Георг фон Шенерер и Карл Люгер. Шенерер, лидер австрийского националистического движения, был одержим тремя идеями: желанием более тесного союза с Германией, неприятием католицизма и ненавистью к евреям. Тем не менее его антисемитизм строился больше на расовой, чем на религиозной почве. Эту мысль Шенерер сформулировал так: «Религия – только маскировка. Порок кроется в крови»⁴¹. Карл Люгер, бургомистр Вены, выступал против чрезмерного представительства евреев в определенных профессиях и утверждал, что они способны развратить любое общество. Нацистам подобные заявления были бы близки. «Как только государство позволяет евреям захватить власть, – утверждал Люгер, – ему грозит скорый крах, но в тех государствах, где хватает ума изолировать евреев, монархические принципы сохраняются»⁴². Люгер быстро обернул себе на пользу страх венцев перед наплывом евреев из Восточной Европы, особенно тех, кто бежал из России. Появились призывы закрыть австрийскую границу, дабы не допустить въезда в страну евреев. Усиливались страхи, что они привезут с собой разные болезни. Кроме того, евреи наверняка будут призывать к революции! В ноябре 1905 года в одном из своих выступлений Люгер прямо обратился к венским евреям. Бургомистр призвал их не принимать [еврейских] революционеров – социал-демократов. «Настойчиво предупреждаю евреев: здесь может произойти то же самое, что в России. Мы, венцы,

антисемиты, но мы, безусловно, не склонны к насилию и убийствам. Тем не менее, если евреи станут угрожать нашему отечеству, мы этого не потерпим»⁴³.

Вся эта австрийская антисемитская риторика была хорошо знакома антисемитам в Германии, но в плане «решения еврейского вопроса» между двумя странами имелось большое различие, и заключалось оно в пропорциональном соотношении еврейского населения. В Германии евреев было меньше 1 процента, в то время как в Вене в 1890 году их насчитывалось около 12 процентов, то есть евреями были примерно 100 000 из 820 000 жителей города. К марту 1938-го, когда нацисты вошли в Австрию, только в Вене жили более 180 000 евреев (возможно, и 200 000), а во всей Германии в это время их уже было в два раза меньше. Таким образом, еврейскую «проблему» в Австрии нацисты расценивали как намного более серьезную, чем та, что пока еще не была решена дома, в Германии.

Вспомним, что после окончания Первой мировой войны державы-победительницы решили разделить Австро-Венгерскую империю, и Австрия стала самостоятельным государством. Новое правительство в Вене хотело, чтобы Австрия вошла в состав Германии, но по условиям Сен-Жерменского договора 1919 года это оказалось невозможно. Австрийцы не забыли, что их просьба была отклонена – вердикт очевидно странный, учитывая обещание Вудро Вильсона обеспечить право наций на самоопределение.

Но куда было деваться от географических реалий? В 1920-е и 1930-е годы Германия играла определенную роль в австрийских делах. В 1920-е Австрия, как и Германия, переживала экономические трудности, хотя и не столь масштабные, как соседнее большое государство. В 1934 году в Австрии разразился политический кризис. В результате попытки захвата власти нацистами был убит канцлер Энгельберт Дольфус. Однако заговорщики действовали неумело, и правительственным войскам, возглавляемым министром юстиции Куртом фон Шушнигом, удалось взять верх. Шушниг, ставший новым канцлером, стремился укрепить независимость Австрии от Германии – при том, что в Берлине у власти был человек, родившийся в Австрии, но считавший себя и всех «арийских» австрийцев немцами.

Гитлер оказывал на Шушнига политическое давление, но от прямых военных действий с целью форсировать присоединение – аншлюс – пока воздерживался. Конечно, у фюрера были опасения, что аншлюс настроит против него другого диктатора – Муссолини, ведь Италия являлась гарантом независимости Австрии. В Берлине надеялись на какого-то рода объединение, что называется, мирным путем, и в 1936 году, после подписания австро-немецкого соглашения, это показалось возможным. По его условиям Австрия фактически обязалась следовать политике нацистской Германии. Со своей стороны, Германия признавала суверенитет и независимость Австрии и обещала не вмешиваться в ее внешнюю политику. Чтобы подтвердить положения договора, Шушниг назначил на различные административные посты австрийских национал-социалистов, а потом объявил амнистию для нескольких тысяч нацистов.

В начале 1938 года немецкий посол в Вене, бывший канцлер Франц фон Папен, предложил Шушнигу встретиться с Гитлером в Берхтесгадене, чтобы уладить «недоразумения», существующие между их странами. Встреча состоялась 12 февраля и стала ярким примером того, как Адольф Гитлер умел выбивать своих оппонентов из колеи. Во время первой беседы, которая происходила в кабинете фюрера на первом этаже замка Бергхоф, он выдвинул австрийскому лидеру целый ряд претензий: Австрия должна выйти из Лиги Наций, Австрия исторически саботировала все попытки союза с Германией, Австрия стремится укрепить свою границу с рейхом и т. д. Обвинения Гитлер подкрепил угрозами, заявив, что намерен положить всему этому конец, и добавил: «Возможно, однажды утром вы проснетесь в Вене и обнаружите, что мы уже там – как весенняя гроза. И тогда вы кое-что увидите»⁴⁴. Далее фюрер сказал, что после вторжения в стране будут расквартированы части СС и Австрийский легион (военизированная структура, состоящая из австрийских нацистов), и никто не сможет помешать им действовать – даже он.

Курт Шушниг, имевший юридическое образование, во время Первой мировой сражался в австро-венгерской армии, а после войны стал адвокатом, вступил в христианско-социальную партию, и в 1927 году был избран в нижнюю палату парламента. Он мыслил как юрист и политик. Разговаривать ему с Гитлером было трудно. Тот мог громоздить одно ложное обвинение на другое с такой скоростью, что на них и ответить не представлялось возможным. Шушниг стал одним из первых иностранных политиков, сбитых этим с толку, но не последним. Кажется, он и не понял, что Гитлер его аргументы не слышит. Фюрер был политическим деятелем совсем другого рода. Он не желал искать взаимоприемлемые компромиссы. Для него не имело значения, что «факты», приводимые им, не соответствуют действительности.

Схожую риторическую тактику Адольф Гитлер применял и при нападках на евреев. Например, его голословное заявление, что разные «евреи за границей» планируют заговор с целью организации волнений в Германии, недалеко ушло от предъявленных Шушнигу огульных обвинений в том, что вся история Австрии – один бесконечный акт государственной измены. Точно так же недвусмысленное упоминание о том, что даже он не сможет «остановить» германских солдат, если они окажутся в Австрии, похоже на заявление 1933 года, сделанное во время бойкота нацистами еврейских магазинов, что есть опасность самосуда над их хозяевами. В обоих случаях Гитлер позиционировал себя как сдерживающую силу по отношению к своим более радикально настроенным соратникам. И тем не менее это была явная угроза. Если кто-то не принимает его предложение, пусть пеняет на себя.

После встречи в Бергхофе Курт Шушниг пришел в замешательство. Отто Пиркхем, австрийский дипломат, который был с ним в тот день, вспоминает, что за обедом канцлер не проронил ни слова. «Он находился в подавленном состоянии, и его молчание объяснялось тем, что во время встречи с Гитлером Шушниг понял – для Австрии наступают непростые времена»⁴⁵. Словом, канцлеру пришлось подписать документ, подразумевающий еще ряд уступок Германии, в том числе назначение на пост министра внутренних дел австрийского нациста Артура Зейсс-Инкварта.

20 февраля 1938 года Гитлер произнес в рейхстаге продолжительную речь, во время которой похвалил Курта Шушнига за его «глубокое понимание и дружественную готовность... искать решение в интересах обеих стран и в интересах немецкого *Volk* – всего немецкого *Volk*, сыновьями которого мы все являемся»⁴⁶. Через четыре дня в Мюнхене на праздновании годовщины образования НСДАП фюрер связал австрийский и еврейский вопросы воедино и ополчился против «лжи», появляющейся в зарубежной прессе по поводу реальных намерений Германии в отношении Австрии. Особо он выделил британскую газету *News Chronicle*, которая якобы написала, что немецкие войска концентрируются на границе с Австрией. *Völkischer Beobachter* в своем отчете об этом мероприятии отметила, что Гитлер назвал такие обвинения наглыми и наглядно демонстрирующими, как еврейские международные организации фабрикуют и распространяют ложь. Там же приведена цитата из речи фюрера: «Мы должны извлечь из этого урок. Мы должны решительно бороться с еврейскими подстрекателями в Германии. Мы знаем, что все они агенты Интернационала, и будем относиться к ним соответственно»⁴⁷.

Шушниг попытался спасти ситуацию. В Австрии был объявлен плебисцит по поводу объединения с Германией. В ответ Гитлер по совету Геринга еще больше усилил давление на Австрию – в Баварии началась мобилизация войск. Однако при объявлении опроса граждан канцлер пренебрег предписанным конституцией совещанием с собственным правительством, в связи с чем Зейсс-Инкварт и вице-канцлер Гляйзе-Хорстенау объявили Шушнигу, что считают плебисцит противоречащим основному закону страны. 11 марта 1938 года Шушниг подал в отставку, а Зейсс-Инкварт, занявший его место, направил германским властям «просьбу о помощи», под предлогом которой соединения вермахта и перешли границу. Австрийские войска не оказывали немцам никакого сопротивления на всем пути продвижения. Миллионы

жителей Австрии приветствовали их, осыпая цветами. Многие полагали, что все произошедшее дает им надежду – новая, более сильная Австрия избавится от экономических проблем. Сузи Зейц, в те годы бывшая подростком, вспоминает, что ее семья видела в Гитлере своего спасителя, ведь их страна действительно должна была входить в состав Германии⁴⁸. Родители Сузи хотели, чтобы Австрия присоединилась к ней еще после Первой мировой войны, и теперь наконец их мечта осуществлялась.

Эмиль Кляйн, старый боец нацистской партии, который в 1923 году принимал участие в пивном путче, был вообще все себя от радости. Вот его свидетельство: «Я был в то время старшим региональным командиром гитлерюгенда. Услышав, что начался аншлюс, я пришел в восторг, ведь у меня в юности были кое-какие связи с австрийцами. Никому ничего не сказав, не спросив разрешения у начальства, я сел в машину и помчался в Австрию вслед за войсками, через Пассау. Такие ощущения я переживал единственный раз в жизни. Какой энтузиазм! Думаю, ни я, ни солдаты не получали в своей жизни столько поцелуев! Ими нас одаривали местные девушки. Австрия ликовала!»⁴⁹

Гитлер пересек австрийскую границу в полдень 12 марта, через несколько часов после того, как это сделали его солдаты. Произошло это в символическом месте – на реке Инн в его родном Браунау-ам-Инн. Триумфальный проезд мимо торжествующих толп длился до Линца – города, где он ходил в школу. Рейнхард Шпитци, австрийский нацист, работавший в министерстве иностранных дел Германии, ехал в шестой машине кортежа, вслед за автомобилем фюрера. Для Шпитци это был чрезвычайно эмоциональный момент: «Все мои мечты были о воссоединении Австрии с Германией. Не забывайте, Австрия правила Германией на протяжении 600 лет, немецкая корона хранится в Вене, в Хофбурге. Для меня после поражения 1918 года, для всех нас это была мечта... Должен сказать, что энтузиазм (конечно, не 100-процентный, но как минимум 85-процентный) был ошеломляющим... Я видел даже полицейских и монахинь, держащих флаги со свастикой. Мы все считали, что это будет новый, миролюбивый большой рейх, потому что австрийцам – я сам австриец – война не нравится. Мы проиграли столько войн Пруссии, Англии, Франции и так далее, что уже были сыты по горло всякими войнами... Аншлюс стал одним из успехов Гитлера, достигнутых без войны, так же как оккупация Рейнской области, и то, что он сделал, было абсолютно правильно»⁵⁰.

Шпитци утверждает, что в то время хорошо представлял себе цели фюрера: «Гитлер с самого начала хотел объединить все немецкоязычные страны, за исключением Швейцарии и Люксембурга, в старую Священную Римскую империю германских народов. Он решил исправить несправедливости Тридцатилетней войны, Мюнстерского и Оснабрюкского мирных договоров, он хотел сделать Германию такой же великой, как в Средние века».

Идея, что конечной целью нацистов является воссоединение немецкоязычных народов, а не захватническая война на востоке, была широко распространенным заблуждением, и Адольф Гитлер охотно его поддерживал в публичных выступлениях. Шпитци, в 1930-е годы служивший в немецком посольстве в Лондоне, свидетельствует о том, что многие представители британской правящей элиты не видели особой проблемы для Европы в таком объединении: «Пока он [Гитлер] занимался этим, национал-социалисты встречали полное понимание большей части британского истеблишмента. Они это понимали. Именно так мне говорили».

В Австрии такие антисемитские меры, как в Германии, не применялись, но тем не менее были значительные «традиционные» предубеждения, вполне бы одобренные бывшим бургомистром Вены Карлом Люгером. В частности, Вальтер Френц, который побывал в австрийской столице в 1928 году, описывает следующий эпизод. «Внезапно трамвай, в котором я ехал, резко затормозил, – говорит Френц, позже ставший личным фотографом Гитлера и одной из ключевых фигур в системе визуальной пропаганды Третьего рейха. – На путях был человек, который не видел приближения трамвая. Водитель, остановившись, в сердцах воскликнул: “О,

черт, это же еврей! Если б знал, не стал бы тормозить!» И все в вагоне его поддержали: «Так и надо было сделать с этой еврейской свиньей!» А ведь они даже не знали того человека»⁵¹. Сузи Зейц, приветствовавшая Гитлера в Линце в марте 1938 года, тоже испытывавшая негативные чувства к евреям, сейчас выражает их чуть более дипломатично: «Должна сказать, евреев в Австрии недолюбливали. У нас никогда не возникало ощущения, что они такие же, как мы. Они были другими, совершенно другими»⁵².

Евреи оказались в опасности с первой минуты вступления немцев в Австрию. «Мы слышали шум на улицах, – рассказывает австрийский еврей Вальтер Каммерлинг, которому тогда было 15 лет. – Все население Вены, по крайней мере нееврейское население, торжествовало и радовалось. Потом начались первые проблемы... Стали громить еврейские магазины». Да, опасность стала чувствоваться сразу же после немецкого вторжения. «Ты был вне закона. Никакой защиты. Любой мог пристать, сделать с тобой что угодно...»⁵³

Печально известны случаи, когда нацистские бандиты заставляли евреев чистить улицы, стараясь при этом унижить их человеческое достоинство. Вальтер Каммерлинг запомнил хорошо одетую женщину, которая взяла на руки свою маленькую дочку, чтобы та видела, как штурмовик пинает ногами старого еврея, моющего щеткой тротуар. «Все смеялись, – говорит он, – и эта женщина тоже. Для них это было развлечением, что меня потрясло до глубины души»⁵⁴.

Американский корреспондент Уильям Ширер тоже оказался свидетелем травли евреев, начавшейся в Вене. «Сообщения о садизме нацистов и австрийцев стали для меня неприятным сюрпризом, – писал он в своем дневнике в первые дни аншлюса. – Еврейских мужчин и женщин заставляют чистить уборные. Буквально сотнями... их хватают на улицах без разбора и заставляют мыть туалеты...»⁵⁵

Первоначальный всплеск антисемитских действий в основном был спонтанным. Речь идет о беспорядочных, несистемных действиях на местном, так сказать, уровне – похожих на те, что предпринимали штурмовики сразу после прихода нацистов к власти. Вскоре руководство НСДАП охладило эту импульсивную брутальность. Преследования стали обретать определенный алгоритм. Практически сразу после вторжения немецких войск на территорию Австрии начальник всей германской полиции рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер организовал в венском отеле «Метрополь» свою штаб-квартиру, и тут же в городе появился Рейнхард Гейдрих, его ближайший сподвижник и руководитель службы СД – контрразведывательного подразделения в составе СС. В ночь с 13 на 14 марта, через 36 часов после того, как нога первого немецкого солдата шагнула на австрийскую землю, гестапо приступило к изъятию из домов евреев произведений искусства. Бесценная коллекция Ротшильдов, в частности, была распределена между Гитлером и Герингом. Правда, часть ее осталась в Австрии – в музее Линца. Меньше чем через неделю после оккупации нацисты закрыли все главные конторы еврейских организаций, а их руководителей отправили за решетку. К концу марта евреям запретили работать в научных учреждениях и театрах и служить в австрийской армии. Еврейские предприниматели лишались своего бизнеса и собственности. Нацисты захватывали их магазины, фабрики и дома, и такой процесс «арианизации» вскоре повторится в Германии.

Первый поезд из Австрии в концентрационный лагерь Дахау отправился 1 апреля 1938 года, а к декабрю там оказалось почти 8000 австрийских граждан⁵⁶. Сначала это преимущественно были политические противники нацистов, многие – с еврейскими корнями, но с мая арестовывать стали евреев, которых называли асоциальными элементами или преступниками, хотя никаких обвинений им не предъявлялось⁵⁷. Террор достиг таких масштабов, что австрийские евреи подвергались риску быть арестованными просто за посещение ресторана или общественного парка в тот момент, когда власти объявляли очередную облаву. В 1938 году из всех австрийцев, отправленных нацистами в Дахау, более 75 процентов были евреями. В составах,

идуших в этот лагерь, всех часто избивали и подвергали разным истязаниям. По оценкам самих эсэсовцев, в одном таком эшелоне физическому воздействию подверглись более 70 процентов арестованных⁵⁸.

Некоторые австрийские евреи пытались отстаивать свои права. Так поступил, в частности, Давид Шапира, венский еврей, юрист и владелец магазина, потерявший зрение в результате ранений, полученных во время великой войны. После того как ему запретили заниматься адвокатской практикой, а магазин отняли, он с женой отправился к властям Вены и передал жалобу, надеясь, что, увидев его боевые награды, над ними смилостивятся. Услышал Шапира следующее: «Еврейский мерзавец, эти габсбургские побрякушки можешь засунуть себе в задницу. Иди прочь и не вздумай возвращаться, иначе тебя спустят с лестницы. Может, тогда ты прозреешь»⁵⁹.

В среде венских евреев обычным делом стали самоубийства. Счеты с жизнью сводили в среднем пять человек в день, причем иногда публично. Уильям Ширер свидетельствует, что однажды его друг увидел, как в баре парень, похожий на еврея, достал из кармана старомодную бритву и полоснул себя по горлу⁶⁰. 23 марта 1938 года Геббельс цинично отметил в своем дневнике: «Раньше самоубийства совершали немцы. Теперь настал черед других»⁶¹.

В ужасах, творившихся в Австрии, заметную роль сыграл Адольф Эйхман, в то время 32-летний лейтенант СД. Эйхман вырос в Австрии – его отца в 1913 году перевели работать в Линц – и, кстати, учился в той же школе, в которую ходил Гитлер. В 1932-м он вступил в нацистскую партию и в СС. В июне 1933-го деятельность НСДАП в Австрии была запрещена. Вскоре после этого Эйхмана уволили из «Вакуум ойл», где он тогда работал, из-за принадлежности к СС, и он вернулся на родину, в Германию.

Адольф Эйхман, ставший в СД главным специалистом по еврейскому вопросу, готовился к аншлюсу, собирая разведывательные данные на австрийцев, которые, по мнению национал-социалистов, представляли для рейха опасность⁶². Эйхман прибыл в Вену в марте 1938 года со списком, в который входили многие известные евреи, но скоро выяснилось, что изоляция таких людей чревата для нацистского режима проблемами. Лидеры рейха стремились заставить этих евреев эмигрировать, предварительно лишив состояния, но оказалось, что в еврейской общине не осталось никого из авторитетных фигур, которые могли бы, что называется, координировать данный процесс. Эйхман получил разрешение от начальства выпустить нескольких известных евреев, которые могли бы быть в этом полезны. Он даже вызвал к себе из камеры юриста Иозефа Левенхерца, чтобы обсудить с ним, как именно СД может взаимодействовать с еврейскими организациями, а потом отправил его обратно – дорабатывать план⁶³.

Вскоре «исход» – сам Эйхман назвал эту систему конвейером – обрел реальные очертания⁶⁴. Евреев, желавших получить разрешение уехать из страны, собирали в одном месте, где им предстояло пройти «собеседование» с рядом нацистских чиновников. В августе 1938 года начал работать центральный офис еврейской эмиграции, расположившийся в доме Ротшильдов. С марта по декабрь 1938-го Австрию покинули 80 000 евреев⁶⁵. К началу войны – сентябрю 1939 года – их уже было около 130 000. Оплачивать свой отъезд эти люди должны были сами. Состоятельные помогали бедным через еврейские организации.

Аншлюс Австрии стал для гитлеровского режима несомненным успехом, как и быстрое выявление и задержание, а также изгнание евреев из страны. В результате всего этого еврейское население Германии оказалось в еще большей опасности, чем раньше.

Глава 7

Радикализация (1938–1939)

После присоединения Австрии уверенность Гитлера в своих силах укрепилась, что называется, стократ. Сразу после аншлюса он стал говорить, что лично оказал немецкому народу огромное благодеяние: «Период моего руководства Германией входит в историю германского величия»¹.

Скоро Адольф Гитлер уже заявлял, что само его существование – часть сверхъестественного плана Всевышнего: «...любой верующий в Бога должен признать: когда судьба народа изменяется за три дня, это божественное решение»². И поскольку Господь теперь повелел Германии и Австрии объединиться, то «что соединил Бог, человек не разъединит»³.

И тем не менее, несмотря на все эти выпретенные речи, никаких свидетельств набожности Гитлера нет. Кстати, это было ясно уже из контекста «Моей борьбы»⁴. Более того, он считал христианство «изобретением больного ума»⁵. Главная цель человечества, как Гитлер себе это представлял, – сохранение вида⁶, а его личная задача – вести немецкий *Volk* к новому миру. Этот мир будет процветающим и, конечно, расово чистым. В этом стремлении ему помогает мистическая сила – сам фюрер называл ее провидением. Примечательно, что еще в 1936 году он говорил: «...ни угрозы, ни предупреждения не остановят меня. Я иду тем путем, который назначило мне провидение, с инстинктивной уверенностью сомнамбулы»⁷.

И все-таки весной 1938-го Гитлер почувствовал, что времени, которое отведено ему «провидением» для реализации собственного предназначения, на все может не хватить. Выступая в Вене 9 апреля, незадолго до своего сорок девятого дня рождения, он посетовал на то, что потратил лучшие годы на борьбу за власть⁸. Все это – страх того, что время, отведенное для достижения величия, не будет длиться вечно, сверхуверенность в своей гениальности, совсем недавно наряду с прочим подкрепленная успехом в Австрии, и тревога за то, что другие страны быстро наращивают свои вооруженные силы, – стало весьма и весьма взрывоопасным.

Между тем в самой Германии нацисты теперь проводили более радикальную политику. Сначала гестапо обрушилось на «тунеядцев». С апреля 1938 года безработных немцев, отклонивших два предложения о трудоустройстве, отправляли в концентрационный лагерь Бухенвальд. В июне уголовная полиция начала так поступать с «асоциальными элементами». Существенной чертой данной кампании было то, что в ее ходе арестовывали и всех немецких евреев, ранее имевших судимость⁹. Трудоспособность при этом не имела значения – достаточно было просто быть судимым евреем и отсидеть в тюрьме больше месяца¹⁰. Это один из первых примеров того, что в ходе проведения каких-либо акций в масштабах страны к евреям относились более сурово, чем к представителям какой-либо другой национальности.

В результате облав в заключении в условиях, ужасающих даже по нацистским стандартам, оказались более 2000 евреев. В Бухенвальде, в частности, многие спали под открытым небом. Для некоторых охранников из частей СС появление евреев оказалось поводом, чтобы проявить личную злость на них, быстро перераставшую в садизм. Попавших в лагерь евреев направляли на самые тяжелые работы, и уже летом 1938 года почти 100 из них умерли. Было ли возможно освобождение? Очень редко, и только в том случае, если евреям удавалось убедить эсэсовцев, что они немедленно эмигрируют.

Жизнь немецких евреев, пока еще остававшихся на свободе, тоже становилась все хуже. Целый ряд новых антисемитских правил, появившихся в 1938-м, предельно ограничил их

права. Еврейским врачам больше нельзя было лечить арийских пациентов. Евреям вообще запретили заниматься многими видами деятельности, в том числе быть коммивояжерами. Декретом от 17 июля 1938 года нацисты решили избавиться себя от хлопот по идентификации и изоляции евреев: данный акт гласил, что отныне евреи, по именам которых нельзя определить их национальную принадлежность, должны использовать второе, дополнительное имя: мужчины – Израиль, женщины – Сара¹¹.

Одновременно с началом этих – официальных – мер притеснения на евреев стали нападать прямо на улицах. Особенно часто нацисты делали это в Берлине – семена, посеянные Геббельсом, давали обильные всходы. В июне 1938 года сам он записал в дневнике: «Выступал перед тремя сотнями полицейских в Берлине. Призвал их к действиям. Никакой сентиментальности. Лозунг – не законность, а агрессия. Евреи должны убраться из Берлина. Полиция поможет»¹². В результате евреев стали унижать в столице так, как этого не было с первых дней нацистского правления.

В начале лета 1938-го Геббельс обратился к начальнику берлинской полиции графу Гельдорфу с просьбой внести предложения по ужесточению антисемитских действий. Ответ он получил 11 июня, за день до выступления, о котором шла речь выше. Сразу к исполнению все предложения не были приняты, но в них оказалось много идей по усилению преследований, которые нацисты реализуют позже, во время войны (например, выделение отдельных районов города для проживания евреев и требование носить на одежде специальные метки).

Параллельно с акциями против евреев, «асоциальных элементов» и «тунеядцев» нацисты занялись и другими «особыми» группами. Первой стали цыгане – *Zigeuner*. Сегодня это слово считается уничижительным (и немецкое *Zigeuner* – более сильное, чем английское *Gypsy*), но в те времена всех смуглых людей, предки которых несколько столетий назад перебрались из Индии в Европу и всегда вели кочевой образ жизни, называли цыганами, не видя в этом особого подтекста. Так их именовали и во всех нормативных актах, направленных против них, и в концлагерях, но сейчас во многих странах широко приняты другие термины – «синти» и «рома», поскольку большинство из них происходит из двух групп, исторически известных под этими названиями¹³.

История преследований синти и рома так же, как в случае с евреями, началась задолго до прихода к власти нацистов. В конце XVI века представителей этих народов обвинили в том, что они поддерживают турок и помогают им в кознях против Священной Римской империи, и на протяжении XVII и XVIII столетий многие германские государства уже принимали законы, направленные против синти и рома. Согласно некоторым, в частности эдикту правителя ландграфства Гессен-Дармштадт 1734 года, синти и рома запрещалось селиться на определенных территориях. Другие нормативные акты того времени, например закон, изданный в Майнце в 1714-м, вообще требовал казнить их¹⁴. Представители этих народностей подвергались дискредитации из-за своего образа жизни – синти и рома обвиняли в том, что они живут «как собаки»¹⁵, и даже из-за внешности, которая определялась как «черная, грязная и дикая»¹⁶.

Словом, синти и рома уже несколько веков воспринимались обывателями как ленивые бродяги, не имеющие постоянного жилища. Впрочем, оставалось непонятным, до какой степени их можно было осуждать за то, что они не могли изменить, в первую очередь за происхождение, или за социальное поведение, которое изменить представлялось возможным, например за кочевничество, предпочитаемое многими синти и рома оседлому образу жизни. Чезаре Ломброзо, итальянский психиатр, родоначальник антропологического направления в криминологии и уголовном праве, основной мыслью которого стала идея о прирожденном преступнике, в частности, считал, что качества синти и рома, многими воспринимаемые как негативные, являются врожденными. В 1902 году Ломброзо писал, что они склонны к криминальному поведению, потому что рождены разбойниками¹⁷. Тем не менее большинство постановлений,

принимавшихся против цыган немецкими государствами в начале XX столетия, было направлено на регулирование их поведения, а не на полномасштабную расовую борьбу. В июле 1926 года парламент Баварии принял Закон о борьбе с цыганами, бродягами и тунеядцами¹⁸, в котором среди прочего было сказано, что никто не имеет права перемещаться с места на место караванами без предварительного разрешения полиции.

Многие из тех, кто в 1930-е годы рос, по определению нацистов, в цыганских семьях, уже тогда считали, что трудности, с которыми они сталкивались, обусловлены не только новым режимом, но и многовековыми предубеждениями. «Широкая публика испокон века с пренебрежением отзывалась о синти и рома, – говорит Франц Розенбах, живший в то время в Австрии. – К ним всегда плохо относились, их не признавали, считали людьми второго, а то и третьего сорта. Сказать по правде, у нас было очень мало контактов с большинством из них. Во-первых, потому, что они сами не хотели иметь с нами дело, а во-вторых, потому, что родители советовали нам держаться от них как можно дальше, потому что мы им не нравимся. Негативное отношение основывалось на идее, что синти воруют детей и все такое. Но я должен сказать, что это неправда...»¹⁹

Герман Голленрейнер, выходец из семьи синти, жившей в Мюнхене, вспоминает, как в 1930-е годы страдали те, кого причисляли к цыганам. «Мать отправила меня в школу, – рассказывает он, – но там был учитель, которому я очень не нравился. Мне приходилось стоять в углу или просто уходить из класса, он бил меня... поэтому я перестал ходить на занятия. Этот человек плохо относился и к другим синти. В другом классе, когда узнали, что мы цыгане, остальным детям запретили разговаривать с нами. Может, так решили их родители, этого я не знаю»²⁰. Герман говорит, что многие немцы, увидев на земле кучку собачьих экскрементов, говорили: «Цыган...», то есть это сделал цыган. «Да, такое у них бытовало выражение!» И то, о чем шла речь выше, – негативное отношение к синти и рома в школах – было повсеместным явлением.

Тем не менее Гитлер, судя по всему, особого внимания синти и рома не уделял, по крайней мере, в «Моей борьбе» о них не упоминается вовсе. Нацисты далеко не сразу стали принимать меры, направленные непосредственно против представителей этих народностей. Необходимости в срочных мерах, пожалуй, и не было, ведь многих синти и рома и так забирали в ходе кампаний против «попрошак» и «асоциальных элементов». И в Нюрнбергские законы их внесли задним числом: Вильгельм Фрик, рейхсминистр внутренних дел, 26 ноября 1935 года подписал указ, в котором говорилось, что вердикт, запрещающий евреям вступать в брак с чистокровными немцами, распространяется и на цыган²¹. Затем, 3 января 1936 года, последовало уточнение: если у конкретного цыгана (цыганки) в жилах течет четверть или меньше «чужой» крови, он (она) могут сочетаться браком с арийцами.

Надо заметить, что этим постановлением нацисты создали себе еще одну серьезную проблему с дефинициями. Одно дело – говорить о процентном содержании «цыганской» крови, и совсем другое – исполнять законы, которые его регламентируют... Причина проста: не было никакой возможности определить, как много «цыганской» крови в том или ином человеке. Мы уже видели, что нацисты, не сумев найти «расовый» способ провести различия между евреями и неевреями, вернулись к определению «еврейства» по религиозному признаку. Но к синти и рома сие было неприменимо, поскольку подавляющее большинство из них исповедовали христианство.

При «расширении» Нюрнбергских законов нацистам срочно понадобилась модель установления в человеке процентного соотношения «цыганства», так же как раньше им это требовалось для определения «еврейства». В министерстве здравоохранения быстро была создана специальная структура – станция биологических исследований по евгенике и народонаселению, руководить которой стал доктор Роберт Риттер. Ему и его подчиненным предстояло

создать огромную картотеку, содержащую информацию обо всех потенциальных синти и рома в Германии. Досье предполагалось завести примерно на 30 000 человек. Пока же Риттер, впоследствии ставший автором работ, обосновывавших необходимость планомерного преследования цыган как неполноценной нации, вместе с коллегами определял, кто является, а кто не является цыганами, изучая свидетельства о рождении, семейные документы и анализируя образ жизни каждого человека.

Заключения сотрудников станции биологических исследований о характере жизни цыган легли в основу нацистского законодательства, направленного на решение еще одной проблемы, которую предстояло решить, – цыганского вопроса. 8 декабря 1938 года Генрих Гиммлер подписал циркуляр «О борьбе с цыганской угрозой». В документе было сказано, что цыганская проблема должна рассматриваться как расовая, но сначала оседлые и неоседлые цыганы обязаны зарегистрироваться в полиции. Жизнь цыган, по мнению Гиммлера, следовало урегулировать – не в последнюю очередь для предотвращения дальнейшего «смешивания» крови²².

Одним из примечательных аспектов данного нормативного акта является следующее утверждение: «Опыт показывает, что цыгане-полукровки играют важнейшую роль в цыганской преступности». Опыт, собственно, было убеждение доктора Риттера, что «сто процентные» цыгане, ведущие традиционный кочевой образ жизни – перемещающиеся в своих кибитках от деревни к деревне, которых в Германии не так уж и много, не столь опасны, как цыгане, решившие осесть на одном месте и вступившие в брак с «чистокровными» немцами и немками. Никаких эмпирических подтверждений этому заявлению не было, но Риттер настаивал: такое «различие» крайне важно. Кроме того, в недрах станции биологических исследований по евгенике и народонаселению возникла еще одна теория, согласно которой некоторые «чистокровные» цыгане могли бы считаться чуть ли не арийцами, поскольку они выходцы не из Африки, а с Индийского субконтинента. Могли бы, если бы на протяжении столетий не вступали в смешанные браки. Они с какой только не смешали свою кровь, а значит, особенно опасны. Эта софистика привела к возникновению парадокса, отразившегося тем не менее в циркуляре о борьбе с цыганской угрозой: «чистокровные» цыгане, оказывается, представляют для рейха меньшую проблему, чем полукровки. Эта причудливая ситуация стала полной противоположностью той, в которой оказались евреи, когда большему риску подвергались как раз те из них, в чьих жилах было больше «еврейской» крови. Впрочем, после начала Второй мировой войны и усиления гонений на синти и рома различия между «чистыми» и «нечистыми» цыганами уже особого практического значения не имели, но тем не менее все сказанное выше остается важным аспектом понимания менталитета вождей Третьего рейха.

1938 год отмечен не только рождением циркуляра о борьбе с цыганской угрозой, но и тем, что в арсенале борьбы нацистского режима с синти и рома появился ряд других инструментов. Старые способы тоже использовались в полной мере. В июне многие немецкие синти и рома были захвачены в ходе облав на «тунеядцев» и отправлены в концентрационные лагеря. В частности, в одной из сводок о рабочей силе Заксенхаузена в те дни говорится о прибытии 248 цыган²³. В Австрии синти и рома тоже арестовывали и отправляли в Маутхаузен – новый концлагерь около Линца. Работали они там в ужасных условиях. Адольф Гуссак, австриец, классифицированный нацистами как цыган, вспоминает: «В карьере нам приходилось таскать тяжелые камни. Взвалив их на спину, мы должны были подниматься по 180 ступеням по направлению к лагерю. Эсэсовцы избивали нас. В результате часто возникала толкотня: каждый пытался избежать ударов. Если кто-то падал, его приканчивали выстрелом в затылок»²⁴.

У широких масс населения, судя по всему, никакого беспокойства в связи с преследованиями синти и рома не возникало. В одном полицейском докладе из Австрии, датированном январем 1939 года, наоборот, говорится, что местные жители требуют более решительных мер

в борьбе с «цыганской угрозой», поскольку представители этой нации бродяг не занимаются ничем, кроме как воровством и обманом добропорядочных граждан²⁵.

Еще одна группа, которая в 1930-е годы подверглась исключительно суровым преследованиям, среди всех, кто был негоден Третьему рейху, по-своему уникальна. Дело в том, что этим людям вменялся в вину не факт рождения, как евреям или синти и рома, а выбор веры. Это были свидетели Иеговы – их преследовали за религиозные убеждения. Мы уже знаем, что у нацистов было неоднозначное отношение к большинству течений в христианстве, но свидетелей Иеговы они посчитали особо опасными, ведь те отказывались вскидывать руку в партийном приветствии, не пускали детей в гитлерюгенд, не ходили на выборы и отказывались служить в армии.

Что с того, что вскоре после прихода национал-социалистов к власти свидетели Иеговы решили показать, что не представляют опасности для нового режима? Они опубликовали Декларацию фактов – документ, который объяснял их позицию по ряду ключевых вопросов. Они разделяют идеалы, провозглашенные новым правительством (семейные ценности, свобода вероисповедания, ответственность человека перед Богом). Наряду с этим свидетели Иеговы дистанцировались от евреев, заявив, что евреи-коммерсанты англо-американской империи используют свой капитал для эксплуатации и угнетения людей во многих странах²⁶.

Эльза Абт, сторонница этого религиозного течения, арестованная во время войны и прошедшая Освенцим, вспоминает о своем отношении к евреям, отразившимся в Декларации фактов: «Я никогда ничего не покупала в еврейских магазинах, потому что они всегда устанавливали высокие цены, а потом делали скидку, и глупые люди считали, что платят только половину цены. Это правда, я видела такое в Данциге. Они задирали цены и знали, что обыватели будут рады, если представится возможность заплатить меньше. Они каким-то особым образом рассчитывали свою выгоду! Это мое мнение, но я не имею ничего против евреев... О себе лично скажу так – они мне никогда не нравились и я бы ничего не стала покупать в еврейских лавках»²⁷.

Тем не менее попытка свидетелей Иеговы заверить нацистский режим в своей лояльности провалилась. По мнению Гитлера и его ближайшего окружения, эти люди отказывались соответствовать нормам, принятым в новой Германии. Их пацифизм – отказ служить в армии и даже участвовать в производстве вооружения – неприемлем! Гейдрих уже в декабре 1933 года сказал, что свидетели Иеговы «непостижимые фанатики»²⁸ и к ним следует применять самые жесткие меры. Теодор Эйке, комендант Дахау, в том же 1933-м суммировавший свои взгляды на религию в целом таким образом: «Молитвенники существуют для женщин и детей в коротких штанишках»²⁹, считал данный подход правильным.

Свидетели Иеговы стали особенно уязвимы после акта 1937 года, согласно которому их можно было отправлять в концентрационный лагерь по простому подозрению в преступлении. Оказавшись за колючей проволокой, они подвергались особо жестокому обращению и унижениям. После войны на суде над охранниками Заксенхаузена один строитель, каменщик, работавший в лагере, дал следующие показания: «Осенью 1938 года блокфюрер Зорге и блокфюрер Бугдалле приказали группе заключенных вырыть яму глубиной в человеческий рост. Потом они загнали в яму иеговиста, его звали Бахуба, и приказали закапывать его. Оба блокфюрера при этом громко смеялись. Когда над землей осталась лишь одна голова этого несчастного, они на него помочились. В этой могиле Бахубу продержали час... Когда его наконец раскопали и вытащили, он был жив, но стоять на ногах не мог»³⁰.

Рудольф Хесс, позже ставший комендантом Освенцима, в 1938 году служил в Заксенхаузене. В его обязанности среди прочего входили организация и исполнение казней, в ходе которых было уничтожено и много свидетелей Иеговы. Позже Хесс написал, что на своем веку встречал немало религиозных фанатиков, но иеговисты в Заксенхаузене превосходили всех,

кого ему доводилось видеть раньше³¹. Чего стоят хотя бы те двое, которые почти бежали к месту казни! «Им не нужно было никаких приговоров, они хотели получить возможность водить руки к Иегове. Преобразившиеся в экстазе, они стояли у стенки под направленными на них дулами, явно уже не принадлежащие этому миру. Наверное, так должны были выглядеть первые христианские мученики на арене цирка в ожидании диких зверей, которые разорвут их на куски»³².

По словам Хесса, его начальников – Эйке и Гиммлера – страстная приверженность этих людей своим идеалам не оставляла равнодушными: «Гиммлер, как и Эйке, не раз говорил о фанатичной вере свидетелей Иеговы и даже приводил их в пример. Солдаты и офицеры войск СС должны так же истово верить в идеалы национал-социализма и фюрера, как эти сектанты в своего Иегову. Только когда мы станем такими же беззаветными приверженцами своей философии, можно будет сказать, что государство Адольфа Гитлера в полной безопасности»³³.

Узники нацизма указывают на то, что свидетели Иеговы очень стойко переносили мучения, которым подвергались в лагере. Бруно Беттельгейм, историк искусств, после войны ставший психологом, перед началом Второй мировой был заключенным сначала в Дахау, а потом в Бухенвальде. Он слышал, что свидетели Иеговы – по теории психиатрии – считались сплошь невротиками и чуть ли не сумасшедшими, а следовательно, в момент кризиса подверженными психической дезинтеграции, но ничего похожего в лагерях не видел. «Они не только демонстрировали исключительно нравственное поведение, – писал Беттельгейм после войны, – но и выглядели неподверженными воздействию лагерной обстановки, которая быстро разрушала личность тех, кого наши друзья психиатры и даже я сам посчитал бы натурами цельными и сильными»³⁴. Все сказанное в полной мере относится к Эльзе Абт, оказавшейся в Освенциме. «Мне не было страшно, – говорит она, – потому что я знала: со мной Творец. Мы верили, что Бог сумеет помочь нам в любой тяжелой ситуации»³⁵.

Радикальная борьба с теми, кого в конце 1930-х годов нацисты считали своими врагами, затронула еще одну группу населения – гомосексуалистов. Генрих Гиммлер четко выразил собственную позицию по этому вопросу в выступлении перед руководством СС в 1937 году. Рейхсфюрер, в частности, заявил, что гомосексуалисты одновременно трусы и лжецы. «К сожалению, нам наказывать их не так просто, как это было для наших предков», – сказал он и тут же добавил, что в те времена гомосексуалистов просто топили в болотах. «Это не наказание, а уничтожение ненормальных. Данный порок должен быть ликвидирован – вырван с корнем, как мы вырываем крапиву, сваливаем ее в кучу и сжигаем. И это не месть. Мы обязаны так поступать!»

Основанием заняться гомосексуалистами, сказал Гиммлер, является, как он выразился, нарушение баланса половой жизни нации, поскольку 2 000 000 мужеложцев в Германии с учетом 2 000 000 немцев, погибших на войне, – это нехватка 4 000 000 дееспособных в том, что касается продолжения рода, граждан. «Среди гомосексуалистов, – продолжал Гиммлер, – бытует мнение: то, чем они занимаются, никого не касается. Это якобы их личное дело. Однако все, что происходит в частной жизни, и половой в том числе, не является личным делом каждого человека! Все это определяет, выживет или вымрет нация»³⁶.

Вожди Третьего рейха, как мы уже имели возможность убедиться, часто стремились провести связь между тем, что они терпеть не могли, и евреями. Конечно, с гомосексуалистами произошло то же самое. В 1930 году, перед тем как нацисты пришли к власти, Альфред Розенберг опубликовал в *Völkischer Beobachter* статью, в которой пообещал, что они будут нещадно карать «злонамеренное стремление евреев исказить божественную идею творения через физические отношения с животными, родственниками и лицами одного пола»³⁷. Таким образом Розенберг уже тогда, не имея для этого никаких оснований, публично обвинил евреев в том, что они поощряют не только гомосексуализм, но и инцест и скотоложство.

У самого Гитлера отношение к гомосексуализму, по крайней мере на первых порах, не было столь воинственным. Он постоянно говорил о том, как важны семейные ценности и долг супругов производить потомство, но терпимо относился к нетрадиционным пристрастиям Эрнста Рема, лидера штурмовых отрядов. Для руководства штурмовиков не было тайной и то, что еще один из руководителей этой организации, обергруппенфюрер Эдмунд Хайнес, был настолько откровенен в своих сексуальных предпочтениях, что его даже называли фрейлейн Шмидт³⁸.

Когда внимание Гитлера впервые обратили на гомосексуализм Рема, он сделал вид, что не понимает, о чем идет речь. Все изменилось в июне 1934 года – тогда фюрер решил, что чрезмерную власть штурмовиков пора поумерить. Забавы их лидеров оказались для этого как нельзя кстати. Напомним, что Рем был арестован в июне 1934 года на курорте Бад-Висзее, где проходило собрание руководства СА. Хайнес находился там же, и его тоже арестовали – вытащили из постели молодого штурмовика. Адольф Гитлер резко выступил против развращенности в рядах СА³⁹, и осуждение гомосексуализма стало еще одним политическим инструментом в борьбе нацистов с теми, кто был им неуютен.

Да, в Веймарской республике гомосексуальные отношения считались незаконными, хотя в Берлине и других больших городах были «специальные» клубы для мужчин, и власти часто закрывали на это глаза. Нацисты их, наоборот, широко открыли и в 1935 году внесли поправки в уголовный кодекс, строго осудив непристойные и развратные действия мужчин, которые предпочитали общество друг друга женскому. Ранее суды трактовали их как противозаконную содомию, но факт было весьма трудно доказать, если только мужчин не брали, что называется, с поличным. Новое определение – непристойные и развратные действия – давало судам возможность наказывать почти любую форму физического контакта между мужчинами. Что касается женских «извращений», специального закона против таких отношений не существовало, хотя у нацистов были намерения бороться с лесбиянками как с «асоциальными элементами».

Мужчин, осужденных по статье 175 – той самой, в которую внесли поправки, направляли либо в обычные тюрьмы, либо в концентрационные лагеря и часто подвергали пыткам, чтобы выяснить имена их партнеров. Известны случаи кастрирования гомосексуалистов, причем по закону. Они должны были давать согласие на эту операцию, а в концлагерях имелось много способов получить согласие на что угодно⁴⁰. В Третьем рейхе отправили за колючую проволоку примерно 10 000 гомосексуалистов. Точных данных о том, сколько из них оттуда не вышли, нет, но по некоторым оценкам, таких оказалось около 60 процентов⁴¹.

В контексте экспансии нацистского террора важно также отметить, что в конце 1930-х годов начали работать первые специальные концентрационные лагеря для женщин. Первым стал Лихтенбург в Саксонии, где с 1933 года содержались коммунисты, цыгане, бродяги и гомосексуалисты. В 1934-м, после «ночи длинных ножей», туда привезли 60 сторонников Рема. В 1937-м году всех узников перевели в более крупные концлагеря – Дахау, Бухенвальд, Заксенхаузен, а в декабре в Лихтенбург стали отправлять женщин. До этого они содержались в тюрьмах обычного типа либо в небольшом лагере в Морингене в Пруссии. В концентрационных лагерях женщин было меньше 12 процентов (данные на 1939 год, перед началом Второй мировой войны)⁴², но по мере того, как нацисты продолжали расширять поиск потенциальных врагов режима, их число увеличивалось. Это подтверждает факт создания весной 1939 года неподалеку от Берлина печально известного женского концентрационного лагеря Равенсбрюк. Он стал крупнейшим из всех женских лагерей Третьего рейха – принял узниц из Лихтенбурга и продолжал расширяться.

Впрочем, было бы неверно полагать, что в то время все внимание Гитлера было сосредоточено на терроре внутри страны. Репрессии проходили на фоне другой темы, которая занимала его гораздо больше. Речь идет о подготовке к войне.

30 мая 1938 года Адольф Гитлер заявил: «Мое непреклонное решение – в обозримом будущем раздробить Чехословакию с помощью военной операции»⁴³. Приказ о подготовке к ней был подписан в тот же день. Поводом стало голословное утверждение о страданиях немецкоязычного меньшинства, жившего в Судетской области – пограничном районе Чехословакии, но на самом деле на кону стояло гораздо больше. 8 июля того же года Герман Геринг, выступая перед промышленниками, сказал, что Германия готова пойти на риск войны с Францией и Англией, Россией и Америкой. Более того, это станет величайшим судьбоносным часом всей немецкой истории⁴⁴.

Да, ставки были высокие, поэтому неудивительно, что нацисты усиливали репрессии против тех, кого считали внутренними врагами рейха. Тем не менее политические рассуждения по вопросам их тактики – и особенно времени – все еще велись. 21 июня 1938 года на совещании руководителей партии и полиции было решено не принимать дополнительные жесткие ограничительные меры против берлинских евреев, которые предложил начальник полиции столицы граф Вольф Генрих Хельдорф по инициативе Геббельса. Это было время чрезвычайно деликатных отношений нацистов с мировым сообществом, поскольку Германия хотела, чтобы другие страны приняли сотни тысяч немецких и австрийских евреев, и вскоре данный вопрос предстояло обсудить на встрече во Франции – в курортном городке Эвиан-ле-Бен, расположенном на берегу Женевского озера.

Встречу межправительственного комитета по делам беженцев предложил провести президент США Франклин Д. Рузвельт в марте 1938 года, после аншлюса Австрии, но на ее организацию потребовалось четыре месяца. К этому моменту положение евреев стало еще хуже, чем в то время, когда Рузвельт выступил со своим предложением. Делегаты Эвианской конференции, жившие в роскошном отеле «Роял», уже знали, что гонения на австрийских евреев привели не к тому, что страны мира открыли свои границы, а во многих случаях к более жестким ограничительным мерам против иммиграции.

Голландия после аншлюса отказалась признавать австрийские паспорта как официальный документ. Люксембург и Бельгия резко усилили режим охраны своих границ, а британское министерство иностранных дел заявило, что Британия – страна старая, высокоразвитая и густонаселенная – неподходящее место назначения для большого числа иммигрантов⁴⁵. В ходе дебатов 22 марта 1938 года один депутат парламента с тревогой говорил о трудностях, с которыми столкнется Британия в случае наплыва евреев, поскольку полиция не сможет гарантировать, что «наш собственный народ будет надежно защищен от тех, кто к нам проникнет, – наркоторговцев, торговцев белыми рабынями и людей с криминальным прошлым»⁴⁶. В июле министр внутренних дел сэр Сэмюэль Хор на заседании кабинета министров сказал: «В стране усиливается мнение... против допуска евреев в британские колонии»⁴⁷. Швейцария ввела строжайшие ограничения на выдачу виз, чтобы не допустить въезда в страну большого количества евреев, а потом отказалась принять на своей территории межправительственную конференцию – ту самую, которая прошла в Эвиан-ле-Бен: первоначально ее предлагалось провести в Женеве. Соединенные Штаты Америки тоже не соглашались упростить иммиграционные правила в ответ на австрийский кризис. К тому же, когда американцы призывали провести конференцию, они открыто заявили, что ни от одной страны, которая примет в ней участие, не потребуется пустить к себе больше иммигрантов, чем в настоящее время.

Собственное отношение Рузвельта к этой встрече выглядит неоднозначно. При том что созыв конференции был его идеей, в качестве главы американской делегации он направил не члена правительства, а своего близкого друга Майрона Ч. Тейлора, бывшего главу корпорации *U. S. Steel*. Да и сам форум официально не посвящался проблеме помощи евреям, в его названии использовался эвфемизм «политические беженцы».

Наиболее вероятное, хотя и жестокое объяснение всему этому таково. Рузвельта наверняка беспокоила судьба евреев в Третьем рейхе, но он мог предполагать, что на Эвианской конференции не будет принято решение об оказании им какой-либо реальной помощи. Эту версию подтверждает конфиденциальная записка заместителя государственного секретаря США Джорджа Мессершмитта, составленная накануне встречи в Эвиан-ле-Бен. В ней отмечалось, что с энтузиазмом к данной проблеме относится не так уж много стран и он опасается простого пустословия делегатов по поводу помощи беженцам⁴⁸.

Сказанное выше особенно важно, потому что Мессершмитт лучше, чем кто-либо другой из администрации Рузвельта, знал подлинный характер нацистского режима. В письме, отправленном в июне 1933 года из американского посольства в Берлине сотруднику государственного департамента Уильяму Филлипсу, Мессершмитт отметил, что, по его мнению, немецкое правительство хочет превратить Германию в самое совершенное оружие войны и там уже сформировалось представление, будто весь мир настроен против рейха. Далее он пишет: «За несколькими исключениями люди, входящие в это правительство, обладают такой ментальностью, что нам с вами ее не понять. Некоторые из них явные психопаты, и в других местах они бы подлежали специальному лечению»⁴⁹.

Итак, Рузвельт уже был хорошо осведомлен о том, кто пришел к власти в Германии, но он всегда действовал осторожно и старался никогда не идти против общественного мнения. Однажды он признался Сэмюэлю Розенману, одному из своих помощников: «Это ужасно, когда ты думаешь, что ведешь за собой людей, а оглянувшись через плечо, обнаруживаешь, что за спиной никого нет»⁵⁰. По социологическим опросам президент знал, что американцы против того, чтобы в страну приехало много беженцев⁵¹. Рузвельт не собирался идти наперекор желаниям избирателей, тем более что в 1940 году он собирался баллотироваться на второй президентский срок.

И все-таки Франклин Д. Рузвельт выступил инициатором проведения конференции по вопросам помощи политическим беженцам, пусть для того, чтобы просто привлечь внимание к судьбе евреев. Президент США, безусловно, с большим сочувствием относился к этой проблеме, чем многие другие государственные деятели свободного мира. Возьмем, к примеру, премьер-министра Канады Макензи Кинга. 29 марта 1938 года он писал в дневнике: «Призыв Рузвельта к другим странам присоединиться к Соединенным Штатам, чтобы принимать беженцев из Австрии, Германии и т. д., – очень сложный вопрос. Это означает, одним словом, принимать евреев. На мой взгляд, мы ничего не выиграем, создав внутреннюю проблему в усилиях решить международную». Кинг признавал, что Канада может быть предложена как прибежище для евреев из-за своих огромных свободных пространств и малочисленности населения, но тем не менее им нужно постараться удерживать эту часть континента от волнений и от слишком сильного смешения с чужой кровью... Вердикт премьер-министра был такой: «Боюсь, если мы возьмем курс на принятие большого числа евреев, нас ждут бунты»⁵².

Макензи Кинг не понаслышке знал о Германии. В 1900 году, будучи студентом, он посетил Берлин и к тому же владел немецким языком. 29 июня 1937 года Кинг встречался с Гитлером и заверил того, что лично стал свидетелем конструктивной деятельности его правительства. Он надеется, что эта работа будет продолжена. Нельзя допустить, чтобы этому что-то помешало! Другие страны должны брать с Германии пример, к великому благу всего человечества. У Кинга сложилось впечатление, что Гитлер действительно один из тех, кто искренне любит соотечественников, свою страну и готов пойти на любые жертвы ради ее блага. Он чувствует себя избавителем своего народа от тирании. На канадского премьер-министра произвели впечатление глаза фюрера: «Ясный взгляд, который говорит об острой пронизательности и глубоком понимании ситуации»⁵³. На встрече с Гитлером Кинг не поднимал вопрос о

преследовании евреев. Он не говорил ни о концентрационных лагерях, ни о нарушении прав человека, ни об уничтожении демократии.

На следующий день Кинг встретился с Нейратом, министром иностранных дел Германии. Нейрат доверительно сказал канадскому премьеру, что не хотел бы жить в городе, где полно евреев. В Берлине они захватили контроль над бизнесом и финансами – немецкими бизнесом и финансами, поэтому их власть необходимо ограничить⁵⁴. Кинг против таких антисемитских высказываний не возразил ни слова. После деловой части встречи он обедал с Нейратом и вечером записал в дневнике, что этот обед оказался одним из самых приятных в его жизни.

Несмотря на столь неоднозначный фон, Эвианская конференция оставалась, по мнению Всемирного еврейского конгресса – международного объединения еврейских организаций, созданного в 1936 году, единственной надеждой для сотен тысяч евреев, которых в Германии и Австрии преследовали и лишали положения, занимаемого ими столетиями. В меморандуме, направленном делегатам конференции президентом Американской сионистской организации раввином Стивеном Вайзом – одним из организаторов Всемирного еврейского конгресса и его первым руководителем, не только содержался призыв к мировому сообществу предоставить в ближайшие годы убежище по крайней мере для 200 000–300 000 немецких и австрийских евреев, но и заострялось внимание на двух еще более спорных вопросах. Во-первых, от конференции требовалось сделать все, что в ее силах, дабы убедить немецкое правительство позволить евреям покинуть рейх с определенной частью своих сбережений. Во-вторых, конференция должна была констатировать, что проблема еврейских беженцев не может обсуждаться отдельно от признания огромных возможностей Палестины как направления еврейской иммиграции. «Большинство еврейского населения давно признало, что только создание еврейского государства может восстановить нормальную структуру рассеянного еврейского сообщества»⁵⁵.

При этом никаких шансов на то, что политики, собравшиеся в Эвиан-ле-Бен, поддержат требования Всемирного еврейского конгресса, не имелось. Британцы, меньше чем кто-либо другой, готовы были признать радикальное изменение сложившегося в Палестине статус-кво, где в данный момент арабы по численности превосходили евреев. В Лондоне опасались, что любая попытка облегчить «беженцам» процесс выезда из Германии может привести к тому, что другие восточноевропейские страны захотят использовать аналогичный механизм для изгнания собственных «беженцев» (разумеется, все понимали, что под словом «беженцы» подразумеваются евреи). В соответствии с этой логикой чиновники британского министерства иностранных дел заявляли, что любая попытка помочь немецким и австрийским евреям может «сделать проблему беженцев еще хуже, чем в настоящее время»⁵⁶.

Такие опасения нельзя назвать совсем уж беспочвенными. В 1930-е годы ряд антисемитских законов приняли Польша, Венгрия и Румыния. В Польше евреев было 3 000 000 – в пять раз больше, чем в Германии и Австрии вместе взятых, и ко времени проведения Эвианской конференции многие из них испытывали разного рода затруднения. В частности, с августа 1936 года на всех польских магазинах должны были указываться имена и фамилии владельцев, а это значит, что всем сразу становилось ясно, какие магазины принадлежат евреям. В 1937-м евреям запретили получать медицинские профессии, а тем, кто их уже имел, – практиковать. Тогда же были введены ограничения на возможность заниматься юриспруденцией. В марте 1938 года сейм принял новый закон о гражданстве, вступающий в действие с 30 октября, согласно которому польские евреи, прожившие за границей пять лет и не поддерживающие, как было сказано в этом нормативном акте, контактов с Польшей, лишались гражданства. Это стало сильным ударом для польских евреев, живущих в других местах⁵⁷.

В Варшаве размышляли о том, как бы вообще убрать из страны всех евреев. В начале 1937 года поляки начали переговоры с французами о возможности переселения десятков

тысяч польских евреев на остров Мадагаскар, у юго-восточного побережья Африки. Идею, что Мадагаскар, в то время французская колония, может стать еврейским поселением, высказывал еще в XIX веке немецкий историк Пауль де Лагард, специалист по изучению языков и культуры Востока, известный своими антисемитскими взглядами, а теперь польское правительство решило воплотить ее в жизнь. В мае 1937 года на Мадагаскар, чтобы оценить ситуацию, отправилась польско-французская комиссия под руководством майора Мечислава Лепецкого. Проведя несколько месяцев на острове, Лепецкий и его группа пришли к выводу, что здесь можно поселить не более 60 000 человек – малую часть от трехмиллионного еврейского населения Польши⁵⁸. Так или иначе, тогда поляки от этого фантастического плана отказались, но через три года к нему вернулись нацисты.

Польская инициатива с Мадагаскаром стала важным напоминанием участникам Эвианской конференции, что активизация антисемитизма – отнюдь не прерогатива правительства Третьего рейха. Стремление ряда европейских стран в 1930-е годы преследовать своих евреев и даже избавляться от них в настоящее время выпало из общественного сознания, ибо оказалось несопоставимо по масштабу и жестокости с последовавшим Холокостом, устроенным нацистами.

Итак, конференция в Эвиан-ле-Бен началась 6 июля 1938 года. Тон ей задал вступительной речью Майрон Тайлер – глава американской делегации. Он сказал, что проблема серьезная, но Соединенные Штаты не могут увеличивать число беженцев, принимаемых страной в год, относительно существующей квоты, составляющей 27 000 человек. Приблизительно то же самое говорили и другие делегаты: все выказывали глубокое сожаление в связи со сложившейся ситуацией, но никто не обещал существенной помощи. Причин приводили много, самых разных: высокий уровень безработицы, риск возникновения волнений на национальной почве, потребность в сельскохозяйственных работниках, а не в клерках и т. д.

Принять достаточно много «беженцев» из Германии и Австрии предложила только Доминиканская Республика, но это заявление было, скорее всего, способом показать себя на мировой арене для ее президента Рафаэля Трухильо, по сути диктатора. Его международная репутация в то время сильно пошатнулась – на Трухильо лежала ответственность за смерть 20 000 гаитян, ставших жертвами этнических чисток 1937 года. В конце концов Доминикана приняла лишь горстку евреев. Иными словами, глобальные обещания ее правителя остались лишь обещаниями.

Голда Меир, впоследствии ставшая премьер-министром Государства Израиль, была непосредственной свидетельницей пустой болтовни и лицемерия, которыми в первую очередь и охарактеризовалась Эвианская конференция. Она написала, что испытывала смешанные чувства – горечь, ярость, отчаяние и ужас, ей хотелось закричать, что за цифрами, которыми оперируют делегаты, стоят живые люди, которые могут провести всю жизнь в концентрационных лагерях или бродить по свету, как прокаженные, если их не впустят другие страны⁵⁹.

На заключительном заседании конференции, которое состоялось 15 июля 1938 года, Тайлер заявил, что выступления были конструктивными, а дискуссии плодотворными. Всем вместе им удалось принять конкретные решения и создать новую рабочую структуру – межправительственный комитет по делам политических беженцев из Германии. Что тут можно сказать?.. Жалкая реакция на один из самых кошмарных кризисов в современной истории человечества.

Тем не менее надо признать, что делегаты Эвианской конференции столкнулись с непростой дилеммой. Даже при том, что их правительства позволили своим представителям провести откровенный разговор о возможности увеличения квот для беженцев, которых может принять каждое государство, оставались опасения, как мы уже знаем, что некоторые страны Восточной Европы потребуют в ходе этого процесса выездных виз и для своих евреев. А поскольку остальной мир не продемонстрировал готовности принять несколько сотен тысяч немецких и австрийских евреев, как можно было надеяться на адаптацию еще нескольких мил-

лионов? И если делегаты конференции решат, что безопасное убежище должно быть предоставлено только беженцам из Германии и Австрии, потому что там они подвергаются наиболее жестоким преследованиям, то не подтолкнет ли это другие европейские страны к усилению своих антисемитских санкций на основании того, что мировое сообщество принимает евреев только после того, как по отношению к ним будут совершены поистине чудовищные злодеяния?

И вообще трудно понять, как можно было бы добиться на конференции в Эвиан-ле-Бен чего-то существенного без дискуссии о статусе Палестины. В то, что решить проблему может создание еврейского государства, верил не только Всемирный еврейский конгресс. Польское правительство тоже поддерживало идею позволить сотням тысяч евреев переселиться в Палестину⁶⁰. За то, что вопрос использования огромных возможностей Палестины как территории для еврейской иммиграции достойно не обсудили, должны нести ответственность британские власти. К моменту начала Эвианской конференции в Лондоне полагали, что сложностей с контролем над Палестиной им и так хватает. Зачем британской короне еще один потенциальный взрывоопасный конфликт вдобавок к уже существующим? Напомним, что причиной арабского восстания 1937 года стал доклад британской королевской комиссии, в котором рекомендовалось поделить страну между арабами и евреями. В мае 1939-го, после того как оно было наконец подавлено, британцы отказались от идеи разделения Палестины и объявили, что никакого еврейского государства не будет. Строгие ограничения на иммиграцию евреев в Палестину были введены, как многие подозревали, для того, чтобы там сохранялось арабское большинство населения. Эта новость стала сокрушительным ударом для тысяч евреев, отчаянно искавших способы выбраться из Третьего рейха. Сторонники сионизма, которые помнили прекрасные слова декларации Бальфура 1917 года, расценили известие как предательство. Уинстон Черчилль, поддерживавший сионизм, назвал данное решение прискорбным актом невыполнения обязательств⁶¹. Более того, стало ясно, что британское правительство поступило так, чтобы успокоить арабов. Стратегические интересы Великобритании – типа Суэцкого канала – находились, если можно так сказать, на арабской территории. Евреям в геополитическом смысле было практически нечего предложить взамен. Как заявил британский премьер-министр Невилл Чемберлен на совещании комитета по Палестине при кабинете министров 20 апреля 1939 года, чрезвычайно важно, чтобы мусульманский мир оставался на стороне Лондона. А еще он добавил: «Если мы вынуждены обидеть одну из сторон, лучше обидеть евреев, чем арабов»⁶². Политический прагматизм в очередной раз одержал верх над социальным гуманизмом.

Некоторые официальные лица, отвергавшие требования евреев, не скрывали собственный, так сказать, личный, антисемитизм. Чарльз Фредерик Блэр, директор канадской иммиграционной службы, в октябре 1938 года сказал, что даже при том, что евреям в Европе грозит потенциальное вымирание⁶³, это не означает, что им можно позволить массово приезжать в Канаду. Немного раньше, после объявления о решении созыва конференции в Эвиан-ле-Бен, он отметил, что для евреев было бы очень полезно, если бы они задали себе вопрос, почему почти повсюду столь непопулярны⁶⁴.

При этом обсуждать преследование евреев нацистами делегаты Эвианской конференции не стали. Возможно, они опасались, что такое обсуждение сделает ситуацию в Германии и Австрии еще хуже. Во всяком случае, Уильям Ширер сказал, что британцы, французы и американцы, похоже, озабочены тем, чтобы никак не «задеть» Гитлера. По мнению Ширера, сложилась абсурдная ситуация, поскольку они опасались разозлить человека, который и так уже создал проблему для всего мира⁶⁵.

Отношение нацистского режима к результатам конференции было выражено более чем откровенно: 13 июля *Völkischer Beobachter* напечатала статью с огромным заголовком, который

гласил: «Никто не хочет их принимать», а ниже чуть мельче: «Бесплодные дебаты на еврейской конференции в Эвиане»⁶⁶. Гитлер, выступая в сентябре 1938 года в Нюрнберге, высмеял лицемерные, как он сказал, действия западных «демократий». Германию, заявил фюрер, критикуют за невообразимую жестокость по отношению к евреям, но те же самые демократические страны, которые вопят об этом, отказываются принимать евреев, говоря, что для них нет места.

Терпеть дольше евреев – этих паразитов, как назвал их Гитлер, Германия не может! Плотность населения страны и так чрезвычайно высока. Она составляет 140 человек на квадратный километр, в то время как в демократических мировых империях, съязвил фюрер, на квадратный километр приходится лишь несколько жителей⁶⁷.

Адольф Гитлер говорил это в то самое время, когда планировал военные действия по обретению новых пространств для Германии. Сначала в Чехословакии, а затем, как уже писал 13 лет назад в «Моей борьбе», в западных регионах России. Мы уже знаем, что здесь переплелись две навязчивые идеи его политического мировоззрения – расовая ненависть к евреям и стремление увеличить территорию Германии. Однако, по мнению Гитлера, в завоевании новых земель нет никакого смысла, если на них проживают сотни тысяч евреев, а в случае с Польшей и западной частью СССР именно так и было. Другими словами, в подтексте его речи в сентябре 1938-го, за год до начала войны, уже можно видеть тень катастрофической судьбы, ожидавшей не сотни тысяч – миллионы евреев.

В сентябре 1938 года фюрер встречался с Юзефом Липски, послом Польши в Германии. В откровенном – с обеих сторон – разговоре они обсуждали «еврейскую тему» в свете итогов Эвианской конференции и неудачной попытки поляков решить «мадагаскарский вопрос». В своих записях Липски отметил: «Гитлер держит в уме мысль о решении еврейского вопроса путем эмиграции в колонии в соответствии с пониманием со стороны Польши, Венгрии и, возможно, Румынии. Если он найдет такое решение, мы поставим ему в Варшаве памятник»⁶⁸.

Примерно в то же время, когда фюрер обсуждал с польским послом возможность отправить евреев в колонии, британцы пытались достичь с ним дипломатического соглашения о судьбе Чехословакии. Частью проблемы было то, что в Лондоне делали вид, будто верят заявлению Берлина, что Германия не хочет войны и ее единственной заботой является судьба немецкоязычного меньшинства в Чехословакии. Предстояло искать компромисс, и британский премьер-министр на конференции в Мюнхене в сентябре 1938 года согласился с тем, что немецкие войска могут войти в Судетскую область – преимущественно немецкоязычный регион Чехословакии. Мнение чехов по этому поводу никого не интересовало. Позор – британцы надеялись предотвратить войну, попустительствуя диктаторскому режиму, всеми силами наращивавшему свою военную мощь.

Может быть, Чемберлен не понимал, что Адольф Гитлер – отнюдь не традиционный государственный деятель из тех, кто, подобно всем разумным политикам, предпочтет не идти на риск реального военного конфликта? Эрнст фон Вайцзеккер, немецкий дипломат, пытался объяснить, как реально обстоят дела, британскому послу в Берлине сэру Невиллу Хендерсону: «Мне пришлось еще раз повторить Хендерсону, что это не игра в шахматы, а бушующее море. Нельзя делать такие же предположения, как в нормальное время и с нормальными людьми»⁶⁹. Метафора Вайцзеккера «бушующее море» не просто яркая, но и точная – по крайней мере, по отношению к немецким евреям, которых это море в ближайшее время поглотит.

В 1938 году любая широкомасштабная война грозила расстроить существующие у нацистов планы, поскольку она началась бы раньше, чем большинство евреев было бы изгнано из рейха. Это не давало Гитлеру и ярым антисемитам в НСДАП покоя: они считали, что во время предыдущей мировой войны евреи вели себя в тылу как предатели и так же будут себя вести в случае нового конфликта. Нужно было найти способ решить эту проблему, и его предложил

Герберт Хаген – глава так называемого еврейского департамента 2-го управления СД, внутренней службы безопасности. В сентябре 1938-го Хаген написал докладную записку, озаглавленную «Деятельность департамента в случае мобилизации», в которой предложил арестовывать всех евреев-иностранцев после того, как армия будет отмобилизована, а также заключать всех остальных евреев в специальные лагеря, где они станут работать на военную промышленность. Хаген также отметил – некоторые евреи могут заслуживать особого отношения, но что он имел в виду, из контекста записки не ясно. Возможно, этот офицер СД хотел сказать, что в данных обстоятельствах к кому-то из евреев следует отнестись более внимательно, но не исключено, что речь идет о немедленном уничтожении определенных групп, поскольку словосочетание «особое отношение» со временем станет в нацистской Германии одним из общепринятых эвфемизмов умерщвления⁷⁰.

Что касается Гитлера, его убежденность в существовании мирового еврейского заговора не пошатнулась даже после провала Эвианской конференции, где международное сообщество расписалось в том, что не способно оказать евреям помощь. Выступая в Саарбрюккене 9 октября 1938 года, фюрер сказал: «Мы знаем, что международный еврейский демон стоит за кулисами и угрожает нам оттуда... и делает это сегодня так же, как делал вчера»⁷¹. Гитлер решил, что если другие страны не хотят принять евреев, живущих в рейхе, добровольно, нужно подогнать часть этих «паразитов» к их порогу.

28 октября нацисты собрали 17 000 польских евреев, живущих в Германии, привезли их к границе и попытались вытолкать на польскую территорию. На выбор времени этой акции повлиял закон, который приняли в Польше в этом году: в нем было сказано, что с 30 октября польские евреи, живущие за границей, лишаются гражданства. Этого нельзя было допустить, и нацисты решили выпроводить польских евреев обратно в Польшу за двое суток до означенного срока. Положение людей, которые оказались не нужны ни Германии, ни Польше, было катастрофическим. Как вспоминал Юзеф Бронятовский, доставленный на польскую границу из Плауэна – города, расположенного неподалеку от Дрездена, тысячи евреев шли по полям, мокрые по пояс – после того, как преодолели ров с водой. «Когда мы приблизились к польской деревне, выбежали несколько польских солдат и с криками тычками погнали нас обратно к немецкой границе. Ночью многие старики и маленькие дети умерли... Затем нас переместили к другому пограничному пункту и там наконец впустили в Польшу. Страдания были ужасные. В деревне, куда нас пригнали, жили шахтеры, католики. Они плакали, видя все эти несчастья»⁷².

Среди многих тысяч евреев, которых пригнали к польской границе, были Зендель и Рифка Гриншпан. Зендель владел небольшой швейной мастерской в Ганновере. После принятия Нюрнбергских законов у него, как и у многих других, возникли экономические трудности. Гриншпан вспоминает, что в конце октября 1938 года пришли гестаповцы, посадили их в полицейские грузовики, в которых возят заключенных, примерно 20 человек в машину, и повезли на железнодорожную станцию. «На улицах было полно людей, которые выкрикивали: “Долой евреев! Убирайтесь в Палестину!”»⁷³

Сын Зенделя и Рифки Гершель в 1936 году – ему тогда было 15 лет – перебрался во Францию, чтобы избежать преследований национал-социалистов, но был очень привязан к отцу с матерью. Жил он в Париже. Жил трудно – в постоянной опасности депортации. Когда Гершель узнал, что случилось с его семьей, – он получил открытку от сестры, описывающую высылку, юноша решил отомстить, и 7 ноября 1938 года совершил покушение на сотрудника немецкого посольства в Париже Эрнста фом Рата. Через два дня фом Рат скончался от полученных огнестрельных ранений. Смерть его совпала с одной из самых почитаемых дат нацистского календаря: 9 ноября 1923 года в Мюнхене произошел пивной путч.

Геббельс, как и все руководство нацистской партии, был в Мюнхене на церемонии в память этого события, и смерть фом Рата стала для него прекрасным информационным пово-

дом, чтобы организовать новые гонения на немецких евреев. «Днем 9 ноября сообщили о смерти немецкого дипломата фом Рата, – написал в своем дневнике Геббельс. – Что ж, дело сделано». Через несколько часов он встретился с Гитлером в старой ратуше Мюнхена – там проходил торжественный прием. Вот следующая запись в дневнике рейхсминистра: «Я докладываю ситуацию фюреру. Он решает: пусть демонстрации против евреев продолжатся. Уберите полицию. Евреи должны почувствовать народный гнев. Это правильно. Я немедленно выдаю соответствующие указания полиции. Затем делаю краткое сообщение на эту тему партийным лидерам. Восторженные аплодисменты. Все бросились к телефонам. Теперь будет действовать народ»⁷⁴.

Геббельс лукавил даже в своем дневнике. Евреям предстояло испытать на себе не столько народный гнев, сколько ярость активистов НСДАП. В ночь с 9 на 10 ноября они громили еврейские дома и магазины, жгли синагоги. Евреев арестовывали, избивали и даже убивали. Сколько человек погибли в ту ночь, точно не известно, но есть сведения, что больше 90. Почти 30 000 евреев были отправлены в концентрационные лагеря.

Восемнадцатилетний Руди Бамбер из Мюнхена узнал о том, что начались погромы, когда в их доме вышибли входную дверь. Это был первый из двух налетов, совершенных нацистами. В первом случае они ограничились разгромом в помещениях, а во втором обрушились на жильцов. Одну из пожилых женщин выволокли из дома и избивали. Затем активисты НСДАП переклкнули внимание на Руди и начали бить его. Потом его тоже вытащили на улицу и оставили под охраной. Далее – по причине, которую он так и не смог понять – его оставили и ушли. Руди вернулся в дом – там был полнейший хаос... «Вторая группа нацистов выломала водопроводные трубы, вода хлестала на пол... Я бросился искать главный вентиль, чтобы перекрыть ее. Это оказалось непросто... В доме все было словно после воздушного налета – вещи раскиданы, мебель сломана, под ногами битое стекло, фарфор...»⁷⁵

На втором этаже Руди нашел умирающего отца. Это было делом рук нацистов. «Я не мог понять, как могла возникнуть такая ситуация... Перед этим у нас была совершенно обычная, средняя, нормальная жизнь, нормальная, конечно, в кавычках. То, что произошло, казалось совершенно неприемлемым и невероятным... Полный шок... Я действительно не мог себе и представить, что такое могло – или должно было? – случиться. Конечно, я уже слышал о концентрационных лагерях, они уже действовали в Дахау и Бухенвальде, но это ведь нечто иное... А это было совершенно необоснованное, неспровоцированное насилие. Я не знал этих людей. Они не знали меня. У них не могло быть зла на меня лично – просто какие-то люди ввалились в дом и сделали то, что, по их мнению, должны были...»

В особенности поразили Бамбера, пытавшегося смириться со столь нелепой смертью отца, противоречия с точки зрения закона. Погромы в ночь на 10 ноября были спонтанными – непредсказуемыми и совершенно нелегитимными, но совершали-то их члены НСДАП, являвшейся партией власти. На следующее утро полиция опечатала дом как официальное место преступления. Кроме того, это было попыткой предотвратить мародерство, что тоже считалось противозаконным действием. Через несколько дней Руди отправился в местное отделение гестапо спросить, нельзя ли снять печати, чтобы семья могла вернуться в дом. «Мне это кажется странным, – рассказывает он. – Мне совершенно не страшно было идти в гестапо. Мне казалось, в системе еще сохраняется какая-то законность... Все, что тогда происходило, сейчас совершенно не укладывается у меня в голове».

Руди Бамберу оказалось трудно принять произошедшее еще и потому, что никто из них не мог дать выхода своим чувствам, ведь, если бы он, например, откровенно выразил гнев, все могло бы быть еще хуже... «Я не находил способа объяснить случившееся каким-то здравым или рациональным образом. Вся предыдущая нацистская пропаганда, нацистское господство, думаю, заставили и меня, и других евреев смириться со многим, и, видимо, это проявилось, когда людей стали депортировать и отправлять в лагеря... Вспоминаю об этом сейчас, и мне

кажется невероятным, как вообще удавалось справляться – или, скорее, не справляться – со всем, что происходило, и никак, в принципе, на это не реагировать... Не реагировать так, как должен был бы реагировать любой здравомыслящий человек. Думаю, это сила системы заставляла нас пригибаться и не отвечать надлежащим образом».

Нападения на синагоги и осквернение свитков Торы – священных иудейских реликвий – по всей Германии стали новой низостью нацистов. Гюнтер Раскин в Берлине видел последствия нападения на синагогу, в которой его отец был кантором. «Я вошел внутрь и увидел все наши священные предметы. Они все были испачканы экскрементами... Это было ужасно. Тогда я впервые стал свидетелем того, как отец плачет»⁷⁶.

А страдания Руди Бамбера усиливало отсутствие поддержки со стороны соседей и других знакомых. Он говорит, что его семья не получила от немцев никакого сочувствия. Многие просто проходили мимо их дома, но один или два человека кидали в него камни. Похожие воспоминания и у Гейнца Нассау из Эссена. Там в центре города подожгли еврейский молодежный центр. Медсестра, работавшая там, спросила у кого-то из прибывших пожарных, не остались ли в здании администратор и члены его семьи, и услышала в ответ: «Да пусть они сгорят! В конце концов, они расправились с фом Ратом. Убирайся отсюда, а то мы и тебя туда бросим!»⁷⁷

Впрочем, реакция немцев была разной. В одном полицейском докладе сообщалось, что мнения населения разделились. Большинство людей считает, что эти погромы необоснованны⁷⁸. Есть свидетель, еврей из Баварии, который говорил, что христианское население Мюнхена настроено против таких действий. «Мне со всех сторон демонстрировали самую живейшую симпатию и сочувствие... Совершенно незнакомая арийская дама, явно из высшего класса, подошла к моей жене и сказала: “Мадам, мне стыдно быть немкой”. Другая неизвестная дама прислала бутылку вина»⁷⁹.

Неодинаковая реакция на злодеяние, которое впоследствии назвали Хрустальной ночью, видна, например, по поведению родителей Уве Сторьохана, жившего в Гамбурге. Даже при том, что отец Уве евреев не любил, он пришел в негодование, потому что штурмовики осквернили синагоги. А вот мать считала иначе. Она была довольна тем, что после погрома соседи-евреи уехали, а через два дня в их дом вселился один из высокопоставленных чиновников СА. Уве запомнил, как мама радовалась, что теперь рядом будет жить такой общительный и близкий к народу представитель военизированных формирований НСДАП⁸⁰.

Для тысяч евреев, оказавшихся после Хрустальной ночи в концентрационных лагерях, наступили предсказуемо тяжелые времена. Один из них потом среди прочего вспоминал о том, как комендант Заксенхаузена снял перчатки и собственноручно стал избивать заключенного, обзывая его грязной еврейской свиньей. И о том, как все они смотрели на наказание заключенного, которого поймали при попытке бежать из лагеря: «Его били огромными кнутами двое штурмовиков, которые вызвались это делать добровольно... Несчастный должен был сам громко отсчитывать все двадцать пять ударов, но вскоре замолчал, потому что потерял сознание. Капо сказал, что он, как только хотя бы немного придет в себя, получит еще двадцать пять ударов»⁸¹.

Газета *Das Schwarze Korps* («Черный корпус») – печатный орган эсэсовцев – до Хрустальной ночи не один месяц разжигала ненависть к евреям в самых радикальных выражениях, но после погромов это уже был просто взрыв ненависти. 24 ноября в одной из статей было сказано следующее: «Все это необходимо. Мы больше не слушаем вопли из-за границы, и нет на земле силы, которая может нас остановить! Мы доведем еврейский вопрос до окончательного решения. Программа ясна. Вот она – полное изгнание, абсолютное отмежевание!»⁸²

В другом материале, напечатанном 17 ноября, говорилось: «Горе евреям, если хоть один из них или их сообщник, нанятый ими и пропитавшийся их ненавистью, поднимет свою крова-

вую руку на кого-то из немцев! За смерть или ранение немца будет отвечать не только он, а все евреи. Это должны понять те, кто не внял нашему первому сдержанному предупреждению... Есть только одно право, наше право, наша самозащита, и только мы будем определять время и формы ее проявления»⁸³. Потом в *Das Schwarze Korps* прозвучала неприкрытая угроза: «День, когда еврей или еврейский наймит направит оружие против одного из вождей Германии, станет последним днем существования евреев в нашей стране. Мы очистим ее!»⁸⁴

В это время официальный печатный орган СС сделал еще два заявления, имеющих значение для понимания нами менталитета сторонников жесткого курса. Во-первых, нацисты сказали, что в нетерпимости по отношению к евреям нет ничего нового – это всегда, на протяжении тысячелетий, было очень важно для любого здорового общества и нации, и теперь они сделали из этого необходимые эффективные практические выводы, хотя и суровые⁸⁵. Во-вторых, *Das Schwarze Korps* написала, что немцам придется самим решать вопрос с евреями (пока формулировка была такой), потому что международное сообщество помочь им не смогло. Нацисты дали понять, что считают своих оппонентов из «демократических» стран лицемерами: «Ни мистер Рузвельт, ни английский архиепископ, ни один выдающийся демократ не положит свою дочь в постель к грязному восточноевропейскому еврею; но, когда дело касается Германии, они сразу же видят здесь не еврейский вопрос, а лишь гонения на невинных, страдающих за свою веру, словно нас когда-нибудь могло интересовать, во что верят или не верят евреи»⁸⁶. Таким образом, в Третьем рейхе еще до войны нашли оправдание жесточайших мер против евреев: все «здоровые» нации в мире считают, что быть антисемитами правильно, но только у немцев хватило смелости принять против евреев необходимые меры. И уж конечно, Германия ни в чем не виновата! Другие страны ведь отказались предоставить евреям убежище.

В то время, как *Das Schwarze Korps* трубила обо всем этом со своих страниц, в концентрационных лагерях продолжали подвергать мучениям евреев, арестованных после Хрустальной ночи. Все это говорит нам о том, что нацисты были готовы предпринимать по отношению к евреям радикальные действия задолго до начала Второй мировой войны.

Международное сообщество, разумеется, осудило погромы, произошедшие в Германии и в Австрии. Слова сочувствия звучали повсеместно, но дел было мало. США позволили 12 000 австрийским и немецким евреям, приехавшим в страну по краткосрочным визам, продлить свое пребывание, но предложение конгресса о принятии дополнительно 2000 еврейских детей было отклонено. Президент в поддержку законопроекта не выступил, и предложение так и осталось только предложением.

Британия, правда, квоту для беженцев увеличила. Происходило это постепенно – началось вслед за аншлюсом, продолжилось после Хрустальной ночи, а в целом до начала войны в Великобританию смогли прибыть 50 000 евреев из Германии и с контролируемых ею территорий⁸⁷.

Около 9000 детей попали в Британию в ходе операции «Киндертранспорт» – перевозки и размещения на территории страны детей, признававшихся на основе Нюрнбергских расовых законов евреями, из нацистской Германии, Австрии, Чехословакии, Польши и вольного города Данцига. Руди Бамбер со своей младшей сестрой оказались среди тех, кому британские визы выдали накануне начала военных действий. Руди вспоминает, что каждый предмет их одежды, все, что они хотели взять, должны были быть переписаны и одобрены властями. Прежде чем получить разрешение на отъезд, нужно было пройти специальную комиссию. Вот воспоминания Руди: «В помещении сидели нацистские чиновники, армейские офицеры, сотрудники гестапо и полиции... Это выглядело абсурдом, потому что генерал, который был главным, говорил примерно так: “Ты собираешься отправиться в колонии? Наверное, хочешь работать на ферме?” Я ответил: “Да”. Я бы сказал “да” на что угодно... Кстати, в это время слово “еврей” никто не произносил»⁸⁸.

После Хрустальной ночи никто уже и не делал вид, что политика Третьего рейха – это политика страны, которая желает мирных отношений с остальным миром. Министр иностранных дел Великобритании лорд Галифакс, например, сказал коллегам, что власть в Германии захватили безумцы, и добавил: «Ближайшей целью нашего правительства должно стать исправление ложного впечатления, что мы безвольные трусы, о которых можно безнаказанно вытирать ноги»⁸⁹.

Никаких документов о том, что говорил сам Гитлер – в публичных или частных беседах – о событиях Хрустальной ночи, нет. Впрочем, имеется дневниковая запись Геббельса, в которой тот дает понять, что фюрер одобряет действия против евреев. Очевидно, Адольф Гитлер не хотел, чтобы его имя прямо ассоциировалось с насилием. Он дорожил своим престижем в качестве главы государства и не желал, чтобы иностранные лидеры возлагали на него персональную ответственность. А еще молчание оставляло возможность заявить о самоуправстве экстремистов из партийных рядов – в том случае, если в стране почувствуется явное недовольство всем происходящим. Манфред фон Шредер, в то время молодой немецкий дипломат, вспоминает, что многие действительно считали Хрустальную ночь делом рук радикальных штурмовиков, действия которых не были одобрены фюрером⁹⁰. То, как повел себя Гитлер после еврейских погромов 1938 года и всего последовавшего за ними, дает нам основания предположить, что такой же тактики он сознательно придерживался и позже, уже во время войны, ведь фюрер никогда публично не говорил о том, что в Третьем рейхе истребляли евреев.

12 ноября 1938 года Герман Геринг председательствовал на совещании, проходившем в имперском министерстве авиации, на котором обсуждались последствия Хрустальной ночи. Это единственное в своем роде собрание высших нацистских чиновников, посвященное политике в отношении евреев, после которого сохранилась стенографическая запись. Содержание ее показательное⁹¹. Из стенограммы следует, до какой степени не были просчитаны потенциальные последствия всего произошедшего. Во-первых, евреи могли потребовать возмещения понесенного ими ущерба от страховых компаний, многие из которых принадлежали немцам. Во-вторых, разбитые витрины и окна – именно по ним Хрустальная ночь получила свое название – можно было заменить, только купив стекло за границей, а это означало значительные траты валюты. Было еще и в-третьих, в-четвертых, в-пятых... Геринг сказал, что грабить и сжигать магазины и склады, чтобы потом немецкие страховые компании возмещали евреям ущерб, было полным безумием. Лучше бы убили сотни две евреев, чем уничтожить такое ценное имущество!

Потом участники совещания обсуждали, какие ограничительные меры государство должно ввести против евреев. Рейнхард Гейдрих предложил заставить их носить на одежде специальные знаки. Он сказал, что это поможет персонифицировать немецких евреев, а то они пока неотличимы от евреев-иностранцев. Это, в свою очередь, не даст возможности правительствам других государств предъявлять жалобы на плохое отношение к их гражданам в Германии. Геринг отметил, что подобное решение в сочетании с дальнейшим ограничением еврейского предпринимательства и запретом на свободу передвижения для них должно привести к созданию во всех крупных городах гетто в широких масштабах. Гейдрих высказался против: «Мы не сможем контролировать гетто, в котором будет собрано очень много евреев. Оно станет постоянным убежищем для преступников, рассадником эпидемий и так далее. Мы не хотим, чтобы евреи жили в одних домах с немцами, но сегодня немецкий народ, в многоквартирных домах и отдельных, сам заставляет евреев вести себя соответственно. Сейчас контроль над евреями под бдительным присмотром всего населения возможен, а при размещении тысячами в каком-либо районе мы не сможем установить надлежащий контроль за их повседневной жизнью с помощью патрулей». Этот обмен мнениями важен в свете того, что произойдет

позже, поскольку обе меры – специальные отличительные знаки для евреев и создание гетто – через год будут реализованы на оккупированных восточных территориях.

Из стенограммы этого совещания становится ясно, что мир лидеров нацистской партии – это мир, в котором может быть поднята и обсуждаться любая тема, любая мысль, сколь бы радикальной или эксцентричной она ни была. Предположил же Геббельс, что у них появился шанс уничтожить синагоги и заменить их другими зданиями или стоянками для автомобилей... Потом вожди национал-социалистов обсудили, как заставить евреев ездить в поездах в специально отведенных вагонах, но тот же Геббельс сказал, что это не годится, поскольку в поезде могут оказаться всего два еврея. В распоряжении этих двух евреев будет целый вагон, а другие вагоны пойдут переполненными! Геринг его успокоил – евреям можно выделить не вагон, а какой-нибудь отсек. И потом, если возникнет ситуация, о которой говорит Йозеф, можно поступить еще проще. «Мы просто выпихнем этих евреев, и они всю дорогу просидят в сортире!»

Далее Геббельс предложил ввести запрет на посещение евреями немецких лесов, поскольку целые толпы их, бродящие по Грюневальду, лесному массиву в пригороде Берлина, ведут себя неподобающим образом – подстрекательски и провокационно. Геринг ухватился за эту идею, но предложил собственную трактовку, довольно причудливую. Он согласился с тем, что для евреев должен быть закрыт вход в большую часть лесного массива, но им ведь можно оставить специальный маленький участок. И поселить на этом участке животных, похожих на евреев. Например, лосей, потому что они такие же горбоносые.

Слова Геринга о лосях очень понравились всем присутствующим на совещании. Никаких этических ограничений для них не существовало. Они предложили бы отправить евреев и на Луну, если бы не серьезные практические трудности при осуществлении этого плана. Нацистские бонзы знали, что Гитлеру нравятся радикальные идеи, и многие научились выдвигать поистине фантастические предложения.

Под занавес совещания Геринг обсудил с товарищами по партии ряд новых мер, направленных против евреев, в том числе план устранения их из экономической и общественной жизни – арианизацию. Нужно принять эмиграционную схему, аналогичную той, что Эйхман реализовал в Австрии. А еще надо заставить евреев выплатить большой штраф в качестве наказания за последствия Хрустальной ночи, поскольку фом Рат был убит евреем. Наконец, Геринг подвел итоги: «Если в ближайшем будущем немецкому рейху придется вступить в конфликт с иностранными державами, совершенно очевидно, что мы в Германии прежде всего должны будем разобраться с евреями»⁹².

Между тем и в речах Гитлера уже можно было услышать почти апокалипсическое звучание. В частности, выступая в рейхстаге 30 января 1939 года, в шестую годовщину своего прихода к власти, фюрер прямо угрожал евреям. В речи, которая длилась два с половиной часа, он продекларировал, что Германия желает жить в мире с другими государствами, но международное еврейство всеми силами стремится удовлетворить свою жажду мести истинным арийцам. В данный момент в некоторых странах евреи продолжают вести эту кампанию ненависти с помощью прессы, кино, радио, театра и литературы, которые все еще находятся в их руках. Далее фюрер заявил, что, если международным еврейским финансистам в Европе и за океаном снова удастся втянуть всех в мировую войну, результатом ее может стать большевизация всего мира. Разве это не угроза? Угроза, но Германия знает, как ей противостоять. Участью еврейской расы станет аннигиляция⁹³.

И тем не менее нужно понять, что именно имел в виду Гитлер. Неужели он открыто дал понять, что в случае войны намерен истребить всех евреев? Спорно, особенно с учетом следующего: свидетельств того, что в 1939 году у фюрера уже был детальный план уничтожения евреев, нет. В качестве альтернативы можно предложить более убедительную интерпретацию: под аннигиляцией Адольф Гитлер подразумевал изгнание, и, таким образом, единственным

возможным для нацистов решением еврейской проблемы оставалась «ликвидация» евреев в Европе – их насильственное выдворение с континента. В пользу этой точки зрения говорит то, что Гитлер сказал ранее в ходе этого же выступления, он ведь поставил в вину всем «демократическим» странам их невмешательство и нежелание принять еврейских эмигрантов. Эти страны, по словам фюрера, заливались слезами жалости по поводу несчастного, страдающего еврейского народа, но делать ничего не делали. Именно в таком контексте Гитлер пообещал, что Германия изгонит этот народ, то есть евреев.

Дальнейшее представление о намерениях фюрера дает нам его разговор с министром иностранных дел Венгрии Иштваном Чаки, состоявшийся 16 января 1939 года – за две недели до «пророческой» речи. Чаки не был другом евреев и представлял режим, который уже принял ряд антисемитских законов. Гитлер выразил в беседе с ним уверенность, что евреи должны исчезнуть из Германии все до единого⁹⁴. Кроме того, он сказал, что еврейская проблема существует не только в рейхе и он поддержит любое государство, которое соберется решить ее. При этом контекст употребления слова «исчезнуть» предполагает, что фюрер скорее имел в виду изгнание, нежели уничтожение.

Дополнительную поддержку такой трактовке можно увидеть в замечаниях Гитлера, сделанных 21 января 1938 года. На встрече с министром иностранных дел Чехословакии Франтишеком Хвалковски фюрер сказал, что евреи должны быть «ликвидированы» в Германии – это их расплата за 9 ноября 1918 года, а единственная возможность для всех остальных стран, которые заинтересованы в решении еврейского вопроса, – выбрать любое место на планете и отправить туда евреев. Другие, англосаксонские, государства в таком случае надо поставить перед выбором: «Вот они здесь. Либо они умрут с голода, либо вы воплотите на практике все свои речи и станете заботиться о евреях»⁹⁵.

Подводя итоги, можно предположить следующее. Даже при том, что «пророчество» Гитлера вряд ли демонстрирует, что у него был конкретный план уничтожения евреев в свете грядущей мировой войны, то, насколько важна связь в его сознании между судьбой евреев и неизбежными будущими конфликтами, нельзя недооценивать. Если Германия будет воевать, евреев ждут чудовищные страдания. В этом Гитлер заверил 30 января 1939 года. Предстояло только определить, какие формы эти страдания примут – насильственное изгнание или нечто худшее.

В это же время Германия еще больше усилила давление на своих европейских соседей. От словаков, которые по Мюнхенскому соглашению получили существенную автономию в границах Чехословакии, нацисты требовали объявить полную независимость от чешского государства. Геринг на встрече со словацкими представителями в феврале 1939 года выразился с характерной для себя прямоотой: «Вы собираетесь отделяться или нет? – спросил он. – Или нам позволить венграм поиметь вас?»⁹⁶ В следующем месяце словаки сделали то, что от них требовалось. При президенте Йозефе Тисо, профессоре теологии, новая власть приняла ряд антисемитских законов. В частности, в апреле 1939 года вступил в силу акт 63/39, запрещающий евреям работать по целому ряду профессий – так их стремились исключить из общественной жизни⁹⁷. «Для нас все перевернулось с ног на голову», – говорит Линда Бредер, ортодоксальная словацкая еврейка, которой тогда было 14 лет. Линду вышвырнули из школы, а ее отец остался без работы. Особенно девочку удивляло, что раньше-то евреи и христиане жили бок о бок и никто никому никаких претензий не предъявлял⁹⁸. Отто Прессбургер, словацкий еврей, которому в 1939 году исполнилось 17 лет, подтверждает, что между ними – еврейской и христианской молодежью – не было даже недоразумений. Но после создания словацкого государства Отто отправили из школы домой и сказали, чтобы больше не приходил. «Мы никуда не могли пойти и вынуждены были сидеть дома... Раньше мы танцевали с девушками – не

только с еврейскими девушками, – это было нечто похожее на современное диско. Потом везде появились таблички: “Евреям и собакам вход запрещен”»⁹⁹.

После того как Словакия, восточная часть бывшей Чехословакии, отделилась от остальной страны, немецкие войска получили приказ занять западные чешские территории. Оккупация завершилась за несколько часов. 16 марта 1939 года Гитлер прибыл в Прагу и объявил о создании Протектората Богемии и Моравии – зависимого государственного образования на территориях Богемии, Моравии и Силезии, населенных этническими чехами. Так под властью немцев оказались еще 90 000 евреев, и на них вскоре также распространились антисемитские меры, включая арианизацию.

Агрессивные намерения Гитлера уже стали очевидны для всего мира. Оккупацию чешских земель нельзя было считать частью плана по возвращению немецкоязычных территорий, утраченных после мировой войны. Постоянный заместитель министра иностранных дел Британии сэр Александр Кадоган 20 марта 1939 года записал в своем дневнике: «Боюсь, мы достигли критической точки. Я всегда говорил, что, пока Гитлер делал вид, будто возвращает немцев в рейх, мы могли делать вид, что он имеет на это право. Но если он продолжит поглощать другие нации, настанет время сказать ему: “Halt!”»¹⁰⁰

Британия предложила Польше, Греции и Румынии гарантии помощи в случае агрессии Германии. Рузвельт, понимающий, насколько серьезно все происходящее в Чехословакии, решил написать Гитлеру. 15 апреля 1939 года на пресс-конференции в Белом доме он объявил, что обратился к фюреру с просьбой решать проблемы мирным путем. Он хочет от Гитлера заверений, что вооруженные силы Германии не вторгнутся на территории или во владения более 30 стран – от государств Балтии до Югославии, от Нидерландов до Португалии, от Швеции до Ирана¹⁰¹.

Письмо Рузвельта стало для Гитлера пропагандистским подарком. В конце концов, какое право имеет президент Соединенных Штатов Америки просить у рейхсканцлера Германии публичных заверений в том, что он не намерен использовать немецкую армию для вторжения в Испанию или Швейцарию? Гитлер с резким сарказмом говорил об этом письме на выступлении в рейхстаге 28 апреля. Он напомнил, какую роль сыграла Америка в том, что после Великой войны немецкому народу был навязан версальский диктат. Эта страна точно не годится на роль рупора силы всего человечества, тем более после того, как отказалась поддержать Лигу Наций! Потом фюрер указал на ряд стран, названных в списке Рузвельта, в частности на Сирию, где в настоящее время нет никаких свобод, поскольку их территории оккупированы войсками «демократических» государств, которые лишили их всех прав. Это был более чем прозрачный намек. Более того, добавил Гитлер, Ирландия своим врагом считает не Германию, а Англию, а еще от внимания господина Рузвельта, вероятно, ускользнуло, что территория Палестины оккупирована не немецкими, а английскими войсками¹⁰².

Это означало, что все дипломатические мосты, которые еще оставались между Германией и США, сожжены. В своих выступлениях Гитлер неоднократно упоминал о том, что Америка участвовала в Великой войне на стороне противников Германии, и его мнение – хотя и не высказываемое, было очевидно: Соединенные Штаты в случае конфликта в Европе могут поступить так же еще раз. Кроме того, Гитлер был убежден – евреи очень влиятельны в Америке, поэтому неудивительно, что ключевым моментом в эволюции Холокоста, как мы увидим позже, стал декабрь 1941 года, когда США наконец вступили во Вторую мировую.

Тем не менее даже понимание того, что Америка в будущей войне может стать противником, не могло удержать Гитлера от обострения конфликта. Он полагал, что в случае начала в Европе военных действий немецкая армия сможет захватить обширные территории и победить раньше, чем США решат принять в них участие. Это вопрос скорости. И времени, конечно. В августе 1939 года фюрер говорил своим генералам: «Все эти благоприятные обстоятельства в

ближайшие два-три года исчезнут... Длительный мирный период не пойдет нам на пользу»¹⁰³. Необходимо закрыть сердца для жалости и действовать жестко. Такими были истинные намерения Гитлера.

Вождь нации готовился к войне, но уже не к той, которую планировал ранее. Много лет назад Адольф Гитлер хотел, чтобы Великобритания была его союзницей. Недавно он еще надеялся, что Польша поддержит Германию и выступит на ее стороне в войне против Советского Союза. Тем не менее и британцы, и поляки оказались на другой стороне баррикад. Число стран, которые в ближайшее время смогли бы противостоять Германии, необходимо было ограничить, и Гитлер направил Риббентропа в Москву, чтобы заключить пакт о ненападении со Сталиным – своим главным идеологическим противником. Но если с реализацией одного из желаний Гитлера – войной против СССР – приходилось повременить, то другое – радикальное сведение счетов с евреями – можно было начать осуществлять немедленно.

Глава 8

Начало расовой войны (1939–1940)

В пятницу 1 сентября 1939 года немецкие войска вторглись на территорию Польши. Началась власть террора, который поставит Польшу в центр Холокоста. Все свои самые страшные лагеря смерти немцы создадут на польской земле, а Польша понесет самые большие в пропорциональном отношении к численности населения потери в ходе войны в сравнении с любой другой отдельно взятой страной. В Польше погибнет до 6 000 000 жителей, и по крайней мере половина из них – евреи. Подавляющее большинство из них не сложит голову на поле боя, а умрет вследствие сознательной политики голода, депортаций или будет физически уничтожено в прямом смысле этого слова.

С польской армией немцы расправились меньше чем за шесть недель. Отчасти этот успех был обеспечен превосходством в вооружении и тактике, но вермахт также получил подмогу с неожиданной стороны – от своего идеологического противника. 17 сентября, через две недели после того, как немецкие войска вошли в Польшу с запада, Красная армия вторглась туда с востока. Польские войска оказались смяты превосходящими силами агрессора с двух сторон. У поляков не было никаких шансов.

В Москве немецкое и советское руководство вполне по-дружески договорилось оставить на время распри и детально обсудить расчленение Польши. 27 сентября на грандиозном банкете в Андреевском зале Кремля министр иностранных дел Германии Иоахим фон Риббентроп и нарком иностранных дел СССР Вячеслав Молотов обменялись тостами, причем Молотов, поднимая бокал, сказал: «Да здравствуют Германия, ее фюрер и министр иностранных дел!»¹ Этой «дружбе» было немногим больше месяца – она началась в августе 1939 года с подписания советско-германского договора, сделки, которая включала секретный протокол о распределении сфер влияния в Восточной Европе. Конечно, для фюрера, которому желал здравствовать советский нарком, это был лишь тактический ход: через 21 месяц Германия нападет на СССР.

Пока вермахт «дожимал» Польшу, Рейнхард Гейдрих, в сентябре назначенный начальником Управления имперской безопасности, согласовывал с высшим командованием армии создание более 2000 айнзатцгрупп – военизированных формирований полиции и СД, которые должны были вступить на территорию противника вслед за армейскими частями. Им предстояло подавлять враждебные Германии элементы. Одним из первых распоряжений Гейдриха стал приказ обезвредить, как было сказано в этом документе, агентов влияния из числа польского населения. В результате в первые недели вторжения было убито около 16 000 поляков – аристократов, представителей интеллигенции, священников, а также евреев и других «расово неполноценных» и тех, кого посчитали теми самыми враждебными элементами.

Злодеяниям, творимым захватчиками, не было пределов, но сами-то захватчики их такими вовсе не считали. Эрих Элерс, член айнзатцгруппы II, в сентябре описал в своем дневнике, как проходили массовые экзекуции «польских головорезов»². Так Элерс назвал казни. Гельмут Бисхоф, командир другой айнзатцгруппы, докладывал начальству, что вскоре после прибытия в Быдгощ он решил поставить заложников – 14 мужчин, поляков и евреев, перед входом в управу, чтобы местное население знало: за каждый выстрел, который раздастся ближайшей ночью, один из этих людей заплатит жизнью. Бисхоф был обескуражен – польских снайперов это не остановило. «Судьбу заложников решили сами поляки»³. Рядовой немецкой армии, член транспортной команды, был свидетелем того, как полк СС «Германия» проводил массовые расстрелы евреев близ Кракова под звуки своего оркестра⁴.

В начале ноября 1939 года в Кракове нацисты приказали преподавателям Ягеллонского университета – одного из древнейших учебных заведений Европы, собраться в большой аудитории. Прежде чем отправить всех в Дахау, их избili прикладами. «У меня было очень строгое католическое воспитание, – говорит Мечислав Брожек, доцент университета, – и соответствующие понятия о добре и зле. В голове не укладывалось, как могло произойти такое... Это было за пределами нашего понимания...» В Дахау Брожек испытал страшные страдания. Вот его воспоминания: «После того, что я пережил в лагере, никаких общечеловеческих ценностей у меня не осталось. Мне казалось, ничего не имеет значения. Все бессмысленно... Это меня страшно мучило. Я был на грани самоубийства»⁵.

Очень скоро поляки поняли, какая участь им уготована: рабский – в прямом смысле слова – труд на благо великой Германии. Они славяне, а значит, обречены на то, чтобы считаться представителями низшей расы. «Школ больше не было, – вспоминает Михаэль Прейслер, которому в сентябре 1939 года было 20 лет и жил он в Западной Польше. – Их закрыли. Костелы тоже закрыли. Поляки не имели права ездить на автобусах вместе с немцами. Даже надписи были: “Полякам и собакам вход запрещен”. К нам относились, как к животным. Во всяком случае, за людей нас не считали»⁶.

Конечно, были в немецкой армии и такие солдаты и офицеры, которых поражали зверства, совершаемые в Польше их соотечественниками. В частности, майор Гельмут Штиф в письме домой отмечал: «Мы должны чувствовать себя здесь не победителями, а скорее преступниками... Уничтожать целые семьи – с женщинами и детьми – могут только нелюди, которые недостойны называться немцами. Мне стыдно быть немцем»⁷. Генерал Йоханнес Бласковиц выразил категорический протест по поводу зверств полиции и зондеркоманд СС в Польше в докладной записке, о которой сообщили Гитлеру. Фюрер пришел в ярость, кричал, что война не ведется методами Армии спасения, а потом добавил, что никогда не доверял Бласковицу⁸.

Впрочем, таких щепетильных было немного, а Бласковиц вообще стал исключением. Большинство старших офицеров не считали нужным сообщать начальству о злодеяниях, которые творились в Польше, этот тон задал фельдмаршал фон Браухич, главнокомандующий сухопутными войсками, сказавший в начале ноября, что евреи – самые злостные враги немецкого *Volk*. Через два месяца он выразился еще точнее: «Этнополитические меры, которые принимаются по распоряжению фюрера для обеспечения безопасности немецкого жизненного пространства в Польше... неизбежно должны привести к тому, что в ином случае могло бы считаться необычными, жестокими мерами в отношении польского населения на оккупированной территории»⁹.

И солдаты, и офицеры вермахта часто помогали айнзатцгруппам в их «работе», в частности, передавали им подозреваемых или подсказывали, на кого следует обратить внимание¹⁰. Кроме того, они принимали участие в расстрелах заложников – это считалось возмездием за нападения. Немецкие военнослужащие полагали, что это их законное право – убивать поляков¹¹. Только в Быдгоще в начале сентября было расстреляно около 400 человек из числа мирного населения.

Тем не менее все эти и многие другие страшные факты еще не были тем самым Холокостом, о котором мы все теперь знаем. Даже при том, что в первые месяцы после вторжения в Польшу были убиты несколько тысяч евреев, преследования также обрушились на польскую знать, духовенство, интеллигенцию и преуспевающих предпринимателей, и основной политикой в отношении всех этих людей было то же, что и в отношении евреев: преследование и изгнание. С началом войны закрылся один канал перемещения евреев – крупномасштабная эмиграция в страны, неподконтрольные Германии, но одновременно открылся другой – возможность их депортации в самые дальние уголки новой нацистской империи. В конце сентября

Гейдрих узнал, что фюрер одобрил план «эвакуации», и для начала отдал приказ собирать польских евреев в городах, чтобы упростить за ними контроль¹².

В октябре Гитлер объявил, что оккупированная немцами территория Польши будет поделена на две части. Одну надлежит включить в состав рейха и германизировать, а вторую – юго-восточные районы, граничащие с территорией, оккупированной Советским Союзом, – пока можно оставить польской, но там тоже будут немецкие войска. Эта часть страны, в которой оказались в том числе Варшава, Люблин и Краков, с населением около 11 000 000 человек, теперь будет называться генерал-губернаторством оккупированных польских областей (впоследствии она была сокращена просто до генерал-губернаторства). Перспективы этого региона превратиться в «мусорный ящик» рейха, по выражению чиновников НСДАП, были очевидны с самого начала. Гауляйтеры территорий, подлежащих германизации, в первую очередь Альберт Фостер, руководитель рейхсгау Данциг – Западная Пруссия, и Артур Грейзер, ставший во главе Вартегау, административным центром которого была Познань, хотели, чтобы их земли как можно быстрее очистили от «нежелательных элементов». Евреев и всех неугодных поляков нужно отправить в генерал-губернаторство! Гитлер в конце сентября сказал, что районы в Восточной Польше, расположенные между Бугом (граница с зоной советской оккупации) и Вислой, должны принять всех евреев, а в тех, что чуть западнее, но в пределах генерал-губернаторства, нужно создать, как он выразился, форму польского государства.

Евреи, жившие на территории генерал-губернаторства, быстро осознали, как устанавливаемые национал-социалистами расовые порядки регламентируют их новое место в обществе – на самом дне. Сначала Томас (Тойви) Блатт, 12-летний еврейский школьник из Избицы, не понял, какой страшной стала действительность: «Я думал, что теперь, когда у нас один враг – нацисты, которые притесняли поляков, притесняли католиков и притесняли евреев, мы будем держаться вместе»¹³. Оказалось, опасность теперь представляют не только немцы, но и, как это ни прискорбно, поляки. Тойви увидел, что некоторые из них решили: «Да, действительно, евреи – люди второго сорта. Чего же с ними церемониться?» Еврейских торговцев стали избивать и отнимать у них деньги даже польские крестьяне, потому что знали – те больше не находятся под защитой государства. Впрочем, между самими полякам согласия тоже не было. Вскоре после того, как немцы заняли Избицу, Тойви увидел, как польский коллаборационист бил другого поляка за то, что тот не подчинился какому-то приказу новой власти.

Первые согласованные с Берлином и санкционированные им действия по переселению евреев в генерал-губернаторство начались в октябре 1939 года, через месяц после начала войны. Начальник тайной государственной полиции Генрих Мюллер дал одному из своих подчиненных – руководителю отдела гестапо IV В4 Адольфу Эйхману, занимавшемуся после аншлюса депортацией австрийских евреев, приказ подготовить план «эвакуации» из Катовице, города в той части Польши, которая подлежала германизации, 80 000 евреев польских. Практически одновременно с ними депортировать решили и евреев, живших на территории рейха, да и Вену пора было окончательно очистить. Эйхман отправил гауляйтеру Силезии циркуляр, где подчеркнул, что после высылки первых партий тот должен сообщать о достигнутом прогрессе по инстанции, и вполне вероятно, об этом будет доложено фюреру. Он и решит, скольких еще евреев следует выслать на восток¹⁴.

Местом назначения для этих евреев выбрали город Ниско на реке Сан, в 80 километрах к югу от Люблина. В конце октября в эту «резервацию» переправили почти 5000 евреев из Вены и городов Западной Польши. Они выгрузились из вагонов, после чего какую-то часть отправили строить лагерь, а большинство просто оставили под открытым небом. Никаких укрытий не оказалось. Еды тоже. Что из этого выйдет, было ясно с самого начала. Генерал-губернатор Ганс Франк остался полностью удовлетворен. «Какое удовольствие наконец физически разобратся с евреями! Чем больше их умрет, тем лучше»¹⁵.

Через несколько дней транспортировки в Ниско прекратились – по распоряжению Гимmlера¹⁶. Конечно, это было не идеологическое решение, а прагматическое. Появились другие проблемы, или вызовы, как их называл сам Гимmlер, которые повлияли на дальнейший «перевод» евреев из Германии и Австрии в Восточную Польшу. 7 октября 1939 года к уже существующим должностям Гимmlера добавилась еще одна – он стал рейхскомиссаром по укреплению немецкой народности. Звучит почти мистически, но на деле все оказалось предельно просто. Гимmlеру предстояло на этом посту контролировать высылку сотен тысяч поляков из районов, аннексированных Германией, в генерал-губернаторство, – дома этих людей предназначались для этнических немцев, живших за пределами Германии. Со Сталиным была достигнута договоренность о разрешении фольксдойче покинуть территории, оккупированные Советским Союзом, в частности прибалтийских стран, и вернуться домой, в рейх. По-немецки этот лозунг звучал как *Heim ins Reich*, а авторство термина «фольксдойче» приписывают самому фюреру – он использовал данное понятие в одном из официальных документов еще в 1938 году. В нем фольксдойче были названы люди, чей язык и культура имеют германские корни, однако являющиеся гражданами других государств. Всех их решили переселить в рейх, а значит, им нужно было подобрать жилье и работу. В стране, которая начала вести боевые действия, это было задачей очень непростой, но Гитлер и его ближайшее окружение придавали ее расовому компоненту такое большое значение, что никаких вопросов о приостановлении притока новой немецкой «крови» на местах не возникало.

Для поляков, которых выбрасывали из своих домов, чтобы освободить место прибывающим, это обернулось вполне предсказуемыми страданиями. Михаэль Прейслер вспоминает, что через несколько недель после того, как Гимmlер получил назначение на должность рейхскомиссара по укреплению немецкой народности, раздался громкий стук в дверь – в два часа ночи – и в их дом ворвались нацисты. «Они промчались по всем комнатам и застыли в спальне моих сестер, которые одевались: встали и смотрели на них. Нам не позволили ничего взять с собой, сказали, ничего не надо: ни еды, ни дополнительной одежды, ничего... И все время подгоняли. Вы же знаете немцев, все должно быть исполнено немедленно. Потом мы пошли по улице в здание, где уже были другие евреи. Когда там собралось много семей, нас повели на железнодорожную станцию»¹⁷.

Полька Анна Езерковска была депортирована вместе с родными из Позена – так немцы стали называть Познань. Анна вспоминает, что, когда нацисты ворвались в их квартиру, начался хаос – крики, причитания... «Нас толкали, отца ударили по лицу. Мы так перепугались, что все плакали. Моего младшего брата, он был очень чувствительный мальчик, стало тошнить...»¹⁸

Сотни тысяч таких поляков, как Михаэль Прейслер и Анна Езерковска, погрузили в эшелоны и повезли в генерал-губернаторство. Михаэля и его близких доставили в его западную часть. Сначала они жили в одном большом помещении вместе с другими несчастными, а потом всей семье пришлось тесниться в единственной комнатке. Анна и ее родные оказались в Голице. В первый день они долго сидели, сбившись в кучку, на городской площади, пока какой-то старик не сжалился и не предложил им переночевать у себя дома на полу...

Немцы проводили депортацию невероятно жестоко и к тому же в обстановке административных несостыковок. В январе 1940 года обергруппенфюрер СС Фридрих Вильгельм Крюгер, один из руководителей оккупационного режима в Польше, докладывал в Берлин, что в генерал-губернаторство было сослано 110 000 поляков, причем около 30 000 – без соответствующей договоренности¹⁹. В этом же месяце Геббельс сделал в своем дневнике следующую запись: «Гимmlер занимается перетасовкой населения. Не всегда успешно»²⁰.

Вскоре после того, как Геббельс записал это, Ганс Франк – генерал-губернатор оккупированной Польши – решил, что массовые депортации нужно прекратить. Он вовсе не сочувство-

вал тем, кого насильно перевозили из одной части страны в другую: просто считал, что процесс надо упорядочить и формализовать. Один из подчиненных Франка недаром жаловался: «Как можно что-то организовать, если не знаешь заранее, что поезд придет в X или Y, и в какое место? Нечего организовывать... Меня не поставили в известность, куда прибывают эшелоны. Региональные руководители тоже этого не знали»²¹. 12 февраля Франк встретился с Герингом и Гиммлером и попросил, чтобы ему предоставляли все графики депортации. Не без труда, но генерал-губернатору удалось получить заверение, что в дальнейшем «перемещение» будет осуществляться с его предварительного согласия.

Что касается этнических переселенцев, многим фольксдойче жизнь на новом месте показалась не такой хорошей, как представлялось в мечтах. Им обещали, что они вернуться домой, в рейх, но кое-кого ждал сюрприз, причем малоприятный: дом оказался не совсем домом. Ирма Эйги, 17-летняя этническая немка из Эстонии, вспоминает, как расстроились ее родные, узнав, что новую жизнь им придется начинать не в Германии, а в Польше. «Мы совершенно этого не хотели, – говорит Ирма. – Когда нам сказали, что мы едем в Вартегау, это стало просто шоком, вы уж мне поверьте»²².

Разочарованы были не только приезжающие фольксдойче. Некоторые немцы, жившие на территории Польши, которую у Германии отобрали в конце Первой мировой войны, тоже оказались недовольны новыми соседями. «Переселенцы с Волыни, восточной территории на границе с Польшей, говорили на плохом немецком, с жутким акцентом, – вспоминает Карл Бликер-Кольсат. – Их никто не мог понять. Мы принимали этих людей за поляков. Особенно хорошо мне запомнилась одна семья с мальчиком, ему было, наверное, лет девять-десять. Этот парнишка (его родители, разумеется, были немцами в кавычках) носил картуз польского бойскаута. Так вот он нарисовал на нем химическим карандашом свастику, на этом квадратном картузе... Мы были неприятно поражены внешним видом этих переселенцев – плохо одетых, приезжавших с уродливыми тюками. Потом нам, как беженцам, тоже пришлось таскаться с такими тюками, но тогда мы не могли об этом знать. И мы говорили себе, господа, какой смысл был в том, чтобы выгонять давно жившие здесь польские семьи, крестьянские семьи, и привозить вместо них этих переселенцев-полуполяков? Они производили впечатление каких-то недоразвитых... Кроме того, одевались они точно так же, как польские крестьяне. На них были высокие меховые шапки, длинные меховые накидки из лохматой овечьей шерсти, сапоги... И сигарки они скручивали так же, как поляки. Друг с другом эти люди разговаривали на польском языке. Мы говорили: “Одни туда, другие сюда. В чем разница?” Для нас они не были настоящими немцами. Мы считали их немцами какого-то третьего сорта, если угодно»²³.

Несмотря на обещания, данное Герингом и Гиммлером Франку, и его последующие возмущения на то, что в Берлине не держат слово, упорядочить депортацию в генерал-губернаторство полностью не удалось. Тем не менее с мая 1940 по январь 1941 года из Вартегау туда перевезли около 90 000 поляков и 2500 евреев, чтобы освободить жизненное пространство для прибывающих этнических немцев²⁴. В мае 1940-го Гиммлер сформулировал свою точку зрения в служебной записке, отметив среди прочего, что население генерал-губернаторства было и останется враждебным режиму, а значит, относиться к нему нужно соответствующе²⁵.

Административная неразбериха способствовала тому, что нацисты стали уделять повышенное внимание краткосрочному решению «еврейской проблемы» – созданию гетто. Им уже было ясно, что сразу переместить всех польских евреев в генерал-губернаторство невозможно, поэтому, с учетом того, что одним из главных принципов национал-социалистической идеологии оставался миф об опасности евреев как источника разного рода болезней, к тому же духовно развращенных своими былыми успехами, богатством и т. д., неудивительно, что широкое распространение получила идея сконцентрировать их на специально отведенных территориях в польских городах. При этом на второй план отступила даже обеспокоенность тем, как

обеспечить в гетто «безопасность», которую высказал Гейдрих на ноябрьском совещании 1938 года, посвященном обсуждению итогов Хрустальной ночи²⁶.

Первое большое гетто было создано на территории Вартегау – в Лодзи, переименованной немецкой администрацией в Лицманштадт, входившей в административный округ Калиш. Задача оказалась сложной, поскольку евреи составляли треть населения города, насчитывавшего 700 000 человек. В секретном циркуляре от 10 декабря 1939 года губернатор округа Фридрих Убельхор писал: «Разумеется, создание гетто – лишь временная мера. Конечная цель – выжечь дотла это зачумленное место»²⁷. Первый приказ евреям переселиться на специально отведенную территорию появился в начале февраля 1940 года, а гетто как таковое начало функционировать 1 мая. Со следующего дня любого еврея, оказавшегося с другой стороны колючей проволоки, которой было обнесено гетто, ждала смертная казнь.

Конечно, евреи Лодзи страдали от нацистов и до создания гетто. В городе с первых дней оккупации действовала айнзатцгруппа II, которой помогали и этнические немцы. Евреев, пойманных на улицах, унижали и избивали. Кроме того, их часто отправляли на подневольные работы. В дневниковой записи от 12 сентября 1939 года польский еврей Давид Сираковяк с горечью писал о том, как местные немцы избивают и грабят его соотечественников, издеваются над ними. «Евреев заставляли прекращать работу, раздеваться и вставать лицом к стенке. Им говорили, что сейчас их расстреляют. Потом раздавались выстрелы – поверх голов. Это могло повторяться несколько раз»²⁸.

Уже в сентябре нацисты запретили евреям работать в текстильной промышленности – главном источнике занятости еврейского населения Лодзи. Все предприятия перешли в руки немцев. Скоро последовали новые запреты: евреям нельзя было ездить в автобусах, иметь автомобили и радиоприемники, посещать синагоги. 12 ноября последовало распоряжение носить на одежде специальный знак – желтую шестиконечную звезду.

Создание гетто в Лодзи стало следующим звеном в цепи страданий еврейского населения. Правда, к весне 1940 года в городе стало на 70 000 евреев меньше: кого-то депортировали, кто-то бежал в другие места. Но 164 000 евреев оставались в Лодзи, и теперь им пришлось ютиться на территории в 4 квадратных километра. Гетто было страшно перенаселено, и это не могло не привести к антисанитарии.

Макс Эпштейн, 15-летний школьник, тоже оказался в гетто. До войны у мальчика была благополучная жизнь. Его отец – преуспевающий предприниматель – владел складом лесоматериалов. Теперь Макс с родителями жил в крошечной комнатухе какого-то старого дома. Как только они там оказались, Эпштейн-старший принял для себя важное решение. «Отцу было уже за пятьдесят, – говорит Макс, – и он понял, что не хочет жить. Наложить на себя руки отец не смел, это просто невозможно, но он все время говорил: “Это конец... Я прожил жизнь, а страданий не хочу”. Отец закрыл ставни... В нашей комнате всегда было темно... Он не хотел даже видеть то, что происходит за окном». Сам Макс при поддержке матери пытался приспособиться к новым условиям – пытался изо всех сил. «Когда ты молод, – говорит он, – о смерти не думаешь. Не хочу сказать, что мы не понимали, какая тяжелая ситуация сложилась... понимали, но продолжали думать о нелепо повседневных вещах»²⁹.

Эстер Френкель, молодая еврейка, тоже оказавшаяся в гетто, свидетельствует: «Мы привыкли к антисемитизму. Антисемитизм был распространен и среди поляков... Но польский антисемитизм был скорее финансовым. Немецкий антисемитизм оказался другим: “Почему вы вообще существуете на белом свете?! Вас не должно быть! Вы должны исчезнуть!”»³⁰

Нацистские чиновники хотели по возможности сделать гетто самоуправляемым. С этой целью ими был создан юденрат – еврейская администрация, обеспечивавшая исполнение всех приказов. Потом поступило распоряжение сформировать еврейскую полицию. Начальник юденрата получил следующие инструкции: «Еврейская администрация гетто должна обеспечи-

вать порядок в его экономической жизни, снабжении продовольствием, использовании рабочей силы. Медицинское обеспечение – тоже ваше дело. Для достижения этих целей можете принимать все необходимые меры. Еврейская полиция находится в вашем распоряжении»³¹.

После оккупации Польши нацисты планировали учредить там несколько региональных еврейских комитетов. Теперь эта идея трансформировалась в создание гетто – это ведь намного удобнее и вообще дает возможность дистанцироваться от контакта с большинством евреев. И вероятность подхватить какую-нибудь заразу от них меньше. Ведь в январе 1940 года, за четыре месяца до начала функционирования гетто, полицай-президент Лодзи предупредил об опасности заражения брюшным тифом и дизентерией³², которые могут распространяться из городских кварталов, преимущественно населенных евреями. Да, болезни уже были, но разве они не стали результатом катастрофического ухудшения питания и отсутствия медицинской помощи, последовавших за оккупацией и введением «нового порядка»? После создания гетто вся его жизнь протекала вдали от глаз немецких военнослужащих. У солдат и офицеров не было возможности увидеть страдания евреев. Безусловно, и желания такого у них не имелось: зачем лишний эмоциональный дискомфорт? Еще одним плюсом переложения административной ответственности на плечи самих евреев для нацистов стало неучастие в неизбежных конфликтах в самом гетто. Пусть сами разбираются! И сами решают, кого следует депортировать в первую очередь. Другими словами, юденрат составлял списки своих соплеменников, обреченных на еще более тяжкие страдания... Или на скорую смерть. Может ли быть что-нибудь более безнравственное и циничное? Вопрос страшный, но ответ на него еще страшнее. Может...

Так или иначе члены еврейской администрации гетто, и лодзинского, и всех остальных, имели возможность обеспечить себе и своим близким чуть менее тягостное существование. Разумеется, у других евреев было собственное мнение по этому поводу. А гетто, в котором происходит внутренний раскол, идеально соответствовало тому, каким видели его нацисты.

Председателем юденрата лодзинского гетто стал 63-летний Хаим Мордехай Румковский, и это одна из самых противоречивых фигур в истории Холокоста.

Румковский с самого начала отдавал себе отчет в том, что служит нацистам и рискует головой, если не сделает то, что от него требуют. 11 ноября 1939 года почти всех членов действовавшего еврейского совета Лодзи, за исключением Румковского и еще двух человек, арестовали и отправили в гестаповскую тюрьму в Радогощи. В вину им вменялась недостаточно эффективная, по мнению немцев, деятельность. Больше 20 человек из них впоследствии были убиты. Члены нового совета, сформированного вскоре под председательством Румковского, теперь точно знали, что их относительно привилегированное положение может в любую минуту закончиться и впереди их будут ждать пытки и смерть.

В гетто у Румковского была огромная власть. «По отношению к своим соотечественникам-евреям, – пишет Иегуда-Лейба Герст, узник лодзинского гетто, – он был тираном, который вел себя как фюрер, и вызывал смертельный ужас у каждого, кто осмеливался поднять свой голос против него»³³. Позже Румковский побывал в варшавском гетто, и глава тамошнего юденрата Адам Черняков написал в своем дневнике, который вел с 6 сентября 1939 года до последнего дня жизни, о нем нелюбезно. Черняков свидетельствует, что главной заботой Румковского было то, чтобы «его народ» не докучал ему с просьбами и предложениями³⁴. Сам Черняков в 1942-м, узнав о том, что нацисты планируют массовую депортацию евреев из гетто в лагерь смерти Трешлинка, покончил жизнь самоубийством.

Создавая гетто в Лодзи, немцы планировали, что продовольствием узники будут обеспечивать сами себя. В итоге евреям часто приходилось расставаться с тем, что у них было, за бесценок. Один этнический немец, который обогатился на черном рынке на этом обмене, позже признался, что смотрел на него с точки зрения обычного предпринимателя. «Они [обитатели гетто] не могли сгрызть кольцо, но если им давали за него кусок хлеба, то у них появлялся

шанс прожить еще день-другой. Если мне в руки за 100 марок шло то, что стоило 5000, я был бы глупцом, если бы не приобрел это»³⁵.

Яков Зильберштейн и его семья не имели денег, чтобы покупать продукты по завышенным ценам. Яков понимал, что, если не найдет способ добывать продукты, все они умрут. Нужно суметь установить контакт с поляками. Задача невероятно трудная, потому что евреи, за редким исключением, работали только на территории гетто. Единственным шансом Якова было расположение его дома – он стоял практически вплотную к ограждению. Благодаря этому в первые дни существования гетто Зильберштейну удалось познакомиться с одним поляком с той стороны проволоки, явно сочувствовавшим узникам. Этот человек дал Якову буханку хлеба. Половину Яков оставил семье, а вторую половину продал и вырученные деньги отдал поляку. «Он помогал нам два месяца», – свидетельствует Зильберштейн. За свою доброту тот поляк заплатил жизнью: немцы его убили. «Да, вот такая судьба... – говорит Яков. – Но два месяца – это большой срок...»

Если бы Зильберштейну раньше сказали, что немцы могут быть такими жестокими, он бы не поверил: «Как человек, ты просто не в состоянии это осознать, понять, что такое возможно. Как это понять нормальному человеку? Сотни людей в гетто умерли в течение всего нескольких недель после того, как все мы там оказались... Помню, голод был таким сильным, что мать ходила собирать сорняки и из них что-то варила. А картофельные очистки были просто роскошью, самой лучшей едой...»³⁶

Начало войны принесло новые страдания не только евреям и полякам. У нацистов были и другие «объекты» особого внимания. Теперь они решили сосредоточить его на людях, имеющих физические недостатки и психические отклонения, и это, в свою очередь, сказалось на приближении Холокоста.

Мы уже знаем, что Гитлер считал инвалидов и людей, страдающих наследственными заболеваниями, генетическим мусором. Закон о предохранении от наследственных болезней подрастающего поколения (*Gesetz zur Verhütung erbkranken Nachwuchses*), в котором признавалась необходимость принудительной стерилизации таких больных, в Германии приняли еще в 1933 году. С 1939-го акушерки родильных домов были обязаны сообщать по инстанции о рождении детей-калек. Родителям предписывалось регистрировать их в имперском комитете по научным исследованиям наследственных и приобретенных болезней, но официально умерщвление инвалидов пока не санкционировалось. Впрочем, названием – эвтаназия – уже одолжились у Фрэнсиса Бэкона, в XVI веке предложившего этот термин для определения «легкой смерти». И вот обергруппенфюрер СС Филипп Боулер, начальник канцелярии руководителя партии, которая также занималась обработкой поступающей на имя фюрера корреспонденции от простых немцев, обратил внимание Гитлера на письмо отца ребенка-инвалида, которому было несколько месяцев от роду. Мужчина просил разрешения на эвтаназию.

Гитлер поручил изучить медицинскую документацию своему личному врачу Карлу Брандту и организовать эвтаназию – в случае, если основания для нее действительно есть. Брандт такие основания нашел, и это стало началом «акции эвтаназии». Главной ее задачей было умерщвление душевнобольных и пациентов психиатрических лечебниц, а также детей с врожденными пороками развития. Документы, найденные не так давно, дают основания полагать, что операция «Тиргартенштрассе 4», или Т-4, как официально называлась евгеническая программа по физическому уничтожению людей с психическими расстройствами, умственно отсталых и страдающих наследственными заболеваниями, получившая название по адресу главного бюро по координации этой работы, шла в Третьем рейхе с июля 1939-го³⁷. Ранее считалось, что это происходило с начала года, но не противоречит мнению, что Гитлер считал будущую войну удобной ширмой для начала реализации радикальных мер в отношении всех «неполноценных». Кроме того, стоит напомнить, что председателю Национал-социалистиче-

ского союза врачей Герхарду Вагнеру фюрер обещал радикально решить данную «проблему» еще в 1935-м, и тогда речь тоже шла о неизбежности военных действий³⁸.

Прецедент с умерщвлением неизлечимо больного ребенка дал руководителям НСДАП основания уполномочить Брандта и Боулера «продолжить работу». Иными словами, участь детей с таким же и многими другими диагнозами была решена, причем не только младенцев, но и тех, кто постарше. Сделать предстояло немало, вследствие чего была создана специальная административная структура. Именно тогда, летом 1939 года по указанию министерства внутренних дел акушеры стали сообщать обо всех новорожденных с особенностями – пороками развития, церебральным параличом и т. д. Доклады визировали трое врачей, но главными были вовсе не их подписи, а знак, который медики ставили: плюс или минус. Младенца, получившего два или три минуса, отправляли в специальное медучреждение. Там обреченных детей умерщвляли – вводили им смертельную дозу морфина, люминала или другого одобренного для этой цели препарата. В свидетельстве о смерти при этом могло стоять, например, «корь».

Надо сказать, что о программе Т-4 широкие слои населения не знали. Даже родители детей-инвалидов думали, что их малыши содержатся в специальных интернатах, где им обеспечено медицинское наблюдение и уход. И тем не менее какие-то слухи просачивались. Свидетели этих преступлений остались. В частности, Пауль Эггерт, признанный малолетним правонарушителем и отправленный в Аплербек, где было несколько спецучреждений, вспоминает, как раз в две недели в столовую приходила медсестра и составляла список. Утром детей, которые в него попали, вели в кабинет врача, якобы делать прививки против дифтерита или скарлатины. Но эти дети никогда не возвращались. Пауль помнит, как они цеплялись за мальчиков постарше, чтобы их не уводили, но врач или сестра говорили: «Идем быстрее!» или что-то в этом роде. И через много лет после войны Пауль вспоминал глаза детей, которых уводили на смерть. Это было ужасно³⁹.

Программа Т-4 распространялась не только на детей-инвалидов, но и на взрослых. Летом 1939 года фюрер велел Леонардо Конти, статс-секретарю имперского министерства внутренних дел по санитарной службе и народному здоровью, расширить схему эвтаназии. Боулер, считавший, что они справятся и без Конти – справляются же с детской эвтаназией, сумел взять под контроль обе схемы⁴⁰. Впрочем, впоследствии Конти активно содействовал ему и Брандту, ставшему рейхскомиссаром здравоохранения, в проведении «мероприятий» по массовому умерщвлению неизлечимо больных детей, людей, страдающих психическими заболеваниями, нетрудоспособных инвалидов, а также представителей народов, «загрязняющих арийскую расу».

Немецкие врачи умерщвляли детей, как ни чудовищно это словосочетание, в специальных учреждениях, хотя законов, разрешающих такого рода деятельность, не имелось. Она была строго секретной для подавляющего большинства немцев, включая чиновников, которым предстояло бы контролировать процесс, будь он легитимным.

Гитлера интересовало одно – чтобы дело было сделано, а то, что департамент, который руководил этими массовыми убийствами, являлся его личной канцелярией и раньше никогда не имел никакого отношения к медицине, его занимало меньше всего, если вообще занимало. 39-летний Филипп Боулер был обычным бюрократом: канцелярия руководителя партии обеспечивала личные нужды фюрера, проводила обработку поступающей на его имя корреспонденции от простых немцев и участвовала в решении партийных дел (если они были вне компетенции других служб), в том числе рассматривала вопросы помилования нацистов, осужденных по приговорам партийных судов или судов общей юрисдикции. Его заместитель Виктор Брак, на которого Боулер очень скоро фактически переложил все обязанности по реализации программы Т-4, еще не так давно являлся личным шофером Гимmlера. Медицинского образования ни у Брака, ни у Боулера не было⁴¹, но в нацистском государстве это не имело ника-

кого значения. Значение имело то, что эти офицеры СС были беззаветно преданы идеалам НСДАП и лично ее вождю. Раз фюрер сказал, что психически и физически неполноценных людей нужно умерщвлять, значит, это надо делать.

9 октября 1939 года Виктор Брак председательствовал на совещании профессиональных медиков, которые с пониманием относились к идее умерщвления взрослых инвалидов⁴². Обсуждалось, как следует организовать систему. Есть список учреждений, где содержатся пациенты, страдающие психическими расстройствами, эпилепсией и слабоумием. Их персоналу необходимо дать указание заполнить формы, детализирующие состояние каждого больного. Затем специалисты изучат эту документацию и решат, кому показана эвтаназия. При вынесении вердикта надо учитывать, в состоянии ли пациенты заниматься полезным трудом. Другими словами, отбор проводился не только по медицинским «показаниям», но и по экономическим⁴³.

Был поднят на совещании и вопрос о способах умерщвления взрослых инвалидов. Их, предположительно, может оказаться много – до 70 000. Врачи сказали, что передозировка лекарственными препаратами, которая используется в «детской программе», в таких масштабах вряд ли будет целесообразна – по чисто техническим причинам. Нужно искать новые способы. Ответственным за выбор наиболее эффективного метода умерщвления жертв был назначен группенфюрер СС Артур Небе, начальник уголовной полиции рейха. Его подчиненный, руководитель физико-химического отдела института криминологии Альберт Видман предложил использовать для этих целей окись углерода (угарный газ) – ее можно пускать в палаты ночью и таким образом проводить эвтаназию⁴⁴.

А пока в некоторых психиатрических лечебницах «вопрос» решали с помощью постепенной передозировки препаратов или медленного истощения. В 1939-м, в частности, в клинике «Эльфинг-Хаар» голодом морили детей.

К концу года идеологи и организаторы операции Т-4 все-таки решили, что на нее нужны официальные санкции. К фюреру обратились с просьбой письменно подтвердить необходимость реализации «проекта» – скорее всего, это сделал Боулер. Так появилась короткая записка, подписанная Гитлером, что Боулер и Брандт уполномочены давать врачам разрешение на проведение «умерщвления из милосердия» неизлечимо больных пациентов. Важно отметить, что Гитлер поставил при этом дату «1 сентября 1939 года» – день начала вторжения в Польшу. Безусловно, этим он в очередной раз подчеркнул связь между расовой гигиеной и началом военных действий. Хотя речь пока шла только о массовом умерщвлении инвалидов, уже подразумевалось, что им точно нет места на земле в то время, когда на полях сражений погибают здоровые люди⁴⁵.

Свое отвращение к «неполноценным элементам», в первую очередь к психически больным, Гитлер снова продемонстрировал этой осенью на совещании под председательством руководителя рейхсканцелярии Ганса Ламмерса, рейхсминистра без портфеля: на этом своем посту он являлся главным передаточным звеном воли фюрера членам имперского кабинета и вообще всем государственным и правительственным органам разного уровня. На Нюрнбергском процессе Ламмерс сказал следующее: «В тот раз Гитлер впервые в моем присутствии обсуждал проблему эвтаназии. Он пояснил, что считает неуместной жизнь, недостойную жизни, – людей с тяжелыми психическими заболеваниями нужно умерщвлять. В качестве примера, если я точно запомнил, фюрер упомянул расстройства, при которых душевнобольные могут спать только на песке или на опилках, потому что постоянно... пачкаются. А еще они могут есть собственные экскременты... Кроме того, Гитлер сказал, что программа эвтаназии даст возможность большой экономии в расходах на клиники, врачей и иной медицинский персонал»⁴⁶.

4 января 1940 года в Бранденбурге-на-Хафеле, в местной тюрьме, переоборудованной в отделение эвтаназии, Видман провел эксперимент с окисью углерода. Газ подавался в поме-

щение, замаскированное под душевую и облицованное кафельной плиткой, через трубы в потолке. Пациентов, которых собирались умертвить, перед входом заставили раздеться. Когда люди вошли в псевдодушевую, за ними заперли дверь и Видман лично открыл вентиль. Все находившиеся в помещении – 20 человек – умерли, после чего его провентилировали. Трупы увезли в крематорий и сожгли.

Первоначальная идея Видмана об умерщвлении пациентов в палатах во время сна была признана непрактичной, а вот «акции» в фальшивых душевых могли стать очень эффективными. С точки зрения нацистов так можно было решить целый ряд практических вопросов. Во-первых, пациенты, которые шли на смерть, до конца сохраняли спокойствие. У них не было никаких оснований опасаться столь прозаической процедуры, как душ. Во-вторых, одновременно можно было умерщвлять много людей, а персонала при этом требовалось меньше, чем при реализации иных способов. И наконец, использование псевдодушевых означало дистанцирование от процесса. Не надо смотреть в глаза жертве, обреченной на инъекцию, – нужно всего лишь повернуть вентиль. Действие даже более опосредованное, чем очередь из автомата. Отстранение не только эмоциональное, но и физическое.

После войны Карл Брандт, который лично присутствовал при умерщвлении окисью углерода в Бранденбурге, давая показания на суде и рассказывая о том, как было принято решение использовать газ, ни слова не сказал обо всех этих «преимуществах». Он заявил, что во время разговора с Гитлером о выборе между инъекциями и газом фюрер спросил: «А какой способ наиболее гуманен?»⁴⁷ Брандт ответил, что, конечно, гуманнее использовать газ. Многие другие нацистские преступники говорили, что руководствовались тем же самым... Они якобы полагали, что поступают милосердно, избавляя жертвы от ожидания смерти, и гуманно, оставляя их в неведении о происходящем до той минуты, как в камеру начинали подавать газ. Смерть в газовой камере менее ужасна, чем какая-либо другая? Это ложь, подлая и циничная ложь! И тому есть свидетельства⁴⁸.

Кроме того, Брандт утверждал, что эксперимент с угарным газом – легкая смерть для инвалидов – представлялся им своего рода медицинским открытием. «К результатам таких... операций сначала часто относятся с гневом и презрением, а потом понимают, как они были важны»⁴⁹. И он, будучи уверенным, что является первопроходцем, наряду с другими анализировал детали такого проекта эвтаназии уже для других групп...

При этом ни одного врача не принуждали во всем этом участвовать. Те, кто был против, могли найти благовидный предлог и отказаться. В частности, можно было сослаться на то, что они слишком впечатлительны, но таких признаний оказалось немного. Большинство тех, кому предлагали участие в «проекте», соглашались. Впоследствии кто-то утверждал, что, умерщвляя неизлечимо больных, они давали шанс другим пациентам, ведь высвобождались финансы... Кто-то говорил, что у врача есть долг не только перед больными, но и перед государством – нужно оказывать услуги и отдельным личностям, и обществу в целом, тем более когда страна готовится к войне или уже воюет. Какие бы оправдания ни находили для себя нацистские врачи, они понимали, что без их участия этот «план» государства не смог бы осуществиться. Медикам в нем отводились главные, основополагающие роли – от первоначального отбора в «душ» до констатации смерти и вписывания в свидетельство, которое направляли родственникам покойного, ее фальшивой причины.

Объектов, на которых реализовывалась программа T-4, было шесть: пять в Германии (в Бранденбурге, Графенеке, Бернбурге, Хадамаре и Зонненштайне) и один в Австрии (в Хартхайме). Типичным можно считать центр в Зонненштайне, расположенный на холме около Пирны – городка неподалеку от Дрездена. Изначально это была крепость, но в XIX веке в ее замке сперва работал госпиталь, а потом там оборудовали психиатрическую клинику. В 1940 году в нескольких подвальных помещениях закипела работа – их перестраивали для

нужд новой «программы». Одно превратили в газовую камеру, замаскировав под душевую, и дверь теперь закрывалась герметично. Рядом устроили морг. Пациентов, отобранных в других психиатрических лечебницах Саксонии, доставляли в Зонненштайн на автобусах. Прибывших формально осматривали и отправляли в подвал «принимать» душ – говорили, что это в их клинике стандартная процедура. Когда люди оказывались в камере, замаскированной под душевую, туда начинал поступать газ, и постепенно все умирали. После констатации смерти трупы относили в морг и снимали у тех, у кого они были, золотые коронки. Затем тела перевозили в помещение с двумя кремационными печами, изготовленными берлинской фирмой *Heinrich Kori GmbH*. Трупы укладывали на стальные рамы, обычно по два, и задвигали в печь. Пепел выбрасывали на склон холма за зданием. За время действия программы Т-4 в Зонненштайне с июня 1940 по август 1941 года таким образом был уничтожен 14 751 человек⁵⁰.

Скоро мы увидим, что у конвейеров смерти в центрах эвтаназии на территории рейха в 1940-м и в концентрационных лагерях в оккупированной Польше в 1942 году было много общего, причем не только в технологиях. Люди, которые там служили и работали, тоже во многом были схожи. При первом эксперименте на объекте в Бранденбурге в январе 1940-го присутствовали два человека, которых можно назвать апологетами Холокоста – наряду со многими другими, разумеется.

Директором бранденбургского центра «смерти из милосердия» был 29-летний Ирмфрид Эберль, австриец, получивший медицинское образование в Университете Инсбрука. Этот молодой доктор являлся фанатичным слугой нацизма и поклонником Гитлера. Эберль носил такие же усики, как у его кумира, и так же зачесывал назад прилизанные волосы. Идее он служил истово: по свидетельству его помощника Аквилена Ульриха, поворачивать вентиль крана, подающего газ, директор считал своей обязанностью⁵¹. Другой сотрудник центра в Бранденбурге, на досуге увлекавшийся цветоводством, свидетельствует, что Эберль неоднократно говорил ему, что так же, как надо своевременно выпалывать все сорняки, надлежит действовать и им – все недостойные жить должны исчезнуть⁵². В Бранденбурге бытовало мнение, что Эберль с таким энтузиазмом относился к своей «миссии», словно готов был отравить газом весь мир⁵³.

При этом Эберль, как и Брандт, считал, что их «работа» способствует развитию медицинской науки, ведь мозг детей, умерщвленных в Бранденбурге, отправляли профессору Юлиусу Галлервордену, руководителю отделения невропатологии Института кайзера Вильгельма в Берлине. В блокноте Эберля сохранилась запись о том, что Галлерворден даже посещал их объект и принимал участие в аутопсиях⁵⁴. Впоследствии на Нюрнбергском процессе Галлерворден заявил, что препараты, получаемые им из Бранденбурга, являлись превосходным материалом, а откуда он взялся, его не интересовало⁵⁵. Трудно представить иные обстоятельства, при которых молодой врач, такой как Эберль, мог внести столь значительный вклад в исследования такого знаменитого медика, как профессор Галлерворден...

Второй человек, присутствовавший на январском эксперименте с угарным газом и позже принимавший активное участие в Холокосте, являлся полной противоположностью доктору Эберлю – по возрасту, образованию и жизненному опыту. Кристиану Вирту, когда его назначили административным директором центра в Бранденбурге, было 55 лет. В молодости он учился на плотника, позже стал полицейским. Участвовал в мировой войне, был награжден Железным крестом первого класса, после поражения Германии вступил в нацистскую партию и продолжил службу в полиции. Чрезвычайно жестокий, Вирт и прозвище получил соответствующее – Дикий Кристиан. Оказавшись причастным к программе Т-4, он сразу принял все ее реалии. Вирт, как уже было сказано, присутствовал на первой акции и потом делал это постоянно, хотя должность занимал административную. Умерщвление «контингента» он считал делом обыденным и однажды сам застрелил четверых пациенток, прибывших к ним на

объект: у тех заподозрили тиф. Вирт неоднократно говорил, что психи – это бремя для государства, от которого необходимо избавиться. Даже подчиненные, сами крайне жестокие люди, за глаза называли Вирта зверем⁵⁶. Франц Штангль, еще один бывший полицейский, участвовавший в программе эвтаназии взрослых и позже ставший комендантом лагеря смерти Собибор, свидетельствует: Вирт считал, что покончить с «этими бесполезными ртами надо как можно быстрее»⁵⁷. А еще Дикий Кристиан сокрушался о том, что в обществе все еще много сентиментальных соплей...

Вирт и Эберль, работавшие вместе в начале 1940 года в Бранденбурге, встретятся через два года на оккупированных восточных территориях, и для многих людей, оказавшихся в их власти, это станет кошмаром.

Надо отметить, что неизлечимо больных и инвалидов убивали не только в Германии и Австрии, но и в оккупированной нацистами Польше. Осенью 1939 года члены отряда «Эйман», специального подразделения СС из Данцига, вместе с айнзатцгруппами расстреляли тысячи душевнобольных немцев в рейхсгау Данциг – Западная Пруссия, провинции, только что образованной на территории вольного города Данцига, аннексированного Германией Поморского воеводства и немецкого административного округа, ранее входившего в состав гау Восточная Пруссия. Среди этих людей были не только нетрудоспособные. Расстреляли всех польских и еврейских инвалидов вне зависимости от их заболеваний⁵⁸.

В начале 1940 года в Польше стал применяться новый способ умерщвления инвалидов. Подразделение под командованием Герберта Ланге, 30-летнего гауптштурмфюрера СС, использовало мобильную камеру смерти – крытый грузовик с надписью «Кофейная компания кайзера» (*Kaiser's Kaffee-Geschäft*) на борту. Машина, в которой людей убивали выхлопными газами, курсировала по дорогам Польши и приграничным немецким территориям. В ней было убито несколько тысяч неизлечимо больных и инвалидов⁵⁹. У этой камеры смерти имелись определенные преимущества перед стационарными, с точки зрения нацистов, поскольку она могла прибыть туда, куда нужно. Но были у нее и недостатки, в частности риск, что о предназначении грузовика станет известно. Впрочем, пока он не использовался в одном районе слишком часто, секретность сохранялась.

В самой Германии евреев – неизлечимо больных и инвалидов – сначала отбирали так же, как прочих пациентов. Врачи обращали внимание на диагноз, состояние и способность заниматься полезным трудом. В апреле 1940 года ситуация изменилась. Герберт Линден, высокопоставленный чиновник имперского министерства внутренних дел – ярый сторонник расовой гигиены, в числе первых поддержавший программу Т-4, приказал составить на местах списки всех евреев, имеющих психические заболевания. Впоследствии все эти люди были убиты⁶⁰.

Для евреев в концентрационных лагерях, созданных на территории Германии в довоенные годы, наступили страшные времена. Свидетельств о том, что сразу после начала боевых действий из Берлина последовали указания о массовом истреблении евреев, нет, но эсэсовцы решили, что вскоре они обязательно последуют. Не могут не последовать, ведь в лагерь хлынул поток польских евреев. Работы становилось все больше, и охрана, что называется, активизировалась, причем и издевательства становились все изощреннее. В Заксенхаузене – лагере близ Ораниенбурга – мучимых жаждой еврейских узников заставляли пить собственную мочу, голодные должны были драться друг с другом за крохи пищи⁶¹. ... Конечно, были и, так сказать, дежурные акции. 9 ноября 1939 года в Бухенвальде, неподалеку от Веймара, например, больше 20 евреев расстреляли после неудавшейся попытки покушения на Гитлера, которая произошла в Мюнхене днем ранее⁶².

Безусловно, в концентрационных лагерях мучали не только заключенных-евреев. В январе 1940-го, в частности, Рудольф Хесс, в то время служивший в Заксенхаузене, распорядился вывести на плац 800 узников, и они стояли несколько часов на морозе и ледяном ветру.

В бараки вернулись не все... В целом же в 1940 году в концлагерях умерли около 14 000 человек. Отметим, что до начала Германией боевых действий больше всего заключенных умерло в 1938-м – 1300 узников. Удивительно ли, что война ознаменовалась более чем десятикратным увеличением смертности в лагерях⁶³?

Конечно, систему концентрационных лагерей, по мнению нацистского руководства, следовало расширять. В первую очередь новые объекты создавались на оккупированных территориях. В Польше первый концентрационный лагерь – у города Штуттово (немецкий Штуттгоф) неподалеку от Данцига – появился 2 сентября 1939 года, то есть на следующий день после вторжения на ее территорию, и то, что сначала он имел статус тюрьмы для гражданского населения, суть дела не меняет. А весной 1940-го на польской земле начал действовать самый, пожалуй, страшный концлагерь и лагерь смерти во всей нацистской системе – Освенцим. Город, который дал ему название, немцы переименовали в Аушвиц, и так же был назван первый объект на основе одноэтажных и двухэтажных кирпичных строений – бывших польских, а ранее австрийских казарм. Впоследствии Аушвиц служил административным центром всего комплекса.

Рудольф Хесс, переведенный сюда в начале мая 1940 года из Заксенхаузена, знал, что станет комендантом строящегося лагеря, но вряд ли думал о том, что структура, которую ему предстояло создать, окажется местом крупнейшего массового умерщвления людей во всей истории. Дело в том, что изначально Освенцим планировался не как фабрика смерти: нацисты решили повторить здесь опыт Дахау – образцового лагеря под руководством образцового коменданта, и Хесс, прошедший выучку у Теодора Эйке, был признан лучшей кандидатурой. И конечно, новый лагерь должен был стать инструментом устрашения местного польского населения, ведь Верхнюю Силезию, где находился Освенцим, нацисты собирались германизировать.

Между тем в Освенциме уровень смертности с самого начала был намного выше, чем в довоенном Дахау: к началу 1942 года там умерли и были убиты более половины из 20 000 поляков, оказавшихся в лагере.

Ежи Билецкий, польский политический заключенный, был в числе первых узников, прибывших в Освенцим в июне 1940 года. Он вспоминает, как эсэсовцы избивали заключенных на всем пути от железнодорожной станции до ворот лагеря. «Рядом со мной шел парнишка лет пятнадцати или шестнадцати... По его щекам текли крупные слезы. У мальчика была разбита голова, кровь лилась по лицу... Куда мы попали, никто не знал. Все боялись. Мне казалось, что мы очутились в аду. Другими словами происходившее и не описать. И оказалось, что это действительно ад»⁶⁴. Билецкого, который оказался в Освенциме потому, что немцы посчитали его участником польского Сопротивления, направили вместе с другими заключенными на строительство новых бараков, зданий и служб лагеря.

Вспоминает Ежи Билецкий и о жестокости капо – немецких уголовников, переведенных в Освенцим из Заксенхаузена, которые руководили их работой и контролировали ее. «Я привык видеть смерть, избиения и издевательства, – говорит Ежи. – Через три-четыре месяца никто ничему уже не удивлялся...» Билецкий видел, как капо, разозлившись на одного из заключенных, выхватил у него лопату и рубанул того по шее «Кровь хлынула ручьем... Я никогда этого не забуду... До сих пор вижу это и многое другое во сне»⁶⁵.

Среди отправленных в 1940 году в Освенцим евреев было не так уж много, но так же, как в лагерях, действовавших в довоенных границах рейха, здесь они подвергались особо изощренным мучениям. Казимир Альбин, как и Билецкий, прибывший в Освенцим в июне – с первой партией заключенных, вспоминает, что немцы «вылавливали» среди узников евреев наряду со священниками. С представителями духовенства, по свидетельству Альбина, нацисты обращались почти так же жестоко, как с евреями⁶⁶.

Вильгельм Брассе, попавший в Освенцим в августе 1940-го, вспоминает, как охранники собрали евреев и католических священников и приказали им вместе петь псалмы. «Эсэсовцы избивали святых отцов, а потом и евреев, кричали, что и те и другие лентяи, потому что поют недостаточно громко. Смотреть на все это было невыносимо... Кто бы мог представить, что такое когда-нибудь произойдет...»⁶⁷

С первого дня работы лагеря в нем пытали узников. Одним из стандартных истязаний, например, было связывание рук заключенному за спиной и подвешивание его на балке, но охранники часто давали волю своей фантазии. Каждый узник знал, что в любую минуту рискует быть избитым, а то и убитым. Немцы, кроме всего прочего, требовали, чтобы все делалось, что называется, бегом. Август Ковальчик, оказавшийся в Освенциме в конце 1940-го, вспоминает, что вид заключенных, быстро спующих по лагерю, напоминал развороченный муравейник. «Муравейник развалился, и муравьи хлынули во всех направлениях»⁶⁸.

В мае 1940 года, через несколько дней после прибытия в Освенцим Хесса, Гиммлер суммировал свои представления о том, что должно происходить на оккупированных восточных землях. Записка, которую он собирался положить на стол Гитлера, была озаглавлена, с учетом предлагавшихся мер, незатейливо: «Некоторые соображения о том, как следует обращаться с населением восточных территорий»⁶⁹. В первой части этого документа изложен план проведения среди поляков поиска приемлемых в расовом отношении детей, которые соответствуют определенным требованиям. Этих детей можно переправлять в Германию и воспитывать как немецких граждан. Такая политика не только обеспечит рейху приток новой крови, но и лишит поляков возможности развивать потенциал своей нации. Что касается остальных польских детей, они получают лишь зачатки образования – научатся писать свои имя и фамилию и считать, скажем до пятисот. «Умение читать я считаю ненужным», – отметил Гиммлер. Более важно, подчеркнул он, чтобы польские дети выучили, что Бог велит им слушаться немцев, всегда хорошо себя вести, быть честными и трудолюбивыми. Когда эти дети вырастут, они станут частью «пассивного» трудового класса, который немцы смогут использовать в строительстве, прокладке дорог и на других малоквалифицированных работах.

Примечательно, что в данной записке Гиммлер отметил: идея физического истребления народа немцам чужда, да и вообще неосуществима. Скоро он эту точку зрения изменит. Но даже при том, что в тот момент речь о массовых убийствах не шла, предложения рейхсфюрера СС в отношении евреев оставались весьма радикальными. «Надеюсь, – писал он, – увидеть, что после широкомасштабной эмиграции всех евреев в Африку или в одну из колоний термин “еврей” полностью исчезнет из обихода». Очевидно, Гиммлер имел в виду нечто вроде мадагаскарского плана, который, как мы уже знаем, рассматривался перед войной поляками, но ведь это противоречило политике, предложенной осенью 1939 года Гейдрихом, согласно которой все евреи подлежали депортации в восточные части новой германской империи.

Почему же Гиммлер посчитал возможным поддержать идею высылки евреев в Африку? Потому, что изменились обстоятельства. К 15 мая 1940 года, времени написания записки, о которой идет речь, немецкие войска уже пятый день наступали во Франции и на территории стран Бельгийско-Люксембургского экономического союза. Уверенности в окончательной победе вермахта еще не было, но за идеей Гиммлера о переселении евреев в Африку явно стоит предположение, что после триумфа немецкой армии и оккупации Франции, Бельгии, Голландии, Люксембурга и Дании Британия попросит мира. Германия тогда сможет использовать торговые суда, в основном захваченные у противника, чтобы вывезти евреев из Европы – либо на Мадагаскар, на который рейх предъявит претензии как на бывшую французскую колонию, либо в какую-нибудь страну Черного континента.

На первый взгляд, особенно с учетом того, что произошло позже, это выглядит как фантазмагория. И тем не менее немецкие документы лета 1940 года дают основания полагать, что

такое потенциальное «решение еврейской проблемы» действительно рассматривалось. Через неделю после капитуляции Франции, 3 июля, Франц Радемахер, руководитель отдела D III Главного управления имперской безопасности, так называемого еврейского, написал служебную записку, в которой, в частности, отметил: «Франция должна сделать Мадагаскар доступным для решения еврейского вопроса»⁷⁰. Через девять дней Ганс Франк упомянул о том, что евреев больше не будут «перемещать» в генерал-губернаторство⁷¹. В частной беседе он сказал больше: появился план отправить всю толпу евреев в африканскую или американскую колонию, рассматривается вариант, чтобы для этой цели Франция уступила Мадагаскар.

Эта идея не предполагала немедленного уничтожения всех евреев, но воплощение ее в жизнь могло привести к гибели очень многих. Дело в том, что польская комиссия, изучавшая незадолго до начала Германией боевых действий возможность массового «исхода» евреев, пришла к выводу, что на острове их может жить не более 60 000, а 15 августа из РСХА – отдела IV B4, руководимого Эйхманом, Радемахеру пришла служебная записка, что речь может идти о 4 000 000⁷². Кроме того, по плану нацистов, никакого самоуправления у евреев на Мадагаскаре быть не могло. Остров должен был находиться под контролем рейхсфюрера СС и полицей-губернатора⁷³. Можно привести свидетельства того, что этот план по сути своей подразумевал геноцид. Во-первых, на должность губернатора Мадагаскара рассматривалась кандидатура Филиппа Боулера, одного из идеологов и исполнителей программы T-4, а во-вторых, к концу лета 1940 года в отделе Радемахера существенно скорректировали приблизительное число евреев, подлежащих высылке на остров⁷⁴.

Обсуждение этого плана летом 1940 года сделали возможным, конечно, быстрые и успешные военные действия Германии в Западной Европе. За шесть недель вермахту удалось добиться в этой кампании больше успехов, чем германской армии за всю Первую мировую войну. Широко распространен миф, что этот триумф являлся неизбежным, что солдаты и офицеры Гитлера были обречены на победу. Якобы таких танков мир еще не видел, да и немецкая пехота оказалась более моторизованной и современной во всех смыслах слова, чем части противника. И тем не менее это не так. На самом деле у западных союзников насчитывалось больше танков и они были не хуже, чем немецкие. Победа на Западе для гитлеровских войск отнюдь не являлась предрешенной.

Основополагающий успех немцев важен в контексте развития Холокоста из-за того, что эти победы изменили отношение к Гитлеру кадровых военных, ведь в конце 1939 года военачальники рассматривали возможность отстранения его от власти. Конечно, причиной этого были не злодеяния, которые войска СС и айнзатцгруппы творили в оккупированной Польше, а то, что генералы были уверены: планируя наступление на Западе, Адольф Гитлер ведет страну к катастрофе. Франц Гальдер, начальник генерального штаба сухопутных войск армии, 3 ноября 1939 года писал в своем дневнике: «Никто в Генеральном штабе не считает, что наступление, планируемое Верховным главнокомандованием вермахта, которое действует по указке Гитлера, имеет хоть какие-то шансы на успех»⁷⁵. Один из старших офицеров выразил свои взгляды более кратко, назвав этот план безумным⁷⁶.

В ноябре 1939-го такие аттестации многим казались верными, ибо, если бы военная интервенция на Западе осуществлялась так, как задумывалось первоначально, Германию с высокой долей вероятности ждало бы сокрушительное поражение. Необходимые предпосылки успеха создало только изменение стратегии, произошедшее отчасти потому, что союзники, получив разведывательную информацию об исходных намерениях Гитлера, на ней и сосредоточились, а между тем у него появилась новая идея, чрезвычайно рискованная: стремительное наступление через кажущиеся непроходимыми Арденны – горную систему и край обширных лесов в Бельгии, Люксембурге и Франции. Идти по направлению к французскому Седану планировалось с одновременным отвлекающим маневром – дальнейшим продвижением на север в

Бельгии. Свою судьбу как политика, как, собственно, и судьбу Германии, Гитлер поставил, что называется, на zero – предположение, что союзники не заметят продвижение немецкой бронетехники в Арденнах до тех пор, пока не станет слишком поздно. Тогда его войска форсируют Маас у Седана и устремятся дальше по равнинам Центральной Франции к Ла-Маншу. Радиальность этого плана, как и допустимый при его реализации риск, трудно преувеличить, но нам-то уже известно, что он сработал. И в основном из-за некомпетентности военного командования союзников, которое, как и рассчитывал фюрер, не понимало, сколь важно немецкое наступление на Седан, до тех пор, пока ничего сделать уже было невозможно.

После этого военные принялись наперебой восхвалять Гитлера. Вильгельм Кейтель, начальник того самого Верховного командования вермахта (ОКВ), ставший после победы над Францией фельдмаршалом, вообще заявил, что Адольф Гитлер – величайший полководец всех времен⁷⁷. Подавляющая часть населения Германии пребывала в похожем экстазе. В Берлине огромные толпы, встречавшие фюрера 6 июля 1940 года после возвращения с Западного фронта, чуть не бились в общей истерике, демонстрируя благодарность несомненному гению своего вождя.

Гитлер и до этого оценивал себя как одну из самых великих личностей, какие только были в истории человечества, а теперь об этом говорили все окружающие. Напомним, что в августе 1939 года фюрер прямо сказал своим генералам: «В принципе все зависит от меня, от моего существования»⁷⁸, а через три месяца, выступая перед высшим командованием, охарактеризовал военные действия, которые уже вела Германия, исключительно эпическими терминами. Фюрер напомнил, что на войне выбор только один: победа или смерть, и тут все ясно – конечно, победа! Но наряду с этим их ждет расовая борьба – она неизбежна, потому что «увеличивающееся население Германии требует большего жизненного пространства»⁷⁹.

Мысль, которую после побед на Западе восприняли миллионы немцев, увидевших в национал-социализме воплощение всех своих желаний, была ясна. Необходимости беспокоиться о будущем больше нет. Они могут отбросить все свои сомнения и тревоги, потому что у них есть фюрер, он все знает и всегда прав. Гитлер вовсе не гипнотизировал народ, но ему безоговорочно верили, потому что происходящие события свидетельствовали: ими руководит мудрый вождь. Безусловно, такая вера таила в себе большую опасность. Она подразумевала, что, раз фюрер знает, что надо делать сегодня, он позаботится о своем народе и завтра. Если он полагает, что теперь евреям придется страдать больше, чем когда-либо, значит, это хорошо для Германии.

Гитлер ожидал, что после успехов вермахта в континентальной Европе Великобритания пойдет на мирные переговоры. Выступая в рейхстаге 19 июля 1940 года, он призывал британцев проявить здравомыслие. Фюрер сетовал на то, что, несмотря на все его усилия, с Англией до сих пор не установились дружеские отношения⁸⁰. При этом Черчилль, который два месяца назад стал премьер-министром, был против любых компромиссов такого рода, как и правительство, которое он возглавлял. В общем, стало ясно, что Британия продолжит сражаться, и перед Гитлером встала дилемма. Что делать? Отправить свои войска на острова – завоевывать Британию или обратить взор на Восток: сразиться с противником, которого он обозначил еще в 1924 году в «Моей борьбе», – Советским Союзом? Вопрос решился просто. Гитлер никогда не хотел войны с Британией, а кроме того, к ней пока не был готов немецкий флот. 31 июля 1940 года фюрер расставил приоритеты перед своими военачальниками: сначала СССР, потом Великобритания, ведь одна из причин, по которым британцы продолжают сражаться, – это надежда, что со временем русские придут им на помощь⁸¹. У Советского Союза не должно быть возможности вступить в войну на стороне Британии! И тогда Черчилль запросит мира. Аргументы причудливые, в первую очередь потому, что в Лондоне рассчитывали на поддержку

Соединенных Штатов, а отнюдь не Советского Союза. Тем не менее немецкие генералы с этими аргументами согласились. Или имели свои собственные.

Полностью от мысли «дожать» Британию Гитлер не отказался. В немецком Генеральном штабе продолжали прорабатываться планы воздушных налетов. Несмотря на мрачные перспективы, обрисованные главнокомандующим военно-морскими силами рейха адмиралом Эрихом Редером на совещании 31 июля 1940 года, шли приготовления к операции «Морской лев» – вторжению на Британские острова, хотя и не очень активно. Планировалось, что немецкие войска – 25 дивизий – форсируют Ла-Манш, высадятся между Дувром и Портсмутом и будут наступать с целью отрезать Лондон. Дата начала операции постоянно откладывалась, а потом ее и вовсе решили не проводить. Надежды Гитлера на очередной военный триумф были связаны с планами, которые разрабатывались на протяжении всего 1940 года: массированное вторжение в Советский Союз в ближайшем будущем.

Да, о том, что Германия должна приобрести территории на востоке, Адольф Гитлер ска- зал еще в 1924 году, и война, которая была для этого необходима, становилась все ближе.

Глава 9

Гонения на Западе (1940–1941)

Пока прорабатывались планы нападения на СССР, нацистам пришлось решать важный вопрос, возникший как следствие их побед на Западе. В рейхе и на территориях, которые он присоединил, оказалось очень много евреев, и надо было думать, что с ними делать.

То, как национал-социалисты в период с мая 1940 до июня 1941 года, когда германская армия вторглась на территорию Советского Союза, «устраняли» эту проблему, показывает своеобразную гибкость их антисемитской политики на первой стадии новой мировой войны. Кроме того, это свидетельствует о том, что на данном этапе вердикты об организации массовых убийств не выносились. Нацисты пока еще не оставили мысль, что в долгосрочной перспективе лучший способ избавиться от евреев – изгнать их из Европы.

10 мая 1940 года части вермахта вошли на территорию Люксембурга, Нидерландов и Бельгии. В маленьком Люксембурге, население которого составляло всего 300 000 человек, жили около 3500 евреев¹. В самой стране активно проявило себя движение *Volksdeutsche* – его члены призывали люксембуржцев возвращаться домой, в рейх, а глава гражданской администрации Люксембурга Густав Симон² развернул широкую программу германизации уже в сентябре 1940-го, приняв к действию Нюрнбергские законы. Евреев принуждали отправляться за границу, во Францию, и осенью нацисты несколько раз определяли крайние сроки, в которые все евреи должны были покинуть страну. Бывали случаи, когда евреев просто привозили к пограничным столбам и оставляли там³.

В соседней Бельгии ситуация была иной. Перед вторжением нацистов в этой стране с населением 8 300 000 человек проживали почти 65 000 евреев. У большинства из них бельгийского гражданства не имелось. Это были беженцы из Германии и восточноевропейских стран. В отличие от Люксембурга в Бельгии немцы не делали попыток силой заставить евреев покинуть страну, но в октябре 1940 года по их указанию был принят ряд антисемитских законов. Теперь нацисты определяли, кто является евреем, а кто нет, и контролировали в соответствии с этим, в частности, запрет на ряд профессий. Тем не менее «организованного» уличного насилия не было, а разрешение продолжать работать в ювелирной промышленности, в первую очередь с алмазами – Антверпен называли бриллиантовой столицей мира, дало некоторым евреям возможность летом и осенью 1940 года вернуться в Бельгию из соседних стран. Политика нацистов стала меняться только в ноябре 1940-го, когда Геринг потребовал арианизации еврейского предпринимательства, хотя в полную силу этот процесс развернулся лишь в следующем году.

В Бельгии были отдельные протесты против преследования евреев национал-социалистами. Надо сказать, что изначально в октябре 1940 года бельгийское правительство отказалось подчиниться требованию немцев принять антисемитские меры, хотя впоследствии под нажимом выполнило все предписания. Профессора и преподаватели Свободного университета Брюсселя тоже выразили несогласие с требованием немцев отстранить от работы их коллег-евреев, но эти возражения были попросту проигнорированы.

После капитуляции бельгийской армии правительство во главе с премьер-министром Юбером Пьерло отправилось в Париж, а оттуда в Лондон, но король Леопольд III остался в Брюсселе и не возглавил правительство в изгнании, в отличие от королевы Нидерландов Вильгельмины или, впоследствии, короля Норвегии Хокона VII. Немцы поместили монарха под домашний арест. Между тем правительство в изгнании в январе 1941 года постановило, что после поражения Германии (!) все похищенное имущество и недвижимость будут возвращены

законным владельцам, и те из бельгийцев, кто вознамерится нажиться на награбленном, понесут наказание. Это заявление не упоминало непосредственно об антисемитских мерах, которые немцы применяли в Бельгии, но его смыслом, безусловно, было предупреждение о неизбежном возмездии тем, кто решит поживиться за счет евреев. Именно так эти слова воспринял и Американский еврейский конгресс. Стивен Вайз направил премьер-министру Пьерло в Лондон письмо с благодарностью за поддержку⁴.

Конечно, в оккупированной Бельгии были и те, кто приветствовал расизм и антисемитизм нацистов. Члены крайне правой бельгийской партии рексистов, как называли в этой стране фашистов, руководимой Леоном Дегрелем, с энтузиазмом подхватили нацистскую идеологию. Один из них, Жак Лерой, подтверждает, что он был и убежденным расистом. «Различие, – говорит он, – между людьми, которых ты называешь *Übermenschen* [высшая раса], и теми, кого считаешь *Untermenschen* [низшая раса], в том, что *Übermenschen* – белая раса... В те времена мы гордились принадлежностью к белой расе»⁵. Что же касается отношения к евреям... О взглядах того же Жака Лероя, например, можно судить по тому, что после войны он отрицал Холокост.

Антисемитских настроений в Бельгии оказалось достаточно для того, чтобы весной 1941 года устроить еврейский погром. 14 апреля в Антверпене около 200 пронацистски настроенных участников военизированных группировок, в частности *Volksverwering* («Народная защита»), разгромили и подожгли две городские синагоги и напали на дом главного раввина⁶. При этом немцы помешали городским пожарным и полиции погасить огонь и поймать преступников.

Важно отметить, что организаторы этого нападения только что посмотрели пропагандистский фильм «Вечный жид» (*Der Ewige Jude*), выпущенный в предыдущем году, – картину явно антисемитскую. Она печально известна сравнением евреев с крысами... Наряду с этим в фильме много нападок на еврейских банкиров, в частности на Ротшильдов, – их обвиняют в открытии отделений своих банков в разных европейских столицах, дабы обеспечить еврейское господство в банковской системе. И о верности евреев друг другу, невзирая на международные границы, вместо верности стране пребывания создатели картины сказать не забыли.

«Вечный жид», снятый Фрицем Хиплером по распоряжению Геббельса и представленный как документальный, безусловно, является одним из самых отвратительных произведений нацистской кинопропаганды. Есть свидетельства, что к его созданию приложил руку и сам Гитлер. Архивные материалы и рассказы режиссера подтверждают: фюрер хотел, чтобы фильм был, что называется, максимально ясный по сути⁷. Хиплер вспоминает, что этой лентой Гитлер хотел предъявить, так сказать, «доказательства» того, что евреи – паразитическая раса и их следует отделить от остальных людей⁸. И сравнение евреев с крысами могло показаться Гитлеру ярким образом, поскольку он питал к этим животным особое отвращение. «Я возненавидел крыс на фронте, – скажет он позже. – Раненые, которых бросали между линиями окопов, знали, что будут съедены заживо этими отвратительными тварями»⁹.

Геббельс не был сторонником столь прямолинейных попыток влиять на аудиторию. В июле 1941 года он сделал в своем дневнике следующую запись: «Некоторые разногласия по кинохронике. Фюрер хочет больше полемического материала в тексте. Я бы предпочел, чтобы картинка говорила сама за себя. Текст нужно ограничить объяснением того, что публика иначе не сможет понять. Я считаю это более эффективным»¹⁰.

Кассовых сборов «Вечный жид» не дал, но его и снимали не для этого. Хотя большинству зрителей картина не понравилась (были случаи, когда женщины во время просмотра теряли сознание), для фанатиков типа членов бельгийских вооруженных формирований, которые посмотрели ее в апреле 1941 года, лента стала подтверждением того, что они все делают правильно. С евреями надо поступать, как с крысами.

В Бельгии жгли синагоги, а в другой европейской стране этого никто не делал. Там вообще все было не так. 9 апреля 1940 года, за месяц до вторжения на запад, части вермахта двинулись на север и пересекли датскую границу. Армия королевства неизмеримо уступала немецкой в живой силе и технике. Дании не оставалось ничего, кроме как смириться с неизбежным. Через два часа после того, как первый немецкий солдат пересек границу, Дания капитулировала. А дальше произошло нечто удивительное, особенно в контексте того, что нацисты делали на соседних территориях. Немцы практически оставили датчан в покое. Король Христиан X остался во главе страны, жить она продолжила по своим законам.

Причины такого поведения немцев называют разные. Главное, наверное, то, что они считали датчан своими нордическими братьями по расе. Что касается евреев, в Дании их было всего 7500, или 0,2 процента от численности всего населения. Последнее объясняется тем, что в предшествующее десятилетие Дания почти не принимала евреев, искавших убежища от нацистских преследований. А еще немцы не хотели никаких конфликтов, дабы не подрывать экспорт датской сельскохозяйственной продукции в Германию. В результате всего этого оккупация в Дании и оказалась не такой страшной, как в других покоренных странах.

Бент Мельхиор, еврейский школьник, живший в Дании, очень боялся, что его отцу, открыто выступавшему с критикой нацизма, после немецкого вторжения будет грозить смертельная опасность¹¹. Этого не произошло – отец Бента не подвергся никаким преследованиям, и вообще для евреев жизнь продолжалась как раньше. Датчанин Кнут Дибби, во время войны служивший в полиции, подтверждает, что у них не было никакой дискриминации. «Евреи были абсолютно ассимилированы. Они занимались коммерцией, работали по своим профессиям и жили в своих домах, как и все прочие»¹².

Похоже, что немцы заняли Данию, что называется, по пути – на севере их целью была Норвегия. Гитлер хотел закрепиться в этой стране по стратегическим соображениям: нужно было обеспечить свободный доступ немецкому флоту в Северную Атлантику и обезопасить поставки железной руды из нейтральной Швеции. Союзники пытались воспрепятствовать этим планам, но в конце первой недели июня 1940 года Норвегия уже была под полным контролем нацистов. Во время вторжения немецких войск собственное национальное правительство создал Видкун Квислинг, который еще в 1933 году организовал и возглавил в Норвегии национал-социалистическую партию, известную как «Национальное единение», однако оно было распущено немецкими оккупационными властями. Имперским комиссаром Норвегии они назначили Йозефа Тербовена, гауляйтера Эссена, одного из активистов «ночи длинных ножей».

В Норвегии, так же как в Дании, евреев было мало – около 1700 человек при численности населения 3 000 000. В отличие от датских евреев они подверглись преследованиям. Объясняется это среди прочего тем, что протяженная линия Атлантического побережья Норвегии делала страну более уязвимой для атаки с моря по сравнению с Данией, и немцы разместили здесь много военных баз, а евреев всегда считали «врагом за спиной». К тому же нацисты обрели активного помощника в лице Квислинга, летом 1940 года ставшего главой норвежской гражданской администрации, общей с германской.

В марте 1941-го Квислинг, выступая во Франкфурте, призвал к депортации из Норвегии всех евреев. Он заявил, что такая мера совершенно необходима – евреи развращают норвежское общество, портят норвежскую кровь и вообще они сродни разрушительным бациллам¹³. К этому времени норвежские коллаборационисты уже активно закрывали еврейские магазины и принадлежащие евреям предприятия.

10 мая 1940 года Германия напала еще на одну страну, которая, подобно Норвегии, Дании, Люксембургу и Бельгии, стремилась избежать войны, объявив о своем нейтралитете. Речь идет о Голландии, три четверти еврейского населения которой не пережили Холокост:

в пропорциональном отношении это больше, чем в любой другой сопоставимой стране Западной Европы (из числа голландских евреев погибло 75 процентов, норвежских – около 40 процентов, бельгийских – почти 40 процентов, французских – 25 процентов). Данный вопрос давно привлекает внимание историков, и далее мы сделаем некоторые предположения по поводу столь явной диспропорции¹⁴.

В отличие от бельгийского правительства в Лондоне правительство Нидерландов в изгнании не проявило единства в отношении немецкой оккупации. Королева Вильгельмина была против любого сотрудничества с нацистами, а ее премьер-министр Дирк Ян де Гер придерживался иного мнения. Он полагал, что война уже проиграна и им нужно сотрудничать с немцами так же, как вишистское правительство во Франции. Де Гер настаивал на заключении сепаратного мира с Германией. Королева отправила его в отставку, после чего де Гер вернулся в Нидерланды и пошел на сотрудничество с оккупантами¹⁵.

Словом, политического руководства не было, и большинство голландских чиновников решили помогать немцам управлять страной. Как констатировало в 1943 году голландское правительство в изгнании, «они [государственные служащие] настолько привыкли подчиняться, всегда – и по праву – гордились тем, что прекрасно решают поставленные перед ними задачи и добросовестно выполняют свой долг, что с той же добросовестностью и исполнительностью способствовали скрупулезной организации разграбления нашей страны на пользу врага»¹⁶.

Почти все чиновники в ноябре 1940 года заполнили документ, подтверждающий их безупречное происхождение, так называемый арийский аттестат, и согласились с требованием немцев об исключении с государственной службы евреев. Стремясь сохранить видимость приличий, голландские чиновники предпочитали называть евреев временно отстраненными от исполнения своих обязанностей, а не уволенными¹⁷. Это звучало менее жестоко, но суть дела не меняло.

Разумеется, оценивать какие-либо действия голландских государственных служащих того времени с позиции наших знаний о том, что произошло дальше, нельзя. И все-таки эффективность, с которой они начиная с января 1941-го облегчали немцам желание зарегистрировать евреев – всех до единого, не может не поражать. Полномасштабная система регистрации окажет нацистам огромную помощь, когда настанет время депортировать голландских евреев в лагерь смерти.

К июню 1941 года уже действовал ряд мер, направленных против 140 000 голландских евреев¹⁸. Им было запрещено посещать кинотеатры, общественные парки и плавательные бассейны; они не имели права владеть радиоприемниками, ходить в школы со смешанной системой обучения; медицинскую помощь и юридические услуги они могли оказывать только своим соотечественникам. На всех этих мерах настоял рейхскомиссар Нидерландов Артур Зейсс-Инкварт, ярый антисемит, выросший в Австрии и в 1938 году сыгравший немалую роль в отстранении от власти канцлера Шушнига. После оккупации Польши и создания на ее территории генерал-губернаторства Зейсс-Инкварт был заместителем Ганса Франка, отвечал за южные области. Активно создавал еврейские гетто и ратовал за чрезвычайные меры при подавлении польского Сопротивления. То, что в Нидерландах «работал» Зейсс-Инкварт, а в Бельгии – генерал Александр фон Фалькенхаузен, кадровый военный, тоже отчасти объясняет последующую диспропорцию в уровне смертности среди евреев этих двух стран. Конечно, и фон Фалькенхаузен нельзя назвать другом евреев. При нем в Бельгии происходили вопиющие злодеяния (их организовывал офицер СС Эгерт Ридер), но при этом он оставался военачальником, причем старой закалки. Впоследствии фон Фалькенхаузен, кстати, окажется в концентрационном лагере за участие в июльском заговоре 1944 года против Гитлера.

Не все в Нидерландах сотрудничали с нацистами так же истово, как чиновники. 26 ноября 1940 года профессор Рудольф Клеверинга произнес пламенную речь против антиеврейских

постановлений оккупационных властей. Он, выступая в актовом зале Лейденского университета – старейшего в Нидерландах, сказал, что нельзя уважать власть, опирающуюся исключительно на силу, и осудил требование уволить всех преподавателей-евреев как достойное крайнего презрения. За что отстраняют от своего дела, например, Эдуарда Мейерса – достойного человека, отца студентам, уважаемого ученого?¹⁹ Вскоре после этого выступления Клеврингу арестовали, и он провел шесть месяцев в тюрьме²⁰.

Гетти Коэн-Костер, еврейская студентка, была среди тех, кто слушал выступление Клевринги. Слова профессора стали бальзамом для ее души. «Многие люди в зале испытывали это чувство. Наши эмоции словно передавались от одного человека другому. Мы все прекрасно понимали. Я сидела среди людей, которые разделяли те же чувства, те же мнения, что и я. Мы были одним целым»²¹.

В довоенной Голландии Гетти не испытывала никаких притеснений. В ее школе в Хаарлеме антисемитизма никогда не было. «Напротив, в нашей школе царил атмосфера полной толерантности – ко всему: происхождению, полу, религии и национальности», – говорит Гетти. Это могут подтвердить многие нидерландские евреи. Хотя в 1930-е годы отдельные антисемитские выступления случались, идея их преследования противоречила голландской традиции – терпимости к иному мировоззрению, образу жизни, поведению и обычаям, которая восходит к эмансипации евреев, то есть приобретению ими адекватных прав и обязанностей, произошедшей в конце XVIII века. Именно память об этом ощущении безопасности давала многим основания верить, что будущее окажется не совсем мрачным. «В то время мы были уверены: самое худшее, что может случиться, – это трудовые лагеря в Германии», – свидетельствует Коэн-Костер.

Опыт Нидерландов показывает: ориентироваться на то, что в стране было раньше, и антисемитизма это касается в полной мере, – серьезная ошибка. Очень важную роль играли и другие факторы: пристрастие, с которым нацисты осуществляли контроль за всем, что происходило на оккупированных территориях, полномочия национального правительства и т. д.

В Голландии протесты звучали не только в Лейденском университете. В октябре многие служители реформаторской церкви выступили против арийской аттестации, а в феврале 1941 года в стране прошли демонстрации против немецкой оккупации, сначала в Амстердаме, потом в других городах. Обо всех этих мужественных актах надо помнить, но помнить нужно и о том, что подавляющее большинство голландских чиновников не за страх, а за совесть служили оккупационным властям.

Во Франции, последней стране, которую заняли немцы в ходе своего победоносного марша по Западной Европе, все было совсем непросто. Франция не прикрывалась вуалью нейтралитета и, когда части вермахта вошли на территорию Польши, выступила совместно с Британией – 3 сентября обе объявили Германии войну. При этом сами французы нападения немцев не боялись – они были абсолютно уверены в своем превосходстве. Генерал Морис Гамелен, главнокомандующий французской армией, весной 1940 года заявил, что в случае агрессии Гитлер несомненно будет разбит²². Этот оптимизм разделяли многие рядовые французские граждане.

10 мая 1940 года, когда немцы перешли границу Бельгии и Нидерландов, французские войска вошли в Бельгию. По сообщению одного иностранного журналиста, Париж в тот день бурлил энтузиазмом. «На улицах и в кафе, в газетах и по радио звучало ликование по поводу фатальной ошибки, которую только что совершила Германия»²³.

На фоне столь явной самоуверенности трудно даже представить себе чувство национального унижения, которое испытали французы буквально через шесть недель. Надо отметить, что непосредственно на германо-французской границе боевых действий не велось. Первое вооруженное столкновение немецких и французских войск произошло 13 мая в Бельгии. В тот же

день немецкие войска пересекли бельгийско-французскую границу. 10 июня правительство Франции переехало в Орлеан. Париж был официально объявлен открытым городом. Утром 14 июня немецкие войска вступили в столицу Франции. Правительство бежало в Бордо и через три дня обратилось к Германии с просьбой о перемирии. 22 июня 1940 года Франция капитулировала.

Французская армия была сломлена и опозорена. 1 500 000 солдат попали в плен и вскоре оказались в лагерях в Германии. Франция, в попытке восстановить самоуважение, обратилась к своему национальному герою времен Великой войны – маршалу Анри Филиппу Петену, победителю битвы под Верденом. Этот военачальник, которому в 1940 году исполнилось 84 года, был олицетворением достоинства Франции, и он взял на себя тяжелое бремя спасения страны.

Петен сформировал правительство и возглавил его. 22 июня, через шесть дней после того, как он стал премьер-министром, маршал подписал мирное соглашение с Германией. По условиям договора большая часть Франции – весь север и юго-запад – была оккупирована. Около 40 процентов территории страны на юге и юго-востоке формально оставались под контролем нового правительства во главе с Петеном, который был провозглашен еще и главой французского государства. Париж оказался в зоне немецкой оккупации, поэтому столицей нового французского режима стал курортный городок Виши. 30 октября 1940 года в радиобращении Петен призвал французов сотрудничать (фр. *collaborer*) с немцами, так что термином «коллораборационизм» мир обязан ему. От революционного лозунга «Свобода, равенство, братство» правительство Виши отказалось. Взамен был принят новый – «Труд, отечество, семья».

Среди политиков и чиновников, вошедших в правительство Петена, были антисемиты, не скрывавшие свои взгляды. В частности, Ксавье Валла, весной 1941 года ставший генеральным комиссаром по еврейским вопросам, впоследствии говорил гауптштурмфюреру СС Теодору Даннекеру, который руководил депортацией евреев из Франции: «Мой стаж антисемита гораздо больше, чем ваш»²⁴. То же самое мог сказать и Луи Даркье, сменивший Валла на посту генерального комиссара: после победы на выборах 1936 года Народного фронта он создал свою собственную «Антиеврейскую партию», после чего отбыл срок за разжигание национальной ненависти. А еще Даркье то и дело вступал в ссоры с евреями в кафе²⁵.

Правительство Петена стало принимать антисемитские законы, а в октябре 1940 года утвердило так называемый еврейский статут, лишавший евреев права работать по целому ряду профессий. Они больше не могли быть государственными служащими, полицейскими, журналистами, учителями, не могли служить на офицерских должностях в армии. От этих драконовских ограничений избавили лишь небольшую часть евреев, в частности ветеранов мировой войны. Евреям-иностранцам пришлось еще хуже: они подлежали интернированию в «особые лагеря» на территории Франции²⁶.

При этом свидетельства того, что принятия от режима Виши этих антисемитских мер потребовали немцы, нет²⁷. Более того, Петен лично вносил изменения в проект октябрьского статута, ужесточая ограничения²⁸. Французские власти начали преследовать евреев потому, что хотели этого, а не потому, что им приказали. Для французских евреев факт, что соотечественники-французы оказались готовы принести их в жертву, стал сокрушительным ударом. «Я рыдал весь вечер, – писал 19 октября 1940 года в своем дневнике Раймон-Рауль Ламбер. – Рыдал, как может рыдать мужчина, внезапно брошенный женщиной, которая была его единственной любовью, наставницей и советчицей во всех делах»²⁹.

Действия правительства Петена выглядели еще более оскорбительно потому, что Франция была страной идеалов эпохи Просвещения, защитницей прав человека, поборницей свободы слова и либеральной демократии и вообще первым европейским государством, в котором в отношении евреев перестали действовать определенные ограничения и где они получили адекватные права и обязанности – это произошло еще в конце XVIII столетия. Впрочем, у этой

медали, как и у любой другой, имелась обратная сторона. Франция была страной, где стало возможным дело Дрейфуса, по которому в конце XIX века по ложному обвинению осудили офицера-еврея, и страной, где уже в 1930-е годы проявились нападки на правительство левого толка Леона Блюма исключительно из-за его еврейского происхождения, так что принятый режимом Виши еврейский статут точно отражал дух этой недавней нетерпимости. В преамбуле к документу, кстати, говорилось следующее: «В своей деятельности по восстановлению государства правительство с самого начала было обязано изучить проблему евреев, а также определенных чужестранцев, которые, злоупотребив нашим гостеприимством, в немалой степени способствовали нашему поражению»³⁰.

Итак, наиболее уязвимыми перед новыми законами оказались евреи-иностранцы. Ко времени заключения мирного соглашения с Германией из 330 000 евреев, живших во Франции, около 135 000 были не французскими гражданами, а беженцами из других стран. «Чужестранцы», как определил их статут, вызывали особую ненависть у французских антисемитов и впоследствии дорого заплатили за это – собственной жизнью. При этом в ходе Холокоста погибло около 10 процентов французских евреев и более 40 процентов евреев-иностранцев, оказавшихся в этой стране³¹.

По сути, политикой режима Виши были отделение и впоследствии изгнание «чужих» евреев, а также «нейтрализация», или, в лучшем случае, ассимиляция тех, кто имел французское гражданство. При этом в отношении к французским евреям всегда были двойные стандарты. Адмирал Франсуа Дарлан, который в феврале 1941 года стал премьер-министром Франции, даже заявил: «Евреи без гражданства, которые наводняют нашу страну в последние 15 лет, меня не интересуют. Но другие – старые добрые французские евреи – имеют право на любую защиту, которую мы можем им обеспечить. Кстати сказать, такие есть и в моей собственной семье»³².

Таким образом, если человек был евреем и жил в оккупированной Европе в первый год войны или около того, отношение к нему зависело не только от страны, в которой он проживал, но и от наличия паспорта этой страны. Точно так же можно утверждать, что у нацистов не было универсальной политики в отношении всех евреев, оказавшихся под их властью; можно говорить лишь об основных принципах, которые реализовывались почти везде. В первую очередь, как и изначально у себя дома, в рейхе, нацисты хотели идентифицировать всех евреев и изолировать их.

В дальнейшей перспективе немцами уже было продемонстрировано желание лишить евреев всего их имущества и изгнать со всех территорий, оказавшихся под их контролем. Одним из вариантов приемлемого места переселения в этот период, как мы уже знаем, являлся остров Мадагаскар. Тем не менее, поскольку реализовать мадагаскарский план можно было только при наличии огромного гражданского и торгового флота, ведь евреев предстояло перевезти за тысячи миль, нужны были гарантии безопасной аренды британских кораблей, а значит, Великобритания не должна была быть военным противником. А она им была... Словом, план отложили. Усадить британцев за стол переговоров бомбежками не удалось. Атаковать Британию с моря тоже не представлялось возможным – 17 сентября 1940 года Гитлер в очередной раз решил отложить операцию «Морской лев» (как оказалось, навсегда) и снова обратил свой взор на континент. Тут же последовал приказ активизировать разработку плана нападения на Советский Союз.

А что же депортация евреев из рейха? Она продолжалась. Осенью из Бадена, что на западе Германии, гауляйтером которого был Роберт Вагнер, в вишистскую Францию были высланы 6500 немецких евреев. Ранее Вагнер, который также являлся гауляйтером Эльзаса-Лотарингии, распорядился о депортации французских граждан, нежелательных на этой новой германизированной территории. Итак, 22 и 23 октября 1940 года баденская полиция

провела массовые задержания евреев и доставила их к поездам, идущим во Францию. Каждому человеку было разрешено взять с собой до 50 килограммов багажа и не более 100 рейхсмарок. Гейдрих гауляйтера похвалил, отметив, что депортация евреев в Бадене, а также в Пфальце прошла без инцидентов. «Население едва ли обратило внимание на операцию»³³.

Эта акция напоминает другую, которая недавно произошла в Польше, – тогда поляков с германизированных территорий насильственно переселяли в генерал-губернаторство. И так же, как Ганс Франк, вишисты выразили протест. Они приняли девять эшелонов евреев – семь из Бадена, два из округа Саарпфальц – только потому, что полагали, что в них находятся французские граждане!³⁴ «Французское правительство больше не может предоставлять убежище этим иностранцам, – заявили представители режима Виши 18 ноября 1940 года. – Оно предлагает правительству рейха немедленно принять надлежащие меры по возвращению их обратно в Германию и возмещению расходов, связанных с их содержанием на территории Франции»³⁵. В Берлине побежденного соседа слушать не стали, и немецкие евреи остались в лагерях для интернированных лиц на юго-западе Франции. Многих из них в 1942 году переправили на восток, где они и погибли в лагерях смерти на территории Польши.

Малоизвестная инициатива Роберта Вагнера 1940 года значима не только потому, что мы должны помнить о страданиях немецких граждан, которых внезапно вышвырнули из своих домов, но и потому, что она дает представление о том, как предприимчивость на местах способствовала осуществлению глобальных планов. Итак, идея выслать евреев из Бадена и Пфальца пришла в голову не Гитлеру, который мог бы потребовать от гауляйтера выполнить этот приказ. Нет, это Вагнер сам решил отправить немецких евреев через границу, даже не поставив в известность французские власти. А потом инициативе был дан зеленый свет от Гимmlера и, согласно свидетельствам очевидцев, от Гитлера тоже³⁶.

Все это стало возможным не в последнюю очередь потому, что фюрер был дальновидным руководителем, который ожидал от своих подчиненных активных действий. За месяц до того, как произошла эта депортация, Гитлер говорил Вагнеру и Йозефу Бюркелю, гауляйтеру Саарпфальца, что в недалеком будущем хотел бы получить из всех гау только одно сообщение: они стали немецкими, абсолютно немецкими³⁷. Спрашивать, что его гауляйтеры собираются для этого делать, фюрер не стал.

Во многих смыслах это была типичная инструкция из тех, что умел давать Гитлер. Вот вам цель. Добиться ее надо во что бы то ни стало. В результате гауляйтеры использовали для реализации своих задач различные способы. Именно так происходило в Польше. Руководитель рейхсгау Данциг – Западная Пруссия Альберт Фостер и глава Вартегау Артур Грейзер людьми были разными, и курс на германизацию, о которой говорил Гитлер, проводили по-разному. Грейзер распорядился проверить всех поляков и выяснить, можно их классифицировать как немцев или нет. Те, кто проверку не прошел, подлежали депортации. Какие у подручных Грейзера были критерии, доподлинно неизвестно, но точно не такие, как у сотрудников Фостера. В его вотчине поляков как немцев классифицировали намного больше. Это привело не только к ссоре между Фостером и Грейзером, но и к причудливой ситуации: в гау первого члены какой-то семьи считались немцами, а в гау второго они значились поляками³⁸. Между тем все это имело огромное значение. Практически было вопросом жизни и смерти, поскольку те, кого в гау Фостера посчитали немцами, не подлежали депортации и продовольствия получали больше – в отличие от тех, кого классифицировали как поляков в гау Грейзера. Но и Фостер, и Грейзер заявляли, что выполняют желание фюрера – только разными способами.

Такой же ситуация – два руководителя на местах проводят не совпадающую по сути политику, но каждый утверждает, что делает это в соответствии с волей фюрера, – была и в контексте происходящего с евреями. Артур Грейзер создал в Лодзи гетто, а вот гауляйтер Восточной Верхней Силезии Фриц Брахт это посчитал ненужным. Во владениях Брахта евреи работали

на разных промышленных и строительных объектах – отвечал за это бригаденфюрер СС Альбрехт Шмельт³⁹, и жители крупных городов, таких как Катовице и Бендзин, узниками гетто не стали⁴⁰.

Это сложное взаимодействие – завуалированное пожелание сверху и инициатива снизу – характерно и для процесса развития Холокоста. И, как мы увидим, те, кто принимал в нем непосредственное участие, руководствовались не только собственной человеконенавистнической идеологией, но и динамикой происходящего вокруг.

Осенью 1940 года Гитлер уделял много времени решению важнейших стратегических вопросов, и основополагающими из них были вторжение в Советский Союз и дальнейшая война на уничтожение – беспрецедентная в истории. Между тем 12 ноября в Берлин прибыл нарком иностранных дел СССР Вячеслав Молотов. Это был ответный визит на два приезда в Москву министра иностранных дел Германии Иоахима Риббентропа. Советская делегация провела в столице рейха три дня, и за это время у Молотова состоялись две официальные встречи с Риббентропом и беседы с Адольфом Гитлером. Надо отметить, что у советской стороны был целый ряд конкретных вопросов о взаимоотношениях между СССР и Германией. Каковы, например, намерения Германии в отношении так называемых буферных государств, расположенных между их странами, таких, как Венгрия, Румыния и Болгария? Гитлер и Риббентроп ничего конкретного не говорили. Очевидно, не в последнюю очередь из-за явного несовпадения интересов прагматика Молотова и смотрящего вдаль Гитлера – он больше всего говорил о великом будущем Германии. Советский переводчик охарактеризовал впоследствии эти встречи как утомительные и явно бессмысленные⁴¹. Через месяц после этого диалога глухих, 18 декабря 1940 года, Адольф Гитлер поставил свою подпись на плане нападения на Советский Союз, известном как «операция Барбаросса», утвердив его. Назвали этот план, кстати, в честь короля Германии и императора Священной Римской империи Фридриха I Барбароссы, который в XII веке возглавлял Третий крестовый поход.

На сей раз у немецкого военного командования было не много возражений против эпических мечтаний фюрера. Отчасти это объясняется успехами военной кампании в Западной Европе, отчасти – все больше укоренявшейся официальной идеологией, объявившей советских граждан *Untermensch*, а отчасти – данными разведки, согласно которым Красная армия особой опасности для вермахта не представляла. Восточная кампания будет быстрой, а победа легкой. В недавней войне с Финляндией советские войска проявили себя как плохо обученные, к тому же в конце 1930-х годов в РККА были массовые репрессии, касающиеся командного и начальствующего состава. Сталин опасался заговора военных и нанес упреждающий удар, да такой, что Красная армия не скоро станет хотя бы прежней. Все это дало основания Альфреду Йодлю, начальнику штаба оперативного управления Верховного главнокомандования вермахта, заявить: «Русский колосс окажется большим свиным пузырем; ткни его, и он лопнет»⁴².

Решение Гитлера о нападении на СССР непосредственно повлияло на политику нацистов по отношению к евреям. Об отправке их всех морем в «африканскую колонию» речь уже не шла, а значит, нужно было решать, что делать с евреями, содержащимися в гетто на территории Польши. Нацисты, как мы уже знаем, изначально полагали, что гетто – мера временная: действовать они будут до тех пор, пока евреев не депортируют из рейха.

К лету 1940 года в лодзинском гетто жизнь стала невыносимой. В августе начались голодные бунты. Толпы евреев собирались на улицах и кричали: «Мы хотим хлеба! Мы умираем от голода!»⁴³ Чиновники Вартегау запросили у Ганса Франка разрешение депортировать евреев в генерал-губернаторство, потому что ситуация с ними день ото дня ухудшается, а гетто было создано на условиях, что депортация начнется не позднее середины года⁴⁴.

Верный собственным принципам, Франк отказался взять обитателей лодзинского гетто под юрисдикцию генерал-губернаторства. Властям Вартегау надо было самим искать решение проблемы. У жителей гетто больше не было денег, чтобы покупать продукты, и перед нацистами встал выбор: либо пусть евреи умирают голодной смертью, либо надо дать им разрешение трудиться и зарабатывать на пропитание. И тут национал-социалисты опять не сошлись во мнении... Оно было разным у Ганса Бибова, начальника немецкой администрации гетто, и его заместителя Александра Палфингера. Эстер Френкель, польская еврейка, которая работала в здании юденрата, в течение лета и осени 1940 года видела следующее. Палфингер, по ее мнению, получал удовольствие, видя, как евреи в гетто умирают от голода⁴⁵. Воспоминания Эстер подтверждают документы того времени. «Быстрое вымирание евреев для нас не имеет никакого значения, если не сказать, что оно желательно»⁴⁶, – писал в конце 1940 года Палфингер в одном из своих докладов. Взгляд Бибова оказался иной. Эстер Френкель свидетельствует, у него был очень силен дух предпринимательства. «Бибов обладал огромной силой убеждения, чего был совершенно лишен Палфингер. Он убеждал людей, буквально с пеной у рта»⁴⁷. Начальник немецкой администрации гетто предлагал перевести свой «объект» на самообеспечение. Надо построить мастерские, а производимые товары евреи смогут продавать. Вот и средства им на продовольствие.

Аргументы Бибова слышали. Чтобы создать необходимую инфраструктуру, нацисты выделили юденрату «заем» в 3 000 000 рейхсмарок – из денег, ранее отобранных у евреев. Председатель еврейской администрации гетто Румковский именно этого и хотел. Он давно говорил о необходимости создания в гетто целой сети мастерских: «У нас от восьми до десяти тысяч специалистов в разных областях. Сапожники – “холодные” и умеющие работать на станках. Шорники. Портные – для индивидуального и массового производства. Шляпники, жестянщики, кузнецы, столяры, каменщики, маляры, переплетчики, обойщики... Я могу организовать их всех работать на власть»⁴⁸.

Ключевым моментом в этой истории стало мнение Бибова. Так гетто из места временного пребывания, где евреев держали в ожидании депортации неизвестно куда, превратилось в структуру, которая теоретически могла быть самодостаточной. Румковского это обрадовало: он считал, что евреи в гетто выживут только в том случае, если смогут доказать немцам – они могут быть полезными. Председатель юденрата называл это спасением через труд. Работающие в гетто будут получать больше продуктов, чем иждивенцы⁴⁹. В том, чтобы новая система оказалась действенной, заинтересованы были и обитатели гетто, и нацисты. Евреи уже знали, что иначе они умрут голодной смертью, а нацисты обрадовались возможности обогатиться.

Сделать это планировал даже Артур Грейзер, и его чаяния воплотились в жизнь. Ганс Бибов регулярно пересылал деньги на счет, открытый на имя гауляйтера⁵⁰. А еще Эстер Френкель лично видела портфель с ценностями из гетто, который через Бибова отправили Грейзеру.

Румковский получил еще большую личную власть, чем раньше, ведь все, что немцы поставляли теперь в гетто, проходило через юденрат. Свою жизнь Румковский обустроил максимально комфортно. У него был даже личный экипаж с кучером.

Тем временем в Варшаве тоже создали гетто. Здесь на площади около 4 квадратных километров планировалось разместить более 400 000 евреев – столько же, сколько их в то время проживало на территории Франции, Дании и Норвегии. Евреи составляли около 30 процентов всех жителей Варшавы, и сие отчасти объясняет, почему это самое большое гетто было создано относительно поздно.

Варшавские евреи стали объектом преследования сразу же, как в город вступили немецкие войска, а произошло это через четыре недели после начала войны. Нацисты приказали им создать свою администрацию и оповещать с ее помощью еврейское население обо всех мерах, которые его касались. По распоряжению немцев варшавские евреи стали носить на рукаве

белую повязку с голубой шестиконечной звездой. Имущество у них конфисковали. Еврейские школы нацисты закрыли. Евреев останавливали на улицах и отправляли на принудительные работы. И конечно, они повсеместно подвергались издевательствам... «У гаражей в городском парке немцы устраивали себе разные развлечения, – писал в феврале 1940 года Эммануэль Рингельблюм, варшавский еврей. – Рабочих заставляли бить друг друга галошами... Раввину приказали испражняться в штаны. Они делили рабочих на группы и заставляли драться друг с другом... Я видел, как люди получали серьезные травмы в этих “забавах”»⁵¹. Вот еще одна запись Рингельблюма: «Вчера и сегодня забирали на работы женщин. Им приказали мыть тротуары своим нижним бельем, а потом надевать его на себя обратно мокрым»⁵².

Евреям теперь нужно было бояться не только немцев, но и поляков. Адам Черняков, инженер, ставший главой юденрата варшавского гетто, писал в декабре 1939 года в дневнике, что даже польки обзывают евреев, бьют их, срывают с них шляпы⁵³. Есть и другое его свидетельство: «...шайка [польских] хулиганов-подростков, которые уже несколько дней избивали евреев, собралась перед зданием [еврейской] общины и била стекла в домах на другой стороне улицы»⁵⁴. Кроме того, некоторые поляки решили, что теперь можно безнаказанно грабить евреев. Накануне нового, 1940 года двое неизвестных пришли к Чернякову и сказали, что его квартира реквизируется. Впоследствии Адам выяснил, что один из «реквизиторов» – простой шофер⁵⁵.

Решение об организации варшавского гетто было принято 16 октября 1940 года, а через месяц, 16 ноября, его отгородили стеной. Сначала в нем реализовывалась такая же политика, как первоначально в Лодзи: евреи или сами оплачивают питание, или голодают. Александр Палфингер, не сумевший в лодзинском гетто отстоять свое мнение, что голодная смерть евреев может стать одним из способов решения «проблемы», теперь мог попытаться сделать это в Варшаве: его перевели сюда в трансферштелле – специально созданный департамент, монополизировавший все экономические связи в гетто. Именно в трансферштелле оценивали стоимость того, что сдавали обитатели гетто, и решали, сколько продовольствия они за все это получают. Появление в варшавском гетто Палфингера стало тревожной новостью для его обитателей. То, что для этого были основания, подтвердилось сразу: взгляды Палфингера измениться не могли и не изменились – к высокому уровню смертности среди евреев он сохранил полное безразличие.

В варшавском гетто, как и в лодзинском, те, у кого было что продать, и те, кто смог найти работу, имели шанс спастись от голода. Состоятельные евреи покупали продукты, которые доставляли в гетто в обход всех предписаний. По оценкам некоторых исследователей, более 80 процентов продовольствия там приобреталось на черном рынке⁵⁶. Если человек не смог трудоустроиться или был беден, его ждала быстрая смерть. Отчаявшиеся женщины начали торговать собой... Эммануэль Рингельблюм писал в январе 1941 года, что на улицах стали появляться проститутки: «...вчера ко мне пристала очень респектабельно выглядевшая женщина»⁵⁷. Выводы из всего этого Рингельблюм сделал очень мрачные: «От нужды люди готовы на что угодно».

Когда семья Галины Биренбаум оказалась в гетто, ей самой только что исполнилось 11 лет. Биренбаумам, можно сказать, повезло. Один из братьев Галины, Мирек, был студентом-медиком и работал в еврейской клинике. В гетто он в частном порядке оказывал услуги богатым евреям, поэтому семья не голодала. Но очень, очень многим уже нечего было есть. Вот воспоминания Галины. «Лица у людей становились такими распухшими [от голода], что почти не было видно глаз». Она запомнила, в частности, очень высокую рыжеволосую девушку, которая вышла на улицу в надежде заработать несколько монет. Девушка пела на идише песню, которую сочинила сама, о том, как немцы выгнали ее из родного дома, как ее родители умерли и братья тоже. И вот она спрашивает у Бога: «Сколько это будет продолжаться? Сколько еще

должно пролиться наших слез?» Галина говорит, что никогда не сможет забыть то, что видела в гетто⁵⁸.

Как и в лодзинском, в варшавском гетто через несколько месяцев ситуация стала критической. Глава экономического отдела генерал-губернаторства подал Гансу Франку доклад, в котором проанализировал происходящее, после чего прямо спросил, является ли гетто в Варшаве частью плана по ликвидации всех евреев⁵⁹ или их решено на неопределенное время оставить в живых. Если речь идет о втором варианте, нужно найти работу как минимум для 60 000 евреев, чтобы после реализации произведенных ими товаров приобретать продукты не только для них, но и для всех остальных. Палфингер, как в свое время в Лодзи, пытался дискредитировать тех, кто утверждал, что евреям необходимо разрешить трудиться в массовом порядке, но и на этот раз отстоять свою точку зрения не смог. В апреле 1941 года он был освобожден от занимаемой должности. На место Палфингера Франк назначил Макса Бисхофа, поставив перед ним задачу наладить в гетто производство. В мае 1941 года главе юденрата варшавского гетто Адаму Чернякову сказали, что у немецкой администрации нет цели морить евреев голодом. Наоборот, скоро, если они организуют мастерские или если появятся заказы на рабочую силу, будет возможность увеличить рацион⁶⁰. А пока нужно как можно быстрее убрать трупы, лежащие на улицах.

Так или иначе, смертность от голода скоро снизилась, но продовольствия, чтобы накормить всех обитателей гетто, все равно не хватало. В июне 1941 года, через месяц после того, как немцы пообещали, что продуктов станет больше, Черняков писал в своем дневнике, что под его окнами собрались люди, которые стонут: «Хлеба, хлеба!.. Мы хотим есть...»⁶¹

В то время как евреи варшавского гетто умирали голодной смертью, в самой Германии разрабатывались планы, как уморить – в прямом смысле слова – еще миллионы человек, теперь уже в Советском Союзе. 2 мая 1941 года служба тылового обеспечения вермахта констатировала, что, поскольку всю наступающую немецкую армию придется кормить за счет занятых территорий, это означает, что, если фуражиры будут забирать все, что им требуется, десятки миллионов советских людей неизбежно умрут от голода⁶². Чуть позже, 23 мая, служба уточнила, что в Советском Союзе в результате реквизирувания продовольствия для нужд вермахта могут погибнуть от голода до 30 000 000 человек⁶³.

Плановый отдел службы тылового обеспечения немецкой армии делал свои расчеты, руководствуясь не в последнюю очередь идеологическими соображениями: экономисты уже подсчитали, сколько людей на восточных территориях станет «избыточными»⁶⁴. Какой будет польза от присоединения новых территорий, рассуждали нацисты, если одновременно с ними рейх приобретет миллионы дармоедов? При этом они – в первую очередь сам Гитлер и его ближайшее окружение – безусловно, понимали, что такая «логика» является прямым геноцидом. За несколько дней до нападения на Советский Союз Гиммлер, например, сказал товарищам по партии и по оружию, что целью русской кампании является «сокращение славянского населения на 30 000 000»⁶⁵.

Планы нацистов были беспредельно жестокими. В ходе войны с СССР они собирались уморить голодом больше людей, чем живут в Швеции, Норвегии и Бельгии вместе взятых⁶⁶. Эти намерения появились у национал-социалистов раньше, чем мысли о создании лагерей смерти для уничтожения евреев как народа. Конечно, сегодня мы можем спросить, кому вообще все это могло прийти в голову. Ответ очевиден – только расистам, абсолютно уверенным в своем праве, при том что расизмом во всем мире признается совокупность воззрений, в основе которых лежат положения о физической и умственной неравноценности человеческих рас и о решающем влиянии расовых различий на историю и культуру. Мы уже видели, что не только Гитлер, но и все его сподвижники, а значит, нацистское государство в целом, действо-

вали на основании «железного» правила – расовая ценность относительна. А уж относительно чего, решать будут они. Немецкие солдаты, которым предстояло воевать на советской территории, уж точно более ценные представители человеческого рода, чем те, в кого им придется там целиться. Славяне были расой, которую Гитлер считал прирожденными рабами⁶⁷. Более того, поскольку среди славян Советского Союза были коммунисты и в кармане многих советских евреев тоже лежал партбилет, это означало, что и ненавидеть их следует вдвойне – коммунистов-славян и коммунистов-евреев, а если кто-то из них окажется к тому же командиром РККА, то и втройне.

С точки зрения Гитлера, существовало и другое неопровержимое рациональное оправдание лишения жизни миллионов людей, обреченных на голодную смерть. «Земля не перестанет вращаться, – говорил он, – если человек убьет тигра или тигр сожрет человека. Более сильный утверждает свою волю, это закон природы. Мир не меняется, его законы вечны»⁶⁸. Для фюрера проявление гуманности являлось признаком слабости духа. Если человек чего-то желает, он должен все силы приложить к тому, чтобы это получить! Если он достаточно силен, чтобы отнять то, что ему хочется, у кого-то другого, значит, он этого заслуживает. И не о чем тут разговаривать! Все так называемые великие религиозные деятели и мыслители тратили свое время не на то, на что нужно было тратить.

30 марта 1941 года Гитлер еще раз сказал своим генералам, что грядущая война будет схваткой двух идеологий. Коммунизм представляет огромную опасность для будущего Германии. «Коммунист – не товарищ нашему солдату ни до сражения, ни после него! Это война на уничтожение. Если мы это не усвоим, то все равно, конечно, сможем победить врага, но через тридцать лет нам придется опять бороться с коммунистической угрозой». Фюрер призвал забыть в борьбе с Советским Союзом об общепринятых правилах ведения войны и потребовал уничтожения большевистских комиссаров и коммунистической интеллигенции⁶⁹. Сегодня нам ясно, что в представлениях Гитлера война на востоке должна была стать эпическим сражением за германское господство, эпохальным событием, о котором он мечтал многие годы.

Большинство генералов характеристику грядущего конфликта как войну на уничтожение не оспаривали. Правда, фельдмаршал фон Бок возразил против приказа расстреливать комиссаров на месте. Может, их все-таки брать в плен? Впрочем, фон Бока беспокоило только то, что на месте – значит, не дожидаясь айнзатцгрупп. Он полагал, что расстрел – это не солдатское дело.

Тем не менее 6 июня 1941 года, за две недели до начала войны против Советского Союза, Верховным командованием немецкой армии был издан приказ о комиссарах (*Kommissarbefehl*) – так официально называлась директива об обращении с политработниками Красной армии. Этот приказ предусматривал немедленный расстрел всех взятых в плен политработников как носителей сопротивления.

Многие немецкие офицеры были согласны с позицией генерал-полковника Эриха Гепнера, который еще 2 мая 1941 года, за месяц до официальной публикации приказа о комиссарах, сказал, что грядущая война станет исторической битвой германского народа против славянства, защитой европейской культуры от московско-азиатского наводнения, отпором еврейскому большевизму. «Целью этой битвы должно быть сокрушительное поражение современной России, и вести ее следует с беспрецедентной жестокостью. Любая военная операция от замысла до исполнения должна проводиться с железной волей безжалостно и безоговорочно уничтожить врага. В особенности не должно быть пощады сторонникам существующей русско-большевистской системы»⁷⁰.

Грядущая война на Востоке открывала нацистам новые возможности для решения зашедшей в тупик проблемы: куда депортировать евреев? 21 января 1941 года гауптштурмфюрер СС Теодор Даннекер, служивший в Париже, причем по рекомендации самого Эйхмана, услы-

шал, что с учетом пожеланий фюрера после войны окончательно решаться еврейский вопрос будет на территориях, подконтрольных Германии⁷¹, и разработка реализации этой «гигантской задачи» поручена Рейнхарду Гейдриху. Даннекер узнал, что, скорее всего, евреев вышлют в генерал-губернаторство, где они будут ожидать дальнейшей транспортировки в места, которые определятся позже⁷².

Гейдрих действительно получил указание продумать детали окончательного решения еврейского вопроса, но и это еще не было началом Холокоста. В то время словосочетание «окончательное решение» не имело того значения, которое приобрело позже. Гейдрих разрабатывал план не уничтожения евреев в газовых камерах, а перемещения их после завершения военной кампании на подконтрольные рейху территории. Напомним, что в начале войны уже была попытка сделать нечто подобное – тогда Эйхман предложил план «Ниско–Люблин», подразумевавший план депортации евреев из Германии и присоединенных к ней территорий в Люблинский округ оккупированной Польши. Гейдрих, в свою очередь, почти наверняка планировал отправить их еще дальше – на задворки новой нацистской империи, то есть захваченные территории Советского Союза.

Итак, Гейдрих разрабатывал первую версию окончательного решения еврейского вопроса, а Гиммлер тем временем обсуждал с Виктором Браком возможность другого его варианта – массовую стерилизацию. Гиммлер считал, что это можно сделать быстро, причем стерилизовать надо не только евреев, но и другие «контингенты». Выгода тут очевидна – подвергшиеся процедуре лишаются возможности производить потомство, а значит, не представляют расовой угрозы, а работать-то могут⁷³. Брак получил приказ изучить способы стерилизации. Как это проще сделать, да так, чтобы сами евреи, цыгане и прочие об этом не знали? 28 марта 1941 года Брак в записке, адресованной Гиммлеру, ответил на все вопросы, признав, что проблема непростая: «Полная стерилизация возможна только в том случае, если человека подвергнуть воздействию рентгеновского излучения в дозах, обеспечивающих бесплодие со всеми вытекающими из этого последствиями. Большие дозы действуют на половую сферу и женщин, и мужчин»⁷⁴. Чтобы не афишировать процедуру, Брак предложил «практический способ» ее проведения: люди, подлежащие стерилизации, подходят к стойке и в течение 2–3 минут заполняют какие-нибудь документы, в это время и можно включать рентгеновскую установку направленного действия. «При работе двух аппаратов, – докладывал Брак, – можно стерилизовать за день от 150 до 200 человек, а при работе двадцати таких аппаратов – от 3000 до 4000»⁷⁵. Как мы уже знаем, стерилизацией страдающих душевными расстройствами, неизлечимо больных, представителей асоциальных, по мнению нацистов, групп и даже детей из неблагополучных семей⁷⁶, которым, по мнению поборников чистоты расы, не следует иметь потомство, в Германии занимались с 1933 года, но предложение Брака предполагало кардинальное расширение этой программы. Впрочем, утверждено оно не было, хотя, как мы увидим позже, в Освенциме проводились эксперименты с «рентгеновской» стерилизацией.

«Исследование» Виктора Брака – не просто дополнительная информация о данном историческом моменте; оно показывает, что вожди Третьего рейха рассматривали не один и не два варианта потенциального решения «еврейского вопроса». Важно отметить, что все эти варианты – от мадагаскарского плана до создания гетто и массовой стерилизации, безусловно, являлись геноцидом. Евреям в результате стерилизации не угрожала массовая гибель, это правда, но подвергшиеся ей стали бы последним поколением своего народа. На Мадагаскаре евреи тоже бы скоро вымерли, потому что на территории острова нельзя было прокормить такое огромное население. И в гетто им грозила смерть, потому что обстановка там была ужасная, бесчеловечная, а детей нацисты считали лишними ртами. Что из этого должно было последовать, сомнений не вызывает...

Представьте ситуацию, которая сложилась бы, выбери Гитлер и его окружение один из этих способов вместо того, чтобы создавать лагеря смерти. Был ли бы мир возмущен до такой же степени? Называли ли бы один из этих вариантов истребления Холокостом? Возможно, и нет, потому что фабрики смерти, которые вскоре стали работать на востоке, представляют собой особый кошмар, особый ужас – хладнокровное механизированное моментальное уничтожение людей. Это преступление, символизирующее наихудшую кромешную крайность – край края – индустриальной эпохи. Во всяком случае, оно больше врезалось, вкопилось в память, чем массовые расстрелы, которые проводили в это же время нацистские убийцы на других восточных территориях. И тем не менее мы должны помнить, что лагеря смерти были лишь одним из способов, ведущих к тому же, что и все остальные потенциальные способы «окончательного решения еврейского вопроса», – уничтожению целого народа.

Весной 1941 года Адольфу Гитлеру пришлось на некоторое время переключить внимание с желанной войны на Востоке на события на Балканах, в результате чего до того, как части вермахта перешли границу СССР, под властью немцев неожиданно оказалось еще несколько тысяч евреев. Изначально проблему создала Югославия. Фюрер полагал, что эта страна решит присоединиться к Берлинскому пакту 1940 года, известному также как Пакт трех держав или Тройственный пакт, – международному договору, заключенному между главными державами гитлеровской коалиции, ведь его уже подписали Венгрия и Румыния, являющиеся союзницами Германии.

Гитлер хотел заручиться поддержкой Югославии, чтобы не думать о потенциальных неурядицах, которые могли бы возникнуть у него за спиной в тот момент, когда вермахт начнет боевые действия в СССР, и, наоборот, облегчить своим войскам запланированное нападение на Грецию, более раннее, чем полномасштабная война с Советами. После неудачи в октябре 1940 года итальянцев – тогда войска Муссолини начали вторжение из Албании и туда же отступили – немцы опасались контрудара союзников с территории Греции в то время, когда все их силы будут задействованы на Восточном фронте. Тем не менее в марте 1941 года Гитлеру пришлось довольствоваться тем, что было достигнуто лишь соглашение о невмешательстве Югославии в грядущий конфликт.

25 марта 1941 года премьер-министр королевства подписал с санкции князя Павла Карагеоргиевича венский протокол о присоединении Югославии к Тройственному пакту при нескольких условиях: никаких войск оси и транзита военных грузов на своей территории, уважение суверенитета и территориальной целостности Югославии, отсутствие военной помощи странам оси с ее стороны. И даже это вызвало в стране массовые демонстрации, а в ночь на 27 марта произошел государственный переворот, который совершила группа сербских офицеров. В результате пакт был расторгнут. Гитлер усмотрел в этом откровенное предательство и отдал приказ о немедленном вводе войск в Югославию. Об этом есть запись в дневнике Геббельса⁷⁷. Тем не менее передислокация войск означала отсрочку в запланированном на май нападении на Советский Союз.

6 апреля 1941 года началась военная операция Германии, Италии, Венгрии и объявившей в ходе конфликта независимость Хорватии против Югославии и в этот же день немецкие войска вторглись в Грецию. Закончилось все быстро: Югославия прекратила сопротивление меньше чем через две недели, материковая Греция была оккупирована к концу апреля. В итоге под контролем немцев оказались еще около 150 000 евреев...

В Югославии нацисты умело разжигали угли этнической напряженности, тлевшие сотни лет до того, как разные республики объединились в одну страну. Напомним, что Югославия появилась на политической карте мира в конце Первой мировой войны – тогда слились территория королевства Сербского и часть Австро-Венгерской империи. 10 апреля 1941 года при военной и политической поддержке стран оси и их союзников было создано Независимое государство Хорватия во главе с Анте Павеличем, являвшимся основателем и лидером усташей

– ультраправой националистической клерикальной организации. Павелич был убежденным расистом. Усташи утверждали, что хорваты вовсе не славяне, как сербы, у них германское происхождение, и править Хорватией могут только те, в ком течет истинно хорватская кровь. К 2 000 000 сербов – православным христианам – усташи испытывали жгучую ненависть. Жестокость и садизм, с которыми они обошлись с сербами (уничтожено было, по разным оценкам, от 300 000 до 500 000 человек), – военное преступление, которое требует пристального внимания. 40 000 евреев⁷⁸, живших в новой Хорватии, тоже не приходилось ждать ничего хорошего. Какие из них истинные хорваты? Кстати, еще в 1939 году одна из хорватских газет писала: «Евреи не хорваты и никогда не смогут стать хорватами, потому что по национальному сознанию они сионисты, по расе – семиты, их религия – иудейская... Вопрос к людям всего мира: как долго мы будем убивать друг друга в интересах евреев?.. Если уж нам суждено убивать друг друга, давайте сначала уьем евреев»⁷⁹.

30 апреля 1941 года был принят Закон о гражданстве, лишавший такового хорватских евреев. Через три недели, 23 мая, режим Павелича принял другой нормативный акт, обязывающий евреев носить на одежде желтую метку. Все предприятия, принадлежавшие хорватским евреям, были экспроприированы – чаще в пользу других хорватов, нежели в пользу государства, а еврейские юристы, врачи и представители ряда других профессий лишились работы. А после нападения Германии на Советский Союз стало еще хуже: 26 июня глава Независимого государства Хорватия обвинил евреев в спекуляции и отдал приказ заключить их в концентрационные лагеря.

Анте Павелич, несомненно, является ответственным за массовые убийства. Он считал, что «коммунизм и иудаизм действуют совместно против национального освобождения Хорватии»⁸⁰, но власть определять, кто является евреем, оставил за собой, то есть оказался не настолько идеологически стоек, как требовалось нацистам. Павелич ввел в оборот понятие «почетный ариец», чтобы дать возможность некоторым евреям избежать преследований. Мотивы для такого решения у хорватского диктатора, скорее всего, были своекорыстными – жена Павелича была дочерью еврея, и супруги некоторых его близких друзей тоже являлись еврейками.

В соседней Сербии немцы учредили военную администрацию, которой должно было содействовать местное марионеточное правительство. Общее военное командование находилось в руках генерала люфтваффе, а гражданское управление осуществлял группенфюрер СС Харальд Турнер, впоследствии участвовавший в уничтожении сербских евреев.

Ко времени немецкого вторжения в Югославию в Сербии проживали около 16 000 евреев, преимущественно в Белграде. Притеснения начались тут же. Немцы действовали по уже отработанному сценарию: издавая декреты, регламентирующие, кто является евреем, запрещали заниматься целым рядом профессий, требовали носить на одежде шестиконечную звезду, забирали мужчин на принудительные работы.

Большая часть того, что было довоенной Югославией, оказалась поглощена соседними странами – союзницами нацистов. Итальянцы заняли Южную Словению, часть хорватского побережья и Черногорию; Венгрия аннексировала кусок Сербии с Нови-Садом и территорией к северу; Болгария присоединила часть Македонии.

Греческая армия капитулировала. Часть ее солдат и офицеров, а также британские союзные войска эвакуировались на остров Крит. Грецию поделили Германия, Италия и Болгария. Итальянцы заняли подавляющую часть континентальной Греции, а также архипелаги Ионических и Кикладских островов. Немцы оккупировали Салоники, а болгары – большую часть Фракии и еще несколько районов Македонии. Нацисты начали арестовывать евреев. Огромная опасность грозила греческим евреям-коммунистам, но все-таки то, что происходило на территории Греции, несопоставимо по масштабам с тем, что творилось в Хорватии.

Поставив на колени Грецию и Югославию, Гитлер обезопасил себя с юга. Впрочем, есть основания полагать, что эти страны он предпочел бы не завоевывать – фюрер желал их видеть союзницами. К военной агрессии его вынудили государственный переворот в Югославии и неудача в Греции итальянцев, в результате чего в регионе появились войска союзников. Так или иначе, теперь все внимание Гитлера снова сосредоточилось на подготовке к нападению на СССР.

Установив контроль над этими территориями, Германия хотела сократить до минимально возможного участие своих вооруженных сил в усмирении местного населения. Что касается евреев в Греции и Югославии, они подверглись, как мы уже знаем, разного рода преследованиям уже весной 1941 года, однако в этом контексте важно помнить о масштабах. После завоевания Греции и Югославии под контролем немцев оказались еще 150 000 евреев, но это меньше половины от числа тех, кто находился в то время только в одном варшавском гетто, и лишь малая часть от числа тех, что жили в Советском Союзе.

Части вермахта разворачивались на границе с СССР, но Холокост начнется только в середине продекларированной фюрером войны на уничтожение на советской территории.

Глава 10

Война на уничтожение (1941)

22 июня 1941 года Германия начала крупнейшую наступательную военную операцию в мировой истории. Немецкие войска и части ее союзников общей численностью около 4 000 000 человек одновременно пересекли советскую границу и нанесли три мощнейших удара, изначально нацеленные на Ленинград, Смоленск и Киев. Гитлер мечтал об этом – начале борьбы за создание великой германской империи на Востоке – почти 20 лет.

За день до начала вторжения он написал письмо итальянскому диктатору Бенито Муссолини, в котором раскрывал свои планы. Тем не менее это послание полно недоговоренностей и лжи. В частности, Гитлер сетовал на то, что нападение на Советский Союз стало труднейшим решением в его жизни, хотя должно было стать одним из самых простых... А еще он написал, вопреки объективной реальности, что Англия уже проиграла войну. Впрочем, один пассаж письма заставляет задуматься. Гитлер признал, что после решения о нападении он почувствовал себя абсолютно духовно свободным¹. У вождя нацистов эта «духовная» свобода проявлялась в желании вести войну без каких-либо правил и уж точно без жалости к побежденным. «Фюрер говорит, что мы должны добиться победы любой ценой, – писал в своем дневнике Геббельс 16 июня 1941 года. – Нам в любом случае придется ответить за многое, но мы должны победить, потому что иначе весь наш народ... будет уничтожен»².

Даже при том, что планы немцев по грандиозности затмевали все, что было ранее, Гитлер и его генералы были настолько уверены в своем превосходстве, что надеялись за пару месяцев добраться до кавказской нефти, продвинувшись на восток почти на 2500 километров³. Захват советских нефтяных месторождений являлся лишь одной частью плана, который предполагал и завоевание огромных территорий, и экспроприацию на них запасов продовольствия. Что касается населения Советского Союза, нацисты, как мы уже знаем, намеревались уморить голодом десятки миллионов людей⁴.

Главным объектом ненависти Гитлера и его окружения были, как всегда, евреи. Для непосредственной борьбы с «еврейским большевизмом» в Главном управлении имперской безопасности, которым руководил Рейнхард Гейдрих, были созданы четыре специальных подразделения – те самые айнзатцгруппы – общей численностью 3000 человек из числа сотрудников СД и некоторых других служб. Айнзатцгруппы шли непосредственно за наступающими армейскими частями. В документе, датированном 2 июля 1941 года, Гейдрих дал этим подразделениям прямое указание расстреливать евреев, ранее состоявших на партийной (коммунистической) или государственной службе, а также прочих коммунистов. Кроме того, не следует предпринимать никаких мер, способных помешать любого рода чисткам, инициированным антикоммунистическими или антиеврейскими элементами на новых территориях. Напротив, их следует поощрять⁵. Айнзатцгруппы были не единственными отрядами, задействованными в так называемых зачистках за линией фронта. Гиммлер в своем приказе от 21 мая 1941 года определил, каким образом вслед за наступающими частями должны действовать на территории Советского Союза специальные подразделения полиции порядка и войска СС. При этом только в полиции порядка насчитывалось более 11 000 человек⁶, и ее сотрудники участвовали в «акциях» наряду с другими службами безопасности рейха.

Как осуществлялось на практике распоряжение Гейдриха айнзатцгруппам не препятствовать местным националистам «разбираться» с евреями, видно по действиям немцев, например,

в Каунасе. Части вермахта вошли в этот город, самый большой в Литве после Вильнюса, 24 июня, на третий день военных действий. Многие литовцы приветствовали немцев, потому что видели в них освободителей от сталинского режима. Советы оккупировали страну в июне 1940-го, а за год до этого вынудили литовцев согласиться с присутствием на своей территории частей Красной армии. После присоединения Литвы Кремль начал проводить безжалостную политику советизации страны. Несколько тысяч литовцев оказались в тюрьмах как враги народа. Земля была национализирована. Начались экономические трудности (в частности, потому, что советские оккупанты покупали литовские товары по искусственно заниженным ценам). В 1941 году, незадолго до прихода немцев, 17 000 литовцев были высланы в Сибирь⁷.

Литовцы во всех этих страданиях обвиняли не только советскую власть в целом, но и евреев в частности. «Многие литовские евреи заняли политические руководящие посты и стали служить в НКВД, – говорит Пятрас Зеленка, который позже верно служил немцам. – Рассказывали, что в большевистских застенках людей пытаются преимущественно евреи. Нашим преподавателям и профессорам они вкручивали в головы шурупы»⁸. Утверждение об особом садизме следователей НКВД – евреев выглядит спорным, но определенные основания полагать, что литовские евреи симпатизировали большевистскому режиму, есть. Многие из них были довольны вхождением Литвы в состав СССР. Они ведь знали, что в Советском Союзе снят ряд ограничений, наложенных на евреев при власти монархии. Да, некоторые литовские евреи смогли занять должности в местной администрации и структурах сил безопасности, но тысячи их, как и литовцев, отказались принять советское гражданство и попали в исправительно-трудовые лагеря⁹.

Разумеется, с советскими оккупантами сотрудничали и многие литовцы, и, когда в Прибалтике появились немецкие войска, этим коллаборационистам было выгодно поставить под удар евреев. Обвиняя других, они надеялись отвлечь внимание от себя, намеревались «откупиться еврейской кровью»¹⁰. Евреи стали козлами отпущения не в первый и не в последний раз в истории.

Итак, 25 июня 1941 года, на следующий день после того, как немцы вступили в Каунас, местные националисты напали на литовских евреев и совершили в центре города ряд кровавых убийств. Группа литовцев с повязками на рукавах, вооруженных винтовками, согнала во двор от 40 до 50 евреев. Среди свидетелей того, что произошло дальше, был Вильгельм Гунзилиус, служащий разведывательного отделения немецких люфтваффе. «Кто-то выволок одного еврея из толпы и ударил его ломом. Тот рухнул на асфальт и получил еще один удар ломом по голове»¹¹. Остальных евреев убили точно так же: «К экзекутору подводили евреев, и он одним или несколькими ударами по затылку убивал их»¹². У Гунзилиуса был с собой фотоаппарат, и он сделал несколько снимков. На них видно, что убийства происходили перед большой группой гражданских лиц и немецких военнослужащих. «Поведение местных жителей, – говорит Гунзилиус, – среди которых были и женщины с детьми, показалось нам непостижимым. После каждого удара ломом они аплодировали»¹³.

Вера Силкинайте, литовка, которой в то время было 16 лет, тоже видела эти убийства и запомнила, как в толпе всякий раз, когда палач раскраивал жертве череп, орали: «Бей евреев!» Какой-то соотечественник Веры даже поднял своего ребенка повыше, чтобы тому было лучше видно. «Каким человеком он [этот ребенок] мог вырасти? – задается вопросом Вера. – Если, конечно, был в состоянии понять, что происходит... И что можно было ожидать от людей, которые одобрительно кричали? Это же все равно, как если бы они вышли вперед и сами приняли участие в убийствах». Потрясенная увиденным, Вера убежала. «Мне было стыдно, – рассказывает она. – Я села и стала думать: “Боже милостивый, я слышала, что в домах евреев бьют стекла и все такое... Это как-то можно понять, но столь страшное злодейство!.. Убивать

беспомощных...»¹⁴ А во дворе после того, как всех евреев убили, палач, орудовавший ломом, отложил его в сторону и взял в руки аккордеон. Он взобрался на гору трупов и заиграл литовский национальный гимн¹⁵.

Командиром айнзатцгруппы А, которая действовала в зоне наступления группы армий «Север» (Литва, Латвия, Эстония, Ленинградская и Новгородская области), был бригаденфюрер СС и генерал-майор полиции Вальтер Шталекер, кстати, доктор юриспруденции. Вот что сказано в одном из его докладов в Берлин: «...мы побуждаем местных жителей, настроенных против евреев, участвовать в погромах... Необходимо создавать впечатление, что местное население добровольно предпринимает такие действия – это словно реакция на угнетение со стороны евреев и на недавний коммунистический террор... Задача полиции и служб безопасности – направлять все это в нужное русло, чтобы поставленная задача ликвидации евреев была решена в кратчайшие сроки»¹⁶.

Свобода действий, которую определили для себя исполнители на местах, выполняя инструкцию Гейдриха – убивать всех евреев, ранее состоявших на партийной или государственной службе, и масштабы «акций» у разных айнзатцгрупп, неодинаковы. Это очередной пример того, что на данной стадии «окончательного решения еврейского вопроса» предельно жесткие и однозначные распоряжения давались далеко не всегда. Напротив, инициатива на местах подчас снова во всем превосходила неопределенные указания сверху. Тем не менее руководящий принцип у всех командиров айнзатцгрупп был один: чем больше трупов, тем лучше. Недостаточная статистика или, хуже того, проявление милосердия могли означать только одно – пренебрежение своим долгом. Гиммлер и Гейдрих, посетив Гродно – город, расположенный в 150 километрах от Каунаса, высказались предельно откровенно: убитых евреев недостаточно. Они составляют более трети населения Гродно, а убиты только 96¹⁷. Айнзатцгруппе IX нужно работать лучше.

Вскоре после кровавой бойни в Каунасе свою готовность к решению поставленной задачи продемонстрировали румыны. Румынских евреев, как и литовских, тоже часто обвиняли в симпатиях к Советам, что стало формальным поводом для начала преследований. К тому же правительство Румынии, возглавляемое маршалом Йоном Антонеску, изначально было агрессивно антисемитским.

Румыны, союзники немцев, участвовали в боевых действиях против СССР с самого начала. Части румынской армии 22 июня одновременно с соединениями вермахта вторглись на советскую территорию и действовали при этом в том числе в интересах собственного государства, ведь в 1940 году Советский Союз оккупировал Бессарабию и другие румынские территории на востоке страны. Теперь у маршала Антонеску был шанс получить отобранные земли обратно.

Йон Антонеску ни минуты не сомневался в том, что Гитлер победит Сталина. На встрече с фюрером 12 июня 1941 года он сказал: «Наполеону и даже Германии в 1917-м приходилось бороться с проблемой огромных пространств, но сейчас техника в воздухе и на земле уничтожила пространство как союзника русских»¹⁸.

Первым признаком того, что румынские власти в ходе вторжения решили уничтожить евреев, стали кровавые события конца июня в Яссах – городе на востоке страны. Сначала распространился слух, что 45 000 евреев – жителей Ясс и пригородов – каким-то образом помогают русским¹⁹. В ночь с 28 на 29 июня толпы румын, в числе которых были сотрудники полиции, члены антисемитской организации «Железная гвардия» и обычные граждане, устроили в городе погром, в результате которого погибло много евреев. Немцы помогами советами – их местным националистам давал майор Герман фон Странски, женатый на румынке и хорошо знавший страну.

Один из самых уважаемых членов еврейской общины в Яссах рассказывал обо всем этом так: «...помню толпу, бегущую в полном хаосе, выстрелы из винтовок и автоматов. Меня ранило двумя пулями, я упал на мостовую и пролежал там несколько часов. Рядом со мной умирали знакомые и незнакомые люди... Я увидел старика-еврея, инвалида войны 1916–1918 годов, с медалью “За мужество и веру” на груди. Он нес с собой бумаги, официально избавляющие его от антисемитских преследований. Пуля пробила старику грудную клетку, он доживал свои последние минуты на куче мусора, как собака. Дальше лежал сын торговца кожами, он умирал и рыдал: “Мама, папа, где вы?.. Дайте воды, я хочу пить...” Солдаты проткнули его штыками...»²⁰ Когда утром 30 июня Влад Мариевичи из городской службы уборки мусора приехал на своем грузовике к полицейскому участку, он увидел гору трупов, сваленных, как бревна. Машина не смогла въехать во двор. Убитых евреев оказалось так много, что вся площадка была залита кровью, ручьи растеклись до ворот²¹.

В результате погрома в городе погибли минимум 4000 евреев, хотя, по некоторым оценкам, жертв могло быть и 8000²². Еще 5000 евреев загнали в два железнодорожных состава и вывезли из города. В битком набитых товарных вагонах было нечем дышать. Румынские охранники не давали узникам даже воды, и скоро жажда стала невыносимой. Натан Гольдштейн, еврей из Ясс, видел, что произошло, когда поезд остановился около реки Бахлуй. «Мальчишка лет одиннадцати выпрыгнул из вагона, чтобы добраться до воды, но охранник выстрелил в него, целясь в ноги. Мальчик кричал: “Воды, воды!” Второй охранник схватил его за ногу и заорал: “Хочешь воды? На, пей, сколько влезет!” – сунул головой в реку и держал так, пока тот не захлебнулся. Потом охранник оттолкнул труп»²³.

Бойня в Яссах стала своего рода прологом. Во время войны с СССР на бывшей румынской территории Бессарабии и Северной Буковины были убиты более 100 000 евреев. При этом румыны проявляли такую жестокость, что даже у немцев это подчас вызывало недоумение. Есть свидетельства недовольства генерала фон Шоберта и даже командира айнзатцгруппы 10А²⁴. Важно отметить, что основной удар пришелся на евреев, живших на территориях, только что «освобожденных» от власти Советов: в этом случае для убийц одним из главных факторов была осознаваемая ими связь между евреями и большевизмом.

Начало военных действий против Советского Союза имело последствия и для деятельности концентрационных лагерей. Вернее, война стала их новым этапом. 2 июля 1941 года Гейдрих подписал директиву для айнзатцгрупп, действовавших непосредственно за линией фронта: всех комиссаров – советских политработников надлежит уничтожать немедленно. Конечно, не каждого комиссара можно было идентифицировать сразу после пленения. Кто они такие, порой выяснялось уже после того, как политработники оказывались в лагерях для военнопленных, далеко от территории действия айнзатцгрупп. Перед нацистами встал вопрос: как наиболее эффективно расправиться с комиссарами, выявленными среди сотен тысяч советских военнопленных? Они его решили – в концентрационных лагерях началась акция под кодовым названием 14f14.

В июле 1941 года в Освенцим были переправлены несколько сотен советских политработников. Казимир Альбин, польский заключенный этого лагеря, вспоминает, что они были в форме, но не в обычной солдатской, а в офицерской, сильно изорванной. «Все эти люди были небриты и чрезвычайно измождены. У меня сложилось впечатление, что они находились в очень тяжелых условиях. И выглядели они не как простые солдаты, они выглядели как люди с образованием»²⁵. Трудиться их отправили в гравийный карьер рядом с главными воротами. «Их постоянно избивали, – свидетельствует Казимир Смольский, еще один польский заключенный. – Все время слышались крики. Кричали эсэсовцы, кричали капо, кричали сами узники»²⁶. Работали в карьере с раннего утра до поздней ночи без передышки. Если чьи-то движения замедлялись, человека жестоко избивали или вообще могли застрелить. «Через

несколько дней, – говорит Смолень, – им приходил конец. Они умирали в страшных муках. Это было как в фильме ужасов, но такой фильм никогда не покажут».

Советских комиссаров отправляли и в другие концентрационные лагеря, и там охранники изобретали свои собственные способы выполнения директивы РСХА. В Заксенхаузене эсэсовцы, например, сначала заводили прибывших к ним политработников Красной армии в специально оборудованный барак и приказывали раздеться, якобы для медицинского освидетельствования. Потом обнаженных людей по одному вводили в помещение, похожее на кабинет врача. Их бегло осматривал эсэсовец в белом халате – на самом деле его интересовало исключительно наличие золотых коронок. Затем приказывали идти в другой кабинет и встать к ростомеру. В этот момент в стене открывалось окошко, и из него производился выстрел в затылок. Капо оттащивали тело, быстро смывали кровь, и тут же на пороге появлялась следующая жертва. Чтобы заглушить звуки выстрелов, на этом конвейере смерти во время его работы звучала громкая музыка.

На уничтожение одного человека у эсэсовцев уходило несколько минут. В 1941 году за десять недель так были умерщвлены тысячи советских военнопленных²⁷. Конечно, узники Заксенхаузена обо всем этом знали. После войны была обнаружена записка одного из них, датированная 19 сентября 1941 года: «Только что стало известно, что в лагерь привезли еще 400 солдат и офицеров Красной армии. Мы все под тяжелым впечатлением от того, что с ними происходит. Уже погибли больше тысячи человек. Мы ничем им не можем помочь...»²⁸

Одновременно с истреблением советских комиссаров в концентрационных лагерях началась акция 14f13, подразумевающая умерщвление тех, кто уже не мог работать. Таких заключенных переправляли в центры эвтаназии. Вечером 28 июля 1941 года около 500 еле живых узников Освенцима погрузили в состав, следующий в Дрезден. Охранники цинично сказали, что им предписано укрепление здоровья. «У людей появилась надежда, – вспоминает Казимир Смолень, который был свидетелем всего этого. – Поистине надежда умирает последней...»²⁹ Заключенных доставили в Зонненштайн и отправили в газовую камеру. Это были первые узники Освенцима, отравленные угарным газом. Выбрали их не потому, что они являлись евреями, а потому что были истощенными и не имели сил, чтобы работать дальше, и погибли эти несчастные не в Польше, а в Германии.

Спустя несколько дней, в августе 1941 года, программа Т-4 оказалась под угрозой. С резким осуждением практики эвтаназии выступил Клеменс фон Гален, епископ Мюнстера, и это, безусловно, одно из самых известных проявлений сопротивления в истории Третьего рейха. В своей проповеди, прочитанной в мюнстерском кафедральном соборе, фон Гален сказал: «Мы уже несколько месяцев получаем сведения, что из психиатрических больниц и домов призрения по приказу из Берлина в принудительном порядке увозят душевнобольных пациентов, которые страдают своим недугом уже долгое время и, возможно, представляются неизлечимыми. Как правило, вскоре после этого родственники больного получают извещение, что он скончался, тело кремировано, и они могут забрать прах. В обществе царит практически полная уверенность, что эти многочисленные случаи внезапной смерти душевнобольных происходят не сами по себе, а в результате умышленного убийства. Таким образом реализуется концепция, что можно прерывать так называемую неценную жизнь, то есть убивать ни в чем не повинных людей, если считается, что их жизнь больше не представляет ценности для народа и государства»³⁰. Епископ страстно восклицал: «Здесь речь не о машинах, не о лошади или корове, чье единственное предназначение – служить человеку, производить для него товары! Это машины можно сломать, это животных можно пустить под нож, если они больше не выполняют свое предназначение. Нет, речь о людях, о наших ближних, наших братьях и сестрах! О бедных людях, о больных людях, если угодно, о непродуктивных людях. Но разве они из-за

этого лишились права на жизнь?»² Клеменс фон Гален говорил, что, если данные принципы будут признаны законными, это приведет к массовым умерщвлениям инвалидов и, что имеет особое значение в связи с кровопролитными боями на востоке, даже храбрых солдат, которые возвращаются домой искалеченными.

Время для подобного заявления служителя церкви было крайне неудобное, ведь не так давно, тоже в 1941-м, гауляйтер Мюнхена – Верхней Баварии Адольф Вагнер распорядился убрать из школ распятия на всей подконтрольной ему территории. Из Берлина таких указаний не поступало, так что Вагнер мог действовать и по собственной инициативе, хотя в высшем руководстве нацистской партии его нападки на церковь протестов никогда не вызывали. В июне 1941 года, спустя несколько недель после инициативы Вагнера, Мартин Борман, начальник партийной канцелярии НСДАП, разослал всем гауляйтерам инструкцию, в которой подчеркнул, как важно не допускать избыточного влияния церкви в обществе. И Вагнер, и Борман не скрывали свое критическое отношение к догматам веры, и возможно, что Борман в желании противопоставить религиозным силам партийные неправильно истолковал какое-нибудь мимолетное замечание Гитлера как сигнал к действиям³¹.

Какими бы ни были причины решения снять распятия со стен баварских школ, оно оказалось серьезной тактической ошибкой нацистов. Баварцы, многие из которых были ревностными католиками, выступили с массовыми протестами. Были петиции, демонстрации и народные собрания. В письмах своим мужьям и сыновьям на фронт баварки рассказывали, что происходит дома. «Разумеется, нас это разозлило! – говорит Эмиль Кляйн, член НСДАП, принимавший участие в пивном путче 1923 года, в то время сражавшийся на Восточном фронте. – Мы тут лежим в окопах и вдруг узнаем, что дома, в Баварии, в школах снимают распятия. Нас это сильно рассердило!»³²

Позволить себе утратить поддержку старых, проверенных членов партии, таких как тот же Кляйн, Гитлер, разумеется, не мог. Распоряжение Вагнера было отменено. Вождь нации в очередной раз сделал вид, что ничего не знает об инициативах некоторых своих подчиненных – это было распространенное среди обывателей мнение. «Вы носите коричневые рубашки, – говорилось в одном из анонимных писем протеста, направленных в местное отделение НСДАП, – но на самом деле вы, наверное, большевики и евреи. Иначе вы не стали бы так поступать за спиной фюрера!»³³

Проповедь фон Галена, осуждающая эвтаназию, стала для высшего нацистского руководства большой проблемой. Борман вообще выступал за то, чтобы повесить мятежного епископа, но против этого решения высказался Геббельс – казнь придаст фон Галену ореол мученика и вызовет недовольство среди католиков как в Германии, так и за ее пределами.

24 августа 1941 года Гитлер распорядился остановить реализацию программы Т-4. Это не означает, что умерщвления инвалидов, неизлечимо больных, а также «асоциальных элементов» прекратились; на отдельных «объектах» их продолжали морить голодом и делать им смертельные инъекции, но газовые камеры использовались по своему прямому назначению значительно реже, чем раньше. Словом, без работы уже накопившие достаточно опыта в массовых убийствах Кристиан Вирт, Ирмфрид Эберль и другие апологеты эвтаназии не остались, но ее стало значительно меньше. Впрочем, их «таланты» вскоре снова окажутся востребованы.

Трудно сказать, что стало главной причиной притормаживания программы Т-4: выступление фон Галена или то, что у руководства НСДАП уже был повод задуматься о моральном состоянии населения – авиация союзников бомбила немецкие города, да и других неприятностей хватало³⁴. Во всяком случае, святой отец не только продемонстрировал личное мужество, но и показал возможность открытого сопротивления в Третьем рейхе. Это, в свою очередь, под-

² Перевод с немецкого Евгения Розенблюма. *Folia Petropolitana*. 2014. N. 1. P. 85–92. – *Примеч. ред.*

водит нас к очевидному вопросу: почему ничего подобного не сказали об отношении к евреям епископ фон Гален в частности и немецкое общество в целом? Дело не только в антисемитизме большинства населения и не в том, что католическая церковь в Германии дистанцировалась от преследования евреев, опасаясь неприятных последствий для себя самой. Дело в том, что многие граждане Германии о преследованиях евреев уже и не думали. К этому времени те были почти полностью изолированы – жили в специально выделенных для них домах, их дети посещали «свои» школы. С другой стороны, родные и близкие большинства немцев служили в армии, сейчас воевали, а значит, рисковали получить увечье, то есть эвтаназия могла стать их проблемой. Неужели солдаты, получившие тяжелые ранения в бою и ставшие инвалидами, потом будут лишены жизни их собственным государством?!

Гитлер понимал, что многие члены НСДАП выросли, что называется, в лоне христианской церкви. Эмиль Кляйн, например, являлся ревностным католиком и убежденным национал-социалистом. Было бы необдуманно и даже, пожалуй, опасно заставлять его делать выбор между этими двумя верами. В том, что касается отношения к евреям, у руководителей нацистской партии таких проблем не возникало. Кто из солдат на передовой или родственников евреев в Германии переживал за них так, чтобы выступать против того, как с ними обращались?

А между тем эти самые солдаты, похоже, уже были близки к победе над СССР. К концу июня в руках немцев оказался Минск – столица Белорусской Советской Социалистической Республики. В плен попали около 300 000 солдат и офицеров Красной армии. На пятый день войны немецкие танки прошли уже почти треть расстояния до Москвы. Это было не только крупнейшим наступлением в истории, оно оказалось и самым стремительным. Гитлер купался в лучах славы своих соратников – по партии и по оружию. Именно в те дни он сказал: «Тем, кто спрашивает у меня, достаточно ли нам дойти до Урала как до границы, я отвечаю, что в настоящее время продвинуть границу на такое расстояние будет разумно. Важнее другое: большевизм должен быть уничтожен»³⁵. Относительно самой Москвы планы у нацистов были простые – этот город должен исчезнуть с лица земли. Через десять дней, 16 июля, фюрер на совещании со своим ближайшим окружением, включая Геринга, Бормана и Розенберга, заявил, что намерен быстро навести порядок на восточных территориях, используя для этого все необходимые меры, такие как переселение и, конечно, смертная казнь. Любого, кто косо посмотрит на немцев, следует расстрелять³⁶.

Вскоре после этой встречи Гиммлер распорядился увеличить численность служб безопасности, участвующих в массовых умерщвлениях евреев на территории Советского Союза. Теперь заниматься этим предстояло 16 000 человек, преимущественно служащих в войсках СС. Гиммлер не был на том совещании, где Гитлер говорил о наведении порядка с использованием всех «необходимых мер», но тем не менее отреагировал именно так, как от него ожидали. На протяжении следующих недель он проинспектировал зондеркоманды, действующие непосредственно за линией фронта. Примечательно, что визиты рейхсфюрера СС часто совпадали не только с увеличением числа убитых, но и с расширением категорий контингентов, подлежащих уничтожению. Летом и в начале осени 1941 года наряду с мужчинами-евреями стали убивать женщин и детей. Нацисты уже перестали делать вид, что умерщвляют только тех, кто представляет потенциальную угрозу их власти.

Сколь бы чудовищным ни казалось все это нам сегодня, расширение масштабов «акций», включая уничтожение евреев и их детей, не было для гитлеровского режима главной идеологической задачей. Немцы уже согласились с тем, что ведут войну на уничтожение. Перед немецкой армией, как мы уже знаем, была поставлена задача реквизировать необходимое продовольствие у местного населения, и солдаты не могли не понимать, что обрекают этих людей на голодную смерть. 24 июня, через два дня после начала боевых действий на территории СССР, Гиммлер дал указание начальнику планового отдела главного штабного управления СС

Конраду Мейеру разработать генеральный план «Ост» – обширную программу закрепления господства Третьего рейха в Восточной Европе, предусматривающую принудительное выселение из Польши и оккупированных областей СССР до 85 процентов населения. Реализация этого плана неизбежно влекла за собой гибель миллионов мужчин, женщин и детей, но Гиммлер вынес свой вердикт еще до начала восточной кампании: «Это вопрос существования. Соответственно, это будет расовая битва, беспощадно жестокая»³⁷.

По мнению нацистов, существовало и практическое основание для уничтожения еврейских женщин и детей на территории Советского Союза. Многие еврейки уже потеряли своих кормильцев и, таким образом, оказывались обречены на медленную смерть от голода. С точки зрения вождей Третьего рейха наверняка было бы гуманнее сделать эту смерть быстрой. Между тем в Польше 16 июля – в тот самый день, когда Гитлер говорил о наведении порядка на востоке, штурмбаннфюрер СС Рольф Хайнц Хеппнер подал докладную записку на имя Адольфа Эйхмана. Речь в ней шла о ситуации в Вартегау. Хеппер писал: «Существует опасность, что этой зимой мы больше не сможем прокормить всех евреев. Имеет смысл честно взвесить все за и против и подумать, не было ли бы более гуманным решением просто уничтожить всех тех, кто не способен работать, с помощью какого-либо быстродействующего средства. В любом случае это милосерднее, чем ждать, пока евреи вымрут от голода»³⁸.

Тем не менее абстрактно размышлять о расширении масштабов программы – одно дело, а стоять в нескольких метрах от обнаженных еврейских женщин и детей и нажимать на спуск, как это делали эсэсовцы, – совсем другое. И все-таки они нажимали: летом и осенью 1941 года тысячи военнослужащих частей СС впервые расстреливали людей именно так. В частности, в начале августа 1-я пехотная бригада СС принимала участие в расстреле евреев в местечке Острог на Западной Украине. Острог был преимущественно еврейским городком – там жили 10 000 евреев, но после начала военных действий их стало на несколько тысяч больше за счет беженцев с прилегающих территорий. 4 августа эсэсовцы вывели евреев за пределы Острога. «Они обращались с нами как с животными, – говорит Василь Вальдман, которому в то время было 12 лет. – Солдаты были вооружены и шли с собаками. Они заставили сильных мужчин нести больных. Бородатых немцы избивали, потому что считали их раввинами. У многих лица были разбиты в кровь... Люди громко кричали, я помню слова: “Они избивают нас! Избивают, как скот!”»³⁹

Когда колонна достигла края большого поля, эсэсовцы приказали евреям сесть. Потом немцы сказали, что они будут рыть укрепления, но вскоре стало ясно, что их собираются убить. «Мы смотрели на родителей, – говорит Василь, – и, когда увидели, что мама и бабушка плачут, поняли, что нас ждет что-то ужасное».

Евреи провели несколько часов под палящим солнцем. Потом, группе за группой, им велели раздеваться. У них забрали все ценности, стали сгонять к выкопанным ямам и расстреливать. Провести «акцию» за один день эсэсовцы не успели, поэтому вечером оставшихся евреев построили в колонну и вернули в город. На следующий день расстрелы возобновились и продолжались до тех пор, пока военный комендант Острога не сказал, что оставшиеся евреи нужны ему как рабочая сила⁴⁰. Нацисты убили почти всю семью Василя – отца, двух братьев, двух дядей, бабушку и дедушку. Самого Василя и его мать спрятали соседи – не евреи. Они пережили войну. «Наши соседи пошли на риск, чтобы мы остались живы, – говорит Василь. – Никто не сказал немцам, где мы прячемся».

«В Остроге у украинцев и евреев не было разногласий, – вспоминает украинец Олексий Милевич, которому, когда пришли немцы, было 17 лет. – То, что сделали нацисты с евреями, невозможно простить. Я не чувствовал, что чем-то отличаюсь от евреев. Я понимал, что следующими в очереди можем стать мы». Юноша знал, что его семье грозит голод, потому что у них «реквизировали» все продукты. «Немецкие солдаты забрали всю пшеницу... И коров забрали.

Они были врагами всего народа и вели себя как звери»⁴¹. Конечно, местное население ничего не знало о планах нацистов кормить свои вооруженные силы за их счет, но семье Милевича, как и всем остальным, пришлось питаться крохами, которые они могли где-то добыть...

Да, Василя Вальдмана и его мать укрыли соседи-украинцы, но так повезло немногим. На Украине мало кто поддерживал евреев. Известно много случаев, когда украинцы, что называется, извлекали свою выгоду. Например, в Горохове, расположенном в 90 километрах южнее Острога, местные жители выстраивались в очередь, чтобы скупать имущество убитых евреев по бросовым ценам⁴². Во Львове в конце июня 1941 года на улицах можно было увидеть ужасающие сцены; украинцы приняли участие в убийстве около 4000 евреев⁴³. Погром начался сразу после того, как стало известно, что сотрудники НКВД, перед тем как Красная армия оставила город, расстреляли несколько тысяч человек, содержащихся в тюрьмах.

Поощряемые нацистами погромы, подобные тем, что произошли во Львове и Каунасе, – исторический факт. По оценкам некоторых специалистов, на оккупированных территориях Советского Союза произошло как минимум 60 погромов⁴⁴, но большинство евреев летом и осенью 1941 года были убиты во время акций, подобной той, что произошла в Остроге. Людей просто расстреливали в упор. Ганс Фридрих, этнический немец из Румынии, служивший в 1-й пехотной бригаде СС, принимал в этом участие. Он утверждает, что отсутствие личного сочувствия – на самом деле их общая ненависть к евреям – стало результатом того, что раньше евреи вредили его семье, слишком дешево покупая скот у них на ферме. Лозунг той войны, как говорит Фридрих, был «Против коммунистов!», а поскольку между евреями и большевизмом связь прямая, он воспринимал преследование евреев как совершенно естественный процесс, тем более что Советский Союз можно считать лишь наполовину цивилизованной страной⁴⁵.

Особенно рьяно местные жители помогали айнзатцгруппам и всем их структурам, в частности зондеркомандам, в Прибалтике. Они участвовали в расстрелах евреев. Тот же Пятрас Зеленка служил в литовском подразделении, которое часто выезжало на акции. Зеленка не раз говорил, что это была месть за своих – евреи мучили литовцев во время советской оккупации страны. «Нам рассказывали, что они делали, как они убивали моих соотечественников, даже женщин»⁴⁶. Кроме того, он не скрывал, что его соратники пользовались возможностью поживиться за счет евреев. Алчность бывает мотивом преступлений не реже, чем идеологические убеждения...

Один из известных литовских историков выделил пять побудительных факторов, способствовавших такой звериной жестокости и даже участию в массовых убийствах. Это месть тем, кто якобы помогал советскому режиму в угнетении населения присоединенных территорий, искупление (желание показать свою лояльность немцам после сотрудничества с большевиками), антисемитизм, оппортунизм (желание быстро адаптироваться к новой власти) и обогащение⁴⁷. Можно предположить, что у Зеленки были четыре стимула из этого черного списка. Исключить из него можно только второй – искупление.

Есть и еще один побудительный фактор, не упомянутый в этом перечне, которым почти наверняка руководствовались и Пятрас Зеленка, и Ганс Фридрих, и многие другие. Это садизм. Даже спустя много лет после окончания войны – беседа с Зеленкой состоялась в 1996-м, а с Фридрихом на восемь лет позже – ни тот ни другой не выражали раскаяния в своих действиях и рассказывали об акциях совершенно спокойно. Фридрих, к примеру, заметил, что евреи были настолько потрясенные, испуганные и оцепеневшие, что с ними можно было делать что угодно⁴⁸, а Зеленка признался, что ему было даже любопытно, когда он убивал детей: «Нажимаешь на спуск, раздается выстрел – и все»⁴⁹.

Подразделение Зеленки также участвовало в акциях, проводимых в Седьмом форте в Каунасе – в июне–июле 1941 года там было убито несколько тысяч человек, причем акции

сопровождались диким садизмом, в том числе сексуальным. «Литовские бандиты выбирали женщин: молодых, красивых, – писал в своем дневнике Авраам Тори. – Сначала они их насиловали, потом мучили и, наконец, убивали. Они называли это “пойти чистить картошку”»⁵⁰. Пятрас Зеленка говорит, что лично в тех конкретных акциях не участвовал. Но сколько было других...

Извращенное удовольствие, которое получали некоторые члены айнзатцгрупп во время участия в акциях, было очевидно для окружающих. «В зондеркоманде служили несколько страшных садистов, – говорил Альфред Метцнер, водитель и переводчик. – Они, например, для развлечения стреляли беременным женщинам в животы... Перед расстрелом евреев заставляли раздеваться донага и проверяли у них анус и половые органы – искали драгоценности...»⁵¹

Украинская еврейка Дина Проницева, которой удалось избежать страшной участи, свидетельствует, что некоторые немецкие убийцы с удовольствием делали то, что даже их идеология считала расовым преступлением: «Человек семь немцев привели на противоположный склон оврага двух молодых евреек. Они спустились на дно, выбрали ровное место и стали по очереди их насиловать. Когда все “удовлетворились”, этих женщин закололи штыками и оставили тела лежать так, с широко раздвинутыми ногами»⁵².

Садизм не был отличительной чертой эсэсовцев – среди военнослужащих вермахта извергов тоже хватало. Адольф Бюхнер, служивший в саперном батальоне СС, признает, что многие его соотечественники получали удовольствие, физическое и психологическое, измываясь над жителями оккупированных территорий СССР. «Среди них были настоящие ублюдки, – говорит Бюхнер. – Они заставляли крестьян раздеваться донага, а потом убивали... среди наших встречались такие, кому это нравилось. Они были довольны тем, что имеют возможность всем этим заниматься... Зачем было нужно, к примеру, убивать детей на глазах у матерей, а после этого убивать самих женщин? Такое бывало. Это садизм. Были офицеры, которые получали от этого удовольствие. Им нравились всякие садистские штучки, нравилось слушать, как кричат женщины и дети, они наслаждались этим. На мой взгляд, это просто нелюди»⁵³.

Вальтеру Фернау, который служил в 14-й истребительно-противотанковой роте, причина таких злодеяний ясна. «Если дать человеку оружие и власть над людьми, – говорит он, – и к тому же позволить ему не ограничивать себя в спиртном, он запросто может стать убийцей». Немецким солдатам на Восточном фронте случалось, как говорит Фернау, быть жестокими, особенно после того, как началась партизанская война: «Тогда любого встречного, заподозренного в связи с партизанами, сразу же убивали». А еще одним компонентом этого страшного коктейля эмоций был, как свидетельствует Фернау, сам страх – страх тех, кто вроде бы побеждал. «Вы не поверите, что значит по-настоящему бояться, – признается ветеран Второй мировой. – Когда я разговариваю с нынешней молодежью... о войне или еще о чем, всегда говорю, как мне было страшно»⁵⁴.

Сталин сказал, что в захваченных врагом районах необходимо создавать невыносимые условия для него и всех его пособников, еще 3 июля 1941 года, выступая по радио⁵⁵. Немцы советского вождя тоже слышали – они восприняли это так, что все граждане СССР, находящиеся на оккупированной вермахтом территории, становятся потенциальными партизанами. Кроме того, нацистская пропаганда не переставая твердила, что евреи за линией фронта представляют огромную опасность, поэтому немецкие солдаты и офицеры органично соединили партизан и евреев в одно целое. Наверное, 20 ноября 1941 года генерал Эрих фон Манштейн, командующий 11-й армией, подписывая очередной приказ, руководствовался именно этим. В его директиве, в частности, было сказано: «Еврейство является посредником между врагом в тылу и продолжающими сопротивление остатками Красной армии и ее руководителями». В этом же приказе Манштейн подчеркнул расовый характер войны: «...еврейско-большеви-

скую систему надлежит уничтожить раз и навсегда. Она больше никогда не должна появиться на нашем европейском жизненном пространстве. Таким образом, перед немецкими солдатами стоит задача не только истребить силовые инструменты этой системы. Они идут в бой как носители расовой идеи и как мстители за все злодеяния, совершенные против них и против всего немецкого народа»⁵⁶.

Командиры некоторых немецких частей издавали для своих солдат локальные циркуляры, освобождающие их от участия в акциях, которые проводили айнзатцгруппы. Тем не менее причастность соединений вермахта к карательным операциям против партизан неоспорима. В частности, унтер-офицер одного из танково-артиллерийских подразделений Вольфганг Хорн лично отдал приказ сжечь в ходе борьбы с партизанами целую деревню. «Дома русских все равно не представляли особой ценности... мы не слишком серьезно относились к тому, чтобы жечь их... мы вообще не считали русских цивилизованным народом... их образ жизни был для нас чересчур примитивен»⁵⁷.

Многие немецкие солдаты, верные идеалам нацистской пропаганды, даже не сомневались в том, что воюют с представителями низшей расы. «Каждый, даже последний скептик, – написал один военнослужащий вермахта в июле 1941 года, – сегодня знает, что война против этих недолудей, которых довели до иступления евреи, была не только необходима, но и началась очень вовремя. Наш фюрер спас Европу от безусловного хаоса»⁵⁸.

Безусловно, наряду с садистами, которые получали удовольствие от того, что делали, были и такие, для кого участие в акциях – даже опосредованное – оказалось большой проблемой. Во время инспекционной поездки в Минск летом 1941 года Гиммлера в этом лично убедил лейтенант люфтваффе Вальтер Френц, кинооператор, служивший в ставке фюрера в Восточной Пруссии.

Френц сам напросился сопровождать группу Гиммлера в Минск, потому что хотел для разнообразия увидеть что-то иное, а не только четыре штабных стены. И он увидел.

15 августа айнзатцгруппа Б проводила расстрел примерно 100 человек – партизан и евреев⁵⁹, как позже записал в своем дневнике рейхсфюрер СС. Жертв заставляли ложиться в ров лицом вниз и стреляли им в затылок. Затем в яму загоняли следующих – они должны были лечь на еще теплые трупы.

Френц, надо сказать, был шокирован – он и не представлял, что может происходить нечто подобное⁶⁰. После окончания акции к нему подошел командир отряда вспомогательной полиции, очевидно, потому, что Френц был в летной форме. «Лейтенант, – сказал он, – я этого больше не вынесу... Не могли бы вы забрать меня отсюда?» Френц ответил: «У меня нет никаких полномочий. Я из люфтваффе... Что я могу тут сделать?» – «Ну что ж... – вздохнул тот. – Но я больше не могу... Это ужасно...»⁶¹

Обергруппенфюрер СС Эрих фон дем Бах утверждал, что после расстрела в Минске сказал Гиммлеру: «Рейхсфюрер, это была лишь сотня расстрелянных... Посмотрите в глаза членам этой команды, и вы увидите, что все они потрясены»⁶².

По завершении акции Гиммлер собрал ее участников и обратился к ним с краткой речью. Рейхсфюрер заявил, что ответственность перед Богом и фюрером за то, что сейчас произошло, несет только он. Да, это неприятная процедура, но необходимая. По свидетельству фон дем Баха, Гиммлер сказал солдатам, что им следует посмотреть на природу – борьба идет всюду. «Тот, кто не хочет бороться, попросту исчезает... мы, люди, правы, когда защищаем себя от паразитов»⁶³. Далее Гиммлер добавил, что задача, поставленная перед ними, тяжела, но лично он не знает способа ее обойти. Солдаты должны выполнить свой долг. Он не может освободить их от этого, не может их заменить⁶⁴. Френцу в тот вечер Гиммлер сказал: «Возможно, вы удивлены, спрашиваете себя, зачем все это. Но если мы этого не сделаем, что они сделают с

нами?» Френц вспоминает, что эти слова показались ему ужасными⁶⁵. Через месяц Гиммлер выразил свои мысли намного проще: «Даже младенцев врага в люльке нужно давить, как толстых жаб. Нам довелось жить в железное время, и мы должны действовать железной метлой. Следовательно, каждому надлежит выполнять свой долг, не советуясь с совестью»⁶⁶.

Потом Гиммлер поехал в пригород Минска – в больницу, которая раньше именовалась «1-я Советская трудовая колония душевнобольных Новинки». Можно предположить, что рейхсфюрер СС дал распоряжение в ближайшее время уничтожить всех ее пациентов⁶⁷. Вероятно, вскоре после этого он и решил обсудить с Артуром Небе, начальником криминальной полиции рейха, с июня по октябрь 1941 года руководившим айнзатцгруппой Б, целью которой было уничтожение евреев, цыган и коммунистов на территории Белоруссии, все возможные способы массового умерщвления. Гиммлер, конечно, понял, что у тех, кто принимает – и будет принимать – участие в акциях, потенциально могут возникать психологические проблемы, и надо подумать, как этого избежать.

Подручные Небе экспериментировали в течение нескольких недель после его разговора с Гиммлером. Им помогал Альберт Видман из института криминологии, присутствие которого в Минске означало активизацию участия команды, ранее работавшей над реализацией программы Т-4, на востоке. Видман, как мы помним, был одним из создателей газовых камер в центрах эвтаназии.

Вскоре стало ясно, что накопленный опыт в данном случае вряд ли пригодится. В газовых камерах в Австрии и Германии использовали окись углерода в тонкостенных стальных емкостях, а доставлять их в разные районы оккупированной территории СССР затратно и вообще непрактично. Использовать мобильные газовые камеры? Тоже недешево и при планируемых масштабах малоэффективно. Нужен способ простой и недорогой, а кроме того, не связанный с необходимостью, что называется, смотреть жертвам в глаза.

В контексте всего этого надо указать на распространенное заблуждение, согласно которому газовые камеры появились как предпочтительный способ умерщвления в ходе Холокоста лишь из-за стремления нацистов убить как можно больше евреев. Дело не в этом. Например, в сентябре 1941 года в урочище Бабий Яр в северо-западной части Киева, между районами Лукьяновка и Сырец, члены команды полицейских батальонов СС, айнзатцгрупп и местные коллаборационисты за два дня расстреляли 34 000 евреев. Этот кошмар по масштабам превосходит все, что в то время происходило в лагерях смерти. Газовые камеры стали не просто способом более эффективного уничтожения людей, чем расстрелы, они стали способом, облегчающим убийство для убийц.

Летом 1941 года нацистам еще не было ясно, что газовые камеры – наилучший вариант. Видман и его соратники провели еще один эксперимент – взорвали группу душевнобольных. С точки зрения технических и всех остальных экспертов, он оказался неудачным. «Зрелище было кошмарным, – говорил Вильгельм Яшке, офицер айнзатцгруппы 8. – Из-под развалин с громкими криками стали выползать раненые... куски тел оказались разбросаны по земле и повисли на деревьях»⁶⁸. Видман, Небе и их подчиненные снова обратили свои взоры на окись углерода. Нет ли способа использовать угарный газ, доказавший свою эффективность в умерщвлении неизлечимо больных в Германии, подаваемый не из емкостей? Может быть, выхлопные газы автомобилей? В психиатрической больнице в белорусском Могилеве группу больных затолкали в герметично закрывающуюся комнату и стали подавать туда выхлопные газы от работающего двигателя легковой машины. Оказалось, что этот двигатель отравляющие вещества в достаточном объеме не вырабатывает. «Исследователи» подогнали большой грузовик с мощным мотором и экспериментировали до тех пор, пока все «подопытные» не умерли.

Разные способы массового умерщвления людей пробовали не только на оккупированной территории Советского Союза. В Освенциме эсэсовцы тоже не сидели сложа руки. В начале

осени 1941 года Карл Фрич, заместитель коменданта лагеря Рудольфа Хесса, вспомнил о мощном химическом веществе на основе синильной кислоты в кристаллической форме, которое применялось для уничтожения насекомых. Кристаллы, поставляемые в герметично запечатанных банках, вступая в контакт с воздухом, выделяли ядовитый газ. Пестицид назывался *Zyklon Blausäure* – «циклон Б». Опыт решили провести на больных узниках и советских военнопленных.

Эксперимент осуществлялся в подвале блока № 11 главного лагеря. 11-й блок был тюрьмой в тюрьме, самым страшным местом Освенцима – здесь эсэсовцы допрашивали и пытали заключенных. Первый опыт применения «циклона Б» так же, как попытка отравить людей выхлопными газами, оказался, с точки зрения администрации лагеря, неэффективным.

Август Ковальчик, польский политзаключенный, видел, как эсэсовцы пытались герметизировать подвал 11-го блока. В полной мере этого достичь не удалось, а может быть, отравляющего вещества оказалось недостаточно... Словом, на следующее утро оказалось, что некоторые «подопытные» до сих пор живы, а в импровизированную смертную камеру нужно добавлять пестицид. Желаящих делать это среди охранников не оказалось, а мучительную агонию, которая выпала на долю неизвестных советских военнопленных и заключенных, болевших более четырех недель, всю ночь задышавшихся в подвале блока № 11, едва ли можно себе представить⁶⁹...

Методом дальнейших кошмарных проб и ошибок эсэсовцы все-таки установили дозу «циклона Б», которая требовалась для умерщвления определенного числа заключенных. В процессе они заодно выяснили, что газ эффективнее действует в теплом помещении, поэтому стали набивать в камеры людей как можно больше. Лагерная администрация решила, что 11-й блок – не самое лучшее место для проведения массовых уничтожений. По словам Августа Ковальчика, главной проблемой для эсэсовцев стала эвакуация трупов. Сформировали специальную команду заключенных, которые должны были разъединять тела, поднимать их наверх, укладывать на тачки и увозить в другой конец главного лагеря, в крематорий. Процесс был трудоемкий и занимал много времени, но главное, что об акциях могли быстро узнать все узники лагеря. И тогда в газовую камеру переоборудовали одно из помещений крематория, куда свозили трупы. Теперь обреченных можно было умерщвлять прямо рядом с печами.

Все эти эксперименты летом и осенью 1941 года проводились одновременно с акцией, которая по масштабам несопоставима вообще ни с чем. К концу 1941 года из 3 350 000 советских военнослужащих, оказавшихся с начала войны в немецком плену, погибли более 2 000 000. Около 600 000 из них было убито в рамках выполнения приказа о комиссарах, остальные умерли в результате бесчеловечного обращения, в том числе многие от голода⁷⁰. Есть мнение, что, если бы война завершилась в начале 1942 года, эта программа массового убийства могла бы считаться величайшим преступлением, совершенным гитлеровским режимом⁷¹.

Георгий Семеняк – один из немногих красноармейцев, попавших в плен в начале боевых действий, кто остался жив. Он оказался в лагере под открытым небом вместе с 80 000 других военнопленных. Время от времени им перепадала баланда, а поскольку мисок или кружек у пленных не было, ее приходилось хлебать из пилоток. «Пилотка – часть летнего обмундирования, – вспоминает он. – Жидкая баланда просто протекала сквозь тонкую ткань...» Через несколько недель Семеняка перевели в лагерь побольше. Здесь его поджидала другая беда – вши. «Паразиты вызвали эпидемию тифа. Люди начали умирать... Вшей было столько, что у многих от них шевелились волосы на голове. Вшами были облеплены не только волосы, тела и одежда; достаточно было нагнуться и зачерпнуть горсть песка и увидеть, что он шевелится – в нем ползали эти насекомые»⁷².

Советские военнопленные пытались ловить крыс. «Иногда кому-то удавалось поймать крысу за хвост, – рассказывает Георгий Семеняк. – Крыса, конечно, изворачивалась и кусала

его за руку. У этих грызунов два передних резца – очень крепкие зубы. Крыса вцеплялась человеку в руку, но он ее не выпускал. А потом бил об стену, убивал, чтобы добыть кусок мяса, который можно было изжарить и съесть».

Семяк вспоминает садистские шутки охранников над заключенными – они, кстати, напоминают издевательства, которым подвергали евреев. «Немец подходит и спрашивает: “Кто хочет есть?” Как можно спрашивать, кто хочет есть, когда знаешь, что люди месяцами живут впроголодь?.. Все хотят есть. “Хорошо, – говорит немец. – Кто может съесть ведро каши?” Кто-нибудь поднимает руку и кричит: “Я могу!” – “Ну, подходи”. Охранник дает ему ведро с кашей. Конечно, пленный не может съесть ведро каши. Но он начинает есть... Съедает пару мисок максимум. Но и это обычно редкость. Узник больше не в состоянии есть... Он говорит: “Все, не могу”. А ведро почти полное... И тут его начинают избивать, но человек готов терпеть побои, лишь бы наестся»⁷³.

Для тех, кто оказался на оккупированных территориях, лейтмотивом лета и осени 1941 года был голод. Нацисты начали реализовывать принцип, сформулированный весной, – представители низших рас умрут, чтобы жили арийцы. Чьим-то уделом будет пуля, чьим-то – газовая камера, а чьим-то – голодная смерть. Впрочем, это не означает, что концепция уничтожения советских военнопленных у национал-социалистов во всем походила на концепцию истребления евреев. У каждой находилось свое психологическое оправдание. Например, Вольфганг Хорн был обычным солдатом, который считал всех русских нецивилизованными, почти дикарями, а евреев, наоборот, людьми интеллигентными, но ему быстро объяснили, что евреи правили Россией и поэтому Германия проиграла прошлую мировую войну⁷⁴.

По логике нацистских идеологов евреи являлись более опасным врагом – они были не просто *Untermensch*, а расой достаточно умной, чтобы организовать тайный заговор против Германии. Следовательно, от них необходимо было избавиться – тем или иным способом – от всех до единого. Что касается советских военнопленных, то, если они могли быть полезны как рабочий скот, их надо было использовать в этом качестве: пусть трудятся на пользу немецкого государства. Пленные становятся бесполезными едоками? Значит, им пришло время умирать. Такой подход объясняет, почему с осени 1941 года уровень смертности среди советских военнопленных снизился: 31 октября Гитлер распорядился использовать их на принудительных работах⁷⁵. Важно отметить, что на этом этапе войны санкционировать работу евреев на территориях рейха фюрер не был готов. Весной 1941-го Артур Грейзер так хотел избавиться от евреев в Вартегау, что предложил направить 70 000 человек из их числа работать на запад, но Гитлер эту инициативу отклонил⁷⁶. Он собирался изгнать всех евреев из рейха, а не возвращать их туда обратно в качестве трудового ресурса.

Разумеется, Адольф Гитлер не принимал лично каждое решение о том, как именно будут умерщвлять военнопленных, а также мирное население на оккупированных территориях Советского Союза. Скажем, в июле 1941 года указание айнзатцгруппам включить в число подлежащих уничтожению в занятых районах еврейских женщин и детей дал Гиммлер, и до сих пор неясно, было ли оно сделано по прямому распоряжению фюрера. Безусловно, чем занимаются айнзатцгруппы, вождь нации знал. Кроме того, Гитлер получал все статистические данные об их «деятельности». 1 августа начальник тайной государственной полиции рейха Генрих Мюллер довел до сведения командиров всех этих формирований следующую информацию: «Отныне фюреру будут регулярно направляться доклады о работе айнзатцгрупп на востоке, поэтому от вас среди прочего требуется наиболее интересный иллюстративный материал – фотографии, плакаты, листовки и другие документы»⁷⁷. Геббельс в те дни в своем дневнике писал: «Говорили о еврейской проблеме. Фюрер убежден, что предсказание, сделанное им в рейхстаге, о том, что, если евреи спровоцируют новую мировую войну, это приведет к уничтожению всех их, в настоящее время оправдывается... почти сверхъестественно точно. На

востоке евреи уже платят по счетам; в Германии расплатились частично и заплатят в будущем еще больше»⁷⁸.

Активизируя деятельность карательных отрядов на оккупированной советской территории летом 1941 года, Гиммлер знал, что действует в полном согласии с решением Гитлера относительно судьбы евреев в ходе этой войны на уничтожение. Он также знал, что фюрер постоянно получает информацию о том, что происходит, и, если бы его что-либо не устраивало, об этом тут же бы стало известно. Но Гитлера все устраивало.

Как был организован этот конвейер смерти, можно проследить по цепочке команд, исходящих из рейхсканцелярии и доходящих до отдельных зондеркоманд. При этом вполне вероятно, что Гиммлер, например, инспектируя летом 1941 года айнзатцгруппы, действовавшие на Востоке, мог не давать письменные приказы, но, напутствуя их, был откровенен. А вот командованию 2-го кавалерийского полка СС, «сферой интересов» которого, в частности, были Пинские болота, расположенные на севере Украины вдоль Припяти и ее притоков и на территории Белоруссии от Бреста до Лунинца, Гиммлер отправил следующее сообщение: «Все евреи должны быть уничтожены. Гоните еврейских женщин в болото». Рейхсфюреру ответил оберштурмбаннфюрер СС Магилл: «Акция успехом не увенчалось – болота недостаточно глубокие даже для женщин и детей»⁷⁹.

Из сказанного выше можно сделать вывод, что общих директив у подразделений СС и айнзатцгрупп все-таки не было, а приказы часто отдавались устно. Некоторые командиры при этом могли недостаточно точно понять, что от них требуется, либо, наоборот, принять даже эвфемизм как руководство к действию. Возможно, и Магилл понял телефонограмму Гиммлера как конкретное указание, хотя рейхсфюрер мог и не знать о топографии района, являвшегося зоной ответственности подчиненных оберштурмбаннфюрера.

Недоразумения подобного рода даже приводили к тому, что отдельные высокопоставленные деятели НСДАП и Третьего рейха пытались препятствовать несанкционированным, по их мнению, акциям. В частности, Генрих Лозе, рейхскомиссар Остланда, в состав которого входили территории Латвии, Эстонии, Литвы и Западной Белоруссии, получившие статус генеральных комиссариатов со своими собственными руководителями, 15 ноября 1941 года писал: «Я запретил беспорядочные казни евреев в Либяу [Лиепаяе], потому что они проводятся незаконным образом». Лозе просил уточнить, существует ли инструкция по ликвидации евреев на востоке, потому что он найти подобную директиву не смог⁸⁰. В ответе, который рейхскомиссар получил от главы политического департамента имперского министерства оккупированных восточных территорий, созданного на основании указа Гитлера от 17 июля 1941 года, постарались не упоминать о наличии такой директивы и просто сообщили, что озабоченность Лозе еврейским вопросом прояснит при устном обсуждении⁸¹.

Почему нацисты проводили свою политику массовых убийств именно таким образом? Может быть, потому что все-таки опасались возникновения лишних проблем, если информация о деталях «нового порядка» и того, как они обращаются с военнопленными, получит широкую огласку. Из публичного протеста епископа фон Галена против эвтаназии они извлекли урок – у проектов, касающихся масштабных умерщвлений, должен быть гриф «совершенно секретно». Впрочем, вождей национал-социалистов беспокоили не столько какие-либо протесты в Германии, хотя риск этого не исключался, сколько реакция мирового сообщества, если оно узнает в подробностях то, что происходит на оккупированных территориях. Гитлер думал о своей репутации. Он уже размышлял о жизни послевоенной Германии и о том, что у главы победившего немецкого государства будет меньше проблем на дипломатическом уровне, если истребление евреев останется тайной – или, по крайней мере, он будет выглядеть непричастным к самому процессу. В 1939 году он подписал документ, санкционирующий применение эвтаназии, и что из этого вышло? Церковь выступила с осуждением посягательства на акт

божественного творения – человеческую жизнь. Начались протесты. Возникло недовольство. Гитлер понял, что его имя больше не должно быть связано с чем-нибудь подобным – акциями, которые могут привлечь негативное внимание общества. Он мог выступать в рейхстаге и обвинять евреев во всех смертных грехах от Сотворения мира, но это не то же самое, как детализировать методы их умерщвления – мужчин, женщин, стариков, детей. Нужно постараться сделать так, чтобы не существовало ни одного распоряжения за его подписью по этому вопросу, действительно очень деликатному. Подписанный приказ – это документ. Не потому ли в октябре 1941 года Гитлер заметил, что гораздо лучше встречаться и разговаривать, чем писать, по крайней мере по делам особо важным⁸².

И тем не менее ни одно государство не может осуществлять свою деятельность исключительно в формате устных распоряжений. И вот в Третьем рейхе появился целый ряд эвфемизмов, имеющих отношение к массовым уничтожениям евреев. Так, в документах, касающихся этого «деликатного вопроса», стали употреблять словосочетание «особый подход», а термин «окончательное решение», изначально подразумевавший лишь депортацию, обрел новый смысл. Впрочем, в документе, датированном 31 июля 1941 года и направленном Герингом Гейдриху, он еще сохраняет свое первое значение. «В дополнение к поставленной перед вами 24 января 1939 года задаче, – сказано там, – которая имеет отношение к решению еврейской проблемы путем эмиграции и депортации наиболее подходящим способом, поручаю вам представить на рассмотрение всесторонний план организационных, материально-технических и прочих имеющих отношение к теме подготовительных мероприятий для исполнения намеченного окончательного решения еврейского вопроса»⁸³. Под окончательным решением, упомянутым в данном документе, еще не подразумевалось массовое уничтожение евреев в лагерях смерти, поскольку начало переговоров между Гейдрихом и Герингом об этом «плане» можно проследить к марту 1941 года – времени, когда нацисты собирались после завершения своей победоносной кампании депортировать евреев на восток. Наиболее убедительным объяснением продолжения этой темы в июле 1941-го является то, что Гейдрих действительно прорабатывал детали депортации евреев на дальние окраины Советского Союза, поскольку массовое переселение могло начаться не раньше, чем завершатся боевые действия на территории врага. Это соответствует вектору довоенной политики нацистов по отношению к евреям, которая подразумевала депортацию и возможный геноцид в среднесрочной или отдаленной перспективе. Как евреи, отправленные в начале войны в расположенный в генерал-губернаторстве Ниско, массово умирали от голода и болезней, как евреи в случае отправки на Мадагаскар были бы обречены на неизбежную смерть, так и евреи, депортированные в безлюдные районы СССР, прожили бы там недолго.

Так или иначе, в конце лета и начале осени 1941 года продолжались дискуссии о корректировке времени «окончательного решения». Кое-кто из ближайшего окружения Гитлера хотел депортации евреев на восток не после окончания войны, а немедленно. 19 августа Геббельс встретился с фюрером и предложил убрать наконец из Берлина всех евреев. Геббельс считал великой несправедливостью, что они – 70 000 человек – все еще живут в столице, в то время как немецкие солдаты сражаются на Восточном фронте. И погибают там! Гитлер на это предложение не согласился, но принял другое – немецкие евреи должны носить на одежде желтую шестиконечную звезду. Таковую же, как у польских евреев.

С 1 сентября 1941 года все евреи старше шести лет Германии, Австрии и других присоединенных и оккупированных территорий обязаны были носить на одежде звезду Давида. Нацисты сделали это не только для того, чтобы идентифицировать евреев, подразумевая, что в таком случае они окажутся и более уязвимыми для притеснений. Некоторые немцы восприняли это как призыв, ведь теперь евреев было очень просто выделить на улице, но и негативно отнесшихся к этому нововведению оказалось немало. Уве Сторьохан, например, говорит, что его мать, которая, вероятно, приветствовала бы депортацию евреев, тем не менее была против

такой стигматизации. Вскоре после того, как евреев Гамбурга заставили носить желтую звезду, Уве с матерью шел через еврейский квартал города и увидел пожилого еврея в сильно поношенном костюме, с очень старым портфелем, который он нес так, чтобы звезда Давида была не видна. «Видимо, ему приспичило по нужде, и он украдкой оглядывался, размышляя, можно ли зайти в общественный туалет, на которых теперь висела табличка “Евреям вход запрещен”. Он все-таки вошел. Мать остановилась, и я подумал: зачем? Она сказала: “Ты его видел? Это еврей, верно? Он вошел туда и держал портфель так, чтобы не была видна еврейская звезда”. Она дождалась, пока этот человек вышел. Он увидел мою маму, и на его лице тут же появилась тревога. Никогда не забуду эту панику, это волнение. Он опустил портфель, и стала видна шестиконечная звезда. Я знал, как мать относится к такого рода вещам, и размышлял, как она поступит, что сделает дальше. Еврей тоже, конечно, думал: “Если эта женщина вызовет полицию, я пропал”. Мать подошла к нему, показала на звезду Давида и сказала: “Мы этого не хотели”. А я добавил про себя: “Мы этого не ожидали”. В этот момент мама почувствовала к нему жалость. Уверен, она представляла себе, что можно отнять у евреев их дело, заставить выполнять грязную работу, может, даже переселить в города, где они будут спокойно жить среди своих, или даже в своей стране, как сейчас в Израиле... Но эти метки... Моя мать считала, что это чудовищно. Я задумался: может, она не такая уж ярая антисемитка, как мне казалось? И это было очень характерно для значительной части населения. Немцы говорили: “Ну нет! Это уж слишком, нам это не нравится”. Но они все равно ничего не делали. Ничего. Они закрывали глаза и уши»⁸⁴.

Эрна Кранц из Мюнхена, в полной мере разделявшая ценности национал-социализма, испытала подобные эмоции: «На параллельной нашей улице жила баронесса Бранка, она была дочерью еврейского торговца из Гамбурга... Ей пришлось носить желтую звезду. Я очень переживала по этому поводу. Это было ужасно, потому что баронесса была очень милой женщиной. Все это знали. Но на самом деле как сегодня ты не можешь помочь всем, так и тогда было то же самое»⁸⁵.

Итак, Геббельс просил не только заставить евреев носить шестиконечную звезду, но и убрать их из Берлина. Вскоре и другие нацистские лидеры стали говорить, что евреев нужно выслать куда-нибудь подальше. 15 сентября 1941 года рейхсштатгальтер Гамбурга Карл Кауфман письменно обратился к фюреру с просьбой о депортации евреев из города. Их жилье нужно отдать немцам, дома которых пострадали в ходе недавних воздушных налетов. И Гитлер решил. Он санкционировал немедленную депортацию евреев из рейха, не дожидаясь окончания войны. Почему фюрер изменил свое мнение, если всего пару недель назад говорил Геббельсу, что пока евреев не следует отправлять на восток? Точного ответа на этот вопрос нет. Вероятным объяснением можно назвать месть: в августе Сталин распорядился выслать несколько сотен тысяч этнических немцев Поволжья в Сибирь и Казахстан. Повлияло это конкретное решение большевистского лидера на решение лидера нацистского или нет, неизвестно, но ход войны против Советского Союза безусловно на нем сказался.

Пока она по-прежнему складывалась для немцев удачно. Хотя вермахт и не смог, как планировалось, разгромить Красную армию в течение нескольких недель, германские войска были близки к завершению крупнейшей в военной истории операции по окружению противника в районе Киева, столицы Украины. 19 сентября город пал. В плену оказались 600 000 советских военнослужащих. «Немецкий солдат в очередной раз доказал, что он – лучший солдат в мире, – говорил в те дни Гитлер своим генералам, наслаждаясь триумфом. – Операция продолжается, окружение в радиусе более тысячи километров многие считали неосуществимым. Мне пришлось использовать весь свой опыт, чтобы оно произошло». Этот успех демонстрирует, сказал фюрер, что славяне – действительно прирожденные рабы, которым нужен господин. Гитлер свято верил в то, что для управления новыми территориями армия не потребуется,

поскольку славяне – низшая раса. «Пространства России – наша Индия, – сказал фюрер. – Подобно англичанам, мы будем править этой империей, используя горстку людей»⁸⁶.

Через несколько недель, 3 октября, выступая в Берлине, Гитлер заявил, что Красная армия сломлена и никогда не возродится⁸⁷. Уверенность в том, что война практически выиграна, вполне вероятно, сыграла свою роль в решении фюрера сдвинуть сроки депортации евреев. Отправить их на восток можно, не дожидаясь капитуляции Советского Союза. К тому же Антонеску уже выселяет евреев за Днестр – в губернаторство Транснистрия. Так румыны назвали административно-территориальную единицу, созданную 19 августа на территории части оккупированных Винницкой, Одесской, Николаевской областей Украины и левобережной части Молдавии. К сентябрю союзники Германии были готовы переместить еще тысячи румынских евреев из Буковины и Бессарабии в лагеря на востоке. Румынская газета «Команда нашего времени» (*Porunca Vremii*) недаром летом 1941 года писала: «Жребий брошен... Ликвидация евреев в Румынии вошла в свою завершающую стадию... К радости нашего освобождения нужно добавить гордость новаторским решением еврейской проблемы в Европе. Судя по эпитетам, в которых немецкая пресса сообщает о словах и решениях маршала Антонеску... сегодняшняя Румыния подает пример всем остальным. Мы делаем то, что Европа сделает завтра»⁸⁸.

Гитлер действительно одобрял инициативы Антонеску. «Что касается еврейской проблемы, – сказал он в конце августа 1941 года Геббельсу, – можно утверждать, что маршал Антонеску проводит намного более радикальную политику, чем мы, и делает это успешно»⁸⁹. Еще раз фюрер похвалил румынского диктатора в октябре. «Не считая дуче, – заявил он, – среди наших союзников Антонеску именно тот, кто производит наиболее сильное впечатление. Он человек большого масштаба, который никому не позволит сбить себя с пути»⁹⁰. И первое, что сделал маршал для создания сильной Румынии, – он избавил ее от евреев.

Гитлер тоже решил избавиться от них старый рейх, то есть территорию Германии в границах на 31 декабря 1937 года, до присоединения Австрии, Судетской области и Клайпедского края. Но оставался практический вопрос: куда евреев девать? Совет дал Гиммлер и сам его превратил в жизнь. 18 сентября 1941 года рейхсфюрер проинформировал главу Вартегау Артура Грейзера о принятом решении освободить старый рейх и Протекторат Богемии и Моравии от евреев. В лодзинское гетто будут отправлены 60 000 человек, их надо разместить до высылки в пока не определенное место, дальше на востоке, следующей весной⁹¹. В Вартегау переполошились – в Лодзи больше не могут принять ни одного еврея! Гиммлер сократил число депортируемых до 20 000 человек.

В октябре 1941 года из Гамбурга в Польшу отправились первые евреи. Люсиль Эйхенгрин, одна из тех, кого депортировали в Лодзь, помнит, что, когда они шли на станцию, некоторые прохожие выкрикивали антисемитские оскорбления, но большинство населения города не проявляло никаких эмоций⁹². В других местах было то же самое. Кое-кто, правда, рассказывал, что соседи выражали им сочувствие, во Франкфурте приносили еду, а в Вене не скрывали слез, когда их уводили⁹³.

Высланные из Западной Европы не были готовы к тому, что их ожидало в Лодзи. Один польский еврей, уже находившийся в гетто, безмерно удивился надеждам чешских евреев, которые прибыли туда в октябре 1941 года: «Говорят, они спрашивали, можно ли получить двухкомнатную квартиру с канализацией...»⁹⁴ И вот им открылась кошмарная реальность жизни и смерти в перенаселенном гетто, где царил антисанитария. У большинства прибывших не было не то что друзей – даже знакомых среди польских евреев. Никаких связей, которые помогли бы им получить работу или жилье. Многие теснились в зданиях школ. Трудоустроиться они не могли. Есть было почти нечего. «Желудок пустой, он словно постепенно прова-

ливается, – писал вскоре после депортации Оскар Розенфельд, высланный в Лодзь из Праги. – Неуверенно, со страхом человек начинает ощупывать свое тело, наткнется на ребра, другие кости, проводит рукой по ногам, понимает, что совсем недавно они были крепче, плотнее, – и поражается, как быстро тело меняется к худшему... В голове одна мысль, одно слово... Один символ жизни у всех – хлеб! Ради хлеба можно стать кем угодно – лицемером, негодяем... Дай мне хлеба – и ты мой друг»⁹⁵.

Очень часто шок от изменений, произошедших в их жизни, оказывался для евреев с Запада непосильным. «Они безусловно были чудовищно подавлены, – говорит Якоб Зильберштейн, польский еврей из гетто. – Думаю, потому, что обычно эти люди – евреи из рейха – смотрели на польских евреев сверху вниз, мы были для них как бы другим сортом. И вдруг они видят, что оказались на том же уровне, а может, и ниже, чем мы, потому что не могли жить в тех условиях, в которых жили мы»⁹⁶. Стоит ли удивляться, что среди вновь прибывших уровень смертности оказался значительно выше, чем среди польских евреев⁹⁷?

Высылка осуществлялась не только в лодзинское гетто. Много эшелонов направлялось дальше на восток, на оккупированные советские территории, где продолжали действовать айнзацгруппы. Часть евреев, попавших туда, оказалась в лагерях, где частой была смерть не только от голода, но и от холода. Некоторых вскоре после прибытия умерщвляли. В частности, в конце ноября 1941 года в Литву прибыли пять эшелонов из Германии (из Мюнхена, Франкфурта, Берлина и Бреслау) и Австрии (из Вены). Депортированных доставили в Каунас, и там за дело взялись зондеркоманды. Всех евреев расстреляли. Руководитель оккупационной администрации генерального округа Белоруссия Вильгельм Кубе в декабре уже не задавался вопросом, следует ли к евреям из «...нашей культурной среды»⁹⁸ относиться так же, как к местным диким ордам с востока. Правда, две недели назад, в конце ноября, Гиммлер отдал приказ остановить уничтожение, во всяком случае временно, немецких евреев, доставленных эшелоном в Ригу, но этот циркуляр пришел слишком поздно. Евреев уже не было в живых⁹⁹. Тем не менее данный факт свидетельствует о том, что с тем, какой будет судьба евреев из старого рейха, нацисты пока еще не определились.

В то же самое время, когда евреев из Западной Европы убивали на оккупированных территориях Советского Союза, в Польше были созданы два лагеря смерти. Первым стал Хелмно, в 70 километрах к северо-западу от Лодзи, который изначально предназначался для уничтожения евреев из лодзинского гетто, признанных неспособными к труду. С точки зрения главы Вартегау Артура Грейзера, немедленная потребность в создании такого объекта являлась более чем очевидной. Нужно было в конце концов найти способ сократить переполненность лодзинского гетто, ситуация в котором после прибытия евреев с Запада ухудшилась еще больше. Еще в июле 1941 года, как мы уже знаем, Рольф Хайнц Хеппнер, руководитель центральной эмиграционной службы в Позене, писал, что вопрос о судьбе евреев в их гау в ближайшее время обсудят со всех точек зрения. Он сам, предвидя опасность того, что зимой прокормить всех евреев возможности не будет, спрашивает, не будет ли более гуманным решением избавиться от тех, кто уже не способен работать¹⁰⁰. С помощью какого-нибудь быстродействующего средства...

Такое «быстродействующее средство» уже применялось на территории Вартегау – мобильная газовая камера. Крытый грузовик перемещался от одной психиатрической лечебницы к другой. Теперь, осенью 1941-го, появился план использовать такие машины для умерщвления лодзинских евреев. Гауптштурмфюрер Герберт Ланге, руководивший этим «автомобильным» подразделением, подыскивал подходящее место для размещения своих людей и техники. Его личный шофер Вальтер Бурмейстер подтверждает, что Ланге говорил ему в те дни: «Нам предстоит тяжелая, но очень важная работа»¹⁰¹. В итоге Ланге выбрал деревушку Хелмно неподалеку от города Домбе. Объект состоял из двух частей, удаленных друг от друга

на 4 километра: замка и так называемого лесного лагеря в соседнем Жуховском лесу (грузовик с жертвами направлялся именно туда). Отравленных по пути выхлопными газами закапывали в лесу в общих могилах.

Строительство второго лагеря смерти началось в ноябре 1941 года в генерал-губернаторстве, близ деревни Белжец, что в 120 километрах юго-восточнее Люблина. Еще до начала войны с СССР нацисты организовали в Белжеце трудовой лагерь – там разместили евреев, занятых на строительстве пограничных укреплений между германской и советской зонами оккупации Польши, но в конце 1940-го его закрыли. Новый лагерь в Белжеце должен был стать первым стационарным объектом, созданным специально для уничтожения евреев. Топография, с точки зрения нацистов, была исключительно удачная: рядом с Белжецем была боковая ветка железной дороги, соединяющей Люблин и Львов – города, среди населения которых было много евреев. Да и Краков неподалеку...

Есть свидетельства, что, пока в Польше строили эти два лагеря, обсуждалась возможность создания и других фабрик смерти – на оккупированной территории Советского Союза, в Риге и Могилеве¹⁰². В октябре Гиммлер побывал в Могилеве, а в следующем месяце компания *Topf und Söhne* получила заказ на сооружение там крематория с 32 печами¹⁰³. Вполне вероятно, что этот огромный крематорий – окончательно он так и не был построен – должен был стать центром либо исключительно лагеря уничтожения, либо обычного концлагеря с дополнительной функцией фабрики смерти¹⁰⁴. Очевидно, национал-социалисты готовились к новому этапу решения «еврейского вопроса».

Но означает ли это, что осенью 1941 года Гитлер отбросил все сомнения в том, что касалось судьбы евреев как народа? Было ли это началом Холокоста? Ведь евреев уже начали депортировать из старого рейха и с присоединенных территорий на восток, и шло строительство лагерей смерти в Хелмно и Белжеце. Известны также некоторые высказывания Гитлера, сделанные в частном порядке в октябре. Он снова и снова цитировал свою январскую речь 1939 года об уничтожении евреев. 25 октября 1941 года фюрер сказал: «Выступая в рейхстаге, я предупредил, что, если война окажется неизбежной, евреи исчезнут из Европы. На совести этой расы преступников два миллиона сложивших головы на полях предыдущей мировой войны, а сейчас погибших уже на сотни тысяч больше... Кстати, неплохо бы, чтобы общество тоже задумалось об истреблении евреев»¹⁰⁵.

Кроме того, согласно показаниям Адольфа Эйхмана, данным после окончания Второй мировой, Гейдрих говорил ему осенью 1941 года, что фюрер распорядился о физическом уничтожении евреев¹⁰⁶. А Курт Мебиус, один из эсэсовцев, служивший в Хелмно с первых дней функционирования лагеря, вскоре после капитуляции Германии заявил на допросе: «Нам сказал гауптштурмфюрер Ланге, что истребить евреев приказали Гитлер и Гиммлер. Мы, солдаты частей СС, были обучены считать любое распоряжение высшей власти законным и правильным. Я и сам думал, что евреи во всем виноваты. Пропаганда постоянно нам твердила, что евреи – *Untermensch*, преступники, они виноваты в упадке Германии после Великой войны [Первой мировой]»¹⁰⁷.

Есть доказательства и в статье, опубликованной в ноябре 1941 года в нацистской газете *Das Reich*. В ней Геббельс продекларировал следующее: «Евреи хотели этой войны, и они ее получили. Но они должны помнить о предсказании, сделанном фюрером в рейхстаге 30 января 1939 года. Он говорил, что, если международному еврейству удастся втянуть страны в новую мировую войну, результатом будет не большевизация планеты, а исчезновение еврейской расы в Европе... Все евреи принадлежат, по факту рождения и расы, к международному заговору против национал-социалистической Германии. Они желают нашего поражения и развала нашего государства и делают все, что в их силах, чтобы способствовать этому. Евреи несут

ответственность за каждого немецкого солдата, убитого на этой войне. Его смерть на их совести, и поэтому они должны за это заплатить»¹⁰⁸.

Тем не менее из всего этого не обязательно следует, что уже осенью 1941 года было принято окончательное решение об уничтожении всех евреев, находящихся на оккупированных нацистами территориях¹⁰⁹. Гитлер действительно распорядился о высылке евреев на восток, но только в тех случаях, когда это будет практически оправданно. И да, он лелеял мысль о депортации евреев из рейха с осени 1939-го – нужно было лишь решить, когда для этого настанет подходящий момент. Он настал – разделяя негодование своих ближайших соратников, в частности Геббельса и Кауфмана, по поводу того, что евреи все еще остаются в рейхе, и полагая, что война на востоке подходит к концу, фюрер решил избавиться от них раз и навсегда. Он хорошо знал, что на оккупированных восточных территориях евреев убивают, и, давая указание о высылке других евреев в зоны действия айнзатцгрупп, понимал, что их там ждет. Но как именно они умрут – будут расстреляны, отравлены газом, доведены до голодной смерти в гетто или скончаются от непосильного труда – все эти детали должны были продумать в соответствующих департаментах РСХА. Главное, чтобы отправленные на восток никогда не вернулись. Таким образом, можно сказать, что Гитлер санкционировал отправку евреев на смерть, но не указывал конкретные способы умерщвления или точные сроки, в которые они должны «исчезнуть».

Да, это важный момент в истории Холокоста, но в нем нельзя выделить одно-единственное глобальное решение, которое бы положило начало всему процессу. Осенью 1941 года оставалось еще много нерешенных вопросов. Что делать с евреями из оккупированной Западной Европы? Тоже отправлять на смерть на восточные территории? А если отправлять, то когда? И как поступить с евреями, остающимися еще в старом рейхе? С октября по декабрь 1941 года из Германии и Протектората Богемии и Моравии было депортировано 42 000 евреев, но оставалось их там еще немало. Какие сроки следует назначить для того, чтобы избавиться от них? И едва ли не самый главный вопрос: что делать с почти 3 000 000 евреев на территории Польши? Окончательный ли вынесен им приговор? Но если все польские евреи будут уничтожены, то почему лагерей смерти пока всего два? Не могут ли они – и Хелмно, и Белжец – быть определены как инициативы на местах, поддержанные Гиммлером, дабы решить локальные проблемы? Другими словами, не складывается ли впечатление, что те, кто действовал в той же Польше, сами решали, что им делать, без распоряжений сверху?

Слова Гитлера, сказанные той осенью, подтверждают такую трактовку. В середине октября 1941 года он говорил: «Что со мной было бы, если бы меня не окружали люди, которым я полностью доверяю делать то, на что у меня не хватает времени? Надежные люди, работающие так же энергично, как работал бы я сам. Для меня самый лучший человек – тот, кто снимает многое с моих плеч, который может за меня принимать 95 процентов решений»¹¹⁰. Примером того, как такое отношение влияло на все происходящее, служат и слова Грейзера, сказанные Гиммлеру весной 1942 года. Речь тогда шла об умерщвлении в Вартегау больных туберкулезом. Так вот, Грейзер заявил: «Лично я не думаю, что мы должны еще раз консультироваться с фюрером по этому поводу, тем более что при нашей последней встрече он сказал, что относительно евреев мне следует поступать, руководствуясь собственными убеждениями»¹¹¹. На основании всего этого можно предположить, что осенью 1941-го отношение Гитлера к депортации и дальнейшей судьбе евреев вполне могло совпадать с тем, какое у него было к плану германизации. Как мы уже знаем, фюрер говорил гауляйтерам, что его не интересуют способы, которые его верные соратники будут применять при воплощении в жизнь намеченных им планов¹¹².

Вот и в августе 1941 года в Освенциме лагерная администрация так же, как Грейзер, руководствовалась собственными убеждениями, усовершенствуя способы умерщвления, применяемые ранее. При обсуждении планов строительства нового крематория был внесен ряд

небольших, но существенных изменений, позволяющих превратить объект в фабрику смерти. Между октябрем 1941 и январем 1942 года в полуподвале здания, в меньшем помещении, где лежали трупы, в бетонные стены встроили два воздуховода, а вентиляторы переделали в соответствии с новыми задачами¹¹³. Иными словами, это помещение стало газовой камерой, при этом выходные отверстия труб, по которым должен был подаваться смертоносный газ, заделали в углубления, чтобы умирающие не могли их каким-то образом повредить. И тем не менее трудно представить, что создание одной газовой камеры в Освенциме могло быть частью существующего генерального плана истребления всех евреев в Европе. Скорее это тоже пример инициативы на местах, ведь в крематории на территории главного лагеря для умерщвления узников уже применялся «циклон Б». С точки зрения администрации, было логично и в другом крематории оборудовать газовую камеру.

В то время как эсэсовцы обсуждали все эти вопросы, в 1200 километрах к востоку от Освенцима шли масштабные кровопролитные сражения, вошедшие в историю Второй мировой войны. Это – плюс кардинальное решение одного из союзников Гитлера – и является фоном, на котором происходило дальнейшее ужесточение нацистской политики в отношении евреев.

Глава 11

Путь к Ванзее (1941–1942)

В октябре 1941 года все еще казалось, что немцы выигрывают войну против СССР. В результате операций по окружению частей Красной армии под Вязьмой и Брянском в плен попали более 660 000 советских солдат и офицеров. Путь на Москву представлялся открытым. В советской столице царил паника. Уже подготовили железнодорожный состав, который должен был увезти Сталина и других руководителей страны на восток. «Ну, с чем мы будем защищать Москву? – спрашивал Лаврентий Берия, народный комиссар внутренних дел СССР, на совещании в Кремле 19 октября. – У нас же ничего нет. Нас раздавят...»¹

Но скоро ситуация изменилась. Сталин решил остаться в Москве. Надо сказать, что первоначальный план операции «Барбаросса» предполагал, что столица СССР будет взята в течение первых трех месяцев войны, однако его выполнению помешало все усиливавшееся сопротивление советских войск. В частности, битва за Смоленск задержала немецкое наступление на Москву на два месяца. Битвы за Ленинград и за Киев в сентябре оттянули обе немецкие танковые группы (2-ю и 3-ю) с московского направления, но к октябрю к ним присоединилась также 4-я танковая группа с ленинградского направления. Таким образом, немецкое наступление на Москву началось только 30 сентября.

И тут пошли затяжные осенние дожди. Многие дороги стали непроходимыми. А между тем надвигающаяся зима грозила обернуться для немцев катастрофой. Линии снабжения частей вермахта растянулись, а кроме того, у солдат практически не было теплого обмундирования, поскольку предполагалось, что война с Советским Союзом закончится уж точно до холодов.

В начале ноября 1941 года Гитлер вернулся из своей ставки в Восточной Пруссии в Мюнхен, где руководители НСДАП всегда отмечали годовщины пивного путча. 8 ноября фюрер выступил перед своими верными соратниками в пивном зале ресторана «Левенбройкеллер». Подготовить речь на этот раз оказалось нелегко, ведь всего месяц назад было сказано, что Красная армия никогда не возродится, однако она пока даже не умерла. В Мюнхене все жаждали услышать хорошие новости, но их-то как раз и не было. Гитлер не мог сказать, что война на Востоке выиграна. Он даже не мог сказать, что Москва пала или неизбежно падет в ближайшие дни. В затруднительных обстоятельствах фюрер всегда искал виноватых в том, что случилось, и чаще всего козлом отпущения оказывались евреи. Вот и сейчас Гитлер говорил, что евреи всегда имели большое влияние во Франции, Бельгии, Голландии, Норвегии и Британии, но главной их вотчиной оказался Советский Союз, где остались лишь тупые, насильственно пролетаризированные недочеловеки. А над ними возвышаются еврейские комиссары, которые на самом деле являются рабовладельцами. Немецкая армия на востоке сражается за благородное дело: «В этой борьбе мы хотим окончательно избавить Европу от опасности, грозящей с востока, и... в то же время мы хотим не дать Востоку с его невероятно плодовитым населением и гигантскими запасами природных ресурсов мобилизоваться против Европы! Напротив, мы должны поставить его на службу Европе»². Стремясь к этой цели, сказал Гитлер со скрытой угрозой, они будут проводить различие между французами и их евреями, между бельгийцами и их евреями, между голландцами и их евреями. А о советских евреях разговор вообще будет особый.

15 ноября ударили морозы. Немцы смогли продолжить наступление на Москву, но их силы были почти на исходе. В начале декабря в последнем рывке передовые части вермахта

оказались меньше чем в 30 километрах от центра города, и это было все, чего они смогли добиться. Ход войны на Востоке – и в результате ход войны в целом – в ближайшее время изменится. При этом можно уверенно говорить, что события декабря 1941 года стали как поворотной вехой во всей Второй мировой войне, так и одним из решающих этапов в развитии Холокоста.

5 декабря Красная армия перешла в контрнаступление. Василий Борисов, воевавший в одной из сибирских дивизий, переброшенных под Москву, вспоминает, что, когда немцы увидели сибиряков в рукопашной схватке, они испытали страшный шок. «Мы были очень крепкими парнями... Немцы оказались не такими сильными, как сибиряки. Рукопашная вызывала у них панику, а мы паники не знали. Немцы оказались слабаками. Их страшил холод, и физически они были слабее»³.

Через два дня после новости о контрнаступлении Красной армии пришло сообщение о нападении японцев на Перл-Харбор – гавань на гавайском острове Оаху, большую часть которой, а также прилегающих территорий занимала центральная база Тихоокеанского флота Военно-морских сил США. Через четыре дня, 11 декабря, Германия объявила Соединенным Штатам Америки войну. На первый взгляд, это решение выглядит странным. Зачем втягивать в боевые действия нового сильного противника, который находится за тысячи километров, по другую сторону океана? Тем не менее Гитлер не сомневался в том, что этот конфликт неизбежен. После Атлантической конференции, состоявшейся летом 1941 года на военно-морской базе Арджентия в Ньюфаундленде, во время которой Франклин Рузвельт и Уинстон Черчилль подписали Атлантическую хартию – один из основных программных документов антигитлеровской коалиции, стало ясно, что Америка будет всеми силами оказывать помощь британской военной экономике. В антигерманской позиции Гитлер обвинял Рузвельта. Уже в ноябре, за месяц до объявления США войны, он заявлял, что Америка несет ответственность за то, что Польша начала войну, а кроме того, стоит за решением Франции принять участие в конфликте⁴.

Гитлер ни минуты не сомневался в том, что Рузвельт находится под сильным влиянием евреев. Это важно отметить. Выступая в рейхстаге 11 декабря 1941 года, фюрер сказал, что за решением американского президента поддержать Британию и выступить против Германии скрывается «вечный жид». Рузвельта со всех сторон окружают евреи, которые руководствуются ветхозаветной жадностью. И нынешнее положение дел сложилось из-за дьявольского вероломства евреев!⁵ С точки зрения фюрера, евреи своей тайной цели уже достигли – они развязали мировой конфликт, из которого, как всегда, намерены извлечь выгоду.

12 декабря, после выступления в рейхстаге и объявления войны Соединенным Штатам, Гитлер собрал в рейхсканцелярии совещание. Присутствовали на нем около 50 ближайших соратников фюрера. Основные положения выступления вождя нации Геббельс записал в дневник. «Что касается еврейского вопроса, фюрер намерен очистить воздух. Он уже предупредил евреев, что, если они развяжут новую мировую войну, им самим грозит полное уничтожение. Это были не пустые слова. Мировая война идет, и уничтожение евреев должно стать ее неизбежным следствием. Сентиментальность тут неуместна. Мы здесь не для того, чтобы жалеть евреев, а для того, чтобы сочувствовать своему, немецкому народу. Немецкий народ уже принес жертву – 160 000 павших в восточной кампании, а значит, те, кто стал инициатором этого кровавого конфликта, должны заплатить своей жизнью»⁶. Едва ли можно говорить более откровенно: поскольку теперь идет мировая война – в конфликт вовлечена и Америка, – уничтожение евреев стало неизбежным. Это ключевой момент. Слова Гитлера были совершенно недвусмысленными.

Среди тех, кто слушал фюрера в рейхсканцелярии, был и Ганс Франк, генерал-губернатор оккупированной Польши. Через четыре дня, 16 декабря, он уже давал указания своим подчи-

ненным: «В том, что касается евреев, буду с вами предельно откровенен. С ними должно быть покончено навсегда, так или иначе. Фюрер уже говорил: если объединенное еврейство опять преуспеет в развязывании мировой войны, то кровавые жертвы понесут не только народы, непосредственно втянутые в нее. Евреям Европы также придет конец... Как человек, верный идеям национал-социализма, я должен сказать: если после войны в Европе останется еврейский сброд, а мы ради ее сохранения пожертвуем свою лучшую кровь, эту войну можно будет считать лишь частичным успехом. Следовательно, в отношении евреев я буду действовать, руководствуясь тем, что они должны исчезнуть»⁷.

Франк обозначил не только идеологические мотивы того, почему евреи должны исчезнуть; он назвал и практические основания. «Евреи, – сказал верный соратник Гитлера, – также чрезвычайно вредны для нас потому, что их надо кормить». Опять тезис, что существование евреев угрожает жизни арийцев – само существование как факт, – сыграл свою роль в объяснении, почему они должны умереть. Если кто-то не понял, что евреи благодаря мировому заговору развязали войну (на такую мысль у некоторых действительно могло не хватить воображения), остается неоспоримый аргумент: они ведь едят, а эта еда пригодилась бы немцам! Ситуация, как часто говорит Гитлер, «или – или». Или евреи будут голодать, или немцы.

7 декабря 1941 года, в день нападения японцев на Перл-Харбор и за девять дней до того, как Франк наставлял своих подручных в Кракове, в Польше начала работать первая фабрика смерти, где умерщвляли евреев. Мы уже говорили об этом лагере – Хелмно в Вартегау. Таким образом, глава Вартегау Артур Грейзер гораздо раньше начал реализовывать план уничтожения евреев, чем его сосед. Франк еще только рассуждал о том, что надо окончательно покончить с евреями, а Грейзер уже приступил к этому. Тем не менее не будем забывать, что создание лагеря смерти в Хелмно вызвала, как, очевидно, полагал сам Грейзер, практическая необходимость, ведь лодзинское гетто было катастрофически переполнено, не в последнюю очередь потому, что Гиммлер в сентябре приказал направить туда еще десятки тысяч евреев из старого рейха, а также тысячи синти и рома. Газовые камеры в Хелмно стали для нацистов способом решения проблемы перенаселенности гетто, спровоцированной ими самими.

Итак, в Вартегау поняли, что у них уже есть машина смерти – в прямом смысле обоих этих слов. Евреев стали умерщвлять в мобильных газовых камерах, но еще 7 декабря 1939-го, ровно за два года до того, как первый такой грузовой автомобиль приехал в Хелмно, в Гнезно – городе на западе Польши, в психиатрической клинике «Дзеканька» зондеркоманда Ланге умерщвляла душевнобольных поляков⁸. Теперь по указанию Гиммлера и Грейзера подручные Ланге приступили к уничтожению польских евреев. Подчас их забирали прямо на улицах, а в конце октября 1941 года грузовик приехал к дому престарелых близ Калиша, в 100 километрах западнее Лодзи⁹. В следующем месяце в мобильных газовых камерах задохнулись несколько сотен евреев из расположенного неподалеку трудового лагеря в Козминке¹⁰.

С точки зрения непосредственных исполнителей, увеличение масштабов использования душегубок – надо было выполнять поставленную Грейзером задачу – требовало решения ряда проблем. Первая была очевидна – производительность. В распоряжении Ланге имелся только один грузовик, правда большой. Это была все та же машина с надписью на борту «Кофейная компания кайзера», которая почти два года курсировала по Польше, набитая неизлечимо больными и инвалидами. Для «работы» в Хелмно гауптштурмфюреру обещали еще несколько автомобилей¹¹. Они должны были прибыть в лагерь в начале 1942 года. В этих машинах, в отличие от первой, где использовалась окись углерода в емкостях, было сделано устройство, направляющее в камеру выхлопные газы от работающего двигателя – «усовершенствование» способа умерщвления в духе стационарных газовых камер.

Тем не менее активизация процесса только при увеличении числа мобильных газовых камер не решала более фундаментальную проблему, которая неизбежно должна была возник-

нуть, если нацисты надеялись таким способом уничтожить «беспольных» лодзинских евреев. Первая машина Ланге ездила по Польше, забирая свои жертвы, что называется, с места, но при умерщвлении лодзинских евреев гетто этот вариант не годился. Если грузовик будет каждый день приезжать в гетто, забирать сколько-то человек, сохранить все в тайне, скорее всего, не удастся. И потом, куда девать трупы? В общем, базой «автомобилистов» Ланге стал Хелмно. Жертвуя на этом этапе основным преимуществом душегубок на колесах – мобильностью, нацисты сделали ставку на другое, более важное, – секретность.

Через шесть недель объект был готов к работе. Первыми жертвами стало еврейское население близлежащих деревень. 7 декабря 1941 года в Хелмно доставили около 700 евреев¹². Людям сказали, что их отправляют в Германию в трудовой лагерь, но сначала нужно пройти санитарную обработку – она осуществляется на объекте, расположенном в 4 километрах¹³. В следующие несколько дней евреев группами загоняли в грузовик и по дороге умерщвляли. Тела закапывали в Жуховском лесу.

После войны Курт Мебиус – эсэсовец, служивший в Хелмно, рассказывал, как работала эта фабрика смерти: «Евреи раздевались под моим надзором. По половому признаку их не разделяли. Перед этим и мужчины, и женщины должны были сдать все ценные вещи; их собирали в корзины польские рабочие. В коридоре имелась дверь, ведущая в подвал. В подвале были указатели “В душевую”... Евреи по лестнице спускались в подвал, там был еще один коридор, который сначала шел прямо, потом, через несколько метров, поворачивал под прямым углом. Здесь они сворачивали направо и поднимались по тоннелю, который вел к машине – к самой ее двери. Обычно евреи шли спокойно и быстро, заходили в автомобиль, ни в чем не сомневаясь. Они верили тому, о чем им сказали [о санитарной обработке]»¹⁴.

Мебиус признавал, что иногда евреи не так уж спокойно и быстро заходили в грузовик. Тогда их подгоняли кнутами специально нанятые для этого поляки. Зофья Шалек, жительница деревушки Хелмно, по которой лагерь получил название (ей тогда было 11 лет), помнит крики людей, которых загоняли в машину. «Они так ужасно кричали... Это просто невозможно было вынести. Однажды привезли детей. Моя мама слышала, как эти дети рыдали, как они просили: “Мамочка, спаси меня!”»¹⁵

Некоторые поляки, которые работали в лагере, ни в чем себе, что называется, не отказывали. По словам Вальтера Бурмейстера, личного шофера Ланге, иногда они выбирали из привезенных какую-нибудь женщину. «Думаю, они предлагали вступить с ними в половые отношения. В подвале была отдельная комната, куда эту женщину отводили на ночь или даже на несколько дней. Она была в полном распоряжении поляков. Впоследствии ее все равно, конечно, умерщвляли вместе с остальными»¹⁶. Есть и свидетельство, что в Хелмно был как минимум один случай изнасилования еврейки перед смертью самими эсэсовцами¹⁷.

Напомним, что Хелмно изначально создавался для умерщвления признанных бесполезными евреев из лодзинского гетто. И тем не менее в первой партии, отправленной из Лодзи в Хелмно 2 января 1942 года, были не евреи, а те, кого нацисты называли цыганами. Их доставили в Лодзь в ноябре 1941-го из Австрии. Жили рома в исключительно тяжелых условиях. Это было гетто в гетто – почти 5000 человек находились на особой территории, огороженной колючей проволокой. Более 600 заболели тифом, после чего нацисты решили в срочном порядке уничтожить этот цыганский лагерь. К 8 января в Хелмно переправили почти 4500 рома из Лодзи. Все они были убиты и захоронены в общих могилах в лесу¹⁸.

Первые евреи из Лодзи прибыли в Хелмно 16 января 1942 года. В гетто их отбирали сотрудники юденрата под присмотром его главы Мордехая Хаима Румковского. 20 декабря Румковский констатировал, что специальная комиссия, состоящая из его помощников, определила список кандидатов на отправку¹⁹, при этом акцент они сделали на депортацию «неже-

лательных элементов», живущих в гетто. В то время еще никто не мог быть уверен, что попавшие в список обречены на смерть. Большинство лодзинских евреев по-прежнему считали, что самое худшее в их судьбе – депортация, ведь лучше знакомый ужас в гетто, чем незнакомый, который ждет их снаружи...

Мобильные газовые камеры в Хелмно быструю смерть не гарантировали. На то, чтобы находившиеся внутри задохнулись, требовалось время, и жители деревни иногда слышали крики, доносящиеся из машины. Затем она уезжала... В лесу двери открывали, и группа евреев, часто назначенных на эту работу немцами под угрозой расстрела, вытаскивала сбившиеся в кучу тела. Потом их волокли к ямам – общим могилам. Один из немцев, руководивший «лесной командой» (*Waldcommando*), был определен на постой в семью Зофьи Шалек. Она на всю жизнь запомнила, как жутко пахла его обувь – разлагающейся плотью²⁰.

Статистика об умерщвленных в Хелмно разнится: от 150 000 до 300 000 человек. Это кошмарное преступление. Страшно много загубленных человеческих жизней, хотя и лишь малая часть от 3 000 000 евреев, живших в Польше... Так или иначе, местные инициативы типа Хелмно нацистов уже устраивать не могли, они ведь собирались покончить с евреями не только в Польше, но и в Европе в целом. Нужны были намного более масштабные скоординированные действия, организованные на государственном уровне. 20 января 1942 года, через четыре дня после того, как в Хелмно прибыли первые евреи из лодзинского гетто, в Берлине, на берегу озера Ванзее, состоялась встреча, которая, по мнению многих, и была посвящена этой теме.

Нетрудно понять, почему в массовом сознании Ванзейская конференция считается ключевым этапом развития Холокоста. Действительно, на ней были определены пути и средства «окончательного решения еврейского вопроса» – программы геноцида еврейского населения Европы. И тем не менее развитие Холокоста как процесса сложно и порой парадоксально. Конечно, было бы гораздо проще определить один момент, в который все и решилось: если не заявление, сделанное Гитлером осенью 1941 года, то встреча представителей правительства и руководителей НСДАП на озере на окраине Берлина в январе 1942-го, но это стало бы ошибкой. Ванзейская конференция – важный, но все-таки лишь подготовительный этап на этом долгом пути.

29 ноября 1941 года Рейнхард Гейдрих разослал приглашения на конференцию для обсуждения наиболее быстрых и экономичных путей решения, как избавить Европу от еврейского населения, на вилле «Марлир» в Берлине, расположенной по адресу Ам-Гросен-Ванзе, 56–58. Получили их 15 высших руководителей нескольких государственных институций: гестапо, службы безопасности СС, высокопоставленные члены НСДАП, представители разных ведомств – министерства юстиции и иностранных дел, департамента национальностей и переселений, а также учреждения, ответственного за распределение еврейской собственности. К приглашениям начальник Главного управления имперской безопасности приложил копию письма Геринга, председателя рейхстага, от 31 июля 1941 года, уполномочивающего его заняться окончательным решением еврейского вопроса, так что ни у кого из приглашенных не могло возникнуть сомнений о целях конференции или правах Гейдриха на ее проведение. Интересно, что среди представителей СС были и высокопоставленные, такие как глава гестапо группенфюрер Генрих Мюллер, начальник Главного управления СС по вопросам расы и поселения группенфюрер Отто Хофман, так и относительно невысокие чины – руководитель «еврейского отдела» тайной государственной полиции оберштурмбаннфюрер Адольф Эйхман, и командующий полицией безопасности и СД генерального комиссариата «Латвия», штурмбаннфюрер Рудольф Ланге. Последнего пригласили как практика – у Ланге, начальника отдела гестапо айнзатцгруппы А, уже был опыт организации и проведения масштабных акций. Присутствовали на конференции и Мартин Лютер из министерства иностранных дел, Роланд Фрейслер из министерства юстиции, заместитель руководителя генерал-губернаторства Йозеф

Бюлер. Первоначально это совещание было назначено на 9 декабря 1941 года, но впоследствии перенесено на 20 января 1942-го.

Надо отметить, что все присутствующие на конференции были хорошо информированы о политике по отношению к евреям и понимали, как важен вклад каждого ведомства в осуществление этого плана. Сомнений в том, что «эвакуация на восток» – это эвфемизм для депортации в концлагеря, а «окончательное решение» означает уничтожение европейских евреев, не было ни у кого.

Итак, решения, принятые на Ванзейской конференции, должны были исполняться разными департаментами правительства рейха, поэтому их следовало оформить в письменном виде. Устных распоряжений теперь было недостаточно. Экземпляр стенограммы, сделанной Адольфом Эйхманом, сохранился, и, несмотря на описательные обороты (в нем, в частности, не упоминается о газовых камерах и крематориях, а говорится о каторжных работах, на которых, надо надеяться, большинство умрут), дает представление об образе мыслей тех, кто был причастен к организации «окончательного решения еврейского вопроса».

Гейдрих заявил, что теперь есть санкция фюрера – вместо принуждения евреев к эмиграции появилась возможность «эвакуировать» их на восточные территории²¹. Для присутствующих в этом не было ничего неожиданного. Из старого рейха уже депортировали тысячи евреев. Впрочем, и масштабы «эвакуации», которые обозначил Гейдрих, можно назвать неожиданными. Он сказал, что потенциально объектами окончательного решения должны стать более 11 000 000 евреев Европы, в том числе из стран, неподконтрольных Германии, таких как Испания и Великобритания (Гейдрих назвал ее Англией). Он уточнил, как будут «ссылать» всех этих евреев – или тот максимум, который им окажется по силам, – на восток, для работы в больших трудовых отрядах. В процессе этой работы, говорил Гейдрих, многие евреи могут из этих отрядов выбыть – это естественные потери. Особое внимание он обратил на то, что сколько-то евреев может выжить в ходе естественного отбора – разумеется, их оставлять нельзя, поскольку они станут ядром для возрождения этой неполноценной расы. Да, с этими евреями тоже нужно будет разбираться... Таким образом, Гейдрих заявил не о новой стратегии, а о расширении уже существующей. Это было продолжением политики, которая началась с желания отправить евреев рейха куда-нибудь за океан, затем превратилась в план депортации на окраины новой Германской империи после войны, а теперь стала схемой работы до смерти на Востоке, не дожидаясь окончания военных действий. Гейдрих признал, что время крупномасштабной «эвакуации» зависит от того, как будут обстоять дела на фронте. Конкретного расписания реализации этой гигантской задачи предложено не было, и создать мощности, достаточные для массового уничтожения евреев, нацистам удастся только через шесть месяцев.

Йозеф Бюлер, представитель генерал-губернаторства, поинтересовался, нельзя ли приступить к «окончательному решению» у них. Он сказал, что на их территории уже находятся евреи, подлежащие уничтожению, поэтому особых транспортных проблем не предвидится. Потом участники совещания обсудили возможные «варианты» реализации «окончательного решения», что, очевидно, является эвфемизмом потенциальных способов уничтожения евреев. Далее речь шла о второстепенных, малосущественных разногласиях в дефинициях. Кроме того, надо было решить, как поступать с теми, кто считался *Mischlinge* – полукровками? Гейдрих упомянул о том, что небольшая часть евреев, например участвовавших в Великой войне и имеющих боевые награды, может быть отправлена в специальное гетто в Терезине – городе в Чехии, на берегу реки Огрже неподалеку от Праги, а не сослана на Восток. Это замечание подтверждает, что, несмотря на все – пока еще – недоговоренности, судьба почти всех евреев была предрешена.

Не имеет значения, о чем не было сказано на Ванзейской конференции. Гейдрих не сказал, как нужно будет «разбираться» с евреями, но прямо заявил, что их надо депортировать на Восток, где всем предстоит работать в трудовых отрядах. В стенограмме нет заявлений о

том, что еврейское население будет уничтожено. Гейдрих пока еще говорил, что евреев необходимо отправлять дальше на восток, на оккупированные советские территории²², но практически сразу после Ванзейской конференции эта концепция была пересмотрена. Евреев ведь можно заставить работать и на польской земле. И умертвить на ней.

Это совещание дало СС возможность установить свою главную роль в «окончательном решении еврейского вопроса». Гейдриха обрадовало выступление Йозефа Бюлера, которого пригласили в Берлин в последний момент, после того, как представители СС в генерал-губернаторстве предупредили Гиммлера, что от Ганса Франка можно ожидать попытки самому определять политику в отношении евреев в своих владениях²³. Гейдрих и Гиммлер решили, что конфликт между Франком и их ведомством, подобный тому, который произошел во время депортации в генерал-губернаторство поляков, повториться не должен. Кроме того, было важно, чтобы министерство иностранных дел, представленное на конференции Мартином Лютером, тоже согласилось с ведущей ролью СС в «окончательном решении». Рейхсфюрер хорошо помнил, как летом 1940 года это ведомство стремилось сыграть главную роль в реализации мадагаскарского плана.

По словам Эйхмана, Гейдрих был доволен результатами встречи. «После конференции... Гейдрих, Мюллер и скромный я удобно устроились у камина. Я впервые видел, как Гейдрих закурил сигарету или сигару... И он пил коньяк, свидетелем чего я не был, наверное, сто лет. Вообще-то он спиртное не употребляет»²⁴.

Тому, что начальник Главного управления имперской безопасности был доволен, удивляться не приходится. Главенствующую роль СС никто не оспаривал. Впрочем, он и не ожидал возражений – по этому важнейшему вопросу среди нацистского руководства соперничества не возникало. И против «высылки» европейских евреев на Восток никто не сказал ни слова. «Высылка» подразумевала смерть, но ведь на фронте советских евреев расстреливают с июня, а немецкие и австрийские умирают в польских и других гетто с октября. Теперь же нужно решить практические вопросы – распространение депортации на Западную Европу и наращивание мощностей. Мощностей, необходимых для «окончательного решения еврейского вопроса». И уже 31 января 1942 года Адольф Эйхман разослал срочные приказы всему командному составу полиции, секретным службам безопасности и руководителям СД, содержащие подробные указания о подготовке депортации евреев Германии, Австрии и Чехии.

На Ванзейской конференции, далеко не самой главной встрече, определившей историю и реалии Холокоста, функционеры, что называется, второго эшелона обсудили способы реализации пожеланий высшего руководства Третьего рейха. Никто из ключевых фигур на этом совещании не присутствовал – ни Гиммлер, ни Геббельс, ни Франк, ни, разумеется, сам Гитлер. Важнейшие решения о судьбе евреев были приняты за несколько месяцев до встречи на вилле «Марлир». Но и там не провозглашался какой-либо один, основополагающий и при этом конкретный лозунг. Не было такого, чтобы фюрер заявил: «Все евреи должны умереть, таким-то способом и в такие-то сроки!» Ставились вопросы и находились на них ответы – один за другим, до тех пор, пока собравшиеся в Ванзее не сказали, пусть пока сами себе, что уничтожение евреев как народа неизбежно. Как это сделать технически и сколько на это потребуется времени, пока, правда, неясно. Вот и «разобраться» с 3 000 000 польских евреев еще не удалось. И, как мы увидим позже, четко определенные сроки не будут названы еще много месяцев.

Ванзейская конференция иллюстрирует для нас и другой аспект этой истории. Слово «Холокост» подводит к мысли, что существовал какой-то единый план уничтожения евреев. Представители разных ведомств нацистской Германии, собравшиеся в Ванзее, по-другому смотрели на этот вопрос. С их точки зрения, было немало решений их «еврейской проблемы». Конечно, имелось генеральное направление – вектор, заданный самим Гитлером: от евреев необходимо избавиться. И тем не менее реализация этого желания могла обретать разные

формы. На вилле «Марлир» Гейдрих говорил об одном из таких решений – перемещении западноевропейских евреев на бескрайние просторы Советского Союза, где они могли бы в тяжелейших условиях работать на благо рейха и постепенно вымирать. Данная идея недалека от замыслов мадагаскарского плана: отправить евреев как можно дальше – пусть там погибают, даже в течение нескольких лет, если потребуется. Был и другой способ «решения», который также обсуждался в Ванзее, и касался он более насущной, с точки зрения нацистов, проблемы – огромного числа евреев в генерал-губернаторстве. От них, в принципе, следовало избавиться быстрее и как-то иначе, хотя до конкретных предложений на том совещании дело не дошло. Все это происходило на фоне еще одного «решения», уже реализуемого: расстрелов евреев-военнопленных и акций против еврейского населения на оккупированных территориях СССР. Сегодня все эти разрозненные действия существуют под общим названием «Холокост», но в то время они не рассматривались как единое целое.

И тем не менее, даже с учетом всего этого, в Ванзейской конференции есть нечто такое, что никогда не перестанет поражать людей здравомыслящих. Дело вот в чем. Ее участники тоже вроде бы были такими. Все они занимали важные и ответственные посты. Большинство имели прекрасное образование – у восьми человек из 15 собравшихся за столом в Ванзее была ученая степень, полученная в немецких университетах. Истребление евреев – целого народа – они обсуждали в спокойной, дружеской обстановке. Участников совещания просили прибыть к завтраку – в 9:00. Заседание же было назначено на 12:00. Во время дискуссий подавали коньяк и закуски. Разговоры велись на роскошной вилле с террасой, с которой открывался вид на озеро – одно из самых красивых и популярных мест отдыха берлинцев. А в соответствии с согласованной на конференции политикой нацистскими властями была создана сеть лагерей смерти, предназначенных для уничтожения людей.

Речь идет не о чудовищном контрасте между обстановкой, в которой все это происходило, и кошмаром, например, лодзинского гетто, где сейчас жили и каждый день умирали евреи – мужчины, женщины, старики, дети... И даже не о том, что, когда участники совещания в Ванзее сидели в роскошном особняке, потягивая французский коньяк, те, кого они обрекли на смерть, уже задыхались в мобильных газовых камерах в Хелмно. Речь о том, что эта конференция показывает, на что способны представители рода *Homo sapiens* – утонченные, эlegantные, высокообразованные. Возможно, немногие из них были способны лично убить еврея – Эйхман говорил, что у него впечатлительная натура и от вида крови ему становится плохо²⁵, – но они одобрили план, по которому лишиться жизни предполагалось 11 000 000 человек. Если люди в принципе способны на такое, на что они могут быть способны еще?..

И наконец, понимание, чем стала Ванзейская конференция в ходе Второй мировой войны, важно именно в ее контексте. В то время как на окраине Берлина Гейдрих уточнял с коллегами детали «эвакуации» евреев на восток, немецкая армия вела тяжелые бои под Москвой. При этом солдаты и офицеры вермахта не только воевали, но и боролись за выживание. У них не было зимнего обмундирования. Боевая техника оказалась неприспособленной к действиям при сильных морозах. Им противостояли свежие дивизии, прибывшие из Сибири. Словом, немецкие солдаты едва сдерживали контрудары Красной армии. Миф о непобедимости вермахта трещал по всем швам.

«Немецкая армия под Москвой представляла собой жалкое зрелище, – рассказывает Федор Свердлов, командир стрелковой роты, сражавшийся той зимой на подступах к столице СССР. – Я хорошо помню немцев в июле 1941 года. Они были такими самоуверенными и сильными... Маршировали, засучив рукава, тащили пулеметы... А зимой они выглядели очень несчастными... Скрюченные, сопливые... Кутались в шерстяные платки, отобранные у старух в деревнях... Конечно, они продолжали обороняться, но это были уже не те немцы, которых мы знали раньше»²⁶.

С учетом всего этого может показаться удивительным, что сейчас руководители Третьего рейха занимались планированием того, что пока еще называли депортацией евреев. Не разумнее ли было подумать о том, как дальше будут развиваться события на театре военных действий? Зачем связывать человеческие и материальные ресурсы в беспрецедентно масштабном плане массовой «депортации» гражданских лиц в тот момент, когда немецкая армия прилагает титанические усилия, чтобы избежать катастрофы?

Ответ прост и в то же время парадоксален. Дело в том, что такие люди, как Гитлер, Гиммлер и Гейдрих, вообще не видели здесь никакого противоречия. Они были уверены, что евреи в тылу представляют для рейха не меньшую опасность, чем бойцы Красной армии, сражающиеся против вермахта под Москвой. А может, даже и большую, поскольку фюрер и его ближайшее окружение продолжали настаивать: во время предыдущей войны евреи уже показали, что они способны подорвать моральный дух дома и воткнуть таким образом нож в спину немецкой армии.

Герман Геринг не устал повторять, что это великая расовая война. «В конечном счете речь идет о том, установится ли немецкое и арийское господство или миром будут править евреи»²⁷. Таким же было глубочайшее убеждение фюрера. Гитлер всегда подчеркивал, что нынешняя война – не обычное противостояние, а экзистенциальная борьба за будущее существование немецкой нации. «Мы ясно представляем, что эта война может закончиться либо истреблением арийских народов, либо исчезновением еврейства в Европе, – сказал Гитлер, выступая в Берлине 30 января 1942 года, в годовщину своего назначения канцлером. – Я уже говорил об этом 1 сентября 1939 года в рейхстаге». Разумеется, фюрер сделал данный «прогноз» не 1 сентября – это произошло семью месяцами раньше, 30 января 1939-го. Он решил, что теперь изменить дату вполне уместно, потому что 1 сентября немецкая армия пересекла границу Польши, то есть начала восточную кампанию. Для Гитлера установить связь между войной и судьбой евреев было важнее стремления придерживаться исторической точности, если у него такое вообще имелось. «Итогом этой войны станет уничтожение еврейства, – продолжал он ту самую речь 30 января 1942-го. – На этот раз будет впервые применен древний еврейский закон – “око за око, зуб за зуб”! И по мере усиления этой борьбы – мировое еврейство может запомнить мои слова – станет усиливаться антисемитизм. Он найдет питательную среду в каждой тюрьме, а каждом лагере, в каждой семье, члены которой узнают, почему они должны приносить жертвы. И настанет момент, когда с самым злостным врагом всех времен и народов будет покончено по крайней мере на тысячу лет»²⁸.

Участники Ванзейской конференции, а она состоялась всего за десять дней до выступления Гитлера, о котором шла речь выше, безусловно, понимали, какую важную задачу решают все вместе, и вскоре получили подтверждение – они принимают участие в борьбе с самым злостным врагом всех времен и народов. Тем не менее внезапного взрыва активности не последовало. В Хелмно продолжали работать мобильные газовые камеры, в Белжеце строились такие же, но уже стационарные, но в Освенциме сооружать новые объекты не спешили. Впрочем, в крематории в главном лагере, где осенью проводились «эксперименты», теперь действовали не только печи.

В Освенциме наряду с некоторыми категориями советских военнопленных начали умерщвлять и евреев из близлежащих районов. Когда сюда прибыл первый транспорт с ними, доподлинно неизвестно. Это могло произойти и поздней осенью 1941 года, и в начале 1942-го. Смерть этих евреев положила начало изменению делопроизводства лагеря: их не регистрировали официально как заключенных, а сразу отправляли в газовые камеры.

Юзеф Пачиньский, польский политзаключенный, был свидетелем того, как в крематории главного лагеря уничтожали группу евреев. Он работал в административном здании, расположенном напротив крематория. Юзефу удалось подняться на чердак, сдвинуть на крыше плохо закрепленную черепицу и все увидеть. «Эсэсовцы вели себя очень вежливо с этими

людьми, – рассказывает Пачиньский. – Они говорили: “Пожалуйста, снимите одежду, сложите свои вещи”. Люди разделись, их завели в крематорий и заперли за ними дверь. Потом один эсэсовец забрался на плоскую крышу здания. Он надел противогаз, открыл люк на крыше, высыпал порошок и закрыл люк. Когда он это сделал, изнутри стали слышны жуткие крики... И это несмотря на то, что стены были толстые»²⁹. Эсэсовцы завели на полную мощность моторы двух мотоциклов, чтобы заглушить звуки, но Пачиньский все равно слышал, как люди кричали на протяжении 15–20 минут. Потом звуки стали становиться все тише и наконец смолкли. Юзеф говорит, что, если бы его увидели, он бы наверняка оказался в газовой камере³⁰.

Ганс Старк, эсэсовец, служивший в Освенциме, после войны дал показания, что в октябре 1941 года присутствовал при такой акции. Ну как сказать присутствовал?.. Ему приказали насыпать гранулы «циклона Б» в люк. Старк говорит: «“циклон Б” – это гранулированный порошок, его сыпали сверху. Вскоре те, кто находился в камере, начали страшно кричать, они понимали, что с ними происходит... Через определенное время газовую камеру открыли. Она была полна мертвых тел... Жуткое зрелище»³¹.

Газовая камера в Освенциме не была, как мы уже знаем, специально оборудована – просто выделенное для эксперимента помещение в крематории. Проблем оказалось немало: крики, доносящиеся наружу, недостаточная скрытность процесса и главное – небольшая вместимость. Кристиан Вирт, бывший административным директором центра эвтаназии в Бранденбурге, ныне руководивший строительством лагеря смерти в Белжеце, думал о том, как им избежать всего этого.

Белжец станет образцом для других специализированных лагерей смерти, в частности Собибора и Треблинки, поэтому нужно понять, что решили проверить нацисты, начав строительство новых объектов. Конечно, Белжец сильно отличается от места, которое обрело самую зловещую известность среди лагерей, – Освенцима-Биркенау. В первую очередь размерами. Белжец был маленьким, но именно там решили опробовать методики, которые предстояло перенести на большие лагеря. Итак, территория квадратная (в Белжице каждая сторона примерно 270 метров), одна сторона располагалась параллельно железной дороге. Лагерь поделили на две части, отгороженные друг от друга забором. На ближайшей к железной дороге находились плац, бараки, где прибывшие евреи раздевались, помещения для охраны и небольшой группы рабочих-евреев, а также склад для хранения вещей, отобранных у обреченных. Вторая часть лагеря предназначалась для уничтожения – там возвели три газовые камеры и оборудовали место для сжигания трупов. С первой частью ее соединял узкий проход, впоследствии получивший название «труба». Газовые камеры были замаскированы под душевые и имели деревянные крыши. Чтобы герметизировать помещения, стены сделали двойными, с наполнителем из песка и земли. Снаружи их обшили жостью.

Вирт и его подручные, контролируя строительство лагеря, опирались на уже имеющийся опыт, полученный в том же Бранденбурге. Подобно неизлечимо больным в центрах эвтаназии, евреям, обреченным на смерть, в Белжеце говорили, что нужно принять душ. А вот газ, подававшийся по трубам, был не окисью углерода. Решили, что эффективнее использовать выхлопные газы дизельного двигателя.

Единственной функцией Белжеца, в отличие от Освенцима, стало умерщвление. Всем, прибывающим в лагерь, было суждено умереть в течение ближайших часов. Как долгосрочный этот конвейер смерти не планировался, подобно нескольким другим специализированным лагерям, в отличие от того же Освенцима. В Освенциме, кстати, многие здания строили из кирпича, а большинство сооружений Белжеца были деревянными.

Кроме того, нацисты намеревались сохранить существование Белжеца и других лагерей смерти в тайне. Освенцим был создан рядом с большим городом – своего рода традиция немецких концентрационных лагерей типа Дахау и Заксенхаузена, в котором кроме всего про-

чего проходили подготовку и переподготовку «кадры» для вновь создаваемых и уже созданных лагерей. Около Заксенхаузена с августа 1936 года располагалась штаб-квартира инспекции концентрационных лагерей, в марте 1942-го вошедшая в состав управленческой группы D (концлагеря) главного административно-хозяйственного управления СС. Освенцим не пытались скрыть. Напротив, в том, что люди знали о существовании этого места, внушающего ужас, нацисты видели своеобразные преимущества. Впрочем, когда в лагере стали использовать для массовых умерщвлений газовые камеры, эту сторону его «деятельности» широко не афишировали. Белжец же, повторим, в самом начале своего существования был экспериментальным полигоном, а всех евреев, которые его строили, уничтожили в ходе испытания новых газовых камер. Они стали первыми жертвами Белжеца³².

Так же как Хелмно был создан для уничтожения «беспольных» евреев из лодзинского гетто, в Белжеце намеревались умерщвлять «беспольных» евреев обширного региона – от Кракова на западе до Львова на юго-востоке. В марте 1942 года лагерь был готов к работе, а к середине апреля в газовых камерах уже уничтожили примерно 45 000 евреев из гетто Люблина, Львова и других районов Восточной Галиции – их доставляли по пять эшелонов в день.

Как лагерь смерти Белжец функционировал с марта до конца 1942 года. Точное число жертв никто не знает, но надежные источники утверждают, что их было от 450 000 до 550 000. Большинство составляли польские евреи, хотя в газовых камерах Белжеца умерщвляли также синти и рома. Из отправленных в Белжец войну пережили единицы (по некоторым сведениям, всего два человека), и это еще одно отличие от Освенцима. По ряду причин, не в последнюю очередь потому, что весь комплекс Освенцима, как мы сейчас знаем, состоял из трудовых лагерей и лагерей смерти и никогда не специализировался исключительно на уничтожении евреев, там заключение пережили около 200 000 человек. В Белжеце единственной возможностью остаться в живых было попадание в небольшую группу отобранных для «работы» с прибывающими. И все равно шансы избежать общей судьбы были призрачными.

Единственным человеком, который оставил личные свидетельства об этом лагере, стал Рудольф Редер, отправленный в Белжец из львовского гетто в августе 1942 года. Когда их эшелон шел на запад, Рудольф знал – всех ждет смерть. Несмотря на стремление нацистов сохранить в тайне свою деятельность, слухи о том, что творится в Белжеце, все-таки ходили³³. В вагоне по пути к лагерю никто не проронил ни слова. «Мы понимали, что нас везут на смерть, ничто не может спасти нас. Апатия, ни единого стога». По прибытии в Белжец им приказали быстро прыгать из вагонов – с высоты больше метра. Некоторые, в первую очередь старики и дети, ломали при этом руки и ноги...

Еврейам велели построиться, и к ним обратился офицер СС. «Нас посетила надежда, – свидетельствует Редер. – Если с нами говорят, может быть, мы останемся живы... Может, нам в конце концов дадут какую-то работу»³⁴. И действительно, эсэсовец сказал, что прибывшие будут использованы как рабочая сила, но сначала необходима санитарная обработка. Им нужно принять душ. «Это был момент надежды и иллюзии, – продолжает Редер. – Люди вздохнули свободнее. Воцарилось спокойствие».

Мужчин отделили от женщин. Мужчинам приказали раздеться и погнали их по «трубе» прямо в газовые камеры. Женщин отвели в бараки и стали стричь наголо (немцы использовали женские волосы в промышленном производстве, в частности при изготовлении войлока). Рудольф Редер говорит, что уже в эти минуты женщины начали догадываться, что дело неладно, и тут же послышались вопли и причитания.

Потом женщины последовали за мужчинами в газовые камеры. Смерть в них, как и в мобильных, наступала не сразу. Редер помнит, что крики и стоны обреченных раздавались 15–20 минут, потом все стихало³⁵.

Сам Рудольф Редер избежал немедленной смерти потому, что его отобрали в команду для работы в крематории – освобождать газовые камеры от трупов и сжигать тела. Если днем эсэсовцам казалось, что кто-то из членов этой немногочисленной команды работает недостаточно усердно, вечером его ставили на край общего захоронения и расстреливали. Утром на его место назначали другого из числа вновь прибывших.

Работа была кошмарной. Когда Редер и другие евреи закапывали трупы, они переходили от одной ямы к другой. «Ноги тонули в крови наших матерей, мы пробирались по горам тел – это было самое страшное, самое жуткое ощущение»³⁶. Удивительно ли, что сами они передвигались, как деревянные?.. «Мы вообще стали одной массой... Мы существовали механически в этой жуткой жизни»³⁷.

Конечно, руководители Третьего рейха знали, что происходит в лагерях смерти. По дневниковой записи Геббельса, сделанной 27 марта 1942 года, можно судить не только о степени его осведомленности о судьбе евреев, но и об общем контексте, в котором принималось решение об их уничтожении. «Применяется довольно варварская процедура, не буду вдаваться в детали, и от евреев остается не так много. В целом можно сказать, что 60 процентов их должно быть ликвидировано, остальные 40 процентов еще можно использовать для работы... Настигшая евреев кара поистине варварская, но полностью ими заслужена. Пророчество фюрера о том, что их ждет в случае начала новой мировой войны, начинает сбываться самым ужасным образом, но в этом вопросе для сентиментальности места нет. Евреи уничтожат нас, если мы не будем защищаться. Это борьба не на жизнь, а на смерть между арийской расой и еврейской бациллой. Никакое другое правительство, никакой другой режим не смогли бы набраться сил, чтобы решить эту проблему в таком широком масштабе. И здесь фюрер является непреклонным сторонником радикального решения, которое вытекает из положения вещей и потому представляется неизбежным. К счастью, во время войны у нас появился целый ряд возможностей, которые были недоступны в мирное время. Освобождающиеся гетто в городах генерал-губернаторства заполняются депортированными из рейха евреями, затем, через некоторое время, процесс должен будет повториться. У евреев теперь отнюдь не райская жизнь, и за то, что их представители в Англии и Америке сегодня организуют и пропагандируют войну против Германии, их представители в Европе должны очень дорого заплатить, и это совершенно оправданно»³⁸.

Первыми иностранными евреями, массово попавшими в руки нацистов после Ванзейской конференции, стали словацкие. При этом история о том, как весной 1942 года словацкие евреи оказались в товарных эшелонах, идущих в Освенцим, в очередной раз свидетельствует о том, что путь, на котором решение еврейского вопроса стало «окончательным», был отнюдь не прямолинейным.

Итак, весной 1939 года вследствие распада Чехословакии после Мюнхенского соглашения Словакия стала отдельной республикой, которая, впрочем, полностью контролировалась нацистской Германией. При этом словацкое правительство с самого начала разделяло антисемитские взгляды лидеров Третьего рейха. В частности, 20 октября 1941 года словацкий президент и премьер-министр при встрече с Гиммлером говорили о возможной депортации 90 000 евреев из своей страны в генерал-губернаторство³⁹.

Немцы, со своей стороны, были заинтересованы в том, чтобы получить из Словакии рабочие руки, но словацкое правительство медлило – пока не нашло альтернативу: 20 000 из этих рабочих должны составить евреи. 16 февраля 1942 года министерство иностранных дел Германии ответило, что рейх готов принять этих евреев «в рамках мер по окончательному решению еврейского вопроса в Европе»⁴⁰. Потом выяснилось, что словаки хотят депортировать евреев целыми семьями. Немцев это не устраивало: им были нужны только мужчины, которые будут работать – сколько смогут. Если вспомнить о решениях, принятых на Ванзейской конферен-

ции, это выглядит странно. Разве нацисты не хотели «эвакуировать» на восток всех евреев до единого? Хотели, но Эйхман и другие, ответственные за практическое осуществление намеченной в Ванзее стратегии, знали, что у лагерей в Польше в данное время просто нет возможности принять нетрудоспособных евреев из Словакии. А до начала «работы» в Белжеце оставался еще целый месяц.

Словацкие власти стояли на своем. В феврале вопрос обсуждался на встрече штурмбанн-фюрера СС Дитера Вислицени – представителя Эйхмана – с премьер-министром Словакии Войтехом Тукой и главой его канцелярии Исидором Косо. Аргумент у словаков был один – разделять семьи не по-христиански. Лицемерность этого заявления Вислицени была ясна: если немцы заберут только кормильцев семей, на плечи словацкого правительства ляжет забота об обеспечении жизни оставшихся⁴¹. В конце концов словаки предложили Германии возместить «расходы», связанные с приемом не только работоспособных евреев, но и членов их семей.

В итоге стороны пришли к совершенно циничному заключению. Словакия платит по 500 рейхсмарок за каждого еврея, которого примет Германия. Немцы при этом пообещали не претендовать на оставшуюся после евреев собственность и гарантировали, что депортированные никогда не вернуться в Словакию. Да, европейская страна, президентом которой был католический священник Йозеф Тисо, согласилась заплатить нацистам за то, чтобы они забрали всех евреев при условии, что те никогда не вернуться. Даже при том, что во время всех этих переговоров словацкие власти не могли знать в подробностях, что может произойти с этими евреями, они наверняка понимали, что депортация грозит им смертью. А как можно было думать иначе, если буквально за несколько дней до этого Гитлер, выступая в Берлинском дворце спорта, заявил, что итогом этой войны будет уничтожение еврейства?⁴²

Заключительное соглашение со словаками – его подписал Гейдрих – было достигнуто только 10 апреля. В одном из первых эшелонов, которые отправились из Словакии в Освенцим, была и 18-летняя словацкая еврейка Линда Бредер. Она вспоминает, что 24 марта 1942 года Глинкова гвардия – полувоенная организация правящей Словацкой народной партии – прошла по всем домам и забрала девушек в возрасте от 16 до 25 лет. Линду вместе со всеми остальными доставили в Стрпков – город в Восточной Словакии. Разместили их в общественном здании. Девушке не было страшно, ведь им сказали, что всех повезут в Германию на работу. «Мы сможем посылать деньги родителям, и они потом присоединятся к нам. Что я могла чувствовать? Я была счастлива. Мы будем трудиться, заработаем деньги, сможем вызвать к себе родителей»⁴³.

Радовались они недолго. Очень скоро бойцы Глинковой гвардии решили показать евреям, насколько они беззащитны и бесправны. «Некоторые словацкие солдаты вели себя просто ужасно, – вспоминает Сильвия Весела, еще одна молодая еврейка, которую забрали глинковцы в марте 1942 года. – Они, например, испражнялись на пол и заставляли нас убирать руками. А еще они называли нас еврейскими шлюхами и били нас. Глинковцы говорили: “Мы научим вас, евреек, работать!” Но мы все были из бедных семей и привыкли к труду... Очень унижительно, когда топчут твое человеческое достоинство. Не знаю, сможете ли вы это понять. К нам относились, как к животным, даже хуже»⁴⁴.

Одним из глинковских гвардейцев, которые охраняли еврейских девушек и позже сопровождали их к эшелону, отправившемуся в Польшу, был 30-летний Михал Кабач. Ярый словацкий националист, он верил антисемитской пропаганде своей партии. «Это все политика, – стоит на своем Кабач. – Наши лидеры говорили нам, что евреи занимались всякими жульничествами и обманывали словаков, никогда не работали и только хотели легкой жизни. Вот почему мы их не жалели». И тем не менее антисемитизм Кабача был не только идеологическим. «Я одно время встречался с еврейской девушкой, – признается он. – У ее отца был большой мага-

зин. И он сделал мне подарок. Это был портрет какого-то еврея. Я понял, что меня посадят, если найдут этот портрет, и выбросил его в реку»⁴⁵.

В Глинковой гвардии у него была хорошая жизнь: «У нас были отличное жалование, жилье, столовая. Не о чем печалиться». А еще у гвардейцев появилась возможность грабить евреев. Кабач это не скрывает. «Когда евреи прибывали в лагерь, мы обычно забирали у них одежду и вещи, – говорит он. – Все евреи должны были показать свои вещи, и охранники брали себе наиболее ценное»⁴⁶. К своему участию в Холокосте Михал Кабач относится спокойно: «Я не вел никого в газовые камеры. Я только сопровождал евреев до польской границы, дальше транспорт переходил в руки немцев. Бог знает, куда они их отправляли потом»⁴⁷.

Итак, еще в Словакии Линда Бредер цеплялась за мысль, что ее отправят в Германию на работу, но 26 марта, когда всех привели на вокзал, она увидела только вагоны для скота. «Где наш поезд, нормальный поезд? – удивилась Линда. – Наверное, на станции мы уже начали понимать, что происходит что-то неладное. В том вагоне для скота были два ведра: одно с водой, другое пустое, чтобы использовать его в качестве туалета». Вскоре после этого им стало известно: они едут не в Германию. Поезд идет в Польшу.

Линда Бредер была в эшелоне, пришедшем в Освенцим из Словакии в конце марта. Они стали первыми женщинами-заключенными в лагере. Женщины прошли под аркой с надписью *Arbeit macht frei* («Труд делает свободным») в ворота главного лагеря Освенцима и вскоре оказались в одном из лагерных блоков. Спать им пришлось на голом полу, сбившись вместе, чтобы согреться. На следующий день всем велели раздеться, чтобы пройти осмотр – «гинеколог» прощупал все, проверяя, не прячут ли женщины золото, а затем их голыми загоняли в бак с ледяной водой. «Эсэсовцы кричали нам: “Вы, евреи, грязные! У вас вши! Вам нужна дезинфекция!”»⁴⁸

Все словацкие женщины пока остались живы – процесс селекции, во время которого определенную часть прибывших из каждого эшелона сразу отправляли на смерть, в Освенциме еще не начался. И дело тут не только в том, что в первых эшелонах находились евреи, изначально признанные годными к труду, но и в том, что единственная газовая камера в крематории главного лагеря для массового уничтожения людей не то чтобы не подходила, но... Убийства в крематории нельзя было сохранить в тайне, потому что он располагался в непосредственной близости как от административных зданий, так и от бараков, в которых жили заключенные.

Эта проблема скоро должна была разрешиться – в двух километрах от главного лагеря в польской деревне Бжезинка (немецкое название – Биркенау) уже возводился новый комплекс. В сентябре 1941 года Гиммлер распорядился построить в Биркенау лагерь, вмещающий 100 000 человек. Изначально он предназначался для советских военнопленных, но в конце октября 1941-го в Берлине решили, что их следует использовать в качестве рабочей силы на территории рейха, а в Биркенау теперь будут направляться евреи. 27 февраля 1942 года комендант лагеря Рудольф Хесс доложил начальству, что, по его мнению, новый крематорий должен быть не в главном лагере – там просто уже нет места, а на территории Биркенау⁴⁹.

При этом ждать завершения строительства нового крематория эсэсовцы не стали. В дальнем углу нового лагеря, в стороне от основных бараков, заложили кирпичами окна небольшого здания, известного как бункер I или «красный домик», и переоборудовали две его комнаты в газовые камеры. В стенах, под потолком, сделали люки, через которые можно было засыпать гранулы «циклона Б». Здесь, в отличие от газовой камеры в крематории главного лагеря, никто не мог слышать крики задыхающихся евреев. Но, решив одну проблему, администрация лагеря создала себе другую. Куда девать трупы? Тела умерших в «красном домике» нельзя было сжечь в печах крематория – их еще не было. Раз нет печей, сжигать решили в ямах, но это было трудоемко и вскоре признано потенциально опасным для здоровья – не членов похоронных

команд, конечно (кого оно интересовало!), а самих эсэсовцев, потому что дышать оказалось тяжело, да и почва в Биркенау мало подходила для всего этого.

Несмотря на сложности, с которыми столкнулась лагерная администрация при ликвидации трупов, начало работы «красного домика» означало, что теперь можно уничтожить больше «беспольных» евреев, чем раньше. А потом в сотне метров от него переоборудовали другое здание, получившее название «белый домик»...

В начале лета 1942 года из Словакии в Освенцим стали приходиться первые «семейные» эшелоны. Теперь, конечно, нужна была селекция. Проходила она на участке неподалеку от железнодорожной ветки, посередине между главным лагерем и Биркенау. На этой площадке, получившей название «рампа», врачи-эсэсовцы за минуту оценивали каждого из вновь прибывших и отправляли тех, кто был ими признан годным к труду, в одну сторону, а тех, кто обречен на немедленную смерть, – в другую.

Семья 17-летней Евы Вотавовой оказалась в Освенциме в июле 1942-го, и это стало кульминацией долгого кошмара. Еще будучи школьницей, Ева слышала, как глинковские гвардейцы праздновали независимость Словакии и кричали: «Словакия для словаков, для евреев – Палестина!» Она вспоминает: «С самого начала стало ясно, что никакого понятия о моральных ценностях у этих людей нет»⁵⁰. Девочка чувствовала себя отвергнутой родной страной и была в отчаянии. «Я не могла с этим смириться, – говорит Ева. – И сейчас не могу...» В 1942 году командир глинковцев жил в их деревне. Ему приглянулся дом семьи Евы, и он сделал все, чтобы Вотавовы попали в число первых еврейских семей, подлежащих депортации. 17 июля Ева, ее отец и мать покинули Словакию в вагонах для скота.

На «рампе» в Освенциме отцу Евы указали в одну сторону, а ей с матерью – в другую. «С той минуты я больше ничего не слышала об отце, – говорит она. – Когда я видела его в последний раз, у него было такое встревоженное и печальное лицо...»⁵¹ Впоследствии отец Евы, как она узнала, был убит в газовой камере. Сама она вместе с матерью оказалась в строительном отряде. Работа была очень тяжелая, а пищи и воды заключенные получали мало. Очень скоро мать Евы, изнуренная и истощенная, заболела. «У нее был сильный жар, начался брюшной тиф... Конечно, тогда я этого не знала. Мама сказала мне, что вечером пойдет в больничный барак. Я плакала и умоляла ее не делать этого, хотя бы еще один день... Оттуда никто не возвращался...» Ева уже знала, что из больничного барака людей сразу забирают в газовые камеры. Мать, несмотря на ее просьбы, все-таки пошла в больницу. Через три дня кто-то из ее сотрудников сказал Еве, что ее мать умерла. Вскоре после этого Еву назначили в другую команду – собирать трупы по лагерю. Тогда рядом с горой тел она и нашла очки своей матери. «Я поняла, что это ее очки, – левое стекло разбилось после того, как маму ударили капо...» Девушка держа в руках очки и рыдала. «Вся ее боль и страдания промелькнули перед моими глазами», – вспоминает она. Ева хранила очки как последнюю память о матери, пока сама не заболела брюшным тифом. Затем подушку, в которой она их прятала, сожгли. Так словацкая еврейка Ева Вотавова потеряла последнюю память о своей матери⁵².

Многие из прибывающих в Освенцим, даже отобранные для работы, умирали в течение нескольких недель, особенно в новой, женской части лагеря. За короткое время он стал одним из самых больших женских концлагерей нацистской системы, хотя сначала там были трудности с охраной. Потребность в надзирательницах впервые возникла с преобразованием концлагеря Лихтенбург в спецобъект для женщин в декабре 1937 года. По мере увеличения числа женских концлагерей, таких как Равенсбрюк и других, надзирательниц требовалось все больше. В Освенциме, в частности, с мая 1940 по январь 1945 года вместе с 8000 эсэсовцев-мужчин служили 200 надзирательниц. Мужской личный состав СС в женские лагеря не допускался, они были заняты только во внешней охране.

В апреле 1942 года в главном лагере содержались 6700 узниц, а к августу 1942-го, когда женщин перевели в Биркенау, в живых осталось лишь две трети⁵³.

Фрико Бредер, словацкий еврей, отправленный в Освенцим в 1942 году, вспоминает: «Мы оказались в Биркенау. Я в то время ничего не знал об этом лагере, но, как только мы его увидели, стало ясно – это ад». Однажды вечером вскоре после прибытия в лагерь к Бредеру подошел капо и сказал, что ему нужны грузчики, хотя, что предстоит грузить, не пояснил. Оказалось, трупы на тачки... Фрико, которому капо пообещал хлеба, взялся за эту работу. Перетаскивая трупы, он увидел тело очень красивой женщины. «Я до сих пор это помню, – говорит Бредер. – Видимо, она попала в лагерь совсем недавно. Покончила с собой или что-то такое... Ночь была ясной, ее тело сияло в лунном свете... Такая красивая...»⁵⁴

Смерть была обыденной в Освенциме с момента его основания, весны 1940 года, но появление словацких семей и селекция на «рампе» стали поистине кошмаром. Признанных бесполезными стариков, больных, детей иногда отправляли в газовые камеры не сразу – им приходилось ждать своей очереди. «Они сидели на земле, – рассказывает Отто Прессбургер, словацкий еврей, работавший в похоронной команде. – Иногда что-то ели, если оставались домашние припасы... В оцеплении стояли эсэсовцы с собаками. Конечно, обреченные не знали, какая участь им уготована. И мы им не говорили... Мы думали: те, кто привел их сюда, – не люди, а какие-то дикие звери...»⁵⁵

Комендант Освенцима Рудольф Хесс в своих автобиографических заметках писал, что семьи ожидали смерти под цветущими плодовыми деревьями. Там же есть такой эпизод: одна женщина, очевидно понявшая, что с ними вот-вот произойдет, прошептала: «Как у вас рука поднимается убивать таких прекрасных, замечательных деток? У вас совсем нет сердца?»⁵⁶ На этот вопрос и на все остальные у Хесса был один ответ – человеческие порывы должны подавляться и уступать место железной решимости, с которой им следует выполнять приказы фюрера.

Евреев из Словакии депортировали не только в Освенцим. 24 000 словацких евреев доставили в Собибор – новый лагерь смерти, расположенный в 80 километрах северо-восточнее Люблина. Собибор стал вторым после Белжеца специализированным объектом, где людей уничтожали в стационарных газовых камерах. Как и Белжец, он располагался рядом с железнодорожной веткой, но место было еще более отдаленным – среди леса и болот. «Я знал, что в Собиборе людей травят газом и сжигают, а значит, это ад и выглядеть там все должно соответствующе, – говорит Тойви Блатт, попавший в лагерь в апреле 1943 года, когда уже несколько месяцев ходили слухи о том, что здесь творится. – Так все и было... И по контрасту – очень симпатичные домики охраны и особнячок коменданта лагеря, выкрашенный в зеленый цвет, с небольшим палисадником»⁵⁷. Комендантом Собибора был 34-летний оберштурмфюрер СС Франц Штангль. Его штаб состоял из 30 офицеров СС, многие из которых имели опыт участия в программе по эвтаназии.

Прежде чем принять командование лагерем, Штангль посетил Белжец и понял, что забот у его людей будет много. Во-первых, ужасный запах. Во-вторых, ямы с трупами. Оберштурмфюреру рассказали, что в одну из них сложили слишком много тел, а процесс разложения пошел очень быстро, поэтому трупы поднялись над краями ямы. Еще бы немного, и они покатались бы вниз по холму⁵⁸.

В Белжеце Штангль снова встретился с Кристианом Виртом, которого он знал по программе Т-4, знал и не любил. Теперь Вирт был высокопоставленным сотрудником инспекции концлагерей. Он недавно посетил Собибор и выразил недовольство тем, что темпы строительства оставляют желать лучшего. Штанглю тогда доложили, что Вирт по прибытии осмотрел газовые камеры, над которыми еще продолжали работать, и сказал: «Хорошо, давайте прямо сейчас проверим их на этих двадцати пяти евреях. Загоните-ка их туда». По словам одного

из подчиненных Штангля, Вирт был жесток со всеми, даже охранника мог ударить хлыстом, чтобы делал все побыстрее⁵⁹.

После войны Штангль уверял, что был удручен возложенной на него задачей и вообще не хотел во всем «этом» участвовать, но свидетели, которые помнят его по лагерю, рассказывают совершенно иные истории. «Комендант отличался особым высокомерием, – говорил еврей Станислав Шмайзнер, выживший в Собиборе. – И потом, он явно получал удовольствие от всего происходящего... Никто другой, хотя они, каждый по-своему, были намного хуже, чем Штангль, не демонстрировал это столь явно. У него с лица не сходила улыбка... Нет, не думаю, что это была нервная улыбка; он действительно был доволен»⁶⁰. У эсэсовца Эриха Бауэра, отвечавшего в Собиборе за работу газовых камер, свой взгляд на Штангля, который, впрочем, также противоречит тому впечатлению, которое хотел создать о себе сам комендант: «В столовой в Собиборе я однажды услышал разговор между Френзелем, Штанглем и Вагнером. Они обсуждали число жертв в других лагерях – Белжеце, Треблинке – и у нас в Собиборе. Жалели, что мы в этом “соревновании” на последнем месте»⁶¹.

Да, при строительстве лагеря в Белжеце нацисты приобрели необходимый в новом деле опыт, но создать в Собиборе эффективно работающий объект им не удалось. Лагерь был расположен в лесу, и это являлось его преимуществом, но железная дорога, которая к нему вела, заходила в тупик, что сильно ограничивало пропускную способность.

В первые дни, когда приходил очередной эшелон, эсэсовцы ждали, пока те, кто мог самостоятельно передвигаться, уходили в лагерь, а затем оставшихся – стариков, больных, инвалидов – сажали на телеги и говорили, что повезут их в госпиталь. На самом деле их везли в глубину леса, где уже находилась группа палачей. Несчастных ставили на край глубокого рва и расстреливали. Времени на все это уходило много, и вскоре сей недостаток устранили – от станции до рва построили узкоколейку⁶².

Рядовых охранников для несения службы по периметру лагеря набрали из числа бывших военнопленных Красной армии, в основной своей массе (около 100 человек) украинцев – так называемых «травников», поскольку большинство из них прошли обучение в лагере «Травники», сформированном на базе пересыльного лагеря для советского гражданского населения и военнопленных, а потом ставшего тренировочным, то есть таким, где нацисты набирали себе помощников для выполнения различных специфических задач из числа разочаровавшихся в советской системе или сломленных войной и тяготами плена. Нельзя не отметить, что многие «травники» отличались чудовищной жестокостью, и немцы стали поручать украинцам⁶³ самые, что называется, кровавые дела. В Собиборе, например, «травники» расстреливали евреев у рва.

Как и в Белжеце, основные работы в лагере в Собиборе делали евреи. Для этого во всех концлагерях отбирали самых физически сильных. Выполнять свои тяжкие обязанности им приходилось от начала процесса: привокзальная команда (*Bahnhofskommando*) сопровождала прибывших от станции в лагерь до его окончания, похоронная команда вытаскивала трупы из газовых камер и сжигала тела. Как и в Белжеце, все члены этих и других команд в любой день рисковали получить пулю или сами могли оказаться в газовой печи. Тех, кто недостаточно хорошо, по мнению администрации, работал, тут же заменяли новыми евреями – эшелоны приходили и приходили.

Тойви Блатт, оказавшийся в Собиборе в 15-летнем возрасте и, будучи крепким парнем, попавший в похоронную команду, свидетельствует, как сильно под воздействием кошмарных обстоятельств менялся характер тех, кто работал в ней. «С уверенностью могу сказать только одно: никто себя до конца не знает... Все мы могли оказаться хорошими или плохими в разных условиях. И сегодня иногда о человеке, который очень добр ко мне, я невольно думаю: “Как бы он повел себя в Собиборе?”»⁶⁴

К первой годовщине нападения на Советский Союз нацистская Германия прошла довольно длинный путь – не в плане продвижения вермахта в глубь территории врага, а в том, что касается концептуальных решений, которые принимали сначала вожди Третьего рейха, а потом их подчиненные, в первую очередь из структур войск СС и некоторых других, в отношении судьбы евреев и, когда она была решена, – способов их уничтожения.

К июню 1942 года уже были созданы первые фабрики смерти Холокоста и разработаны методы умерщвления, которые давали палачам возможность уничтожать очень много людей, не испытывая при этом особых психологических страданий. Теперь нацисты думали только о том, чтобы убить как можно больше евреев, но им требовались помощники, ведь найти всех иностранных *Untermensch* было не так просто. Такие помощники – добровольные – находились, и рассказ о них будет одной из самых тяжелых частей всей этой истории.

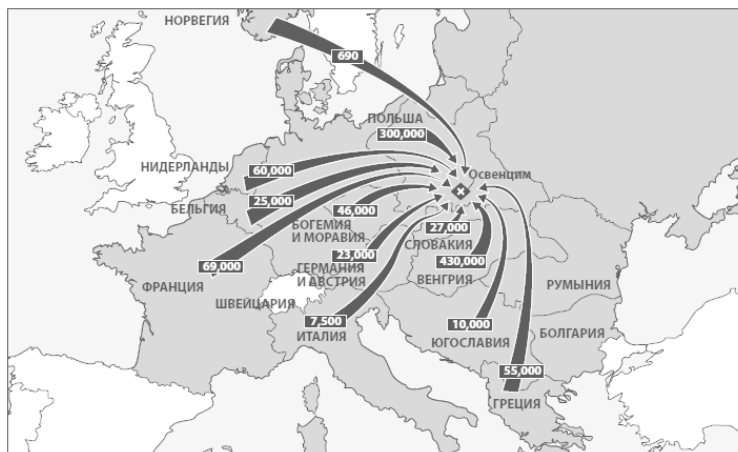
Глава 12

Найти и убить (1942)

В стремлении «эвакуировать» евреев из Западной Европы на восток, где уже начали действовать лагеря смерти, нацисты столкнулись с огромными трудностями, и в каждой стране они имели свои особенности. В оккупированных Голландии, Бельгии, Норвегии и Дании была собственная администрация. Италия являлась союзницей. Францию можно было назвать и квазисоюзной, и оккупированной. Впрочем, дело не только в этом. Летом 1942 года все усилия немецкой армии были направлены на то, чтобы не дать Советскому Союзу переломить ход войны – определяющего конфликта исторического значения, как ее видел Гитлер. В результате этого войска СС для реализации своей задачи – депортации евреев – получали не все ресурсы, которые хотели бы иметь. Кое-чего и кое-кого им не хватало, и первую очередь это касалось основного и вспомогательного персонала на местах. Словом, добиться успеха нацисты могли лишь с помощью коллаборационистов.

Во Франции они в полной мере использовали существующие там предрассудки – не только антисемитские настроения, но и нелюбовь к иммигрантам. Лагеря для размещения нежелательных иностранцев в этой стране существовали еще до создания правительства режима Виши. Один из них, в Гюрсе, в Пиренеях, действовал с 1939 года – там разместили тех, кто бежал от гражданской войны в Испании, причем и испанцев, сражавшихся на стороне республиканцев, потерпевших поражение, и представителей других национальностей. В начале 1940 года в лагерь французскими властями были помещены интернированные граждане Германии, включая еврейских беженцев, а также французские граждане как левых, так и крайне правых убеждений, подвергшиеся заключению во внесудебном порядке из-за своих антивоенных настроений. Условия в Гюрсе были ужасные, люди умирали каждый день.

Конечно, самыми худшими из нежелательных иностранцев, по мнению французских властей, являлись евреи. «Еврей не только не ассимилируемый иноземец, который, внедряясь, имеет тенденцию к созданию государства в государстве, – говорил в 1941 году Ксавье Валла, генеральный комиссар по еврейским вопросам в правительстве Виши. – Он также по характеру иноземец, который стремится доминировать и создавать, вместе с себе подобными, сверхгосударство в государстве»¹.

Число евреев, депортированных в Освенцим. Подавляющее большинство из них там погибли. Почти всех доставляли в Освенцим-Биркенау, хотя первые партии в 1942 году попали

в главный лагерь Освенцима. Цифры взяты из подробного аналитического исследования Франтишека Пипера «Освенцим: сколько погибло» (*Auschwitz: How Many Perished. Oświęcim, Frap Books, 1996. P. 53*).

Пипер указывает, что еще 34 000 евреев были депортированы в Освенцим из концентрационных лагерей и неустановленных мест. Важно отметить, что первоначально определенное им число евреев из Венгрии (438 000) впоследствии сокращено до 430 000 человек. Норвежская королевская комиссия дает более точные данные о евреях из Норвегии, погибших в Освенциме, – 747 человек; это больше, чем выслано из страны (см. с. 312).

И конечно, нужно помнить, что нацисты депортировали евреев не только в Освенцим, но и в другие концентрационные лагеря.

Режим Виши не только принял ряд запретительных законов по отношению к евреям, но и в принципе сочувственно относился к идее их депортации, хотя многие из них бежали из Германии и Австрии от нацистских преследований. Впрочем, французские власти понимали, что даже с точки зрения практической реализации о высылке всех этих евреев можно говорить только в долгосрочной перспективе. «Куда их отправлять? – спрашивал все тот же Валла в 1942 году. – Каким образом, пока идет война? Это должно стать делом победителей – если они смогут найти средства, то по всему миру, если получится, или хотя бы в Европе – для расселения бродячих евреев»².

Несмотря на нелюбовь вишистов к нежелательным иностранцам, первый поезд с евреями, ушедший из Франции в Освенцим в марте 1942 года, был отправлен не в рамках продуманного плана. Это просто стало актом мести. Причины, по которым в том эшелоне оказались больше 1000 мужчин-евреев, искать надо в событиях августа 1941-го. Тогда французские коммунисты посчитали, что нападение Германии на Советский Союз развязало им руки, связанные пактом Молотова–Риббентропа. В Париже было совершено первое покушение на немцев: один военнослужащий убит, второй тяжело ранен. В следующем месяце подпольщики убили еще одного немца. Гитлер пришел в ярость. Немецкие оккупационные власти взяли заложников и троих расстреляли. Вождь нации посчитал такой ответ недостаточным. «Фюрер полагает, что один немецкий солдат стоит гораздо больше, чем три французских коммуниста, – писал фельдмаршал Вильгельм Кейтель из ставки Гитлера в Восточной Пруссии. – Фюрер надеется, что за подобные случаи месть будет самой жестокой. При следующем покушении за каждого [убитого] немца следует без промедления расстреливать как минимум сто человек. Без таких драконовских мер мы не сможем держать ситуацию под контролем»³.

Тем не менее генерал Отто фон Штюльпнагель, командующий немецкими войсками в оккупированной Франции, полагал, что такие «польские меры» во Франции не сработают⁴, и основания для этого у него были. В частности, после того, как в октябре 1941 года в Нанте немцы расстреляли 98 заложников, по стране прокатилась волна возмущения. В январе 1942-го Штюльпнагель был вынужден подать прошение об отставке, хотя, как он отметил в письме Кейтелю, генералу казалось, что он нашел решение, как предотвратить дальнейшие покушения на немецких военнослужащих: «Убежден, что я мог бы проводить безусловно необходимые действия в ответ за покушения на наших солдат другими средствами – казнями в ограниченных количествах, но в первую очередь отправкой значительного числа евреев и коммунистов на восток, что, с моей точки зрения, произведет более действенный эффект на местное население, чем массовые расстрелы, которых французы не понимают»⁵.

Преемник Штюльпнагеля, его двоюродный брат Карл Генрих Штюльпнагель, правда, получит разрешение проводить политику контрмер через высылку. Он, кстати, и в дальнейшем нацеливал своих подчиненных на то, чтобы те сосредоточивались на евреях и коммунистах, подчеркивая, что все коммунисты – евреи, а все евреи – коммунисты. Таким образом, первая

депортация евреев из Компьена в Освенцим в марте 1942 года – 1112 человек – была проведена в ответ на действия участников Сопротивления. Для немцев не имело значения, что ни один из этих 1112 евреев не был признан виновным в совершении покушения на немецких военнослужащих. Связь между еврейством и коммунизмом неоспорима, а значит, того, что все эти люди евреи, достаточно.

Эшелон с французскими евреями прибыл в Освенцим 30 марта 1942 года, через несколько дней после первого эшелона с евреями словацкими. Французские евреи, так же как и словацкие, селекцию по прибытии не проходили. Их сразу зарегистрировали в лагере, но через пять месяцев пребывания в Освенциме более 1000 из них уже не было в живых.

Массовая депортация евреев из Франции в рамках «окончательного решения» началась летом 1942-го. Планировалась она как часть общей схемы, принятой для всей Западной Европы. 11 июня Адольф Эйхман провел в Берлине совещание, на котором обсуждалась ее реализация с представителями Франции, Голландии и Бельгии. Начальник отдела гестапо IV В4, который часто получал приказы непосредственно от Гиммлера, а не от своих непосредственных начальников Мюллера и Кальтенбруннера, сообщил собравшимся, что есть распоряжение фюрера о массовой депортации евреев с запада, но 90 процентов из них должны быть сильными и здоровыми. Не способными к труду могут быть только 10 процентов⁶. Названы были и конкретные цифры – 10 000 евреев из Бельгии, 15 000 из Голландии и 100 000 из Франции. Представителя Эйхмана в Париже, 29-летнего гауптштурмфюрера СС Теодора Даннекера, такая «квота» для Франции удивила.

Даннекер понимал, что выполнить эту задачу он сможет только при содействии французских властей. В 1942 году на территории Франции было 3000 немецких полицейских – мало для того, чтобы не сорвать «план». Но ведь есть еще 100 000 сотрудников французской полиции⁷. Позицию своей стороны на встрече немецких и французских чиновников 2 июля 1942 года обозначил Рене Буске – генеральный секретарь национальной полиции Франции режима Виши. Из оккупированной зоны Франции – территории, находящейся под административным управлением немцев, – могут быть депортированы только евреи-иностранцы. В свободной зоне – территории, подконтрольной французскому правительству, – его подчиненные помогать немцам не будут. «Французская сторона не имеет ничего против задержания евреев, – сказал Буске, – но непосредственное участие в нем было бы неловким»⁸. Начальник немецкой полиции безопасности Гельмут Кнохен возразил – в Берлине такая точка зрения вряд ли найдет понимание, и французский коллега ее тут же изменил. Они будут сотрудничать на обеих территориях, но задерживать все-таки станут не французских, а только иностранных евреев. Потом Буске подтвердил, что маршал Петен согласен на депортацию иностранных евреев со всей территории Франции – это будет первым шагом⁹. Даже разговоров о том, что французские евреи каким-то образом смогут избежать депортации – скажем, за счет иностранных, – не было. Представители режима Виши просто отметили: иностранных евреев вышлют первыми.

4 июля 1942 года премьер-министр коллаборационистского правительства Пьер Лаваль встретился с Даннекером и обсудил последовательность действий. Лаваль сказал, что французская сторона заинтересована в том, чтобы при «эвакуации» еврейских семей со свободной территории забирали и детей до 16 лет¹⁰. Да, это было предложение режима Виши. Премьер-министр Франции, страны, имеющей славную историю защиты прав человека, сказал, что еврейских детей тоже лучше сразу забрать. Позже Лаваль пытался оправдываться, представляя свои действия как акт гуманизма – как можно разлучать семьи? Никакой критики все это не выдерживает хотя бы потому, что премьер-министр знал о намерениях Гитлера в случае мировой войны уничтожить в Европе евреев как расу. Французы, так же как и словаки, скорее всего, руководствовались «экономическими» соображениями: если евреям, подлежащим депортации, будет позволено оставить малолетних детей, это станет для страны пробле-

мой. Премьер-министр этой страны получить такую проблему не хотел, вот и пытался от них избавиться. При этом Пьер Лаваль даже не был яростным антисемитом. Он был политиком – бессердечным и циничным.

В течение двух дней, 16 и 17 июля 1942 года, 9000 сотрудников французской полиции принимали участие в акции, ставшей позором Парижа, – облаве, более известной как *grande rafle*. Аннет Мюллер, в то время девятилетняя девочка, семья которой жила в 10-м квартале столицы, помнит, как полицейские ворвались в их квартиру и мать умоляла их пощадить детей. «До сих пор вижу – офицер полиции оскорбляет маму, толкает ее. Эта сцена стоит у меня перед глазами...»¹¹ Аннет, ее младшего брата Мишеля и мать отвели в ближайшее общественное здание, где собирали всех евреев. Два старших брата девочки, воспользовавшись хаосом, сумели скрыться. Сделать это им велела мать – она не питала иллюзий по поводу того, что может ждать семью в неволе. Отец Аннет, которого в эту ночь не оказалось дома, был поляком, и несколько месяцев назад узнал, что немцы расстреляли многих его родственников, живших в генерал-губернаторстве...

В ходе *grande rafle* французские полицейские вытащили из дома и задержали 12 884 евреев – почти 10 000 в первую ночь облавы, остальных – на следующий день. Несколько тысяч человек, в том числе Аннет, семилетнего Мишеля и их мать, доставили на Вель-д'Ив – зимний велодром на левом берегу Сены и заперли там. Из десяти имевшихся на велодроме туалетов открытыми были меньше половины. Кран с водой работал только один. Задержанным давали лишь воду и еду, которую приносили представители Красного Креста. По тем, кто пытался бежать, сразу, без предупреждения, открывали огонь.

С велодрома евреев отправили в «Бон-ла-Роланд», лагерь временного содержания в департаменте Луара. Общая атмосфера была напряженной, пугающей, но Аннет и Мишель не боялись, потому что рядом была мама. «Мы чувствовали ее защиту, – говорит Аннет. – Мы верили, что, пока она здесь, с нами ничего не случится». Тем не менее девочка переживала о том, что будет с ней и с братом, когда они вернутся в школу, потому что начало занятий, пожалуй, окажется пропущенным...

В «Бон-ла-Роланд» они пробыли три недели. Евреи, конечно, не могли знать, но все это время нацисты обсуждали, как поступить с детьми, задержанными во время облавы. Даннекер запросил указания из Берлина, и Эйхман в телефонном разговоре 20 июля дал их – детей тоже можно отправить на Восток, но попозже. Французские власти решили вместо того, чтобы дожидаться, когда семьи можно будет депортировать вместе, в первую очередь отправить взрослых. Забыли о мнении Лавалья, что это негуманно – разлучать детей с родителями¹²... Впрочем, прозвучало оно намного позже.

В начале августа в «Бон-ла-Роланд» детей отделили от взрослых. «Всех нас собрали вместе, посередине лагеря, – вспоминает Аннет, – и полицейские стали очень жестоко отгонять женщин. Дети цеплялись за их одежду... Было много криков и слез...» Последним, что помнит девочка о матери, стала ее улыбка: «Мама подала нам знак глазами. Мы следили за ней. Она улыбалась, словно хотела сказать, что вернется»¹³.

Матерей отправили в лагерь «Дранси» в пригороде Парижа. Он располагался в комплексе зданий, конфискованных немецкими оккупационными властями в 1940 году, и сначала использовался как полицейские казармы, а затем был преобразован в первичный центр содержания под стражей в Парижском регионе для изоляции евреев и всех остальных, кого планировалось депортировать из Франции. Большинство евреев, высланных из Франции, – около 69 000 человек, отправили на восток именно отсюда. В 1942 году лагерная администрация была французской. Условия содержания в «Дранси» оказались ужасными. В лагере царила антисанитария, узники голодали. Отчаяние было здесь главной эмоцией и, когда доставили матерей, разлученных со своими детьми, стало просто невероятным. Одетт Далтроф-Батикль, попавшая в

«Дранси» тем летом, вспоминает: «Эти женщины очень страдали, потому что им пришлось оставить детей. Были случаи, что они выбрасывались из окон. Одна еврейка выжила, потому что упала на колючую проволоку, но многие разбивались»¹⁴.

Для Аннет Мюллер и ее брата Мишеля, оставшихся без матери, жизнь в «Бон-ла-Роланд» стала невыносимой. «После расставания с мамой я несколько дней не хотела выходить из барака, так мне было плохо. Я рыдала и не могла остановиться. Лежала на соломе и твердила себе: это моя вина в том, что мама уехала, потому что я плохо себя вела. Вспоминала все, в чем могла себя упрекнуть. Теперь с нами постоянно был страх. Охранники злились и все время угрожали нам. Говорили, чтобы мы молчали».

О матерях, которых разлучили с детьми, в лагере осталось удивительное воспоминание. «В уборной, в выгребной яме, среди экскрементов, виднелись такие блестящие штучки – бриллианты... Это были украшения, в том числе обручальные кольца, которые наши матери предпочли выбросить в отхожее место, а не сдать. Вообще-то всем им было приказано сдать драгоценности...»¹⁵

Через две недели пребывания в «Бон-ла-Роланд» детей перевезли в «Дранси» – их матерей к этому времени уже отправили в Освенцим. В «Дранси» Аннет с братом, как и многие другие, страдали от дизентерии. Она помнит, что некоторые французские охранники отводили глаза, чтобы не видеть, в каком состоянии находятся дети, но большинство выполняли свои обязанности с большим усердием и без эмоций¹⁶.

Одетт Далтроф-Батикль пыталась, как могла, помочь детям: «Прибывшие были в ужасном состоянии. Завшивленные, страшно грязные, и у всех дизентерия. Мы пытались их помыть, но вытирать было нечем... Потом мы постарались накормить их – эти дети несколько дней не ели, и им было тяжело проглотить хоть что-нибудь. Кроме того, мы попробовали составить их список – имена и фамилии, но многие свои фамилии не знали. Они просто бормотали что-то вроде: “Я младший братик Пьера...” Мы упорно продолжали попытки персонифицировать их. У старших, конечно, все узнали, но у маленьких это было невозможно. Матери привязали им на руку деревянные дощечки с написанными именем и фамилией, но большинство малышей эти дощечки сняли и играли ими друг с другом... Дети все время рассказывали о своих родителях, в основном о матерях. Они говорили о том, как расстались с мамами, и мы чувствовали: эти мальчики и девочки понимают, что больше никогда с ними не увидятся. Я, по крайней мере, это чувствовала»¹⁷.

Аннет и Мишелю, в отличие от очень, очень многих других, повезло. Дело в том, что все это время их искал отец – искал и нашел. Теперь детей нужно было вызволить. Через посредника ему удалось подкупить французских чиновников, и Аннет с братом из «Дранси» перевели в другой перевалочный пункт – в самом городе, на Монмартре. Там он тоже сумел «договориться» с охраной и забрал сына с дочерью. Аннет и Мишеля спрятали в католическом сиротском приюте. У большинства других детей такого спасителя, который помог бы им, не оказалось... И будем откровенны: если бы отцу Аннет и Мишеля не удалось избежать облавы 16–17 июля, они тоже почти наверняка оказались бы в одном из семи эшелонов, которые ушли из «Дранси» в Освенцим, увозя осиротевших детей на смерть.

Одетт Далтроф-Батикль вспоминает, что перед отправкой им обрили головы. «Это было ужасно... Помню одного маленького мальчика с длинными светлыми локонами, который говорил: “Моей маме так нравятся мои волосы, что мы их не стрижем...” Потом я увидела его обритого. Малыш был в полном отчаянии... Для детей, особенно для девочек 10–12 лет, это бритье стало настоящим унижением»¹⁸.

Нельзя не сказать о том, что во Франции звучали протесты против депортации евреев, в первую очередь из уст священнослужителей. 23 августа архиепископ Тулузы Жюль-Жеро Сальеж выступил с пастырским посланием, в котором, в частности, было сказано: «Нашему

времени предназначено быть свидетелем трагического спектакля, в котором к детям, мужчинам и женщинам, отцам и матерям относятся как к стаду скота, когда членов одной семьи разлучают друг с другом и отправляют в неизвестном направлении...»¹⁹ Протест выражали и другие церковные иерархи, в том числе архиепископ Марселя, но от папы Пия XII этим чувствам не прозвучало ни слова публичной поддержки, и сострадательные протесты французских клириков пропали втуне.

К концу 1942 года из Франции в Польшу были депортированы 42 500 евреев. Премьер-министр правительства Виши Пьер Лаваль не пропускал ни одного случая, чтобы не дать понять – он доволен результатом. «Лаваль никак не упомянул о давлении со стороны немцев, – сообщили американцы, встречавшиеся с ним в августе 1943 года. – Он откровенно заявил, что еврей-иммигранты всегда были проблемой для Франции. Правительство радо, что изменение отношения немцев к ним дало Франции возможность избавиться от евреев»²⁰.

Отношение французских властей к преследованиям и депортации евреев разительно отличается от отношения их южных соседей – итальянцев. Многие ли знают, что фашистский режим Бенито Муссолини не занимался депортацией итальянских евреев? Ситуация изменилась только летом 1943 года, после смещения Муссолини с поста премьер-министра и последующей оккупации Италии Германией. Любопытно отметить, что, хотя Гитлер, обратив внимание на приход Муссолини к власти в 1922 году, вдохновился его примером в создании национал-социалистического движения, среди итальянских фашистов было много евреев. В частности, министром финансов в кабинете Муссолини с 1932 по 1935 год являлся Гвидо Юнг. Одной из ближайших соратниц Муссолини и его любовницей на протяжении 25 лет была Маргарита Царфати, по отцу еврейка. Тем не менее, несмотря на все это, мнения об отношении дуче к евреям и о степени его антисемитизма в этот период противоречивы²¹. Наверняка можно сказать одно: какими бы ни были взгляды Бенито Муссолини, они не мешали ему работать с евреями и даже делить ложе с еврейками.

То, что чернорубашечники дуче терпимо относились к итальянским евреям, возможно, и неудивительно. Во второй половине XIX века евреи сражались на стороне Джузеппе Гарибальди, великого героя Италии и образца для подражания Муссолини, в борьбе за объединение страны, и после победы гарибальдийцев официальная дискриминация итальянских евреев прекратилась. Теперь они могли занимать даже высшие государственные посты. Например, Джузеппе Оттоленги в 1902 году стал военным министром, а Алессандро Фортис в 1905-м премьер-министром.

Открыто антисемитским режим Муссолини стал только в конце 1930-х – после того, как итальянский диктатор решил установить прочную дружбу с гитлеровской Германией. В 1938 году был принят целый ряд законов, ущемляющих права евреев, в том числе признававший незаконными браки между ними и неевреями. Тогда же последовало введение запрета на службу евреев в вооруженных силах. Тем не менее подоплеку всего этого искать нужно скорее в оппортунизме, нежели в глубоком антисемитизме. Несомненно, среди итальянских фашистов были и ярые антисемиты, но большинство населения страны с трудом понимало, почему их соседи-евреи вдруг должны стать жертвами преследований. При этом даже фашистская администрация демонстрировала существенную гибкость в применении антисемитских законов (например, в июле 1939 года была создана комиссия, которая имела право «ариизировать» отдельных евреев, преимущественно тех, кто мог за это хорошо заплатить).

Вступление в 1940-м Италии в войну не ознаменовалось массовой активизацией преследований итальянских евреев, хотя полиция начала интернировать евреев-иностранцев, живущих в стране. На оккупированных итальянской армией территориях политика в отношении местных евреев была относительно мягкой. В частности, в Хорватии, где итальянская армия заняла большую часть побережья, ее военнослужащие подчас защищали евреев от усташей

– членов хорватской фашистской ультраправой националистической организации, отличавшихся ярким антисемитизмом. В 1942 году правительство Анте Павелича согласилось с тем, что оставшихся в живых евреев надлежит депортировать из страны, но несколько тысяч, казалось бы, уже обреченных нашли убежище в зоне итальянской оккупации. Немцы попросили Муссолини распорядиться о сотрудничестве, и тем не менее итальянские власти в Хорватии тянули с принятием этого решения и находили все новые причины, по которым якобы не могут удовлетворить все требования немцев²².

В ноябре 1942 года в ответ на высадку союзных войск в Северной Африке немцы оккупировали всю территорию Франции, и с этого момента власть правительства Виши стала чисто номинальной. В это же время они согласились с тем, что Италия направит свои войска в восемь французских департаментов, которые раньше контролировали вишисты, близ Средиземноморского побережья. Это привело к прямой конфронтации между итальянской и французской администрациями, в ходе которой проявились два совершенно разных подхода к судьбе евреев. Генерал Карло Аварна ди Гуалтиери заявил, что итальянцы будут стараться управлять этой территорией Франции на основании гуманных законов²³. Реализуя этот план, его подчиненные препятствовали желанию вишистов преследовать евреев. В частности, итальянцы разрешили евреям-иммигрантам остаться жить на побережье (по правилам марионеточного режима их следовало депортировать в глубь территории) и отказались выполнить требование французов ставить в документах евреев особый штамп. Французские власти этот более «гуманный» подход к решению «еврейского вопроса» не приветствовали. Пьер Лаваль неоднократно выражал неудовольствие поведением итальянцев и даже просил немцев оказать для восстановления контроля над этими территориями соответствующую поддержку²⁴.

Чем же можно объяснить «гуманизм» итальянцев на оккупированных территориях? Отчасти тем, что те хотели показать – со своими немецкими союзниками они являются равноправными партнерами и угроз не потерпят. В отличие от французов итальянцы были не побежденной нацией, вынужденной вступить с немцами в такие отношения, которые будут диктоваться с позиции силы, а гражданами страны гордой и независимой, сознательно выбравшей роль активной участницы войны. Кроме того, Италия, опять же в отличие от Франции, приняла не так много евреев-иммигрантов, и итальянцев никогда не учили ненавидеть евреев, как это делали в Германии. На занятых ими территориях итальянцы могли предоставить евреям защиту без особого риска для себя. Так почему бы и не помочь? Конечно, это не означает, что итальянские солдаты были святыми, и доказательств этому немало²⁵.

В это же самое время в Освенцим отправляли и голландских евреев. К концу 1942 года из Нидерландов на восток их было депортировано около 40 000. Это стало возможным не только вследствие добровольного сотрудничества голландских властей, но и потому, что немцы ввели систему поголовной регистрации местных евреев. В январе 1941 года всем им было приказано зарегистрироваться в местных органах власти. Так практически все голландские евреи – около 160 000 человек – и сделали.

Кроме того, немцы создали в Нидерландах еврейский совет, во главе которого стояли Дэвид Коэн и Авраам Ашер. Позже оба подверглись диффамации: многие расценили их сотрудничество с немцами в процессе депортации как предательство. Отчасти это произошло потому, что в 1942 году немцы выдали еврейскому совету 17 500 освобождающих сертификатов, а сие означало, что члены совета и их семьи сумели избежать высылки, хотя и временно, а когда Коэн и Ашер уже не могли избежать «эвакуации», их отправили не в лагеря смерти на Восток, а в концентрационные лагеря на территории рейха и протектората, где они и дожили до окончания войны.

На совещании 11 июня 1942 года Эйхман говорил о депортации 15 000 голландских евреев, но уже через три недели эту цифру в Берлине скорректировали до 40 000. Возможно,

такое решение было принято потому, что нацистам оказалось намного проще «работать» в Нидерландах, чем они предполагали. Вот во Франции, например, Даннекер выражал сомнения в том, что сможет выполнить поставленную перед ним задачу²⁶.

4 июля голландским евреям были разсланы первые письма с предписанием о массовой депортации. Доктор Хемельрийк, один из преподавателей еврейского лицея в Амстердаме, вспоминает царившую в те дни атмосферу: «На первой выпускной церемонии (она же оказалась последней) в нашей школе чувствовалось тяжелое дыхание смерти. Все девушки старше пятнадцати лет получили указание к часу пополудни явиться на Центральный вокзал. Место назначения неизвестно. Родители понимали, что отправляют своих дочерей непонятно куда беззащитных и никогда больше их не увидят. Сопровождать детей не разрешалось. Девушки уходили, часто после душераздирающих домашних сцен, с надеждой на то, что тем самым спасают отцов и матерей. Конечно, этого не произошло»²⁷.

Ни в еврейском совете, ни в еврейской общине в целом никто не мог сказать наверняка, что ждет этих девушек и тысячи других евреев, которых отправляли в неизвестность. Тем не менее через нескольких дней после начала депортации поползли слухи. Подпольная газета *De Waarheid* 3 августа обратилась к голландским полицейским с призывом, который уместнее назвать мольбой: «Вспомните о своем человеческом и профессиональном долге – не арестовывайте евреев и только делайте вид, что выполняете приказы, направленные против них. Дайте им возможность бежать и скрыться. Помните, что каждый мужчина, каждая женщина и каждый ребенок, которых вы арестуете, будут убиты, и их убийцами окажетесь вы»²⁸. 29 июля *Radio Orange*, вещающее из Лондона, спрашивало весь мир: «Какую пользу немецкой военной экономике приносит то, что они сгоняют в лагеря тысячи беззащитных польских евреев и уничтожают их в газовых камерах? Какую пользу получает их военная экономика, когда теперь из собственной страны высылаются тысячи голландских евреев?»²⁹

Упоминание о газовых камерах свидетельствует: уже в это время обществу было известно, что происходит с евреями. 9 июля в том же Лондоне польское правительство в изгнании созвало пресс-конференцию, на которой присутствовал британский министр информации Брендан Брекен. Журналистам сообщили, что немцы обдуманно исполняют чудовищный план по уничтожению евреев в Польше³⁰, но союзники все еще ставили под сомнение глобальность намерений нацистов. Может быть, голландских и прочих европейских евреев они будут использовать исключительно как рабочую силу?

Первое громкое предупреждение о том, что это общий план уничтожения евреев и он уже начал реализовываться, прозвучало в августе 1942 года из Швейцарии. Глава женеvского бюро Всемирного еврейского конгресса Герхард Ригнер, немецкий юрист, бежавший в 1933-м во Францию, а затем в Швейцарию, на основании данных разведки, полученных из немецких источников в Центральной Европе, пришел к следующим выводам: «Существует план, который продолжает детализироваться. Согласно ему, все евреи из стран, оккупированных или контролируемых Германией, общим числом от 3 500 000 до 4 000 000 человек должны быть после депортации в концентрационные лагеря на востоке уничтожены одним ударом, чтобы раз и навсегда покончить с еврейским вопросом в Европе. Сообщается, что акция планируется на осень. Способы уничтожения, включая использование синильной кислоты, до сих пор обсуждаются. Мы передаем эту информацию с осторожностью, поскольку не в состоянии подтвердить ее точность»³¹.

Когда эти сведения получили руководители Всемирного еврейского конгресса, у них не осталось сомнений в том, какая судьба уготована евреям. И тем не менее, что с ними делать, в Нью-Йорке решить не могли. В конце концов в штаб-квартире нашли способ довести сообщение Ригнера до британского правительства – это произошло в середине августа³². Американским властям оно стало известно немного позже. Сначала Ригнеру просто не поверили.

Союзникам потребовалось как минимум четыре месяца, чтобы удостовериться в том, что это правда. И британцы, и американцы получили информацию из других источников, в том числе свидетельства очевидцев варшавского гетто. Теперь они были готовы публично осудить нацистов³³. Последовало совместное заявление, и о преступлении, которого еще не знало человечество, узнал весь мир.

17 декабря 1942 года Великобритания, США и СССР выразили свое негодование в связи с нацистскими бесчинствами по отношению к евреям. Энтони Иден, министр иностранных дел Великобритании, выступая в палате общин, говорил о многочисленных сообщениях о том, что нацистские власти не ограничились лишением всех евреев, проживающих на территориях, на которые распространяется их варварское правление, элементарных человеческих прав и приступили к исполнению неоднократно высказываемого Гитлером намерения уничтожить еврейскую нацию в Европе. «Евреев из всех оккупированных стран депортируют с невероятной жестокостью и в самых кошмарных условиях на территорию Восточной Европы... Ни о ком, увезенном таким образом, больше не было никаких известий»³⁴. Иден сказал, что союзники самым решительным образом осуждают зверскую политику хладнокровного геноцида и что виновным в совершении этого преступления не удастся уйти от возмездия.

За несколько месяцев до этого выступления британского министра иностранных дел в палате общин Герхард Ригнер и его коллеги лично передали информацию об уничтожении евреев монсеньору Филиппе Бернардини – папскому нунцию в Швейцарии. «Мы сказали: “Пожалуйста, попросите Ватикан вмешаться, – рассказывает Ригнер, – и сохранить, по крайней мере в тех странах, где это еще возможно, то, что можно сохранить от еврейского сообщества”»³⁵. Глава женевского бюро Всемирного еврейского конгресса свидетельствует, что ответ из Ватикана был уклончивым. Другими словами, попытка заручиться заступничеством Святого престола успехом не увенчалась. Папа Пий XII по-прежнему отказывался публично осудить истребление евреев, хотя в рождественском послании 1942 года сказал несколько слов о тех, кто «...без всякой вины со своей стороны и зачастую лишь на основании национальности или расы обрекается на смерть или медленное умирание»³⁶. Но произнести слово «евреи» понтифик был не готов.

Те, кто пытается оправдать бездействие папы Пия XII, часто говорят о том, что происходило в Нидерландах летом 1942 года, считая эти события одной из ключевых причин его молчания. Тогда нацисты узнали, что архиепископ Утрехта Йоханнес де Йонг намерен осудить депортацию евреев, и предупредили кардинала, что, если он это сделает, из Голландии депортируют и евреев, принявших христианство. Архиепископ на шантаж не поддавался, и 20 июля 1942-го со всех кафедр страны было зачитано его пастырское послание. В нем прямо говорилось о преследовании евреев. Кроме того, в послании цитировались слова из письма, направленного оккупационным властям девятью днями раньше. Голландские священнослужители тогда заявили, что глубоко потрясены акциями, которые совершались против евреев в Нидерландах, исключаящими их из участия в нормальной жизни общества, а потом с ужасом узнали о новых мерах, при которых мужчины, женщины, дети и целые семьи будут депортированы на территорию Германии и зависимых от нее стран. Эти действия глубоко противоречат нравственному чувству голландского народа, поэтому церковь призывает немцев не реализовывать их³⁷.

Конечно, нацисты просьбу церкви проявить по отношению к голландским евреям элементарную гуманность проигнорировали. Более того, они исполнили свою угрозу депортировать из Нидерландов евреев, принявших христианство. Сколько именно их было выслано на восток, точно не известно. Возможно, несколько сотен³⁸, хотя есть и другие данные – 92 человека³⁹. Дело не в точных цифрах, а в том, что после того, как архиепископ де Йонг распорядился зачитать во всех храмах свое письмо протеста, десятки людей расстались с жизнью,

и есть мнение, что это и стало причиной молчания папы Пия XII. «Высылка из Голландии евреев, перешедших в христианство, значительно повлияла на политику Святого престола. Это очевидно», – говорит кардинал Эммануэль Кларизио, служивший во время войны в Ватикане. Архиепископ Дженнаро Веролино, папский нунций, тоже утверждает, что понтифик пытался сделать все, что мог. «И если порой кажется, что он делал недостаточно, то это лишь потому, что опасался усугубить ситуацию. Опасался, что его действия будут неверно истолкованы и это приведет к более тяжким последствиям»⁴⁰.

На первый взгляд, аргумент убедительный: надо молчать, иначе это приведет к новым смертям. И тем не менее в гибели крестившихся евреев повинен не архиепископ де Йонг, а национал-социалисты. Кровь на их руках, а не на руках служителя церкви. В любом случае кто может поручиться, что нацисты сдержали бы свое обещание не депортировать голландских евреев, принявших христианство, если бы архиепископ промолчал?⁴¹

А вот коллаборационисты, сотрудничавшие с немцами, оправдывают свои действия тем, что, если бы на их месте были другие, все могло быть еще хуже. В частности, после войны некоторые голландские чиновники говорили, что в результате их деятельности ряд мер, которых изначально требовали оккупационные власти, оказался ослаблен. Однако при детальном рассмотрении выясняется, что эти оправдания недостоверны. Дело в том, что рейхскомиссар Голландии Артур Зейсс-Инкварт ставил перед ними заведомо невыполнимые задачи, а потом немцы корректировали их в соответствии с реальной ситуацией. Уловка нехитрая, но так нацисты обеспечивали себе административное сотрудничество местных чиновников не только в Нидерландах⁴².

Что касается папы Пия XII, он не только хранил молчание по поводу депортации евреев. Понтифик никогда публично не выражал возмущение злодеяниями, которые совершали нацисты в отношении поляков-католиков. «Мы все ждали чего-то – хоть слова, – говорит Витольд Злотницкий, боец Армии крайовой – вооруженных формирований польского подполья, действовавших в пределах довоенной территории Польши, а также в Литве и Венгрии. – Какого-то признания наших действий. Слова сочувствия. Слова надежды. Но не полнейшего молчания»⁴³.

Папа римский и католическая церковь в целом потенциально обладали огромной силой, особенно в Словакии. Президент Словакии Йозеф Тисо сам был католическим священником, и многие бойцы Глинковой гвардии были католиками. Весной 1942 года, в начале депортации, лидеры еврейской общины в Словакии призывали Ватикан выразить протест в связи с их изгнанием из страны. Ответ привел их в смятение: приоритетом церкви является спасение только тех евреев, которые перешли в христианство.

Отдельные представители духовенства, например братиславский приходской священник Августин Поздеч, высказывались против жестокости высылки евреев. О возмущении этого святого отца действиями словацкого правительства и нацистов в Ватикане стало известно благодаря папскому нунцию в Будапеште. «Я уязвлен до глубины души, – говорил Поздеч, – тем, что людей, единственной виной которых является то, что они родились евреями, насильственно лишают имущества и изгоняют – отняв последние крупницы личной свободы – в чужую страну... Нельзя допустить, чтобы мир безмолвно наблюдал за тем, как младенцев, смертельно больных стариков, юных девушек отрывают от семей. Молодых людей угоняют как животных: увозят в вагонах для скота в неизвестном направлении, и будущее их очень туманно»⁴⁴. Августин Поздеч был исключением. В 1942 году подавляющее большинство словацких католиков – клириков и мирян – никак не протестовали против депортации евреев.

Один из ближайших сподвижников папы кардинал Доменико Тардини, член Римской курии, признавал проблемы, с которой столкнулась церковь, не выступая против действий президента Словакии. «Все понимают, что Святой престол не может остановить Гитлера, – писал

монсеньор Тардини в марте 1942 года. – Но кто сможет понять, что Ватикан не знает, как обуздать католического священника?..»⁴⁵ Папу же волновали не резоны, которыми руководствовался Йозеф Тисо, а то, что Советский Союз может одержать победу в войне. Он опасался последствий, которые неизбежно возникнут у Римско-католической церкви, если в Европе все решать будут коммунисты. В такой ситуации весной 1942-го понтифик вполне мог задуматься: какой смысл публично порицать Тисо, католика, который сейчас, будучи главой страны, противостоит сталинским армиям безбожников?

В августе того же года во время мессы Йозеф Тисо сказал, что избавиться от еврейской чумы – христианское дело, и добавил, что евреев обратить в христианство невозможно. «Еврей останется евреем, – заявил президент Словакии, – даже если его крестят сто епископов»⁴⁶. Впрочем, через два месяца он распорядился прекратить депортацию. Почему Тисо это сделал, до сих пор не вполне понятно. Один вероятный ответ заключается в том, что к этому времени Словакия уже «эвакуировала» со своей территории согласованное с немцами число евреев⁴⁷. Возможно также, что президент внял протестам, доносившимся из-за рубежа, и задумался о ширящейся осведомленности мировой общественности о том, что большинство евреев высылаются на верную смерть. Впрочем, даже на суде после войны Йозеф Тисо не говорил, что остановил депортацию, руководствуясь гуманными соображениями.

К октябрю, когда высылки прекратились, немцам было выдано около 58 000 евреев. В Словакии их оставалось еще 24 000. Опасность для них не миновала – в 1944-м ситуация в стране изменилась, и депортации возобновились.

Искушение пойти вопреки фактам по принципу «а что, если бы» очень велико. Что, если бы папа Пий XII все-таки предпринял какие-либо действия против Йозефа Тисо в самом начале депортаций, весной 1942 года? Предположим, понтифик бы пригрозил ему отлучением от церкви. Во время Второй мировой войны такой случай был, правда немного позже. Летом 1943 года лидера бельгийских рексистов Леона Дегреля отлучили от церкви за то, что он пришел на богослужение в эсэсовской форме. Преступления Тисо, безусловно, страшнее, но, хотя под конец войны Ватикан сурово критиковал его, католическим священником он оставался до последнего вздоха. Даже в тюрьме в апреле 1947-го, осужденный за измену и ожидавший казни, Йозеф Тисо был в сутане.

Евреи, страдавшие и умиравшие в варшавском гетто, тоже понимали, что в силах папы отлучить тех, кто попирает все божеские и человеческие законы, от церкви. Нам это известно благодаря Яну Карскому, участнику польского Сопротивления, человеку поистине уникальному. В 1942 году Карский тайно посетил варшавское гетто и, переодевшись немецким солдатом, гетто в Избице Любельской, из которого евреев направляли в Белжец и Собибор. «Я увидел ужасные вещи, – вспоминает о варшавском гетто Карский. – Я увидел кошмарные вещи. Я увидел трупы, лежащие на улицах. Я шел по улицам и говорил себе: “Запомни это”. И я запомнил». В гетто Карский встретился с лидерами еврейской общины. Они сказали, что у них есть просьба. «“Мы не знаем, как принято обращаться к папе, мы евреи. Но мы понимаем, что у вашего папы есть власть открывать и закрывать врата рая. Пусть он закроет их для всех, кто преследует нас. Он не должен говорить, что это касается всех немцев. Только тех, кто преследует и убивает евреев. Может он сказать, что из-за этого их отлучат от церкви? Может быть, это поможет. Может быть, даже Гитлер задумается. Кто знает? Может, некоторые немецкие католики задумаются и выступят с протестами. В память о наших общих корнях. У нас же общие корни... Ты сделаешь это?” Я ответил: “Я сделаю это”. И я это сделал»⁴⁸. Увидевший своими глазами все ужасы варшавского гетто Ян Карский сумел покинуть Польшу, через Германию и Францию добрался до нейтральной Испании, откуда через Гибралтар попал в Лондон. Генерал Владислав Сикорский, глава правительства Польши в изгнании, решил передать его доклад правительствам Великобритании и США.

Карский лично разговаривал с Энтони Иденом, а в июле 1943 года был принят президентом США Франклином Рузвельтом. Он рассказал им и многим другим политикам о страданиях евреев и умолял об оказании помощи гибнущим. Карский также пытался добиться того, чтобы Ватикан выступил против нацистов более жестко. И тем не менее тогда этот набат не услышали.

Летом 1942 года нацисты не обошли своим вниманием и Бельгию. На совещании в Берлине, прошедшем 11 июня, Эйхман, говоря об этой стране, назвал цифру 10 000 евреев. В июле гестапо начало операции по их массовым арестам в Брюсселе и Антверпене. Евреев везли в транзитный лагерь в Мехелене, а оттуда на восток. Первый эшелон ушел из Бельгии 4 августа.

Королева Елизавета, мать короля бельгийцев Леопольда III, происходившая из династии Виттельсбахов – рода, с конца XII века до 1920-х годов правившего Баварией, Курпфальцем и некоторыми близлежащими землями, обратилась к немецким властям с просьбой не высылать из страны евреев, имеющих бельгийское гражданство, и это ходатайство было удовлетворено. Да и что бы пока не согласиться, ведь 90 процентов из 52 000 евреев, проживавших в стране, бельгийскими подданными не были⁴⁹.

И все-таки в Бельгии процесс депортации проходил труднее, чем в Нидерландах. Отчасти это можно объяснить конфликтом между военной администрацией и высокопоставленными чинами СС, но еще и тем, что многие еврей-иммигранты, попавшие в Бельгию, спасаясь от нацистских преследований в других странах, уже понимали, что на востоке немцам они нужны отнюдь не в качестве рабочей силы. К тому же, в отличие от голландских, местные чиновники соглашались сотрудничать с оккупантами не столь охотно. Тем не менее задача, поставленная Эйхманом, – депортация 10 000 евреев, была решена к середине сентября 1942-го, а к концу года из Бельгии выслали уже 17 000 человек.

Осенью 1942-го евреев депортировали на восток и из Норвегии. Коллаборационистское правительство Видкуна Квислинга содействовало немцам. Норвежская полиция принимала активное участие в арестах⁵⁰. При этом в декабре Квислинг заявил, что его администрация, сотрудничая с нацистами, защищает себя от евреев⁵¹. И конечно, нельзя забывать о том, что норвежские власти получали от того, что сами называли принудительной эмиграцией евреев, финансовую выгоду: в конце октября 1942 года в стране начал действовать закон, по которому все еврейские активы и недвижимость переходили государству.

26 ноября торговое судно «Донау» с 532 евреями на борту вышло из Осло и направилось в Штеттин. 1 декабря все эти люди уже были в Освенциме. Всего там, с учетом последующих депортаций, погибли 747 норвежских евреев. И все-таки большинству из 2000 евреев этой страны удалось бежать от нацистов, чаще всего через границу в нейтральную Швецию⁵².

Те, кто разработал и сейчас воплощал в жизнь план «окончательного решения еврейского вопроса», понимали, что им придется вносить в него поправки не только учитывая конкретные обстоятельства в каждой стране, но и исходя из того, с кем предстояло иметь дело – государством союзным или оккупированным. В Норвегии, Голландии и Бельгии нацисты могли организовывать процесс депортации сами, хотя и в этом случае им требовалась помощь местной администрации, но действовать столь же решительно в Италии, Румынии, Болгарии, Венгрии и Хорватии им было намного сложнее, ведь все эти страны не находились под властью Третьего рейха, а являлись партнерами в альянсе – младшими, но партнерами.

Интересный пример того, с какой осмотрительностью нацисты строили отношения с союзниками, представляет Болгария. Здесь жили около 50 000 евреев – меньше 1 процента всего населения, но в XX веке страна пережила несколько бунтов, направленных против них. В болгарском правительстве было немало ярых антисемитов, но в целом в этом балканском государстве такого бескомпромиссного антисемитизма, какой существовал, например, в Словакии, не отмечалось. Официально на стороне стран оси Болгария выступила 13 декабря 1941

года, объявив войну США и Великобритании, но сначала Германия согласилась с тем, что она вернет себе территории, отошедшие после окончания Великой войны Румынии. В апреле 1941 года Болгария расширилась еще больше, поучаствовав вместе с немцами во вторжении в Грецию. Теперь частью Третьего Болгарского царства – Великой Болгарии – стали Фракия и Македония.

При этом болгары продемонстрировали свою независимость. Болгария была единственной союзницей Германии, которая не разорвала дипломатические отношения с СССР и, как следствие, не воевала против него. Основывалось это решение на давних доброжелательных исторических связях с Россией. В вопросе о евреях болгарское правительство оказалось намного уступчивее. В ноябре 1941 года в стране был принят закон о защите нации, в котором содержался ряд антисемитских положений, в частности таких, как запрет на браки между евреями и неевреями и запрет на работу в государственных учреждениях. И все-таки с оккупированных болгарскими территориями первые евреи были отправлены в лагеря смерти только в марте 1943 года.

В другой балканской стране – Хорватии – ситуация складывалась диаметрально противоположно. Поразительно, но даже эсэсовцев порой шокировала жестокость, которую проявляли усташа, – и не к евреям, а к сербам. В феврале 1942 года глава полиции безопасности и СД в Хорватии докладывал Гиммлеру, что военизированные формирования усташей совершают зверские злодеяния против стариков, женщин и детей⁵³. Как зверство в данном случае расценивались способы расправы: в документах службы безопасности СС есть свидетельства того, что усташа, в частности, закалывали крестьян заостренными деревянными кольями⁵⁴. В июле 1941 года немецкий посол в Хорватии обратил внимание местных властей на многочисленные акты террора, совершенные против сербов, и сказал, что это вызывает в Берлине серьезную озабоченность⁵⁵. Альфред Йодль, начальник штаба оперативного руководства Верховного командования вермахта, подтвердил на Нюрнбергском процессе в 1946 году, что знал о невообразимых, по его собственному определению, жестокостях, совершенных одним конкретным подразделением усташей в июне 1942-го. В документах есть свидетельство, что действия этого подразделения были сочтены настолько ужасающими, что полевой полиции немецкой армии пришлось вмешаться и разоружить его бойцов⁵⁶.

Тем не менее нацисты не возражали против злодеяний, которые творили усташа в отношении евреев. К лету 1942 года большинство из 40 000 проживавших в Хорватии евреев оказались в концентрационных лагерях на территории страны, в основном в «Ясеноваце» в 60 километрах от Загреба – комплексе из пяти тесно связанных между собой объектов, известных под номерами с I по V. По разным оценкам, хорватскими усташами в нем было убито от 83 000 до более 700 000 человек – десятки тысяч сербов, а также тысячи евреев и цыган. После этого немцы распорядились о депортации оставшихся в живых евреев на восток. Первый эшелон в Освенцим ушел из «Ясеноваца» 13 августа.

Несмотря на невероятную жестокость усташей, войскам СС в Хорватии не удалось реализовать «окончательное решение» еврейского вопроса так, как им бы хотелось. Фундаментальной проблемой для нацистов, как мы уже знаем, стало отношение хорватского руководства к отдельным евреям. В апреле 1944 года оберштурмбаннфюрер СС Хельм в докладе, отправленном в Берлин, особо отметил, что многие хорватские руководители связаны с евреями семейными и брачными отношениями и принятое ими решение о возможности объявлять отдельных евреев «почетными арийцами» означает, что сделать эту страну свободной от евреев будет очень трудно. Хорватия союзница, а не покоренная страна, поэтому можно только убеждать ее правительство избавиться от евреев, занимающих государственные должности, и применять в предоставлении прав «почетных арийцев» более строгие стандарты⁵⁷.

Возникли проблемы с отношением к евреям и в Венгрии, хотя там антисемитскую деятельность уже удалось активизировать. В августе 1941 года венгры выслали из страны около 17 000 евреев, не имевших венгерского гражданства, и почти все они погибли: были расстреляны айнзатцгруппами и частями СС в Каменец-Подольском на Западной Украине. Венгры сыграли главную роль и в оккупации территории бывшей Югославии, проводившейся очень жестоко. В частности, в январе 1942 года они зверски расправились с несколькими сотнями евреев в сербском городе Нови-Сад. Наряду с этим многих венгерских евреев забрали в трудовые батальоны, где кроме каторжной работы их ждали и страшные мучения. Есть письменные свидетельства о том, как в одном отряде такого батальона евреев вывели зимой на мороз и поливали водой из шланга до тех, пока они не превратились в ледяные статуи⁵⁸. В другой раз венгерский офицер отдал распоряжение казнить весь отряд – 96 человек. Из них 30 евреев он расстрелял лично.

По некоторым оценкам, на восток было депортировано более 30 000 венгерских евреев. И тем не менее правительство не считало необходимым высылать всех евреев как из страны, так и с соседних территорий, оказавшихся под контролем Венгрии, а их насчитывалось более 750 000. Несмотря на то что благодаря вмешательству Германии Венгрия по Венским арбитражам получила в 1938 году часть Словакии и Закарпатскую Украину, а в 1940-м от Румынии – часть Трансильвании, адмирал Миклош Хорти, регент Венгерского королевства, был против вмешательства немцев во внутренние дела своей страны. К тому же приходилось учитывать, что после того, как переданных в руки нацистов евреев убили в Каменце-Подольском, многие в стране высказывали недовольство. В марте 1942 года Хорти отправил в отставку пронацистски и антисемитски настроенного премьер-министра Ласло Бардоши – именно по его настоянию в августе 1941-го был принят Третий еврейский закон, серьезно ограничивший возможности евреев заниматься предпринимательством и получить работу, а также запретивший им вступать в брак с неевреями, – на менее радикального политика Миклоша Каллаи. Хорти, очевидно, уже задавал себе вопрос, пойдет ли на пользу Венгрии выдача нацистам еврейского населения. События на фронтах развивались таким образом, что впору было спрашивать и о том, кто победит в этой войне. И скоро правительство Каллаи начало тайные переговоры с участниками антигитлеровской коалиции...

Действия венгров, вызывавшие в Берлине сильное раздражение, не сказать чтобы удивительны – адмирал Хорти всегда был дальновидным и прагматичным политическим деятелем. И все-таки в марте 1944 года ему пришлось дать согласие на ввод в Венгрию немецких войск, а с ними и войск СС. Депортация евреев началась снова.

И наконец, еще одна союзница нацистской Германии – Румыния. Эта страна уже продемонстрировала большое рвение в уничтожении евреев. Румынские войска, вступив на территорию Советского Союза одновременно с немецкими, уничтожили на Украине, действуя параллельно с айнзатцгруппами, более 160 000 евреев. Маршал Антонеску и его соратники депортировали из Восточной Румынии в Транснистрию 135 000 евреев, из которых около 90 000 погибли в концентрационных лагерях⁵⁹.

Летом 1942 года казалось, что румыны будут активно сотрудничать с немцами и очистят от евреев всю свою территорию. 8 августа газета *Bukarester Tagblatt*, издаваемая в Румынии немецким посольством, объявила, что все подготовительные мероприятия для решительного освобождения Румынии от них завершены⁶⁰. Вскоре новость подтвердила и *Völkischer Beobachter*, отметив, что в течение следующего года Румыния будет полностью очищена от евреев⁶¹. Но затем по поводу депортации возникли споры.

Маршал Антонеску не говорил, что прекращает подготовку к депортации остающихся в стране евреев, но и не называл конкретную дату, когда она должна начаться. Причин такого лавирования было несколько. Как нам уже известно, мировая общественность узнала о судьбе

евреев. Это означало, что главе любого государства, которое отдает их в руки нацистов, впоследствии окажется очень сложно изображать неведение в этом вопросе. Конечно, в случае победы Германии это не будет иметь никакого значения, но кто даст гарантию, что победит именно она?.. Да, вермахт продвигается к Волге и горам Кавказа, но в войну вступила Америка... Даже у высшего немецкого руководства подчас возникали если не сомнения, то уж вопросы точно. В частности, генерал Фридрих Фромм, начальник управления вооружений сухопутных войск, фактически контролировавший все подразделения немецкой армии, находящиеся на внутренней (тыловой) территории Германии и подчинявшийся напрямую Гитлеру, в сентябре 1942 года представил фюреру доклад об истощении производственных и ресурсных мощностей для нужд армии и предложил отложить наступления, запланированные на лето 1942 года. Не лучше ли начать переговоры с западными странами о прекращении войны⁶²? Гитлер пришел в ярость, и от отстранения с должности Фромма спасло лишь заступничество начальника Генерального штаба Франца Гальдера.

Между румынами и немцами в это время явно нарастало недоверие. Антонеску посчитал, что к Раду Лекке, специальному уполномоченному румынского правительства по еврейскому вопросу, во время его визита в Берлин летом 1942 года не проявили достаточного уважения. С другой стороны, судьба евреев волновала некоторых влиятельных лиц в самой Румынии – наиболее активную позицию занимал папский нунций в Бухаресте архиепископ Андреа Кассуло, и маршал об этом знал. В то же время штурмбаннфюрер СС Густав Рихтер, уполномоченный по делам евреев в составе германского посольства в Бухаресте, сообщил Эйхману, что, по его сведениям, некоторые румынские политики получают взятки от евреев⁶³. Словом, летом 1942 года маршалу Антонеску, подобно адмиралу Хорти, предстояло принять непростое решение. Не то чтобы его внезапно начали мучить угрызения совести относительно участи четверти миллиона евреев, которых он обрек на смерть за предыдущий год. Просто менялись обстоятельства.

А вот у Адольфа Гитлера по-прежнему не было никаких сомнений. В радиообращении к нации 30 сентября 1942 года фюрер назвал евреев людьми, которые дергают за ниточки спятившего человека в Белом доме, и с угрозой пообещал: «В Германии евреи в свое время смеялись над моими пророчествами. Не знаю, смеются ли они до сих пор, или уже не склонны смеяться, но ручаюсь, что они прекратят смеяться везде»⁶⁴. Многие его соратники были настроены не менее воинственно. В октябре 1942-го, вскоре после того, как генерал Фромм представил Гитлеру свой доклад, Роберт Лей, председатель Германского трудового фронта – объединенного профсоюза работников и работодателей, на встрече в Эссене сказал следующее: «Мы сознательно сожгли за собой все мосты. Мы практически решили в Германии еврейский вопрос. Одно это – нечто невероятное»⁶⁵, а Геринг, выступая в Берлине, заявил: «Пусть немецкий народ осознает одно: насколько необходима была эта битва! Кошмарная ситуация, в которой мы жили раньше, была невыносима»⁶⁶.

Итак, кто-то уже считал нужным искать возможности выйти из войны раньше, чем она будет проиграна, а кто-то понимал, что, раз все мосты сожжены, придется сражаться до конца. Последние продолжают уничтожать евреев, не думая о последствиях. Неудачи на поле битвы никогда не собьют их с взятого в Ванзее курса. Больше того, со временем станет ясно, что по мере нарастания военных трудностей многие из этих апологетов национал-социализма еще больше укрепятся в своей решимости убивать евреев. И понял ли хоть кто-нибудь из них, что война против евреев – единственная, в которой они могут одержать победу?

Глава 13

Нацистские лагеря смерти в Польше (1942)

В войне нацизма против евреев основополагающим годом стал 1942-й, а главным полем сражения оказалась Польша. И потому, что все самые страшные лагеря смерти были созданы на польской земле и сюда шло подавляющее большинство эшелонов со всей Европы, и потому, что в Холокосте погибло больше польских евреев, чем евреев из любой другой страны, – около 3 000 000¹... Половина всех этих людей была убита в ходе «окончательного решения еврейского вопроса».

19 июля 1942 года Гиммлер в ходе инспекционной поездки по Польше дал следующее указание: «Переселение всего еврейского населения генерал-губернаторства должно быть проведено и закончено к 31 декабря»². По мнению рейхсфюрера, необходимо было полностью освободить от евреев территорию. Он ясно дал понять, что это не пожелание, а приказ: к концу года уничтожить всех евреев.

Польских евреев стали отправлять в лагеря смерти, и почти всех уничтожали там в первые же часы. Депортации могли временно избежать очень немногие – только те, чья работа считалась необходимой. После же прибытия в лагерь – не трудовой, а лагерь смерти – ненадолго остаться в живых могли лишь те, кто попал в рабочую или похоронную команду.

Распоряжение Гиммлера – ключевой момент в истории Холокоста. В начале 1942 года нацисты не могли знать наверняка, сколько евреев им придется умертвить в ближайшее время. Даже в Ванзее все еще говорили о борьбе с *Untermensch* как длительном процессе, в ходе которого евреи, занимаясь тяжелым подневольным трудом, в конце концов вымрут от голода и изнурения. Но в июле 1942-го рейхсфюрер распорядился иначе: «Мы будем уничтожать евреев массово, и прямо сейчас». Это была принципиально иная позиция, и реализация нового плана стала возможной потому, что технически процесс умерщвления больших групп людей – тех же самых евреев – нацистами уже был в достаточной мере отработан.

Данное решение было принято спустя несколько месяцев после Ванзейской конференции, но считать его только следствием этой встречи нельзя. Если бы в двух уже действующих на территории Польши специализированных лагерях смерти со стационарными газовыми камерами не происходили в это самое время существенные изменения, «переселение» всего

еврейского населения генерал-губернаторства длилось бы еще очень долго. Ни в Белжеце, ни в Собиборе не было возможности истребить столько людей, сколько хотелось бы вождям Третьего рейха. Но летом 1942 года оба лагеря активно расширялись. И оснащались новым оборудованием... В середине июня в Белжеце временно перестали принимать эшелоны. Все внимание администрации было сосредоточено на строительстве новых газовых камер, в которых можно одновременно умерщвлять больше тысячи человек. Во второй декаде июля составы начали прибывать снова – надо было приступить к выполнению задачи, поставленной рейхсфюрером. Собибор тоже на время приостановил свою деятельность. В конце июля ремонтировали железнодорожную ветку, по которой евреев доставляли в лагерь, и модернизировали существующие газовые камеры. Их вместимость предстояло увеличить вдвое – с 600 до 1200 человек. Кроме того, 23 июля, через четыре дня после отданного Гиммлером распоряжения, начала работать Треблинка – новый лагерь смерти, который с Варшавой связывала прямая железнодорожная линия протяженностью около 100 километров. Здесь погибнет больше евреев, чем в любом другом концентрационном лагере, за исключением Освенцима.

В этот момент случились несколько событий, имевших чрезвычайно важные последствия. Во-первых, произошли существенные административные изменения. В начале 1942 года генерал-губернатор Ганс Франк был уличен в мздоимстве и предстал перед партийным судом в лице Бормана и Гиммлера, с которыми давно находился в конфронтации. Под давлением серьезных обвинений Франку пришлось пойти им на значительные уступки, и его власть в генерал-губернаторстве ослабла. Что касается политики по отношению к евреям, Гиммлер решил, что отныне там она будет осуществляться исключительно согласно пожеланиям из Берлина, то есть его собственным. И фюрера, разумеется. Это важно, поскольку в генерал-губернаторстве жили около 1 700 000 евреев – больше, чем на какой-либо другой подконтрольной Германии территории. Во-вторых, в генерал-губернаторстве уже действовал личный представитель рейхсфюрера по созданию структуры управления СС и концлагерями (в том числе лагерями смерти) – глава войск СС и полиции округа Люблин Одило Глобочник. Он и руководил непосредственно созданием Белжеца, Майданека, Собибора и Треблинки.

Возник также вопрос с обеспечением продовольствием. В апреле 1942 года в генерал-губернаторстве были сокращены некоторые нормы, что могло вызвать понятное недовольство среди немецкого населения. Руководители Третьего рейха свою точку зрения высказали раз и навсегда – прежде, чем испытывать нехватку еды начнут немцы, умрут от голода все остальные. Так сказал Геринг на совещании высокопоставленных чиновников и военных 6 августа 1942 года: «Этой бесконечной заботе о чужих народах должен быть положен конец раз и навсегда. И в этом смысле ваши слова о том, что люди будут голодать, для меня не имеют значения. Пусть мрут, главное, чтобы ни один немец не страдал от голода»³. За несколько дней до этой встречи Гиммлер приказал с августа ограничить поставки продовольствия в Варшаву, а крестьян, которые не будут передавать свою продукцию немецким властям, расстреливать⁴. Разумеется, есть и другой способ сократить потребность в продовольствии на оккупированных территориях – уничтожить тех, кто в нем нуждается. В данном случае евреев генерал-губернаторства.

И конечно, фактором, укрепившим желание Гитлера и Гиммлера вплотную заняться «окончательным решением еврейского вопроса», стало покушение на исполняющего обязанности протектора Богемии и Моравии Рейнхарда Гейдриха. Спланировало его британское Управление специальных операций (*Special Operations Executive, SOE*). Утром 27 мая 1942 года в Праге два диверсанта, члены чешского Сопротивления Йозеф Габчик и Ян Кубиш, которые прошли курс подготовки под Манчестером, обстреляли открытый «мерседес», в котором находился Гейдрих. Через восемь дней он скончался от полученных ранений. 9 июня на похоронах Гейдриха Гиммлер сказал: «У нас есть священный долг – отомстить за его гибель, продолжить его дело и теперь еще энергичнее, чем раньше, беспощадно уничтожить врагов нашего народа,

не допуская ни малейшей слабости»⁵. Вечером в компании высокопоставленных офицеров СС рейхсфюрер был предельно откровенен: «В этом году никто, речь идет о евреях, никуда не будет перемещаться. С этим необходимо окончательно разобраться»⁶. Операцию по уничтожению евреев генерал-губернаторства назовут «Рейнхард» – в память о Гейдрихе. В ходе ее с июля 1942 по октябрь 1943 года в лагерях смерти Белжец, Собибор и Трешлинка были убиты свыше 2 000 000 евреев и около 50 000 цыган из пяти округов генерал-губернаторства – Варшавы, Люблина, Радома, Кракова и Галиции.

В этот период Гиммлер неоднократно встречался с Гитлером, и есть убедительное свидетельство, что решающими в плане определения масштабов операции «Рейнхард» стали их беседы 23 апреля и 3 мая. Гиммлер разговаривал с фюрером и в июле, в том числе за день до того, как заявил о необходимости полного освобождения территории генерал-губернаторства от евреев, и трудно допустить, чтобы они не обсуждали детали их массового уничтожения⁷. Когда через три месяца фюрер заявил, что скоро евреи прекратят смеяться везде, вполне возможно, что он имел в виду именно корректировку программы уничтожения, которая началась в Польше с июля.

Были у вождей Третьего рейха в это время и другие заботы подобного рода – массово истребить, по их мнению, предстояло не только евреев. 16 июля, за три дня до того, как заявить о необходимости полностью очистить до конца года генерал-губернаторство от евреев, Гиммлер в частной беседе отметил, что пережил самый счастливый день в своей жизни, потому что обсуждал с фюрером «величайший процесс колонизации, какого еще не видел мир»⁸ и свою ключевую роль в этом деле. Это был тот самый печально знаменитый генеральный план «Ост», согласно которому десятки миллионов славян обрекались на рабство и смерть. На самом деле первые признаки того, насколько жестоко Гиммлер теперь собирался проводить массовые акции, появились в ближайшие месяцы после того, как он пережил свой «счастливый день». Для начала рейхсфюрер распорядился изгнать тысячи поляков из районов вокруг города Замосць на юго-востоке Польши – эти действия, к сожалению, не получили после войны заслуженного общественного внимания. Руководил разработкой плана насильственной депортации более 50 000 человек Одило Глобочник. Предполагалось, что этот регион, богатый плодородными почвами, заселят этнические немцы. Тем не менее нацисты в очередной раз переоценили свои возможности, и расовое высокомерие сработало против них. Многие поляки ушли в леса и начали воевать. Немцы, вынужденные вести против них боевые действия, решили сконцентрировать все силы на депортации евреев, и мечта Гиммлера о колонизации региона осталась неосуществленной⁹.

Самым многочисленным на территории генерал-губернаторства было варшавское гетто. Там на небольшом участке земли евреев находилось вдвое больше, чем Эйхман летом 1942 года хотел выслать из Франции, Бельгии и Голландии вместе взятых. Таким образом, неудивительно, что первоочередной целью нацистов стали 300 000 именно его узников. 18 июля Адам Черняков, глава юденрата варшавского гетто, написал в своем дневнике, что появились слухи о депортации. На следующий день он отметил, что приложил все усилия, дабы переубедить тех, кто пришел к нему с тревожными вопросами. «Я пытался всех подбодрить... Чего мне это стоило, люди не заметили. Сегодня принял два порошка от головной боли, еще одно обезболивающее и успокоительное, но голова все равно раскалывается. Я все время старался улыбаться...» Эсэсовцы, со своей стороны, приказали Чернякову сообщить «населению», что опасения беспочвенны. Конечно, это была ложь. Еще через два дня, 22 июля, Черняков писал: «Нам сказали, что все евреи независимо от пола и возраста, за редким исключением, будут депортированы на восток. Сегодня к 4 часам дня должен быть представлен список – 6000 человек. И это (как минимум) будет ежедневной нормой...»¹⁰ Отчаяние главы юденрата не в последнюю очередь было обусловлено особенно трагической дилеммой, как он сам это назвал: судьбой детей

в сиротских приютах. Заберут ли и их? Ответ, разумеется, оказался положительным. Эсэсовцы вообще рассматривали детей как первоочередную цель – они ведь наиболее бесполезные из всех бесполезных едоков.

Адам Черняков не знал, что за несколько дней до начала депортации, чтобы обсудить все ее детали, в гетто приезжал один из подчиненных Глобочника. При организации транспортировки эсэсовцам было необходимо сотрудничество еврейской администрации, и они предложили исключить всех ее членов, а также их ближайших родственников, как и сотрудников еврейской полиции, из списков депортируемых. С другой стороны, если администрация откажется содействовать, все их родные немедленно будут расстреляны. Самому Чернякову 22 июля сказали, что, если с депортацией возникнут какие-то затруднения, первая пуля достанется его жене¹¹.

Выдержать все это Адам Черняков не смог. 23 июля он покончил с собой – отравился цианидом. Конечно, на план депортации это никак не повлияло. Главой юденрата эсэсовское начальство назначило Марека Лихтенбаума, и он тут же сказал жителям гетто, что их решено переселить в трудовые лагеря. В организации процесса немцам помогали более 2000 сотрудников еврейской полиции: они, как и члены администрации гетто, спасали себя и своих жен и детей, по крайней мере на какое-то время.

В варшавском гетто уже давно циркулировали слухи о массовом уничтожении евреев на территории Польши. Чтобы дезинформировать и успокоить их, немцы, наоборот, поощряли молву о том, что десятки тысяч высланных из других гетто уже занимаются строительством производственного комплекса, но в Варшаве в это мало кто верил. Эммануил Рингельблюм, во всяком случае, не верил – ему даже было известно название одного из лагерей смерти. В июне 1942 года, накануне начала депортации, Рингельблюм писал в дневнике, что немцы реализуют совсем другой план: «“Бесполезные элементы” – детей в возрасте до десяти лет и пожилых людей, старше шестидесяти, загоняют в вагоны, запирают там и под охраной немцев отправляют в неизвестном направлении, где все следы “перемещенных” теряются. Тот факт, что до сих пор никому не удалось сбежать из лагеря смерти в Белжеце, что до сих пор не известно ни одного живого еврея или поляка, кто был там свидетелем уничтожения, – самое точное подтверждение того, как тщательно нацисты скрывают эту информацию от всех»¹².

Особенно негативно Эммануил Рингельблюм оценивал роль в «эвакуации» еврейской полиции. Эти люди, по его свидетельству, ни единым словом не высказывались против решения возложенной на них отвратительной задачи – вести на смерть своих собственных братьев. По мнению Рингельблюма, сложившемуся на основании личных наблюдений, «еврейская полиция по большей части демонстрировала непостижимую жестокость... Безжалостные и злые, они избивали всех, кто пытался сопротивляться»¹³.

В первые дни полиция захватывала нищих, инвалидов, сирот. С 29 июля началось окружение домов с проверкой документов. Не имевших справок о работе на немецких предприятиях задерживали. Пытавшихся скрыться расстреливали.

Акции в варшавском гетто стали одними из самых жестоких среди всех ужасов Холокоста. «Сумятица и страх ужасающие, – писал 1 августа в своем дневнике Авраам Левин. – Матери теряют детей. Слабую старую женщину заносят в машину... Трагедии не передать словами... Раввина с улицы Дзельна, 17, схватили и, видимо, застрелили. Подростков хватают на улицах»¹⁴.

Галина Биренбаум, которой тогда было 12 лет, вспоминает, что каждый день оставалось все меньше и меньше людей, каждый день все больше и больше пустых домов. Евреи пытались прятаться, но немцы и их украинские пособники, вместе с еврейской полицией, прочесывали этаж за этажом в каждом здании, двери выбивали ломом. «Я слышала, как выводили людей... Крики, выстрелы... И каждый день одно и то же – с утра до ночи»¹⁵.

За первые десять дней акции в Трешлинку вывезли 65 000 евреев. Да, сначала эсэсовцы не забирали тех, кто имел право на освобождение от депортации, но позже, если возникали проблемы с заполнением состава, на погрузочную платформу тащили всех, кого могли найти. Еврейским полицаям сказали, что, если каждый из них не будет ежедневно доставлять по пять человек, нехватку станут возмещать за счет их родственников. Словом, к концу сентября из варшавского гетто было вывезено подавляющее большинство евреев.

Почти всех их отправили в Трешлинку – лагерь смерти, последний из построенных специализированных объектов¹⁶. С лета 1942 до осени 1943 года здесь, по разным оценкам, было уничтожено от 850 000 до 900 000 человек. Самым смертоносным стал период с конца июля до конца августа 1942-го – в это время умерщвлено было приблизительно 312 500 евреев, из них примерно 250 000 из варшавского гетто¹⁷. Способствовало этому и то, что железная дорога теперь проходила непосредственно на территорию лагеря. Для эсэсовцев это оказалось большим подспорьем, потому что выгружать прибывающих можно было быстро. И сразу отправлять в газовые камеры... Внутренняя планировка лагеря была схожей с таковой в Белжеце и Собиборе – прямоугольное пространство, поделенное на зону прибытия и зону уничтожения с газовыми камерами, которые соединялись узким проходом, или «трубой», и отдельные зоны для рабочих команд и для охраны.

Другая причина масштабов «работы» Трешлинки летом 1942 года объясняется не техническими, а человеческими качествами – амбициями ее коменданта, 31-летнего Ирмфрида Эберля, единственного профессионального врача, ставшего во главе лагеря смерти. Имя доктора Эберля читателям уже знакомо: он был директором центра эвтаназии в Бранденбурге. Таким образом, у него уже имелся большой опыт массового уничтожения людей. В июне 1942 года, подготавливая лагерь к приему первой партии евреев, Эберль писал жене Рут, что жизнь у него сейчас очень насыщенная событиями и ему это нравится¹⁸. В другом письме, отправленном супруге в конце июля, вскоре после того, как в Трешлинку стали приходить первые эшелоны, он сетовал: «Понимаю, что в последнее время пишу мало, но ничего не могу поделать, потому что “варшавские недели” пролетают с невообразимой скоростью»¹⁹. Дальше Эберль писал, что будь в сутках даже 100 часов, этого оказалось бы ему недостаточно, чтобы выполнить всю работу, и в стремлении исполнить свой долг он выработал у себя стальной характер. А потом комендант Трешлинки добавил, что сумел мотивировать подчиненных не отставать от него и горд и счастлив своими достижениями.

Эсэсовцы по предыдущему опыту знали, что ключевым моментом для «эффективной» работы их объекта является маскировка. Трешлинку тоже на первый взгляд можно было принять за транзитный лагерь. Жертвы до последнего момента не знали, что их ожидает смерть, и в большинстве случаев это позволяло предотвращать акты сопротивления.

Всех прибывающих максимально быстро направляли в «душевые» и на «дезинфекцию». То есть в газовые камеры... Обязательным условием секретности, конечно, была необходимость девать куда-то огромное количество трупов. Сначала тела убитых закапывали в больших общих могилах, но весной 1943 года, после посещения лагеря Гиммлером, там были установлены кремационные печи. Рейхсфюрер приказал все останки выкопать и сжечь, а трупы вновь убиваемых только сжигать.

Итак, в начале лета 1942 года лагерь работал в полную силу – ежедневно здесь умерщвляли от 5000 до 7000 евреев, но к середине августа появились трудности. Отчасти это объясняется нарастающим потоком направляемых на эту фабрику смерти жертв – теперь в Трешлинку прибывало больше 10 000 человек в день. Это означало, что рабочие команды не всегда успевали до прибытия очередного эшелона привести все в порядок, дабы сохранить видимость транзитного лагеря. Нарушение графика одного «процесса» немедленно сказывалось на всех других. Составы приходилось задерживать на станции, что еще больше вредило эффективно-

сти маскировки. Люди начинали умирать в битком набитых товарных вагонах, не успев доехать до лагеря... А на освобождение вагонов от трупов уходило намного больше времени, чем на шествие по «трубе»...

Большой проблемой стал и запах. Вокруг лагеря распространялось ужасное зловоние. Жившая поблизости Евгения Самуэль, в то время школьница, помнит, что запах разлагающихся трупов был просто ужасным. «Из-за него нельзя было открыть окно или выйти на улицу. Это просто невообразимый запах...»²⁰

Еврей Оскар Бергер прибыл в Треблинку как раз в то время, когда налаженный в лагере процесс стал давать сбои. Выйдя 22 августа 1942 года из вагона, Бергер и все остальные увидели лежащие вокруг сотни трупов. На платформе началась паника. Эсэсовцы и их украинские пособники стали стрелять с крыш близлежащих зданий по прибывшим, и люди словно обезумели: «...мужчины, женщины и дети с воплями метались по лагерю»²¹.

Авраам Кшепицкий, которого привезли примерно в это же время, увидел в Треблинке то, что не могло присниться и в самом страшном сне. «Ужасное зрелище: множество тел, нагроможденных одно на другое. Мне показалось, их было не меньше 20 000... Большинство из этих людей задохнулись в товарных вагонах. Они лежали с раскрытыми ртами, словно пытаясь вдохнуть последний глоток воздуха...» Эсэсовцы отобрали Авраама в рабочую команду, которой нужно было убрать все эти тела. И многие другие... Словом, ситуация была ужасной, а эшелоны продолжали прибывать по расписанию. «Вечером в лагерь пришел очередной состав. Мы побежали к вагонам. Это был шок... Там оказалось полно трупов – задохнувшиеся... Тела лежали вповалку... друг на друге, чуть ли не до потолка. Описать этот кошмар словами нельзя...»²²

Конечно, у доктора Ирмфрида Эберля были основания жалеть о том, что в сутках всего 24 часа. «Целью нашего коменданта, – говорил позже Август Хингст, эсэсовец, служивший в Треблинке, – было достичь максимально возможных чисел и превзойти другие лагеря. Приходило так много эшелонов, что мы не справлялись... не успевали отправлять прибывших в газовые камеры»²³. А потом пошли слухи и о нарушениях дисциплины в Треблинке, и о том, что ценности, забранные у евреев, вместо того, чтобы быть отправленными в рейх, оказывались в руках сотрудников администрации, и даже о том, что пьяный Эберль заставлял танцевать перед собой обнаженную еврейку²⁴.

Когда все эти известия достигли инспекции концентрационных лагерей, Треблинку решили проверить. В конце августа в лагерь прибыл сам Одило Глобочник со свитой, в которой был и Кристиан Вирт, первый комендант Белжеца, ставший после начала операции «Рейнхард» инспектором всей системы. «В Треблинке действительно царил полнейший хаос, – рассказывал Йозеф Оберхаузер, работавший с Виртом. – Коменданта следовало немедленно отдать под суд... Глобочник сказал, что, если бы оберштурмфюрер Эберль не являлся его соотечественником, он бы так и сделал»²⁵.

На место одного соотечественника Одило Глобочника назначили другого его земляка – Франца Штангля, коменданта Собибора, который в это время был временно закрыт – там ремонтировали железную дорогу и модернизировали газовые камеры. Штангль получил приказ принять Треблинку, но при этом задержаться здесь на пару недель решил и Вирт – нужно было помочь коллеге. Это оказалось делом непростым. Вот свидетельство обершарфюрера СС Курта Франца по прозвищу Кукла (на его лице никогда не выражалось никаких эмоций), одного из самых жестоких эсэсовцев, служивших в лагерях смерти: «В Треблинке всюду валялись трупы. Помнится, они все были распухшими. Евреи стаскивали тела в так называемую верхнюю зону лагеря. За их работой следили украинские охранники, а также немцы... Были невероятная суэта и жуткий шум... А еще, проходя по лагерю, я заметил нескольких охранников, которые, отложив в сторону оружие, развлекались с девушками»²⁶. В Белжеце Франц

командовал вспомогательными подразделениями – охранниками, отобранными из советских военнопленных для работы в лагерях смерти, тех самых, которых обычно называли украинцами, хотя они были разных национальностей. Теперь он намеревался заставить их работать как следует, и здесь.

С 28 августа до 3 сентября эшелоны в Треблинку не приходили. Все это время лагерь освобождали от тысяч трупов. Тела сжигали во рвах. Черный дым, поднимавшийся в небо, был виден на несколько километров вокруг. Командовал Вирт. «Вирт ежедневно проводил совещания с немецкими военнослужащими. Как правило, в одиннадцать часов вечера, – рассказывал шарфюрер СС Франц Сухомель. – Штангль на них присутствовал и все внимательно слушал... Инструкции Вирта всегда были четкими»²⁷.

Тем не менее между Штанглем и Виртом возникли трения, как и в Собиборе. По словам Сухомеля, Штангль, ознакомившись с деталями «работы» в Треблинке, сказал, что в «трубе» – переходе из зоны прибытия к газовым камерам, нужно установить ведра, потому что женщин часто подводит, как он выразился, кишечник. В Собиборе у них ведра стояли, и это было очень кстати. Вирт рявкнул: «Мне плевать на то, что было у вас в Собиборе! Пусть обделываются! Потом дерьмо можно убрать»²⁸.

Кристиан Вирт, как и доктор Эберль, всегда получал удовольствие от своей работы. Адъютант Вирта Йозеф Оберхаузер отмечал, что главными чертами характера его начальника были железное упорство, безоговорочная исполнительность и вера в фюрера. Правда, еще он являлся абсолютно бесчувственным и очень жестоким. «Вирт таким был всегда. И во время реализации программы эвтаназии – мы тогда и познакомились, но когда дело дошло до истребления евреев, он оказался полностью в своей стихии»²⁹. При Вирте, оказавшемся «в своей стихии», уничтожение возобновилось. 3 сентября из варшавского гетто в Треблинку пошли новые эшелоны.

Одним из тех, кто в сентябре в переполненных товарных вагонах, идущих из Варшавы в Треблинку, думал о том, что их ждет, был Калман Тайгман. Многие тогда говорили, что все евреи обречены на верную смерть, но Калман надеялся на лучшее. «Нам еще в гетто пообещали, – рассказывает он, – что мы поедем на восток, будем трудиться на фабриках. И я полагал, поскольку был молодым и здоровым, что меня могут взять на работу»³⁰. Ко времени прибытия в Треблинку все иллюзии уже развеялись. «Это было очень страшно, – говорит Тайгман. – Они открыли двери товарных вагонов и начали кричать: “Вылезайте!” – по-немецки, разумеется. Те, кто еще дышал, прыгали вниз, но в вагонах уже было много мертвых...» Эсэсовцы отогнали в сторону здоровых крепких евреев, среди которых оказался и Калман. В сентябре из первых эшелонов для работы в лагере отбирали довольно много мужчин, чтобы на территории лагеря больше не повторилось то, что было при Эберле. Должен быть порядок! Из тех, кто прибыл с составом Тайгмана, одну рабочую команду сразу направили вытаскивать из вагонов трупы, а вторую – сортировать вещи, оставшиеся после евреев, отправленных в газовые камеры.

Позже Калман работал в команде, которая приводила в порядок бараки, где стригли женщин перед тем, как отправить их на смерть. «Когда мы выносили из барачков одежду, – вспоминает он, – было несколько случаев, когда в кучах тряпья находили младенцев. Матери оставляли малышей там, видимо, надеясь, что их кто-нибудь спасет...» Младенцев они несли в огороженную часть лагеря, куда отправляли больных. Охранники называли его лазаретом, но на самом деле это было еще одно место уничтожения. Людей здесь расстреливали. «Там был белый забор, – вспоминает Калман, – а на заборе – красный крест, поэтому люди, которых вели туда, не догадывались, что их ждет. Об этом трудно говорить...» Словом, младенцев, найденных в бараках, либо расстреливали и бросали в яму, либо, если в это время сжигали тела, кидали прямо в огонь. «Что я чувствовал в Треблинке? – спрашивает Калман. – Ничего не чувствовал... Я превратился в робота. Никаких мыслей. Я думал только о том, чтобы не

быть избитым, и иногда – как бы все-таки наесться, вот и все. Ни о чем другом я не думал и ничего не чувствовал. Я жил в аду и видел ад, он существует»³¹.

В Треблинке установился новый режим: в лагере по возможности поддерживался не просто порядок, а идеальный порядок. «Тропинка, ведущая к газовым камерам, должна быть абсолютно чистой, – свидетельствует Тайгман. – Когда требовалось, мы привозили желтый песок и разравнивали его».

К концу третьей недели сентября большая часть варшавских евреев была умерщвлена в газовых камерах Треблинки. Немецкие власти решили временно прекратить депортацию из города. Они провели последнюю массовую селекцию, после чего в гетто остались 35 000 евреев – около 10 процентов от того, что было первоначально. Еще 25 000 человек, оставшихся в гетто, ухитрились спрятаться – в подвалах, на чердаках, в подземных коммуникациях.

Перерыв в депортации из Варшавы означал только одно – теперь нацисты отправляли в Треблинку евреев из других гетто на польской территории. Больше всего их прибыло из Ченстоховы – города, расположенного западнее Люблина: около 35 000 человек. Везли евреев в лагерь смерти из разных гетто – больших и маленьких. В частности, Самуэль Вилленберг, которому тогда было 19 лет, был схвачен в крошечном Опатуве на юго-востоке Польши. К тому времени – осени 1942 года – слухи о судьбе евреев уже ходили по всему генерал-губернаторству. Когда эшелон, в котором вместе с другими несчастными везли Вилленберга, проходил мимо станции, он услышал, как польские дети кричали: «Евреи, вас там пустят на мыло!»³² Но, как многие другие, кого во время Холокоста увозили в товарных вагонах в лагерь смерти, люди, ехавшие с Самуэлем, не желали смиряться с мыслью, что нацисты намерены всех их убить. Многие даже не могли представить, что такие места действительно существуют. «В это было трудно поверить, – говорит Вилленберг. – Я оказался там, в Треблинке, и все равно сначала не мог поверить в то, что все это происходит на самом деле».

Почти все из их эшелона в течение нескольких часов после прибытия в лагерь прошли по «трубе» к газовым камерам. Самуэль Вилленберг остался жить благодаря случайной встрече. Один из членов лагерной рабочей команды спросил, откуда он. Вилленберг, которому лицо этого человека показалось знакомым, сказал, что из Опатува, но был еще и в Варшаве, а родом из Ченстоховы. «Ченстохова...» – повторил узник, который был явно оттуда же. Он спросил Самуэля, как его зовут, а потом добавил: «Скажи немцам, что ты каменщик».

Эсэсовцы велели прибывшим в лагерь построиться, и задали вопрос, есть ли среди них каменщики. Самуэль немедленно отозвался. Он решил, и, как оказалось, правильно, что быстро сумеет приобрести необходимые навыки. Так он стал членом рабочей команды.

Вилленберг все видел своими глазами. Он видел, как женщины, которым обрывали головы, обретали надежду: «Если стригут, это означает, что впереди какая-то жизнь... В лагере необходимо соблюдать гигиену». Он видел, как людей заставляли разуваться и раздеваться донага. «Человек, который снял обувь, а потом получил приказ раздеться и оказался голым, уже не совсем владеет собой, – говорит Самуэль. – Он прикрывает определенные места, он стесняется... Внезапно у человека возникает тысяча проблем, о которых он и не подозревал в обычной жизни, которых у него не было, потому что его никогда не заставляли ходить голым – разве что в детстве – среди множества людей, среди родных, друзей, знакомых. Внезапно все оказывались голыми. И немцы этим пользовались. А кроме того, постоянные крики: “Быстрее, быстрее!” В этот момент многим хочется бежать куда-нибудь изо всех сил. Неважно куда...»

В Треблинке Самуэлю часто приходилось разбирать вещи, оставшиеся от убитых. «Это было похоже на восточный базар, – говорит он. – Раскрытые чемоданы, расстеленные простыни, на каждой простыне – разная одежда. Брюки, рубашки, отдельно – шерстяные вещи. Все должно быть рассортировано. Золото – отдельно, в сумках. Мы расстилали простыни, на которые складывали фотографии, документы, дипломы». За рабочими часто наблюдал Курт

Франц. «Для него наступили счастливые дни... Этот эсэсовец получал огромное удовольствие от того, что происходило. Изверг... Настоящий изверг...»³³

Обершарфюрер получал удовольствие не только от работы. Он любил натравливать на заключенных свою огромную собаку по кличке Барри. Франц наслаждался чужой болью. «Он сам бил заключенных кнутом. Двадцать пять ударов... пятьдесят... – писал Оскар Стравчинский, член другой рабочей команды. – Франц делал это с наслаждением, не торопясь. У него была особая техника замахиваться кнутом и наносить удары»³⁴.

Курт Франц, до войны служивший в Бухенвальде, был убежденным нацистом и принимал участие в программе Т-4, то есть уже несколько лет жил в атмосфере ненависти к евреям. Он и ему подобные полагали, что тех, кого Третий рейх считает недостойными жизни, убивать не просто можно – нужно. Очевидно, при этом Франц полагал, что люди, которых он унижает, мучает и убивает, на самом деле вообще не люди, но это не может быть единственным объяснением его садизма. Да, у эсэсовцев, служивших в лагерях смерти, и их подручных был выбор: стать убийцами-извергами или просто хладнокровными убийцами. По мнению Калмана Тайгмана, который знает все это не понаслышке, в каждом есть животные инстинкты, но, пока человек живет нормальной жизнью, он не показывает этого, звериные черты не проявляются. «Но бывают ситуации, когда люди превращаются в кого-то другого, и из них вырывается то, что скрывалось...»

Из узников Собибора, Белжеца и Треблинки войну пережили очень и очень немногие. Возможно, полторы сотни человек, и каждый из них этим больше всего обязан удаче. Самуэль Вилленберг, например, говорит: «Все могло обернуться как угодно. Не имело значения, что я говорил или делал, – меня точно так же могли отправить в газовую камеру, а потом сжечь. Остался бы один пепел... Просто повезло...»³⁵ Да, ему повезло, но дело не только в этом. И у Самуэля Вилленберга, и у Калмана Тайгмана было то, что помогло им пережить этот ад. Оба молодые, в лагерь попали 19-летними. Оба крепкие и решительные. Оба мужчины. У женщин, подростков, людей пожилых или ослабленных шансов не было. Это физиология. Теперь психология. Тайгман выдержал не в последнюю очередь потому, что, как мы уже знаем, превратился в «робота», а Вилленберг обладал уникальной способностью находить положительные стороны в любой ситуации – даже в лагере смерти. После войны он говорил, что другие страдали больше. «Я был не из тех, кого заставляли работать в газовых камерах. Вот кому действительно приходилось худо... Они вытаскивали трупы из камер, да еще под крики “Быстрее!”»³⁶ Как это ни удивительно, Вилленберг находил утешение в том, что другие евреи, работавшие в Треблинке, страдали еще больше, чем он. Вилленбергу и Тайгману удалось бежать из лагеря в августе 1943 года во время восстания. О нем речь еще впереди.

В 1942 году помимо Треблинки, Собибора и Белжеца в Польше действовал еще один лагерь смерти – Майданек. История его такова. 17 июля 1941 года Гитлер отдал Гиммлеру распоряжение организовать на захваченных Германией восточных территориях полицейский надзор. В тот же день рейхсфюрер назначил Одило Глобочника своим уполномоченным по созданию структуры управления СС и концлагерей в генерал-губернаторстве. В его задачу кроме создания сети концентрационных лагерей входило проведение в жизнь политики полной германизации восточной части Польши. Центром сети концлагерей на востоке генерал-губернаторства должны были стать Люблин и построенный рядом с ним заключенными крупный концлагерь.

Итак, Майданек находился всего в 5 километрах от Люблина и объектом был не совсем обычным: не просто лагерь для военнопленных или концлагерь, не специализированный лагерь смерти и не огромная комбинация концлагеря и лагеря уничтожения, как, скажем, Освенцим, а сочетание всего перечисленного, только в меньших масштабах. Даже сами нацисты, похоже, не знали, как его персонифицировать. До начала 1943 года он официально именовался лагерем

войск СС для военнопленных в Люблине, но в других немецких документах одновременно проходил как концентрационный лагерь³⁷.

Эволюция Майданека в полной мере отражает развитие «окончательного решения еврейского вопроса» нацистами как процесса. Подобно Освенциму-Биркенау, изначально он планировался как лагерь для советских военнопленных. Строительство началось осенью 1941-го, и к концу года на территории уже были бараки для 20 000 человек. Смерть в Майданеке стала повседневной сразу. Всю холодную польскую зиму 1941/1942 года голодные заключенные спали на полу в продуваемых всеми ветрами бараках. Несколько раз вспыхивали эпидемии, в том числе брюшного тифа. Весной 1942-го в Майданек стали поступать новые заключенные, и его функции изменились: из лагеря для военнопленных он превратился в сортировочный лагерь в рамках «окончательного решения еврейского вопроса». С конца марта до середины июня 1942 года сюда привезли несколько тысяч словацких евреев. Время от времени поблизости останавливались эшелоны, идущие в Собибор, и проводилась селекция: часть евреев отправляли в Майданек как рабочую силу.

Что касается «окончательного решения»... В Майданеке массовое уничтожение людей в газовых камерах началось в 1942 году. В качестве отравляющего вещества сначала применялся угарный газ, а с апреля 1942-го «циклон Б». Майданек стал вторым лагерем смерти нацистской Германии, где использовался этот газ (первый – Освенцим). И здесь, как и в Освенциме, эсэсовцам приходилось на полную мощность запускать моторы грузовиков, чтобы заглушить крики умирающих³⁸.

О Треблинке и других лагерях смерти уже ходили страшные слухи, но Майданек долго считали лагерем для военнопленных. Галина Биренбаум, отправленная с матерью из варшавского гетто весной 1943 года, на второй волне депортации, вспоминает, что евреи, узнав, что их везут не в Треблинку, принялись обниматься и целоваться. Она говорит: «Если не Треблинка, а про Майданек мы не слышали, это значило, что нас отправляют не на смерть, а в трудовой лагерь. Это большая удача!»³⁹ Когда евреи увидели Майданек, их надежды окрепли. «Лагерь... Бараки... Мы будем работать. Сейчас нас направят на дезинфекцию, переоденут, потом отведут в бараки. Если ты хочешь и можешь работать, с тобой ничего не случится. В бараках, может быть, даже окажутся кровати... В лагере есть вода и паек. Все будет хорошо».

Галину с большой группой других заключенных отправили в один из санитарных блоков лагеря. Войдя туда, она вдруг встревожилась: «Мамы до сих пор нет... Что это значит? А если она вообще не придет?.. Ее никогда не будет со мной, моей мамы?..» Галина лихорадочно оглядывалась по сторонам, но мамы действительно не было. И тут она догадалась, что мать могли повести куда-то в другое место, а Майданек, как и Треблинка, – лагерь смерти. «У меня не было слов. Я не плакала. Слез не оказалось. Все было кончено. Больше ничего нет. Нет неба. Нет земли. Словно мне переломали руки и ноги... “Мамы больше нет. Мамы больше нет. Мамы больше нет”»⁴⁰.

А через некоторое время Галина уже утешала себя мыслью, что ее мать, по крайней мере, оказалась избавлена от кошмаров лагерной жизни. Она видела, как избивают заключенных, и не могла не думать о том, что с ее скромной, чистой, такой утонченной мамой могло происходить то же самое... «Что могло быть хуже Майданека?» – спрашивает себя Галина Биренбаум⁴¹.

Полька Стефания Пержановская, врач, тоже оказавшаяся в этом лагере, подтверждает – мало что могло быть страшнее Майданека. «Прежде всего побои, – вспоминает она. – Побои по любому поводу и без повода. Удары плетью по голове во время переключки, кулаками в лицо, резиновой дубинкой или палкой... нас избивали все время». Она до сих пор не забыла одного эсэсовца, который мог прийти в больницу даже посреди ночи и бить их всех по лицу, потому что был пьян. С ужасом говорит Стефания о надзирательнице Эльзе Эрих. «Она избивала

женщин в упоении, с выражением холодной жестокости на лице. Ни одна из эсэсовок не могла сравниться с ней по силе. Она всегда избивала нас до крови»⁴².

Другая выжившая узница Майданека, Ханна Наркевич-Иодко, подтверждает, как жестока была Эльза Эрих с заключенными. «Она наносила короткие, сильные удары и ругательства использовала особенно унижительные и грязные»⁴³.

Да, издевались над заключенными не только мужчины, но и женщины. В Майданеке и Освенциме служили *Aufseherinnen SS* — вспомогательный персонал войск СС. Эсэсовских званий у них не было, но право распоряжаться жизнью — и смертью — узниц имелось. В Майданеке надзирательниц было немало — до 28 процентов, но к 1945 году во всей нацистской системе концентрационных лагерей служило около 10 процентов *Aufseherinnen SS*⁴⁴.

Режим в Майданеке был одним из самых жестоких. Изначально лагерь рассчитывался на 30 000 человек, но в начале ноября 1941 года из Берлина поступило распоряжение о его расширении с учетом филиалов, которых насчитывалось десять, до 125 000 узников, в декабре — до 150 000, а в марте 1942-го — до 250 000. Воплотить этот грандиозный план в действие нацисты не сумели, так что по размерам и вместимости Майданек, конечно, был несопоставим с тем же Освенцимом: на пике «деятельности», весной 1943 года, здесь находилось меньше 25 000 заключенных. От других лагерей смерти, оборудованных газовыми камерами, Майданек отличался тем, что там можно было использовать либо окись углерода в емкостях, как при уничтожении людей по программе эвтаназии, либо «циклон Б», как в Освенциме. Первый крематорий для сожжения тел замученных (две печи) начал действовать во второй половине 1942 года, второй (пять печей) — в сентябре 1943-го.

Подсчитать число погибших в Майданеке, Треблинке, Белжеце и Освенциме многие годы можно было лишь приблизительно, но в 2000-м в Государственном архиве Лондона нашли расшифрованную телеграмму, в которой оказались данные самих нацистов. Датирован этот документ 11 января 1943 года и подписан штурмбаннфюрером Германом Хефле, главой СС и полиции Люблина. В телеграмме точно указано, сколько узников было умерщвлено в каждом лагере на конец 1942 года: в Майданеке — 24 733, в Собиборе — 101 370, в Белжеце — 434 508, в Треблинке — 713 555⁴⁵. Всего 1 274 166 человек⁴⁶.

Нацисты смогли совершать столь масштабные акции при очень небольшой численности в лагерях военнослужащих войск СС, в основном представителей администрации, специалистов по оборудованию и медиков. В Треблинке, где погибло больше половины этих 1 274 166 человек, работали всего два десятка эсэсовцев, руководящих «процессом». Контраст с тысячами и тысячами членов отрядов СС, айнзатцгрупп и других служб безопасности, которые были задействованы в массовых убийствах евреев на оккупированной территории Советского Союза, поразительный. Важно отметить, что в Майданеке, где, как следует из телеграммы Хефле, людей было уничтожено меньше всего, гарнизон был самым многочисленным, потому что там имелись заводские и производственные мастерские и заключенные занимались принудительным трудом, а значит, оставались жить дольше.

Телеграмма главы СС и полиции Люблина в очередной раз напоминает нам о том, как горстка человеческих существ смогла убить огромное число себе подобных на столь небольшой территории, применяя технологии и оборудование, дающие возможность делать это в течение нескольких часов после прибытия в лагерь.

В начале 1942-го нацисты не знали, можно ли столь быстро уничтожить так много людей. К концу года они получили ответ. Можно.

Глава 14

Убивать и вербовать помощников (1942–1943)

Все эти ужасы происходили на фоне самых кровопролитных битв в истории, а ход войны, в свою очередь, влиял на степень готовности союзников нацистов сотрудничать с ними в Холокосте. И тем не менее в 1942 году стороннему наблюдателю было трудно представить, какими будут окончательные итоги войны.

В декабре 1941-го Красной армии удалось отстоять Москву, но за победами следовали поражения. В мае 1942 года советские войска начали большое наступление на Украине, в районе Харькова. Красная армия имела значительный численный перевес, однако операция в очередной раз показала, что никакое превосходство успех при неудачно выбранной тактике не гарантирует. Немцы отступили, дав русским возможность продвинуться вперед, а затем контратаковали с обоих флангов и окружили огромную группировку противника. Советские части были дезорганизованы, управление войсками потеряно. Многие бойцы пытались бежать, но капкан уже захлопнулся. Больше 250 000 солдат и офицеров Красной армии были убиты, ранены или попали в плен.

Оказался в плену и Борис Витман из 6-й армии. Он вспоминает, что немцы сразу дали понять – кроме всего прочего идет жестокая идеологическая война. Они стали искать среди пленных комиссаров и евреев и разделили отобранных на две группы. Политработников увели, и больше никого из них Витман никогда не видел. Но он видел, что стало с десятком евреев, которых обнаружили первыми. «Еврейам дали лопаты и приказали рыть яму. Пошел дождь. Через некоторое время мне видны были уже только их головы. Эсэсовец подгонял их, требуя, чтобы копали быстрее. Когда яма стала достаточно глубокой, он взял автомат и выпустил туда несколько очередей. Мы слышали стоны несчастных... Затем появились еще несколько эсэсовцев, которые их и прикончили. Людей убили только за то, что они были евреями... Это произвело на меня страшное впечатление – я понял, что такое нацизм. Немцы говорили, что евреи и комиссары больше не будут нами командовать, а сами они пришли, чтобы освободить нас, и скоро мы отправимся по домам. Но я понял, что буду сражаться с немцами до самого конца»¹.

Нанеся Красной армии под Харьковом унижительное поражение, части вермахта начали новое наступление, получившее название «операция “Блау”». Согласно директиве Гитлера, общий замысел второй восточной кампании предписывал сосредоточить главные силы для проведения основной операции на южном участке фронта с целью уничтожить группировку советских войск западнее Дона, после чего захватить нефтеносные районы на Кавказе и перейти через Кавказский хребет. Пехотным дивизиям 6-й немецкой армии ставилась задача блокировать Сталинград и прикрывать левый фланг идущей на Кавказ 1-й танковой. Это был чрезвычайно смелый план, и поначалу показалось, что немцам сопутствует удача. Но по мере продвижения на восток у них начались проблемы из-за слишком растянутых линий снабжения войск. К этому добавилось решение Гитлера разделить свои силы, направив одну их часть на юг, к Кавказу, а другую – на восток, к Волге. По мнению генерала Гальдера, начальника Генерального штаба сухопутных войск вермахта, фюрер стал жертвой собственной самоуверенности. «Хроническая тенденция недооценивать возможности противника постепенно принимает гротескные формы и становится реально опасной, – писал Гальдер в дневнике 23 июля 1942 года. – Ситуация все более и более нетерпимая»². Слова немецкого военачальника оказались пророческими. Через пару месяцев немецкая армия увязла в труднейших и, как потом оказалось, во многом определивших ход Второй мировой войны уличных боях в Сталинграде.

У немцев не было ни опыта, ни ресурсов, чтобы выбить бойцов Красной армии из развалин города, носившего имя большевистского вождя. «У русских имелось преимущество в окопной войне и рукопашных схватках – это несомненно, – говорит Иоахим Штемпель, немецкий офицер, воевавший под Сталинградом. – Мы, танкисты, учились водить свои машины по улицам, сокрушать ими врага, останавливаться, зачищать территорию и двигаться дальше»³. Теперь пришла очередь Красной армии показать, что и она может проводить крупномасштабные акции по блокированию войск противника. 19 ноября 1942 года началась операция «Уран», целью которой стало окружение немцев под Сталинградом. План удалось воплотить в жизнь, и 2 февраля 1943-го 6-я армия, которой командовал фельдмаршал Паулюс, прекратила сопротивление.

30 сентября 1942 года Гитлер говорил, обращаясь к немецкому народу: «Будьте уверены... никакому человеческому существу не под силу потеснить нас оттуда [из Сталинграда]»⁴. Обещание оказалось пустым. Ситуация для немцев усугублялась тем, что в начале 1943-го крах на Волге стал еще одним признаком того, что Германия проигрывает войну. Осенью 1942 года североафриканская итало-немецкая группировка фельдмаршала Эрвина Ромеля была разгромлена под Эль-Аламейном. Произошло это благодаря не столько таланту британского военачальника Бернарда Монтгомери, сколько тому, что у немецких танков, которых было больше, чем у союзников, не хватило горючего, дабы эффективно провести передислоцирование. На море германский флот практически прекратил боевые действия, тоже из-за нехватки горючего, а еще из-за неэффективного прикрытия с воздуха. Наконец, 8 ноября 1942 года союзные войска высадились в Северной Африке, и начали бои, которые в итоге летом и осенью 1943-го дали им возможность захватить Сицилию, а позже и материковую Италию.

В январе 1943 года состоялась конференция в Касабланке, где союзники публично заявили, что будут требовать от Германии не меньше чем безоговорочной капитуляции и намерены сполна покарать «виновных, варварских вождей»⁵ стран, противостоящих им. Но в кулуарах все было не так однозначно. Взять, к примеру, адмирала Франсуа Дарлана, бывшего премьер-министра вишистского правительства, сотрудничавшего с нацистами. Он был захвачен в плен в ходе боевых действий в Северной Африке, но под стражу его не заключили и даже не предъявили никаких обвинений. Налицо классический случай политики практицизма: союзники утвердили Дарлана на посту главы гражданского правительства Французской Северной Африки. Им хотелось как можно скорее начать переговоры о будущем послевоенной Европы, и это показалось хорошим способом добиться желаемого, хотя среди британцев и американцев Дарлан был крайне непопулярен. Так или иначе в канун Рождества 1942 года адмирала убил его соотечественник – противник режима Виши.

Вскоре после смерти Дарлана президент Рузвельт в разговоре с генералом Шарлем Ноге, бывшим главнокомандующим французскими войсками в Марокко, еще раз продемонстрировал свое отношение к евреям. Ноге заметил – будет печально, если после войны они станут доминировать в экономике Северной Африки. Рузвельт сказал, что можно ввести для них определенные ограничения на занятия некоторыми профессиями. «Это нивелирует специфические, и понимаемые, претензии, которые немцы предъявляли евреям в Германии, а именно то, что они, представляя незначительную часть населения, занимали больше половины рабочих мест в таких областях, как юриспруденция, медицина, образование – школьное и университетское и т. п.»⁶ Даже не принимая во внимание очевидные фактические неточности в заявлении президента США (представительство немецких евреев в названных им профессиях, безусловно, не достигало 50 процентов), из него все равно можно сделать горький вывод: и лидер крупнейшей западной демократической страны был готов на инсинуации против евреев.

Во время войны этот конфиденциальный разговор не стал достоянием общественности. Таким образом, главной идеей встречи в марокканской Касабланке осталось несокрушимое

решение наказать виновных и «варварских» лидеров стран, противостоящих союзникам. Для нацистского руководства, разумеется, подобные угрозы не имели никакого значения, потому что в Берлине уже понимали: у них обратного пути нет. В марте 1943 года Геббельс сделал в дневнике запись о беседе с Герингом, которая целиком это подтверждает: «Геринг отдает себе полный отчет о том, что нас ждет, если мы ослабнем в этой войне. У него нет иллюзий по этому поводу. В особенности сказанное касается еврейского вопроса. Мы в него втянулись настолько, что для нас обратного хода нет. И это хорошо. Опыт показывает, что в момент, когда люди сжигают за собой все мосты, они начинают сражаться гораздо решительнее, чем те, у кого еще есть возможность для отступления»⁷.

Для союзников Германии ситуация еще не была столь очевидна. Многие из них, похоже, не считали, что уже спалили все мосты. В частности, с весны 1943-го французская полиция сильно сократила свое участие в массовых акциях, направленных против соотечественников. Особенно не нравилось полицейским арестовывать французов и направлять их в Германию на принудительные работы – эту меру немцы ввели в феврале 1943 года⁸.

В Румынии события зимы 1942/43 года тоже проанализировали. Решимость маршала Антонеску укрепилась, и он отказался выдавать оставшихся в стране евреев в руки нацистов. В марте 1943-го Антонеску встречался с Гитлером в Бергхофе и дал понять, что не будет продолжать сотрудничество в решении «еврейского вопроса». Гитлер считал, что любое поражение на поле боя должно стать катализатором для еще более жестокого отношения к евреям, но Антонеску перед этим давлением устоял. Кстати, некоторые члены его правительства уже пытались вступить в контакт с союзниками, прощупывая почву для того, чтобы Румыния смогла выйти из войны, и об этих контактах скоро станет известно Гитлеру⁹.

Фюрер был жестким и в дискуссиях с другим своим союзником – адмиралом Хорти. По мнению Гитлера, Венгрия вела себя с евреями чрезвычайно медлительно. Сподвижники Хорти, к слову, как и соратники Антонеску, также начали заигрывать с союзниками и тоже хотели выхода своей страны из войны. Удивляться этому не приходится, поскольку венгерский диктатор лучше многих других понимал, какими будут последствия поражения под Сталинградом. Венгерская 2-я армия, сражавшаяся бок о бок с немцами, оказалась практически уничтожена: половина из 200 000 солдат и офицеров погибли в боях, остальные были ранены или попали в плен. Трудовые батальоны, приданные ей и состоявшие из венгерских евреев, тоже понесли страшные потери. Это стало одним из самых тяжелых поражений венгерской армии во всей ее истории.

В попытке склонить Хорти к продолжению боевых действий Гитлер использовал всю свою силу убеждения. Он сказал, что Германия и ее союзники находятся в одной лодке в бушующем море. Совершенно ясно, что каждый, кто попытается покинуть ее, немедленно утонет. Позицию Хорти в отношении евреев фюрер принять отказался, отметив, что проеврейские настроения в Венгрии ему совершенно непонятны. «Зачем нам лайковые перчатки? В конце концов, это евреи спровоцировали мировую войну!» На следующий день переговоры продолжились, и Хорти попросил объяснить, что от него еще требуется. Возможности зарабатывать на жизнь евреи в Венгрии уже лишены. Не убивать же их теперь? Министр иностранных дел Германии Иоахим фон Риббентроп, присутствовавший на встрече, заметил, что евреев следует загнать в лагеря и – да, уничтожить. Гитлер одобрительно кивнул. Вот в Польше ситуация с евреями значительно улучшилась! К ним вообще нужно относиться как к туберкулезным бактериям, которые могут заразить здоровый организм. «Это не жестокость, если вы согласны с тем, что даже таких невинных созданий природы, как кролики или олени, следует убивать в ситуации, когда они могут причинить вред. Зачем делать исключение для животных, которые хотели принести к нам большевизм?»¹⁰

С точки зрения немцев, переговоры с Хорти прошли неудачно. 7 мая 1943 года Геббельс писал в своем дневнике: «Венгры прекрасно понимают, что одними словами войны не выигрываются. А еще они явно знают наши слабые места и постепенно к этому приспособляются»¹¹. Речь, вероятно, идет о докладе, сделанном 30 апреля оберфюрером Эдмундом Виссенмайером, незадолго до этого направленным в Венгрию, чтобы оценить ситуацию на месте. В документе, в частности, был такой вывод: «Венгерские власти рассматривают евреев как гарантию защиты своих интересов и убеждены, что благодаря евреям они смогут доказать, что вступили в войну на нашей стороне исключительно по необходимости, а сами косвенно помогали врагам стран оси, занимаясь скрытым саботажем [не выдавая евреев]»¹².

На колебания румын и венгров Гитлер отреагировал в типичной для себя манере. Он решил, что «малые страны» должны быть как можно скорее ликвидированы, о чем и сказал в мае 1943 года гауляйтерам. В конце концов, заявил фюрер, «...сегодня мы живем в мире, который рушился и продолжает рушиться»¹³. Другими словами, Гитлер уже тогда решил в случае, если Хорти не сделает то, что от него требуется, оккупировать Венгрию.

Весной 1943 года похожие проблемы у Германии возникли и с другой союзницей – Болгарией. В официальном коммюнике после встречи Гитлера с королем Борисом, произошедшей 3 апреля, было сказано, что у них состоялся долгий сердечный разговор, который прошел в духе традиционно дружеских отношений, существующих между Германией и Болгарией¹⁴. Между тем болгары, как румыны с венграми, уже колебались в поддержке немцев, особенно в еврейском вопросе, хотя в феврале 1943 года болгарский государственный комиссар по еврейским делам Александр Белев согласился на требование представителя Эйхмана Теодора Даннекера выдать немцам более 20 000 евреев, которые не являлись гражданами Болгарии. Болгары понимали, или по крайней мере могли сильно подозревать, что отправляют этих людей на гибель, особенно после публичных заявлений лидеров держав антигитлеровской коалиции, сделанных в декабре предыдущего года, о начале реализации нацистской программы уничтожения евреев. И все-таки к концу марта власти Болгарии способствовали депортации с оккупированных ею территорий, в том числе из Фракии и Македонии, более 11 000 евреев. Почти все эти люди погибли в газовых камерах Трелинки.

Тем не менее, когда послышались требования депортировать евреев из самой Болгарии, начались публичные протесты. Антисемитизм никогда не был характерен для болгар, и в конце 1941 года некоторые законы, направленные против евреев, правительство приняло скорее не из идейных соображений, а не желая навлекать на себя гнев своих немецких союзников¹⁵. Теперь, столкнувшись с возможной высылкой из страны евреев, живущих рядом, многие болгарские граждане сочли сие невозможным. Разумеется, определенную роль в этом сыграли известия о поражении немецких войск под Сталинградом. И вот вместо того чтобы отправлять евреев на смерть, болгарские власти приняли закон, по которому софийские евреи лишались недвижимости и направлялись на жительство в разные провинциальные города. Это практически исключало возможность депортации, но все-таки доставило евреям немало трудностей. После войны некоторые болгарские политики пытались облагородить историю страны, которая спасала «своих» евреев. Никакого благородства здесь нет, особенно с учетом того, что произошло с евреями Фракии и Македонии.

В апреле–мае 1943 года Гитлер узнал не только об отношении кое-кого из собственных союзников к евреям, но и о сопротивлении, на которое оказались способны сами евреи. 19 апреля в варшавском гетто вспыхнуло восстание. Гетто подлежало ликвидации. Оставшихся там евреев нужно было депортировать. Общее руководство операцией осуществлял бригаденфюрер СС, генерал-майор полиции Юрген Штроп, а участвовали в ней до 2000 человек – сотрудники СД, полицейские, военнослужащие вермахта и подразделения СС, в том числе батальон, состоявший из украинских и латышских националистов.

Их встретили повстанцы – после создания варшавского гетто на его территории продолжали действовать общественно-политические объединения и нелегальные организации различной направленности и численности. У сопротивлявшихся было оружие – пистолеты, гранаты и самодельные бомбы. Одним из участников восстания стал 24-летний Марек Эдельман. Он говорит, что его и его товарищей по Еврейской боевой организации подвигло на это известие, что немцы собираются отправить их всех на смерть. В гетто знали, что происходит в Треблинке. Один из местных жителей добрался до Варшавы и рассказал, что их ждет в лагере. «Было трудно поверить, что тебя могут убить ни за что, – говорит Эдельман. – Но так оно и происходило»¹⁶. Словом, в варшавском гетто решили дать нацистам отпор. «Разумеется, – говорит Марек, – известия о лагерях смерти стали тем фактором, который подтолкнул к сопротивлению». Свою роль сыграло и то, что в гетто к этому времени оставались только крепкие, здоровые люди. Стариков и детей немцы уже отправили в Треблинку... Повстанцы решили встретить смерть не в газовых камерах, как привелось их родным, а в бою.

Оружие участникам восстания было передано по распоряжению руководства Армии крайовой, но кое-что они добыли и сделали сами. По словам Марека Эдельмана, на гранаты шли обрезки металлических труб – их начиняли порохом. Конечно, немцы, вошедшие в гетто, оказались застигнуты врасплох: сопротивления они не ждали. Как говорит Эдельман, первые несколько дней были их победой. А вот воспоминания Аарона Карми: «Я стрелял из пистолета в немцев, которые шли мимо. Нацисты кричали: “На помощь!” – и пытались укрыться за стенами. Мы впервые увидели, как немцы убегают. Мы же привыкли сами от них удирать... Они не ждали, что евреи могут так сражаться. Была кровь... Я не мог оторвать от нее глаз. Я повторял: “Немецкая кровь!”»¹⁷

Ни Эдельман, ни Карми, ни большинство других повстанцев не имели никакого боевого опыта, но это их не остановило. «Научиться стрелять очень легко, – говорит Эдельман. – Тут не нужны тренировки. Ты не на фронте, где генералы руководят сражением. Это партизанская война. Немец идет по улице, ты при удобном случае стреляешь в него. Если он тебя не видит, еще лучше. Надо только иметь волю к борьбе и оружие, вот и все»¹⁸. Участники восстания понимали, что шансов на победу у них нет. «Да, мы знали, что не победим, но все равно должны были показать нацистам, что мы люди, такие же, как все остальные, – подтверждает это Марек. – На войне ты человек, когда убиваешь врага».

Немцы шли по гетто и поджигали дома, квартал за кварталом. Эдельман помнит, как бушевало пламя и ему с товарищами приходилось перебегать от одного здания к другому под натиском огня. «Пока мы не вырвались из гетто, там не стихали выстрелы, и немцы не могли сказать, что они победили раньше, чем мы ушли». Эдельман и Карми сумели покинуть гетто через подземные коммуникации и оказались одними из немногих, кто выбрался в нееврейскую часть города.

Восстание в гетто было подавлено к середине мая. В Берлин Штроп сообщил о 12 000 убитых и 56 065 задержанных евреях (цифра явно завышенная)¹⁹. Потери немцев составили 16 человек убитыми и 93 ранеными. Да, варшавские евреи добились лишь месяца отсрочки, но символическое значение этого восстания огромно. Евреи наконец оказали массовое сопротивление и продемонстрировали при этом беспримерное мужество. «Когда немцы вошли в гетто, мы стали стрелять, – говорит Марек Эдельман. – Строго говоря, мы оборонялись. Сколько можно было молчать? Или надо было сказать: “Пожалуйста, убейте и нас?”»

За несколько дней до того, как нацисты начали ликвидацию варшавского гетто, в Освенциме произошло знаковое событие. В марте 1943 года в Освенциме-Биркенау начало действовать первое из нескольких новых сооружений, предназначенных для умерщвления узников. Изначально, как мы уже знаем, администрация намеревалась построить второй крематорий в главном лагере, но потом его решили возводить в Биркенау. На стадии проектирования были

внесены определенные изменения – добавлены газовые камеры. Потом крематориев решили строить три – один старой конструкции и два, так сказать, усовершенствованной. Эти два объекта, получившие названия крематорий IV и крематорий V, кардинально изменили работу лагеря. Они стали первыми сооружениями Освенцима, которые с самого начала проектировались исключительно как место, где будут проводить массовые умерщвления. Помещения, где обреченные на смерть узники раздевались, газовые камеры и кремационные печи здесь располагались друг за другом – такой своего рода конвейер смерти. Проект двух других новых крематориев выдавал их изначальное предназначение – сжигать трупы, а не убивать. В крематориях II и III залы помещения, где вновь прибывшие снимали одежду, и газовые камеры находились в полуподвале, потому что первый проект предусматривал там морги.

Четыре крематория в Освенциме-Биркенау (от II до V, поскольку крематорий I находился в главном лагере) построены были капитально и даже внешне напоминали фабричные здания. Напомним, что все сооружения в лагерях смерти Белжец, Собибор и Трешлинка, созданных для реализации операции «Рейнхард», были временными, и после ее завершения подлежали уничтожению. Новые здания крематориев из красного кирпича, имеющие в своем составе газовые камеры, появившиеся в Освенциме, стали признаком активизации работы СС в Верхней Силезии. Они находились в центре сети из почти 30 лагерей, составляющих систему Освенцима, которые поставляли рабочую силу для разных промышленных предприятий, в том числе заводов, производящих оружие, и крупного филиала химической компании *IG Farben*, расположенного в Мановице. Этот комплекс скоро стали называть Освенцим III.

К лету 1943 года в Биркенау (Освенцим II) в строй вступили все четыре крематория с газовыми камерами. Карл Бисхоф, руководивший их строительством, считал, что печи могут «перерабатывать» не менее 4500 трупов в сутки. Иными словами, Освенцим-Биркенау мог за год превращать в пепел 1 600 000 человек²⁰. Уточним – это минимальные оценки. Согласно показаниям свидетелей, сжигали в Биркенау до 8000 тел в сутки²¹.

Во всех лагерях, действовавших в рамках операции «Рейнхард», процесс умерщвления проходил примерно одинаково. Обреченных на смерть, часто только что прибывших, заводили в специальное помещение и велели им раздеваться – будет санитарная обработка, душ. Затем они шли в эту самую «душевую», которая за самом деле являлась газовой камерой. Дверь герметично закрывалась, и через люки в потолке (в крематориях II и III) или через отверстия, расположенные под потолком (в крематориях IV и V), засыпали кристаллы «циклона-Б». После того как все умирали, помещение проветривали, и в него заходили члены рабочей команды. От процесса, отлаженного в лагерях смерти, было лишь два отличия: вместо окиси углерода использовали «циклон Б» и волосы у женщин обрезали после смерти. Но так же, как в лагерях смерти, в Биркенау эсэсовцев задействовано было немного – только те, кто обеспечивал технологию и надзор. Все физические действия, в том числе кошмар вытаскивания трупов из газовых камер, осуществлялись силами заключенных – членов рабочих команд. Важно отметить, что «циклон Б» в газовые камеры всегда засыпали военнослужащие войск СС – это ведь технология.

Хенрик Мандельбаум, польский еврей, в 1944 году являлся членом рабочей команды одного из новых крематориев Освенцима. «Мне казалось, я попал в ад, – вспоминает он. – Помню, в детстве, когда я делал что-нибудь нехорошее, родители говорили, что так поступать нельзя, а то попадешь в ад. Но когда я увидел трупы людей, умерших в газовых камерах, которые сжигали... Это было за пределами того, что могло вместить мое сознание, но что я мог сделать?.. Если бы я отказался от этой... работы, меня бы убили, верно? Я понимал, что меня убьют. Я был молод. Я потерял семью. Отец, мать, сестра и брат – все погибли в газовой камере. Я это знал, и я хотел жить и бороться. Я все время боролся за жизнь».

Мандельбаум свидетельствует, что, хотя нацисты старались поддерживать атмосферу спокойствия до того, как загнать евреев в газовые камеры, иногда люди начинали догадываться,

что дело плохо. «Там было слишком много народа... кое-кто пытался бежать, таких эсэсовцы били палками по головам, лилась кровь. Бежать или спрятаться возможности не было, все оказывались в газовой камере... Когда она заполнялась, двери закрывали – они были герметичными, как в холодильнике». Хенрик помнит, что за каждой партией обреченных на смерть следовала машина с красным крестом. Особый цинизм здесь в том, что в ней эсэсовцы везли «циклон Б». «Кристаллы засыпали в газовую камеру... агония длилась от двадцати минут до получаса. Затем, еще через полчаса, мы открывали двери. Люди умирали стоя. Головы были закинута – вправо, влево, вперед, назад. Кого-то перед смертью рвало, у кого-то случилось кровоизлияние, кто-то обмочился... Прежде чем сжигать тела, мы должны были обрезать женщинам волосы и у всех выдернуть золотые зубы. И еще посмотреть, не спрятал ли кто-нибудь что-то ценное – в ноздрях, за щеками, у женщин во влагалище...»²²

Весной 1944 года железнодорожную ветку дотянут до центра Биркенау, это позволит подгонять эшелоны близко к крематориям II и III. До этого поезда останавливались у «рампы» – места высадки, примерно посередине между главным лагерем и Освенцимом-Биркенау. Для многих прибывающих отсюда начинался первый отрезок пути на Голгофу. Гюнтер Раскин, немецкий еврей, вспоминает, что, когда оказался на «рампе» и увидел, как отделяют женщин с детьми, подумал, что их, наверное, отправят в семейный лагерь. Селекцию на «рампе» всегда проводил врач в белом халате (правда, под халатом на нем была эсэсовская форма). Была ли у самих нацистов иллюзия, что в Освенциме обреченных на смерть отбирали на основании каких-то медицинских критериев? Конечно нет, ведь никакого обследования не проводилось – только беглый осмотр каждого. Иногда эсэсовцы предлагали прибывшим не идти в лагерь пешком, а подождать автотранспорт. Подчас это предложение принимали даже здоровые мужчины и женщины, но всех, кто не захотел идти, немедленно отправляли в газовые камеры²³. По мнению нацистов, они тем самым показывали свою слабость и значит, были недостойны жить.

Гюнтер Раскин оказался среди тех, кого отобрали для работы в трудовом лагере Мановиц, рядом с заводами *IG Farben*. Через несколько дней его отец, который тоже попал туда, получил на производстве травму. Отцу сказали, что его отправят в Биркенау, в больницу на рентген, но один польский еврей предостерег Гюнтера – здесь никого не лечат. Его отец окажется в газовой камере. Гюнтер тоже хотел попасть в Биркенау, чтобы быть рядом с отцом, если тот каким-то чудом еще жив. «Это же такое естественное желание сына, – говорит он, – которого связывают очень близкие отношения с отцом...» Тот самый польский еврей убедил молодого человека, что ему следует остаться работать в Мановице. Его отец уже мертв. Гюнтер Раскин остался и поклялся выжить. «Мы ходили на работу колоннами по пять человек, – вспоминает он. – Я всегда старался оказаться в середине, чтобы не получать ударов от эсэсовцев, и эта стратегия помогала. И делал все для того, чтобы не попадаться им на глаза. Я не из тех, кто собирался что-то предпринимать, какой-то саботаж или еще что-то. Я хотел остаться в живых».

По пути в Освенцим эшелон, в котором ехал Гюнтер, остановился на какой-то станции в Восточной Германии. Евреи из товарных вагонов кричали: «Пожалуйста, дайте воды!» – но в ответ слышали: «Проклятые евреи! Вас еще не убили?» Гюнтер был обескуражен и подавлен этим, как и многим другим, но по-прежнему не верил, что его соотечественники, а он считал немцев соотечественниками, могут желать им смерти. «Мы понимали, что нас не повезут первым классом, – говорит Раскин. – Но уж точно не думали, что большинству из нас суждена газовая камера. Мы и не знали об их существовании»²⁴.

Эсэсовцы делали все, чтобы о происходящем в крематориях Биркенау в лагере ничего не знали. Сами здания были огорожены, члены рабочих команд жили при них. У этих людей были самые страшные обязанности во всем Освенциме, но лучшие условия, чем у большинства заключенных. «Барак хороши, с кроватями, – свидетельствует Дарио Габаи, попавший в Биркенау в 1944 году. – И кормили нас неплохо. Нам не нужна была лагерная баланда»²⁵.

Кроме того, эсэсовцы часто разрешали им брать себе продукты, которые оставались в помещениях, где евреи раздевались перед тем, как их уводили в газовые камеры. Один такой ужин описал Миклош Нисли, румынский еврей, оказавшийся в Освенциме: «На столе была скатерть, а на ней – все то, что депортированные могли взять с собой в неизвестное будущее: разного вида консервы, бекон, колбаса нескольких сортов, печенье, шоколад»²⁶.

Кое-кто из членов рабочих команд прибирал и добро убитых евреев, в особенности драгоценности, которые были спрятаны в одежде или на теле. Все это можно было обменять на кое-что другое, более необходимое: несмотря на изолированность крематория, контакты с остальными узниками все-таки были. Отто Прессбургер, словацкий еврей, попавший в Освенцим в 1942 году, вспоминает, что у него имелась возможность попадать за забор, то есть на территорию, где находились крематории, потому что он являлся возницей. Прессбургер говорит, что всегда был не прочь провернуть с членами рабочих команд «дельце». Они хотели шнапса и сигарет, и у них было золото, чтобы заплатить. Вот свидетельство Прессбургера. «Дела лучше всего шли в крематории. Я старался получить наряд в ту сторону лагеря, где был крематорий. Там можно было кое-что купить... Однажды я зашел туда и спросил, не хотят ли они что-нибудь продать. Мне предложили украшение – паука с драгоценными камнями. В то время в лагерь попали очень богатые евреи, владельцы ювелирных магазинов. Я спросил, что члены рабочей команды хотят за паука. Мне ответили – сотню сигарет. Я сказал, если паук того стоит, я привезу сигареты. Мы привыкли доверять друг другу. Паук был чудесный. В середине большой камень, а лапки украшены мелкими бриллиантами. Я отвез паука полякам – строителям, которые жили за пределами лагеря, а днем работали внутри, и предложил его им... Все осталось с прибылью».

Безусловно, такая «торговля» была строжайше запрещена, и Отто Прессбургер, занимаясь ею, рисковал жизнью. «У ворот крематория всегда стоял эсэсовец, – говорит он. – Я придумывал разные причины, чтобы проехать. Чаще всего говорил, что мне приказали привезти песок... Но, конечно, я ехал, чтобы проверить дельце. Меня пропускали. Проблемой было спрятать товар. Члены рабочей команды сделали небольшой деревянный ящичек в телеге у меня под ногами... Однажды я привез им тысячу сигарет. И только я достал их из потайного ящика, как получил удар по затылку и по спине. Это был пожилой эсэсовец. Он всегда ездил там на велосипеде – следил, чтобы заключенные не совершали подобных сделок... Он спросил, у кого я достал сигареты, и я солгал – сказал, что просто был голоден и украл сумку, думая, что там может быть еда. А в ней оказались сигареты. Он заорал, что это ложь... Он был каким-то младшим чином, но я называл его господином офицером, может, это и помогло. Он ударил меня по лицу... Я сделал вид, что мне ужасно больно. В итоге он забрал сигареты, а меня отпустил. Если бы он доложил об этом случае, меня бы в то же день самого отправили в газовую камеру»²⁷. Как говорит Прессбургер, у него не было выбора, кроме как заниматься в лагере такого рода делами, потому что он хотел жить.

У членов рабочих команд подчас складывались отношения не только с узниками лагеря, но и с немцами, которые контролировали то, что они делали. Эсэсовцы в лагерях смерти, таких как Собибор, быстро поняли, что часто менять рабочую команду непродуктивно. В Освенциме, например, те, кто в нее входил, оставались в живых на протяжении многих месяцев, так что какие-никакие отношения действительно возникали. Миклош Нисли даже видел, как они играли в футбол – сборная рабочих команд лагеря против сборной эсэсовцев²⁸. Дарио Габаи, в частности, вспоминает одного голландца – военнотружущего войск СС и характеризует его как очень доброго парня²⁹. Морис Венеци, тоже член рабочей команды, подтверждает, что этот голландец на самом деле был из числа добродушных. «Иногда он угощал нас сигаретами, а иногда, наоборот, его угощали мы. Очень, очень хороший малый, чуть ли не по-дружески к

нам относился». Но даже этот хороший мальчик, говорит Морис, убивал людей. «А с нами он был спокоен и даже приветлив. Я до сих пор не могу понять – почему?...»³⁰

Конечно, эсэсовцев-садистов было намного больше. И изуверов. И настолько циничных, что человеческому разуму это неподвластно. В показаниях, данных одним членом рабочей команды и обнаруженных только спустя много лет после войны, есть свидетельство, что кто-то из эсэсовцев любил шупать обнаженных молодых женщин, когда они проходили мимо него в газовую камеру³¹...

Отъявленным садистом был гауптшарфюрер СС Отто Моль. Дарио Габаи считает, что Моль получал удовольствие, убивая раздетых девушек, причем целился всегда в грудь. В 1944 году в лагерь прибыла большая партия венгерских евреев. Крематории не справлялись, и часть тел приходилось сжигать в огромных ямах под открытым небом. Моль время от времени бросал в огонь детей – живых³²... Альтер Файнзильбер, член рабочей команды, тоже был свидетелем садизма Моля. Один раз гауптшарфюрер приказал обнаженной женщине забраться на гору трупов рядом с ямой, прыгать и петь там, пока он расстреливал заключенных и сталкивал их тела в яму. Потом Моль убил и ее³³. Этот эсэовец внушал всем такой ужас, что у Дарио Габаи даже спустя много лет после войны при звуке мотора мотоцикла сердце начинало колотиться как бешеное, потому что он вспоминал Моля – тот приезжал в крематорий на мотоцикле³⁴.

Многие члены рабочих команд, безусловно, понимали, что сотрудничают с нацистами в уничтожении своих еврейских братьев и сестер, и страшно страдали. «Иногда мы думали, что лучше бы нам убить себя, но не работать на немцев, – говорит Морис Венеци. – Но покончить жизнь самоубийством не так-то просто...» Дарио Габаи свидетельствует: «Проходит какое-то время, и ты уже ничего не соображаешь. И не чувствуешь. Тебя ничего не тревожит, поэтому твоя совесть прячется где-то глубоко... И остается там по сей день. Что произошло? Почему мы делали то, что делали?!» Единственное объяснение, которое он смог предложить, звучит так: «Всегда находишь силы прожить еще один день, потому что желание жить слишком велико»³⁵.

Есть письменное свидетельство члена одной из рабочих команд о том, что литовские подростки перед смертью упрекали их. А еще раз девушка стала кричать на того, кто пытался снять одежду с ее маленького брата, и назвала его убийцей евреев. Как-то ребенок спросил, почему они, тоже евреи, отправляют других на смерть – неужели только из-за желания выжить самим? Разве с этим можно жить? Жить рядом с убийцами и извергами?³⁶

«Нас освободили, – говорит Морис Венеци. – Зачем? Чтобы помнили все это варварство? Нам не нужна была жизнь. Мы это чувствовали – и чувствуем до сих пор. До сих пор я спрашиваю себя: зачем Бог оставил меня в живых, для чего? Чтобы помнил все это? У меня всегда, даже сейчас, когда ложусь спать, перед глазами начинает кружиться одно и то же. Все-все, каждую ночь... Каждую ночь...»³⁷

Крематории с газовыми камерами в Биркенау начали работать после того, как Холокост уже унес жизнь большинства евреев. В 1941 году их было убито примерно 1 100 000, в 1942-м – 2 700 000³⁸. Многие, очень многие из этих евреев погибли либо в результате акций айнзатц-групп на востоке, либо в ходе операции «Рейнхард» на территории Польши. На долю Освенцима в 1942 году пришлось 200 000 – незначительная часть этого страшного мартиролога. В 1943 году умерщвлено было 500 000 евреев, и половина из них в Освенциме. При этом новые смертоносные сооружения, созданные в Биркенау, функционировали не на полную мощность. Убитых в 1943-м стало меньше отчасти потому, что, как только стало ясно, что Германия может проиграть войну, у немцев возникли трудности с тем, чтобы найти и доставить евреев в лагерь смерти.

В 1943 году в Освенцим нацисты везли не только евреев. Они отправляли туда и другие «контингенты», в том числе синти и рома, которых называли цыганами. Их уничтожение явля-

лось частью общей политики национал-социалистов по уничтожению политических оппонентов, евреев, неизлечимо больных, душевнобольных и гомосексуальных мужчин.

В Биркенау создали специальный цыганский сектор (одно время там содержались 15 000 человек), и первый транспорт, в котором находились несколько сотен синти и рома, пришел туда в феврале 1943-го. Удивительно, но по прибытии синти и рома не подвергались селекции, а потом им разрешалось держаться семьями. Вероятно, это произошло потому, что окончательное решение об их судьбе еще не было принято. Да, их не разлучали, но это не означало, что синти и рома пользовались какими-то поблажками. И относились к ним так же жестоко, как к другим узникам. Герман Холленрейнер из семьи синти попал в Биркенау ребенком и помнит, что все дети голодали так, что рвали траву и ели ее, как кролики. «Если это видели эсэсовцы, они нас били. В Биркенау вообще было очень страшно... Мы жили в состоянии непреходящего ужаса. Каждую минуту думали, что отца или мать могут забить до смерти, или что нас всех отравят газом. Да, мы знали, что нас могут в любой момент отправить в газовую камеру»³⁹.

Франц Розенбах, тоже из семьи синти, вместе с матерью оказался в Освенциме-Биркенау в 15 лет. Франц помнит, что по прибытии в лагерь был потрясен тем, что им с мамой предстояло раздеться донага на глазах друг друга. «Не знаю, знакомы ли вы с нашими традициями, – говорит Розенбах. – Ни мать, ни отец никогда не раздеваются в присутствии детей. Это чувство и стыда, и уважения. А тогда нас заставили сделать это. Мы разделись, и я воскликнул: “Мама, где ты?!” Она стояла у меня за спиной, пыталась укрыться от моих глаз и сама не смотреть на меня... А когда маме отрезали волосы – ее косу, – я хотел подобрать ее. Получил за это несколько ударов по спине резиновой дубинкой или чем-то подобным, может, резиновым шлангом. Нет, представить это зрелище невозможно!.. Пришел эсэсовец с палкой и стал бить мужчин по половым органам, приговаривая (прошу извинить, но я не могу это произнести) что-то вроде “член цыганский”, ну, понимаете... короче, грубые, унижительные слова...»⁴⁰

Оказавшись с матерью в цыганском секторе, Франц Розенбах был совершенно потрясен условиями, в которых пришлось существовать синти и рома. «Атмосфера была ужасной, потому что в бараках находились и дети и взрослые, и больные и здоровые... Все жили одной кучей. Малыши плакали: “Мама, я голодный! Мама, дай мне поесть! Дай попить...” С водой было плохо... К тому же постоянные опасения заболеть брюшным тифом... “Мама, дай мне то, дай другое...” Женщины ничего не могли им дать, у них ничего не было. Нас били, пинали, унижали... Никто не понимал, за что, почему... Этих молодых эсэсовцев, да и тех, кто постарше, научили думать, что мы, синти и рома, другие существа. Мы не люди. Нас нужно уничтожить. Каждый мог сделать с нами что угодно. Синти были их законной добычей, понимаете?»

Женщины в цыганском секторе часто подвергались сексуальному насилию. Герман Холленрейнер вспоминает, что капо могли прийти в барак ночью, выбрать нескольких женщин – прекрасных цыганок⁴¹, – вывести наружу и изнасиловать. Франц Розенбах это подтверждает и добавляет, что немцы тоже совершали подобные преступления. «Вечером молодые эсэсовцы могли войти в барак с факелами и подойти к женщинам. Те не понимали, что происходит. Женщин заставляли снимать платки – чтобы разглядеть получше. Иногда они выбирали тех, что помоложе, и уводили за барак... Выстрелов не было слышно, вообще ничего не было слышно. Но наутро их находили мертвыми. Надругались и убили...»⁴² По словам Альтера Файнзильбера, члена рабочей команды, в цыганском секторе бывали случаи, когда женщины в отчаянии сами предлагали себя. Он говорит, что заключенные из других частей лагеря, которые могли, что называется, дать взятку, приносили блокфюреру – старшему по блоку, объединявшему несколько бараков, например, сигареты. Он пропускал их на территорию и указывал на барак. «Там они вступали в сексуальные отношения с цыганками, которые голодали сами и имели голодных детей. Эти женщины отдавались за кусок хлеба»⁴³.

Да, в Освенцим были направлены десятки тысяч синти и рома, но политика нацистов в отношении цыган оставалась невнятной. К тому же немцы не оказывали на своих союзников такого давления по депортации цыган, какое было в случае с евреями. Тем не менее преследований синти и рома не избежали. В Румынии, скажем, объектом систематического уничтожения они не стали, но тысячи синти и рома все-таки были депортированы в Транснистрию. В Хорватии усташи издавали дискриминационные постановления и преследовали цыган, ссылали их в лагеря. В результате там погибло около 26 000 синти и рома⁴⁴. Несомненно, во время войны жертвы среди них были огромными. Точные цифры неизвестны, но наверняка больше 200 000 человек.

Отчасти отсутствие четкости в политике национал-социалистов в отношении синти и рома объясняется тем, что Гиммлер не давал конкретных указаний по этому поводу своим подчиненным. С одной стороны, айнзатцгруппы на востоке убивали цыган наравне с евреями, и тысячи синти и рома были депортированы в лагеря на территории Польши из границ старого рейха, а с другой – 13 октября 1942 года Гиммлер подписал приказ, согласно которому расово чистые синти имели право перебираться в указанные им районы под началом цыганских баронов⁴⁵. Доктор Роберт Риттер – руководитель станции биологических исследований по евгенике и народонаселению имперского управления здравоохранения и главный специалист служб СС по цыганам – все-таки пришел к заключению, что о расово чистых цыганах, живущих в рейхе, пока говорить рано, но синти и рома, которые «смешали» кровь с другими нациями, потенциально опасны. Эта порочная во всех смыслах теория породила дискриминационную политику, почти невозможную для осуществления на практике.

29 января 1943 года рейхсфюрер подписал новую директиву, что и привело к депортации синти и рома в Освенцим, но были оговорены некоторые исключения – например, для тех, кто считался расово чистыми, для цыган, состоящих в браке с немцами, которые могли поручиться за них в полиции, и т. д. Все они подлежали стерилизации, но получили возможность – хотя бы теоретическую – избежать смерти. Теоретическую потому, что в процессе депортации все эти исключения очень часто игнорировались⁴⁶.

Гитлер в это время пытался осознать обескураживающие – и почти катастрофические – вести с театра боевых действий. Капитуляция 6-й армии под Сталинградом в начале 1943 года была кошмаром, но далеко не единственным. В середине мая вермахт проиграл кампанию в Северной Африке, и фюрер имел все основания опасаться, что поражение его войск в Тунисе может сравниться по масштабу с трагедией на Волге⁴⁷. В том же месяце гросс-адмирал Дениц отдал приказ о прекращении действий подводных лодок в Северной Атлантике. Контрмеры союзников сделали поставленные перед ними задачи невыполнимыми.

И тем не менее ни одна из этих неудач, сколь бы серьезными они ни были, не повлияла на стремление Гитлера и дальше убивать евреев. 13 мая 1943 года он сказал Гиммлеру, что у национал-социалистов нет иного выхода, кроме как уничтожить этих паразитов, всех до единого. Потом Гитлер добавил: «Мировое еврейство считает, что оно на грани мировой победы. Этому не бывать! Мирового господства добьются те, кто первыми распознали опасность евреев и начали борьбу с ними»⁴⁸.

Маниакальная ненависть Адольфа Гитлера к евреям не притупилась. Напротив, она, похоже, усилилась еще больше, подтверждением чему станут чудовищные события лета и осени 1943 года.

Глава 15

Неповиновение и восстания (1943)

Один из трагических аспектов этой истории, которым нет числа, заключается в том, что очень много евреев погибло в странах, решивших выйти из войны. Сделать это оказалось непросто, а месть Гитлера своим союзникам, решившим порвать с ним, оказалась страшной.

Начнем с итальянцев. Летом 1943-го на Апеннинском полуострове уже поняли, что для Италии альянс с нацистской Германией оборачивается катастрофой. 10 июля 1943 года войска союзников высадились на Сицилии. 19 июля бомбили Рим. «Многие понимали, что война проиграна, – говорит итальянский дипломат Марио Монделло, видный член фашистской партии. – И разумеется, мы считали, что Италия должна выйти из войны. Что же держаться за Муссолини?.. Порой мы большие реалисты, чем немцы. Конечно, как реалисты мы не можем оставаться верны нынешнему вождю и т. д. Не скажу, что это очень благородно, но уж что есть, то есть»¹.

Итак, весной 1943 года после разгрома немецко-итальянских войск в Северной Африке и Сталинграде, Италия лишилась всех своих колоний и корпуса на Восточном фронте. 24 июля на Большом фашистском совете, как тогда называлась правительственная структура в Италии, Муссолини подвергся критике со стороны своих соратников за проводимую политику. 25 июля его вызвал на аудиенцию король Виктор Эммануил и освободил от должности премьер-министра. В тот же день дуче был арестован.

Главой правительства стал маршал Пьетро Бадольо. Он, конечно, оказался в очень сложном положении. Сразу перейти на сторону союзников Италия не могла, так как немцы тут же бы ее оккупировали. Бадольо ввел в стране военное положение и подавил выступления коммунистов, которые бы могли спровоцировать немцев. В июле в Лиссабоне начались мирные переговоры между Италией и союзниками, затем продолжившиеся на Сицилии. 3 сентября 1943 года, в тот самый день, когда передовые части союзников переправлялись с острова на материк, новое итальянское правительство подписало договор о перемирии, а 8 сентября генерал Эйзенхауэр, выступая по радио, объявил о безоговорочной капитуляции Италии.

Выход Италии из оси между тем оказался сокрушительным ударом для евреев. Промежуток между отстранением Муссолини от власти и капитуляцией итальянцев дал немцам возможность подготовить свой ответ, и, как только Италия капитулировала, Германия приняла контрмеры. Немцы оккупировали Северную и Центральную Италию и 10 сентября вошли в Рим. Большая часть итальянских войск была разоружена. Гитлер записал выступление, которое вечером передали по радио. В своей речи фюрер осудил двуличие нового итальянского правительства и сказал, что Германия никогда не сдастся. «Мы все понимаем, – вещал он из Берлина, – что в этой беспощадной борьбе проигравший будет уничтожен и победим мы!»²

12 сентября немцы освободили Муссолини. Он был немедленно доставлен в Германию, в ставку фюрера в Восточной Пруссии. Гитлер пригрозил, что, если дуче не согласится вернуться в Италию и создать там новое фашистское государство, будут разрушены Милан, Генуя и Турин. 23 сентября была провозглашена Итальянская социальная республика, продолжившая войну на стороне Германии.

Другие союзники нацистов не могли не знать, что одной из причин того, что представители антигитлеровской коалиции стали вести с итальянцами переговоры, стало их неучастие в преступном широкомасштабном уничтожении людей. Даже при том, что режим Муссолини преследовал евреев в самой Италии, их никогда не высылали в массовом порядке в нацистские

лагеря смерти. Более того, до самой капитуляции итальянцы защищали евреев от депортации с оккупированных ими территорий. В частности, весной 1943 года, в то же время, когда болгары выслали евреев из Фракии и Македонии, итальянский консул в занятых немцами Салониках организовал переброску греческих евреев в относительно безопасные Афины, которые тогда находились в итальянской зоне оккупации³. Известны даже случаи, когда в Салониках кто-то из итальянских солдат приходил в лагерь, где немцы держали евреев, и заявлял, что та или иная женщина является его женой, а значит, депортировать ее нельзя⁴.

Капитуляция Италии означала, что эта защита в одночасье рухнула. Жизнь евреев в самой Италии и на бывших оккупированных территориях резко изменилась к худшему. Например, как только немцы вошли в Ниццу на южном побережье Франции, которая раньше была под контролем итальянцев, они устроили невиданную по жесткости облаву на евреев. В Ницце нашли убежище почти 20 000 евреев, в последние десять месяцев находившихся под защитой итальянцев (в ноябре 1942 года Германия оккупировала всю территорию Франции, и с этого момента власть правительства Виши стала чисто номинальной). Теперь нацисты могли отомстить. Такие же зверства они совершали и на территории самой Италии. Эсэсовцы искали евреев в районе озера Лаго-Маджоре на севере Италии и находили их. В частности, нацисты наткнулись на евреев в одном из отелей в Мейне. Шестнадцать человек, в том числе восьмилетний ребенок, были расстреляны на месте. Их трупы немцы выбросили в озеро⁵.

В октябре 1943 года нацисты начали охоту на евреев в самом Риме. Кто-то может подумать, что это просто невозможно: хватать людей поблизости от одной из христианских столиц мира – Ватикана. Неужели папа Пий XII проигнорировал такой произвол, даже при том, что, как мы уже знаем, он не выступал с публичным осуждением истребления евреев? Эрнст фон Вайцзеккер, посол Германии при папском престоле, был уверен, что теперь понтифик молчать не будет. Он полагал, что депортация евреев из Рима вызовет такое осуждение папы, что это повредит Германии⁶. Но Вайцзеккер ошибся. Пий XII не только не выступил с угрозой проклясть тех, кто будет участвовать в депортации евреев из Рима, но и ничего не сказал против нее, когда высылка уже стала свершившимся фактом.

Рано утром 16 октября 22-летняя еврейка Сеттимия Спицичино поняла, что в Риме происходит что-то неладное: «Та ночь отличалась от предыдущих. Что-то было не так... Наступила какая-то странная тишина, словно все погрузилось в вату. Я не могу этого описать... Примерно в четыре часа утра мы услышали шаги, тяжелые шаги. Маршировали солдаты. Мы бросились к окнам – посмотреть, что творится, и увидели, как немецкие солдаты врываются в дома и забирают евреев. Мы перепугались, потому что увидели, как они входят в наш дом»⁷. Сеттимию вместе с ее семьей отвели в тюрьму, расположенную рядом с Ватиканом, в которой, по ее словам, были ужасные условия, а потом депортировали в Освенцим. Она стала одной из 1800 евреев, высланных из Рима за время немецкой оккупации. «Я вернулась из Освенцима после войны одна, – говорит Сеттимия. – Я потеряла там всю семью. Мать, брата, двух сестер и маленькую племянницу... Если бы папа Пий XII выступил, кто-то из евреев успел бы бежать... Люди бы все поняли. Но он промолчал. Это было на руку немцам. Святой отец находился очень близко, но и пальцем не пошевелил. Папа Пий XII был антисемитом. И рисковать он не хотел».

Мы знаем, что произошло с Сеттимией, поэтому не удивляемся характеристике, которую она дала папе Пию XII – антисемит, но поддержать обвинение трудно. Понтифик не препятствовал тому, чтобы итальянские священники и монахини прятали евреев. «Папа распорядился, чтобы монастыри стали открытыми, – говорит одна из монахинь, сестра Луиза Джирелли. – Наши двери были открыты для всех беженцев»⁸. Энрикетта ди Вероли была среди тех евреек, которых укрыли сестры, и никогда не забудет, что они спасли ей жизнь. «Нас приняли и были с нами очень добры, – говорит Энрикетта. – Мы прожили у этих добрых монахинь девять месяцев. Я испытываю к ним гораздо большее чувство, чем простая благо-

дарность»⁹. В мужских и женских монастырях и других обителях католической церкви нашли приют, а значит, и спасение более 4000 евреев. При этом сотни обрели убежище даже в самом Ватикане¹⁰.

И тем не менее папа, даже после того, как узнал, что нацисты намереваются истребить всех евреев, ничего не сказал об этом преступном решении. Судя по имеющимся свидетельствам, обусловлено это было, скорее всего, двумя причинами. Прежде всего, понтифик опасался, как нам уже известно, победы большевиков – безбожников, расправившихся с православной церковью и в перспективе представляющих угрозу для католической. Кроме того, у святого отца были основания думать, что, если он выступит с осуждением преследования евреев, немцы могут войти в Ватикан и на другие церковные территории и захватить скрывающихся там – тех же самых евреев. Нельзя было исключить и бомбежку Ватикана¹¹. И папа промолчал. По его мнению, он таким образом действовал во благо всей католической церкви, но, как нам уже известно на примере происходившего в Голландии, никто не может утверждать наверняка, что произошло бы, займи святой отец более принципиальную позицию. Возможно, нацисты не посчитались бы с мнением церкви, а возможно, с учетом сдержанности, которую Гитлер уже продемонстрировал в Германии, они бы внесли в свои бесчеловечные планы хоть какие-то коррективы. С уверенностью можно сказать лишь одно: выступление папы послужило бы нравственным ориентиром для всего мира.

Депортацию итальянских евреев проводили не только немцы. Им содействовали и итальянцы, в особенности члены фашистских группировок, таких, как «Черные бригады» (*Brigate Nere*), и военизированные подразделения Итальянской социальной республики.

В нацистских лагерях смерти были умерщвлены около 7000 евреев, депортированных с Апеннин¹², но в целом примерно 80 процентов итальянских евреев войну пережили. Большинство из них скрывались или бежали через границу в нейтральную Швейцарию. Первоначально, даже после того, как Германия оккупировала Италию, швейцарские власти продолжали настаивать на том, что евреи не имеют права на убежище в их стране, кроме тех, у кого есть на это особые основания, например дети или лица, состоящие в браке с гражданами Швейцарии. В декабре 1943 года данные правила смягчили, а в июле 1944-го еще больше либерализовали. Так или иначе, на протяжении всей войны судьба итальянских евреев, искавших убежища в Швейцарии, в значительной степени зависела от сочувствия – или его отсутствия – конкретных швейцарских пограничников¹³.

Тот факт, что от общего числа итальянских евреев убито было менее 20 процентов, не должен вызывать никаких иллюзий. Да, голландских евреев нацисты истребили более 75 процентов, но, в отличие от Нидерландов, полномасштабные гонения на евреев в Италии начались относительно поздно, и во многих частях страны, там, где войска союзников продвигались быстро, нацистам было уже не до депортаций. В частности, в Рим части англо-американцев вошли меньше чем через девять месяцев после капитуляции Италии – 4 июня 1944 года. Другими словами, возможности немцев на Апеннинском полуострове задерживать, идентифицировать и депортировать евреев были вынужденно ограничены.

В другой стране, оккупированной немцами, которая располагалась за 1000 километров от Италии, все было совсем не так. Данию считали своим домом примерно 7500 евреев, и впервые нацисты задумались об их депортации осенью 1943 года, примерно в то же время, когда началась высылка итальянских евреев. Относительно мягкий оккупационный режим в Дании закончился летом, после волны забастовок и иных протестных выступлений. 29 августа правительство было разогнано и власть в стране перешла к немецкой оккупационной администрации. Имперским уполномоченным в Дании стал обергруппенфюрер СС Вернер Бест. В страну вошли армейские части и подразделения гестапо. Начались массовые аресты.

Конечно, немцы решили срочно принять решительные меры против евреев, но Бест – удивительное дело – чуть ли не открыто саботировал «окончательное решение еврейского вопроса» в Дании и фактически способствовал тому, чтобы датские евреи бежали в Швецию. По решению нацистов всех евреев должны были арестовать в ночь с 1 на 2 октября 1943 года и немедленно депортировать из страны, но за несколько дней до запланированной акции Бест через посредника, немецкого военно-морского атташе Георга Дуквитца, предупредил о том, что их всех ждет. Дуквитцу Бест сообщил о грядущей высылке, зная, что тот имеет обширные связи с датской элитой и обязательно передаст информацию политикам и предпринимателям, а те, в свою очередь, предупредят евреев.

«Мы узнали о намеченной депортации в участке, – говорит Кнут Дюбю, офицер датской полиции, участник Соппротивления. – Нам это стало известно одновременно с политиками и журналистами, и для всех новость оказалась большой неожиданностью. Мы никогда не думали – после более чем двух лет, – что немцы станут арестовывать датских евреев»¹⁴. Дюбю, который, как и его сослуживцы, не верил в осуществление дискриминационных мер, посчитал себя обязанным помочь евреям, отчасти и потому, что из листовок подпольщиков знал, какая судьба их, скорее всего, ждет.

Вплоть до того дня, когда немцы решили депортировать датских евреев, ситуация для них оставалась вполне благополучной, говорит Бент Мельхиор, которому в 1943 году сравнялось 14 лет. «Нас, евреев, в то время там жило не так уж много, и мы были вполне интегрированы в датское общество. На протяжении сотен лет заключались смешанные браки, и люди, вовсе не считавшие себя евреями, могли иметь еврейских прадедушек и прабабушек. Я бы сказал, что в стране была просемитская атмосфера, и ни церковь, ни государство в нас угрозы не видели. Напротив, многие евреи играли очень важную роль в датской общественной жизни, в искусстве, науке, даже в политике»¹⁵.

Бент вспоминает, что в случае опасности всегда можно было обратиться за помощью к любому полицейскому на улице и не опасаться, что он донесет об этом немцам. Настроения в Дании были такими, что все датчане – вне зависимости от этнической и религиозной принадлежности – чувствовали себя единой нацией, противостоящей немцам.

Узнав о планируемой нацистами акции, еврейские лидеры через синагоги распространили предупреждение среди общины. В результате многие евреи, жившие в Копенгагене, покинули столицу и укрылись за городом. Примечательно, что часто они получали при этом помощь от соседей, не являющихся евреями.

Датчане приложили много усилий, чтобы предупредить евреев. «Я ходил от дома к дому по улицам в нашем районе, – рассказывал Роберт Педерсен, которому тогда было 17 лет. – Если я видел табличку на доме с фамилией, похожей на еврейскую, то звонил и говорил хозяевам, что мне нужно им кое-что сообщить. Иногда они не хотели верить, но мне все-таки удавалось убедить евреев собрать самые необходимые вещи и пойти со мной в клинику в квартале Биспебьерг – она превратилась в место сбора всех евреев-беженцев... Там их принимали, я возвращался обратно в свой район и собирал новых евреев»¹⁶.

Чаще всего евреи бежали через неширокий пролив в нейтральную Швецию. Добровольцы, в частности Кнут Дюбю, сопровождали небольшие их группы по улицам Копенгагена к рыбацкому порту. «Это всегда делалось в темноте, – говорит Дюбю. – Мы предпочитали самую плохую погоду, потому что в ясные вечера нас легко можно было заметить». В гавани они прятались в небольших сараях, которые обычно использовались для хранения сетей и разных инструментов, и ждали появления рыбака с лодкой. «Конечно, мне было страшно, – вспоминает Кнут. – И тем не менее и тогда нам все помогали, и потом находились соотечественники, которые соглашались приютить и покормить меня, без всяких денег, просто помогая мне как подпольщику»¹⁷.

Датские священнослужители тоже не остались в стороне. «Где бы ни преследовали евреев по расовым или религиозным соображениям, – сказал 3 октября епископ Копенгагена в открытом заявлении о поддержке, – долг христианской церкви в том, чтобы выступить против таких преследований... Невзирая на разницу религиозных представлений, мы будем бороться за право наших еврейских братьев и сестер иметь свободу, которую мы сами ценим больше, чем жизнь»¹⁸.

В результате запланированная немцами на 1–2 октября акция провалилась – большинства евреев, когда за ними пришли, просто не оказалось дома. Из 7500 датских евреев депортировано было менее 500 человек. Их отправили не на фабрики смерти на востоке, а в концентрационный лагерь Терезиенштадт на территории Чехии, и большинство пережили войну.

Датский опыт Холокоста уникален. Дания – единственная страна, оккупированная немцами, в которой народ смог спасти почти 95 процентов своих соотечественников – евреев. Простого объяснения, почему это произошло только в Дании и нигде больше, нет. Совпали несколько факторов.

Во-первых, датчане исторически привыкли держаться вместе против своего могущественного соседа – Германии. Кроме того, у них, безусловно, было глубокое чувство значимости прав человека. «Это то, что я называю датской честностью и справедливостью, – говорит еврей Руди Бир, которого осенью 1943 года – тогда он был подростком – спасли друзья-датчане. – Думаю, у нас есть желание защищать друг друга и нас не так-то легко заставить что-то сделать или от чего-то отказаться»¹⁹.

Во-вторых, важнейшую роль сыграла близость нейтрального государства. Швеция была через пролив и не отказывала в убежище. 2 октября 1943 года по шведскому радио прозвучало сообщение, что страна примет всех датских евреев, которые смогут перебраться морем.

Еще одним фактором – несмотря на то, что в то время в Дании находились около 1000 евреев из других стран – стало, по словам Кнута Дюбю, ощущение, что евреи были все датские. Таким образом, есть основания полагать, что датчане спасали не столько евреев, сколько своих соотечественников, которые оказались евреями. Если бы Дания в 1930-е годы не ввела строгие ограничения на въезд в страну евреев-иммигрантов, а разрешила бы искать у себя убежище гораздо большему их числу, возможно, осенью 1943-го ситуация развивалась бы иначе. Впрочем, судить об этом трудно.

Очень важной причиной спасения такого большого числа датских евреев стало решение имперского уполномоченного в Дании Вернера Беста – фактически главного представителя Германии в стране, сделать предупреждение, которое, как он знал, дойдет до еврейской общины. И наконец, немецкий флот не прилагал никаких усилий по охране водного пространства между Данией и Швецией, что и позволило евреям благополучно скрыться. «Я всегда думал, – говорит Руди Бир, – что, если бы немцы хотели помешать этой операции, они бы легко это сделали, потому что пролив между Данией и Швецией и не широкий, и не длинный. Используй они четыре-пять торпедных катеров, вообще бы никто не ушел»²⁰.

Конечно, сказать, что немцы полностью игнорировали бегство евреев, нельзя. На территории Дании некоторые подразделения пытались их отлавливать, но, судя по всему, объем прилагаемых усилий зависел от энтузиазма отдельных командиров.

Объяснить поступок обергруппенфюрера Беста труднее. Перед этим он не был замечен в симпатиях к евреям. Бест был убежденным нацистом и с начала польской кампании руководил деятельностью айнзатцгрупп СД на территории Польши. В 1939 году, после создания РСХА, возглавил его I управление. Правда, у него имелись разногласия с Гиммлером по вопросам расовой политики на оккупированных территориях, поэтому Бест подал прошение о зачислении его в действующую армию. В августе 1940 года он был назначен начальником одного из

главных отделов в администрации оккупированной части Франции и в Париже успешно налажил сотрудничество между французскими и немецкими органами власти.

Тем не менее никаких свидетельств того, что Бест вдруг проникся сочувствием к положению евреев, нет. А вот подтверждение тому, что он руководствовался определенными мыслями, имеется. Речь идет о документе, который имперский уполномоченный направил в Берлин 5 октября 1943 года. Там, в частности, говорится следующее: «Поскольку объективной целью *Judenaktion* в Дании была деиудизация страны, а не охота за головами, можно заключить, что цель достигнута»²¹. По сути, Вернер Бест сказал, что преуспел в выполнении поставленной перед ним задачи очистить Данию от евреев. Просто успех достигнут не в результате депортации всех евреев в лагеря смерти, а того, что они бежали в Швецию. Наряду с этим обергруппенфюрер подчеркнул, что политическая ситуация в Дании всегда отличалась от сложившейся в других оккупированных Германией странах. Здесь правительству изначально было позволено определять оккупационные порядки, чтобы обеспечить бесперебойную поставку датского продовольствия в рейх, а недовольство, возникшее в связи с депортацией евреев, могло бы оказаться весьма серьезным. Словом, Бест мог решить, что гораздо проще добиться желаемой цели более «тонкими» методами, чем применялись повсеместно.

Поступку Вернера Беста может быть и еще одно объяснение, о котором он никогда бы не сказал своим начальникам. Он был опытным юристом. И умным человеком – к осени 1943 года уже мог допустить, что Германия не выиграет эту войну. Очевидно, Бест решил, что ему следует подправить личную характеристику, на которую обратят внимание победители.

Эта стратегия сработала. 4 мая 1945 года германские войска в Дании капитулировали, а 21 мая оставшегося в Копенгагене Беста арестовали. В 1948-м датский суд приговорил его к смертной казни, однако после апелляции приговор был изменен на 12 лет тюремного заключения. Уже в 1951 году Беста освободили «по состоянию здоровья» (кстати, после этого бывший эсэсовец прожил еще 38 лет). Он вернулся в Германию и стал работать по гражданской, так сказать, специальности – в юриспруденции. В 1969-м Беста снова арестовали, на этот раз по обвинению в причастности к массовым убийствам на территории Польши. Польское правительство потребовало выдать его как виновного в военных преступлениях и создании айнзатц-групп. За этим мог последовать только смертный приговор, но правительство ФРГ в просьбе отказало, мотивируя это опять же плохим состоянием здоровья бывшего обергруппенфюрера. В августе 1972 года Вернер Бест был освобожден из-под стражи и снова занялся решением юридических вопросов.

Однако полагать, исходя из примера Дании, что патриотизм и сопротивление воле оккупантов являются самыми важными факторами, определяющими, сколько евреев выжило в той или иной стране, было бы ошибкой. Значим тут среди прочего другой компонент – насколько велико в каждом конкретном случае было желание нацистов разыскивать и депортировать евреев. Эту мысль подтверждает изучение судьбы греческих евреев. В Греции за время войны погибло почти 80 процентов из 70 000 живших там евреев²², и в основном это объясняется тем, что здесь, в отличие от Дании, немцы были решительно настроены уничтожить все еврейское население.

Немцы вошли в итальянскую зону оккупации Греции в сентябре 1943 года и сразу начали планировать массовую депортацию евреев. Это немедленно вызвало протесты со стороны греков. Предстоятель Элладской православной церкви архиепископ Афинский Дамаскин не только высказал немецким властям свое мнение, но и призвал всех священников укрывать евреев. С протестом выступили и преподаватели Афинского университета. Немцы в ответ закрыли университет и арестовали многих представителей духовенства.

Нельзя сказать, что антисемитизм совсем не был чужд греческому обществу – у еврейских общин среди греков друзей, на которых можно было рассчитывать, насчитывалось немного, но в целом греческие евреи пользовались сочувствием и поддержкой. Как утверждает

один историк Холокоста в Греции, в массе своей греки оказывали помощь евреям, обращавшимся к ним²³.

Самый широко известный акт неповиновения произошел на острове Закинф (Закинтос). Местный мэ́р и архиерей, получив от немцев указание представить список всех евреев, проживающих на острове, выдали им листок бумаги с двумя фамилиями – своими собственными. Греки-островитяне укрыли евреев в своих домах, и все они – 275 человек – остались живы. Мы не знаем наверняка, почему нацисты решили не преследовать евреев Закинтоса. Может быть, просто посчитали, что на острове их слишком мало, чтобы задействовать в розыске большие силы. И опять же решающую роль в спасении сыграло именно решение немцев не пытаться отыскать евреев. Произошедшее на Закинтосе стало знаменито тем, что местные евреи остались живы, но в Греции было гораздо больше случаев, когда, несмотря на ничуть не меньший героизм местных жителей, евреев все равно разыскивали и депортировали из страны.

Салоники с прилегающими к городу территориями, где показатель потерь еврейского населения оказался наиболее высоким, были в руках немцев еще с весны 1941 года. За время войны погибло около 95 процентов здешних евреев – 48 500 мужчин, женщин и детей. В отличие от многих других регионов Греции в Салониках евреи не сильно ассимилировались с местным населением. Здесь еще до войны существовали небольшие, но играющие в жизни общества важную роль группы, выступавшие против евреев, преимущественно преуспевающих бизнесменов, и немцы этим воспользовались²⁴.

В Освенцим из Греции были депортированы около 55 000 евреев. Большинство из них сразу после прибытия пошли в газовые камеры, а среди тех, кто оставался жить в лагере, была очень высокая смертность. Греческие евреи, кроме всего прочего, плохо переносили суровый здешний климат...

Истории греческих и датских евреев в очередной раз показывают нам, что в разных странах нацисты не всегда одинаково подходили к «окончательному решению еврейского вопроса». Насколько велико было у немцев желание отыскать и депортировать на восток евреев в каждом конкретном месте, а от этого напрямую зависело, скольким из них суждено погибнуть, определялось целым рядом составляющих – легкостью транспортировки, политическими последствиями депортации, степенью «расовой опасности», которую, как считали нацисты, представляли для них евреи той или иной страны, расстоянием от места их жительства до линии фронта и т. д.

Датские евреи, в отличие от греческих, почти все остались живы отчасти потому, что немцы по разным причинам решили не задействовать все необходимые ресурсы для предотвращения их бегства. Безусловно, следует отметить, что это ни в какой степени не умаляет мужество тех, кто помогал евреям Дании. Героизм бойцов Сопротивления этой страны восхищает нас и сегодня, но мы должны помнить и о мужестве греков, помогавших евреям в своей стране, – несмотря на то, что нацисты все-таки уничтожили многих, очень многих из них.

А узники самого большого лагеря смерти на территории Польши в это время стали планировать восстание. Эсэсовцам впервые предстояло столкнуться с вооруженным сопротивлением. Произошло это летом 1943 года в Трешлинке. В месяцы, предшествовавшие немислимому с их точки зрения событию, немцы считали, что все идет как нельзя лучше. На смену хаосу, царившему при Ирмфриде Эберле, давно пришел новый режим – порядок, порядок и еще раз порядок. И спокойствие, конечно. Прибывающие евреи ни о чем не должны были подозревать – так будет лучше для всех. «Немцы превратили платформу, на которую приходили эшелоны, в некое подобие деревенской железнодорожной станции, – говорит Калман Тайгман, член одной из рабочих команд Трешлинки. – Были развешаны указатели: “Для пассажиров первого класса”, “Для пассажиров второго класса”, “Для пассажиров третьего класса” и “Зал ожидания”. Повесили даже табличку “Начальник станции”»²⁵. Оскар Стравчинский,

узник Трешлинки, вспоминал и «украшательство» лагеря. «На видном месте, – писал он, – повесили неработающие часы с большим циферблатом – сантиметров семьдесят. Все эти декорации, понятное дело, были призваны дезориентировать прибывающих. Нужно было, чтобы у тех сложилось впечатление, что они прибыли на транзитную станцию»²⁶. Самуэль Вилленберг, тоже узник лагеря, свидетельствует о хитростях, на которые пускались эсэсовцы. «Теперь евреи выходили на платформу спокойно. Но здесь, на этом небольшом участке земли, происходило величайшее убийство, которое когда-либо случалось в Европе да и вообще во всем мире»²⁷.

Произошли в лагере и другие изменения. «Появились мастерские, – рассказывает Калман Тайгман, – где портные шили новую форму для эсэсовцев. Были мастерские, в которых работали металлисты, плотники, электрики»²⁸.

С начала 1943 года эшелонов стало приходиться все меньше, а в марте немцы начали реализовывать в Трешлинке «операцию 1005» – план по уничтожению всех свидетельств массовых казней. Членов рабочих команд, в частности, заставляли раскапывать общие могилы и сжигать трупы, и они стали понимать, что лагерь может быть ликвидирован.

Да, все евреи, работавшие в лагере смерти, знали, что намерения немцев непоколебимы – никто из узников живым из Трешлинки не выйдет²⁹. Терять им было нечего, и несколько членов рабочей команды начали продумывать план побега из лагеря. В своем дерзком замысле они сделали ставку на самонадеянность эсэсовцев и притупившуюся бдительность их украинских приспешников, которые уже утвердились в мысли, что все евреи запуганы и трусливы. Как мы уже знаем, эсэсовцы сочли непрактичным часто менять членов рабочих команд – эти-то делают все, как надо...

Конечно, заговорщикам приходилось быть очень осторожными – они это понимали. Если бы эсэсовцы хоть что-нибудь заподозрили, их подвергли бы пыткам, чтобы выяснить все детали. Очевидно, поэтому один из них в апреле и принял яд, когда его задержали с большой суммой денег, предназначенных для подкупа охранников: покончил с собой, чтобы не подвергнуться риску под пытками выдать товарищей.

Итак, к лету 1943 года сомнений уже не было. В лагерь почти перестали приходиться эшелоны. 2 августа заговорщики решили начать действовать. «Мы больше не могли владеть свое жалкое существование, – пишет Янкель Верник. – Была одна мысль: отомстить нашим мучителям и сбежать... Длинные процессии, мрачные караваны смерти, стояли у нас перед глазами, взывая к отмщению. Мы знали, что скрывается под землей Трешлинки. Мы были одними из немногих, кто выжил, чтобы рассказать об этом. Мы молча погребли пепел наших родных и друзей – евреев и поклялись, что на их крови восстанут мстители»³⁰.

Заговорщикам удалось похитить из лагерного арсенала оружие, и во второй половине дня 2 августа они напали на эсэсовцев и охранников-украинцев. В это же время другие узники бросились к складам, схватили канистры с бензином, облили несколько деревянных зданий и подожгли их. Сотни узников бросились к лагерным воротам и ограждениям. «Люди падали, скошенные автоматными очередями, – говорит Самуэль Вилленберг, которому в тот день удалось вырваться из Трешлинки. – Я бежал прямо по трупам...» Внешнее ограждение лагеря не было электрифицировано, Самуэль и другие заключенные перебрались через проволоку и ринулись к ближайшему лесу. По ним стреляли из автоматов и пулеметов, а Самуэль все время кричал: «Ад сгорел!»³¹

Бежать из лагеря смерти удалось примерно 300 заключенным, но, как мы узнаем позже, жизнь им это еще не гарантировало.

Поразительно, но уроков из восстания в Трешлинке эсэсовцы не извлекли, и меньше чем через три месяца подобный бунт вспыхнул в Собиборе. Как и в Трешлинке, члены рабочей команды тут поняли, что они живут до тех пор, пока работает эта фабрика смерти. «По каким-то причинам стали возникать перебои с эшелонами, – пишет Тойви Блатт. – Мы теперь голо-

дали, потому что раньше дополняли свои пайки продуктами, которые находили в багаже прибывающих. Потом мы слышали, что скоро будет транспорт, совсем скоро – завтра. Где-то далеко в Польше по рельсам уже грохотал обреченный поезд, направляющийся в Собибор. Каролек, член нашей команды, сказал мне: “Завтра у нас будет много еды”, и я подумал: “Неужели мы все еще люди?..”³²

С марта по июль 1943 года в Собибор депортировали почти 35 000 голландских евреев. Они везли с собой продукты питания и драгоценности. Для лагерей смерти, работающих в рамках реализации операции «Рейнхард», прибытие больших партий из Западной Европы было делом необычным. Вероятно, то, что голландских евреев стали направлять в Собибор, объясняется фактом, что недавно в Освенцим депортировали много евреев из Греции, а в Собиборе «оборудование» простаивало. Но какими бы ни были мотивы, это решение привело к невероятно высокому уровню смертности прибывавших. В отличие от Освенцима, где часть евреев отбиралась для работы в трудовых отрядах, в Собиборе более 99 процентов из каждого эшелона умерщвлялись в первые часы после прибытия. Из 35 000 голландских евреев, отправленных в Собибор, в живых осталось около 20 человек. Историки фокусируют внимание на факторах местных, повлиявших на чрезвычайно высокий показатель смерти голландских евреев в Холокосте (в первую очередь на активном коллаборационизме нидерландских чиновников), но важно помнить, что свою роль, хотя и не главную, сыграло решение нацистов отправить их именно в Собибор³³.

Голландские евреи часто верили нацистской лжи о том, что в лагере их первым делом ждет санитарная обработка. «Обман был просто виртуозным, – говорит Тойви Блатт о тех самых прибывших «завтра». – Думаю, даже в газовой камере, когда вместо воды пошел газ, они, наверное, решили, что это какая-то неисправность... Когда все закончилось и мы уже извлекли тела из камер, чтобы сжечь, у меня, помню, мелькнула мысль о том, насколько прекрасна тихая звездная ночь... Из одного этого эшелона погибли три тысячи человек, а в мире снова ничего не произошло. Звезды остались на своих местах»³⁴.

В сентябре 1943 года в Собибор доставили из Минска группу советских военнопленных. Сюда их направили потому, что все они были евреями. Именно это событие и стало катализатором массового побега. Около 80 военнопленных направили на строительные работы внутри лагеря. Им тут же стало ясно, что, собственно, представляет собой Собибор. Как говорит один из них, Аркадий Вайспапир, они поняли, что в живых в этом лагере немцы точно никого не оставят³⁵. Военнопленные замыслили дерзкий побег. Руководил ими лейтенант Красной армии Александр Печерский. План заключался в следующем. Нужно активизировать работу сапожных и швейных мастерских и почаще приглашать отдельных офицеров СС на примерку, по одному. Заключение были уверены, и впоследствии оказались правы, что немцы будут приходить в точно назначенное время. После того как эсэсовец сядет мерить сапоги или снимет китель, они его убьют, завладеют оружием и будут ждать следующего. После того как эсэсовский персонал лагеря будет ликвидирован, они перебьют охрану и заберут все оружие из арсенала.

Привести план в действие решили 14 октября 1943 года. Днем, в половине четвертого, Аркадий Вайспапир и Иегуда Лернер спрятались за занавеской в сапожной мастерской. «Немец пришел на примерку, – рассказывает Аркадий. – Он сел прямо передо мной, спиной. Я сделал шаг вперед и нанес удар. Не знал, что это надо делать обухом топора, и ударил лезвием. Мы оттащили его в угол и забросали тряпьем. Тут пришел второй немец. Он подошел к куче тряпок, пнул ее ногой и спросил: “Что это? Что означает этот беспорядок?” Потом, когда до него дошло, что это, я и его ударил топором. Мы забрали их пистолеты. Меня начало трясти. Я долго не мог успокоиться. Мне было плохо. Я весь был в крови»³⁶.

В то время как Аркадий Вайспапир разможил головы двум немцам в сапожной мастерской, его товарищи расправились еще с тремя в портняжной. Ближе к концу дня большинство эсэсовцев лагеря были убиты, но их начальник, обершарфюрер СС Карл Френцель, пока оставался жив. «Я нашел Сашу Печерского и сообщил, что убил двух немцев, – продолжает Аркадий. – Он сказал, что надо устранить Френцеля. Мы должны войти в его кабинет... Я признался, что не могу это сделать. У меня тряслись руки. Меня все еще колотило... Словом, я сказал, что не могу... Саша понял и не стал настаивать. Так что больше я тогда никого не убил»³⁷.

Завладеть оружейным складом заговорщикам не удалось, но около шести вечера заключенные ринулись к главным воротам лагеря. Охрана открыла огонь с вышек. Стреляли и оставшиеся в живых эсэсовцы, Френцель строчил из пулемета. За лагерем были минные поля, и прорываться узникам пришлось через них.

Из почти 550 заключенных рабочего лагеря 130 участие в восстании не приняли, а около 80 погибли при побеге. Остальным удалось бежать. Всех оставшихся в бараках немцы на следующий день убили.

Вот что вспоминает Тойви Блатт: «В голове была одна мысль: “Это конец!” Через меня кто-то перешагивал, а я зацепился робой за колючую проволоку. Потом меня осенило. Я просто выскользнул из робы, оставив ее на проволоке. И побежал. Два или три раза падал... Каждый раз мне казалось, что меня ранило, но я поднимался, все было в порядке, и наконец я оказался в лесу»³⁸.

Так же как в Треблинке, большинство заключенных, бежавших из Собибора, не дожили до конца войны. Из 300 человек, вырвавшихся за колючую проволоку, в живых осталось не более 60. Остальные погибли. Погибли в стране, в которой многие из них родились. Они знали язык, были знакомы с местностью... Конечно, немцы устроили на беглецов настоящую охоту, в которой участвовали германская военная полиция и охрана лагеря. Найдены и тут же расстреляны были 170 человек. В начале ноября немцы прекратили активные поиски, но с этого времени и до освобождения Польши еще около 90 бывших узников Собибора были выданы немцам местным населением либо убиты коллаборационистами.

Вот что говорит Тойви Блатт, которому все-таки удалось спастись. Он хорошо понимал, что, добравшись до леса, еще не оказался в безопасности, потому что опасно было везде³⁹. Был риск попасть в руки немцев, риск встретиться с крестьянами, которые могли бы его выдать за вознаграждение, риск столкнуться с группами вооруженных бандитов – поляков, нашедших себе убежище в лесу и живших грабежами.

Тойви очень хотелось остаться с Печерским, который руководил восстанием, но на другой день после побега тот сказал, что он и восемь человек его группы уйдут одни. «Саша объяснил: “Мы должны понять, где находимся, поэтому пойдем в разведку и, может быть, добудем какой-нибудь еды”, – вспоминает Тойви. – Мне он дал немного денег... Саша обещал, что вернется, но ушел и не вернулся»⁴⁰. После войны Тойви встретился с Печерским и сказал, что тот навсегда останется героем не только в его, Блатта, глазах, но и в глазах всех выживших, но все-таки поступил так, как поступать не следовало. Они вдвоем ушли с девятью пистолетами, а их, остальных узников, оставили одних. Печерский ответил: «Послушай, я солдат, и моим долгом было вернуться в армию». «Он так сказал, но мне показалось, что ему немного стыдно. Тем не менее Саша повторил: “Я был солдатом, а солдат должен вернуться к своим”».

Печерский увел свою вооруженную группу на восток, в Белоруссию, и сумел добраться до партизан. «Выжить могли только те, кто держался вместе, – говорит Аркадий Вайспапир, один из тех, кто ушел с руководителем восстания в Собиборе. – Да, это помогло нам выжить – то, что мы все девять держались вместе. Среди нас были очень смелые и мужественные люди, но никого не уважали больше, чем Сашу Печерского»⁴¹.

Спасая своих товарищей, лейтенант оставил беглецов – примерно 40 человек – в полном замешательстве. Они разбились на мелкие группки и без конца спорили. При отсутствии лидера сильные стремились избавиться от более слабых. В конце концов Тойви с двумя товарищами отделился от остальных. Они решили направляться к Избице – родному городу Блатта. И дошли до него. В окрестностях Избицы Тойви нашел сельскую жительницу, которая, как он знал, очень уважала его отца, и попросил приютить их. Женщина отказалась, опасаясь возмездия немцев. Она сказала, что ее мужа забрали в Освенцим и она хочет спасти хотя бы сына. «По ужасу, искажившему ее лицо, – пишет Тойви, – я понял, что мы представляем собой смертоносную чуму, черную смерть XX века»⁴².

Бывшие узники Собибора двинулись дальше и встретили крестьянина, который согласился в обмен на золото и драгоценности, которые были у беглецов, спрятать их в погребе у себя на хуторе. Через несколько месяцев этот человек, сговорившись (и, вероятно, поделившись) с несколькими приятелями, попытался убить их. Тойви спасся случайно. В него выстрелили, пуля по касательной задела ему челюсть, но он упал, притворившись мертвым. Бежав с хутора, Тойви скрывался в кирпичных развалинах на окраине Избицы. Блатту пришлось открыться кое-кому из знакомых, и они иногда приносили ему еду. Но он все равно рисковал. Подчас в этот район заходили вооруженные люди из леса. Иногда это были партизаны, иногда просто бандиты. Тойви боялся и тех и других. Среди партизан было много антисемитов. Одна их группа, даже при том, что в ней находился кое-кто из друзей детства Тойви, отказалась принять его просто потому, что он еврей.

Тойви голодал... Потом он нашел свою бывшую учительницу и попросил ее о помощи. Женщина сказала, что боится, потому что недавно немцы поймали еврея и страшно пытали, стремясь узнать имена людей, которые ему помогали. Она дала своему ученику буханку хлеба, и Тойви ушел. Наконец на окраине города юноша увидел крестьянина, который знал его с детства. Крестьянин согласился, чтобы парень работал у него, если сможет прикинуться поляком.

Этот человек укрывал Блатта до освобождения Польши Красной армией. «Я должен был прыгать от радости, – записал Тойви свои ощущения после войны. – Но почему у меня такая грусть, такая невероятная печаль, почему такая опустошенность в душе? То, что было подавлено инстинктом самосохранения, желанием выжить, внезапно накрыло меня со всей силой. Моих родных и близких нет, моего мира нет. Я остался опустошенный и одинокий»⁴³.

Оглядываясь назад, Тойви понял, что есть три основных компонента антисемитизма, и все они были на его родине во время войны: «Религиозные предрассудки, которые очень сильны в Польше. Экономические и социальные трудности – в стране имелись определенные проблемы – и, конечно, удобным представлялось свалить вину на еврея. И наконец, элементарная зависть, ведь большинство евреев умели заработать на хорошую жизнь»⁴⁴. При этом Блатт признает, что, несмотря на широко распространенный антисемитизм, он смог выжить только благодаря доброте некоторых поляков-католиков.

История Тойви Блатта показывает, с какими трудностями приходилось сталкиваться польским евреям, даже если им удавалось вырваться из лап нацистов. Еврейские общины перестали существовать, а это означало, что у евреев не осталось надежного места для укрытия – ни одного еврея, на которого можно было положиться. Более того, немцы уже 15 октября 1941 года объявили, что казнен будет не только каждый еврей, которого обнаружат за пределами лагеря или гетто, но и любой поляк, оказавший ему в чем-либо помощь или содействие. Иными словами, если поляк даст еврею кусок хлеба и об этом станет известно, смерть ждет обоих. И в то же время евреи подчас становились жертвами шантажа со стороны поляков, им часто приходилось платить за укрытие значительные суммы. В итоге наиболее уязвимыми оказывались евреи, у которых больших денег не было. Еврейки, искавшие у кого-то убежище, подвергались огромному риску сексуального насилия. Соблазнов выдавать евреев у поляков было немало.

В частности, в генерал-губернаторстве в районе Люблина любой поляк, выдавший еврея, мог надеяться получить в награду минимум треть имущества этого еврея⁴⁵.

Израэль Цимлих в апреле 1943 года бежал из трудового лагеря близ Трешлинки и, подобно Тойви Блатту, очень скоро понял, что выжить в оккупированной Польше ему будет нелегко. Он смог добраться до Варшавы, где его укрыли. И тем не менее Цимлих свидетельствует: «Евреи, даже оказавшиеся за пределами колючей проволоки гетто, во многих случаях, не сумев найти убежище, страдали от голода и понимая безнадежность своей ситуации, бывало, добровольно сдавались полиции»⁴⁶.

Израэль Цимлих, как и Тойви Блатт, обязан жизнью проявившим к нему сочувствие полякам. Супружеская пара, пан и пани Кобос, укрыли его на чердаке своего дома в Варшаве и позволили остаться даже после того, как у него закончились деньги. Они рисковали своей жизнью, руководствуясь просто ощущением, что поступают правильно. Цимлих пишет, что был поражен тем, что эти поляки так много для него делали и так долго его прятали. «Для таких небогатых людей, как они, это было серьезным бременем»⁴⁷.

Евреям помогали многие поляки, и порой были в этом очень изобретательны. Например, доктор Евгениуш Лазовский сумел убедить немцев, что в городке Розвадов началась эпидемия тифа. Он делал местным жителям, среди которых было много евреев, инъекции безопасной субстанции, введение которой имитировало клиническую картину болезни. Немцы поверили и объявили на этой территории карантин. Сами они там не появлялись, и никого из поляков и евреев оттуда не депортировали⁴⁸.

В Варшаве за пределами гетто, вопреки распоряжениям немцев, проживали около 28 000 евреев, и большинству из них предоставили укрытие поляки. Примерно 11 500 человек из них пережили войну. Из достоверных источников следует, что евреям в Варшаве помогали от 7 до 9 процентов населения – это от 70 000 до 90 000 человек⁴⁹. Эта статистика опровергает широко укоренившийся стереотип, что поляки были равнодушны к судьбе евреев⁵⁰.

С осторожностью нужно оценивать и действия в этом вопросе сил Сопротивления, сражавшихся на территории Польши, в первую очередь Армии крайовой. Несомненно, во многих ее подразделениях царили антисемитские настроения, но были и такие, где евреев принимали в свои ряды. Тот же Самуэль Вилленберг, сумевший вырваться из сгоревшего ада – Трешлинки, присоединился к Армии крайовой и летом 1944 года участвовал в Варшавском восстании. Вилленберг вспоминает, что пошел на риск и сообщил полякам, что он еврей, потому что умереть хотел, если суждено, под своим именем. Самуэль говорит, что в Армии крайовой встречались люди, из-за которых у него возникали трудности, но в том подразделении, где находился он, были хорошие товарищи, и даже при том, что поляки знали – он еврей, проблемой это не стало⁵¹.

Армия крайова периодически помогала бойцам еврейского Сопротивления. Во время восстания в варшавском гетто она снабжала евреев оружием, хотя некоторые узники считали, что помощь от поляков могла бы быть более существенной. По составу Армия крайова была неоднородна, охватывая как демократов и социалистов, так и польских националистов и представителей крайне правых сил. В нее входило множество структур общей численностью до 300 000 человек, и их отношение к евреям широко варьировалось⁵².

В 1943 году нацистскому руководству пришлось признать, что дух населения Германии падает. Сокрушительным ударом стал воздушный налет на Гамбург – серия «ковровых бомбардировок» города, проведенных Королевскими военно-воздушными силами Великобритании и Военно-воздушными силами США 25 июля – 3 августа. 40 000 человек погибли, больше 100 000 получили ранения. В Гамбурге бушевали страшные пожары, ведь там находились нефтеперерабатывающие предприятия, бункеры подводных лодок, верфи и множество военно-про-

мышленных предприятий. «Потери в Гамбурге были огромными, – говорил после войны Альберт Шпеер, рейхсминистр вооружений и боеприпасов, личный архитектор Гитлера. – Самыми большими из всех, что мы понесли от налетов вражеской авиации, особенно от пожаров. И подавленность среди населения невероятная...»⁵³ В таких обстоятельствах для фюрера первоочередной стала твердая позиция его соратников – лидеров рейха. 10 сентября Гитлер заявил, что партия должна быть примером всем и во всем⁵⁴. За этими словами уже можно услышать озабоченность, как бы некоторые его соотечественники не попытались последовать примеру итальянцев и завести разговоры о выходе из войны.

Именно в этот момент было принято решение перестать скрывать информацию о широкомасштабном уничтожении евреев. О том, что до сих пор совершалось в обстановке полной секретности, открыто заявили на встречах с нацистскими лидерами. Поворот примечательный, но идея ясна. Чем больше членов НСДАП узнает о том, что совершалось в лагерях смерти по решению их партии, а значит – от их имени, тем крепче станет круговая порука. Какой у них останется выбор, кроме как сжечь за собой все мосты и сражаться до последнего патрона? Итальянцы – король и фашистский «Союз борьбы» Муссолини – смогли остаться в глазах союзников не запятнанными массовыми убийствами, но для немцев подобное уже будет невозможно.

В октябре 1943 года рейхсфюрер дважды выступил с речами в Познани. На первой встрече, 6 октября, присутствовали около 90 представителей командования СС и партийного руководства, включая рейхсляйтеров и гауляйтеров. В своих речах Гиммлер открыто говорил о массовом уничтожении евреев, сделав, таким образом, слушателей соучастниками. Чего стоят, например, такие рассуждения: «Я не нашел бы себе оправдания, если бы после умерщвления евреев-мужчин остались в живых их дети, которые вырастут и отомстят нашим детям и внукам. Этот народ надо стереть с лица Земли! Нужно было принять жесткое решение об уничтожении. Для организации, которая выполняет данную задачу, это стало тяжелым, но совершенно необходимым решением»⁵⁵. Вряд ли можно выразиться более откровенно.

Параллельно с объяснением товарищам по партии степени их общей, коллективной ответственности Гиммлер подумал, что лагеря смерти, созданные в рамках реализации операции «Рейнхард», свою функцию выполнили. Восстания в Трешлинке и Собиборе наряду с сопротивлением, которое оказывали евреи в некоторых гетто (не только в Варшаве в апреле, но и в августе в Белостоке), укрепили его желание централизовать процесс уничтожения в более надежном в плане безопасности месте – Освенциме⁵⁶. Не обошлось и без бюрократических соображений. Рейхсфюрер полагал, что евреи этого региона должны использоваться в качестве рабочей силы только структурами СС, а отнюдь не каких-либо других ведомств⁵⁷, и в октябре 1943 года обергруппенфюрер Фридрих Вильгельм Крюгер, начальник СС и полиции генерал-губернаторства, получил распоряжение закрыть лагеря, действующие в Люблинском регионе⁵⁸.

В ближайшее время, в ноябре предписывалось провести операцию «Эрнтефест». С немецкого это переводится как праздник сбора урожая (нет предела цинизму нацистов), а речь шла об уничтожении евреев, остающихся в Майданеке и Понятове... Хенрик Нисциор, польский политический заключенный, находившийся в то время в Майданеке, стал свидетелем подготовки к этой акции. «Рядом с крематорием на поле V, зоны внутри Майданека назывались полями, в конце октября 1943 года немцы заставили евреев выкопать глубокие рвы. 3 ноября эсэсовцы приказали всем евреям лагеря идти ко рвам и расстреляли их из пулеметов. Из громкоговорителей в это время раздавалась веселая музыка»⁵⁹.

В тот же день были убиты узники близлежащих лагерей. Им приказали раздеться и лечь вдоль рва по «принципу черепицы», то есть каждый следующий еврей ложился головой на спину предыдущего. Эсэсовцы убивали их выстрелом в затылок. После того как первый «слой» был ликвидирован, лечь приказали второму, и так до тех пор, пока трехметровый ров не был

полностью заполнен трупами. Не все умирали сразу. Нужно было заглушить стоны, а также крики тех, кто видел, какая страшная участь им уготована, поэтому из двух «радиоавтомобилей», как и в Майданеке, гремела музыка⁶⁰.

3 ноября 1943 года в Майданеке убили почти 18 000 человек – больше, чем погибало в любом другом лагере за сутки, и на сей раз нацисты обошлись даже без газовых камер: все сделали собственными руками.

В Понятове евреи попытались оказать немцам сопротивление. У заключенных было немного оружия, и они открыли по своим палачам стрельбу. Эсэсовцы подожгли бараки, и многие узники сгорели заживо. В целом в результате операции «Эрнтефест» погибло около 43 000 человек.

В Треблинке и Собиборе нацисты попытались скрыть все следы своих преступлений. Эти два лагеря, построенные, как и Белжец, в рамках реализации операции «Рейнхард», всегда рассматривались ими как временные, а поскольку к осени 1943 года в генерал-губернаторстве евреев уже не осталось, в существовании этих фабрик смерти больше не было необходимости. Уничтожение евреев из Западной Европы планировалось продолжить в Освенциме – там для «окончательного решения еврейского вопроса» имелось все необходимое. В Белжеце массовые умерщвления прекратились в декабре 1942-го, и через полгода он был полностью демонтирован. В Треблинку последний эшелон прибыл в августе 1943-го, через две недели после восстания. Осенью и этот лагерь ликвидировали. Оставался только Собибор. Поскольку там на следующий день после восстания были уничтожены все оставшиеся заключенные, сносить строения и уничтожать оборудование послали специальную рабочую команду из Треблинки. Нужно ли говорить о том, что после выполнения задания всех ее членов убили?

Итак, к декабрю 1943 года все эти фабрики смерти перестали существовать. Их в прямом смысле слова стерли с лица земли – ее вспахали, и там появились поля и фермы. «С целью надзора, – докладывал Гиммлеру Одило Глобочник, – на месте каждого лагеря создана небольшая ферма и оставлен специальный сотрудник. Ему необходимо регулярно платить жалованье, чтобы он мог поддерживать хозяйственную деятельность»⁶¹. В это понятие входил и надзор за тем, чтобы местные жители не раскапывали захоронения. Дело в том, что многие знали о том, что здесь происходило, и полагали, что от убитых евреев остались золото и драгоценности, которые те унесли с собой в могилы. В общем, «фермерам» было чем заняться.

А операция «Рейнхард» официально завершилась. С марта 1942 по ноябрь 1943 года в ее рамках было убито около 1 700 000 человек. Большинство из них погибли в трех лагерях – Белжеце, Собиборе и Треблинке. 30 ноября 1943 года рейхсфюрер написал Одило Глобочнику, своему уполномоченному по созданию структуры СС и концентрационных лагерей на территории генерал-губернаторства, письмо и поблагодарил за огромный и очень важный труд⁶².

Когда говорят о символах Холокоста, в мыслях чаще всего возникает образ Освенцима. Его центральная роль в памяти о совершенных нацистами преступлениях не оспаривается. Международный день памяти жертв Холокоста не случайно отмечается 27 января – в день освобождения Освенцима. Да, Освенцим, как мы узнаем позже, станет самым страшным из лагерей смерти, но нельзя, чтобы все, что происходило на трех фабриках уничтожения людей, созданных для реализации операции «Рейнхард» – в Белжеце, Собиборе и Треблинке, было недооценено или забыто, хотя такой поворот событий наверняка порадовал бы нацистов. Они хотели, чтобы никто не смог даже вспомнить, где находились эти лагеря. Но специфику преступления во многих смыслах символизируют именно Белжец, Собибор и Треблинка. Потребовалась лишь сотня-другая эсэсовцев, чтобы руководить процессом умерщвления 1 700 000 человек. Каждый из них погиб не из-за того, что был в чем-то виновен, а из-за своей крови, а то и родства в третьем поколении. После того как всех этих людей уничтожили, были уничтожены и места, где их убили. Как выглядели Белжец, Треблинка и Собибор, никто не знает –

изображений этих лагерей не существует. В известном смысле именно это в большей степени, чем нечто иное, говорит о кромешности совершаемых там преступлений. Те, кого тут убили, превратились в пепел, а места, где их умертвили, были превращены в то, что не имеет к ним никакого отношения.

Что касается главных преступников, они быстро покинули территорию генерал-губернаторства. В сентябре 1943 года Одило Глобочника назначили высшим руководителем СС и полиции оперативной зоны Адриатического побережья. Его главной задачей стала борьба с партизанами, но Глобочник снова сыграл роль лидера в преследовании евреев, на этот раз итальянских. С ним отправились многие соратники, в том числе Кристиан Вирт и Франц Штангль. В Триесте они превратили фабрику Рисьера-ди-Сан-Саба, расположенную на южной окраине города, в один из самых страшных концентрационных лагерей на всем Средиземноморье. Большинство из убитых здесь были не евреями, а партизанами. В Рисьера-ди-Сан-Саба погибли как минимум 3000 человек – большинство из них забили до смерти или расстреляли. С апреля 1944 года тела убитых стали сжигать в специально построенном в лагере крематории. Проектировал его Эрвин Ламберт. Опыт имелся – ранее этот инженер конструировал газовые камеры в рамках программы Т-4, а потом для Собибора и Треблинки. Тела узников Рисьеры сжигали, а пепел выбрасывали в близлежащую бухту⁶³.

Франц Штангль, бывший комендант Треблинки, считал, что его и других участников операции «Рейнхард» направили на очень опасную работу⁶⁴. Действительно, в мае 1944 года партизаны убили Кристиана Вирта, но Штангль и Глобочник войну пережили. Глобочник, правда, лишь на несколько дней, потому что покончил с собой после того, как 31 мая 1945 года его арестовали англичане. Франц Штангль бежал в Южную Америку и арестован был лишь в 1967 году. Его выдали Западной Германии, где и приговорили к пожизненному заключению.

Эпоха лагерей, созданных в рамках реализации операции «Рейнхард», завершилась. Но беспрецедентно кошмарный период существования Освенцима, тот, который превратит его в место самого широкомасштабного убийства людей в истории человечества, только начинался.

Глава 16

Освенцим (1943–1944)

Теперь центром Холокоста стал Освенцим. При этом важно помнить, что даже после того, как в Биркенау появилось новое «оборудование» – газовые камеры, существенно облегчившие нацистам уничтожение узников, Освенцим помимо истребления продолжал выполнять целый ряд иных функций.

Одна из самых удивительных, учитывая реалии происходящего, заключалась в обеспечении палачам своеобразного алиби. Напомним, что в начале сентября 1943 года из Терезиенштадта – концентрационного лагеря, расположенного на территории Чехии, из Дании были депортированы около 500 евреев. Под давлением датского правительства руководство СС решило продемонстрировать его делегации Международного комитета Красного Креста как образцовый. Для того чтобы скрыть факт перенаселенности Терезиенштадта, нацисты переправили 5000 евреев в Биркенау (Освенцим II). Там их содержали в так называемом «семейном лагере»¹, чтобы иметь возможность ответить делегации на вопросы о родственниках. Мужчин разместили в бараках отдельно от женщин, но детей не отправили сразу в газовые камеры, а разрешили им находиться с кем-то из родителей. Евреям велели написать открытки своим родным, которые остались в Терезиенштадте. Конечно, евреи «семейного лагеря» в Освенциме не подозревали, что это просто пропагандистская уловка: нужно было убедить сотрудников Красного Креста, инспектировавших Терезиенштадт, что Биркенау является обычным трудовым лагерем. Через несколько месяцев почти все евреи, депортированные в Освенцим, были убиты.

Другой функцией Освенцима, которая отличала его от лагерей смерти, созданных в рамках реализации операции «Рейнхард», стало проведение в широких масштабах медицинских экспериментов.

Начались они в 1943 году – гинеколог Карл Клауберг проводил ампутацию матки и яичников еврейкам и цыганкам, облучал женщин, испытывал препараты по заказам фармацевтических фирм. Тогда же в Освенциме появился самый известный в истории изверг с медицинским образованием – доктор Йозеф Менгеле. Когда его «исследования» над близнецами и карликами стали известны во всей своей жестокости, мир содрогнулся.

Менгеле тщательно детализировал результаты своей деятельности и привлек к этому профессионального фотографа Вильгельма Брассе, польского политического заключенного, попавшего в Освенцим в 1940 году в возрасте 22 лет. К 1943-му Брассе стал одним из немногих долгожителей лагеря. Вот его свидетельства. «Со мной разговаривал доктор Менгеле. Он объяснил, что будет присылать ко мне женщин – евреек, а еще близнецов, тройняшек и все такое. Ему нужны были их фотографии в полный рост, спереди, сзади, в профиль. И обнаженными их тоже нужно было фотографировать... Эти женщины были напуганы и очень стеснялись. Дети тоже были ужасно испуганными. Они даже боялись разговаривать друг с другом. Как они выглядели? Это были молодые женщины, девушки, не изможденные. Менгеле отбирал их из новых партий. Мне было стыдно... Все это очень мучительно...» Вильгельм Брассе делал страшные снимки. «Доктор Менгеле сказал, что пришлет мне пациента из цыганского сектора с каким-то видом гангрены. Я забыл другое название этой болезни, профессиональное [нома – гангренозное заболевание, ведущее к разрушению тканей лица, в особенности рта и щек]. Пришел молодой цыган с этим кошмаром, у него уже стала видна челюсть, кость... Менгеле пояснил, что его надо сфотографировать в профиль, чтобы все визуализировалось... Такие

картинки у меня постоянно перед глазами. После войны мне снились повторяющиеся сны – либо ко мне ведут кого-то от Менгеле, либо приходят за мной, чтобы увести на расстрел»².

В общественном сознании укоренилось представление о деятельности Йозефа Менгеле в Освенциме как крайнее извращение врачебных идеалов. Нетрудно понять почему. Ангелу Смерти, как звали Менгеле в Освенциме, было 32 года, когда он там появился. Он воевал и имел боевые награды, в том числе Железный крест за спасение двух танкистов из горящей машины. В 1942 году Менгеле получил тяжелое ранение, и после выздоровления его признали непригодным к службе в действующей армии. Весной 1943-го он получил назначение в Освенцим, а через год стал главным врачом Биркенау.

Йозеф Менгеле являлся убежденным нацистом. В 1932-м он вступил в организацию «Стальной шлем», которая через год объединилась со штурмовиками Рема. Другими словами, верность делу национал-социализма Менгеле демонстрировал еще до того, как Гитлер пришел к власти. В НСДАП и СС он вступил в 1937 году. Являлся Менгеле и убежденным расистом – считал, что принадлежит к высшей расе господ. Медицину и антропологию он изучал в университетах Мюнхена, Вены и Бонна, а диплом защищал по теме «Расовые различия структуры нижней челюсти». И тем не менее ничто в его предыдущей жизни, до Освенцима, не предвещало такого безграничного садизма и изуверства, которые ужаснули мир.

Освенцим для Менгеле стал огромной лабораторией. Он мог проводить любые эксперименты, делать все, на что хватало воображения. Особым интересом Ангела Смерти являлась генетика, в частности передача генов между членами одной семьи. Это и стимулировало интерес доктора Менгеле к изучению близнецов. Вера Александер, которая надзидала за парами, отобранными Менгеле, вспоминает, что в барак дети часто возвращались, рыдая от боли. Вера говорит, что никогда не могла постигнуть природу жестокости Менгеле³. Особую радость ему доставляла мысль, что после завершения эксперимента над парой близнецов их можно было умертвить и продолжать исследование дальше, препарировав тела. По свидетельству Миклоша Нисли – узника, который ассистировал доктору Менгеле, тот не раз с удовольствием повторял одну фразу: «Ну где бы мы еще нашли братьев-близнецов, которые умерли в один день в одном месте?»⁴ А в Освенциме близнецов было несколько сотен.

Карл Клауберг тоже продолжал свои эксперименты, и теперь ему помогал Хорст Шуман. Брассе делал снимки и для них. Вот его воспоминания о том, как нацистские врачи проводили стерилизацию. «Женщины лежали на специальном кресле. Медики расширяли вагину, ампутировали матку и вытаскивали ее щипцами. А я все это фотографировал... Не собственно женщину, а только операционное поле и удаленный орган. В нескольких случаях я использовал цветную пленку. Проявлять ее в здешней лаборатории мы не могли, не было специального оборудования, поэтому пленку приходилось отправлять в Берлин... Видеть эти жуткие сцены было очень тяжело. Я знаю, что во многих таких случаях женщинам впоследствии делали укол, и они умирали»⁵.

Клауберг, ранее занимавший должность профессора гинекологии в Кенигсбергском университете, был, подобно Менгеле, убежденным национал-социалистом. В НСДАП и СС он вступил в 1933 году, а позже получил звание обергруппенфюрера. В 1942-м году Клауберг попросил Гимmlера дать ему разрешение на массовую стерилизацию женщин для своих опытов. Рейхсфюрер не отказал, и профессора-обергруппенфюрера перевели в Освенцим. Как мы уже знаем, Гимmlер проявлял к этому вопросу большой интерес.

В ходе экспериментов женщинам, в частности, вводили в матку кислоту и другие вещества. «У этих несчастных были страшные боли и поднималась температура», – говорит Сильвия Весела, словацкая еврейка, вынужденно ассистировавшая Клаубергу⁶.

Доктор Клауберг ставил опыты с инъекциями, а его коллега Шуман подвергал узниц значительным дозам рентгеновского облучения. Сильвия Весела вспоминает, что на них изу-

чалось воздействие рентгеновского излучения на кишечник. «Это было более чем ужасно. Женщин все время рвало. Это был кошмар...»⁷ Сильвия признает, что за время пребывания в Освенциме она стала эмоционально невосприимчива к страданиям. «Если человека очень сильно бить, через некоторое время он теряет сознание и уже ничего не чувствует. Вам знакомо это ощущение? Нет, не знакомо, вы его не испытывали... Физически я сознание потерять не могла, но потеряла его эмоционально. Мне стало все безразлично. В этом было единственное спасение... Стать ко всему безразличной»⁸. Веселе и самой пришлось стать объектом одного из опытов Клауберга. «Я заболела, и они провели надо мной некоторые эксперименты... После войны я вышла замуж и забеременела, но, к сожалению, мне пришлось сделать аборт. Врачи сказали, что оставлять ребенка мне нельзя и беременеть больше тоже...»⁹

Медицинские эксперименты над заключенными проводили не только в Освенциме. Врачи-эсэсовцы были и в других лагерях. В Заксенхаузене они подвергали узников воздействию иприта, проверяя эффективность этого ядовитого газа – отравляющего вещества кожно-нарывного действия. Кроме того, этот лагерь снабжал медицинские учебные заведения Германии анатомическими демонстрационными объектами. Страшные эксперименты проводились в Дахау под руководством гауптштурмфюрера СС Зигмунда Рашера. В 1942 году заключенных там помещали в барокамеры, в которых понижалось давление до уровня, соответствующего тому, что существует на больших высотах (до 21 километра над уровнем моря). Рашер контролировал процесс снижения давления лично. Во время экспериментов заключенные умирали либо навсегда становились инвалидами. Наряду с этим узников держали в ледяной воде и рассчитывали, сколько времени экипаж сбитого самолета сможет выжить зимой в море.

Потенциальная польза таких экспериментов для люфтваффе была очевидной, но не все в немецких ВВС положительно относились к тому, чтобы в подобного рода опытах мучались и погибали люди. В октябре 1942 года, представляя результаты своих «работ» руководству министерства авиации, доктор Рашер обратил внимание на некоторое смятение среди присутствующих. Правда, Гиммлер перед этой встречей прояснил свою позицию по данному вопросу, написав Рашеру: «Я считаю тех, кто до сих пор возражает против экспериментов над людьми и предпочитает, чтобы немецкие солдаты погибали от гипотермии, государственными изменниками, и назову их имена там, где следует»¹⁰. Есть свидетельство, что рейхсфюрер пытался получить одобрение на исследования такого рода у Гитлера, и тот ответил: «В тех случаях, когда идет речь о благополучии государства, эксперименты над людьми могут быть допустимы»¹¹.

Во время одного из таких опытов Зигмунд Рашер попытался вернуть к жизни заключенного, который потерял сознание от переохлаждения, положив его между двумя обнаженными узницами, а идею выдвинул Гиммлер, потому что полагал, что «...рыбачка вполне может положить к себе в постель своего полузамерзшего мужа и таким образом вернуть его к жизни»¹².

Большинство узников Дахау и Заксенхаузена, над которыми проводились медицинские эксперименты, не были евреями, но это неудивительно, потому что к началу 1943 года в концлагерях, построенных на территории рейха до войны, евреев осталось меньше 400¹³. И в Освенциме, как мы уже знаем, Йозеф Менгеле обрекал на смерть синти и рома так же легко, как евреев. Нацистская идеология служила для него оправданием и уничтожения евреев, и смертельных для узников врачебных опытов. В системе мировоззрения расового государства медики давно стали оракулами смерти.

Теперь Освенцим превратился в огромное предприятие, которое выполняло много разных функций, решало немало задач, и грани между ними порой размывались. Это, безусловно, касается отношения к польским политическим заключенным. История Тадеуша Смречиньского показывает, например, как страдания поляков в Биркенау переплетались со страданиями евреев. В сентябре 1939 года, когда Германия напала на Польшу, Смречиньскому было 15 лет. Он жил в Заторе – городе в нескольких километрах от Освенцима. Немцы запретили

полякам, таким, как он, получать образование, и Тадеуш был вынужден покинуть школу. В сентябре 1940-го 16-летнего подростка отправили в Германию на принудительные работы, но в ноябре он бежал. Тадеуш вернулся в Польшу, в Краков, и поселился у своей тети. Через пять месяцев он рискнул – поехал в Затор, надеясь, что немцы о нем забыли. Здесь Смречиньский по собственной инициативе начал деятельность против оккупационного режима. Он помогал людям переходить расположенную неподалеку границу между Верхней Силезией, которая стала частью Германии, и генерал-губернаторством. Тадеуш писал листовки против немцев и расклеивал их. В декабре он стал разрабатывать план помощи полякам, находившимся в близлежащих лагерях. Он решил раздобыть немного хлеба, а его друг взялся передать его заключенным, когда поблизости не будет эсэсовцев. «Я смог достать хлебные карточки, но, к сожалению, у моего приятеля были проблемы с алкоголем, – рассказывает Смречиньский. – Он напился и ввязался в драку на железнодорожном вокзале. Его задержали и при обыске обнаружили карточки. Позже он мне говорил, что его сильно избивали, и не было другого выхода, кроме как выдать меня, сказав, что я бежал из Германии, распространял листовки и помогал беженцам»¹⁴.

Смречиньского нашли, арестовали и отправили в тюрьму города Мысловице. Тадеуш подписал все обвинения, которые ему предъявили немцы, потому что смысла отрицать что-либо, по его мнению, не было. В Мысловице определяли дальнейшую участь заключенных. Смречиньский больше всего боялся Освенцима, но весной 1944 года попал именно туда. Его вместе с 50 другими узниками бросили в грузовик и куда-то повезли. Машину сопровождали мотоциклисты. «После того как они повернули налево, – говорит Тадеуш, – мы поняли, что нас везут в Освенцим. Мы все сидели молча, думая о своей судьбе и своих семьях, потому что понимали: скоро нашей жизни конец».

Заключенных привезли в главный лагерь Освенцима. Они прошли под аркой с надписью *Arbeit macht frei* («Труд делает свободным»). Потом свернули направо, прошагали мимо барачков из красного кирпича, в которых жили узники, и оказались в огороженном дворе между блоками № 10 и № 11. Вскоре после этого, вспоминает Смречиньский, появился гестаповец в сопровождении двух офицеров и начался суд. В блоке № 11 («блок смерти») находилась лагерная тюрьма и там происходили заседания так называемого чрезвычайного суда, по решению которого приводились в исполнения смертные приговоры в отношении арестованных гестапо участников движения Сопротивления и арестованных узников лагеря. «Каждого из нас вызывали по отдельности, – говорит Тадеуш. – Нам нужно было подняться на несколько ступеней, ведущих со двора в здание, и там ждать в коридоре. Когда подошла моя очередь, я вошел, у меня спросили личные данные. Потом зачитали все обвинения против меня». Затем ему велели присоединиться к одной из трех групп заключенных. «Они – члены суда – делали перерыв на обед и ужин, так что все затянулось до позднего вечера», – говорит Смречиньский. После того как все закончилось, первую из трех групп немедленно отправили в Биркенау, в газовую камеру. В ней оказался школьный учитель, который в Мысловице сидел в одной камере с Тадеушем. «Перед уходом он наказал мне: “Если останешься жив, расскажи Польше, как мы погибли”»¹⁵. Вторая группа попала в те же самые газовые камеры несколькими днями позже, а тех, среди кого был Смречиньский, зарегистрировали в лагере.

К этому моменту эволюции Холокоста умерщвление газом польских политических заключенных уже не было явлением необычным. В частности, 29 февраля 1944 года в крематорий IV в Биркенау из тюрьмы Мысловице в блок № 11 отправили 163 поляка одновременно с 41 другим заключенным из главного лагеря. Среди обреченных была молодая полька, которая, оказавшись у крематория, сказала эсэсовцу, что все знают – их ждет смерть в газовой камере, так что секретности, когда-то окружавшей это преступление, больше не существовало. Она говорила, что настанет день, когда немцев призовут к ответу за их злодеяния. Оказавшись в газовой камере, поляки запели свой гимн – «Еще Польша не сгинела», а потом песню политка-

торжан начала XX века «На баррикады»¹⁶. Это свидетельствует и о мужестве отдельных людей перед лицом неминуемой смерти, и о силе национального духа.

Что касается Смречиньского, он удивился тому, что его не убили сразу после «суда» в блоке № 11. А в лагере Тадеушу улыбнулась удача. Он встретился с двумя заключенными, один из которых оказался облечен определенной властью, испытывавшими к нему симпатию – обыкновенную человеческую симпатию. Первым был капо. Вот что вспоминает Тадеуш. «Он знал меня по Мысловице, где я разносил миски с едой по камерам, и сказал, что позаботится о моей безопасности. Это было нечто сверхъестественное...»

Второй человек тоже пообещал ему свою поддержку. «Он назвался и сказал, что знал моего отца и работал с ним в мэрии. Этот человек дал мне дневную пайку хлеба – невероятную ценность... Он сказал: “Постарайся выжить. На марше или при построении никогда не вставай с краю колонны, впереди или сзади... Держись в середине”, а потом повторил: “Постарайся выжить...”» Тем не менее сам этот человек погиб. Смречиньский быстро понял, что для него жизненно важно найти работу «внутри» лагеря. Заключенные, которых выводили наружу, были вынуждены работать и под палящим солнцем, и в проливной дождь. Труд, в частности строительство дорог, был изнурительный, поэтому мало кому из них удавалось прожить долго. Тадеуш попал в стройбригаду, которая работала в пределах главного лагеря, и таким образом избежал подобной судьбы.

В Освенциме все уже знали об уничтожении евреев. Однажды ночью Смречиньский услышал рядом с баракком какой-то шум и осторожно, чтобы остаться незамеченным, выглянул в окно. Вот его свидетельство: «Я увидел мужчин, молодых и среднего возраста. Их близких отправили в газовые камеры, а мужчин вели обратно в главный лагерь. Им приказали стоять группами по пять человек, но они были в смятении и каждый хотел держаться с близким родственником – отцом, братом – или другом. Эсэсовцы, держащие на поводках собак, а также капо избивали их. Плотная масса людей была хорошо видна в свете прожекторов. Зрелище жуткое...» Тадеуш пытался представить, что чувствовал бы сам, если бы его родители только что задохнулись в газовой камере, а он остался жив. Наверное, это леденящее кровь ощущение, чувство беспомощности перед судьбой – ты абсолютно ничего не можешь сделать, чтобы спасти своих родных и близких.

Смречиньский пытался понять, как могут немцы творить такие дикие жестокости на глазах у всех и при этом считать себя цивилизованными людьми. В Биркенау он слышал, как лагерный оркестр исполнял произведения немецких, австрийских и итальянских композиторов. «Эсэсовцы сидели у стены крематория, в котором сжигали тела детей и их матерей, женщин и мужчин, но они спокойно там сидели. Сейчас я думаю, что они были довольны хорошо выполненной работой и считали, что заслужили отдых. У них не было сомнений. Над крематорием вился дым, а они сидели и слушали музыку Моцарта и прочих. Вот на что, оказывается, способны люди»¹⁷.

Для унтершарфюрера СС Оскара Гренинга, который служил в Освенциме, происходящее там имело особый смысл. Весной 1943 года ему было 22 года, и работал он в экономическом отделе – учитывал деньги и ценности, отобранные у прибывающих евреев. Убежденный национал-социалист, Гренинг хорошо усвоил ключевые принципы движения, в идеалы которого свято верил. Вот что он говорит: «Мы были убеждены, что мировое еврейство плетет против нас заговор, и эта мысль получила в Освенциме соответствующее выражение: необходимо было не допустить повторения того, что произошло с нами в Первую мировую войну, а именно мучений, которые свалились на нас из-за евреев. Врагов, которые существовали в самой Германии, следовало убить. Это было необходимо. Между этими двумя битвами – одной явной, на фронте, и другой – в тылу – не имелось абсолютно никакой разницы: мы уничтожали своих противников»¹⁸.

И тем не менее теоретизировать – это одно, а наблюдать массовые убийства воочию – совсем другое. Как правило, Оскар Гренинг все это и не видел, потому что большую часть рабочего времени проводил в кабинете, но, когда он стал свидетелем кошмара массовых убийств, это его потрясло. Случилось так, что Гренинг увидел, как в Биркенау в открытой яме сжигали трупы... «К небу вздымались языки пламени. Капо при этом рассуждал о подробностях процесса. Это было невыносимо отвратительно, чудовищно!.. Его, например, развлекало то, что в горящих трупах образовывались газы – в легких или еще где-то, и казалось, что тела подпрыгивают. Ему происходящее казалось смешным...»¹⁹ Вообще-то жизнь в лагере была для Гренинга вполне комфортной, почти роскошной. Вряд ли бы какая-нибудь другая работа смогла ему все это дать. У Оскара Гренинга, подобно большинству из 3000 немцев, служивших в Освенциме, крови на руках не было, потому что на фабриках смерти – в крематориях – задействовано было очень немного эсэсовцев. Для него эта «дистанцированность» от убийств была решающим фактором. В свободное время Гренинг занимался спортом – прыгал в высоту. У них была прекрасная команда легкоатлетов²⁰.

Служба в Освенциме для эсэсовцев была размеренной и спокойной. Риск быть убитыми невелик, а условия жизни и снабжение прекрасные. Имелась также возможность обогатиться. В 1943 году в лагере даже проводилась проверка по этому поводу. В документе, составленном по ее итогам, выводы неутешительные: «Поведение некоторых военнослужащих войск СС совершенно недопустимо... У них обнаружены золото, жемчуг, драгоценности и деньги – разная валюта»²¹.

Конечно, служить в Освенцим шли не для того, чтобы разбогатеть, – во всяком случае, не только для этого. Как говорит Гренинг, им твердили, что их деятельность – во всех ее сферах – необходима для безопасности рейха. Евреи принесут в Европу большевизм, и долг Германии не допустить этого. Так бухгалтер Оскар Гренинг, считавший в Освенциме польские злотые, греческие драхмы, французские франки, голландские гульдены, итальянские лиры, и все его сослуживцы и стали убежденными в своей правоте палачами – участниками массового убийства гражданского населения от младенцев до стариков.

Оскару Гренингу наверняка были близки идеи, которые Адольф Гитлер высказал в своей речи 30 января 1944 года – в одиннадцатую годовщину назначения канцлером. Эта речь транслировалась по радио из ставки фюрера в Восточной Пруссии. Выступления перед рабочими толпами в Берлинском дворце спорта остались в прошлом. Праздновать было нечего. В этом выступлении Гитлер несколько раз подчеркнул, что поражен тем, что Англия, как он постоянно называл Великобританию, выбрала своим союзником Советский Союз, а не Германию. «Победа Германии означает сохранение Европы, – заявил фюрер, – а победа Советского Союза означает ее уничтожение». Проблема Англии, по мнению Гитлера, в том, что теперь в Лондоне поняли – у них нет способа вырваться из этого капкана, путь назад отрезан их еврейскими манипуляторами. Англичане совершили ошибку, связавшись с евреями! «Любая страна, отдавшая себя еврейству, как Англия, умрет от этой чумы, если только в последний момент не сплотится и силой не избавит свой организм от этих бактерий! Надеяться, что можно жить мирно или даже сбалансировать собственные интересы с этими ферментами, разлагающими человечество, все равно что надеяться, что человеческий организм в состоянии ассимилировать чумные бактерии»²².

Взгляды Адольфа Гитлера на мир, судя по этой речи, оставались столь же незыблемыми, сколь и кровожадными. Во всех неудачах Германии виноваты евреи. Так же как они подрывали ее военные усилия в 1914–1918 годы, они подрывают их и сейчас. Это Гитлеру было ясно. Единственное, что оставалось для него непостижимым, – почему у англичан не хватает ума понять, что евреи их одурачивают.

Сколько немцев действительно верили в эти фантазии, слушая речь фюрера в январе 1944 года, мы не знаем. Наверняка можно говорить лишь о том, что после поражения под Сталинградом в начале 1943-го поддержка Гитлера и его режима стала уже не такой безоговорочной, как раньше. Это подтверждают многие факты, и не в последнюю очередь анализ настроений в обществе, который проводила сама нацистская партия. В одном из таких исследований констатировалось, что кое-кто из немцев осмеливается выражать открытое недовольство личностью фюрера и «...высказываться о нем в злобной и подлой манере»²³. Появилась даже шутка, что Гитлер пишет продолжение книги *Mein Kampf* («Моя борьба») под названием *Mein Fehler* («Моя ошибка») ²⁴. Разумеется, когда такие шутники становились известны гестапо, возмездие было жесточайшим.

Между тем угроза, исходившая теперь для немцев с Востока, была реальной вне зависимости от степени доверия риторике фюрера. Уверенность в том, что Германия сможет победить в войне, таяла. Итальянцы могли вступить в отдельные переговоры о мире и получить достаточно мягкий оккупационный режим западных союзников. Немцы знали, что их части на Восточном фронте не в состоянии сдержать наступление Красной армии и в Кремле ничего, кроме безоговорочной капитуляции, не примут. Эта реальность означала следующее: признание Гитлером того, что проигравшей Германии грозит уничтожение, – отнюдь не гипербола, фигура речи, а вполне точный прогноз на будущее. В таких обстоятельствах для большинства не было иного выбора, кроме как продолжать борьбу. Как сказал оберштурмбаннфюрер СС Фриц Даргес, адъютант Гитлера, выпрыгнуть из несущегося вперед поезда никто не может ²⁵.

В выступлении перед группой генералов 26 мая 1944 года фюрер еще раз подчеркнул, как важна борьба с еврейством в контексте исхода войны. «Уничтожая евреев, – сказал он, – я уничтожал возможность возникновения любого революционного ядра. Конечно, меня могут спросить: “Нельзя ли было сделать это несколько проще или, если не проще, поскольку все вокруг невероятно сложно, более гуманно?” Господа офицеры, мы ведем борьбу не на жизнь, а на смерть»²⁶.

Итак, война против евреев не просто продолжалась – она активизировалась. Капитуляция Италии и полная оккупация немцами Франции означали, что теперь у Германии появилась возможность депортировать евреев с территорий, где раньше этого не делали. В декабре 1943 года главой французской полиции был назначен Эме-Жозеф Дарнан (позже в его ведение было передано и управление французскими тюрьмами), а это значит, что нацисты хотели как можно быстрее выслать из страны всех евреев²⁷. Дарнан был членом французских формирований СС, имел звание штурмбаннфюрера. Медлить он действительно не стал – поток евреев, депортируемых из Франции, сразу резко увеличился. С 20 января по 17 августа 1944 года в Освенцим их отправили почти 15 000²⁸.

Теперь для заявлений о том, что французские полицейские каким-то образом защищают «своих» евреев, не осталось места. За Идой Гринспан, молодой еврейкой, скрывавшейся в деревушке Ле-Жен-Ли на юго-западе страны, в начале 1944 года пришли именно французы. «Сначала я вообще ничего не поняла, – рассказывает Ида. – Я думала, это должны были быть немецкие полицейские. Я не знала, что французская полиция проводит аресты. Когда они появились, я спросила: “Как могут французы арестовывать таких, как я? Я француженка, я родилась здесь!” Я испытывала к ним презрение. Я смогла сдержать слезы и держалась стойко»²⁹.

Иду отправили в Освенцим, и в лагере ей тоже помогала держаться сила воли. «Нужно было приспособиться к новой жизни... Вы меня понимаете? Нужно приспособиться спать в таких условиях, которые и представить невозможно, к тяжелому труду, приспособиться к тому, что тобой постоянно помыкают. Приспособиться к плохой одежде... Когда действует разум, тело его слушается. Если психологически не приспособиться, тело не сможет реагировать как

надо... Вот почему молодые люди справлялись гораздо лучше, чем те, кому было тридцать пять или сорок лет. Сорок – максимум. У молодых сильнее воля к жизни».

Вскоре после прибытия в лагерь другие заключенные сказали Иде, что здесь есть газовые камеры, но ей казалось, что это просто невозможно. «Никто им не верил, – вспоминает Ида. – Никто из нас в это не поверил. Это было уму непостижимо! Мы говорили, что это сплетни, глупая молва». А потом вновь прибывшие почувствовали тошнотворный запах из крематория Биркенау. Ида Гринспан пришлось согласиться с тем, что узники были правы насчет этого смрада... Насчет того, что тут действительно сжигают людей.

Ида говорит, что в Освенциме у нее никогда не возникал вопрос: «Почему я?..» Кроме того, она всегда знала, кто виноват в ее аресте и последовавших за ним страданиях. Ида по сей день не забыла роль своих соотечественников, которую те сыграли, способствуя нацистам в депортации евреев в концлагеря³⁰.

Теперь в газовых камерах Биркенау умирали евреи из всех оккупированных европейских стран. Механизм того, что мы сейчас называем Холокостом, был давно отлажен, но общая картина оставалась не совсем однозначной. В Польше ликвидированы уже почти все гетто – за исключением одного, лодзинского. То, что в 1944 году оно еще продолжало функционировать, в очередной раз показывает нам, что иногда и невозможное становилось возможным. В начале 1944-го в лодзинском гетто находились более 75 000 евреев. Им было разрешено жить потому, что Артур Грейзер, руководивший Вартегау, сумел убедить Гимmlера: продукция, производимая евреями, оправдывает их существование.

Мордехай Хаим Румковский, глава юденрата лодзинского гетто, делал все, что считал необходимым, чтобы не разочаровать немцев. В сентябре 1942 года он способствовал депортации нескольких тысяч своих соотечественников, причем сказал тогда следующее: «Я не мог представить, что когда-нибудь мне придется собственными руками принести на алтарь эту жертву. В мои преклонные годы я вынужден умолять: “Братья и сестры! Отцы и матери! Отдайте мне ваших детей!”»³¹ Румковский поступил так потому, что немцы велели избавить гетто от бесполезных едоков. Маленькие дети работать не могут, а значит, в глазах нацистов они были бесполезными. В толпе слушающих главу юденрата при известии о том, что детей должны отнять у родителей и отправить из гетто, поднялся вой. Румковский между тем продолжал свою речь. Депортированы будут не только дети. Придется расстаться и с больными людьми. «Здесь, в гетто, – сказал он, – много больных, которым судьбой отпущено жить несколько дней, в лучшем случае несколько недель. Я не знаю, насколько дьявольской прозвучит эта мысль, но должен сказать вам: “Отдайте мне больных, взамен мы сможем спасти здоровых”»³². Румковский призывал обитателей гетто подумать здраво и поставить себя на его место: в таком случае они точно решат, что он не может поступить иначе³³.

У многих из тех, кто слушал главу юденрата, было иное мнение. «Мне в то время сравнялось 17 лет, – говорит Люсиль Эйхенгрин. – Я не могла понять, как это можно просить родителей отдать своих детей... И до сих пор этого не понимаю. Люди кричали: “Как ты можешь говорить нам об этом?! Мы этого не сделаем!”»³⁴ Якоба Зильберштейна это предложение тоже поразило до глубины души. Вот его мнение. «Румковский был просто трусом. Он должен был покончить с собой, но не отдавать детей»³⁵.

Когда еврейская полиция стала приходиться за детьми и больными, вполне предсказуемо начинались душераздирающие сцены. «Не имело значения, что дети цеплялись ручонками за шеи матерей, – писал в те дни в дневнике Йозеф Зелкович. – Не имело значения, что отцы ложились на порог и стонали: “Только через мой труп вы возьмете ребенка...” Не имело значения, что старики цеплялись костистыми руками за стены и кровати: “Дайте нам тихо умереть здесь...”» Не имело значения, что старуха, падая к ногам полицейских и целуя сапоги, умоляла: “У меня внуки такие, как вы...” Не имело значения, что больные мужчины зарывались

лихорадочной головой в мокрые от пота подушки, рыдая и проливая свои, возможно последние, слезы. Ничего не имело значения. Полиция выполняла предписание»³⁶.

Немецкие силы безопасности, организовавшие депортацию и работавшие параллельно с еврейской полицией, проявляли особую жесткость. Одна женщина отказалась отдавать свою четырехлетнюю дочь, и немцы дали ей на размышление три минуты. Мать не изменила свое решение, и ее вместе с девочкой расстреляли на месте³⁷.

Эстер Френкель, молодая еврейка, работавшая в администрации гетто, вспоминает, что, когда детей отрывали от родителей, их крики достигали небес. Самой Эстер, можно сказать, повезло – детей у нее не было. Кроме того, сотрудники юденрата, как и полицейские, получали особые талоны, по которым можно было спасти от депортации родных, в том числе детей и стариков, – десять человек. «У меня были близкие родственники, – говорит Эстер. – Был дядя. Была племянница. Для меня собственная семья всегда ближе. Я должна была о них позаботиться. Получив эти талоны, я должна была в первую очередь подумать о своих родных... В таких случаях всегда льются слезы, но, когда вокруг так много слез, человек думает только о своих проблемах»³⁸.

Тот факт, что немногим обитателям гетто дали возможность спасти свои семьи, и то, что ими оказались именно те, кому было поручено отнимать детей у других, вызывал огромное возмущение. Хроники лодзинского гетто – его узники вели в то время дневники, отмечают, что избежавшие депортации таким образом были не теми, кто внес существенный вклад в жизнь общины, и даже не теми, кто занимался особо важной для гетто работой. «Это были, мы повторяем, люди, сотрудничавшие с немцами»³⁹.

Якоб Зильберштейн узнал, что его мать, лежавшую в больнице гетто, собираются депортировать, и, охваченный паникой, помчался туда. У входа стояли еврей-полицейские. К счастью, одним из них оказался друг Якоба Ромек. Они вошли в здание, и Якоб стал кричать: «Мама! Мама!» Больница была переполнена, и найти ее оказалось трудно. Тем не менее спустя какое-то время Якоб услышал из-за закрытой двери голос матери: «Я здесь, я здесь...» Зильберштейн выбил дверь, и на него хлынула лавина людей. «Я схватил мать, – вспоминает Якоб, – и побежал на второй этаж, потому что еврейская полиция начала загонять всех обратно в комнату». Он предложил, при посредничестве Ромека, немецкому полицейскому, уже охранявшему вход, часы. Тот взял их и отвернулся. Единственный выход был через окно. С матерью на плечах Якоб спустился по водосточной трубе и отвел ее домой. Там, говорит Зильберштейн, они наконец вздохнули спокойно⁴⁰.

Хотя никто в гетто не мог утверждать наверняка, что детей, стариков и больных отправили на верную смерть, все подозревали, что их ждет ужасная судьба: зачем немцам утруждать себя заботами о них? Оставшиеся в Лодзи, в особенности родители депортированных детей, испытывали поистине адские муки. Какие страдания могут выпасть на долю их близких, ныне предоставленных самим себе?

Со временем в гетто стали просачиваться слухи о существовании лагерей смерти. Якоб Зильберштейн, например, узнал об Освенциме в начале 1944 года. Он работал на стройке, и один поляк-плотник сказал ему: «Я был в Освенциме...» Якоб не обратил внимания, потому что никогда не слышал о таком городе. «Я прошел мимо. На обратном пути этот поляк остановил меня и спросил: “Ты знаешь, что такое Освенцим?” Я удивился: “Где это?” Он ответил: “Недалеко от Кракова. Но ты знаешь, что там делается? Там травят газом и убивают евреев”. Я спросил: “Откуда ты знаешь?” Он сказал: “Я был в городе, работал плотником”. Конечно, для меня это стало ужасным потрясением. Я поспешил все рассказать Румковскому. Глава юденрата ударил меня по лицу и начал кричать: “Я отправлю тебя из гетто, если скажешь кому-нибудь хоть слово! Вышлю тебя самого из гетто!”»⁴¹

После депортаций сентября 1942 года в лодзинском гетто наступил период относительного спокойствия. Нацистское же руководство его судьбу еще не решило. Артур Грейзер пока хотел оставить гетто – оно оказалось выгодным «предприятием». Даже в юденрате знали, что начальник немецкой администрации гетто Ганс Бибов постоянно отправляет Грейзеру разного рода подношения. «Бибов полагал, – говорит Эстер Френкель, – что, если он будет одаривать вышестоящее начальство, ему позволят и дальше сохранить гетто. И оставаться в нем верши- телем жизни и смерти...»⁴²

В 1943 году Гиммлер попытался установить контроль над гетто, превратив его в концен- трационный лагерь, но против этой идеи выступил не Грейзер, а тыловые службы вермахта – в гетто работали более 100 предприятий, да и вообще оно было полезным источником подне- вольной рабочей силы. В какой-то момент власти Вартегау потребовали денежной компенса- ции за передачу гетто, но им, конечно, отказали⁴³. В мае 1944 года Гиммлер в конце концов распорядился закрыть лодзинское гетто. Это было неизбежно, к тому же в следующем месяце Красная армия начала мощное наступление и на данном направлении возникла угроза про- рыва. В результате 23 июня 1944 года первый из десяти эшелонов, которые в целом перевезли около 7000 человек, отправился к Хелмно – фабрике смерти, которая открылась вновь, чтобы уничтожить лодзинских евреев.

Стационарные газовые камеры в Хелмно демонтировали еще в 1942-м, после того, как были созданы лагеря, действующие в рамках реализации операции «Рейнхард», и сюда пере- стали свозить евреев из Лодзи и окрестностей. Чтобы скрыть следы преступлений, творящихся здесь, здание, известное как «особняк», которое служило базой для мобильных газовых камер в деревне Хелмно, нацисты взорвали, но теперь сюда вернулась рота под командованием гаупт- штурмфюрера СС Ганса Ботмана. Продумать механизм уничтожения эсэсовцам предстояло заново. Они решили перенести «процесс» в лесной массив, где раньше сжигали тела умерщ- вленных. Там и построили бараки, в том числе для рабочей команды, и крематорий. Когда из Лодзи пришел первый эшелон, прибывших разместили на ночь в деревенской церкви. На следующий день их группами стали переводить в лес. Число человек в группе определялось вместимостью грузовиков – мобильных газовых камер. Евреев собирали около барака и сооб- щали, что их отправляют в Германию на работу. Даже называли город, куда повезут. Кстати, перед отправкой из лодзинского гетто конечной целью людям тоже называли этот город. Затем эсэсовцы говорили, что нужно пройти медицинское обследование и санитарную обработку, поэтому необходимо раздеться. После формального медосмотра в бараке – его проводили эсэсовцы в белых халатах, евреев вели, как им говорили, в дезинфекционную камеру. На самом деле они входили в камеру газовую... «Двери закрывали и запирали на засовы, – рассказывал впоследствии Шимон Сребрник, член рабочей команды Хелмно. – Заводили мотор. Выхлоп- ные газы по специальной трубе поступали в грузовик. Какое-то время слышались крики, стук в стенки... Когда все стихало, машина ехала к крематорию»⁴⁴.

Некоторым евреям перед медицинским осмотром, то есть перед смертью, приказали написать открытки в гетто, якобы уже из Германии... Иезуитский трюк сработал. «Пришла тридцать одна открытка, – отмечено в хрониках лодзинского гетто 25 июля 1944 года. – На всех штемпель “19 июля 1944”. К счастью, судя по открыткам, люди добрались хорошо и, что важно, семьи остаются вместе... Гетто вздохнуло с облегчением. Надеемся, что такие же сооб- щения вскоре придут и от других евреев»⁴⁵.

Мобильные газовые камеры как средство уничтожения людей имели, с точки зрения нацистов, ряд преимуществ, в первую очередь это был быстрый ввод в «эксплуатацию», но обладали и определенными недостатками – самым очевидным являлась небольшая пропуск- ная способность. Так было весной 1942 года, когда эти душегубки на колесах не выдержали конкуренции со стационарными газовыми камерами в Белжеце и Собиборе, так оказалось и

сейчас, особенно если сравнивать с «мощностями» Освенцима-Биркенау. Эсэсовцы поняли, что для уничтожения всех евреев из лодзинского гетто в Хелмно потребуется много времени, и план поменяли. 15 июля депортации прекратились, а с 7 августа, когда они возобновились, эшелоны пошли уже не в Хелмно, а в Освенцим⁴⁶.

За август туда доставили около 70 000 евреев из Лодзи. Среди них были и Макс Эпштейн с матерью⁴⁷. «Гетто было не подарок, – говорит Макс, – я не собираюсь защищать его, но это все-таки был дом. Там жили семьями... Несмотря на жалкое существование, это все-таки было что-то родное»⁴⁸. Макс за несколько минут понял, что в Освенциме ничего этого не будет – даже жалкого существования. «Запах... – с содроганием вспоминает он, – это было похоже на паленые волосы, что ли... Словом, какая-то органика. И стало ясно, что тут убивают людей...» Тем не менее им несказанно повезло – в эшелоне были опытные рабочие, специалисты по ремонту коммуникаций, поэтому селекция по прибытии не проводилась. Их сразу направили в лагерь.

Макс вспоминает, как вскоре после прибытия им дали воды. «В гетто было много случаев брюшного тифа, и мы никогда не пили сырую воду. Я повернулся к маме и сказал: “Кажется, вода некипяченая”. Она зашлась истерическим смехом – тут только и думать что о кипяченой воде. А люди, сидевшие рядом, решили, что мама впала в истерику, потому что узнала про крематорий...»⁴⁹ Мать Макса отправили в женский карантинный лагерь в Биркенау. Ему было страшно смотреть, как мать уходит, но плакать Макс не стал: уже понял, что нельзя давать волю эмоциям, иначе тут не проживешь и пяти минут.

Судьба Макса Эпштейна и его матери нетипична – и тот и другая пережили войну. Большинство евреев из лодзинского гетто, отправленные в Освенцим, погибли там, в том числе и Мордехай Хаим Румковский. От газовой камеры коллаборационизм его не спас. Был ли у него другой выбор, кроме как подчиняться требованиям нацистов? Глава юденрата варшавского гетто Адам Черняков покончил с собой, когда начались депортации, но участь евреев это не облегчило...

Подлежит ли Румковский суду истории за свое активное сотрудничество с немцами, вопрос спорный. Безусловно осужден он должен быть за отношение к собратьям-евреям, в частности за то, что использовал свою огромную власть в гетто для сексуальных домогательств в отношении молодых женщин. О непомерной похоти Румковского ходили слухи еще до войны, когда он был директором сиротского приюта, а обретя власть в гетто, он мог безнаказанно насиловать женщин⁵⁰. Например, Люсиль Эйхенгрин, тогда девочка-подросток, помнит, как Румковский домогался ее. Люсиль понимала, что если не уступит, то рискует жизнью, потому что в его власти было выслать из гетто кого угодно⁵¹. Другие евреи подтверждают, что Румковский действительно был похотлив⁵². Злоупотребления, которые он совершал в отношении евреев, находящихся в его власти, – ужасное преступление, за которое, если бы Румковский остался жив, его следовало бы призвать к ответу.

Летом 1944 года, когда в Освенцим II стали прибывать евреи из лодзинского гетто, в лагере находились заключенные из многих стран, включая Италию, Бельгию, Польшу, Германию, Нидерланды, Францию, Словакию и Грецию. В Освенцим депортировали евреев даже с Нормандских островов. Но преобладала тогда «эвакуация» из Венгрии, и по целому ряду причин история истребления сотен тысяч венгерских евреев в Биркенау стала особой страницей в беспримерном кошмаре Холокоста.

Глава 17

Венгерская катастрофа (1944)

В конце февраля 1944 года Адольф Гитлер покинул свою главную ставку «Волчьего логова» (*Wolfsschanze*) в лесах Восточной Пруссии и перебрался в Бергхоф – резиденцию в Баварских Альпах. Поводом для перемещения стало положение на театре военных действий: ставка в Восточной Пруссии уже не предоставлялась достаточно надежным укрытием от нападения с воздуха, и ее решили укрепить. Такой, во всяком случае, была официальная версия. На время проведения этих работ фюрер вернулся к пейзажам, которые вдохновляли его еще в 1920-е годы.

С террасы дома в Бергхофе открывался вид на Унтерсберг – гору, в которой, по легенде, спит могущественный воин Фридрих Барбаросса – кумир Гитлера. Но теперь у мечты фюрера стать непобедимым героем оставалось не так много шансов для реализации. Немецкие войска отступали. Вермахт уже оставил стратегически важные районы Украины с их железорудными шахтами. Оказались под угрозой и поставки румынской нефти. В конце февраля 1944 года американцы провели несколько массированных бомбардировок промышленных центров Германии. В ходе операции, получившей кодовое наименование «Большая неделя», были не только разрушены многие заводы, но и выяснилось, что немецкая противовоздушная оборона мало что может противопоставить авиации союзников.

Гитлер тем не менее был уверен в том, что ход войны можно переломить. Геббельс, приехавший в Бергхоф в начале марта, нашел фюрера свежим и отдохнувшим, полным сил и энергии. Новая линия фронта на востоке стала менее протяженной, сказал фюрер своему министру, и это дает Германии преимущество. Более того, Гитлер не сомневается, что ожидаемая высадка десанта союзников во Франции окажется неудачной. После этого войска можно будет перебросить с Западного фронта и начать новое наступление на востоке. «Надеюсь, прогнозы, сделанные фюрером, оправдаются, – писал Геббельс в своем дневнике. – В последнее время у нас было так много разочарований, что в душе зарождался определенный скептицизм»¹.

И при этом Гитлер по-прежнему проклинал евреев. За неделю до встречи с Геббельсом он выступал перед руководством НСДАП в ресторане «Хофбройхаус» в Мюнхене на банкете в честь 24-й годовщины основания партии. В своей речи фюрер пообещал, что евреи Британии и Америки будут раздавлены так же, как евреи Германии, и эти слова были встречены громом аплодисментов².

В Бергхофе Гитлер, в частности, обсуждал с рейхсминистром пропаганды вопросы отношений с «неудобными» партнерами, в первую очередь с Финляндией. Финны, которых фюрер всегда считал друзьями ненадежными, уже по примеру итальянцев искали пути выхода из войны. Гитлеру не нужно было говорить о том, что финны даже упорнее, чем итальянцы, отказывались сотрудничать в депортации своих евреев – им с Геббельсом это было хорошо известно. Германия не оказывала на Финляндию сильного давления, поскольку в Берлине знали, что финское правительство не согласится с их требованиями «окончательного решения еврейского вопроса» в своей стране. Финны передали немцам несколько тысяч советских военнопленных, среди которых евреи, конечно, были, и еще восемь евреев-беженцев, не имевших финского гражданства, но остальные финские евреи, а их насчитывалось около 2000, жили спокойно. Финны не предпринимали даже никаких законодательных антисемитских инициатив. Более того, евреи служили в финской армии, сражавшейся против СССР. Это был парадокс, причем, по мнению нацистов, абсолютно недопустимый: евреи сражаются на одной стороне с

немцами против большевизма – идеологии, которую, как были убеждены нацисты, поддерживают все евреи мира³.

Гитлер понял, что заставить финнов сотрудничать в депортации евреев не удастся, и смирился с тем, что, по существу, не в состоянии помешать им выйти из войны⁴. Но к другим непокорным партнерам Германии – к той же Венгрии – это не относится! Хотя венгры, подобно финнам, пытались уклониться от дальнейшего участия в войне, в Венгрии – в отличие от Финляндии – не только жило еще много евреев, но и были существенные запасы сырья, продовольствия и других ресурсов. В Бергхофе Гитлер сказал Геббельсу, что Венгрия будет оккупирована и Германия заберет все, что ей потребуется. А заодно раз и навсегда покончит с венгерскими евреями.

18 марта 1944 года в замке Клессхайм близ Зальцбурга Адольф Гитлер встретился с адмиралом Хорти. Регент Венгерского королевства надеялся обсудить с фюрером возвращение своих солдат домой, но фатально ошибся. Гитлер в первую же минуту сказал, что ему известно о непрекращающихся попытках венгров выйти из войны, но лучше бы им подумать о том, как наращивать свои усилия на Восточном фронте, а не сокращать их. А кроме того, пришло время решить вопрос с евреями, живущими на территории Венгрии. Германия не потерпит такую угрозу собственной безопасности перед лицом приближающегося врага! Приказ об оккупации страны будет отдан немедленно, и адмиралу придется с этим смириться. Хорти отказался – он скорее уйдет в отставку, чем пойдет на все это. Гитлер пожал плечами – в таком случае он не сможет гарантировать безопасность его семьи.

В конце концов Миклош Хорти был вынужден согласиться с вступлением вермахта на территорию Венгрии и депортацией из страны евреев. 19 марта немецкие войска оккупировали Венгрию, а еще через два дня в Будапешт приехал Адольф Эйхман.

Многие венгерские евреи тем не менее не восприняли внезапное появление немцев, хотя и пугающее, как знак неминуемой гибели. «Я видел страх на лицах родителей, – вспоминает Израэль Абелец с юга Венгрии, который тогда был подростком. – Я чувствовал, что ситуация изменилась. Возможно, это начало чего-то ужасного... Хотя мы надеялись, что на еврейском населении оккупация страны нацистами никак не скажется. В газетах писали, что немцы вошли в Венгрию, дабы получить военное преимущество. Мы думали, что нас это никак не заденет... Была такая надежда. В подобных случаях ведь всегда есть и надежда, и отчаяние – между ними человек и выбирает»⁵.

Эйхман между тем не мог не понимать, что депортировать евреев без участия венгерских властей будет непросто, если вообще возможно. Нацисты проанализировали то, что произошло в Дании, и сделали выводы. Без помощи местных администрации и полиции у них опять будут огромные трудности, поэтому необходимо заручиться их согласием на сотрудничество. И такую помощь немцы получили. Новым премьер-министром страны с их одобрения был назначен Деме Стояи, бывший венгерский посол в Берлине. Он легализовал национал-социалистическую Партию скрещенных стрел Ференца Салаши, направил дополнительные венгерские войска на Восточный фронт, распустил профсоюзы, отправил в тюрьму политических оппонентов, начал преследование левых политиков и активистов. С авторитетом регента Стояи в своих действиях не считался и тут же начал массовые преследования евреев. И он, и два чиновника его правительства, ответственные за решение «еврейского вопроса», были убежденными антисемитами. Один из них, Ласло Эндре, сотрудничал с нацистами особенно истово. Он инициировал принятие целого ряда ограничительных мер в отношении евреев – таких, как запрет на пользование велосипедами и радиоприемниками, а также требование составить списки всех своих ценностей. Не отказывал в помощи и начальник венгерской жандармерии Ласло Ференци – еще один антисемит⁶, у которого вскоре сложились очень теплые отношения с Эйхманом.

Сам Эйхман прекрасно знал историческую компоненту венгерской ненависти к евреям. Венгерские антисемиты, так же как немецкие и австрийские, постоянно говорили о влиянии, которое якобы обрели у них евреи в политике и самых престижных профессиях, а также о предполагаемой связи между иудаизмом и ненавистным коммунизмом. Ведь было же в 1919 году в Венгрии некоторое время коммунистическое правительство во главе с еврейским революционером Белой Куном!

Адольф Эйхман, начальник отдела гестапо IV В4, отвечавший за «окончательное решение еврейского вопроса», знал, что в Венгрии перед ним и его подчиненными стоит трудная задача. Если предположить, что евреи узнают, что всех их собираются отправить в Освенцим, где подавляющее большинство будет уничтожено, не попробуют ли они скрыться или даже оказать сопротивление, как, например, в варшавском гетто? В Будапеште нельзя допустить ничего подобного! Эйхман впервые сам проводил операцию на месте, а не давал указания из берлинского кабинета, и был решительно настроен избежать проблем, которые возникли в Дании и в той же Варшаве.

Итак, на ключевые посты в новом венгерском правительстве были назначены убежденные антисемиты. Теперь предстояло постараться по возможности снять у евреев обеспокоенность их дальнейшей судьбой. Для начала лидеры их общин получили указание сформировать общий еврейский совет. 31 марта Эйхман пригласил четырех членов нового совета к себе и сообщил, что против евреев будут приняты определенные меры, в частности, им предписывается носить на одежде желтую шестиконечную звезду, но в целом им беспокоиться не о чем, если не возникнет неповиновения. Эйхман сказал, что евреи должны понять – от них ничего не требуется, кроме выполнения полученных указаний. Если будут поддерживаться дисциплина и порядок, им опасаться нечего⁷.

Члены еврейского совета, похоже, заверениям Эйхмана поверили. Ограничительные меры против евреев, принимаемые немцами, жизни не угрожают. Более того, они могут свидетельствовать о долгосрочных договоренностях. Зачем евреев заставлять носить желтые звезды, если их собираются убивать? Именно такое объяснение сочли наиболее приемлемым и в семье Израэля Абелеца. «Через несколько дней было объявлено об ограничениях, – вспоминает он. – Мы подумали, ладно, с этим жить можно. Мы же знали, что война для немцев теперь складывается неудачно. Это лишь вопрос времени. Их победят. Видите ли, мы хорошо знали историю евреев и понимали, что многие их поколения в самых разных местах страдали только потому, что они евреи. Первоначальный антисемитизм исходит из того, что евреи не воспринимают Иисуса как Спасителя, и такого рода враждебность преследует евреев на протяжении веков. Так что мы совсем не удивились, что к нам применяют меры дискриминации. Главный вопрос – до какой степени»⁸.

С учетом ошибок, совершенных при депортации в других местах, Эйхман решил проводить высылку евреев из Венгрии не как единую широкомасштабную операцию, а как несколько локальных, по частям. Начать нацисты решили с евреев, живущих на востоке страны, подальше от Будапешта. По их мнению, выгод тут было две: сначала они решат вопрос с теми, кто находится в районах, к которым приближается линия фронта, под предлогом обеспечения их же безопасности, и одновременно выиграют время для подготовки к депортации большого числа евреев из Будапешта, ведь у них больше возможностей скрыться, чем у жителей провинции.

Евреев из Восточной Венгрии, включая тех, кто жил на территориях, аннексированных самими венграми, начали переселять в гетто в начале апреля. Во время операции, которая была бы невозможна без сотрудничества с венгерской жандармерией, менее чем за две недели почти 200 000 человек оказались перемещены в спешно построенные лагеря временного содержания.

По первоначальной договоренности с венгерским правительством немцы могли депортировать 100 000 евреев, но по мере создания новых гетто венгры сами стали говорить о том, что выслать из страны надо всех евреев. Главным их аргументом в этом стал вопрос, что делать

с теми евреями, которые не будут отобраны по критериям выбора подневольной рабочей силы. И венгерские власти, так же как словацкие двумя годами раньше, решили, что лучше будет предложить немцам забрать всех евреев, включая стариков и детей.

Переселенные в гетто венгерские евреи не знали, какая судьба им уготована, хотя кое-какие слухи уже появлялись. Алиса Лок Кахана жила со своей семьей в Сарваре, в Западной Венгрии, и было ей в то время 15 лет. Алиса вспоминает, как один венгр подошел к ней и сказал: «Знаешь, мы из тебя мыло сварим». Она ответила: «Правда? Ну так вспомни, когда будешь мыть руки ароматным мылом, – это я». Потом Алиса, конечно, плакала, переживая жуткое унижение: как он осмелился сказать ей такое подлое, такое страшное?⁹ Но ведь подобные оскорбительные высказывания еще не являлись доказательством того, что их обязательно убьют! Многие евреи, подобно Израэлю Абелецу и его родным, все еще думали, что их отправят куда-нибудь на принудительные работы. «Это было бы самое лучшее, – говорит он. – Семьи останутся вместе, нам надо будет пережить всего несколько месяцев, потому что война идет к концу. Нас же забирали на ее последнем этапе»¹⁰.

На первый взгляд, все эти несбыточные надежды, которыми тешили себя венгерские евреи, выглядят странно. Ведь в 1943 году после службы в трудовых батальонах на территории Украины, где проходили массовые убийства еврейского населения, домой вернулись несколько тысяч венгерских евреев. Они-то уж точно знали, что там происходило. Свидетели действительно подтверждают, что в 1943-м уже слышали о широкомасштабных акциях от венгерских солдат и еврейских призывников, возвращавшихся с Восточного фронта¹¹.

Конечно, уровень осведомленности у много чего знавших евреев Будапешта и у евреев из отдаленных сельских районов, слышавших лишь о том, что случается в соседних деревнях, был разный, но и те и другие жили надеждой. Они всему искали объяснение и находили его. Да, говорят, что немцы убивали евреев на Востоке, но может быть, эта политика распространяется только на советских евреев? Кто-то полагал, что нацистам уже нет смысла истреблять евреев сейчас, когда у них так неудачно складываются дела на фронте. И потом, теперь им наверняка требуется больше рабочей силы, чем раньше. Именно эти мысли и стремился внушить евреям Эйхман, обещавший безопасность всем, кто будет соблюдать порядок и дисциплину.

Наверняка знали евреи только то, что венгерские жандармы, равно как и многие другие венгры, обогащались за их счет. Израэль Абелец видел, как жандармы обыскивали евреев и забирали у них деньги и драгоценности. Семья Алисы Лок Каханы потеряла все – дом, свое дело. И то и другое приобрел за бесценок некий господин Крюгер. «Я была совершенно растеряна, – вспоминает о том моменте, как они шли в гетто, Алиса. – В голове стояла сцена исхода из Египта. И господин Крюгер смотрел, как мы уходим, – не с сочувствием, а со злорадством. Владелец нашей фабрики, владелец нашего дома»¹². Появились слухи, что жандармы по всей Венгрии даже пытаются евреев, чтобы выяснить, где они прячут свои деньги¹³.

Центральную роль в своем плане депортации венгерских евреев нацисты отвели Освенциму. Это не было однозначным «решением еврейской проблемы», какое обеспечивали лагеря смерти, действовавшие в рамках реализации операции «Рейнхард» – государственной программы Третьего рейха по систематическому истреблению евреев и цыган в генерал-губернаторстве. Нет, комплекс лагерей Освенцима предлагал несколько вариантов ответа на извечный вопрос национал-социалистов: как им поступать с евреями? Свою роль, как мы уже знаем, тут сыграли и ощущение капитальности этого объекта, и эффективность «процесса», ведь с 1943 года в Биркенау действовали четыре новых крематория с газовыми камерами. Кроме того, уже было завершено строительство железнодорожной ветки, дающей эшелонам возможность проходить под аркой из красного кирпича непосредственно в лагерь. Раньше «рампа», на которую высаживали прибывающих, тоже находилась недалеко от железнодорожной линии, примерно посередине между главным лагерем и Освенцимом-Биркенау, но теперь путь обреченных на

смерть до газовых камер стал занимать считанные минуты. Чтобы так обустроить объект, потребовалось четыре года, но образ Освенцима как лагеря смерти в этот краткий период – всего несколько месяцев – стал одним из символов Холокоста, не в последнюю очередь потому, что сохранились фотографии прибывавших в Биркенау венгерских евреев, сделанные эсэсовцами.

И все-таки страшнее всех усовершенствований в «процедуре» стало то, во что превратился Освенцим в концептуальном плане. Теперь это была самая большая из всех существующих в Третьем рейхе фабрик смерти, где люди через несколько часов после прибытия превращались в пепел, но сначала их в прямом смысле слова сортировали. Еще живых людей сортировали как сырье... Селекция проводилась в Биркенау. Стариков, детей и всех других, кого нацисты посчитали ненужными, сразу вели в газовые камеры. Прошедших отбор обычно направляли в «карантинный» лагерь, тоже на территории Биркенау. Там они находились до двух недель, после чего оказывались либо в трудовых лагерях поблизости, либо отправлялись дальше, часто в лагеря рядом с промышленными предприятиями на территории рейха. Работавших в лагерях близ Освенцима, но со временем переставших «приносить пользу» возвращали обратно в Биркенау, и там уже их ждала смерть.

Нацисты наконец нашли возможность решить дилемму отношения к евреям, которая не давала им покоя с самого начала процесса истребления: как примирить пользу эксплуатации евреев в качестве рабочей силы с идеологическим императивом их физического уничтожения? На Ванзейской конференции в январе 1942 года Гейдрих говорил о том, что евреев надо высылать на восток, чтобы строили там дороги и постепенно вымирали от истощения, но практические детали данного предложения никогда не прорабатывались. Вместо этого шли споры между теми, кто хотел бы сохранить евреям жизнь, дабы они трудились, и теми, кто хотел их просто убить. В Освенциме появилась возможность реализовывать обе эти цели, изначально, казалось, взаимоисключающие. Во всяком случае до тех пор, пока не иссякнет поток заменяемых работников. И при этом делать все в совершенно спокойной обстановке. Возможность восстания в Освенциме нацисты не допускали даже в мыслях. Зона безопасности, окружающая лагерь, простиралась далеко за границы колючей проволоки главного лагеря и Биркенау, а в последнем разные секторы тоже были отгорожены друг от друга. Массовый побег, подобный тому, что произошли в Треблинке и Собиборе, здесь был нереален. Освенцим с его сетью дополнительных лагерей, обслуживающих множество промышленных предприятий, был отдельной вселенной. Попавшие в него заключенные жили, работали и умирали под бдительным надзором охраны. Наверное, именно то, что в 1944 году Освенцим стал практическим воплощением общего идеологического императива нацистов в том, что касалось созданного ими понятия *Untermensch*, и делает его одним из символов Холокоста.

В июле 1944-го венгерский еврей Израэль Абелец убедился во всем этом лично. Его семья ехала в Освенцим-Биркенау из Западной Венгрии в товарном составе, который шел несколько дней. Эшелон прибыл в лагерь по новой ветке, пройдя под аркой. Двери открылись... «Нам приказали выходить, – вспоминает Израэль, – а вещи оставить. Успокоили, что багаж будет доставлен позже». Он помнит, что все происходило очень быстро и сам процесс прибытия был хорошо организован. «К эшелону пришли заключенные, принесли воду. Каждый, кто хотел, мог утолить жажду». Израэль полагает, это сделали для того, чтобы прибывшие не запаниковали. «Мы спросили у подошедших к вагонам узников, что здесь такое, – говорит Абелец. – Нам ответили: “Трудовой лагерь”»¹⁴.

Члены рабочей команды помогали на «рампе». «Они сказали, что матери с детьми должны отойти в одну сторону, а мужчины – в другую, – продолжает свой рассказ Израэль. – Мой младший брат, которому было одиннадцать, пошел с матерью. Больше я их не видел. Я с отцом и старшим братом, которому исполнилось шестнадцать, оказался перед энергичного вида офицером. Он посмотрел на меня и по-немецки спросил, сколько мне лет. Я ответил, что четырнадцать, и добавил, что день рождения был несколько дней назад. Эсэсовец улыбнулся:

“О, день рождения! Очень хорошо. Ты пойдешь с братом”. Отец тоже решил двинуться с нами, но этот офицер сказал ему: “Нет! Вам сюда”. Вежливо, просто показал направление небольшой дубинкой».

Израэль помнит: эсэсовцы хотели, чтобы все были спокойны и не устраивали никаких сцен. Они все делали очень быстро, как на фабрике. Это напоминало конвейер, и в работе этого конвейера не должно было случаться никаких задержек. Увидев, как все происходит, Израэль уже не так тревожился – все будет хорошо. Они станут здесь работать, как все остальные. Абелец смотрел на евреев-заключенных и думал, что они будут такими же и их отправят трудиться куда-нибудь поблизости. Что касается отца, матери и младшего брата, которых отвели в другую сторону, он надеялся, что с ними тоже не случится ничего плохого. Просто они будут в другом лагере. В конце концов, именно так говорили заключенные, которые встречали прибывших. Они сказали, что их направят в другой лагерь...

Примерно через три недели жизни в Биркенау Израэль Абелец стал свидетелем одного драматического события, которое убедило его, что матери, отца и младшего брата уже нет в живых. Вечером 2 августа он услышал крики, плач и лай собак. Шум доносился со стороны цыганского сектора, находившегося недалеко от их барака. А утром в лагере уже не было ни одного синти и рома. За ночь всех их, около 2800 человек, уничтожили. «Тогда я понял, – говорит Израэль, – что, раз нацисты так поступили с цыганами, они и с нами так поступят. Или уже поступают... И постепенно до нас дошло, что тех, кто не может работать, отправляют в газовые камеры».

Все лето 1944 года Израэль прожил в секторе Биркенау, который он называет трудовым резервом. Там регулярно проводились отборы – узников забирали на принудительные работы либо в главный лагерь, либо куда-то еще. Теперь, когда Израэль понял, что в Биркенау есть газовые камеры, он отчаянно стремился выбраться из Освенцима II – всегда вызывался добровольцем, когда речь заходила об очередном наборе рабочих. Но его не выбирали. Израэль был маленьким даже для 14-летнего, и предпочтение отдавали тем, кто повыше и посильнее.

Абелец тревожился все больше. И не только потому, что все еще оставался в трудовом резерве, но и потому, что слабел. «Еды не просто не доставало... Рацион был на грани выживания. И самым гнетущим чувством помимо страха смерти был голод. Он подавлял все остальное, все человеческие эмоции... Ты становишься собакой, которая ищет пропитание»¹⁵.

Так прошло три месяца. А потом мальчик увидел новый злоеущий знак. Рядом с их бараком немцы установили ростометр. Тех, кто достигал отмеренной ими метки, отправляли в одну группу, а кто оказывался ниже – в другую. Израэль не смог дотянуться до метки, и был отправлен во вторую группу. Здесь были преимущественно подростки в возрасте от 12 до 16 лет, которые прошли предварительный отбор по прибытии, потому что, как заметил Абелец, на «рампе» всегда были исключения – и для людей старшего возраста, и для молодежи.

Группе, в которой оказался Израэль, сказали, что их отправят в детский лагерь, и там с ними будут обращаться намного лучше. Абелец этому не поверил. Кое-кто из их группы обещаниям тоже не поверил, но Израэль полагает, к тому времени они уже были в таком отчаянии, что просто сказали себе – бесполезно. «Бесполезно бороться, мы сдаемся или что-то типа того. Были такие, кто бросался на проволоку под током и погибал. Они просто больше не хотели так жить... они сдавались. Нет смысла жить. Конечно, это была жуткая ситуация. Люди, которые являлись частью семьи, жили с родными, внезапно оказались брошены в самый страшный круг ада... Твой народ травят газом. Это была не постепенная трансформация, а внезапная. И для людей это оказывалось таким шоком, что они просто не могли его вынести... Как я помню, истерик не было. Люди принимали то, что может с ними произойти. Такая судьба... Никаких воплей не было. Да, однажды ночью, когда узников загоняли в газовые камеры, я слышал какие-то крики. А вообще-то в чем смысл кричать? Кому кричать? Ты смиряешься с неизбежным. Что, осужденный на смерть будет кричать всю ночь в своей камере? Не думаю...»

И все-таки решивший во что бы то ни стало выжить, Израэль воспользовался неразберихой, возникшей в ходе селекции, и сумел перебежать на нужную сторону. Он затесался в группу, прошедшую отбор, но это оказалось лишь краткой передышкой. Вскоре после этого Израэля забраковали на очередной селекции, но он спасся и на этот раз – теперь потому, что начал плакать и уговаривать эсэсовца: «Я гожусь для работы!.. Я могу работать!..» Капо ударил Израэля и приказал замолчать, но эсэсовец возразил: «Оставь его». В результате немец взял кого-то другого – взял вместо Израэля. «Не понимаю, почему меня пощадили... Но это произошло. У меня было ощущение, что мне Богом суждено выжить. У меня тогда появилась уверенность, что уцелеть удастся. После того как я прошел несколько отборов, у меня всегда сохранялось это ощущение... Я остался жить благодаря ряду случайностей».

Тем не менее Израэль Абелец полагался не только на внутреннее убеждение, что ему Богом суждено выжить. Он полагался и на себя. А еще на брата... «Со мной был старший брат. У нас два года разницы... Так вот он больше сочувствовал другим. У меня никогда не было такого отношения. Я был гораздо эгоистичнее. Например, помню, кто-то из детей утром расплакался из-за того, что ночью у него украли пайку хлеба. Хотел есть. Брат дал этому мальчику кусок хлеба... Я сказал ему: “Зачем ты отдаешь? Ты не обязан так делать”, а брат ответил: “Ему нужно больше, чем мне...” Это меня всегда в нем восхищало...»

Да, Израэль Абелец был удачлив и сообразителен. Может быть, поэтому и дожил до освобождения лагеря?.. Впрочем, избавиться от мучительных переживаний о том, как все это происходило, он не смог. «Не знаю, что с этим делать... Вряд ли был такой день, когда я ложился в постель, не мог заснуть – по той или иной причине – и передо мной не всплывали лица детей, обреченных на смерть. Я размышлял о том, что они могли чувствовать в свои последние минуты?.. Когда оказывались в газовой камере и ее уже заполнял “циклон Б”... Когда они уже не могли дышать... Они понимали, что задыхаются... Что они вспоминали? О чем думали?..»

Кошмары реальности Освенцима заставили многих пересмотреть отношение к догматам веры. «Сразу после депортации я стала безбожницей, – говорит Рут Матиас, венгерская еврейка, отправленная на восток в 1944 году. – Мой отец никому не причинил зла, а с ним поступили так жестоко, и не только с ним – со многими людьми, в том числе с маленькими детьми, невинными младенцами. Я видела своими глазами, как их хватали за ноги и с размаху били головой о стену... Да, теперь я атеистка». В Освенциме Рут стала свидетельницей того, как разрушаются традиционные семейные ценности. «Я видела, как одна девочка била свою мать. Мать ничего не ела, всю свою пайку отдавала дочке, но при этом, если сама съедала хоть ложку баланды, дочка ее била... Женщина защищала свою дочь, злилась, когда кто-то пытался вмешаться: “Не лезьте! Я не голодна”»¹⁶.

Скоро венгерские евреи узнали, что нацисты отбирают узников для работы на заводах и шахтах не только неподалеку от Освенцима, но и в районах старого рейха. Конечно, уже несколько лет базовым принципом идеологии НСДАП являлось освобождение этих территорий от евреев, но сейчас им было необходимо восполнить нехватку рабочих рук. Разумеется, в отличие от евреев, трудившихся в непосредственной близости от Освенцима, евреи, работавшие в рейхе, оказывались далеко от газовых камер Биркенау. Все они тем не менее голодали и болели, терпели побои и унижения. Многие из них все равно умирали, хотя и вне орбиты Освенцима.

В то время как в Биркенау прибывали венгерские евреи, в главном лагере пытался выжить Тадеуш Смречиньский. Большинство поляков, с которыми он попал в Освенцим несколько недель назад, уже задохнулись в газовых камерах. В начале июля 1944 года Тадеушу показалось, что пришла и его очередь. Эсэсовцы отправили группу из нескольких сотен человек маршем в Биркенау, и Смречиньский оказался среди них. «Никто не знал, что нас ждет впереди. Мы шли в окружении охранников. Один из моих друзей сказал, что, если нас поведут

к газовым камерам, надо попробовать напасть на них... Лучше мгновенная смерть от пули, чем долгая и мучительная в душегубке»¹⁷.

Группе повезло – к газовым камерам ее не повели. В этом повезло, да, а вот в остальном... В Биркенау Тадеуша и остальных затолкали в товарные вагоны и повезли далеко, через границу, в Австрию – в один из самых страшных концентрационных лагерей рейха – Маутхаузен близ Линца. Работать он начал еще осенью 1938 года, но с самого начала задумывался не как традиционные лагеря, тот же Дахау. Место для Маутхаузена выбрали исключительно по экономическим соображениям: лагерь располагался рядом с гигантскими каменоломнями, в которых в тяжелейших условиях работали заключенные – поднимали гранитные блоки наверх по «лестнице смерти».

До войны в Маутхаузен евреев отправляли редко. Здесь содержались преимущественно те, кого нацисты считали неисправимыми преступниками и асоциальными элементами, но в 1941 году политика изменилась. В лагерь депортировали сотни голландских евреев – это была месть нацистов за акты сопротивления в Нидерландах. Большинство из них очень быстро умерли – буквально в течение нескольких недель. Судьба первых высланных евреев в Маутхаузене оказалась столь ужасающей, что оставшихся нацисты стали этим лагерем шантажировать: если не согласятся ехать на восток, отправятся в Австрию. Это было более страшной перспективой, чем неизвестность, которая ждала голландских евреев в генерал-губернаторстве. Особо жестокие условия содержания в Маутхаузене признавали даже сами нацисты: при присвоении концентрационным лагерям категории он был классифицирован как самый строгий. Таким образом, у узников Биркенау, которые хотели бы быть отобранными для отправки куда-нибудь подальше от Освенцима, никакой гарантии, что их шансы остаться в живых повысятся, не было.

Маутхаузен стал ядром целого ряда хозяйственных предприятий, некоторые из которых принадлежали СС, а некоторые – частным лицам. Гранитные каменоломни были собственностью промышленного предприятия *Deutsche Erd- und Steinwerke GmbH (DEST)* из ведомства Гимmlера, но узники Маутхаузена работали и на другие производственные компании – от оружейных до фармацевтических. Собственно Маутхаузен представлял собой систему, состоящую из центрального лагеря и 49 филиалов, разбросанных по всей территории бывшей Австрии. По масштабам и разнообразию функций этот комплекс вполне сопоставим с Освенцимом. Схож с ним Маутхаузен был и в другом: в нем тоже действовала газовая камера. Опробовали ее весной 1942 года – примерно тогда же, когда стал работать «красный домик» в Биркенау. Вместимость камеры в Маутхаузене была поменьше, чем в Освенциме, но в качестве отравляющего вещества в ней тоже использовали «циклон Б». Тем не менее, несмотря на наличие газовой камеры, Маутхаузен никогда не считался лагерем, предназначенным для «окончательного решения еврейского вопроса». За все время его существования в Маутхаузен отправили около 200 000 заключенных, и самой большой этнической группой в лагере были поляки (приблизительно 40 000 человек). В целом из всех узников, оказавшихся здесь, примерно половина тут и рассталась с жизнью, в том числе 14 000 евреев¹⁸.

«Нас привезли в Маутхаузен, – вспоминает Тадеуш Смречиньский. – Эсэсовцы из этого лагеря окружили поезд. А эсэсовцы, которые сопровождали эшелон из Освенцима, выстроились на платформе. Они старались как можно сильнее ударить прикладами каждого выходящего из вагонов, словно на прощание... Я увидел, что происходило. Я подождал в глубине вагона, а потом разбежался, оттолкнулся и прыгнул на несколько метров в сторону от охранников. Я надеялся избежать удара, и мне это удалось. Новая охрана повела нас в лагерь по городу. Начинался рассвет. Окна домов были темными, но можно было заметить слегка отодвинутые занавески. Австрийцы украдкой наблюдали за происходящим. Мы дошли до лагеря.

Он находился на холме, с которого открывался великолепный вид на Альпы. Место исключительно красивое, но людей здесь ждал настоящий кошмар»¹⁹.

В лагере Смерчиньскому и другим прибывшим из Освенцима обрили головы и приказали раздеться. «Охранники вернулись с завтрака, – вспоминает Тадеуш, – и стали рассматривать нас, стоявших шеренгами. Мы были голыми. Эсэсовцы проходили вдоль рядов и били нас по лицу, в живот, наступали на ноги. Я ждал, когда дойдет очередь до меня. Краем глаза я заметил молодого немца, лет двадцати с небольшим. Он сделал шаг по направлению ко мне. Я посмотрел прямо в его голубые глаза. Несколько секунд мы глядели друг на друга... Он не стал меня бить... Перешел к другому заключенному и ударил его. Позже друзья спрашивали, как получилось, что он меня не тронул. Я не знаю. Не знаю, что было в голове у этого эсэсовца»²⁰.

Условия в Маутхаузене показались Смерчиньскому даже хуже, чем в главном лагере Освенцима. Здесь не только не было отдельных мест для сна, но все пространство оказалось очень ограниченным и примерно 60 узникам приходилось стоять всю ночь. Они могли лечь только в том случае, если кто-то покидал свое место, чтобы пойти в туалет, и по возвращении стоять приходилось уже ему. На следующее утро им приказали собраться на плацу. «День был очень жаркий. Заключенные выстраивались в шеренги, в которых им предстояло провести несколько часов, а тем, кто падал, не выдержав зноя, наступал конец. Я стоял в первом ряду. Те, кто вставал в строй слишком медленно, по мнению охранников, получали удары дубинками. Потом эсэсовцы вошли в раж и стали избивать всех подряд. Меня ударили по затылку, и я упал. К счастью, удар оказался не очень сильным, со мной ничего не случилось, но в тот момент я вспомнил поляка из Освенцима, который советовал мне не стоять в наиболее, так сказать, проблемных местах, и его пожелание обязательно выжить»²¹.

Тадеуш попал в группу заключенных, которых перебросили за пару десятков километров к западу от Маутхаузена – в Линц. Они получили приказ строить новый объект – как часть сети трудовых лагерей в этом регионе. На территории, огороженной колючей проволокой, уже стояли два деревянных барака, но все остальное узникам предстояло построить самим. Работа оказалась настолько тяжелой, что Смерчиньский понял – долго он так не протянет. А потом он услышал, что нескольких заключенных хотят выбрать для работы на кухне. Для такой легкой работы... «Мы помчались к дверям кухни, где стояли начальник, рапортфюрер и еще несколько эсэсовцев. Примерно из 60 желающих они должны были выбрать десять. Когда мы там появились, отобрали уже девятых, так что у меня оставался единственный шанс. Меня спросили по-немецки о возрасте, о том, насколько я здоров и какая у меня специальность. Я ответил тоже по-немецки – сказал, что я пекарь, до ареста работал в пекарне. Они о чем-то негромко посоветовались и взяли меня десятым. Для меня это был счастливый момент за всю войну».

Работая на кухне, Смерчиньский смог избежать самых страшных превратностей жизни в лагере, в первую очередь голода. «Условия в Маутхаузене были ужасными, – вспоминает он. – Голод усиливался, заключенные теряли от недоедания сознание... Многие умирали. Как-то раз я увидел узников, которые несли котелок с баландой, которая выглядела как вода из лужи... Котелок качнуло, и жидкость выплеснулась на затоптанный снег... люди бросились лизать этот снег. Жуткое зрелище...»

Заключенные подвергались риску не только оказаться в газовой камере, умереть от голода, непосильной работы или под ударами дубинки охранников. Эти территории начали активно бомбить союзники. Вскоре после появления Смерчиньского в лагере американские самолеты совершили налет на военные заводы, расположенные неподалеку от Маутхаузена. Несколько бомб упало и на территории лагеря. «Мы побежали, сами не зная куда. Всех охватила жуткая паника, – говорит Тадеуш. – Те, кто бежал впереди меня, просто исчезли – их разорвало на части и разбросало. Я увидел дыру в ограде и шестерых заключенных уже по

ту сторону проволоки... Я побежал к ним, несмотря на то что самовольное покидание лагеря заключенными грозило смертной казнью». Смерчиньский и его спутники пробежали около километра и выбились из сил. Они решили передохнуть и сели на опушке. «Минут через пятнадцать-двадцать мы вдруг услышали крик: “Руки вверх!” Это были немцы – солдаты противоздушной батареи, они сбили несколько бомбардировщиков и сейчас искали катапультировавшихся летчиков. Автоматы немцы держали на изготовку. Я крикнул, что мы не американцы, мы заключенные из Маутхаузена, из лагеря “Линц-3”, который разбомбили американцы. Мы ждем, когда нас заберет обратно наша охрана. Позже оказалось, что мое объяснение спасло нам жизнь». Солдаты вермахта отвели их в лагерь. Других узников, которые разбежались, поймали и казнили, а группу, в которой был Смерчиньский, пощадили. На следующий день после бомбежки двое молодых русских, которые бежали с Тадеушем, подошли поблагодарить его за то, что не растерялся.

Этот авианалет помог Смерчиньскому понять и кое-что другое. Наблюдая за врачами из числа заключенных, которые оказывали помощь раненым, он вдруг осознал, что смысл в жизни есть лишь в том случае, если ты делаешь добро или хотя бы пытаешься его сделать. «Я решил, что, если выживу, стану врачом. Примером для меня были медики-заключенные, которые помогали всем, кому только могли...»²² Тадеуш Смерчиньский выжил и после войны действительно стал врачом, но, поскольку вступать в польскую коммунистическую партию он не захотел, его профессиональная карьера не сложилась – заниматься медицинскими исследованиями он не смог. «Я полностью отвергал коммунизм в той форме, в которой он существовал в моей стране, – говорит Смерчиньский. – К беднякам, рабочему классу и крестьянству этот коммунизм не имел никакого отношения; все делалось исключительно на благо его вождей». Тадеуш остался верен философии, которая сложилась у него в нацистских лагерях. «Жизнь имеет смысл, если ты делаешь добро. Я прав? У меня не было стремления к общественной деятельности. Меня не интересовало финансовое благополучие – я не хотел сравнивать свою машину с машиной соседа. Мне не надо было ни на кого производить впечатление»²³.

Прибытие в Освенцим весной и летом 1944 года венгерских евреев определило наиболее интенсивный период умерщвления узников в истории этого лагеря. С мая по июль туда доставили почти 430 000 евреев из Венгрии²⁴. Большинство из них были убиты сразу: из каждого эшелона на немедленную смерть обрекалось от 70 до 90 процентов прибывших. Чтобы справиться со всем этим потоком, рядом с крематориями IV и V, недалеко от «красного» и «белого» домиков Биркенау, заключенным приказали вырыть огромные ямы – в них и сжигали трупы.

Обреченных на смерть было много, но на иезуитство и садизм время у эсэсовцев всегда находилось. Морис Венеци, член еврейской рабочей команды крематория, помнит, как две сестры-еврейки и их подруга спросили у одного из эсэсовцев, нельзя ли им умереть вместе. Он решил попробовать убить всех троих одним выстрелом – поставил девушек в затылок друг другу и нажал на курок. Все три упали, как показалось, замертво. «Мы сразу же, – говорит Морис, – взяли их и бросили в яму, в огонь. И услышали из ямы крики...» Оказалось, что одна из девушек не была убита – просто упала, и теперь горела заживо. «Этот немецкий офицер выглядел очень довольным. Как минимум двоих смог убить одним выстрелом. Зверь... Никакой человеческий мозг не поверит в такое и не поймет. В такое просто невозможно поверить. Но мы это видели»²⁵.

Впрочем, в Освенцим отправляли не всех венгерских евреев. У Эйхмана и его подчиненных была ведь и другая цель – обогатить за их счет рейх и обогатиться самим. Штандартенфюрер Курт Бехер, руководитель экономического отдела СС в Венгрии, например, присваивал деньги, ювелирные украшения и другие ценности в обмен на обещание сохранить жизнь их обладателям. И действительно, членам семьи Вайс, одного из богатейших и известнейших еврейских семейств в Венгрии, было позволено уехать в нейтральную страну – после того, как

они передали во владение нацистам огромный металлургический концерн *Waiss Steel and Metal Works*.

Эйхман тоже был непосредственно причастен к изъятию добра у венгерских евреев, и при этом сделал одно из самых неординарных предложений для «окончательного решения еврейского вопроса». 25 апреля он встретился с Йоэлем Брандом – членом Будапештского комитета помощи евреям. Эйхман предложил Бранду стать посредником в сделке между СС и Соединенными Штатами или Великобританией по обмену 1 000 000 евреев на 10 000 новых грузовиков с продовольствием для дивизий СС на Восточном фронте. «Мы заинтересованы не в деньгах, а в товарах, – сказал руководитель отдела IV В4. – Отправляйтесь за границу, свяжитесь со своими международными руководителями и с союзниками, а потом возвращайтесь с конкретным предложением»²⁶. Понимал ли Эйхман, что такая сделка изначально обречена на неудачу? Зачем было союзникам выкупать жизни евреев, оказывая нацистам экономическую поддержку продовольствием, в котором так нуждался вермахт, тем более что они получили заверение: все пойдет на Восточный фронт, то есть налицо было явное стремление расколоть антигитлеровскую коалицию? Но даже если шансы на успех были невелики, Эйхман мог рассчитывать на другие выгоды. Он ведь показал Гиммлеру, что не один Бехер печется в Венгрии об интересах рейха.

17 мая 1944 года Бранд вместе с венгром Андором (Банди) Гроссом прилетел в Стамбул, чтобы начать переговоры с представителями союзников и предложить сделку, в рамках которой будет спасен 1 000 000 евреев. Гросс, работавший на венгерскую и немецкую военные разведки, отправился в Турцию с документами директора венгерской транспортной компании. В Стамбуле Бранд встретился с представителями еврейского руководства Палестины. 26 мая о предлагаемой сделке был проинформирован британский верховный комиссар Палестины сэр Гарольд Макмайл. Вскоре о ней узнали и американцы, и тут же между ними и британцами появились расхождения по этому поводу. Саму идею обе стороны отвергли в принципе, но о том, стоит ли вступать в переговоры, у них оказалось разное мнение. В Америке к этой идее проявил интерес совет по делам беженцев, созданный в январе 1944 года для оказания помощи тем, кто страдал от преследований нацистов. У британцев сложилось впечатление, выраженное на совещании комитета по делам беженцев военного кабинета 30 мая, что за обещанием Америки спасти евреев, которое дал Генри Моргентау, главный идеолог совета по делам беженцев, может последовать предложение со стороны немцев «...свалить им на руки евреев еще больше»²⁷. Британские власти в то время сталкивались в Палестине с огромными трудностями, что в сочетании с таким фактором, как проблемы транспортировки столь большого числа людей в военное время, заставило их отнестись к этой идее настороженно.

В апреле 1943 года на конференции, которая проходила на Бермудах, британцы и американцы уже обсуждали проблему спасения евреев. Тогда это была встреча советников и политиков второго уровня, и по нерешительности она вполне могла бы конкурировать с Эвианской конференцией 1938-го. Как и в Эвиане, это собрание официально было посвящено не евреям, а беженцам вообще. Как и в Эвиане, британцы не согласились принять много евреев в Палестине. Для освещения деятельности конференции на Бермудах допустили лишь нескольких журналистов. Все достигнутые договоренности остались конфиденциальными, якобы потому, что они должны быть рассмотрены правительствами стран-участниц, но еще и потому, как некоторые подозревали, что ровным счетом ничего не давали. Совет по делам военных беженцев был создан Рузвельтом именно в качестве реакции на этот «ответ» на истребление евреев. Ответ, которого никто не услышал.

К началу июля 1944 года разногласия между Великобританией и США по отношению к миссии Бранда усилились. По мнению американцев, убежище должно быть предоставлено евреям и всем другим, кому грозила неминуемая смерть, а британцы настаивали, что такое предложение может быть сделано только для определенных категорий евреев, например детей

и религиозных лидеров²⁸. А вскоре дискуссия вообще стала неактуальной, потому что 7 июля американцы решили уведомить о целях Йоэля Бранда русских.

Догадаться, почему американцы посчитали важным сообщить русским о предложении Эйхмана, нетрудно. Это был один из наиболее щепетильных моментов в отношениях между западными союзниками и СССР. Да, в Нормандии уже высадился десант, но на востоке ведь Красная армия начала мощное наступление на немецкую армейскую группировку «Центр» – операцию «Багратион», которая значительно превосходила по масштабам действия на Западе. Существовали также нерешенные политические вопросы, обусловленные этим наступлением, о будущем западноевропейских стран, освобождаемых советскими войсками. Американцы почувствовали, что сейчас держать в неведении Советов относительно предложения нацистов, которое могло дестабилизировать альянс, не время. И русские категорически отвергли предложение Бранда, что неудивительно.

Был еще и другой – сенсационный – элемент в его миссии, о котором британцы узнали в Каире, допрашивая Банди Гросса, сопровождавшего Бранда в той поездке. Гросс показал, что высокопоставленные чиновники СС в Будапеште поручили ему использовать этот вояж для организации встречи в нейтральной стране между двумя-тремя старшими офицерами службы безопасности рейхсфюрера и двумя-тремя американскими офицерами такого же ранга, или, в крайнем случае, британскими, с целью проведения переговоров о заключении сепаратного мира между руководителями СД и западными союзниками²⁹. Йоэль Бранд тоже мог предполагать, что реальной целью его миссии было зондирование возможности переговоров с Западом о способах выхода из войны. «У меня сложилось впечатление, – говорил Бранд на суде над Эйхманом в 1961 году, – что Гиммлер использовал евреев в качестве взятки для получения приглашения, дающего доступ к более важным вещам. Эйхман дал мне ясно понять, что идея сделки исходит от Гиммлера»³⁰.

То, что Гиммлер знал о сделке «евреи за грузовики», подтверждается показаниями, данными после войны Куртом Бехером, и другими документами³¹. И действительно, маловероятно, чтобы такая миссия могла состояться без его участия и одобрения. Косвенное разрешение Гитлера на такой подход тоже имелось: еще в декабре 1942 года тот уполномочил рейхсфюрера давать евреям разрешение выкупать себя за твердую валюту – до тех пор, пока это будет приносить ее в необходимых объемах³². И так же маловероятно, чтобы Гиммлер получил от Гитлера санкцию на поиски сепаратного мира с западными союзниками, даже если представить это как попытку внести раздор между ними и Сталиным. Гитлер не чурался дезинформации. Он, в частности, санкционировал распространение в Испании слухов о том, что Советы пытаются заключить мирный договор³³, но все равно трудно представить, что фюрер мог думать о реальных переговорах, и не в последнюю очередь потому, что если бы о них стало известно, то последствия для морального духа немецкого народа были бы катастрофическими.

Что касается Гиммлера, вполне вероятно, что в тот момент он уже мог размышлять, как бы попытаться начать переговоры о выходе из войны. В этом контексте следует упомянуть о загадочной истории вокруг записи о расшифрованной британцами «телеграмме от Гиммлера» 31 августа 1944 года. Информация была направлена непосредственно Черчиллю, которому явно мешало существование такого документа. «Телеграмма от Гиммлера. Получена и уничтожена мной»³⁴ – такую он сделал запись. Это единственное упоминание о послании от рейхсфюрера и, вероятно, лишь одном из тысяч других немецких документов, уничтоженных Черчиллем. Что было в той телеграмме? Предложение о мирных переговорах? Очевидно, этого мы никогда не узнаем.

Спустя несколько месяцев, в декабре 1944 года, один из офицеров СС был шокирован, узнав от своего руководителя, начальника внешней разведки службы безопасности Вальтера Шелленберга, что рейхсфюрер хочет найти способ выйти из войны. «Во второй поло-

вине декабря 1944 года Шелленберг сказал мне, что Гиммлер пытается добиться сепаратного мира, – говорит этот человек. – Бригаденфюрер, доверявший мне, сообщил также, что Гиммлер решил открыть ему свою тайну только потому, что он, как глава немецкой внешней разведки, все равно узнал бы об этом от своих зарубежных агентов. Поэтому он якобы и открылся. Моей первой мыслью было, что Гиммлер – наименее подходящая фигура для переговоров о сепаратном мире. Шелленберг улыбнулся и словно подтвердил ее: “Удивительно, не правда ли? Я это поддержал, хотя уверен, что рейхсфюрер годится на данную роль меньше, чем кто-либо другой”. Иными словами, Шелленберг все прекрасно понимал, но тогда мы уже хватались за любую соломинку»³⁵.

Как нам станет ясно позже, к весне 1945 года Гиммлер предпринял не одну попытку договориться с Западом, предавая, по мнению Гитлера, Германию, так что вполне можно предположить, что и летом 1944-го за Банди Гроссом стоял именно рейхсфюрер. Возможно также, что в то время своими предложениями о сепаратном мире Гиммлер лишь хотел внести раскол в ряды западных союзников. Или уже всерьез подумывал о выходе Германии из войны, то есть полагал, что не предаст ее, а спасает?.. Кроме того, Гиммлер просто еще мог не принять окончательное решение и просчитывал варианты. Невозможно лишь то, что он – человек, который, выступая в Познани в октябре 1943 года, спокойно заявил, что способствовал исчезновению евреев с лица земли, мог бы надеяться на согласие представителей США и Великобритании вступить с ним в переговоры. Впрочем, Генрих Гиммлер всегда отличался тем, что мог принять желаемое за действительное.

В Будапеште Эйхман ждал новостей. В это время – в конце мая и июне 1944 года – он несколько раз разговаривал с женой Йоэля Бранда Хэнси и Рудольфом Кастнером, одним из руководителей венгерского комитета помощи и спасения евреев. Оба пытались уговорить Эйхмана сделать нечто такое, что убедило бы западных союзников – немцы действительно готовы выпустить евреев из Венгрии. В ходе переговоров Кастнер высказал предложение отправить поезд с евреями в нейтральную Швейцарию. Эйхман возражать не стал – это продемонстрировало бы англичанам и американцам честность намерений германской стороны, а заодно дало бы возможность снова обогатиться лично ему, ведь за каждое место в поезде можно было потребовать дополнительную плату (первоначально договоренность предусматривала передачу 1000 долларов за человека, но Бехер настоял на том, чтобы было зарезервировано еще 50 мест для членов семей по 25 000 долларов за место). Для реализации этой идеи были предприняты практические шаги, и 30 июня 1944 года «поезд Кастнера» вышел из Будапешта. Вскоре он уже был за пределами Венгрии, но родственные и дружеские связи Кастнера с рядом пассажиров, включая десять человек из его ближайшего окружения, впоследствии стали объектом критики со стороны еврейского сообщества.

В поезде оказались не только мать и брат Рудольфа Кастнера, но и очень много евреев из его родного Клужа – маленького городка в Трансильвании (388 пассажиров из 1684). Среди них была и 29-летняя Ева Спетер с мужем и сыном. В вагоне они оказались потому, что отец Евы вместе с Кастнером утверждал списки. «Каждый стремился выжить, – говорит она. – Если тебе надо спасти свою жизнь, ты сделаешь это любым способом, даже не самым чистоплотным, когда потребуется. Ты обязан себя спасти! Твоя жизнь – на первом месте, самый близкий себе ты сам, что бы кто ни говорил»³⁶.

Что происходило с депортированными венгерскими евреями, уже не было секретом для Евы Спетер и ее семьи. Они не сомневались, что немцы хотят уничтожить все 11 000 000 евреев, живущих в Европе, включая евреев СССР. Они даже знали, что нацисты травят евреев газом, создавая видимость, что отправляют их в душ. Перед отъездом из Будапешта выяснилось, что обо всем этом известно не только им – многие в курсе того, что немцы отправляют евреев на смерть. Вот воспоминания Евы. «К нам подошла женщина, судя по внешнему виду – работница. Она посмотрела на моего сына, а мы все были с желтыми звездами, и сказала:

“Оставь мальчика мне, я о нем позабочусь. Он останется жив. Не допусти, чтобы ребенка убили вместе с тобой”. Конечно, сына я не отдала, но подумала – работница, которую я вовсе не знаю, хочет, чтобы это дитя осталось живо, выросло: еврейское дитя. Я не могу держать особого зла на венгров...»³⁷

Итак, 30 июня «поезд Кастнера» покинул Будапешт. Ева Спетер все еще не верила, что немцы сдержат слово, и, когда состав остановился в австрийском Линце, ее охватила тоска. Евреям предложили выйти – они должны пройти медицинское освидетельствование и... принять душ. Ева вспоминает: «Я стояла обнаженная перед врачом и старалась смотреть ему в глаза спокойно. Я думала: пусть он увидит, как гордая еврейка готова встретить смерть». Однако в душевой из кранов действительно полилась вода – теплая, приятная... «Очень обнадеживающе. После того, как мы уже были готовы умереть здесь»³⁸. В данном случае это на самом деле были медосмотр и санитарная обработка.

И тем не менее пунктом их назначения оказалась не Швейцария. Евреев привезли на север Германии – в концентрационный лагерь Берген-Бельзен. Один из его секторов был отведен для так называемых заключенных для обмена, то есть тех, за кого нацисты могли получить выкуп. Здесь евреи содержались в гораздо лучших условиях, чем в других лагерях. Шмуэль Хуперт, попавший туда вместе с матерью в 1943 году, вспоминает, что в Берген-Бельзене было нормальное питание, а еще он там научился играть в шахматы³⁹. Евреи с «поезда Кастнера» тоже находились в привилегированном положении, и после нескольких месяцев переговоров подавляющее большинство из них наконец оказались в безопасной Швейцарии.

После войны Рудольфа Кастнера осуждали не только за то, что он предоставил места в поезде своим родственникам и многим друзьям, но и за то, что обрек на смерть десятки тысяч венгерских евреев, не предупредив, что нацисты планируют депортировать их в Освенцим. По первому пункту он был признан виновным, но по второму доказательства оказались не столь убедительными. Действительно, приехав в родной Клуж, Кастнер никому там не рассказал о реальных намерениях нацистов, однако есть сильные сомнения, что его вмешательство могло как-то изменить ситуацию. Еврейские организации, существовавшие в Венгрии, в частности «Бней Акива» – молодежное крыло религиозно-сионистского рабочего движения, прилагали немало усилий, чтобы предупреждать евреев в разных районах страны об опасностях, которые им грозят, но верили им далеко не всегда⁴⁰. Отчасти это объясняется тем, что у евреев там не имелось особого выбора – ни гор, ни густых лесов, в которых можно было скрыться, а многие местные жители являлись антисемитами. Свою роль сыграло и нежелание даже думать о том, что кошмарные слухи могут оказаться правдой. «Люди словно не слышали то, что им говорили, – утверждает Ева Спетер, – потому что не хотели верить в худшее. Человеку свойственно не хотеть в это верить. Люди всегда надеются на что-то лучшее... Надежду человек обретает с самого рождения...»⁴¹

Кастнер знал о массовых умерщвлениях в Освенциме, потому что читал отчет, который написали бывшие узники Рудольф Врба и Альфред Ветцлер, которым в апреле 1944 года удалось бежать из лагеря и вернуться к себе на родину, в Словакию. На 35 страницах данного отчета были описаны география лагеря смерти, практикующийся в Освенциме-Биркенау в течение почти двух лет метод массовых убийств в газовых камерах, а также события в Освенциме начиная с апреля 1942-го. Это было первое свидетельство заключенных Освенцима, которое в силу своей точности и достоверности вызвало резонанс на Западе. Биркенау там считали трудовым лагерем, центром целой сети других таких же объектов. В частности, Рихард Лихтхейм из еврейского агентства в Женеве, до появления отчета Врбы–Ветцлера полагал, что целью депортации евреев в Освенцим было обеспечение рабочей силой промышленных центров Верхней Силезии⁴². Отчет бывших его узников не оставил места для сомнений в реальной роли Освенцима. В нем, повторим, точно и подробно описывались начало работы

новых крематориев с газовыми камерами в Биркенау в 1943-м. Детальность отчета неудивительна – о том, что там происходило, двум словакам рассказал член рабочей команды одного из крематориев Филип Мюллер. После войны он свидетельствовал: «Я передал Альфреду [Ветцлеру] план крематория и газовых камер, а также список эсэсовцев, которые служили на этом объекте. Кроме того, я отдал им записки, которые делал одно время, о том, как почти всех прибывающих умерщвляют газом в крематориях IV и V. Я подробно описал процесс уничтожения, чтобы они смогли поведать об этом всему миру»⁴³.

В Будапеште подробности отчета Врбы – Ветцлера узнали в мае 1944 года. К концу июня эта информация достигла Лондона, а в начале июля – Вашингтона. Теперь, имея на руках документальные свидетельства, разные главы государств – от президента США до короля Швеции – выразили адмиралу Хорти резкий протест по поводу депортации венгерских евреев. Даже папа римский направил ему 25 июня письмо с призывом пересмотреть свои действия⁴⁴. Архиепископ Дженнаро Веролино, представитель дипломатической миссии Ватикана в Будапеште, вспоминает, что даже до того, как появился отчет Врбы – Ветцлера, они пришли к выводу, что «принудительный труд за границей» означает депортацию. А депортация означает истребление, уничтожение... «Мы начали протестовать; сначала выступил папский нунций, а затем и другие дипломаты»⁴⁵. Евреи Будапешта получили от них 15 000 охранных грамот. «Такая грамота однажды спасла мне жизнь, – говорит Ференц Винер, венгерский еврей. – Во время облавы я предъявил эту бумагу немецкому офицеру, и он позволил мне уйти»⁴⁶. Этот и подобные ему случаи дали Герхарду Ригнеру, во время войны руководившему женевским бюро Всемирного еврейского конгресса, повод утверждать, что хотя бы в те дни Ватикан последовательно принимал верные решения, но сие единственный их пример в том, что касается Холокоста⁴⁷.

Адмиралу Хорти предстояло решить, что делать. Настаивать на прекращении депортации в Освенцим и тем самым вызвать гнев немцев или позволить им действовать дальше, не обращая внимания ни на какие протесты? Вожди Третьего рейха, в частности Йозеф Геббельс, были уверены в том, что Хорти выберет второй вариант, и не только потому, что смогли заставить адмирала «пригласить» вермахт в свою страну и сотрудничать с СД и СС в депортации еврейского населения, но и потому, что, по их мнению, регент Венгерского королевства сам был рад избавиться от евреев. «В любом случае, – писал Геббельс в своем дневнике 27 апреля 1944 года, – Хорти больше не чинит препятствий очищению общественной жизни в Венгрии; напротив, он теперь смертельно ненавидит евреев и не возражает против использования их в качестве заложников. Он даже сам это предлагал... Как бы то ни было, венгры не нарушат ритм решения еврейского вопроса. Тот, кто сказал “А”, должен сказать “Б”, и венгры, начав *Judenpolitik*, по этой причине не могут ее прекратить. С определенного момента эта политика развивается сама»⁴⁸. Очень красноречивая запись, поскольку рейхсминистр пропаганды откровенно заявляет, что немцы смогут заставить своих союзников участвовать в решении «еврейского вопроса». А если их руки окажутся запятнаны кровью, у тех не будет иного выхода, кроме как остаться с Германией до конца.

Хорти тем не менее выбрал первый вариант. Да, он уже более чем достаточно скомпрометировал себя, но 6 июля сказал, что Венгрия прекращает высылку со своей территории евреев. Через три дня депортация действительно приостановилась. Если адмирал Хорти посчитал возможным санкционировать ее, когда существовали только слухи – сколь бы убедительными и ужасающими они ни были – о том, что евреев убивают, то теперь, когда появились неопровержимые доказательства того, что евреев отправляют на верную смерть, он нашел в себе силы сказать нет. Конечно, свою роль сыграло то, что Миклош Хорти лично стал получать протесты от представителей международного сообщества. И безусловно, нельзя забывать, что под непосредственными ударами союзников оказался сам Будапешт: 2 июля американская авиация

бомбила венгерскую столицу. Теперь, когда западные союзники вели бои во Франции, а Красная армия наступала в Восточной Европе, исход войны стал ясен – Германия ее проиграет, и настанет день, когда победившие державы призовут к ответу сателлитов агрессора. В прекращении депортаций адмирал Хорти видел шанс создать себе алиби. Алиби в том смысле, как его понимают, когда ищут обстоятельства, свидетельствующие о непричастности к инкриминируемым подозреваемым преступлениям. И венгерский диктатор такой шанс получил. После окончания войны 77-летний Миклош Хорти не был предан суду как военный преступник, хотя на этом по обвинению в массовых убийствах, организованных венгерскими военными в Воеводине в 1942 году, настаивало правительство Югославии, и переехал с семьей в Португалию, в Эшторил – приморский городок неподалеку от Лиссабона, где прожил еще почти 13 лет. Умер он в 1957 году.

Немцы, уже депортировавшие из Венгрии в Освенцим 430 000 евреев, после заявления Хорти решили немного выждать, тем более что все службы безопасности Германии сейчас были заняты совсем другим – искали предателей в самом рейхе. 20 июля 1944 года группа высокопоставленных офицеров вермахта совершила попытку покушения на Гитлера, взорвав бомбу в его штаб-квартире в Восточной Пруссии. Фюрер серьезно не пострадал и сразу после заговора выступил по радио с обращением к нации, обещая жестоко покарать всех участников мятежа. В ближайшие недели гестапо провело подробное расследование. Всех, кто имел хоть малейшее отношение к главным участникам заговора, арестовали или допрашивали. Во время обысков были обнаружены дневники и переписка заговорщиков, вскрылись предыдущие планы переворота и убийства фюрера. И начались новые аресты ...

После покушения Гитлер, всегда очень раздражительный, стал раздражительным до предела. Вот свидетельство генерала Гейнца Гудериана, нового начальника Генерального штаба сухопутных войск: «...он [Гитлер] давно испытывал глубокое недоверие к человечеству в целом и к генералам и офицерам Генерального штаба в частности. Но теперь это переросло в чувство ненависти... С ним давно уже было сложно иметь дело, но теперь это превратилось в пытку, которая от месяца к месяцу становилась все мучительнее. Он часто терял контроль над собой и впадал в ярость»⁴⁹.

Через месяц Германию ждал другой удар, и нанесла его Румыния – дотоле верная союзница. Гитлер, встречавшийся с маршалом Антонеску 5 августа, использовал все свои риторические таланты, чтобы убедить его продолжать борьбу до победного конца, но одних слов, чтобы изменить жестокую реальность для румынских солдат на Восточном фронте, оказалось недостаточно. Красная армия нанесла в ходе Яско-Кишиневской операции тяжелое поражение германо-румынским войскам. В Румынии началось восстание. 23 августа король Михай I вызвал маршала Антонеску во дворец и потребовал от него немедленного заключения перемирия с Красной армией. Антонеску отказался, заявив, что об этом необходимо предупредить их союзницу – Германию. Монарх приказал арестовать Антонеску. Ночью король выступил по радио и объявил о смене власти в стране, прекращении военных действий против СССР и перемирия с Великобританией и США.

Гитлер же менять курс не собирался, и его решимость продолжать войну до тех пор, пока солдаты Красной армии не появятся на улицах Берлина, стала причиной дальнейших ужасающих злодеяний нацистов.

Глава 18

Убийства до конца (1944–1945)

Решение фюрера сражаться во что бы то ни стало обернулось для союзников политическими неоднозначными проблемами. В частности, им теперь нужно было думать о том, что делать с подробной информацией о массовых умерщвлениях людей, совершаемых нацистами в концлагерях – в том же Освенциме, оказавшейся в их распоряжении.

В чем и США, и Великобритания сошлись во мнении, так это в оценке размаха злодеяний. «Нет сомнений, что это, вероятно, величайшее и самое ужасное преступление в истории человечества, – писал 11 июля 1944 года Черчилль, – и оно совершено с применением научного механизма формально цивилизованными людьми во имя великого государства и одной из просвещеннейших наций Европы... Необходимо сделать публичные заявления, чтобы каждый, имеющий к этому отношение, был найден и приговорен к смерти»¹. Между тем непосредственной помощи евреям, погибающим в Освенциме, выражение негодования и угроз само по себе, разумеется, оказать не могло.

Разные еврейские организации и группировки предлагали практический ответ на эти чудовищные преступления – бомбить лагерь. В июне 1944 года Всемирный еврейский конгресс в Женеве призвал Соединенные Штаты Америки уничтожить газовые камеры, и Черчилль, узнав об этом, 7 июля написал Энтони Идену: «Выжмите все, что можно, из военной авиации и сошлитесь на меня при необходимости»², но в итоге идея бомбардировки Освенцима была отвергнута. В Великобритании военные предложение встретили без энтузиазма. Они считали (и не без оснований), что разбомбить газовые камеры в Биркенау и при этом избежать гибели многих заключенных очень сложно. Впрочем, британцы сказали, что друзья-американцы все-таки могут попробовать это сделать – их летчики уже стали специалистами по дневным налетам. Заместитель военного министра США Джон Маккой к идее отнесся прохладно – выразил сомнение в том, что план осуществим в принципе, и сказал, что у бомбардировочной авиации есть более важные задачи³.

Конечно, даже если бы все эти и другие проблемы удалось решить и газовые камеры Освенцима уничтожили бы с воздуха, массовые убийства в лагере не прекратились бы. Год назад операция «Эрнтефест» в Майданеке подтвердила, что для масштабных умерщвлений нацистам не обязательно нужны газовые камеры – из пулеметов можно убить не меньше людей.

Тем не менее небрежность, с которой высокопоставленные военные по обе стороны океана отнеслись к вопросу о бомбардировке Освенцима (при этом один из сотрудников Маккоя отметил, что генерал готов «зарубить» саму идею⁴,) заставляет нас обратиться к другой теме. Суть ее выражена в вопросе, который поставил перед союзниками Давид Бен-Гурион, председатель Еврейского агентства и впоследствии один из основателей Государства Израиль, в выступлении 10 июля 1944 года: «Если бы вместо евреев тысячи английских, американских или русских женщин, детей и стариков ежедневно подвергались бы пыткам, если бы их сжигали в ямах и травили в газовых камерах – вы поступили бы так же?»⁵

Ответ на этот вопрос наверняка был бы отрицательным. И союзники точно вели бы себя иначе, если бы, к примеру, в газовых камерах Освенцима умирали британские заключенные. Свидетельства, подтверждающие это утверждение, есть. Как мы уже знаем, в 1943 году, во время конференции, проходившей на Бермудах, союзники не проявили особого желания принимать в свои страны большое количество евреев – даже при том, что в конце 1942-го они осудили уничтожение евреев нацистами. В марте 1943 года, за месяц до встречи на этой замор-

ской территории Великобритании, британский министр иностранных дел Энтони Иден заявил в Вашингтоне, что подходить к предложению забрать всех евреев из страны необходимо очень осторожно: «...если мы на это пойдем, то евреи со всего мира могут захотеть от нас таких же действий, как в отношении Польши и Германии. Гитлер тоже может сделать нам такого рода предложение, но в мире просто не хватит кораблей и транспортных средств, чтобы это реализовать»⁶. Перефразируя вопрос Бен-Гуриона в свете слов Идена, считает ли кто-нибудь, что такое оправдание было бы принято в случае, если бы немцы планомерно уничтожали британских или американских военнопленных? Допустили бы британцы и американцы, чтобы их солдаты умерщвляли лишь потому, что нельзя найти достаточно кораблей и переправить их через Ла-Манш, тем более что во время войны отыскалось столько судов, сколько нужно было для перевозки нескольких сотен тысяч захваченных в плен солдат противника через Атлантику в Северную Америку? Нет, объяснение Идена просто неправдоподобно.

Еврейка Линда Бредер, пережившая все ужасы Холокоста, говорит: «Бог забыл о нас... И военные забыли о нас, им было все равно, что происходило, хотя они знали, что творилось в Освенциме». Линда вспоминает: «Мы хотели, чтобы они разбомбили лагерь, по крайней мере, мы могли бы сбежать, но сотни и сотни самолетов пролетали над нами бомбить другие объекты в Польше, а мы смотрели в небо и не видели бомб. Этого мы просто не могли понять»⁷.

Позиция союзников в отношении евреев была простой: единственный способ прекратить их уничтожение – победить нацизм. Летом 1944 года эта стратегия увенчалась локальным успехом. В конце июля Красная армия освободила Майданек. Этот концлагерь поверг в шок весь мир. Отступавшие немцы не успели уничтожить большую часть сооружений, и крематорий с газовыми камерами стал неопровержимым доказательством злодеяний нацистов. «То, о чем я здесь собираюсь писать, слишком огромно и страшно для того, чтобы полностью его осмыслить», – признал корреспондент «Красной звезды» Константин Симонов, побывавший в лагере в августе 1944 года. Он рассказал читателям, как функционировали газовые камеры: «Специальная команда, надевшая противогазы... засыпала туда из круглых коробок “Циклон”»³. Симонова потрясли горы обуви казненных здесь за три года. «Обувь не помещается в бараке, она вываливается из окон и из дверей наружу. В одном месте ее тяжесть проломилась стену, и часть стены вывалилась вместе с горами обуви... Трудно представить себе что-либо страшнее этого зрелища»⁸.

В начале июля, когда перестали идти эшелоны из Венгрии, а через пару недель было уничтожено большинство обитателей лодзинского гетто, массовых «акций» в Освенциме стало меньше. Администрация тут же приняла решение сократить число членов рабочих команд крематориев. Во время наплыва составов из Венгрии их было 900 человек, а теперь столько не требовалось. Сократить у нацистов значило уничтожить. «Мы всегда понимали, что придет и наш черед. Только не знали, когда настанет конец», – признается Дарио Габаи, один из членов таких рабочих команд Биркенау. Конечно, эсэсовцы и мысли не допускали, что свидетели их зверств останутся живы, особенно после того, как миру стала известна правда о Майданеке. В конце сентября шарфюрер СС Буш приказал рабочей команде крематория IV построиться и призвал «добровольцев» сделать шаг вперед. Нужны 200 человек, их переведут в новый лагерь. Узники, знавшие, что число эшелонов резко уменьшилось, не сомневались в том, что «новым лагерем» окажется газовая камера для них самих. «Я подумал, неужели Буш настолько наивен, – писал впоследствии Филип Мюллер из этой рабочей команды, – что надеется, что кто-то из нас сам сделает шаг навстречу собственной смерти?»⁹ Неудивительно, что добровольцев не нашлось. Шарфюреру пришлось лично отобрать 200 человек. Той ночью – беспрецедентный случай – эсэсовцы сами жгли тела в печах. Они сказали, что сжигали тех, кто погиб

³ Цит. по: Красная звезда. 1944. 10–12 августа.

во время налета вражеской авиации. Уцелевших членов рабочих команд нацистам обмануть не удалось, и их подозрения о судьбе своих товарищей подтвердились, когда наутро в печах обнаружили фрагменты нескольких тел, обгоревшие, но еще узнаваемые... Вскоре эсэсовцы дали капо приказ составить список еще 300 заключенных, которых якобы тоже переводят на «новый объект», и члены рабочих команд решили продать свою жизнь подороже¹⁰.

Как мы уже знаем, требования к безопасности в Освенциме были намного выше, чем на таких фабриках смерти, как Собибор и Трешлинка. Здания крематориев с газовыми камерами располагались на огороженной территории внутри гигантского комплекса Освенцим-Биркенау, вокруг которого находилась охраняемая территория «зоны интересов» Освенцима. Попытки массового неповиновения тем не менее бывали и здесь. Наиболее известен из них так называемый бунт поляков в Биркенау, произошедший 10 июня 1942 года. Тогда на прорыв пошли 50 человек, и достоверно известно об одном оставшемся в живых.

7 октября 1944 года члены рабочей команды крематория IV, полностью отдавая себе отчет в том, что их шансы на побег ничтожно малы, напали на эсэсовцев. У них были лишь топоры и кое-какой другой инструмент против огнестрельного оружия, но узникам удалось поджечь крематорий. В крематории II услышали, что по соседству что-то происходит, и тоже набросились на охрану. Заключенные убили двух эсэсовцев и одного из них даже бросили в горящую печь. Узники смогли выйти за периметр лагеря, но тут к эсэсовцам прибыло подкрепление. Ни один из участников бунта, а их было около 250, не спасся, а потом нацисты расстреляли еще 200 человек¹¹. Хенрик Мандельбаум, тоже служивший в одной из рабочих команд крематориев Освенцима, говорит: «Нас уложили ничком, руки за спину, и убили каждого третьего. Несколько моих друзей погибли... Остальным пришлось вернуться к работе. Особой надежды у нас никогда не было. Я рассказываю все так, как происходило...»¹² Несмотря на пережитые испытания, став свидетелем смерти своих родных и гибели товарищей, Хенрик до сих пор считает, что те, кто оказывал сопротивление, были правы. «Мы были живыми трупами, это нельзя забывать. Сегодня мы разговариваем свободно, ничего не боимся, можем делать предположения, можем ставить вопросы, можем складывать и вычитать, но тогда все было иначе. Люди были обречены и знали об этом»¹³.

После войны тем, кто выжил в Освенциме, порой приходилось выслушивать язвительные замечания об отсутствии мужества, неспособности к сопротивлению. Галина Биренбаум вспоминает, что в 1947 году, уже оказавшись в Израиле, пребывала в глубочайшем смятении, когда ей в кибуце говорили: «Вы просто шли как бараны. Вы не защищались. Почему вы не сопротивлялись? Что с вами произошло? Вы сами виноваты! Вы ничего не сделали. С нами бы такого не случилось. Не рассказывай нам об этом. Это позор. Не рассказывай молодым, ты подорвешь их боевой дух»¹⁴.

История восстания рабочей команды крематория IV в октябре 1944 года показывает, как несправедливы подобные обвинения. Эти люди не шли как бараны на бойню. Они оказали сопротивление и все погибли. Они расстались с жизнью, потому что успешное восстание в Освенциме в принципе было невозможно. Освенцим просуществовал четыре с половиной года. За это время в него отправили больше 1 000 000 человек, и только 800 удалось бежать. Но скрыться сумели меньше 150, и к тому же неизвестно, сколько из них погибли позже¹⁵. Другими словами, от побега заключенных удерживало не отсутствие мужества, а отсутствие возможности.

Ко времени восстания рабочей команды крематория IV Освенцима Германия потеряла еще кое-кого из своих союзников. 8 сентября Красная армия вступила на территорию Болгарии, и буквально через несколько часов болгары последовали примеру итальянцев и румын – перешли на другую сторону и объявили войну Германии. Меньше чем через две недели из войны вышла и Финляндия¹⁶. Бывшие друзья Гитлера признали неизбежное – Германия про-

играла войну. Даже представители нацистской элиты искали пути спасения. Когда, например, Геббельсу через свои источники информации в Японии стали известны слухи о том, что Сталин, возможно, согласится на сепаратный мир, он написал письмо Гитлеру в поддержку этой идеи. «То, что мы можем приобрести, – читаем мы в этом документе, датированном 20 сентября 1944 года, – конечно, не станет победой, о которой мы мечтали в 1941-м, но все равно это может стать величайшей победой в истории Германии. И тем самым будут оправданы жертвы, понесенные немецким народом в войне...»¹⁷ Фюрер даже обсуждать все это не захотел. Для него существовало только два варианта развития событий: Германия либо победит, либо будет уничтожена. Другими словами, то, что было величайшей силой вождя нации в глазах таких его сторонников, как Геббельс, – отказ идти на компромисс – теперь оборачивалось его величайшей слабостью.

Следствием непримиримости Гитлера стало и продолжение страданий евреев. Из Словакии, в частности, после того как в стране было подавлено национальное восстание, с сентября по декабрь 1944 года немцы депортировали более 12 000 евреев. В Венгрии решение фюрера не позволить адмиралу Хорти вывести страну из войны оказалось роковым для евреев. Напомним, в начале июля высылка их была приостановлена. Хорти начал строить планы, как заключить мир с союзниками. В начале октября венгерская делегация побывала в Москве и даже подписала там некий договор. Ответ немцев последовал незамедлительно. 15 октября в Венгрию прибыл Отто Скорцени – «диверсант рейха». В прошлом году, тогда еще в звании гауптштурмфюрера СС, он руководил операцией по освобождению итальянского диктатора Бенито Муссолини, находившегося после свержения в заключении (на эту роль Скорцени выбрал лично Адольф Гитлер). Теперь в его задачу входило помешать сепаратным переговорам о мире, которые вел с Советским Союзом регент Венгерского королевства Миклош Хорти. Скорцени и его подчиненные провели операцию «Фаустпатрон», в результате чего в их руках оказался Миклош Хорти-младший – сын адмирала. Заложника закатали в ковер и доставили в Австрию – в лагерь Маутхаузен. Под угрозой лишения сына жизни Хорти передал власть прогерманскому правительству Ференца Салаши, лидера партии скрещенных стрел. Венгрия продолжила участие в войне на стороне Германии. Сам Хорти до окончания боевых действий жил в качестве «гостя» Гитлера в замке в Баварии.

Итак, венгерские евреи снова оказались в опасности. В середине ноября Эйхман уже обсуждал с Салаши возможность их депортации – на этот раз не в Освенцим, а непосредственно на территорию рейха в качестве рабочей силы. Проблемой стало отсутствие средств транспортировки десятков тысяч человек на запад, но нацисты ее решили. Если евреев нельзя перевезти поездами или на грузовиках, они пойдут пешком. Всего-то около 200 километров. И в конце ноября 1944 года 27 000 венгерских евреев пошли... Следом за ними должны были отправиться еще 40 000 человек. Конечно, ничего хорошего из этого не вышло, настолько, что, увидев колонны бредущих без сил евреев, группа офицеров СС направила рапорт Отто Винкельману, главе СС и полиции Венгрии. Невероятно, но одним из тех, кто его подписал, был Рудольф Хесс, некогда комендант Освенцима, сейчас занимавший высокий административный пост в руководстве СС. Дело не в том, что у Хесса внезапно прорезалось чувство гуманизма, а в том, что он, как и другие, не видел смысла переправлять евреев в рейх таким образом, потому что по прибытии работать никто из них не сможет¹⁸. И Курт Бехер, участвовавший в переговорах с венгерскими евреями в прошлом году, пожаловался Гиммлеру на действия Эйхмана. В результате в ноябре 1944-го в личном поезде рейхсфюрера в районе Шварцвальда на одном из совещаний произошло невероятное – Гиммлер приказал Эйхману прекратить депортацию и при этом сказал: «Если до сей поры вы уничтожали евреев, то отныне станете их покровителем»¹⁹.

Это поразительное, совершенно невозможное распоряжение Гимmlера, равно как и реакция Хесса, объясняется, разумеется, не изменением идеологии, а чисто практическими соображениями – причем не только желанием использовать евреев как потенциальную рабочую силу, а заодно и заложников – в случае переговоров с союзниками, но и пониманием военных реалий. И Гимmlер, и Эйхман знали, что Красная армия подходит к границе Венгрии. Дискуссии по поводу дальнейшей депортации венгерских евреев вскоре действительно стали представлять лишь теоретический интерес. К концу декабря советские войска окружили Будапешт. Гитлер объявил город укрепленным районом и призвал гарнизон и жителей держать оборону до последнего – защитника, патрона, вздоха. Последовавшее сражение продлилось до 13 февраля 1945 года. В ходе него погибло около 40 000 гражданских лиц. А после того как город пал, красноармейцы изнасиловали несколько тысяч его жительниц (по некоторым оценкам, до 50 000)... Барна Андрасофский, студент-медик, был свидетелем последствий одного такого эксцесса в поселке на окраине Будапешта. Его попросила о помощи молодая женщина, которая сказала, что подверглась групповому изнасилованию десяти или пятнадцати советских солдат. Остановить обильное внутреннее кровотечение Барна не смог. «Очень трудно смириться с тем, что такое происходило... – говорит он. – Было тяжело сознавать – то, о чем твердила нацистская пропаганда, правда. Но мы стали свидетелями этого. И слышали о множестве подобных кошмарных случаев»²⁰.

Данные факты приводятся в книге о Холокосте потому, что они в очередной раз напоминают: истребление евреев происходило в контексте чудовищно жестокой, страшной войны, хотя их, разумеется, нельзя рассматривать как основание для какого-либо оправдания преступлений нацистов. Отметим при этом, что ужасающие будапештские сцены после прихода Красной армии в Бухаресте или Софии не повторились. Во многом на такие и другие страдания венгров обрекли нацисты, ведь важнейшей предпосылкой злодеяний красноармейцев в Венгрии стало решение Гитлера не допустить того, чтобы она, как Румыния или Болгария, перешла на сторону противника. И этого вождям Третьего рейха добиться не удалось – в конце концов 30 декабря в окруженном Будапеште новое венгерское правительство, пришедшее к власти при поддержке Советов, объявило Германии войну.

Гитлер между тем продолжал говорить о своей ненависти к евреям. 25 сентября 1944 года фюрер заявил об известном ему стремлении «...еврейско-интернациональных врагов Германии к ее тотальному уничтожению»²¹, а 12 ноября в Мюнхене прозвучали слова о дьявольском желании евреев разрушить рейх²². В Баварии по поручению фюрера выступал Гимmlер, но идеи неоспоримы. Просто Гитлер в очередной раз не захотел появляться на публике тогда, когда дела шли плохо. Тем не менее вождь нации изумлялся непостижимой, как он заявил, абсурдности западных демократий, заключивших альянс с большевиками, и заявлял, что порочность этого решения станет очевидна, как только все осознают: за глупостью и слабостью человека, его слабохарактерностью, с одной стороны, и недостатками – с другой, всегда стоят евреи. «Евреи являются манипуляторами демократий, а также создателями и движущей силой международного зверя – большевизма». Гитлер оставался верен себе – эти же самые аргументы он приводил в мюнхенских пивных в начале 1920-х годов, когда обвинял евреев одновременно в большевизме и «крайностях» капитализма.

В обращении к немецким солдатам в канун 1945 года фюрер говорил о том, что Германия ведет беспощадную борьбу на всех фронтах, ведь целью противостоящего ей еврейского интернационального мирового заговора является уничтожение *Volk*. «Еврейско-восточный большевизм в своих разрушительных стремлениях отражает цели еврейско-западного капитализма»²³.

В тот день, когда по радио звучало новогоднее послание Гитлера своим войскам, их враги – большевики – были уже недалеко от Освенцима. В лагере в это время оставалось около 67

000 узников. 12 января армии 1-го и 4-го Украинских фронтов подошли к Кракову, от которого до Освенцима оставалось чуть больше 50 километров. У администрации был приказ не допустить, чтобы узники оказались в руках противника, и эсэсовцы отправили большую часть находившихся в лагере заключенных – около 58 000 человек – маршем на запад. 9000 оставшихся – их признали неспособными идти – должны были расстрелять до того, как Красная армия подойдет к лагерю. Штурмбаннфюрер СС Франц Ксавьер Краус и его подручные, получившие этот приказ, успели уничтожить около 300 узников в Биркенау и еще несколько сотен в четырех прилегающих лагерях, но большинство больных и ослабленных узников Освенцима остались живы. И опять же произошло это не потому, что эсэсовцы вдруг устыдились, а потому, что наступление Красной армии было столь стремительным, что они сами еле успели покинуть лагерь²⁴.

Выжили и некоторые члены рабочих команд крематориев Биркенау. Морис Кесельман, один из них, вспоминает, что, пока тысячи узников топтались на месте, дожидаясь своей очереди присоединиться к колоннам, покидающим лагерь, капо его блока, французский еврей, сказал, что лагерь ликвидируется и сейчас за их бараком не видно ни одного эсэсовца. «Мы выскользнули, – говорит Кесельман, – смешались с другими заключенными и пошли из лагеря».

18-летний Морис всеми силами стремился выжить. В Биркенау при селекции он старался встать рядом с теми, кто выглядел слабыми. «Если не он – значит, я, – говорит Кесельман. – Чувствовал ли я себя виноватым? Чувствовал, но что тут можно было сделать?.. В тот момент я думал лишь о себе. В моем положении не до помощи другим»²⁵. Морис оказался в рабочей команде крематория. То, что им приходилось делать, было ужасно, но это шанс выжить... Он ведь молод... Кесельман вспоминает, что самоубийства в лагере, бросаясь на колючую проволоку под током, совершали преимущественно пожилые люди, чаще всего хорошо образованные. Морис считает, что молодым и не таким уж умным было легче приспособиться к ситуации, в которой все они оказались. Будучи членом рабочей команды крематория, он имел доступ к одежде убитых евреев, поэтому в январе 1945 года, когда отправился маршем из лагеря, был тепло одет. «На мне была русская меховая шапка, хорошее пальто и очень удобные зимние ботинки. А еще, уж не знаю, что меня на это подтолкнуло, я набил карманы кусками сахара. Почему я так сделал, не знаю. Все брали с собой другие продукты. Сахар и снег, соединенные вместе, – благодаря им я выжил»²⁶.

Впоследствии передислокацию заключенных из Освенцима и других нацистских концлагерей зимой и ранней весной 1945 года называли маршами смерти. Дарио Габаи, другой член рабочей команды крематория, которому удалось влиться в колонну, вспоминает, что эсэсовцы пристреливали всех, кто не мог идти²⁷. Сильвия Весела, словацкая еврейка, проведенная в Освенциме больше двух лет, подтверждает – тех, кто не мог идти дальше, тут же убивали. «Мы шли все вместе, мужчины и женщины. На дороге за нами лежали трупы...»²⁸

Охранники убивали не только тех узников, которые больше не могли идти, но и тех, кто останавливался помочиться либо завязать шнурки. В первый же вечер оказалось, что амбаров или других укрытий хватало далеко не для всех, и многим пришлось провести ночь под открытым небом²⁹. После нескольких дней пути, как вспоминает чешский еврей Иби Манн, ему уже казалось, что настал конец света. «Это было очень тяжело. Людей в колоннах оставалось все меньше и меньше... Мы даже есть уже не хотели, но нас мучила жажда. Она была невыносимой... То тут, то там кто-то падал. Человек падал, и тут же раздавался выстрел»³⁰.

Большинство колонн шло в двух направлениях: либо к Гливице в 50 километрах к северо-востоку от лагеря, либо на Водзислав, примерно на таком же расстоянии к западу. Там узников погрузили на открытые железнодорожные платформы. Морис Венеци, греческий еврей,

вспоминает ужасный холод, всех их заваливало снегом... Словом, до лагерей, расположенных подальше от линии фронта, многие не доехали³¹.

Через несколько дней после начала марша смерти из Освенцима в концентрационном лагере Штуттгоф в Восточной Пруссии тысячи узников тоже выгнали за ворота. В путь отправились примерно 11 000 заключенных из Штуттгофа и близлежащих лагерей, преимущественно евреи. Одни шли в сторону Кенигсберга в Восточной Пруссии, другие – на запад³². На дороге осталось лежать около 2000 тел. «По обочинам, – вспоминает Шошана Рабинович, одна из тех, кто прошел этим маршем по ледящему холоду, – мы видели трупы узников из колонн, которые шли перед нами. Можно было понять, что одни просто рухнули, умерев от голода, других пристрелили – снег рядом с ними был пропитан кровью»³³. 31 января эсэсовцы расстреляли несколько тысяч заключенных на берегу Балтийского моря близ Пальмнигена. Около этого городка было большое месторождение янтаря, и сначала охранники хотели загнать заключенных в выработавшие свой ресурс штольни, чтобы взорвать их, но эта попытка провалилась³⁴. В той бойне выжило около 200 человек.

Комендант Штуттгофа еще шесть месяцев назад получил распоряжение из экономического и административного управления СС, чтобы к концу 1944 года в лагере не осталось ни одного еврея. Выполняя его, в начале осени в Штуттгофе сначала переоборудовали под газовую камеру помещение для дезинфекции, а вскоре приспособили под душегубку один из вагонов стоящего на путях около крематория состава – пусть обреченные на смерть узники думают, что их куда-то повезут³⁵. Но производительность этой «импровизации» оказалась ограниченной, и к концу года в лагере все еще оставалось много евреев – несколько тысяч.

Происходящее в Штуттгофе подтверждает, что, несмотря на указание, данное Гиммлером Эйхману – стать покровителем евреев, решение уничтожить всех их на территории рейха оставалось в силе даже в то время, когда Красная армия вплотную подошла к границам Германии. На местах, конечно, уже начинался хаос, но идеологический императив истребления евреев не изменился. Гиммлер понимал, что по тактическим соображениям имеет смысл поторговаться с союзниками за жизнь определенного числа еврейских заложников, но главная цель оставалась прежней.

Число погибших в маршах смерти ужасает. По некоторым оценкам, почти наверняка минимальным, из 113 000 узников концентрационных лагерей, которые брели по зимним дорогам в январе – феврале 1945 года, погибло более трети³⁶. В Польше местные жители иногда пытались оказать помощь несчастным, проходившим мимо³⁷, но в Германии, где тоже подчас проявлялось сочувствие, общее отношение было менее великодушным. А что касается сочувствия, оно отражено в замечании одного немца, наблюдавшего марш смерти: «Какие же преступления эти люди должны были совершить, чтобы с ними так жестоко обращались...»³⁸

Выжившие во время марша смерти заключенные наконец добирались до места назначения, но впереди их ждали новые страдания. В большинстве случаев они попадали в лагеря на территории рейха, в частности в Бухенвальд или одно из его подразделений – Дора-Миттельбау и Маутхаузен. Около 20 000 бывших узников Освенцима оказалось в Берген-Бельзене, что северо-западнее Ганновера. С 1943 года здесь содержались так называемые заключенные для обмена, но с приходом маршей смерти ситуация в лагере кардинально изменилась, не в последнюю очередь потому, что теперь он был переуплотнен. Если в конце 1944-го тут находились 15 000 узников, то в апреле 1945 года их насчитывалось 60 000. «Берген-Бельзен нельзя описать человеческим языком, – говорит Алиса Лок Кахана, попавшая сюда из Освенцима. – День и ночь слышались стоны: “Мама, воды... Мама, воды!..” День и ночь звучали молитвы». Капо, надзиравшая за группой, в которой находилась Алиса, приходила от всего этого в бешенство и хлестала всех плеткой, чтобы люди умирали молча. Ночью, проходя по бараку, капо пинала

узниц и била ногами. Однажды она наступила Алисе на голову. «Я поняла: если пошевелюсь, капо забьет меня до смерти...»³⁹

Одна полька, католичка, заключенная Берген-Бельзена, вспоминает о прибытии венгерских евреев так. «В декабре 1944 года, в январе и феврале 1945-го тысячи женщин выстаивали по несколько часов на морозе, – говорила она, давая сразу после войны свидетельские показания под присягой. – Состояние несчастных венгерских евреек, особенно пожилых, было ужасным... Многие умирали от холода и голода. Служащие специального подразделения украинских заключенных выносили трупы из бараков и на тележках везли в крематорий. Каждую ночь женщины умирали в бараках, каждый день умирали на плацу во время переключек. Их привозили в эшелонах, которые шли несколько дней, а иногда даже недель, страшно изможденных, размещали в бараках по тысяче, тысяче двести в каждом, на четверых было одно спальное место...»⁴⁰ Еще одна узница вспоминает, что по дороге еврейкам не давали воды. Среди вновь прибывших свирепствовали кишечные и другие инфекции. «Дизентерия и брюшной тиф просто косили людей...»⁴¹

Условия в других лагерях, всегда бывшие ужасными, теперь стали не прекращающимся ни на минуту кошмаром. А события там происходили такие, которым и названия нет... Маутхаузен и прилегающие к нему лагеря превратились в сплошную зону смерти. Только в апреле 1945 года в них погибло более 11 000 заключенных. В Равенсбрюке, расположенном в 90 километрах к северу от Берлина, режим ужесточался на протяжении всего 1944 года, а с января 1945-го там уже работала газовая камера. В этом лагере успели умертвить несколько тысяч человек⁴². Эстер Френкель была отправлена из лодзинского гетто в Равенсбрюк летом 1944 года, и запомнился ей лагерь как сущий ад. «Гетто – отдельная история, – вспоминает Эстер. – Это история голода. Там была борьба за пропитание, за то, чтобы избежать депортации. А в Равенсбрюке была преисподняя – и днем и ночью»⁴³.

Тем не менее в то самое время, когда из концлагерей на территории Польши стали уходить марши смерти, Генрих Гиммлер лично вел переговоры о передаче некоторых евреев представителям нейтральных стран. На определенных условиях, разумеется. В январе 1945 года рейхсфюрер встретился в Шварцвальде с Жаном-Мари Мюзи, обсудил с ним «стоимость» освобождения большой группы евреев, и в начале февраля состав, в котором находились почти 1200 человек, отправился из чешского Терезиенштадта в Швейцарию. Еврейка Рита Рех, попавшая в этот поезд, вспоминает: «К нам пришли эсэсовцы и сказали, чтобы мы привели себя в порядок – причесались, приоделись. Мы должны хорошо выглядеть по прибытии. Немцы хотели, чтобы мы произвели в Швейцарии благоприятное впечатление. Не желали, чтобы там увидели изможденных лагерных узниц...»⁴⁴ Гитлер, узнав об этой «гуманитарной» акции (о ней написали швейцарские газеты), пришел в ярость⁴⁵. Даже при том, что в декабре 1942 года он сам разрешил Гиммлеру отпускать евреев, если сие будет экономически целесообразно, произошедшее показалось фюреру абсолютно неприемлемым. Евреи оказываются в безопасности в то время, как немцы погибают под бомбами вражеской авиации! Словом, Гитлер приказал немедленно все это прекратить. Берндт Фрайер Фрейтаг фон Лорингхофен, один из адъютантов Гудериана, который имел возможность видеть фюрера в те дни, утверждает, что никаких политических решений уже не было. «Внешней политики больше не существовало. Для Гитлера было только военное решение. Политические решения не обсуждались, а если об этом кто-нибудь упоминал, фюрер тут же начинал кричать о пораженческих настроениях»⁴⁶.

Отношения Гиммлера и Гитлера разладились. Отчасти это было вызвано недовольством тем, как проявлял себя рейхсфюрер на посту военачальника. Гитлер недавно назначил его на несколько руководящих должностей, в том числе Гиммлер стал командующим группой армий «Висла». Ни к чему хорошему это не привело: боевого опыта у рейхсфюрера не имелось, а

идеологическая страсть на солдат впечатления уже не производила. Словом, в противостоянии наступающей Красной армии Гиммлер оказался не более успешен, чем все его предшественники. По свидетельству Геббельса, 15 марта 1945 года Гитлер заявил, что Гиммлер несет историческую ответственность за то, что Померания оказалась в руках противника⁴⁷. На следующий день фюрер сказал Геббельсу, что Гиммлер получил от него исключительно суровый выговор⁴⁸. Впоследствии министр пропаганды сам сделал язвительное замечание о военных талантах рейхсфюрера: «Он пытался снискать лавры полководца, но полностью провалился. Добился лишь того, что загубил свою политическую репутацию»⁴⁹.

Впрочем, в начале 1945 года политическая репутация в глазах своих соратников Генриха Гиммлера, похоже, заботила намного меньше, чем впечатление, которое он мог бы произвести на представителей стран-победительниц. Распоряжения фюрера он проигнорировал и активизировал контакты с Западом. В феврале и марте Гиммлер несколько раз встречался с графом Фольке Бернадотом – шведом, одним из руководителей Международного комитета Красного Креста. Они, в частности, обсуждали возможность отправки скандинавских узников концлагерей в Швецию. Сыграл свою роль и личный массажист и физиотерапевт Гиммлера Феликс Керстен, имевший финское гражданство. Керстен убеждал рейхсфюрера отпустить не только скандинавских заключенных, как евреев, так и неевреев, но и евреев – граждан других стран. Керстен имел на Гиммлера определенное влияние. Очевидно, поэтому в середине марта рейхсфюрер и написал ему поразительное письмо, в котором попытался объяснить свои предыдущие действия в отношении евреев. Гиммлер заявил, что всегда был за то, чтобы позволить евреям свободно уехать на запад, но этому помешала война со всей ее иррациональностью. Но теперь он готов оказать помощь, оставив в стороне все разногласия. «Должны восторжествовать мудрость и разум»⁵⁰.

Сегодня слова Гиммлера воспринимаются, разумеется, как чудовищная ложь, но нельзя исключить, что он искренне верил в то, что написал. И все-таки это слова, отражающие реалии параноидального мира, в котором существовали вожди Третьего рейха. Гиммлер вполне мог полагать, что, если бы не помешала война, политика, которую предлагал в 1938 году в Вене Эйхман – обобрать евреев до нитки и выслать куда-нибудь, – могла привести к освобождению рейха от них. Планам нацистов воспрепятствовало, как они утверждали в свое время, только нежелание всего остального мира принять евреев у себя. С точки зрения национал-социалистов, проблема заключалась не в том, что они хотели избавиться от евреев, а в том, что ни одна из стран, принявших участие в Эвианской конференции в 1938-м, не пожелала предоставить им убежище. В таком контексте Гиммлер мог говорить, что истинной жертвой оказалась Германия. Более того, и война – вовсе не ее вина. Конфликт начался потому, что Германии не позволяли вернуть территории, отнятые у нее после Великой войны. Что касается лагерей смерти, они возникли лишь потому, что безрассудно, вопреки своим интересам, действовала Британия, отказавшись летом 1940 года заключить мир. Вот Германии и пришлось начать превентивную войну с большевиками, которые, если бы не немцы, могли захватить всю Европу. Правоту всего этого подтверждает то, что большевики и сейчас рвутся к Атлантике.

Безусловно, это всего лишь домыслы, но в рамках нацистской вселенной аргументы Гиммлера не лишены смысла. Сколь бы возмутительны и лживы ни были его объяснения, письмо Керстену показывает, каким именно образом Генрих Гиммлер надеялся снять с себя вину за Холокост.

Если, обманывая себя относительно судьбы евреев, проблем не испытывал Гиммлер, то что можно сказать о рядовых членах НСДАП и об обывателях? Что им было известно об «окончательном решении еврейского вопроса» и многие ли из них были готовы помогать евреям? Нельзя отрицать, что в Германии существовало определенное сопротивление поведению нацистов. Вспомним хотя бы мюнхенскую группу «Белая роза», в которую входили брат и

сестра Ганс и Софи Шолль. В 1942–1943 годах ее участники проводили мирные антинацистские акции, в частности распространяли листовки. В них «Белая роза» не просто осуждала отношение национал-социалистов к евреям, но и рассказывала о том, что именно творится в концлагерях на территории генерал-губернаторства. Члены группы писали об умерщвлении, причем самым зверским образом, 300 000 евреев в Польше. «Белая роза» назвала это страшным преступлением против человеческого достоинства, преступлением, не сопоставимым ни с каким другим в истории. При этом молодые немцы сочли необходимым добавить следующее: «Евреи – тоже люди, и ваше отношение к еврейскому вопросу не имеет никакого значения; эти преступления совершаются против людей. Возможно, кто-то скажет: евреи заслуживают этой судьбы. Говорить так преступно»⁵¹. Члены «Белой розы» посчитали необходимым выступить против тех, кто был уверен в том, что евреи заслуживают своей судьбы, и это очень важно. Молодые жители Мюнхена знали: раз жертвами были евреи, нельзя рассчитывать на то, что их соотечественники автоматически осудят эти зверства.

Важно помнить и о том, что были среди немцев и такие храбрецы, которые во время войны помогали евреям. Отто Йогмин из берлинского района Шарлоттенбург, например, прятал их в подвале своего дома, снабжал продуктами и лекарствами. Он – один из 587 немцев, удостоенных после войны почетного звания «Праведник народов мира», присваиваемого Израильским институтом Катастрофы (Холокоста) и героизма национального мемориала «Яд ва-Шем»⁵².

Войну в Берлине пережили примерно 1700 евреев. Считается, что помощь им – в той или иной степени – оказывали от 20 000 до 30 000 немецких граждан⁵³. В Варшаве за сопоставимый период помощь получили гораздо больше евреев – жители города прятали примерно 28 000 человек, из которых до освобождения дожили 11 500. Ради их спасения рисковали своей жизнью до 90 000 поляков.

Поразительно, что в Варшаве с помощью неевреев войну пережили почти в семь раз больше евреев, чем в Берлине. Берлин был в три раза больше Варшавы, но в начале войны в нем насчитывалось около 80 000 евреев, а в Варшаве – 350 000. Объяснения этому существуют разные, но самое убедительное из них заключается в том, что среди немецкого населения просто было намного меньше желающих рискнуть головой ради спасения евреев. Один известный историк отмечает: «Многие, возможно значительное большинство населения, в 1939 году, если не раньше, верили в то, что евреи оказывают вредное влияние на немецкое общество, и будет лучше, если те, кто еще остается в стране, ее покинут (или их вынудят покинуть), и чем скорее, тем лучше»⁵⁴. Конечно, это не означает, что многие немцы согласились бы с тем, что евреев следует убивать.

Представления рядовых немцев о судьбе евреев существенно различались. Детальной информации о деятельности лагерей смерти, разумеется, не было, но многие знали, что на Востоке с евреями происходит нечто страшное. В конце концов, как мы уже знаем, Гитлер во многих выступлениях за время войны открыто говорил о реализации своего предсказания об уничтожении евреев в случае новой мировой войны. В связи с этим предметом беспокойства для многих немцев оказалась в большей степени судьба не евреев, а своя собственная – после того, как война пошла не по намеченному плану. В одном из докладов в центральный аппарат СД из Франконии (Южная Германия), датированных декабрем 1942 года, мы читаем: «Среди сельского населения в настоящее время одним из важнейших поводов для беспокойства являются известия из России, в которых говорится о расстрелах и истреблении евреев. У этой части населения такие новости вызывают большую тревогу. У крестьян нет полной уверенности в нашей победе, и существует мнение, что если евреи снова вернуться в Германию, то следует ожидать их мести, и она будет страшной»⁵⁵.

Карл Бликер-Кользат, этнический немец, живший в Вартегау, то есть на территории Польши, сам слышал подобные опасения. Его дядя, узнав, что происходит в Освенциме, сказал: «Если миру когда-нибудь станет известно, что там творится, мы за это дорого заплатим». Карл спросил у матери: «Мама, о чем говорит дядя Вилли?» Она ответила: «Это трудно объяснить... Да и вообще тебе об этом знать не надо». Бликер-Кользат вспоминает: «Мы полагали, что Освенцим – это строгая тюрьма или нечто подобное, где людей, наверное, очень плохо кормят, с ними грубо обращаются, например кричат на них. Не бьют, конечно. И они, получая скудную пищу, вынуждены много работать. Вот как мы себе это представляли. Думали, что они отбывают наказание в строгой тюрьме... Никакого воображения бы не хватило, чтобы представить, что там было на самом деле»⁵⁶.

Когда Манфред фон Шредер, офицер вермахта, перед концом войны узнал, что происходит в Освенциме, он ужаснулся и задал себе вопрос: «Что будет с нами, немцами, когда мы проиграем эту войну?..» А раньше, сражаясь против Красной армии, фон Шредер понял, что человеческая жизнь на войне ничего не стоит. «Если ты слышал, что где-то поблизости расстреляли нескольких советских пленных, партизан или даже евреев, и в тот же день погибли пятеро твоих товарищей – ты спрашивал себя: ну и что? Тысячи гибнут каждый день... Ты думал, как самому остаться в живых. А все остальное тебя не сильно интересовало. Именно так»⁵⁷.

Гиммлер не мог не думать о том, что будет с ним после того, как Германия капитулирует. В рамках принятой стратегии – всеми силами обелить себя – 15 апреля 1945 года он отдал приказ добровольно передать на попечение 21-й армейской группы союзных сил – объединенного англо-канадского соединения – концентрационный лагерь Берген-Бельзен. Но тут еще дело в том, что этот лагерь находился посередине военной зоны, в которой проходили сражения между британскими и германскими войсками, и в ней возникла опасность эпидемии брюшного тифа, способной поразить солдат обеих воюющих сторон.

Для нацистов эта инициатива обернулась катастрофой. Вошедшие в лагерь союзники увидели все его кошмары... «Думаю, британцы самые храбрые люди, которых я встречал в своей жизни, – говорит Якоб Зильберштейн, бывший узник лодзинского гетто, оказавшийся в Берген-Бельзене. – На войне они видели всякое. Всякое, но не такое... А кроме того, в лагере были тиф, дизентерия и все прочее...»⁵⁸ Больных заключенных тут же переместили в госпиталь, расположенный на базе армейской подготовки в непосредственной близости от лагеря, но, несмотря на все усилия британских военных медиков, около 13 000 узников скончались уже после этого.

21 апреля Гиммлер неофициально встретился с Норбертом Мазуром, представителем Швеции во Всемирном еврейском конгрессе, и в разговоре выразил недоумение по поводу того, что союзники не оценили добровольную передачу им Берген-Бельзена⁵⁹. Пытаясь оправдываться, рейхсфюрер повторил многое из той лжи, что была изложена в письме Керстену в середине марта: евреи являлись чуждым элементом для Германии и от них надо было избавиться; евреи представляли опасность, потому что были связаны с большевизмом; он всегда хотел мирной эмиграции евреев, но другие страны не пошли Германии навстречу. Добавились и новые аргументы: все евреи с востока оказались больны брюшным тифом, поэтому в лагерях, чтобы сжигать их тела, пришлось строить крематории; немецкий народ страдает в этой войне наряду с евреями; концентрационные лагеря на самом деле были исправительными и т. д.

Гиммлер и дальше не оставлял попытки изменить свою репутацию к лучшему. 23 апреля он попросил графа Бернадота передать союзникам, что Германия готова безоговорочно капитулировать на Западном фронте – перед Великобританией и США. При этом Гиммлер полагал, что Гитлера уже нет в живых, но просчитался. Фюрер, узнав, что верный Генрих, как он называл Гиммлера, предлагает капитуляцию, пришел в неописуемую ярость. «Новость поразила

весь бункер, – вспоминает адъютант Гудериана Фрейтаг фон Лорингховен. – Гитлера охватило бешенство»⁶⁰. Адольф Гитлер назвал попытку одного из своих ближайших соратников сдаться на милость западных держав самым позорным предательством в истории человечества⁶¹.

30 апреля 1945 года фюрер покончил с собой. Он оставил политическое завещание, в котором заявил, что в 1939 году не хотел войны – конфликт произошел потому, что его желали и развязали исключительно международные государственные деятели либо еврейского происхождения, либо работавшие на еврейские интересы. Кроме того, Гитлер дал понять, что несет ответственность за истребление евреев – больше того, гордится им. Он сказал, что никогда не сомневался в том, что настоящий виновник войны будет наказан. А виновник этот – еврейство. «Я также не оставлял никакой неясности насчет того, что на сей раз настоящий виновник... будет наказан и поплатится за то, что... свою смерть найдут миллионы мужчин, а сотни тысяч женщин и детей сгорят в наших городах или погибнут под бомбежкой». Последние слова второй, заключительной части завещания фюрера таковы: «Прежде всего я обязываю руководство нации и общества строжайшим образом соблюдать расовые законы и оказывать безжалостное сопротивление отравителям мира для всех народов, интернациональному еврейству»⁶².

Гитлер не испытывал раскаяния за страшные бедствия, которые он принес всему миру. Отнюдь. Но он был зол на Запад, в частности на Великобританию, за то, что там не осознали опасность «еврейского большевизма» и не объединились с национал-социалистами в борьбе против него. Ненависть к евреям, как ясно из политического завещания фюрера, до последних минут оставалась одним из его главных чувств. В тот момент, когда Германия рушилась у него на глазах, Гитлер не сожалел о том, что обрел на смерть 6 000 000 евреев.

Этот исторический момент – подходящее время для того, чтобы еще раз оценить роль нацистского лидера в создании и организации Холокоста. Как мы уже знаем, Адольф Гитлер не просто все это спланировал, а потом отдал подчиненным приказ выполнить задачу. Его причастность к этому чудовищному преступлению гораздо сложнее и отражает суть его руководства национал-социалистическим государством. Да, Гитлер, несомненно, был харизматичным лидером, но он не гипнотизировал немцев, чтобы они исполняли его распоряжения. Напротив, он старался убедить их в том, что безусловно прав. «Вся моя жизнь, – говорил Гитлер, – может быть представлена как одно непрерывное усилие убеждать людей»⁶³.

В контексте Холокоста главная роль вождя НСДАП сводится к формулированию цели. Эта цель была достаточно четко определена уже в то время, когда после окончания мировой войны Гитлер пришел в политику. Ненависть к евреям стала его страстью, нередко поглощавшей многое другое. Во всех несчастьях Германии виноваты евреи! Их нужно было нейтрализовать и обезвредить – так или иначе. Как нам уже известно, пути достижения этой цели время от времени менялись в зависимости от того, что Гитлер считал политически приемлемым в данный конкретный момент. Путь к Холокосту отмечен многими ключевыми моментами. Среди важнейших можно назвать нападение на Советский Союз, решение отправлять евреев с территории старого рейха и протектората на восток, достигнутое в августе 1941 года, реакцию на вступление в войну Соединенных Штатов, принятое за океаном спустя несколько месяцев, и приказ начать умерщвление евреев в генерал-губернаторстве летом 1942-го. Самое кошмарное злодеяние в истории человечества стало результатом не одного глобального решения, а целого ряда последовательных, которые в совокупности привели к катастрофе, которую мы называем Холокостом.

Свою роль в развитии Холокоста также сыграла система управления нацистским государством. Даже то, что в лагерях смерти использовались разные способы умерщвления евреев («циклон Б» в Освенциме, выхлопные газы в Трешлинке и мобильные газовые камеры в Хелмно), показывает, как умело лидеры НСДАП стимулировали своих подчиненных к достижению поставленной цели любой ценой – инициативно, оперативно, эффективно.

При этом нужно помнить о другом факте, который часто упускают из виду. Во время войны мысли Гитлера были, безусловно, заняты преимущественно борьбой с противником на полях сражений. Даже при том, что расистские и антисемитские взгляды, присущие ему и много кому еще в нацистской Германии, сделали конфронтацию с евреями неизбежным следствием этой войны, повседневного внимания фюрера требовали военные вопросы. Сказанное выше отчасти объясняет, почему «реализация» Холокоста зачастую происходила, что называется, бессистемно.

Это все не к тому, что Гитлер не является главным виновником преследования и массового уничтожения нацистами представителей различных этнических и социальных групп – советских военнопленных, евреев, цыган, поляков, гомосексуальных мужчин, безнадежно больных и инвалидов и т. д. Разумеется, является. Как говорит один из ведущих мировых специалистов по личности вождя Третьего рейха, нет Гитлера – нет Холокоста⁶⁴. Без Адольфа Гитлера это преступление не совершилось бы так, как оно совершилось. В ключевые моменты он вмешивался⁶⁵. Никто из занимающихся исследованием данного вопроса не опровергает тот факт, что главная вина за Холокост лежит на Гитлере, но эту вину разделяют с ним очень и очень многие.

После ухода из жизни своего создателя Третий рейх просуществовал недолго. Рано утром 7 мая во французском Реймсе начальник штаба оперативного руководства Верховного командования вермахта Альфред Йодль в присутствии британцев и американцев подписал акт о безоговорочной капитуляции. На следующий день в Берлине фельдмаршал Кейтель от имени Германии сделал то же самое перед советскими представителями.

Гиммлер между тем распорядился, чтобы в концентрационных лагерях не осталось в живых ни одного заключенного. Даже в последние часы существования Третьего рейха в них формировались новые марши смерти и еще тысячи людей расставались с жизнью. По некоторым данным, из 714 000 узников, находившихся, например, на начало 1945 года в Дахау и Флоссенбюрге, к моменту капитуляции Германии погибло от 240 000 до 360 000 человек⁶⁶. К слову, во Флоссенбюрге к концу войны темпы уничтожения заключенных достигли таких масштабов, что лагерный крематорий перестал справляться с нагрузкой, поэтому тела сбрасывали в рвы и отвалы, обливали бензином и сжигали. В это время в лагере установили дополнительно шесть виселиц. В апреле здесь были казнены адмирал Канарис и несколько участников прошлогоднего заговора против Гитлера. 20 апреля, при приближении к лагерю войск США, началась принудительная эвакуация в Дахау 22 000 заключенных (остались только те, кто уже не мог передвигаться).

Гиммлер покончил с собой 23 мая, раскусив ампулу с ядом после того, как оказался в плену у британцев и выяснилось, что перед ними не унтер-офицер Генрих Хитцингер, а бывший рейхсфюрер СС и один из главных военных преступников.

Евреям, находившимся в трудовых лагерях и дожившим до освобождения, оно принесло не одну только радость. Жизель Цикович вспоминает, как она вместе с другими узницами-еврейками узнала об окончании войны: «Мы услышали свистки – охранники пользовались свистками, как у полицейских, вызывая всех на построение. Мы побежали. Был, кстати, чудесный солнечный день. Женщины строились на одном краю, очень спешили, потому что мешкать было нельзя. И вдруг услышали из громкоговорителя голос одного из наших охранников: “Сегодня объявлено об окончании войны. Вы все свободны. Можете идти куда хотите и делать, что хотите”... Объясню, почему многих из нас это, что называется, выбило из колеи... Нам сказали, что мы можем идти куда хотим, и я, например, подумала: а куда я хочу идти? Куда я могу пойти? Может, туда, откуда меня увезли?.. Еврейские дома, которые мы оставили... Все, что было у моих родителей, уже растащили, как и вещи других евреев... Хочу ли я туда

возвращаться? Кто пожелает жить там, где все стояли и смотрели, когда с евреями происходила такая страшная беда, кто захочет туда возвращаться? И где в мире есть для меня место?

Я читаю о том, как мир отворачивался от всех просьб позволить нам – евреям – приехать до того, как начались массовые убийства. Никто не хотел принимать евреев, никто... Изра-иля тогда не было... Ни Англия, ни Америка, ни Канада, ни Австралия с ее обширными про-странствами – никто не хотел дать убежище евреям. Как я могла быть счастлива тем, что стала свободна? Мне восемнадцать лет, и кто я? Я никто... Это было очень болезненно осознать. Почему болезненно?.. Потому что за минуту до того, как я поняла, что свободна и могу делать все, что хочу, меня в мире ничего не интересовало, кроме того, как бы раздобыть кусок хлеба. Семьдесят лет я не могу забыть это чувство...»⁶⁷

Постскриптум

В заключение хочу сказать несколько слов о том, почему мне показалось уместным дать этой книге подзаголовок «Новая история», и напомнить о сложностях, с которыми сталкиваются все пишущие о Холокосте. Как могли заметить читатели, эта книга – не прямолинейная история, которую легко объяснить. Может показаться удивительным, но этому не помогает и само слово «холокост», изначально означавшее «всесожжение» или «жертва всесожжения» и лишь относительно недавно ставшее в общественном сознании ассоциироваться с плановым массовым уничтожением евреев.

Начнем с истоков. Всеобщего согласия в том, что точно означает сейчас это слово, нет. Относится оно только к убийству евреев или применимо к любому геноциду? Считать ли, например, холокостом истребление персов Чингисханом? Но гораздо важнее другое: если слово «холокост» применять только к истреблению евреев, есть риск не понять всю широту человеконенавистнического мышления нацистов. Дело в том, что умерщвление евреев нельзя вырывать из контекста стремления национал-социалистов массово преследовать и убивать другие группы людей, например инвалидов с помощью эвтаназии или сотни тысяч славян, реализуя сознательную политику доведения до голодной смерти. Более того, сколь бы удивительным это ни показалось на первый взгляд, Холокост в том виде, каким мы его знаем, происходил одновременно с обсуждением другого широкомасштабного плана уничтожения – генерального плана «Ост». Этот план, который воплотить в жизнь нацистам помешало поражение в войне, привел бы к гибели еще десятков миллионов человек.

Не хочу сказать, что любая из этих инициатив аналогична стремлению нацистов истребить евреев. Ненависть к евреям всегда лежала в основе их мышления, так что на этом фоне я использую слово «холокост» для обозначения преследования евреев нацистами, кульминацией которого стала реализация желания истребить целый народ, но соглашаюсь и с тем, что это преступление не может быть понято вне более широкого контекста.

У читателей вполне логично может возникнуть вопрос: если у меня есть проблемы с употреблением этого слова, почему я назвал свою книгу «Холокост»? Отчасти потому, что так сейчас называется это преступление и называть его как-то иначе значит вводить всех в заблуждение. Но более важно то, что это слово, на мой взгляд, уместно здесь потому, что оно отражает факт: истребление евреев – уникальное в своем роде кошмарное преступление в истории человечества.

Понимаю, последнее определение чревато спорами. Я и сам принимал участие во многих бурных дискуссиях по поводу того, можно ли говорить об уникальности Холокоста или его следует рассматривать как одно из множества гнусных преступлений в истории. Впрочем, я согласен с покойным профессором Дэвидом Цезарани, который в беседе со мной несколько лет назад весьма ярко определил особый характер Холокоста: «Думаю, никогда в истории не было лидера, который решил бы, что следует физически уничтожить целую этническую религиозную группу в обозримый период времени и что для этого нужно разработать и создать специальное оборудование. Это беспрецедентно»¹.

Для пишущего о Холокосте особую роль играют показания очевидцев. У меня была возможность встретиться с сотнями людей, для которых эта история стала частью судьбы, и считаю, что их свидетельства имеют огромную ценность. Неудивительно, скажете вы. Действительно, возможность встречаться с очевидцами и спрашивать их, что они пережили, обретает почти экзистенциальный смысл. Когда разговариваешь с ними, прошлое оживает.

Именно наличие в книге свидетельств, большинство из которых никогда раньше не публиковалось, – одна из главных причин того, что я решил дать своей работе подзаголовок «Новая история». Должен отметить, что ни одно слово из интервью, взятых для моего самого

недавнего проекта *Touched by Auschwitz*, – с Галиной Биренбаум, Жизель Цикович, Максом Эпштейном, Идой Гринспан, Германом Холленрейнером, Тадеушем Смречиньским и Фридой Вайнеман – не появлялось раньше в печатном виде.

Мне повезло стать одним из представителей последнего поколения, которое имело возможность таким образом напрямую соприкоснуться с этой темой. На самом деле мне повезло дважды. Во-первых, когда я со своей телевизионной съемочной группой 25 лет назад начал встречаться с бывшими нацистами, они в большинстве своем уже полагали, что могут говорить свободно, и в то же время все еще были, что называется, в здравом уме. Во-вторых, падение Берлинской стены означало, что мы получили возможность без препятствий ездить в страны Восточной Европы и бывшие республики Советского Союза, брать интервью у свидетелей, которые раньше не могли откровенно рассказывать о своем военном прошлом. Другими словами, мы одними из первых получили доступ к чрезвычайно важному первичному материалу.

Впрочем, я всегда считал, что к любому источнику нужно относиться с определенной долей скептицизма. Во время интервью и съемки свидетелей мы неизменно были очень осторожны. Я не раз подробно описывал, как мы подходили к решению этой сложной задачи² и каким образом проверяли, насколько та или иная рассказанная нам история соответствует документам того периода. Это был долгий и трудоемкий процесс, и, если в результате у нас возникали какие-то опасения относительно достоверности свидетельств потенциального очевидца, мы никогда не записывали интервью.

Во время всей этой работы мы еще раз убедились в том, что даже по истечении многих десятилетий люди часто очень ярко помнят важнейшие события своей жизни. Думаю, мы все можем подтвердить эту истину. Приведу собственный пример. Моя мать умерла почти 40 лет назад. Я не могу вспомнить, что у меня было на обед в тот или иной день пару месяцев назад, но до сих пор помню в мельчайших деталях, как мама уходила... Одно событие незначительное, а другое сказывается на всем³.

Имелись, конечно, и особые факторы, которые нам приходилось учитывать, когда мы брали интервью у переживших Холокост. Всегда нужно было помнить, что судьба выживших в таких лагерях, как Освенцим, Собибор и Трешлинка, просто не могла быть обычной для тех, кто там оказывался. Обычной там была смерть. Разумеется, от имени тех, кому была уготована участь большинства, мы говорить не можем.

Я решил, что писать о Холокосте можно только после того, как ознакомишься с географией этого преступления. И это еще один аспект, который, как я надеюсь, придает книге особый смысл. Полагаю, ей принесло огромную пользу посещение мною тех мест, где происходили эти события. Я никогда не забуду ощущения, испытанные много лет назад, когда мой друг Мирек Обстарчик, один из талантливых историков, работавших в музее Освенцима, провел меня по всем местам главного лагеря и Освенцима-Биркенау, где нацисты совершали массовые убийства с помощью «циклона Б». Мы с Миреком шли, что называется, в хронологической последовательности: от подвала блока № 11 в главном лагере до крематория рядом с административным зданием СС, от «красного» и «белого» домиков в отдаленной части Освенцима-Биркенау до остатков массивного комплекса крематориев с газовыми камерами, который возник в Биркенау только в 1943 году. То, что я лично прочувствовал эту топографическую прогрессию, помогло мне понять концептуальную идею, которую нацисты реализовывали в лагерях смерти. Надеюсь, что-то мне удалось передать в своей книге.

Я посчитал необходимым посетить сотни других мест, имеющих отношение к этой теме: от леса, где находился лагерь смерти Собибор – там под ветром раскачивались деревья и возникало чувство абсолютной изолированности от внешнего мира, до огромного полукруглого плаца в Заксенхаузене на окраине Берлина, от места ставки Гитлера близ бывшего Растенбурга в Восточной Пруссии до полей сражений в Белоруссии и на Украине.

Разумеется, была и возможность соединить физические ощущения места с впечатлениями, которые мы получали во время встреч с очевидцами. Когда они совпадали, это были самые запоминающиеся моменты моей жизни и работы. Помню, например, как мы снимали в Белоруссии мужчину, которого нацисты вместе с другими жителями деревни заставили идти по дороге, считавшейся ими заминированной. Немецкие солдаты шли за ними на безопасном расстоянии, ожидая, когда эти живые миноискатели подорвутся... К счастью для этого человека, он дошел до соседнего села. Мы снимали его на том самом месте, где все происходило. Он показывал нам, как тогда пытался решить невообразимую, страшную дилемму. Следует ли наступить на то место, где, как ему казалось, стоит мина, и погибнуть, или обойти его, рискуя, что на нее потом наступит кто-то из немцев?.. Если бы хоть один из них подорвался, немцы расстреляли бы всех жителей деревни. Подорваться на mine или быть застреленным – такой выбор приходилось делать этому крестьянину на глухой проселочной белорусской дороге. В тот день для него все закончилось хорошо. Немцы тогда ошиблись – мин на их пути не было.

Добавлю еще, что я не хотел строить эту книгу исключительно на устных свидетельствах, поэтому использовал множество выступлений, дневников и документов того времени. Моей целью было «сплетение» материала в исследование процесса принятия решений по Холокосту, используя огромный массив исследований, проведенных в этой области после войны.

За последние 25 лет я прочитал немало потрясающих мемуаров о Холокосте и прекрасных, очень глубоких научных работ об этом преступлении, но не встретил ни одного обобщающего исследования, которое сочетало бы эмоциональную силу интервью с непосредственными свидетелями и анализ ухищрений нацистского государства таким образом, как это хотел показать я. И в данном аспекте, надеюсь, моя книга представляет собой «новую историю».

На протяжении последней четверти века в разговорах со многими всемирно известными историками я наблюдал, как меняется то, что можно было бы назвать интеллектуальным ландшафтом темы. Когда я начинал «Холокост», мнения разделялись преимущественно между интенционалистами, делавшими акцент на ключевой роли Гитлера в процессе принятия решений и утверждавшими, что намерение уничтожить всех евреев у него появилось задолго до Холокоста, и функционалистами, которые полагали, что лучший способ понять происходившее – всмотреться во взаимодействие между Гитлером и силами, действовавшими на него извне. Со временем на позиции первых оставалось все меньше и меньше серьезных историков, и дискуссии уже шли между функционалистами – в стремлении определить момент, когда, собственно, и было принято решение о Холокосте. Даты я слышал самые разные. Одни полагают, что ключевое решение приняли в 1941 году, но и среди них согласия нет: кто-то считает, что это произошло в июле, кто-то – что в октябре, а кто-то – что в декабре. Вторые называют 1942 год, причем лето. Позже центр дискуссий с определения времени принятия решения сместился на выявление периодов, когда политика нацистов в этом вопросе ужесточалась.

Меня никогда не убеждали аргументы интенционалистов, и я никогда не стремился определить один ключевой момент принятия решения. С самого начала своего погружения в эту тему я сталкивался с людьми, которые, с учетом ужасающих масштабов преступления, были уверены в том, что решение об истреблении евреев должно быть принято в какой-то один важнейший момент. Мне кажется, это ошибочное мнение. Надеюсь, что смог показать: Холокост развивался постепенно, на этом пути были свои повороты и изгибы – до тех пор, пока он не нашел окончательное выражение в нацистских фабриках смерти.

Книга, которую вы прочитали, разумеется, оставляет тяжелое впечатление, но я уверен: необходимо понять, как и почему такое преступление стало возможным. И эта история, пожалуй, лучше, чем любая иная, показывает, на что способны представители рода человеческого.

Благодарность

Над этой книгой я работал 25 лет, поэтому неудивительно, что на столь долгом пути мне помогали многие люди, которые заслуживают благодарности. Особые слова признательности хочу сказать талантливым членам разных киносъёмочных групп, трудившихся со мной. Огромное спасибо моим немецким коллегам Тилману Ремме и Детлефу Зиберту за их потрясающую приверженность исторической правде. Среди тех, кто в разное время оказывал мне очень ценную помощь, – Таня Бэчелор, Саулюс Бержинис, Мартина Карр, Саллиэнн Клейбел, Ванда Косца, Михаэла Лихтенштейн, Элоди Мэйлот, Нава Мизрахи, Доминик Сазерленд, Анна Таборска и Елена Яковлева. Всем им моя огромная благодарность. Я должен вспомнить здесь и доктора Франка Штуке, работавшего во многих моих телевизионных проектах. Франк был блестящим исследователем и интеллектуалом. Если бы не его новаторский подход в журналистике, многие наиболее важные интервью с бывшими национал-социалистами просто не состоялись бы. Я гордился дружбой с ним. Франк Штуке умер в феврале 2016 года, трагически молодым... Нам всем его очень не хватает.

Большую помощь в работе над книгой оказала Джулия Питч – немецкий историк, обладающая неутомимым талантом исследователя. Она также прочитала «Холокост» в рукописи и сделала много полезных замечаний. Кроме того, я благодарен разным обладателям авторских прав за разрешение цитировать их материалы, в том числе *Hoover Institution* за то, что позволили опубликовать отрывки из дневника Генриха Гимmlера и, разумеется, ВВС.

На мои представления об этой теме повлияло мнение многих ученых. В особенности я благодарен своему близкому другу профессору сэру Яну Кершоу за возможность на протяжении нескольких лет обсуждать с ним разные вопросы. Каждый, кто хотя бы немного интересовался этой темой, не может не отметить его выдающийся дар как историка. Он был для меня постоянным источником вдохновения и помогал мне в этом проекте с момента зарождения идеи до чтения книги в рукописи. Два других выдающихся историка – Энтони Бивор и Эндрю Робертс – тоже читали «Холокост» до публикации и дали мне немало мудрых советов. Глубоко признателен им за это.

Очень полезно было несколько лет назад обсуждать данный исторический период со многими широко известными в мире специалистами по нацизму и Холокосту на моем образовательном сайте *WW2History.com*. В их числе – профессор Омер Бартов, профессор Кристофер Браунинг, профессор сэр Ричард Эванс, профессор Норберт Фрай, профессор Ричард Овери и профессор Адам Тузе. Особо упомяну профессора Дэвида Цезарани, который работал со мной над проектом об Освенциме. У нас с Дэвидом было много дискуссий о мире в целом и о Холокосте в частности. С его смертью в октябре 2015 года мир лишился великого ученого.

Я благодарен сотрудникам издательства *Viking Press* – моему редактору Дэниэлу Кре, который всегда верил в этот проект, и литературному редактору Питеру Джеймсу. Должен сказать, что я в неоплатном долгу и перед Альбертом Депетрильо – моим бывшим редактором из издательства *Elbury Press*. И безусловно, огромная благодарность моему литературному агенту – легендарному Эндрю Нюрнбергу.

Наряду с этим хочу выразить глубокую признательность сотрудникам образовательного фонда «Холокост» за многолетнюю помощь и поддержку. Особые слова благодарности – председателю этого фонда Полу Филлипсу, исполнительному директору Карен Поллок и руководителю образовательных программ Алексу Мосу.

Моя жена Хелена помогала мне на всех стадиях создания этой книги. Ее комментарии часто были острыми и всегда уместными. Мои дети Оливер, Камилла и Бенедикт неизменно меня поддерживали, особенно в трудные моменты работы.

Книга посвящена моей дочери Камилле, выпускнице исторического факультета Оксфордского университета – не только потому, что она самая замечательная дочь, какая только может быть у отца, но и потому, что Камилла внимательнейшим образом читала «Холокост» в процессе создания и сделала много полезных предложений.

И наконец, хочу сказать большое спасибо всем, с кем мы записывали интервью на протяжении этих 25 лет. Их было несколько сотен, поэтому я не могу перечислить всех поименно, но благодарность моя искренняя и сердечная.

*Лоуренс Рис
Лондон, сентябрь 2016*

Примечания

Сокращения

BArch – Bundesarchiv

BayHStA – Bayerisches Hauptstaatsarchiv

FAH – Familien-Archiv Hügel (Historisches Archiv Krupp, Essen)

HHStAW – Hessisches Hauptstaatsarchiv Wiesbaden

Nds. HStAH – Niedersächsisches Hauptstaatsarchiv Hannover

PRO – Public Record Office, Kew

StAN – Staatsarchiv Nürnberg

ZStL – Zentrale Stelle der Landesjustizverwaltungen zur Aufklärung nationalsozialistischer Verbrechen in Ludwigsburg

Пролог

1. Свидетельство публикуется впервые. Для легкости опознавания свидетельства, собранные для документальных сериалов, автором и продюсером которых я был на протяжении последних 25 лет, цитируются в настоящем времени, то есть он (она) говорит, а не говорил.

Глава 1. Корни ненависти

1. BayHStA, Abt. IV, R W GrKdo, Bd 50/08. На англ. в кн.: Noakes, Pridham (eds.). *Nazism 1919–1945*. V. 1. *The Rise to Power 1919–1934*. University of Exeter Press, 1991. P. 12–14.

2. См.: *Hamann B.* *Hitlers Wien. Lehrjahre eines Diktators*: Piper, 1996.

3. См.: *Weber T.* *Hitler's First War*. Oxford University Press, 2010. P. 177.

4. Евангелие от Иоанна 7: 1.

5. Там же, 8: 59.

6. Там же, 8: 44.

7. *Marrus M. R., Paxton R. O.* *Vichy France and the Jews*. Stanford University Press, 1995. P. 27. Авторы также отмечают, что с 1959 до 1963 год папа Иоанн XXIII удалял из литургии этот и другие пассажи, оскорбительные для евреев.

8. *Luther M.* *On the Jews and Their Lies, 1543*. В кн.: *Luther's Works*. V. 47. Fortress Press, 1971. P. 268–293.

9. *von Dohm Ch. W.* *Über die bürgerliche Verbesserung der Juden, 1781*. На англ. в кн.: P. Mendes-Flohr, J. Reinharz (eds.). *The Jews in the Modern World: A Documentary History*. Oxford University Press, 2011. P. 30.

10. *Mosse G. L.* *The Crisis of German Ideology: Intellectual Origins of the Third Reich*. Howard Fertig, 1998. P. 149.

11. *Riehl W. H.* *Land und Leute, 1854*. V. 1. *A Natural History of the German People as a Basis for a German Social Politics*. На англ. в кн.: *Facos M.* *An Introduction to Nineteenth-Century Art*. Routledge, 2011. P. 271.

12. Цит. по: *Karstedt S.* *Strangers, Mobilisation and the Production of Weak Ties: Railway Traffic and Violence in Nineteenth-Century South-West Germany*. В кн.: B. S. Godfrey, C. Emsley, G. Dunstall (eds.). *Comparative Histories of Crime*. Willan Publishing, 2003. P. 89–109, here p. 93.

13. *Welch D.* *Propaganda and the German Cinema: 1933–1945*. Oxford University Press, 1985. P. 105.

14. *Ibid*, p. 107.

15. *Rees L.* *The Dark Charisma of Adolf Hitler*. Ebury Press, 2012. P. 44.

16. Свидетельство публикуется впервые.

17. *Lonner A. A. Mediating the Past: Gustav Freytag, Progress, and German Historical Identity, 1848–1871.* Peter Lang, 2005. Автор говорит, что «Soll und Haben» была одной из самых читаемых книг [девятнадцатого] столетия (если не самой читаемой), с. 37.

18. Цит. по: *Bein A. The Jewish Question: Biography of a World Problem.* Associated University Presses, 1990. P. 617.

19. *Frymann D. Wenn ich der Kaiser wär': Politische Wahrheiten und Notwendigkeiten.* 4th edn, Dieterich, 1913. В кн.: Н. Pross (ed.). *Die Zerstörung der deutschen Politik: Dokumente 1871–1933* (trans. Richard S. Levy). Fischer, 1959.

20. *Gobineau A. Essai sur l'inégalité des races humaines,* 1855, на англ. в кн.: *The Inequality of the Human Races.* William Heinemann, 1915.

21. См.: *Mitford A. F. 1st Baron Redesdale,* предисловие, в кн.: *Houston Stewart Chamberlain, Foundations of the Nineteenth Century.* V. 1. Elibron Classics, 2005, first published by F. Bruckman, Munich, 1911. P. v–vi.

22. Ibid, p. 350.

23. См.: *Kershaw I. Hitler: 1889–1936.* Hubris, Penguin, 2001. P. 660. N. 116.

24. См.: *Mosse.* *German Ideology,* p. 104.

25. См.: BArch NS33/89, p. 41, *The Reichsführer SS (SS-HA/ZK./Az. B17a),* Berlin, 11 April 1938, относительно отбора кандидатов на роль лидеров СС, см. лист V. См. также: *Segev T. Soldiers of Evil: The Commandants of the Nazi Concentration Camps.* Diamond Books, 2000. P. 97.

26. См.: *Galton F. Hereditary Genius.* Macmillan, 1869. Introduction. P. 1.

27. См.: *Ploetz A. Die Tüchtigkeit unsrer Rasse und der Schutz der Schwachen* («Ценность нашей расы и защита слабых»). Цит. по: *Watson P. The German Genius.* Simon & Schuster, 2011. P. 434.

28. По расчетам профессора Ричарда Леви (*Richard Levy*) из Чикагского университета, опубликованным 15 мая 1996 года в обзоре труда Дэниэла Голдхагена (*Daniel Goldhagen*) «Hitler's Willing Executioners». <http://www.vho.org/aaargh/engl/crazygoldie/reviews96.html>.

29. См.: *Weinberg R. The Pogrom of 1905 in Odessa: A Case Study.* В кн.: J. D. Klier, S. Lambroza (eds.). *Pogroms: Anti-Jewish Violence in Modern Russian History.* Cambridge University Press, 2004. P. 248–289.

30. См.: *Sobol J. Weiningers Nacht.* Europa-Verlag, 1988. P. 145–146.

31. См.: BArch R8034 III/295, Reichslandbund Pressearchiv, Lup-Lz, p. 11a, R. Tag Z. Nr. 121, 13 March 1910. Речь Люгера 11 января 1894 года в парламенте Нижней Австрии.

32. См.: *Hamann.* *Hitlers Wien.*

33. *Kershaw.* *Hitler: Hubris,* p. 67.

34. См.: Ibid, p. 96.

35. См.: *Winter J. Remembering War: The Great War between Memory and History in the Twentieth Century.* Yale University Press, 2006. P. 84.

36. См.: Ibid, p. 87.

37. Письмо Ратенау (*Rathenau*), 4 августа 1916 года. Цит. по: *Loewenstein A. My Israel Question.* Melbourne University Press, 2007. P. 130.

38. Цит. по: *Jones N. The Birth of the Nazis: How the Freikorps Blazed a Trail for Hitler.* Constable & Robinson, 2004. P. 194–195.

39. См.: *Rees.* *Charisma,* p. 22. Цитируемый фрагмент включает также не публиковавшееся ранее свидетельство Фридолина фон Шпауна (*Fridolin von Spaun*).

40. Свидетельство публикуется впервые.

Глава 2. Рождение нацизма

1. См.: *Waite R. Vanguard of Nazism.* W. W. Norton, 1969. P. 206.

2. См.: *Sebottendorff R.* Bevor Hitler kam. Urkundliches aus der Frühzeit der nationalsozialistischen Bewegung. Deukula-Verlag Grassinger, 1933. P. 41–43.
3. Ibid, p. 57–60.
4. См.: *Tyson J. H.* Hitler's Mentor: Dietrich Eckart, his Life, Times, & Milieu. iUniverse, 2008. P. 50.
5. Ibid, p. 15.
6. Auf gut deutsch. Wochenschrift für Ordnung u. Recht. Eckart Dietrich (ed.). 1919. V. 1. N. 2. P. 18.
7. Ibid. 1920. V. 2. N. 30/34. P. 392.
8. См.: *Brandmayer B.* Meldegänger Hitler 1914–1918. Walter, 1933. P. 71–72. На англ. в кн.: *Rees L.* The Dark Charisma of Adolf Hitler. Ebury Press, 2012. P. 13.
9. *Fest J. C.* Hitler. Harcourt Brace Jovanovich, 1974. P. 133.
10. Цит. по: *Plewnia M.* Aufdem Wegzu Hitler. Schünemann Universitätsverlag, 1970. P. 67. Она, в свою очередь, цитирует: *Zoller A.* Hitler privat – Erlebnisbericht seiner Geheimsekretärin. Droste, 1949. P. 118. На англ. в кн.: *Rees.* Charisma. P. 47.
11. Hitler's Table Talk, 1941–1944. Phoenix Press, 2000. P. 217, в ночь с 16 на 17 января 1942 года.
12. Ibid.
13. *Tyson.* Hitler's Mentor. See also J. Eäckel, A. Kuhn (eds.). Hitler. Sämtliche Aufzeichnungen 1905–1924. Deutsche Verlags-Anstalt, 1980. P. 117. *Dietrich O.* 12 Jahre mit Hitler. Isar Verlag, 1955. P. 178. ВArch NS26/514. Письмо Готфрида Гранделя (*Gottfried Grandel*) в главный архив НСДАП, Freiburg i. B., 22 October 1941.
14. E. Deuerlein (ed.). Der Aufstieg der NSDAP 1919–1933 in Augenzeugen-berichten. Rauch, 1968. P. 60. На англ. в кн.: J. Noakes, G. Pridham (eds.). Nazism 1919–1945. V. 1. The Rise to Power 1919–1934, University of Exeter Press, 1983. P. 14.
15. E. Jäckel, A. Kuhn (eds.). Sämtliche Aufzeichnungen 1905–1924. Deutsche Verlags-Anstalt, 1980. P. 366. Речь Гитлера на митинге НСДАП в Розенхайме 21 апреля 1921 года.
16. N. H. Baynes (ed.). Speeches of Adolf Hitler: Early Speeches, 1922–1924, and Other Selections. Howard Fertig, 2006. P. 17. Речь 12 апреля 1921 года.
17. Ibid, p. 42. Речь 18 сентября 1922 года.
18. Ibid, p. 13. Речь 12 апреля 1922 года.
19. Ibid, p. 30. Речь 28 июля 1922 года.
20. Ibid, p. 17. Речь 12 апреля 1922 года.
21. Ibid, p. 21. Речь 28 июля 1922 года.
22. *Hitler A.* Rathenau und Sancho Pansa // *Völkischer Beobachter.* 1921. 13 March. P. 2.
23. Свидетельство публикуется впервые.
24. *Rees.* Charisma, p. 30–31.
25. Свидетельство публикуется впервые.
26. Свидетельство публикуется впервые.
27. *Neitzel S.* Tapping Hitler's Generals: Transcripts of Secret Conversations 1942–45. Frontline Books, 2013. P. 67. Слова генерала Людвиг Крювеля (*Ludwig Crüwell*).
28. Baynes (ed.). Speeches of Adolf Hitler. P. 15–16. Речь 12 апреля 1922 года.
29. Ibid, p. 42. Речь 18 сентября 1922 года.
30. *Longerich P.* Holocaust: The Nazi Persecution and Murder of the Jews. Oxford University Press, 2012. P. 13.
31. An die Brüder der USP., MSP., KPD. Deutscher Sozialist, Folge 1, 4 June 1920, in: Streicher J. Ruf zur Tat. Aufsätze aus den Kampfjahren 1920–1922. Verlag Der Stürmer, 1937. P. 11–13. См. также: *Bytwerk R. L.* Juluis Streicher. Cooper Square Press, 2001. P. 10.
32. *Bytwerk.* Streicher, p. 2.

33. StAN, Polizeipräsidium Nürnberg-Fürth 541, doc. 187, копия обвинения против Штрейхера (*Streicher*), ассессора гражданского суда в окружном суде Швайнфурта, за оскорбление религиозных чувств, 5 сентября 1922.

34. Ibid, doc. 103, доклад от 22 декабря 1922 года о митинге национал-социалистов 21 декабря 1922 года в Культурной ассоциации в Нюрнберге.

35. Ibid. Городской совет Китцингена – в государственный департамент полиции Нюрнберг-Фюрг, 16 мая 1922 года. Замечания о встрече членов Объединения немецких предприятий в Китцингене 7 мая 1922 года.

36. См.: *Hitler's Table Talk*. P. 154. Выступление в ночь с 28 на 29 декабря 1941 года.

37. *Nuremberg Trial Proceedings*. V. 12. P. 308, 115th day, Friday 26 April 1946. См. также: *Butwerk*. *Streicher*, p. 15.

38. Ibid. *Nuremberg*, а также: *Rees*. *Charisma*, p. 49.

39. *Deuerlein* (ed.). *Aufstieg*. P. 146. На англ. в кн.: *Noakes, Pridham* (eds.). *Nazism*. V. 1. P. 25–26.

40. *Viereck P.* *Stefan George's Cosmic Circle*. *Decision*. 1941. October. P. 49.

41. *Rees*. *Charisma*, p. 76.

42. *W. Jochmann* (ed.). *Nationalsozialismus und Revolution*. *Dokumente*. Europäische Verlags-Anstalt, 1963. P. 88–89. Меморандум Гитлера 7 января 1922 года. На англ. в кн.: *Noakes, Pridham* (eds.). *Nazism*. V. 1. P. 23.

43. *Baynes* (ed.). *Speeches of Adolf Hitler*. P. 40. Речь Гитлера 28 июля 1922.

44. См.: *BArch N1126/8, Leseliste N. 107*.

45. См.: *BArch N1126 141 K*. Запись в дневнике Гиммлера 12 января 1922 года. Оригинал в: *Hoover Institution, Stanford University, Stanford, California*.

46. Ibid. Запись 24 июня 1922 года.

47. Ibid. Запись 22 ноября 1921 года.

48. Ibid. Запись 27 мая 1922 года.

49. Ibid. Запись 7 июня 1922 года.

50. В частности, на всеобщих выборах в декабре 1924 года крупнейшей парламентской партией стали социал-демократы, набравшие 26 процентов голосов. Они противостояли анти-семитской политике нацистов, так же как Немецкая народная партия (10,1 процента), коммунистическая партия (9 процентов) и Немецкая демократическая партия (6,3 процента).

51. *Rees*. *Charisma*, p. 37.

52. *A. Tyrell* (ed.). *Führer befiehl... Selbstzeugnisse aus der 'Kampfzeit' der NSDAP*. *Dokumentation und Analyse*. Droste, 1969. P. 281–283. На англ. в кн.: *Noakes, Pridham* (eds.). *Nazism*. V. 1. P. 34–35.

Глава 3. От революции к избирательным урнам

1. Свидетельство Эрнста Ханфстангля (*Ernst Hanfstaengl*), процитированное Яном Фридманом (*Jan Friedmann*) // *Der Spiegel*. 2010. 23 Juni. <http://www.spiegel.de/international/germany/adolf-hitler-s-time-in-jail-flowers-for-the-fuehrer-in-landsberg-prison-a-702159.html>.

2. См.: *Hitler A.* *Mein Kampf*. Houghton Mifflin, 1971. P. 118–119.

3. Ibid, p. 180–181.

4. Ibid, p. 57.

5. Ibid.

6. Ibid, p. 63.

7. Ibid, p. 59.

8. Ibid, p. 65.

9. Ibid, p. 62–63.

10. Ibid, p. 206.

11. Ibid, p. 305.
12. Huxley A. Notes on Propaganda // Harper's Monthly Magazine. 1936. December.
13. Hitler. Mein Kampf, p. 679.
14. Hitler's Table Talk, 1941–1944. Phoenix Press, 2000. 25 October 1941. P. 87.
15. Hitler. Mein Kampf, p. 65.
16. Первая публикация в: *Völkischer Beobachter*, 1922. 22 April. См. также: Rees L. The Dark Charisma of Adolf Hitler. Ebury Press, 2012. P. 29.
17. Замечание в разговоре с генералом Людендорфом (*Ludendorff*). См.: Breucker W. [адъютант Людендорфа]. *Die Tragik Ludendorffs*, Rauschenbusch, 1953. P. 107; также на англ. в кн.: Wright J. R. C. *Above Parties: The Political Attitudes of the German Protestant Church Leadership 1918–1933*. Oxford University Press, 1974. P. 78; см. также: Rees, Charisma, p. 135.
18. См.: Speer A. *Inside the Third Reich*. Phoenix Press, 1995. P. 150. См. также: Rees, Charisma, p. 135–136.
19. E. Fröhlich (ed.). *Die Tagebücher von Joseph Goebbels. Teil I. Aufzeichnungen 1923–1941. V. 9. K. G. Saur*, 1998. P. 233–235. Запись от 8 апреля 1941 года. См. также: Rees. Charisma, p. 138.
20. См.: Domarus M. *Hitler: Speeches and Proclamations 1932–1945. V. 2. 1935–1938*. Bolchazy-Carducci. P. 980. Речь Гитлера 23 ноября 1937 года.
21. Hitler. Mein Kampf, p. 232.
22. Ibid, p. 316.
23. Ibid, p. 255.
24. Ibid, p. 654.
25. Heiden K. Introduction, p. xv.
26. См.: Moorhouse R. *His Struggle: Hitler in Landsberg Prison, 1924*. Endeavor Press, 2015. Kindle edition, location 556–600.
27. Leybold O. Governor of Landsberg Prison. Report on Adolf Hitler. September 1924, at <http://alphahistory.com/nazigermany/hitlers-prison-report-1924/>.
28. Moorhouse. *His Struggle*, Kindle edition, location 625–631.
29. Lüdecke K. I Knew Hitler. Jarrolds, 1938. P. 217–218. См. также: Rees. Charisma, p. 66.
30. Доклад Der Nationalsozialist (Leipzig) от 17 августа 1924 года. V. 1. N. 29. Цит. по: E. Jäckel, A. Kuhn (eds.). *Hitler. Sämtliche Aufzeichnungen 1905–1924*. Deutsche Verlags-Anstalt, 1980. P. 242.
31. Smith D. M. *Mussolini: A Biography*. Vintage, 1983. P. 172. См. также: Rees. Charisma, p. 64.
32. Свидетельство публикуется впервые.
33. Свидетельство публикуется впервые.
34. Fröhlich (ed.). *Die Tagebücher von Joseph Goebbels. Teil I. V. 1/1. K. G. Saur*, 2004. P. 116–117. Запись от 31 марта 1924 года.
35. См.: Ibid, p. 312. Запись от 8 июня 1925 года.
36. Ibid, p. 50. Запись от 14 ноября 1923 года.
37. Ibid, p. 121. Запись от 10 апреля 1924 года.
38. Ibid, p. 147. Запись от 10 июня 1924 года.
39. Rees L. *The Nazis: A Warning from History*. BBC Books, 1997. P. 33.
40. Fröhlich (ed.). *Die Tagebücher von Joseph Goebbels. Teil I. V. 1/1. P. 108*. Запись от 17 марта 1924.
41. Ibid, p. 108–109. Запись от 20 марта 1924 года.
42. См.: Ibid, p. 201. Запись от 19 августа 1924 года.
43. Ibid, p. 253. Запись от 23 декабря 1924 года.
44. Ibid, p. 326–327. Запись от 14 июля 1925 года.

45. Ibid. Teil II. Diktate 1941–1945. V. 2. K. G. Saur, 1996. P. 498–499. Запись от 13 декабря 1941 года.
46. Ibid. Teil I. V. 1/1. P. 108. Запись от 17 марта 1924 года. P. 326–327. Запись от 14 июля 1925 года.
47. *Longerich P.* Goebbels. Vintage, 2015. P. 62–63.
48. Fröhlich (ed.). Die Tagebücher von Joseph Goebbels. Teil I. V. 1/2. K. G. Saur, 2004. P. 55–56. Запись от 15 февраля 1926 года.
49. Ibid, p. 73. Запись от 13 апреля 1926 года.
50. G. L. Weinberg (ed.). Hitler's Second Book: The Unpublished Sequel to Mein Kampf. Enigma Books, 2006. P. 234. Kindle edition, location 3978.
51. Ibid, p. 234, location 3986.
52. Ibid, p. 129, location 2367.
53. Völkischer Beobachter. 1927. N. 35. 12 February. Цит. по: *Mühlberger D.* Hitler's Voice. V. 1. Organisation and Development of the Nazi Party. Peter Lang, 2004. P. 240.
54. Verhandlungen des Deutschen Reichstags. V. 395. Docs 13717–18, 1928. 24 March. См. также: *Longerich P.* Holocaust: The Nazi Persecution and Murder of the Jews. Oxford University Press, 2010. P. 15.
55. Свидетельство публикуется впервые.
56. A. Tyrell (ed.). Führer befiehl... Selbstzeugnisse aus der 'Kampfzeit' der NSDAP. Gondrom, 1991. P. 235–236. На англ. см.: J. Noakes, G. Pridham (eds.). Nazism 1919–1945. V. 1. The Rise to Power 1919–1934. University of Exeter Press, 1983. P. 55.
57. *Tal U.* 'political Faith' of Nazism Prior to the Holocaust. Tel Aviv University, 1978. P. 28; *Rees.* Charisma, p. 81–82.
58. *Domarus M.* Hitler: Speeches and Proclamations 1932–1945. V. 1. 1932–1934. Bolchazy-Carducci, 1990. P. 112. Речь Гитлера 27 января 1932 года.
59. Свидетельство публикуется впервые.
60. Свидетельство публикуется впервые.
61. *Rees.* Nazis, p. 74.
62. Свидетельство публикуется впервые.
63. *Rees.* Nazis, p. 46.
64. *Redles D.* Nazi End Times: The Third Reich as Millennial Reich, в кн.: K. Kinane, M. A. Ryan (eds.). End of Days: Essays on the Apocalypse from Antiquity to Modernity. McFarland, 2009. P. 173–196, here p. 182.
65. См.: Der Angriff. 1929. 9 September. Цит. по: *Longerich.* Goebbels, p. 91–92.
66. Nds. HStAH, Hann. Des. 310 I A, Nr. 35. На англ. в кн.: Noakes, Pridham (eds.). Nazism. V. 1. P. 76.
67. Отчет регионального президента Ганновера министру внутренних дел рейха за период с декабря 1934 по январь 1935 года, 4 февраля 1935 года. В кн.: K. Mlynek (ed.). Gestapo Hannover meldet... Polizei- und Regierungsberichte für das mittlere und südliche Niedersachsen zwischen 1933 und 1937. Verlag August Lax, 1986. P. 315. Оригинал в: Mlynek. Nds. HStAH, Hann. 180 Hannover Nr. 799. F. 191–203.
68. *Rees L.* Selling Politics. BBC Books, 1992. P. 24.
69. Свидетельство публикуется впервые.
70. *Feuchtwanger L.* Wie kämpfen wir gegen ein Drittes Reich? (Как мы боремся против Третьего рейха?). Welt am Abend. 1931. 21 January. На англ. в кн.: A. Kaes, M. Jay, E. Dimendberg (eds.). The Weimar Republic Sourcebook. University of California Press, 1994. P. 167.
71. *Mann H.* 'Die deutsche Entscheidung' (Немецкое решение). Das Tagebuch. V. 12. N. 51. 1931. 19 December. На англ. в кн.: *Kaes., Dimendberg.* Weimar Republic Sourcebook. P. 164–166.
72. Свидетельство публикуется впервые. См. также: *Rees.* Nazis, 1997, p. 171.

73. Речь Штрассера в Берлинском дворце спорта (*Sportpalast*), 23 октября 1931 года. *CV-Zeitung. Blätter für Deutschtum und Judentum. Organ des Central-Vereins deutscher Staatsbürger jüdischen Glaubens e. V.*, Berlin. 1931. 11 December. V. 10. N. 50. P. 572.

74. См.: *Meissner O.* Aufzeichnung über die Besprechung des Herrn Reichspräsidenten mit Adolf Hitler am 13. August 1932 nachmittags 4.15. Цит. по: *Hubatsch W.* Hindenburg und der Staat. Aus den Papieren des Generalfeldmarschalls und Reichspräsidenten von 1878 bis 1934. Musterschmidt, 1966. P. 338. На англ. в кн.: Noakes, Pridham (eds.). *Nazism*. V. 1. P. 104.

75. См.: *Domarus M.* Hitler. Reden und Proklamationen 1932–1945. Kommentiert von einem deutschen Zeitgenossen. V. 1. Triumph. R. Löwit, 1973. P. 158, Meissner to Hitler, 24 November 1932.

76. См.: *Heiden K.* Adolf Hitler. Das Zeitalter der Verantwortungslosigkeit. Eine Biographie. Europa-Verlag, 1936. P. 278.

77. См.: Jewish Telegraphic Agency report. 1934. 3 August.

78. См.: *Evening Standard* – interview. 1933. 16 May. См. также: Jewish Telegraphic Agency report (за ту же дату).

79. См.: *Völkischer Beobachter. Norddeutsche Ausgabe*. V. 46. N. 6. 1933. 6 January. P. 1. См. также: *Domarus*. Hitler. Reden und Proklamationen. V. 1. P. 175.

Глава 4. Консолидация власти

1. См.: *E. Fröhlich* (ed.). Die Tagebücher von Joseph Goebbels, Teil I. Aufzeichnungen 1923–1941. V. 2/3. K. G. Saur, 2006. P. 119. Запись от 30 января 1933 года.

2. *Rees L.* Their Darkest Hour. Ebury Press, 2007. P. 206–207. Включает также свидетельства, публикуемые впервые.

3. Свидетельство публикуется впервые.

4. Свидетельство публикуется впервые.

5. Фрагменты из дневника Луизы Сольмиц (*Luise Solmitz*) с 4 января 1932 по 5 марта 1933 года. В кн.: *Jochmann W.* Nationalsozialismus und Revolution. Ursprung und Geschichte der NSDAP in Hamburg 1922–1933. Dokumente. Europäische Verlagsanstalt, 1963. P. 400–432, here p. 422–423.

6. Свидетельство публикуется впервые.

7. Свидетельство публикуется впервые.

8. *Rees*. Darkest Hour, p. 136. Включает также свидетельства, публикуемые впервые.

9. Свидетельство публикуется впервые.

10. См.: *Domarus M.* Hitler: Speeches and Proclamations 1932–1945. V. 1. 1932–1934. Bolchazy-Carducci, 1990. P. 246–247. Речь Гитлера 10 февраля 1933 года.

11. См.: *Ibid*, p. 253. Речь Гитлера 15 февраля 1933 года.

12. *Fröhlich* (ed.). Die Tagebücher von Joseph Goebbels. Teil I. V. 2/3. P. 137. Запись от 28 февраля 1933 года.

13. Свидетельство публикуется впервые.

14. *Domarus*. Hitler (English edn). V. 1. P. 298–302.

15. См.: *Völkischer Beobachter*. 1933. 30 March. N. 89. Цит. по: *Domarus M.* Hitler. Reden und Proklamationen 1932–1945. Kommentiert von einem deutschen Zeitgenossen. V. 1. Triumph. R. Löwit, 1973. P. 251–252.

16. См.: *Rees L.* The Nazis: A Warning from History. BBC Books, 1997. P. 105.

17. См.: *Yahil L.* The Holocaust: The Fate of European Jewry, 1932–1945. Oxford University Press, 1991. P. 95–97.

18. См.: *J. Matthäus, M. Roseman* (eds.). Jewish Responses to Persecution. V. 1. 1933–1938. AltaMira Press/US Holocaust Memorial Museum, 2010. CV press release dated 24 March 1933, in *CV-Zeitung*, 30 March 1933, document 1–5, P. 15.

19. См.: *Rees. Nazis*, p. 71–72. Вместе со свидетельством, публикуемым впервые.
20. *Ibid*, p. 72–73. Вместе со свидетельством, публикуемым впервые.
21. Свидетельство публикуется впервые.
22. Свидетельство публикуется впервые.
23. US Holocaust Museum figures, <http://www.ushmm.org/>.
24. *Yahil. Holocaust*, p. 92.
25. Свидетельство публикуется впервые.
26. Свидетельство публикуется впервые.
27. Данные статистической службы рейха за 1933 год. Цит. по: J. Noakes, G. Pridham (eds.). *Nazism 1919–1945. V. 2. State, Economy and Society 1933–1939*. Exeter University Press, 1991. P. 522.
28. StAN, LG Ansbach, Strafprozessakten, Große Strafkammer 50/34, Bär. V. II. P. 185. Свидетельство Курта Адольфа Бера (*Kurt Adolf Bär*), 14 апреля 1934 года.
29. См.: *Ibid*, p. 63. Свидетельство Мари Брейнль (*Marie Breinl*), 4 апреля 1934 года.
30. BayHStA, StK 6410. P. 100–101, 103–104, 105, 113, 127, 128, 146, 147. Вердикт по иску против Курта Бера и его сообщников о нарушении общественного порядка 14 июля 1934 года.
31. BayHStA, MInn 73708. P. 48. Доклад главного прокурора окружного суда в Ансбахе о событиях в Гунценхаузене 25 марта 1934 года.
32. *Ibid*, p. 15–16. Письмо заместителя начальника СА в правительстве Центральной Франконии, 27 марта 1934 года.
33. BayHStA, StK 6410. P. 160. Министр внутренних дел рейха в Берлине – государственной канцелярии Свободного государства Бавария в Мюнхене, 25 июля 1934 года.
34. *Ibid*, p. 73. Обвинительный акт по делу Курта Бера и двух других членов СА, обвиняемых в убийстве и попытке убийства, 11 августа 1934 года.
35. BayHStA, MJu 23436 Office of U. S. Chief of Counsel, APO 124 A, U. S. Army, Memo to: Commanding Officer, Company B, Third Military Government Regiment, APO 170, U. S. Army, subject: Murder of German Jewish Subject. Из допроса доктора Бенно Франца (*Dr Benno Franz*), проведенного Теодором Мартином (*Theodor Martin*) в Нюрнберге 19 октября 1945 года.
36. См.: B. Distel, R. Jakusch (eds.). *Concentration Camp, Dachau 1933–1945, Comité International de Dachau*, 16th edn, 1978. P. 40.
37. *Durbin E. F. M., Bowlby J. Personal Aggressiveness and War*, Routledge, 2007. P. 134.
38. См.: Matthäus, Roseman (eds.). *Jewish Responses to Persecution. V. 1. Дневниковые записи Курта Розенберга (*Kurt Rosenberg*) от 20 и 31 августа 1933 года. Document 2–2 LBINY AR25279*. P. 37–38.
39. *Wachsmann N. KL: A History of the Nazi Concentration Camps*. Little, Brown, 2015. P. 30.
40. *Münchener Neueste Nachrichten*, 1933. 13 March. Цит. по: *Longerich P. Himmler*. Oxford University Press, 2012. P. 150.
41. См.: *Ibid*, p. 58–59.
42. Distel, Jakusch (eds.). *Dachau*. P. 48. Document on the release of Johann Deller, 12 October 1934.
43. Показания Геринга 18 марта 1946 года, в 84-й день Нюрнбергского трибунала: <http://law2.umkc.edu/faculty/projects/ftrials/nuremberg/Goering1.html>.
44. См.: *Hoess R. Commandant of Auschwitz*. Phoenix Press, 2001. P. 71.
45. *Segev T. Soldiers of Evil: The Commandants of the Nazi Concentration Camps*. Diamond Books, 2000. P. 28.
46. *Dillon C. Dachau and the SS: A Schooling in Violence*. Oxford University Press, 2015. P. 37.

47. Впервые публикуемое свидетельство, а также *Rees. Nazis*, p. 51.
48. *Münchener Neueste Nachrichten*, 13 March 1933. Цит. по: *Longerich. Himmler*, p. 150.
49. *Abraham M. Juda verrecke. Ein Rabbiner im Konzentrationslager* (Смерть Иуды. Раввин в концентрационном лагере), репринт: I. A. Diekmann, K. Wettig (eds.). *Konzentrationslager Oranienburg. Augenzeugenberichte aus dem Jahre 1933*. Verlag für Berlin-Brandenburg, 2003. P. 117–167, here p. 128.
50. *Abraham M. Juda verrecke. Ein Rabbiner im Konzentrationslager*. Druck und Verlagsanstalt Teplitz-Schönau, 1934. P. 154.
51. См.: Landesamt für Bürger- und Ordnungsangelegenheiten Berlin, Reg. No. 50909, Entschädigungsakte Max Abraham.
52. *Manchester Guardian*. 1934. 1 January. <http://www.theguardian.com/world/2015/jan/01/dachau-nazi-germany-second-world-war>.
53. *Beimler H. Im Möderlager Dachau*. Доступно онлайн (на немецком): https://www.hs-augsburg.de/~harsch/germanica/Chronologie/20Jh/Beimler/bei_da00.html.
54. *Amper-Bote*, 1933. 7 September. В кн.: *Dillon. Dachau*, p. 228.
55. Свидетельство публикуется впервые.
56. Свидетельство публикуется впервые.
57. Свидетельство публикуется впервые.
58. Свидетельство публикуется впервые. Подробнее см. в кн.: *Rees. Nazis* (1997 edn), p. 53.
59. Свидетельство публикуется впервые.
60. См.: *Dillon. Dachau*, p. 44.
61. См.: *Piper F. Auschwitz 1940–1945: Central Issues in the History of the Camp*. V. 3. *Mass Murder, Auschwitz-Birkenau State Museum*, 2000. P. 71.
62. *Ibid.*
63. См.: *Dillon. Dachau*, p. 52.
64. *Ibid.*
65. *Rees L. Auschwitz: The Nazis and the 'Final Solution'*. BBC Books, 2005. P. 25. См. также: *Czech D. The Auschwitz Prisoner Administration*. В кн.: Y. Gutman, M. Berenbaum (eds.). *The Anatomy of the Auschwitz Death Camp*. Indiana University Press, 1998. P. 364.
66. См.: *Hoess. Commandant of Auschwitz*, p. 78.
67. *Ibid*, p. 65–66.
68. См.: *Als sozialdemokratischer Arbeiter im Konzentrationslager Papenburg, Verlagsgenossenschaft ausländischer Arbeiter in der UdSSR*, 1935. P. 20. (См. ниже, примечание 70.)
69. *Langhoff W. Die Moorsoldaten. 13 Monate Konzentrationslager*, Aufbau-Verlag, 1947. P. 251–252.
70. *Als sozialdemokratischer Arbeiter im Konzentrationslager Papenburg*. Написано бывшим узником Бергермура и называлось анонимным с целью защиты его семьи. Предисловие к этой книге, подтверждающее ее достоверность, написано Вилли Бределем (*Willi Bredel*), также заключенным этого лагеря.
71. *Als sozialdemokratischer Arbeiter*, p. 35.
72. См.: *Rudolf Diels, Lucifer ante Portas ... es spricht der erste Chef der Gestapo ... Deutsche Verlags-Anstalt*, 1950. P. 260–262.
73. *Langhoff. Moorsoldaten*, p. 251–252.
74. *Als sozialdemokratischer Arbeiter*, p. 51.
75. *Langhoff. Moorsoldaten*, p. 251–252.
76. Доклад Макса Хемпеля (*Max Hempel*). Цит. по: *Klausch H.-P. Tätergeschichten. Die SS-Kommandanten der frühen Konzentrationslager im Emsland*. Edition Temmen, 2005. P. 231. На

англ. в кн.: J. Noakes, G. Pridham (eds.). *Nazism 1919–1945*. V. 1. *The Rise to Power 1919–1934*. University of Exeter Press, 1991. P. 175.

77. На англ. в: J. Noakes, G. Pridham (eds.). *Nazism 1919–1945*. V. 1. *The Rise to Power 1919–1934*. University of Exeter Press, 1991. P. 175.

78. *Dillon*. Dachau, p. 88.

79. *Wachsmann*. KL, p. 83.

Глава 5. Нюрнбергские законы

1. Свидетельство публикуется впервые.

2. См.: *Wachsmann N. KL: A History of the Nazi Concentration Camps*. Little, Brown, 2015. P. 90.

3. См.: *Bauer Y. Jews for Sale? Nazi–Jewish Negotiations, 1933–1945*. Yale University Press, 1994. P. 9.

4. См.: *Berman A. Nazism, the Jews, and American Zionism, 1933–1948*. Wayne State University Press, 1990. P. 39.

5. *Hitler A. Mein Kampf*. Houghton Mifflin, 1971. P. 325. См. также: *Herf J. The Jewish Enemy: Nazi Propaganda during World War Two and the Holocaust*. Belknap Press, 2006. P. 75.

6. См. с. 80.

7. Свидетельство публикуется впервые.

8. *Rees L. The Nazis: A Warning from History*. BBC Books, 1997. P. 75. Вместе с впервые публикуемыми свидетельствами.

9. См.: H. Michaelis et al. (eds.). *Ursachen und Folgen. Vom Deutschen Zusammenbruch 1918 und 1945 bis zur staatlichen Neuordnung Deutschlands in der Gegenwart*. V. 9. Wendler, 1964. P. 397. На англ. в кн.: J. Noakes, G. Pridham (eds.). *Nazism 1919–1945*. V. 2. *State, Economy and Society 1933–1939*. Exeter University Press, 1991. P. 530.

10. См.: Noakes, Pridham (eds.). *Nazism*. V. 2. P. 531–532.

11. *Domarus M. Hitler: Speeches and Proclamations 1932–1945*. V. 2. 1935–1938. Bolchazy-Carducci, 1992. P. 706. Речь Гитлера 15 сентября 1935 года.

12. *Jewish Post, Indiana*, 1935. 13 September. <https://newspapers.library.in.gov/cgi-bin/indiana?a=d&d=JPOST19350913-01.1.1>.

13. См.: *Domarus. Hitler (English edn)*. V. 2. P. 707. Речь Геринга 15 сентября 1935 года.

14. См.: *Mommsen H. The Realization of the Unthinkable: The Final Solution of the Jewish Question in the Third Reich*. В кн.: M. R. Marrus (ed.). *The Nazi Holocaust*. V. 3. *The Final Solution: The Implementation of Mass Murder*. Meckler, 1989. P. 224–253, here p. 223.

15. Данное толкование предложено не Моммзенем (см. выше), а мною.

16. *Strecker R.-M., Globke H. Aktenauszüge, Dokumente, Rütten & Loening*, 1961. P. 115. Цит. по: Noakes, Pridham (eds.). *Nazism*. V. 2. P. 541.

17. См.: *Supplementary Decree of the Reich Citizenship Law, 14 November 1935*. Noakes, Pridham (eds.). *Nazism*. V. 2. P. 538–539.

18. Цит. по: *Domarus M. Hitler. Reden und Proklamationen 1932–1945. Kommentiert von einem deutschen Zeitgenossen*. V. 1. *Triumph*. R. Löwit, 1973. P. 538. Речь Гитлера в рейхстаге 15 сентября 1935 года. См. также: *Domarus. Hitler (English edn)*. V. 2. P. 707.

19. См.: *Völkischer Beobachter*. 1935. 16 September.

20. Свидетельство публикуется впервые.

21. Слова родителей Люсиль Эйхенгрин (*Lucille Eichengreen*).

22. *Rees L. Their Darkest Hour*. Ebury Press, 2007. P. 191–192. Вместе со свидетельствами, публикуемыми впервые.

23. *Tooze A. Wages of Destruction: The Making and Breaking of the Nazi Economy*. Penguin, 2007. P. 65.

24. См.: *Kershaw I. Hitler: 1889–1936*. Hubris, Penguin, 2001. P. 558.

Глава 6. Строительство империи: новые приоритеты

1. В английском языке существует много разных вариантов перевода слова *Völkische* в данном контексте: народный, расовый, этнический, националистический – лишь попытки передать его значение в то время. Вероятно, ближе всего к оригинальному значению – этнический.

2. *Hitler A. Mein Kampf*. Houghton Mifflin, 1971. P. 404.

3. *Deutschland-Berichte der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands (Sopade) 1934–1940. Zweiter Jahrgang, 1935*. Verlag Petra Nettelbeck / Zweitausendeins, 1980. P. 1043.

4. См.: *M. Broszat et al. (eds.). Bayern in der NS-Zeit*. Oldenbourg, 1977. V. 1. P. 466–467. См. также: *J. Noakes, G. Pridham (eds.). Nazism 1919–1945. V. 2. State, Economy and Society 1933–1939*. Exeter University Press, 1983. P. 546.

5. *Domarus M. Hitler: Speeches and Proclamations 1932–1945. V. 2. 1935–1938*. Bolchazy-Carducci, 1992. P. 700–701. Речь Гитлера 14 сентября 1935 года.

6. Свидетельство публикуется впервые.

7. Свидетельство публикуется впервые.

8. *Rees L. Their Darkest Hour*. Ebury Press, 2007. P. 193. Вместе с впервые публикуемыми свидетельствами.

9. Свидетельство публикуется впервые.

10. *Wegner G. Anti-Semitism and Schooling under the Third Reich*. Routledge, 2002. Kindle edition. Location 4325–4331.

11. *Hiemer E. Der Giftpilz*. Stürmeverlag, 1938.

12. *Fink F. The Jewish Question in Education, 1937*, at <http://research.calvin.edu/german-propaganda-archive/fink.htm>. См. также: *Wegner. Anti-Semitism*, location 1618–1643.

13. Свидетельство публикуется впервые. Повторенное Бем-Тетельбахом утверждение, что чуть ли не все юристы в Берлине были евреями, ложно; немецкие еврей-юристы никогда не составляли большинства.

14. *Welch D. Propaganda and the German Cinema*. Oxford University Press, 1983. P. 122. См. также: *Grebing H. Der Nationalsozialismus: Ursprung und Wesen*. Isar Verlag, 1959. P. 65.

15. *Völkischer Beobachter*. Bayernausgabe. 1929. 7 August. P. 1.

16. Свидетельство публикуется впервые.

17. См.: *Welch. Propaganda*, p. 123.

18. См.: *Burleigh M. The Third Reich: A New History*. Pan, 2001. P. 381.

19. См.: *Friedlander H. The Origins of Nazi Genocide: From Euthanasia to the Final Solution*. University of North Carolina Press, 1995. P. 62.

20. Данные Мемориального музея Холокоста (США). [http:// www.ushmm.org/learn/students/learning-materials-and-resources/mentally-and-physically-handicapped-victims-of-the-nazi-era/forced-sterilization](http://www.ushmm.org/learn/students/learning-materials-and-resources/mentally-and-physically-handicapped-victims-of-the-nazi-era/forced-sterilization).

21. См.: *Lifton R. J. The Nazi Doctors: Medical Killing and the Psychology of Genocide*. Basic Books, 2000. P. 29.

22. См.: *Koonz C. The Nazi Conscience*. Harvard University Press, 2003. P. 105. См. также: *Neumann B. The Phenomenology of the German People's Body (Völkischer Körper) and the Extermination of the Jewish Body*. *New German Critique*. 2009. V. 36. N. 1. P. 149–181.

23. См.: *Kershaw I. The 'Hitler Myth': Image and Reality in the Third Reich*. Oxford University Press, 2001. P. 78.

24. *Rees. Darkest Hour*, p. 192.

25. *Rees L. The Nazis: A Warning from History*. BBC Books, 1997. P. 74.

26. Свидетельство публикуется впервые.

27. См.: Daily Express. 1936. 17 September.
28. Ллойд Джордж (*Lloyd George*) утверждает, что немецкий характер находит не меньшее удовольствие в преследованиях, чем британский, и выражает надежду на то, что в будущем напористые разглагольствования Геббельса не спровоцируют новые антиеврейские манифестации.
29. *Segev T.* One Palestine, Complete: Jews and Arabs under the British Mandate. Little, Brown, 2014. P. 33.
30. Свидетельство публикуется впервые.
31. Свидетельство публикуется впервые.
32. Sunday Express. 1938. 19 June. Цит. по: *Friedman E.* Britain as Refuge: The Real Story. 2008. 23 October. <https://www.thejc.com/britain-as-refuge-the-real-story-1.5676>.
33. См.: *Segev.* One Palestine, p. 37–39.
34. См.: *Domarus.* Hitler (English edn). V. 2. P. 938. Речь Гитлера 13 сентября 1937 года.
35. Н. Kotze, Н. Krausnick (eds.). Es spricht der Führer. 7 exemplarische Hitler-Reden. Mohn, 1966. P. 123–177. Rede Hitlers vor Kreisleitern auf der Ordensburg Vogelsang am 29. April 1937.
36. E. Fröhlich (ed.). Die Tagebücher von Joseph Goebbels. Teil I. Aufzeichnungen 1923–1941. V. 4. K. G. Saur, 2000. P. 429–430. Запись от 30 ноября 1937 года.
37. Documents on German Foreign Policy. Series C. V. 5. N. 490.
38. См.: Nuremberg Trial Document 46-EC.
39. Fröhlich (ed.). Die Tagebücher von Joseph Goebbels. Teil I. V. 3/2. K. G. Saur, 2001. P. 251–252. Запись от 15 ноября 1936 года.
40. См.: J. Noakes, G. Pridham (eds.). Nazism 1919–1945. V. 3. Foreign Policy, War and Racial Extermination. Exeter University Press, 2006. P. 72–79.
41. *Fest J.* Hitler. Harcourt Brace Jovanovich, 1974. P. 42.
42. *Geehr R. S.* Karl Lueger: Mayor of Fin de Siècle Vienna. Wayne State University Press, 1990. P. 181.
43. Ibid, p. 200.
44. *Schuschnigg K.* Austrian Requiem. Victor Gollancz, 1947. P. 21, 23.
45. Свидетельство публикуется впервые. См. также: *Rees.* Nazis, p. 107.
46. *Domarus M.* Hitler. Reden und Proklamationen 1932–1945. Kommentiert von einem deutschen Zeitgenossen. V. 1. Triumph. R. Löwit, 1973. P. 803. Речь Гитлера в рейхстаге 20 февраля 1938 года.
47. Völkischer Beobachter. Norddeutsche Ausgabe. 1938. 26 February. P. 2.
48. Свидетельство публикуется впервые.
49. Свидетельство публикуется впервые.
50. Свидетельство публикуется впервые.
51. Свидетельство публикуется впервые.
52. *Rees.* Nazis, p. 114.
53. Ibid, p. 112.
54. Ibid, p. 114.
55. *Shirer W. L.* Berlin Diary: The Journal of a Foreign Correspondent, 1934–1941. Johns Hopkins University Press, 2002. P. 110–111.
56. См.: *Wachsmann N.* KL: A History of the Nazi Concentration Camps. Little, Brown, 2015. P. 140.
57. См.: Ibid, p. 177.
58. См.: Ibid.
59. J. Matthäus, M. Roseman (eds.). Jewish Responses to Persecution. V. 1. 1933–1938. AltaMira Press/US Holocaust Memorial Museum, 2010. Report to the Jewish Telegraph Agency in Paris on persecution in Austria in June 1938, document 10–17. P. 283–184.

60. См.: *Shirer*. Berlin Diary, p. 109. Запись от 19 марта 1938 года.
61. Fröhlich (ed.). Die Tagebücher von Joseph Goebbels. Teil I. V. 5. K. G. Saur, 2000. P. 225. Запись от 23 марта 1938 года.
62. См.: *Cesarani D.* Eichmann: His Life and Crimes. Vintage, 2005. P. 61.
63. См.: Ibid, p. 65.
64. См.: Ibid, p. 67.
65. См.: *Longerich P.* Holocaust: The Nazi Persecution and Murder of the Jews. Oxford University Press, 2012. P. 106.

Глава 7. Радикализация

1. *Domarus M.* Hitler. Reden und Proklamationen 1932–1945. Kommentiert von einem deutschen Zeitgenossen. V. 1. Triumph. R. Löwit, 1973. P. 845–846. Речь Гитлера 6 апреля 1938 года.
2. Ibid, p. 845. Речь Гитлера в Клагенфурте 4 апреля 1938 года.
3. Ibid, p. 844. Речь Гитлера в Граце 3 апреля 1938 года.
4. См. с. 46.
5. Hitler's Table Talk, 1941–1944. Phoenix Press, 2002. P. 142–145, here p. 144. 13 декабря 1941 года.
6. См.: Ibid, p. 145.
7. *Domarus*. Hitler. Reden und Proklamationen. V. 1. P. 606. Речь Гитлера 14 марта 1936 года.
8. См.: Ibid, p. 848. Речь Гитлера 9 апреля 1938 года.
9. См.: *Longerich P.* Holocaust: The Nazi Persecution and Murder of the Jews. Oxford University Press, 2010. P. 92.
10. См.: *Wachsmann N.* KL: A History of the Nazi Concentration Camps. Little, Brown, 2015. P. 177.
11. См.: Y. Arad, Y. Gutman, A. Margalio (eds.). Documents on the Holocaust: Selected Sources on the Destruction of the Jews of Germany and Austria, Poland and the Soviet Union. Bison Books, 1999. P. 98–99.
12. B. Meyer, H. Simon, Ch. Schütz (eds.). Jews in Nazi Berlin: From Kristallnacht to Liberation. University of Chicago Press, 2009. P. 25.
13. Чтобы быть верным историческим реалиям и в то же время остаться корректным в том, что касается современных представлений, слово «цыгане» мною используется при определении нацистской политики, а «синти» и «рома» – когда речь идет в более широком контексте о соответствующих лицах.
14. См.: *Lewy G.* The Nazi Persecution of the Gypsies. Oxford University Press, 2000. P. 2–3.
15. *Kallis A.* Genocide and Fascism: The Eliminationist Drive in Fascist Europe. Routledge, 2009. P. 55. Слова Альбрехта Кранца, сказанные в начале XVI века.
16. Ibid.
17. См.: *Lombroso C.* Die Ursachen und Bekämpfung des Verbrechens, Bermühler, 1902.
18. См.: *Lewy*. Nazi Persecution, p. 7.
19. Свидетельство публикуется впервые.
20. Свидетельство публикуется впервые.
21. См.: *Lewy*. Nazi Persecution, p. 42.
22. См.: *Burleigh M., Wippermann W.* The Racial State: Germany 1933–1945. Cambridge University Press, 1991. P. 120–121; *Lewy*. Nazi Persecution, p. 135–138.
23. Постоянная экспозиция в мемориальном комплексе концлагеря Заксенхаузен.
24. Ch. Goeschel, N. Wachsmann (eds.). The Nazi Concentration Camps, 1933–1939: A Documentary History. University of Nebraska Press, 2012. P. 204–205.

25. Доклад из полицейского участка St Johann, Austria. 12 января 1939 года. См.: *Lewy. Nazi Persecution*, p. 61–62.
26. См.: *Penton M. J. Jehovah's Witnesses and the Third Reich*. University of Toronto Press, 2004. P. 275–284.
27. *Rees L. Auschwitz: The Nazis and the 'Final Solution'*. BBC Books, 2005. P. 210, а также впервые публикуемые свидетельства.
28. *Reynaud M., Graffard S. The Jehovah's Witnesses and the Nazis: Persecution, Deportation, and Murder, 1933–1945*. Cooper Square Press, 2001. P. 21.
29. *Wachsmann. KL*, p. 126.
30. *Reynaud, Graffard. Jehovah's Witnesses*, p. 89–90.
31. См.: *Hoess R. Commandant of Auschwitz*. Phoenix Press, 2001. P. 88–89.
32. *Ibid*, p. 89.
33. *Ibid*, p. 91.
34. *Reynaud, Graffard. Jehovah's Witnesses*, p. 31.
35. Свидетельство публикуется впервые.
36. В. F. Smith, A. F. Peterson (eds.). *Heinrich Himmler. Geheimreden 1933 bis 1945 und andere Ansprachen*. Propyläen Verlag, 1974. P. 93–94, 96–97. Речь перед группой руководителей СС 18 февраля 1937 года.
37. *Völkischer Beobachter*. Bayernausgabe. 1930. 2 August (182. Ausgabe, 43. Jg.). P. 1.
38. Свидетельства Вольфганга Туберта (*Wolfgang Teubert*) и Эмиля Кляйна (*Emil Klein*). См. также: *Rees L. The Dark Charisma of Adolf Hitler*. Ebury Press, 2012. P. 127–128.
39. См.: *Völkischer Beobachter*. 1934. 1 July, а также: *Rees. Charisma*, p. 127.
40. См.: *Wachsmann. KL*, p. 127–128.
41. См.: <http://www.ushmm.org/learn/students/learning-materials-and-resources/homosexuals-victims-of-the-nazi-era/persecution-of-homosexuals>. По оценкам музея, в концентрационные лагеря были направлены от 5000 до 15 000 гомосексуалистов.
42. *Wachsmann. KL*, p. 134.
43. *Domarus. Hitler. Reden und Proklamationen. V. 1*. P. 870. Приказ Гитлера от 30 мая 1938 года.
44. См.: *Tooze A. Wages of Destruction: The Making and Breaking of the Nazi Economy*. Penguin, 2007. P. 255.
45. PRO FO 371/22530. 1938. 13 March. См.: *Horne F. Explaining British Refugee Policy, March 1938 – July 1940*, thesis. University of Canterbury, New Zealand, 2008. P. 5.
46. Майор сэр Джордж Дэвис (*George Davies*), депутат-консерватор от Йовиля, выступление в палате общин 22 марта 1938 года. PRO FO 372/3282.
47. *Gilbert M. Exile and Return*. Lippincott, 1978. P. 203. Сказано на заседании кабинета министров 20 июля 1938 года.
48. См.: *Large D. C. And the World Closed its Doors*. Basic Books, 2004. P. 72.
49. *Messersmith G. S. Berlin*, to William Phillips, Undersecretary of State, Washington, 26 June 1933, George S. Messersmith Papers in the University of Delaware Library, <http://udspace.udel.edu/handle/19716/6176>.
50. *Nye Jr., J. S. Presidential Leadership and the Creation of the American Era*. Princeton University Press, 2013. P. 38.
51. См.: *Large C. And the World Closed its Doors*, p. 70.
52. Дневники Уильяма Лайона Макензи Кинга (*William Lyon Mackenzie King*). Запись от 29 марта 1938 года. <http://www.bac-lac.gc.ca/eng/discover/politics-government/prime-ministers/william-lyon-mackenzie-king/Pages/item.aspx?IdNumber=18924&>.
53. *Ibid*. Запись от 29 июня 1937 года. После аншлюса Кинг записал в дневнике, что не сможет терпеть угнетение евреев со стороны нацистов, но тем не менее думает, что мир по-

прежнему будет воспринимать Гитлера как великого политика. См. запись в дневнике Кинга от 27 марта 1938 года. После Хрустальной ночи он написал, что сочувствует евреям – эти люди попали в трудное положение. См. запись от 23 ноября 1938 года.

54. Ibid. Запись от 30 июня 1937 года.

55. J. Matthäus, M. Roseman (eds.). *Jewish Responses to Persecution*. V. 1. 1933–1938. AltaMira Press/US Holocaust Memorial Museum, 2010, WJC Memorandum, July 1938, USHMM RG 11.001 M.36, reel 106 (SAM 1190–1–257), document 11–13. P. 314–318.

56. *Dwork D., van Pelt R. J. Flight from the Reich: Refugee Jews 1933–1946*. W. W. Norton, 2009. P. 99. Roger Makins, Memorandum 25 March 1938. PRO FO 371/2231.

57. *Melzer E. No Way Out: The Politics of Polish Jewry, 1935–1939*. Hebrew Union College Press, 1965. P. 90.

58. См.: *Cymet D. History vs. Apologetics: The Holocaust, the Third Reich, and the Catholic Church*. Lexington Books, 2010. P. 125.

59. См.: *Meir G. My Life*. Weidenfeld & Nicolson, 1975. P. 127.

60. См.: *Nicosia F. R. The Third Reich and the Palestine Question*. Transaction, 2013. P. 125.

61. Уинстон Черчилль (*Winston Churchill*), выступление во время дебатов в палате общин 23 мая 1939 года. Hansard. V. 347. Col. 2178. См.: *Todman D. Britain's War: Into Battle 1937–1941*. Allen Lane, 2016. P. 162–166.

62. Cabinet Committee Minutes, PRO CAB24/285, 20 April 1939. См. также сообщение У. Черчиллю о том, что британский министр в Бухаресте – последовательный антисемит, несмотря на преследования евреев там. Цит. по: *Gilbert. Exile and Return*, p. 226.

63. См.: *Abella I., Troper H. None Is Too Many: Canada and the Jews of Europe, 1933–1938*. L. & O. Denny, 1982. P. 35.

64. См.: Ibid, p. 9. Письмо Блэра, датированное 13 сентября 1938 года.

65. См.: *Shirer W. L. Berlin Diary: The Journal of a Foreign Correspondent, 1934–1941*. Johns Hopkins University Press, 2002. P. 120. Запись от 7 июля 1938 года.

66. *Völkischer Beobachter*, 1938. 13 July, а также: *Rees. Charisma*, p. 189.

67. См.: *Domarus M. Hitler: Speeches and Proclamations 1932–1945*. V. 2. 1935–1938. Bolchazy-Carducci, 1992. P. 1153. Речь Гитлера 12 сентября 1938 года.

68. *Zimmerman J. D. The Polish Underground and the Jews, 1939–1945*. Cambridge University Press, 2015. P. 20.

69. L. E. Hill (ed.). *Die Weizsäcker Papiere 1933–1950*. Propyläen Verlag, 1974. P. 142.

70. См.: *Longerich. Holocaust*, p. 106–107.

71. *Domarus. Hitler*. V. 2 (English edn). P. 1223. Речь Гитлера 9 октября 1938 года.

72. Matthäus, Roseman (eds.). *Jewish Responses to Persecution*. V. 1. Письмо Юзефа Бронятовского (*Josef Broniatowski*) из Ченстоховы, Польша, без даты (наиболее вероятно – начало ноября 1938 года). Document 12–22. P. 345–347.

73. *Arendt H. Eichmann in Jerusalem*. Penguin, 1997. P. 228.

74. E. Fröhlich (ed.). *Die Tagebücher von Joseph Goebbels*. T. I. Aufzeichnungen 1923–1941. V. 6. K. G. Saur, 1998, P. 180. Запись от 10 ноября 1938 года.

75. Свидетельство ранее не публиковалось, но см. также: *Rees L. The Nazis: A Warning from History*. BBC Books, 1997. P. 75–76; *Rees. Charisma*, p. 191–192.

76. Свидетельство публикуется впервые.

77. R. Levitt (ed.). *Pogrom: November 1938. Testimonies from 'Kristallnacht'*, Souvenir Press / The Wiener Library for the Study of the Holocaust and Genocide, 2015. P. 33. Report B12.

78. См.: *Gendarmerie-Station Muggendorf Monthly Report*. 1938. 26 November. Цит. по: W. H. Pehle (ed.). *November 1938: From Reichskristallnacht to Genocide*. St Martin's Press, 1991. P. 39; *Reactions to Kristallnacht* на www.jewishvirtuallibrary.org.

79. Levitt (ed.). *Pogrom*, p. 86–87, report B66.

80. Свидетельство публикуется впервые.
81. Levitt (ed.). Pogrom, p. 28–29, report B8.
82. Juden, was nun? Das Schwarze Korps. Zeitung der Schutzstaffeln der NSDAP. Organ der Reichsführung SS, Berlin, 24 November 1938. Issue no. 47. V. 4. Front page.
83. Dieses Pack ist schlimmer! Das Schwarze Korps. Zeitung der Schutzstaffeln der NSDAP. Organ der Reichsführung SS, Berlin, 17 November 1938. Issue no. 46. V. 4. Front page.
84. Damit wir uns recht verstehen... Das Schwarze Korps. Zeitung der Schutzstaffeln der NSDAP. Organ der Reichsführung SS, Berlin, 1 December 1938. Issue no. 48. V. 4. P. 2.
85. Das genügt fürs erste! Das Schwarze Korps. Zeitung der Schutzstaffeln der NSDAP. Organ der Reichsführung SS, Berlin, 24 November 1938. Issue no. 47. V. 4. P. 14.
86. Juden, was nun? Das Schwarze Korps. 24 November 1938.
87. См.: *Cesarani D.* Final Solution: The Fate of the Jews 1933–49. Macmillan, 2016. P. 214.
88. Свидетельство публикуется впервые.
89. PRO CAB 27/624 32, 14 November 1938. Цит. по: *Rees.* Charisma, p. 221.
90. Свидетельство публикуется впервые.
91. Источник английского перевода: Stenographic Report of the Meeting on 'the Jewish Question' under the Chairmanship of Field Marshal Goering in the Reichs Air Force Ministry. 12 November 1938. In United States Chief Counsel for the Prosecution of Axis Criminality, Nazi Conspiracy and Aggression. V. 5. United States Government Printing Office, 1946. Document 1816-PS. P. 425–457.
92. *Longerich.* Holocaust, p. 115.
93. См.: *Domarus M.* Hitler: Speeches and Proclamations 1932–1945. V. 3. 1939–1940. Bolchazy-Carducci, 1997, p. 1447–1449. Речь Гитлера 30 января 1939 года.
94. Разговор Гитлера и премьер-министра Венгрии графа Иштвана Чаки 16 января 1939 года, 17–18 часов. Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918–1945. См.: Serie D. V. 5. Polen, Südosteuropa, Lateinamerika, Klein- und Mittelstaaten, Juni 1937 – März 1939. Imprimerie Nationale, 1953. P. 305.
95. Стенограмма встречи министра иностранных дел Чехословакии Хвалковски с Гитлером 21 января 1939 года, 17–18 часов. Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918–1945. Serie D. V. 4. Die Nachwirkungen von München, Oktober 1938–März 1939. Imprimerie Nationale, 1951. P. 170–171.
96. *Ward J. M.* Priest, Politician, Collaborator: Jozef Tiso and the Making of Fascist Slovakia. Cornell University Press, 2013. P. 177.
97. См.: *Ibid*, p. 185.
98. Свидетельство публикуется впервые.
99. Свидетельство публикуется впервые.
100. D. Dilks (ed.). The Diaries of Sir Alexander Cadogan, OM, 1938–1945. Cassell, 1971. P. 161. Запись от 20 марта 1939 года.
101. См.: American Presidency Project: 15 April 1939, press conference. www.presidency.ucsb.edu.
102. См.: *Domarus.* Hitler, v. 3 (English edn), p. 1585–1592.
103. Documents on German Foreign Policy, Series D. V. 7. P. 200–204. Митинг 22 августа 1939. См. также: J. Noakes, G. Pridham (eds.). Nazism 1919–1945. V. 3. Foreign Policy, War and Racial Extermination. Exeter University Press, 1991. P. 739–743.

Глава 8. Начало расовой войны

1. *Rees L.* World War II: Behind Closed Doors. BBC Books, 2008. P. 32.
2. J. Matthäus, J. Böehler, K.-M. Mallmann (eds.). War, Pacification, and Mass Murder, 1939: The Einsatzgruppen in Poland, Documenting Life and Destruction: Holocaust Sources in Context.

Rowman & Littlefield, 2014. P. 44. Document 5. Дневниковые записи гауптштурмфюрера СС Эриха Элерса (*Erich Ehlers*), айнзатцгруппа II, с 1 по 5 сентября 1939 года.

3. Ibid, p. 54. Document 12. Доклад Гельмута Бисхофа (*Helmuth Bischoff*), командира айнзатцгруппы I/IV, о своих действиях в Быдгоще 7 и 8 сентября 1939 года, недатированный (конец 1939 года). IPNW, NTN196/180.

4. См.: *Rees L.* The Nazis: A Warning from History. BBC Books, 1997. P. 127–128.

5. Ibid, p. 130.

6. Свидетельство публикуется впервые.

7. *Szarota T.* Poland under German Occupation 1939–1945. В кн.: B. Wegner (ed.). From Peace to War: Germany, Soviet Russia, and the World, 1939–1941. Berghahn Books, 1997. P. 47–61, here p. 54.

8. См.: *Rees L.* The Dark Charisma of Adolf Hitler. Ebury Press, 2012. P. 251.

9. Matthäus, Böhler, Mallmann (eds.). War, Pacification, and Mass Murder, p. 29.

10. См.: *Rossino A. B.* Hitler Strikes Poland: Blitzkrieg, Ideology, and Atrocity. University Press of Kansas, 2003. P. 16.

11. Ibid, p. 66–67, 129.

12. *Browning Ch.* The Origins of the Final Solution. Heinemann, 2004. P. 36–37. *Cesarani D.* Final Solution: The Fate of the Jews 1933–49. Macmillan, 2016. P. 257.

13. Свидетельство публикуется впервые.

14. *Longerich P.* Holocaust: The Nazi Persecution and Murder of the Jews. Oxford University Press, 2010. P. 151–152.

15. *Browning Ch.* Nazi Policy, Jewish Workers, German Killers. Cambridge University Press, 2000. P. 8. Речь Ганса Франка 25 ноября 1939 года.

16. См.: Ibid, p. 6.

17. Свидетельство публикуется впервые.

18. *Rees.* Nazis, p. 139.

19. См.: *Browning.* Origins, p. 57.

20. *Rees.* Charisma, p. 294. Запись в дневнике Геббельса, датированная 24 января 1940 года.

21. Свидетельство Фрица Арльта (*Fritz Arlt*), публикуется впервые. См. также: *Rees.* Nazis, p. 151–152; *Rees L.* Auschwitz: The Nazis and the Final Solution. BBC Books, 2005. P. 34.

22. *Rees.* Nazis, p. 136.

23. Свидетельство публикуется впервые.

24. См.: *Browning.* Origins, p. 93.

25. Служебная записка Гиммлера от 15 мая 1940 года «Некоторые размышления об отношении к вражескому населению на Востоке» в кн.: J. Noakes, G. Pridham (eds.). Nazism 1919–1945. V. 3. Foreign Policy, War and Racial Extermination. Exeter University Press, 1991. P. 934.

26. См. с. 166–167.

27. См.: T. Berenstein et al. (eds.). Faschismus – Getto – Massenmord. Dokumentation über Ausrottung und Widerstand der Juden in Polen während des zweiten Weltkrieges. Röderberg-Verlag, 1960. P. 78–81, here p. 81. Циркуляр административного округа Калиш от 10 декабря 1939 года. Опубликовано также в кн.: Dokumenty i materialy z czasów Okupacji Niemieckiej w Polsce. V. 3. Getto Łódzkie. Towarzystwo Przyjaciół Centralnej Żydowskiej Komisji Historycznej, 1946. P. 26–31.

28. A. Adelson, R. Lapidés (eds.). Łódź Ghetto: Inside a Community under Siege. Viking, 1989. P. 11. Дневник Давида Сираковьяка (*Dawid Sierakowiak*).

29. Свидетельство публикуется впервые.

30. *Rees.* Nazis, p. 153.

31. *Trunk I.* Łódź Ghetto: A History. Indiana University Press, 2008. P. xxxiv.

32. Ibid, p. 21.
33. Yehuda Leib Gerst, *From the Straits* (Hebrew). Jerusalem: Safra Fund, 1949. P. 26. Цит. по: Unger M. Reassessment of the Image of Mordechai Chaim Rumkowski. Yad Vashem, 2004. P. 8.
34. См.: R. Hilberg, S. Staron, J. Kermisz (eds.). *The Warsaw Diary of Adam Czerniakow, Elephant*, 1999. P. 236–237. Запись от 17 мая 1941 года.
35. Rees. Nazis, p. 154. Свидетельство Эгона Зильке (*Egon Zielke*).
36. Свидетельство публикуется впервые.
37. См.: *Longerich*. Holocaust, p. 136.
38. См. с. 117.
39. Свидетельство публикуется впервые. См. также: Rees. Nazis, p. 83.
40. См.: *Browning*. Origins, p. 186.
41. См.: *Lifton R. J.* *The Nazi Doctors: Medical Killing and the Psychology of Genocide*. Basic Books, 1986. P. 280.
42. См.: *Friedlander H.* *The Origins of Nazi Genocide: From Euthanasia to the Final Solution*. University of North Carolina Press, 1995. P. 75.
43. См.: Ibid, p. 81.
44. См.: C. F. Rüter et al. (eds.). *Justiz und NS-Verbrechen. Sammlung deutscher Strafurteile wegen nationalsozialistischer Tötungsverbrechen 1945–1966*. V. 26. Amsterdam University Press / K. G. Saur, 2001. P. 555–583, here p. 558–559. См. также: *Klee E.* *Euthanasie im NS-Staat. Die Vernichtung lebensunwerten Lebens*. S. Fischer Verlag, 1983. P. 84–85.
45. См.: *Klee*. Euthanasie, p. 118.
46. K. Linne (ed.). *Der Nürnberger Ärzteprozeß 1946/47. Wortprotokolle, Anklage- und Verteidigungsmaterial, Quellen zum Umfeld, Mikrofiche-Edition* / K. G. Saur, 1999. F. 2687–2688. Расшифровка показаний Ганса Генриха Ламмерса (*Hans Heinrich Lammers*), Nuremberg Medical Case, 7 February 1947. Там же отмечено, что предварительные эксперименты с окисью углерода как отравляющим газом проводились в Вартегау в ноябре 1939 года. *Browning*, Origins. P. 188.
47. *Lifton*. Nazi Doctors, p. 72.
48. См., например, свидетельства Иозефа Пачиньского (*Józef Paczyński*), с. 255.
49. *Lifton*. Nazi Doctors, p. 72.
50. Данные Пирнского мемориала Зонненштайн (*Gedenkstätte Pirna Sonnenstein*).
51. См.: *Grabher M., Eberl I.* *Euthanasie Arzt und Kommandant von Treblinka*. Peter Lang, 2006. P. 35. Оригинал в: Hearing of Aquilin Ullrich in Frankfurt, 10 October 1962. HHStAW 631a. N. 1726.
52. См.: Ute Hofmann and Dietmar Schulze, ‘...wird heute in eine andere Anstalt verlegt’. *Nationalsozialistische Zwangssterilisation und ‘Euthanasie’ in der Landes-Heil- und Pflegeanstalt Bernburg – eine Dokumentation*. Regierungspräsidium Dessau, 1997. P. 111.
53. См.: *Grabher, Eberl*. Euthanasie p. 105. Оригинал в: Hearing of Heinrich Bunke in Frankfurt, 17 April 1962. HHStAW 631a. N. 1666.
54. См.: *Schmuhl H.-W.* *Brain Research and the Murder of the Sick: The Kaiser Wilhelm Institute for Brain Research, 1937–1945*. В кн.: S. Heim, C. Sachse, M. Walker (eds.). *The Kaiser Wilhelm Society under National Socialism*. Cambridge University Press, 2009. P. 99–119, here p. 113.
55. См.: <http://chgs.umn.edu/histories/documentary/hadamard/ignorance.html>, University of Minnesota, Center for Holocaust Studies.
56. См.: E. Klee (ed.). *Dokumente zur Euthanasie*. S. Fischer Verlag, 1985. P. 125.
57. *Sereny G.* *Into That Darkness: From Mercy Killing to Mass Murder*. Pimlico, 1995. P. 54.
58. См.: *Longerich*. Holocaust, p. 138.
59. См.: *Browning*. Origins, p. 188–189.

60. Ibid, p. 191–192. Следует отметить, что одна еврейская лечебница – клиника в Бендорф-Зейне – стала исключением: ее пациентов убили только в процессе «окончательного решения еврейского вопроса».

61. См.: *Wachsmann N.* KL: A History of the Nazi Concentration Camps. Little, Brown, 2015. P. 231–232.

62. См.: <http://www.buchenwald.de/en/457/>.

63. См.: *Wachsmann.* KL, p. 221–225.

64. Свидетельство публикуется впервые.

65. Свидетельство публикуется впервые.

66. Свидетельство публикуется впервые.

67. Свидетельство публикуется впервые.

68. Свидетельство публикуется впервые.

69. См.: Noakes, Pridham (eds.). *Nazism.* V. 3. P. 932–934.

70. Y. Arad, Y. Gutman, A. Margaliot (eds.). *Documents on the Holocaust.* University of Nebraska Press, 1999. P. 216–218. Rademacher memo, 3 July 1940.

71. См.: Ibid, p. 218. Речь Ганса Франка, 12 июля 1940 года.

72. См.: *Pätzold K.* Verfolgung, Vertreibung, Vernichtung. Dokumente des faschistischen Antisemitismus, Reclam, 1991. P. 269–270.

73. См.: Arad et al. (eds.). *Documents.* P. 216–218. Rademacher memo, 3 July 1940.

74. *Longerich.* Holocaust, p. 162–164.

75. C. Burdick, H.-A. Jacobsen (eds.). *The Halder War Diary, 1939–1942.* Greenhill Books, 1988. P. 76. Запись от 3 ноября 1939 года.

76. См.: G. Mayer (ed.). *Generalfeldmarschall Wilhelm Ritter von Leeb. Tagebuchaufzeichnungen und Lagebeurteilungen aus zwei Weltkriegen.* Deutsche Verlags-Anstalt, 1976. P. 187–188. Запись от 9 октября 1939 года.

77. См.: *Jablonsky D.* Churchill and Hitler: Essays on the Political–Military Direction of Total War. Frank Cass, 1994. P. 155. См. также: *Pollak A.* Die Wehrmächtslegende in Österreich. Das Bild der Wehrmacht im Spiegel der österreichischen Presse nach 1945. Böhlau, 2002. P. 62.

78. *Documents on German Foreign Policy. Series D.* V. 7. P. 200–204. Выступление Гитлера перед военными руководителями в Берхтесгадене, 22 августа 1939 года. См. также: Noakes, Pridham (eds.). *Nazism.* V. 3. P. 739–743.

79. *Domarus M.* Hitler. Reden und Proklamationen 1932–1945. Kommentiert von einem deutschen Zeitgenossen. V. 2. Untergang. R. Löwit, 1973. P. 1422, 1425–1426. Речь Гитлера 23 ноября 1939 года.

80. См.: Ibid, p. 1553, 1558. Речь Гитлера 19 июля 1940 года.

81. См.: Burdick, Jacobsen (eds.). *Halder War Diary,* p. 241–246. Запись от 31 июля 1940 года.

Глава 9. Гонения на Западе

1. Мемориальный музей Холокоста (США) (www.ushmm.org) приводит бóльшие цифры: 4500 человек – 3500 граждан страны и 1000 беженцев. Израильский национальный мемориал Катастрофы (Холокоста) и героизма «Яд ва-Шем» (www.yad-vashem.org) называет общую численность 3500 человек. Иегуда Бауэр пишет о 3500 в 1939 году и 2000 в 1940-м. См.: *Bauer Y.* *American Jewry and the Holocaust: The American Jewish Joint Distribution Committee 1939–1945.* Wayne State University Press, 1981. P. 53.

2. Густав Симон (*Gustav Simon*) был главой гражданской администрации Люксембурга и гауляйтером соседнего гау Мозелланд.

3. См.: *Bauer.* *American Jewry,* p. 53–55.

4. См.: *Debruyne E.* The Belgian Government-in-Exile Facing the Persecution and Extermination of the Jews. В кн.: J. Láníč'ek, J. Jordan (eds.). *Governments in Exile and the Jews during the Second World War.* Vallentine Mitchell, 2013. P. 197–212, here p. 201.
5. *Rees L.* *Their Darkest Hour.* Ebury Press, 2007. P. 165.
6. См.: *Saerens L.* Antwerp's Attitude toward the Jews from 1918 to 1940. В кн.: D. Michman (ed.). *Belgium and the Holocaust.* Yad Vashem, 1998. P. 159–194, here p. 192–193.
7. См.: *Rees L.* *Selling Politics.* BBC Books, 1992. P. 18–25.
8. См.: *Ibid*, p. 24.
9. *Hitler's Table Talk, 1941–1944.* Phoenix Press, 2002. P. 99. Запись от 30 октября 1941 года.
10. *Rees.* *Selling Politics*, p. 24. Запись в дневнике Геббельса от 5 июля 1941 года.
11. Свидетельство публикуется впервые.
12. *Rees L.* *Auschwitz: The Nazis and the 'Final Solution'.* BBC Books, 2005. P. 217. Впрочем, около 20 еврейских беженцев были выданы нацистам. В 2005 году датский премьер-министр принес за это извинения от имени своей страны.
13. См.: *Dahl H. F.* *Quisling: A Study in Treachery.* Cambridge University Press, 1999. P. 222.
14. См. с. 369.
15. См.: *Dewulf J.* *Spirit of Resistance: Dutch Clandestine Literature during the Nazi Occupation.* Camden House, 2010. P. 48.
16. *Moore B.* *Victims and Survivors: The Nazi Persecution of the Jews in the Netherlands 1940–1945.* Arnold, 1997. P. 195; в программе Radio Oranje, 2 октября 1943.
17. См.: *Presser J.* *Ashes in the Wind: The Destruction of Dutch Jewry.* Souvenir Press, 2010. P. 25.
18. Есть мнение, что при нацистской администрации депортации подлежали 140 000 евреев. См.: www.rijksmuseum.nl/en/rijksstudio/timeline-dutch-history/holocaust.
19. См.: *Presser.* *Ashes in the Wind*, p. 27–28.
20. См.: *Ridder W.* *Countdown to Freedom.* Author House, 2007. P. 252.
21. Свидетельство Гетти Коэн-Костер, в то время студентки юридического факультета Лейденского университета, см.: <http://www.news.leiden.edu/news-2015/hetty-cohen-koster-was-present-at-cleveringas-speech.html>.
22. См.: *May E. R.* *Strange Victory: Hitler's Conquest of France.* I. B. Tauris, 2000. P. 283. Гамелен (*Gamelin*) в разговоре с генералом Эдуаром Рекином (*Édouard-Jean Réquin*).
23. *Ibid*, p. 386.
24. Цит. по: *Carroll D.* What It Meant to Be 'a Jew' in Vichy France: Xavier Vallat, State Anti-Semitism, and the Question of Assimilation. *SubStance.* 1998. V. 27. No. 3. P. 36–54. См. также: *Wieviorka O.* *Orphans of the Republic: The Nation's Legislators in Vichy France.* Harvard University Press, 2009. P. 195.
25. См.: *Schoolcraft III, R. W.* Darquier de Pellepoix. В кн.: R. S. Levy (ed.). *Antisemitism: A Historical Encyclopedia of Prejudice and Persecution.* 2005. V. 1. ABC-CLIO. P. 161–162, here p. 162.
26. См.: *Beigbeder Y.* *Judging War Crimes and Torture: French Justice and International Criminal Tribunals and Commissions, 1940–2005.* Martinus Nijhoff, 2006. P. 143–147.
27. См.: *Marrus M. R., Paxton R. O.* *Vichy France and the Jews.* Stanford University Press, 1995. P. 5.
28. См.: *The Guardian.* 2010. 3 October. <http://www.theguardian.com/world/2010/oct/03/marshal-petain-nazi-zealous-anti-semitism>.
29. *Poznanski R.* The Jews of France and the Statutes on Jews, 1940–1941. См.: www.yadvashem.org/yv/en/education/courses/life_ghettos/pdfs/reading5.pdf.

30. *Caron V.* The Path to Vichy: Antisemitism in France in the 1930s. United States Holocaust Memorial Museum, Center for Advanced Holocaust Studies. J. В. и М. С. Shapiro Annual Lecture. 2005. 20 April. P. 1–2.
31. См.: *Zuccotti S.* The Holocaust, the French and the Jews. Bison Books, 1999. P. 3.
32. *Carcopino J.* Souvenirs de sept ans. Flammarion, 1953. P. 359; *Marrus, Paxton.* Vichy, p. 85.
33. *Gutterman B., Morgenstern N.* The Gurs Haggadah: Passover in Perdition. Devora Publishing and Yad Vashem, 2003. P. 17.
34. См.: *Browning Ch.* The Origins of the Final Solution. Heinemann, 2004. P. 89–93.
35. Ibid, p. 92.
36. См.: Ibid, p. 90.
37. См.: J. Noakes, G. Pridham (eds.). Nazism 1919–1945. V. 3. Foreign Policy. War and Racial Extermination, Exeter University Press, 2006 edn. P. 471.
38. См.: *Rees L.* The Nazis: A Warning from History, BBC Books, 1997. P. 141–142.
39. См.: *Steinbacher S.* In the Shadow of Auschwitz: The Murder of the Jews of East Upper Silesia. В кн.: U. Herbert (ed.). National Socialist Extermination Policies: Contemporary German Perspectives and Controversies. Berghahn Books, 2000. P. 276–305, here p. 284.
40. См.: *Cesarani D.* Final Solution: The Fate of the Jews 1933–49. Macmillan, 2016. P. 274.
41. См.: *Rees L.* World War II: Behind Closed Doors. BBC Books, 2008. P. 80.
42. *Stahel D.* Operation Barbarossa and Germany's Defeat in the East. Cambridge University Press, 2012. P. 73.
43. *Trunk I.* Łódź Ghetto: A History. Indiana University Press, 2008. P. 109.
44. См.: *Browning Ch.* Path to Genocide: Essays on Launching the Final Solution. Cambridge University Press, 1993. P. 33.
45. Свидетельство публикуется впервые.
46. *Browning.* Genocide, p. 36. Palfinger's report of 7 November 1940.
47. Свидетельство публикуется впервые.
48. *Trunk.* Łódź Ghetto, p. 83, document no. 55 YI-1212. 5 апреля 1940 года, Румковский – главе города Лодзи.
49. См.: Ibid, p. 111.
50. См.: *Unger M.* Reassessment of the Image of Mordechai Chaim Rumkowski. Yad Vashem, 2004. P. 37. N. 82.
51. J. Sloan (ed.). Notes from the Warsaw Ghetto, from the Journal of Emmanuel Ringelblum. iBooks, 2006. P. 19. Запись от 12 февраля 1940 года.
52. Ibid, p. 17. Запись от 7 февраля 1940 года.
53. См.: R. Hilberg, S. Staron, J. Kermisz (eds.). The Warsaw Diary of Adam Czerniakow. Elephant, 1999. P. 100. Записи от 16 и 17 декабря 1939 года.
54. Ibid, p. 112. Запись от 28 января 1940 года.
55. См.: Ibid, p. 104. Записи от 31 декабря 1939 года и 2 января 1940 года.
56. См.: *Cesarani.* Final Solution, p. 339.
57. Sloan (ed.). Journal of Emmanuel Ringelblum. P. 120. Запись от января 1941 года.
58. Свидетельство публикуется впервые.
59. См.: *Browning.* Genocide, p. 38.
60. См.: Hilberg et al. (eds.). Warsaw Diary of Adam Czerniakow, p. 239. Запись от 21 мая 1941 года.
61. Ibid, p. 247. Запись от 9 июня 1941 года.
62. Nuremberg Trial Files. V. 31. Minutes of meeting on 2 May 1941, document 2718-PS, p. 84; *Rees.* Auschwitz, p. 53.
63. См.: Nuremberg Trial Files, V. 36. Political-Economic Guidelines. P. 135–137.

64. См.: *Aly G., Heim S. Architects of Annihilation. Weidenfeld & Nicolson, 2002. P. 63–54.*
65. *Ibid*, p. 237; *Rees. Auschwitz*, p. 54.
66. От уровня численности населения в 2016 году.
67. См.: *Hitler's Table Talk*, p. 33; 17 сентября 1941 года.
68. *Ibid*, p. 38; 23 сентября 1941 года.
69. См.: *C. Burdick, H.-A. Jacobsen (eds.). The Halder War Diary, 1939–1942. Greenhill Books, 1988. P. 346. 30 марта 1941 года.*
70. *Kershaw I. Hitler: 1936–1945. Nemesis, Allen Lane, 2000. P. 359.*
71. См.: *Noakes, Pridham (eds.). Nazism. V. 3 (2006 edn). P. 478–479.*
72. См.: *Ibid*, p. 479.
73. См.: *Spitz V. Doctors from Hell: The Horrific Account of Nazi Experiments on Humans. First Sentient Publications, 2005. P. 190–194.*
74. *Ibid*, p. 195.
75. *Lifton R. J. The Nazi Doctors: Medical Killing and the Psychology of Genocide. Basic Books, 1986. P. 279.*
76. См. участь Пауля Эггерта с. 93.
77. См.: *E. Fröhlich (ed.). Die Tagebücher von Joseph Goebbels. Teil I. Aufzeichnungen 1923–1941. V. 9. K. G. Saur, 1998. P. 210. Запись от 29 марта 1941 года.*
78. Эта новая Хорватия со своими 25 500 евреями также включала Боснию и Герцеговину с 14 000 евреев. В целом в бывшей Югославии было около 80 000 евреев, в Греции – 72 000.
79. *Gitman E. When Courage Prevailed: The Rescue and Survival of Jews in the Independent State of Croatia, 1941–1945. Paragon House, 2011. P. 12–13.*
80. *Ibid*, p. 17.

Глава 10. Война на уничтожение

1. См.: *Rees L. The Nazis: A Warning from History. BBC Books, 1997. P. 175. Полный текст письма см.: United States, Department of State, Publication No. 3023, Nazi–Soviet Relations 1939–1941: Documents from the Archives of the German Foreign Office, Government Printing Office, 1948. P. 349–353.*
2. *Fröhlich E. Joseph Goebbels und sein Tagebuch. Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. V. 35. No. 4 (1987). Запись в дневнике Геббельса от 16 июня 1941 года.*
3. См.: *Tooze A. The Wages of Destruction: The Making and Breaking of the Nazi Economy. Penguin, 2007. P. 452–460.*
4. См. с. 220–221.
5. См.: *Rees L. Auschwitz: The Nazis and the 'Final Solution'. BBC Books, 2005. P. 56. Директива Гейдриха от 2 июля 1941 года.*
6. См.: *Longerich P. Holocaust: The Nazi Persecution and Murder of the Jews. Oxford University Press, 2012. P. 186.*
7. См.: *van Voren R. Undigested Past: The Holocaust in Lithuania. Rodopi, 2011. P. 27.*
8. *Rees L. Their Darkest Hour. Ebury Press, 2007. P. 11–12.*
9. См.: *Cesarani D. Final Solution: The Fate of the Jews 1933–49. Macmillan, 2016. P. 362.*
10. *MacQueen M. Lithuanian Collaboration in the Final Solution: Motivations and Case Studies. В кн.: Lithuania and the Jews: The Holocaust Chapter, Symposium Presentations, Center for Advanced Holocaust Studies. United States Holocaust Memorial Museum, 2004.*
11. Свидетельство из фильма *The Nazis: A Warning from History. Episode 5. Road to Treblinka*, written and produced by Laurence Rees, first transmission October 1997, BBC2.
12. *Faitelson A. The Truth and Nothing But the Truth: Jewish Resistance in Lithuania. Gefen Books, 2006. P. 26.*

13. Свидетельство из фильма *The Nazis: A Warning from History*. Episode 5. Road to Treblinka, written and produced by Laurence Rees, first transmission October 1997, BBC2.
14. Rees. Nazis, p. 179–182.
15. См.: Klee E. Willi Dressen and Volker Riess, 'The Good Old Days'. Konecky & Konecky, 1991. P. 31.
16. Ibid, p. 24–27.
17. См.: Longerich P. The Unwritten Order. Tempus, 2005. P. 113.
18. Ancel J. The History of the Holocaust in Romania. Yad Vashem, 2011. P. 215. Протокол беседы Гитлера и Антонеску в Мюнхене. См.: Documents on German Foreign Policy. V. 12. Doc. 614. P. 1006.
19. См.: Ancel. Romania, p. 445–446.
20. Ioanid R. The Holocaust in Romania: The Destruction of Jews and Gypsies under the Antonescu Regime, 1940–1944. Ivan R. Dee, 2008. P. 74; Kindle edition, location 1738–1745.
21. См.: Ancel. Romania, p. 453.
22. Ibid, p. 455. Автор называет цифру 8000, Мемориальный музей Холокоста США – как минимум 4000. См.: <http://www.ushmm.org/information/museum-programs-and-calendar/first-person-program/first-person-podcast/haim-solomon-hiding-during-the-pogrom-in-iasi>.
23. Ioanid. Holocaust in Romania, p. 81; Kindle edition, location 1884–1890.
24. См.: Ancel. Romania, p. 230–232.
25. Свидетельство публикуется впервые.
26. Свидетельство публикуется впервые.
27. Свидетельство Эмилио Бюже (*Emilio Büge*), Музей мемориального комплекса концлагеря Заксенхаузен, а также: Wachsmann N. KL: A History of the Nazi Concentration Camps. Little, Brown, 2015. P. 262–265.
28. Свидетельство неизвестного узника, обнаруженное в 1954 году в музее Заксенхаузена.
29. Свидетельство публикуется впервые.
30. P. Löffler (ed.). Bischof Clemens August Graf von Galen. Akten, Briefe und Predigten 1933–1946. V. 2. 1939–1946. Matthias-Grünwald-Verlag, 1988. P. 876–878. Оригинал см. в: Bistumsarchiv Münster, Fremde Provenienzen, A 8, Niederschrift der Predigt des Bischofs von Münster, Sonntag, den 3. August 1941, in der St. Lambertikirche in Münster.
31. См.: Kershaw I. Hitler: 1936–1945. Nemesis, Allen Lane, 2000. P. 424–425.
32. Свидетельство публикуется впервые.
33. Kershaw. Hitler: Nemesis, p. 426.
34. См.: Cesarani. Final Solution, p. 284; Evans R. The Third Reich at War. Allen Lane, 2008. P. 93–101.
35. Hitler's Table Talk, 1941–1944. Phoenix Press, 2000. P. 5. В ночь с 5 на 6 июля 1941 года.
36. См.: Browning Ch. The Origins of the Final Solution. Heinemann, 2004. P. 309–310.
37. Ibid, p. 240.
38. Getz A. Final Solution: Nazi Population Policy and the Murder of the European Jews. Arnold, 1999. P. 214.
39. Свидетельство публикуется впервые; см. также: Rees L. Auschwitz: The Nazis and the 'Final Solution'. BBC Books, 2005. P. 64–65.
40. См.: Arad Y. The Holocaust in the Soviet Union. University of Nebraska Press, 2009. P. 165.
41. Свидетельство публикуется впервые.
42. См.: Rees L. War of the Century. BBC Books, 1999. P. 93–94.
43. Львов в XX веке имел несколько написаний. Немцы называли его Лемберг, поляки – Львув, украинцы – Львів, русские – Львов. Здесь используется вариант названия, который был

у города в начале войны. Число погибших при погроме в 1941 году – 4000 человек – дается по оценке Мемориального музея Холокоста США.

44. См.: *Longerich P. Heinrich Himmler*. Oxford University Press, 2012. P. 526.

45. Свидетельство публикуется впервые; см. также: *Rees. Auschwitz*, p. 63–66.

46. *Rees. Darkest Hour*, p. 13.

47. *Eidintas A. Žydai, Lietuviai ir Holokaustas*. Цит. по: *MacQueen. Lithuanian Collaboration in the 'Final Solution': Motivations and Case Studies*.

48. См.: *Rees. Auschwitz*, p. 63.

49. *Rees. Nazis*, p. 190.

50. *Tory A. Surviving the Holocaust: The Kovno Ghetto Diary*. Harvard University Press, 1991. P. 24. Запись от 4 августа 1941 года.

51. *Klee E. Willi Dressen and Volker Riess, 'The Good Old Days'*. Konecky & Konecky, 1991. p. 179.

52. *Podolsky A. The Tragic Fate of Ukrainian Jewish Women under Nazi Occupation, 1941–1944*. В кн.: S. M. Hedgpeth, R. G. Saidel (eds.). *Sexual Violence against Jewish Women during the Holocaust*. Brandeis University Press and University Press of New England, 2010. P. 94–107, here p. 99.

53. См.: *Rees. Nazis*, p. 213, и впервые публикуемое свидетельство.

54. Свидетельство публикуется впервые.

55. См.: *Grenkevich L. The Soviet Partisan Movement, 1941–1944: A Critical Historiographical Analysis*. Frank Cass, 1999. P. 75.

56. *Midlarsky M. The Killing Trap: Genocide in the Twentieth Century*. Cambridge University Press, 2005. P. 147.

57. *Rees. Darkest Hour*, p. 68, и впервые публикуемое свидетельство.

58. *Kershaw. Hitler: Nemesis*, p. 467.

59. См.: Peter Witte et al. (eds.). *Der Dienstkalender Heinrich Himmlers 1941/42*. Hans Christians Verlag, 1999. P. 195.

60. Свидетельство публикуется впервые.

61. *Rees. Auschwitz*, p. 68, и впервые публикуемое свидетельство.

62. Ibid.

63. *Leben eines SS-Generals. Aus den Nürnberger Geständnissen des Generals der Waffen-SS Erich von dem Bach-Zelewski*. Aufbau. V. XII. No. 34. 1946. 23 August. P. 2.

64. См. воспоминания бывшего обергруппенфюрера СС Карла Вольфа (*Karl Wolff*) в фильме *The World at War*. Thames Television. 1974. 27 March; *Gilbert M. The Holocaust: The Jewish Tragedy*. Collins, 1986. P. 191.

65. Свидетельство публикуется впервые.

66. *Burleigh M. The Third Reich: A New History*. Pan, 2001. P. 614.

67. См.: *Browning. Origins*, p. 283. См. также: *Longerich. Himmler*, p. 534. Через несколько недель 120 больных были отравлены газом.

68. Свидетельство Вильгельма Яшке (*Wilhelm Jaschke*). Vilsbiburg. 1960. 5 April. BArch 202, AR-Z 152/159. См. также: *Rees. Auschwitz*, p. 69.

69. Свидетельство публикуется впервые, и *Rees. Auschwitz*, p. 71.

70. См.: *Tooze. Wages of Destruction*, p. 482–483.

71. См.: Ibid, p. 483.

72. Свидетельство публикуется впервые.

73. Свидетельство публикуется впервые.

74. Свидетельство публикуется впервые.

75. См.: *Longerich. Holocaust*, p. 315.

76. См.: J. Noakes, G. Pridham (eds.). *Nazism 1919–1945*. V. 3. Foreign Policy, War and Racial Extermination. Exeter University Press, 2006. P. 481.

77. P. Klein (ed.). *Die Einsatzgruppen in der besetzten Sowjetunion 1941/42. Die Tätigkeits- und Lageberichte der Sicherheitspolizei und des SD*. Hentrich, 1997. P. 342.

78. E. Fröhlich (ed.). *Die Tagebücher von Joseph Goebbels. Teil II. Diktate 1941–1945*. V. 1. K. G. Saur, 1996. P. 269. Запись от 19 августа 1941 года.

79. *Browning*. *Origins*, p. 281–282.

80. См.: *Der Prozess gegen die Hauptkriegsverbrecher vor dem Internationalen Militärgerichtshof. Nürnberg, 14. November 1945–1. Oktober 1946*. V. XXXII, Nuremberg, 1948. Document 3663-PS. P. 436.

81. См.: *Ibid*. Document 3666-PS. P. 437.

82. См.: *Hitler's Table Talk*, p. 56–57. Ночь с 13 на 14 октября 1941 года.

83. *Rees*. *Auschwitz*, p. 67.

84. Свидетельство публикуется впервые.

85. *Rees*. *Nazis*, p. 222.

86. *Hitler's Table Talk*, p. 31–35. Ночь с 17 на 18 сентября 1941 года.

87. См.: *Domarus M. Hitler: Speeches and Proclamations*. V. 4. 1941–1945. Bolchazy-Carducci, 2004. P. 2491. Речь Гитлера в Берлинском дворце спорта 3 октября 1941 года.

88. *Ioanid*. *Holocaust in Romania*, p. 120; Kindle edition, location 2726–2734.

89. *Ansel*. *Romania*, p. 243.

90. *Hitler's Table Talk*, p. 67. 17 октября 1941 года.

91. См.: Noakes, Pridham (eds.). *Nazism*, v. 3, p. 519–520.

92. См.: *Rees*. *Auschwitz*, p. 76.

93. См.: A. Adelson, R. Lapidés (eds.). *Łódź Ghetto: Inside a Community under Siege*. Viking, 1989. P. 175. Дневник Шломо Франка (*Shlomo Frank*). Записи от 19 и 23 октября 1941 года.

94. *Ibid*, p. 171. Дневник Давида Сираковьяка (*David Sierakowiak*). Запись от 17 октября 1941 года.

95. *Ibid*, p. 178–181. Записная книжка Оскара Розенфельда (*Oskar Rosenfeld*).

96. *Rees*. *Auschwitz*, p. 85.

97. См.: *Trunk I. Łódź Ghetto: A History*. Indiana University Press, 2008. P. 217.

98. *Heiber H. Aus den Akten des Gauleiters Kube. Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*. V. 4. No. 1 (1956). P. 75.

99. См.: *Kershaw*. *Hitler: Nemesis*, p. 486.

100. См.: *Getz A. Final Solution*, p. 214.

101. Показания Вальтера Бурмейстера (*Walter Burmeister*), 24/01/1961, p. 3, BArch ZStL 203 AR-Z 69/59. V. 4. (ZStL – Германский центр по раскрытию преступлений национал-социализма в Людвигсбурге).

102. См.: *Browning*. *Origins*, p. 367.

103. См.: *Longerich*. *Holocaust*, p. 282.

104. Следует отметить, что в Белоруссии были созданы два небольших лагеря для уничтожения евреев – Малый Тростенец и Бронная гора. Малый Тростенец начал действовать в мае 1942 года, его основной функцией было уничтожение минских евреев. В лагере Бронная гора, в Западной Белоруссии, немного позже начали умерщвлять евреев из прилегающих районов. Точное число погибших там неизвестно, но оно в любом случае несоизмеримо мало по сравнению с масштабами такового при осуществлении операции «Рейнхард» – государственной программы Третьего рейха по систематическому истреблению евреев и цыган в генерал-губернаторстве.

105. *Hitler's Table Talk*, p. 87. 25 октября 1941 года.

106. См.: *Browning*. *Origins*, p. 362.

107. Свидетельство от 8 ноября 1961 года. BArch ZStL 203 AR-Z 69/59. V. 3. P. 5–6. См. также: *Rees*. Auschwitz, p. 92.
108. Die Juden sind schuld! Das Reich. 1941. 16 November. No. 46. P. 1–2.
109. Детальный анализ профессора Кристофера Браунинга см. в его книге: *Origins*, p. 358–373.
110. Hitler's Table Talk, p. 57–58. Ночь с 13 на 14 октября 1941 года.
111. *Montague P.* Chełmno and the Holocaust. I. B. Tauris, 2012. P. 34.
112. См. с. 213–214.
113. См.: *Allen M.* The Devil in the Details: The Gas Chambers of Birkenau, October 1941. Holocaust and Genocide Studies. V. 16. No. 2. Autumn 2002. P. 189–216; *Rees*. Auschwitz, p. 82–83.

Глава 11. Путь к Ванзее

1. Свидетельство В. П. Пронина, председателя Моссовета // Военно-исторический журнал. 1991. № 10. С. 35–41.
2. *Domarus M.* Hitler. Reden und Proklamationen 1932–1945. Kommentiert von einem deutschen Zeitgenossen. V. 2. Untergang. R. Löwit, 1973. P. 1773, 1779. Речь Гитлера 8 ноября 1941 года.
3. *Rees L.* World War II: Behind Closed Doors. BBC Books, 2008. P. 114.
4. См.: *Domarus*. Hitler. Reden und Proklamationen, v. 2, p. 1773–1774.
5. См.: *Ibid*, p. 1804, 1808. Выступление Гитлера в рейхстаге 11 декабря 1941 года.
6. Elke Fröhlich (ed.). Die Tagebücher von Joseph Goebbels, Teil II. Diktate 1941–1945. V. 2. K. G. Saur, 1996. P. 498–499. Запись от 13 декабря 1941 года.
7. W. Präg, W. Jacobmeyer (eds.). Das Diensttagebuch des deutschen Generalgouverneurs in Polen 1939–1945. Deutsche Verlags-Anstalt, 1975. P. 452–459, here p. 457.
8. См.: *Montague P.* Chełmno and the Holocaust I. B. Tauris, 2012. P. 22.
9. См.: *Ibid*, p. 43.
10. См.: *Browning Ch.* The Origins of the Final Solution. Heinemann, 2004. P. 417.
11. См.: *Ibid*, p. 372.
12. См.: *Montague*. Chełmno, p. 64.
13. См.: *Browning*. Origins, p. 418.
14. *Kogon E. et al.* Nationalsozialistische Massentötungen durch Giftgas. S. Fischer Verlag. 1983. P. 122–123. См. также: J. Noakes, G. Pridham (eds.). Nazism 1919–1945. V. 3. Foreign Policy, War and Racial Extermination. Exeter University Press, 1991 edn. P. 1140.
15. *Rees L.* Auschwitz: The Nazis and the 'Final Solution'. BBC Books, 2005. P. 91.
16. *Montague*. Chełmno, p. 59.
17. См.: *Ibid*.
18. См.: *Ibid*, p. 65–66.
19. См.: *Trunk I.* Łódź Ghetto: A History. Indiana University Press, 2008. P. 370, Rumkowski's speech of 20 December 1941. Document no. 122: YI-1221.
20. См.: *Rees*. Auschwitz, p. 91.
21. См.: *Noakes, Pridham*. Nazism, v. 3, p. 1127–1134.
22. См.: *Cesarani D.* Eichmann: His Life and Crimes. Vintage, 2005. P. 114.
23. См.: *Browning*. Origins, p. 406.
24. *Cesarani*. Eichmann, p. 114.
25. См.: *Marchione M.* Consensus and Controversy: Defending Pope Pius XII. Paulist Press, 2002. P. 71.
26. *Rees L.* War of the Century. BBC Books, 1999. P. 78–80.

27. *Burleigh M.* The Third Reich: A New History. Pan, 2001 p. 571. Цит. по: *Dülffler J.* Deutsche Geschichte 1933–1945. Kohlhammer, 1992. P. 125.
28. *Domarus.* Hitler. Reden und Proklamationen, v. 2, p. 1828–1829. Речь Гитлера в Берлинском дворце спорта 30 января 1942 года.
29. *Rees.* Auschwitz, p. 97.
30. Свидетельство публикуется впервые.
31. Цит. по: *Klee E.* Willi Dressen and Volker Riess, ‘The Good Old Days’. Konecky & Konecky, 1991. P. 255.
32. См.: *Browning.* Origins, p. 420.
33. См.: *Reder R.* Belzec, Auschwitz Museum, 1999. P. 115.
34. Ibid, p. 118–120.
35. См.: Ibid, p. 124–125.
36. Ibid, p. 130.
37. Ibid, p. 132–133.
38. *Fröhlich (ed.).* Die Tagebücher von Joseph Goebbels. T. II. V. 3. K. G. Saur, 1994. P. 557–563. Запись от 27 марта 1942 года.
39. См.: *Longerich P.* Holocaust: The Nazi Persecution and Murder of the Jews. Oxford University Press, 2012. P. 295.
40. *Bauer Y.* Jews for Sale? Nazi–Jewish Negotiations, 1933–1945. Yale University Press, 1994. P. 66.
41. См. показания Дитера Вислицени, Словакия, 6–7 мая 1946 года (Statny oblastny archive v Bratislave, Fond Ludovy sud, 10/48) и 12 августа 1946 года (Statny oblastny archive v Bratislave, Fond Ludovy sud, 13/48), а также показания Исидора Косо 11 апреля 1947 года (Statny oblastny archive v Bratislave, Fond Ludovy sud, 13/48).
42. См.: *Domarus.* Hitler. Reden und Proklamationen, v. 2, p. 1828–1829. Речь Гитлера в Берлинском дворце спорта 30 января 1942 года.
43. Свидетельство публикуется впервые.
44. *Rees.* Auschwitz, p. 108.
45. Свидетельство публикуется впервые.
46. Свидетельство публикуется впервые. См. также: *Rees.* Auschwitz, p. 108.
47. Свидетельство публикуется впервые.
48. Свидетельство публикуется впервые.
49. См.: *Rees.* Auschwitz, p. 110.
50. Свидетельство публикуется впервые.
51. *Rees.* Auschwitz, p. 114.
52. Свидетельство публикуется впервые.
53. См.: *Wachsmann N.* KL: A History of the Nazi Concentration Camps. Little, Brown, 2015. P. 299.
54. Свидетельство публикуется впервые.
55. *Rees.* Auschwitz, p. 114.
56. *Hoess.* Commandant, p. 149–150.
57. *Rees.* Auschwitz, p. 207.
58. См.: *Sereny G.* Into That Darkness: From Mercy Killing to Mass Murder. Pimlico, 1995. P. 111–112.
59. См.: Ibid, p. 113–114.
60. Ibid, p. 131.
61. *Klee et al.* ‘The Good Old Days’, p. 232.
62. См.: *Schelvis J.* Sobibor: A History of a Nazi Death Camp. Berg, 2007. См. главы 3, 4 и 5, в особенности с. 63–66.

63. Даже при том, что многие советские военнопленные были не с Украины, в лагере их обычно называли украинцами. Это определение и применяется здесь.

64. *Rees*. Auschwitz, p. 210–211.

Глава 12. Найти и убить

1. *Marrus M. R., Paxton R. O.* Vichy France and the Jews. Stanford University Press, 1995. P.

88. Валла (*Vallat*) сделал это заявление на суде после войны, хотя оно мало чем отличается от того, что он говорил весной 1942 года.

2. *Ibid*, p. 90.

3. *Herbert U.* The German Military Command in Paris and the Deportation of the French Jews. Цит. по: *U. Herbert* (ed.). National Socialist Extermination Policies: Contemporary German Perspectives and Controversies. Berghahn Books, 2000. P. 128–162, here p. 139.

4. См.: *Ibid*, p. 140.

5. См.: *Ibid*, p. 143.

6. См.: *Cesarani D.* Eichmann: His Life and Crimes. Vintage, 2005. P. 139–140.

7. См.: *Marrus, Paxton*. Vichy, p. 243.

8. *Klarsfeld S.* French Children of the Holocaust. New York University Press, 1996. P. 34.

9. См.: *Marrus, Paxton*. Vichy, p. 233–234.

10. См.: *Zuccotti S.* The Holocaust, the French and the Jews. Bison Books, 1993. P. 99. Лавалья (*Laval*) цитирует Даннекер (*Dannecker*); выступление Лавалья в совете министров спустя шесть дней также соответствует предыдущему заявлению, сделанному Даннекером.

11. Свидетельство публикуется впервые. См. также: *Rees L.* Auschwitz: The Nazis and the 'Final Solution'. BBC Books, 2005. P. 126–131.

12. См.: *Klarsfeld*. French Children, p. 45; *Marrus, Paxton*. Vichy, p. 263.

13. *Rees*. Auschwitz, p. 130.

14. Свидетельство публикуется впервые.

15. Свидетельство публикуется впервые.

16. Свидетельство публикуется впервые.

17. *Rees*. Auschwitz, p. 132, и впервые публикуемое свидетельство.

18. Свидетельство публикуется впервые.

19. *Phayer M.* The Catholic Church and the Holocaust, 1930–1965. Indiana University Press, 2000. P. 92–93.

20. *Marrus, Paxton*. Vichy, p. 261.

21. См.: *Sarfatti M.* My Fault: Mussolini as I Knew Him (ed. B. R. Sullivan). Enigma Books, 2014. P. 84.

22. См.: *Zuccotti S.* The Italians and the Holocaust: Persecution, Rescue and Survival. University of Nebraska Press, 1996. P. 77; *Sarfatti M.* The Jews in Mussolini's Italy: From Equality to Persecution. University of Wisconsin Press, 2006. P. 159–160.

23. См.: *Marrus, Paxton*. Vichy, p. 317.

24. См.: *Ibid*.

25. См.: *N. Revelli* (ed.). Mussolini's Death March: Eyewitness Accounts of Italian Soldiers on the Eastern Front. Kansas University Press, 2013. См. в особенности показания Бартоломео Фруттеро (*Bartolomeo Fruttero*) в Варшаве, с. 219–220.

26. См.: *Moore B.* Victims and Survivors: The Nazi Persecution of the Jews in the Netherlands 1940–1945. Arnold, 1997. P. 91.

27. *Presser J.* Ashes in the Wind: The Destruction of Dutch Jewry. Souvenir Press, 2010, p. 142; *Moore*. Victims and Survivors, p. 93.

28. *Presser*. Ashes, p. 147.

29. *Ibid*.

30. См.: *Gilbert M.* Auschwitz and the Allies. Pimlico, 2001. P. 46–47.
31. *Fleming M.* Auschwitz, the Allies and Censorship of the Holocaust. Cambridge University Press, 2014. P. 106.
32. См.: *Ibid*, p. 107. Замечание Мориса Перлцвейга (*Maurice Perlzweig*) из Всемирного еврейского конгресса в конце сентября 1942 года.
33. См. свидетельство Яна Карского (*Jan Karski*), с. 288–289.
34. *Fleming*. Auschwitz, p. 116; Eden A. House of Commons. 1942. 17 December.
35. Свидетельство Герхарда Ригнера (*Gerhart Riegner*) в фильме *Reputations: Pope Pius XII: The Pope, the Jews and the Nazis, produced by Jonathan Lewis*, executive producer Laurence Rees, transmitted on BBC2 in 1995.
36. Перевод взят из фильма *Reputations: Pope Pius XII*. См. также: <http://catholictradition.org/Encyclicals/1942.htm>.
37. Полный перевод письма см. на: <http://rorate-caeli.blogspot.com/2012/07/70th-anniversary-of-pastoral-letter-of.html>.
38. См.: <http://www.patheos.com/blogs/labmind/2011/01/archbishop-de-jong-the-cost-of-speaking-up.html?repeat=w3tc>.
39. Данные получены в ходе работы над фильмом *Reputations: Pope Pius XII*.
40. Свидетельство из фильма *Reputations: Pope Pius XII*, transmitted on BBC2 in 1995.
41. См.: *Phayer*. Catholic Church, p. 94. Файер утверждает: аргумент, что протест де Йонга стал причиной депортации евреев, принявших христианство, звучит неубедительно, нацисты просто использовали его как повод.
42. См.: *Moore*. Victims and Survivors, p. 79, цитируя работу Жака Прессера.
43. Свидетельство Витольда Злотницкого (*Witold Złotnicki*) в фильме *Reputations: Pope Pius XII*, transmitted on BBC2 in 1995.
44. *Rothkirchen L.* The Churches and the Deportation and Persecution of Jews in Slovakia. В кн.: C. Rittner, S. Smith, I. Steinfeldt (eds.). The Holocaust and the Christian World. Yad Vashem, 2000. P. 104–107.
45. *Ward M.* Priest, Politician, Collaborator: Jozef Tiso and the Making of Fascist Slovakia. Cornell University Press, 2013. P. 232.
46. *Rothkirchen*. Persecution of Jews in Slovakia.
47. См.: *Ward M.* Jozef Tiso, p. 234–236.
48. Свидетельство Яна Карского (*Jan Karski*) в фильме *Reputations: Pope Pius XII*, transmitted on BBC2 in 1995.
49. См.: *Longerich P.* В кн. Holocaust: The Nazi Persecution and Murder of the Jews. Oxford University Press, 2012. P. 362. Автор называет цифру 52 000 евреев в Бельгии к концу 1940 года.
50. См.: *Ibid*, p. 372.
51. См.: *Dahl H.* Quisling: A Study in Treachery. Cambridge University Press, 2008. P. 287.
52. См.: *Ibid*. Цифры приводит Норвежская королевская комиссия (NOU1977: 22).
53. См.: *Hory L., Broszat M.* Der kroatische Ustascha-Staat 1941–1945. Deutsche Verlags-Anstalt, 1964. P. 120–121.
54. См.: *Ibid*, p. 101–102. Оригинал: Nuremberg document NOKW-1071.
55. См.: *Ibid*, p. 99.
56. См.: Der Prozess gegen die Hauptkriegsverbrecher vor dem Internationalen Militärgerichtshof, Nürnberg, 14. November 1945–1. Oktober 1946. V. 15. P. 327.
57. См.: Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918–1945, Serie E: 1941–1945. V. 7. 1. Oktober 1943 bis 30. April 1944. Doc. no. 352. P. 658–660.
58. См.: *Braham R.* The Hungarian Labor Service System 1939–1945. East European Quarterly, 1977. P. 28. См. также: *Rozett R.* Conscripted Slaves: Hungarian Jewish Forced Labourers on the Eastern Front during the Second World War. Yad Vashem, 2013. P. 158–163.

59. См.: *Cesarani*. Eichmann, p. 151.

60. См.: *Butmaru I*. The Silent Holocaust: Romania and its Jews. Greenwood Press, 1992. P. 138.

61. См.: *Ibid*, p. 139.

62. См.: *Kroener B*. Rolf-Dieter Müller and Hans Umbreit, Organization and Mobilization in the German Sphere of Power: Wartime Administration, Economy, and Manpower Resources 1942–1944/5. V. 5. Issue 2 of Germany and the Second World War. Oxford University Press, 2003. P. 855. См. также: *Tooze A*. The Wages of Destruction: The Making and Breaking of the Nazi Economy. Penguin, 2007. P. 587.

63. См.: *Cesarani*. Eichmann, p. 152.

64. *Domarus M*. Hitler: Speeches and Proclamations. V. 4. 1941–1945. Bolchazy-Carducci, 2004. P. 2679–2680. Речь Гитлера 30 сентября 1942 года.

65. L. Gall (ed.). Krupp im 20. Jahrhundert. Die Geschichte des Unternehmens vom Ersten Weltkrieg bis zur Gründung der Stiftung, Siedler, 2002. Werner Abelshauser, Rüstungsschmiede der Nation? Der Kruppkonzern im Dritten Reich und in der Nachkriegszeit 1933 bis 1951. P. 267–472, here p. 412. Оригинал: ФАН, 5 С48.

66. *Domarus*. Hitler (English edn). V. 4. P. 2687. Речь Геринга в Берлине 4 октября 1942 года.

Глава 13. Нацистские лагеря смерти в Польше

1. Большие лагеря смерти, в которых планомерно уничтожали евреев, существовали и в Белоруссии, в частности Малый Тростенец и Бронная гора, хотя в них и не было стационарных газовых камер.

2. T. Berenstein et al. (eds.). Faschismus – Getto – Massenmord. Dokumentation über Ausrottung und Widerstand der Juden in Polen während des zweiten Weltkrieges. Röderberg-Verlag, 1960. P. 303. На англ. яз.: J. Noakes, G. Pridham (eds.). Nazism 1919–1945. V. 3. Foreign Policy, War and Racial Extermination. Exeter University Press, 1991. P. 1159–1160.

3. *Poliakov L., Wulf J*. Das Dritte Reich und seine Diener. Ullstein, 1983. P. 471ff. Также в документе 170-USSR. В кн.: Der Prozess gegen die Hauptkriegsverbrecher vor dem Internationalen Militärgerichtshof, Nürnberg, 14. November 1945–1. Oktober 1946. V. 29. 1949. P. 385ff. Стенографический отчет о встрече рейхсмаршала Геринга и рейхскомиссарами оккупированных территорий и военным руководством по продовольственной ситуации 6 августа 1942 года.

4. См.: *Tooze A*. The Wages of Destruction: The Making and Breaking of the Nazi Economy. Penguin, 2007. P. 545.

5. *Longerich P*. Heinrich Himmler. Oxford University Press, 2012. P. 570. Причины для заявления Гиммлера от 19 июля автор анализирует на с. 561–568.

6. *Ibid*.

7. См.: *Ibid*, p. 564, 572.

8. *Kersten F*. The Kersten Memoirs, 1940–1945. Hutchinson, 1956. P. 132–134. Запись от 16 июля 1942 года. Эти мемуары не во всем надежны, к ним нужно относиться с большой осторожностью. Впрочем, данный раздел, который также цитирует Адам Тузе в своей книге *Wages of Destruction* на с. 526, вполне достоверен.

9. См.: *Poprzeczny J*. Odilo Globocnik: Hitler's Man in the East. McFarland, 2004. P. 320–321. См. также: *Longerich*. Himmler, p. 583–584.

10. R. Hilberg, S. Staron, J. Kermisz (eds.). The Warsaw Diary of Adam Czerniaków. Elephant, 1999. P. 381–385.

11. См.: *Ibid*, p. 385.

12. J. Sloan (ed.). Notes from the Warsaw Ghetto, from the Journal of Emmanuel Ringelblum. iBooks, 2006. P. 292. Запись датирована июнем 1942 года.

13. Ibid, p. 330–331 (точная дата не указана).
14. *Lewin A.* A Cup of Tears: A Diary of the Warsaw Ghetto. Fontana, 1990. P. 145. Запись от 1 августа 1942 года.
15. Свидетельство публикуется впервые.
16. Освенцим – единственный концентрационный лагерь, в котором было убито больше евреев, но, в отличие от Трешлинки, он никогда не являлся исключительно лагерем смерти.
17. См.: *Rees L.* Auschwitz: The Nazis and the ‘Final Solution’. BBC Books, 2005. P. 162.
18. См.: *Grabher M.* Irmfried Eberl. ‘Euthanasie’ Arzt und Kommandant von Treblinka. Peter Lang, 2006. P. 70–71. Письмо Ирмфрида Эберля (*Irmfried Eberl*) жене Рут от 20 июня 1942 года. HHStAW 631a. No. 1631.
19. Ibid, p. 73. Также цитируется в: Ute Hofmann and Dietmar Schulze, ‘... wird heute in eine andere Anstalt verlegt’. Nationalsozialistische Zwangssterilisation und ‘Euthanasie’ in der Landes-Heil- und Pflegeanstalt Bernburg – eine Dokumentation. Regierungspräsidium Dessau, 1997. P. 67–68.
20. См.: *Rees.* Auschwitz, p. 162.
21. *Arad Y.* Belzec, Sobibor, Treblinka: The Operation Reinhard Death Camps. Indiana University Press, 1999. P. 84.
22. Ibid, p. 85.
23. Ibid, p. 87.
24. См.: *Sereny G.* Into That Darkness: From Mercy Killing to Mass Murder. Pimlico, 1995. P. 160–161.
25. *Rees.* Auschwitz, p. 163.
26. *Klee E.* Willi Dressen and Volker Riess, ‘The Good Old Days’. Konecky & Konecky, 1991. P. 244.
27. *Arad.* Belzec, Sobibor, Treblinka, p. 96.
28. *Sereny.* Darkness, p. 161.
29. Volker Rieß, ‘Christian Wirth – der Inspekteur der Vernichtungslager’. В кн.: K.-M. Mallmann, G. Paul (eds.). Karrieren der Gewalt. Nationalsozialistische Täterbiographien. Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2004. P. 239–251, here p. 247. Оригинал: BArch 208 AR-Z 252/59. V. 9. P. 1689ff. Слушание показаний Йозефа Оберхаузера (*Josef Oberhauser*), 13 декабря 1962 года.
30. Свидетельство публикуется впервые.
31. Свидетельство публикуется впервые.
32. *Rees L.* The Nazis: A Warning from History. BBC Books, 1997. P. 165.
33. Свидетельство публикуется впервые.
34. *Arad.* Belzec, Sobibor, Treblinka, p. 190.
35. *Rees L.* Their Darkest Hour. Ebury Press, 2007. P. 94.
36. Свидетельство приведено в личном разговоре. См. Ibid, p. 94.
37. См.: *Kranz T.* Extermination of Jews at Majdanek Concentration Camp. State Museum, Majdanek, 2010. P. 13.
38. См.: Ibid, p. 59.
39. Свидетельство публикуется впервые.
40. Свидетельства из фильма *Testimony from Touched by Auschwitz*, written and produced by Laurence Rees, transmitted on BBC2, 20 January 2015.
41. Свидетельство публикуется впервые.
42. Свидетельство Государственного музея «Майданек».
43. *Mailänder E.* Female SS Guards and Workaday Violence: The Majdanek Concentration Camp, 1942–1944. Michigan State University Press, 2015. P. 242.
44. См.: Ibid, p. xi–xiii.

45. В расшифрованной телеграмме общее число умерщвленных в Трешлинке 71 355, но это явная опечатка, поскольку, учитывая указанное в телеграмме общее число убитых – 1 274 166, в Трешлинке должно было быть умерщвлено 713 555 – и это подтверждается другим надежным документальным свидетельством.

46. PRO HW 16/10.

Глава 14. Убивать и вербовать помощников

1. *Rees L.* War of the Century. BBC Books, 1999. P. 128.

2. C. Burdick, H.-A. Jacobsen (eds.). The Halder War Diary, 1939–1942. Greenhill Books, 1988. P. 646. Запись от 23 июля 1942 года.

3. *Rees.* War of the Century, p. 159.

4. *Domarus M.* Hitler. Reden und Proklamationen 1932–1945. Kommentiert von einem deutschen Zeitgenossen. V. 2. Untergang. R. Löwit, 1973. P. 1916. Речь Гитлера в Берлинском дворце спорта 30 сентября 1942 года.

5. FDR address 12 February 1943, <http://avalon.law.yale.edu/wwii/casablan.asp>.

6. *Hamerow T.* Why We Watched: Europe, America, and the Holocaust. W. W. Norton, 2008. P. 349. Переговоры Рузвельта с Ногге и Рузвельта с Жиро на президентской вилле в полдень и в 16 часов 20 минут 17 января 1943 года. Roosevelt Papers, McCrea Notes, in Foreign Relations of the United States: The Conferences at Washington 1941–1942 and Casablanca 1943. US Department of State, 1968. P. 608–611.

7. E. Fröhlich (ed.). Die Tagebücher von Joseph Goebbels. T. II. Diktate 1941–1945. V. 7. K. G. Saur, 1993. P. 454. Запись от 2 марта 1943 года.

8. *Marrus M., Paxton R.* Vichy France and the Jews. Stanford University Press, 1995. P. 321–326.

9. См.: *Kershaw I.* Hitler: 1936–1945. Nemesis. Allen Lane, 2000. P. 582.

10. A. Hillgruber (ed.). Staatsmänner und Diplomaten bei Hitler. Zweiter Teil. Vertrauliche Aufzeichnungen über Unterredungen mit Vertretern des Auslandes 1942–1944. Bernard & Graefe, 1970. P. 234–263. Here p. 238, 240, 245, 256–257, meeting on 16 April and 17 April 1943.

11. Fröhlich (ed.). Die Tagebücher von Joseph Goebbels. T. II. V. 8. K. G. Saur, 1993. P. 225. Запись от 7 мая 1943 года.

12. Доклад оберфюрера СС Виссенмайера (*Veessenmayer*). В кн.: Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918–1945. Serie E: 1941–1945. V. 6, 1. Mai bis 30. September 1943. P. 78–80, here p. 79.

13. Fröhlich (ed.). Die Tagebücher von Joseph Goebbels. T. II. V. 8. P. 236, 238. Запись от 8 мая 1943 года.

14. См.: *Domarus.* Hitler. Reden und Proklamationen, v. 2, p. 2003. Коммюнике о встрече Гитлера с королем Борисом 3 апреля 1943 года.

15. См.: *Browning Ch.* The Origins of the Final Solution. Heinemann, 2004. P. 212; *Longerich P.* Heinrich Himmler. Oxford University Press, 2012. P. 663–664.

16. Свидетельство публикуется впервые.

17. *Rees L.* Auschwitz: The Nazis and the ‘Final Solution’. BBC Books, 2005. P. 176.

18. Свидетельство публикуется впервые.

19. Подозрительно точная цифра, относиться к ней следует с осторожностью (тот факт, что слева направо и справа налево она читается одинаково, только усиливает недоверие).

20. См.: *Wachsmann N.* KL: A History of the Nazi Concentration Camps. Little, Brown, 2015. P. 316.

21. См.: J. Bezwińska, D. Czech (eds.). Amidst a Nightmare of Crime. Howard Fertig, 1992. P. 47. Показания Альтера Файнзилберга (*Alter Feinsilber*), также известного как Станислав Янковский (*Stanislaw Jankowski*).

22. Свидетельство публикуется впервые.
23. См.: Bezwińska, Czech (eds.). *Amidst a Nightmare*, p. 52.
24. Свидетельство публикуется впервые.
25. Свидетельство публикуется впервые.
26. *Nyiszi M.* *Auschwitz: A Doctor's Eyewitness Account*. Penguin, 2012. P. 24.
27. Свидетельство публикуется впервые.
28. См.: *Nyiszi*. *Auschwitz*, p. 42.
29. Свидетельство публикуется впервые.
30. Свидетельство публикуется впервые.
31. См.: Bezwińska, Czech (eds.). *Amidst a Nightmare*, p. 119.
32. См.: *Ibid*, p. 56. Показания Альтера Файнзильбера.
33. *Ibid*.
34. Свидетельство публикуется впервые.
35. См.: *Rees*. *Auschwitz*, p. 236–237.
36. См.: Bezwińska, Czech (eds.). *Amidst a Nightmare*, p. 119.
37. Свидетельство публикуется впервые.
38. См.: *van Pelt R. J.* *The Case for Auschwitz: Evidence from the Irving Trial*. Indiana University Press, 2002. P. 80.
39. Свидетельство из фильма *Touched by Auschwitz*, transmitted on BBC2, 20 January 2015, и впервые публикуемые свидетельства.
40. Свидетельство публикуется впервые.
41. Свидетельство публикуется впервые.
42. Свидетельство публикуется впервые.
43. Bezwińska, Czech (eds.). *Amidst a Nightmare*, p. 59.
44. См.: *Jonassohn K., Björnson K. S.* *Genocide and Gross Human Rights Violations in Comparative Perspective*. Transaction, 1999. P. 283.
45. См.: *Willems W.* *In Search of the True Gypsy: From Enlightenment to Final Solution*. Routledge, 2013. P. 251.
46. См.: *Kenrick D., Puxon G.* *Gypsies under the Swastika*. University of Hertfordshire Press, 2009. P. 38–29.
47. См.: *Kershaw*. *Hitler: Nemesis*, p. 584.
48. Fröhlich (ed.). *Die Tagebücher von Joseph Goebbels*. Т. II. V. 8. P. 288. Запись от 13 мая 1943 года.

Глава 15. Неповиновение и восстания

1. Свидетельство из фильма *The Nazis: A Warning from History*. Episode 6. *Fighting to the End*, written and produced by Laurence Rees, first transmission October 1997, BBC2.
2. *Domarus M.* *Hitler: Speeches and Proclamations*. V. 4. 1941–1945. Bolchazy-Carducci, 2004. P. 2818. Речь Гитлера 10 сентября 1943 года.
3. См.: *Gilbert M.* *The Righteous: The Unsung Heroes of the Holocaust*. Black Swan, 2003. P. 439.
4. См.: *Zuccotti S.* *The Italians and the Holocaust: Persecution, Rescue and Survival*. University of Nebraska Press, 1996. P. 81.
5. См.: *De Felice R.* 'Hunting Down the Jews'. В кн.: S. G. Pugliese (ed.). *Fascism, Anti-Fascism, and the Resistance in Italy: 1919 to the Present*. Rowan & Littlefield, 2004. P. 200–206, here p. 202.
6. См.: *Sánchez J. M.* *Pius XII and the Holocaust: Understanding the Controversy*. Catholic University of America Press, 2002. P. 143.

7. Свидетельство из фильма *Reputations: Pope Pius XII: The Pope, the Jews and the Nazis*, produced by Jonathan Lewis, executive producer Laurence Rees, transmitted on BBC2 in 1995.
8. Ibid.
9. Ibid.
10. См.: *Zuccotti*. *Italians and the Holocaust*, p. 133.
11. См.: *Phayer M.* *The Catholic Church and the Holocaust, 1930–1965*. Indiana University Press, 2000. P. 240–245.
12. См.: *Zuccotti*. *Italians and the Holocaust*, p. xxv. Это число умерших. На с. 294 – число депортированных в Освенцим.
13. См.: *Zuccotti*. *Italians and the Holocaust*, p. 235–236.
14. Свидетельство публикуется впервые.
15. Свидетельство публикуется впервые.
16. *Werner E. E.* *A Conspiracy of Decency: The Rescue of the Danish Jews during World War II*. Westview Press, 2002. P. 49.
17. Свидетельство публикуется впервые.
18. *Mogensen M.* *October 1943 – The Rescue of the Danish Jews*. В кн.: *M. B. Jensen, S. L. B. Jensen (eds.)*. *Denmark and the Holocaust*. Department for Holocaust and Genocide Studies, 2003. P. 33–61, here p. 45.
19. Свидетельство публикуется впервые.
20. *Rees L.* *Auschwitz: The Nazis and the ‘Final Solution’*. BBC Books, 2005. P. 221–222.
21. *Mogensen*. ‘Rescue’, p. 33. См. также: *Yahil L.* *The Rescue of Danish Jewry: Test of a Democracy*. The Jewish Publication Society of America, 1969.
22. Мемориальный музей Холокоста в США дает такие цифры: 72 000 евреев в Греции в начале оккупации и почти 60 000 тех, кто погиб в Холокосте. <https://www.ushmm.org/wlc/en/article.php?ModuleId=10005778>. Стивен Боумэн в своей книге утверждает, что погибло почти 90 процентов греческих евреев. См.: *Bowman S. B.* *The Agony of Greek Jews, 1940–1945*. Stanford University Press. 2009. P. 77.
23. См.: *Bowman*. *Agony of Greek Jews*, p. 177.
24. См.: *Cesarani D.* *Final Solution: The Fate of the Jews 1933–49*. Macmillan, 2016, P. 600; *Mazower M.* *Inside Hitler’s Greece*. Yale University Press, 2001. Описание депортации евреев из Салоник см. на с. 238–246.
25. Свидетельство публикуется впервые.
26. *Cymlich I., Strawczynski O.* *Escaping Hell in Treblinka*. Yad Vashem, 2007. P. 167.
27. *Rees L.* *The Nazis: A Warning from History*. BBC Books, 1997. P. 170.
28. Свидетельство публикуется впервые.
29. См.: *Cymlich, Strawczynski*. *Escaping Hell in Treblinka*, p. 178.
30. *Wiernik Y.* *A Year in Treblinka*, General Jewish Workers’ Union of Poland, 1945. Ch. 13. www.zchor.org/treblink/wiernik.htm.
31. Свидетельство публикуется впервые.
32. *Blatt T. T.* *From the Ashes of Sobibor*. Northwestern University Press, 1997. P. 129.
33. См.: *Cesarani*. *Final Solution*, p. 676–677. Тем не менее это влияние не следует преувеличивать. Освенцим пережили очень немногие голландские евреи.
34. *Rees*. *Auschwitz*, p. 210.
35. Свидетельство публикуется впервые.
36. *Rees*. *Auschwitz*, p. 214.
37. Свидетельство публикуется впервые.
38. *Rees*. *Auschwitz*, p. 214–215.
39. Свидетельство публикуется впервые.

40. Свидетельство публикуется впервые.
41. Свидетельство публикуется впервые.
42. *Blatt*. Ashes of Sobibor, p. 167.
43. *Ibid*, p. 222.
44. Свидетельство публикуется впервые.
45. См.: Т. Berenstein et al. (eds.). *Faschismus – Getto – Massenmord. Dokumentation über Ausrottung und Widerstand der Juden in Polen während des zweiten Weltkriegs*. Röderberg-Verlag, 1960. P. 352. Циркуляр главы войск СС и полиции Варшавского округа от 13 марта 1943 года.
46. *Cymlich, Strawczynski*. Escaping Hell in Treblinka, p. 58.
47. *Ibid*, p. 61.
48. См.: *Baumslag N*. *Murderous Medicine: Nazi Doctors, Human Experimentation, and Typhus*. Praeger, 2005. P. 117.
49. Статистические данные из кн.: *Paulsson G. S*. *Secret City: The Hidden Jews of Warsaw, 1940–1945*. Yale University Press, 2002. P. 2–9, 231.
50. *Ibid*, p. 231.
51. Свидетельство публикуется впервые.
52. См.: *Zimmerman J. D*. *The Polish Underground and the Jews, 1939–1945*. Cambridge University Press, 2015. P. 9–10.
53. *Gentile G. P*. *How Effective Is Strategic Bombing? Lessons Learned from World War II to Kosovo*. New York: University Press, 2001. P. 59–60.
54. См.: *Domarus*. *Hitler (English edn)*. V. 4. P. 2819. Речь Гитлера 10 сентября 1943 года.
55. ВArch NS19/4010. Также воспроизведено в кн.: В. F. Smith, A. F. Peterson (eds.). *Heinrich Himmler. Geheimreden 1933 bis 1945 und andere Ansprachen*. Propyläen Verlag, 1974. P. 162–183, here p. 169–170.
56. См.: *Rees*. *Auschwitz*, p. 215–216; *Arad Y*. *Belzec, Sobibor, Treblinka: The Operation Reinhard Death Camps*. Indiana University Press, 1999. P. 366.
57. См.: *Kranz T*. *The Extermination of Jews at Majdanek Concentration Camp*. Majdanek, 2010. P. 64.
58. См.: *Longerich P*. *Holocaust: The Nazi Persecution and Murder of the Jews*. Oxford University Press, 2012. P. 382.
59. Свидетельство Хенрика Нисциора (*Henryk Niéscior*), Государственный музей «Майданек», постоянная экспозиция.
60. См.: *Kranz*. *Majdanek*, p. 66.
61. *Der Prozess gegen die Hauptkriegsverbrecher vor dem Internationalen Militärgerichtshof. Nürnberg, 14. November 1945–1. Oktober 1946*. V. 36. 1949, doc. 4024-PS. P. 58–92, here p. 72.
62. См.: *Ibid*, p. 69–70. Письмо Гиммлера от 30 ноября 1943 года.
63. См.: *Zuccotti*. *Italians and the Holocaust*, p. 185–186.
64. См.: *Sereny G*. *Into That Darkness: From Mercy Killing to Mass Murder*. Pimlico, 1995 edn. P. 261.

Глава 16. Освенцим

1. В двух следующих партиях в декабре 1943 и марте 1944 года в «семейный лагерь» было направлено еще больше евреев, и общая численность узников составила 17 500 человек.
2. Свидетельство публикуется впервые.
3. Свидетельство публикуется впервые.
4. *Nyiszli M*. *Auschwitz: A Doctor's Eyewitness Account*. Penguin, 2012. P. 35.
5. Свидетельство публикуется впервые.
6. Свидетельство публикуется впервые.
7. *Rees L*. *Auschwitz: The Nazis and the 'Final Solution'*. BBC Books, 2005. P. 187.

8. Свидетельство публикуется впервые.
9. *Rees*. Auschwitz, p. 187.
10. *Eckart W. U., Vondra H.* 'Disregard for Human Life: Hypothermia Experiments in the Dachau Concentration Camp'. В кн.: *W. U. Eckart (ed.). Man, Medicine, and the State: The Human Body as an Object of Government Sponsored Medical Research in the 20th Century.* Franz Steiner Verlag, 2006. P. 157–166, here p. 163.
11. Ibid.
12. *Mackowski M. Ph.* Testing the Limits: Aviation Medicine and the Origins of Manned Space Flight. Texas A&M University Press, 2006. P. 94.
13. См.: *Wachsmann N.* KL: A History of the Nazi Concentration Camps. Little, Brown, 2015. P. 334.
14. Свидетельство публикуется впервые.
15. Свидетельство публикуется впервые.
16. См.: *Czech D.* Auschwitz Chronicle 1939–1945: From the Archives of the Auschwitz Memorial and the German Federal Archives. I. B. Tauris, 1990. P. 591.
17. Свидетельство публикуется впервые.
18. *Rees*. Auschwitz, p. 143.
19. Ibid, p. 167.
20. Свидетельство публикуется впервые.
21. *Langbein H.* Der Auschwitz-Prozess. Eine Dokumentation, Neue Kritik, 1995. См. свидетельства Конрада Моргена (*Konrad Morgen*) во Франкфурте-на-Майне 8 марта 1962 года на процессе по Освенциму. Ibid, p. 143–145.
22. *Domarus M.* Hitler. Reden und Proklamationen 1932–1945. V. 2. Untergang, R. Löwit, 1973. P. 2083. Речь Гитлера 30 января 1944 года.
23. *Kershaw I.* The 'Hitler Myth': Image and Reality in the Third Reich. Oxford University Press, 2001. P. 193.
24. См.: Ibid, p. 210–211.
25. См.: *Rees L.* The Dark Charisma of Adolf Hitler. Ebury Press, 2012. P. 381.
26. *Wilhelm H.-H.* 'Hitlers Ansprache vor Generalen und Offizieren am 26. Mai 1944'. Militärgeschichtliche Mitteilungen. V. 20. No. 2 (1976). P. 141–161, here p. 156. Обращение Гитлера к генералам и офицерам 26 мая 1944 года. На англ. в кн.: *Longerich P.* The Unwritten Order. Tempus, 2005. P. 212.
27. См.: *E. Clive, E. Johnson, P. Spiereburg (eds.).* Social Control in Europe. V. 2. Ohio State University Press, 2004. P. 312.
28. См.: *Cesarani D.* Final Solution: The Fate of the Jews 1933–49. Macmillan, 2016. P. 727.
29. Свидетельство публикуется впервые.
30. Свидетельство публикуется впервые.
31. *A. Adelson, R. Lapidés (eds.).* Łódź Ghetto: Inside a Community under Siege. Penguin, 1991. P. 328.
32. Ibid, p. 329.
33. См.: Ibid, p. 331.
34. *Rees*. Auschwitz, p. 102.
35. Свидетельство публикуется впервые.
36. *Trunk I.* Łódź Ghetto: A History. Indiana University Press, 2008. P. 281. Описание сентябрьской акции Йозефом Зелковичем (*Josef Zelkowicz*) 'In Those Nightmarish Days'. No. 102: YI-54.
37. См.: *Trunk.* Łódź Ghetto, p. 246.
38. *Rees L.* Their Darkest Hour. Ebury Press, 2007. P. 109–110.

39. L. Dobroszycki (ed.). *The Chronicle of the Łódź Ghetto 1941–1944*. Yale University Press, 1984. P. 252. Запись от 14 сентября 1942 года.
40. Свидетельство публикуется впервые.
41. Свидетельство публикуется впервые.
42. Свидетельство из фильма *The Nazis: A Warning from History*. Episode 4. The Wild East, written and produced by Laurence Rees, first transmission October 1997, BBC2.
43. См.: *Trunk. Łódź Ghetto*, p. 250.
44. *Montague P. Chełmno and the Holocaust*. I. B. Tauris, 2012. P. 162.
45. Dobroszycki (ed.). *Chronicle of Łódź Ghetto*, p. 534. Запись от 25 июля 1944 года.
46. Обратите внимание на разницу во времени между отправкой евреев из лодзинского гетто в Хелмно и Биркенау. Дело в том, что к началу августа массовые убийства венгерских евреев в Освенциме закончились, и теперь мощностей газовых камер Биркенау хватало для уничтожения евреев лодзинских.
47. Отец Макса умер в гетто. См. с. 182.
48. Свидетельство публикуется впервые.
49. Свидетельство публикуется впервые.
50. См.: *Unger M. Reassessment of the Image of Mordechai Chaim Rumkowski*. Yad Vashem, 2004. P. 13.
51. См.: *Rees*. Auschwitz, p. 104–105.
52. См.: *Ibid*.

Глава 17. Венгерская катастрофа

1. E. Fröhlich (ed.). *Die Tagebücher von Joseph Goebbels*. Т. II. Diktate 1941–1945. V. 11. K. G. Saur, 1994. P. 396, 399–400. Запись от 4 марта 1944 года.
2. См.: *Ibid*, p. 348. Запись от 25 февраля 1944 года.
3. См.: S. Muir, H. Worthen (eds.). *Finland's Holocaust: Silences of History*. Palgrave Macmillan, 2013; *Suominen E. Kuoleman laiva s/s Hohenhorn*. WSOY, 1979, и *Sana E. Luovutetut: Suomen ihmislouvutukset Gestapolle*. WSOY, 2003. Сана – фамилия Элины Суоминен в замужестве.
4. Финны подписали соглашение о перемирии с СССР и Великобританией 19 сентября 1944 года.
5. Свидетельство публикуется впервые.
6. См.: *Braham R. L. The Politics of Genocide: The Holocaust in Hungary*. Wayne State University Press, 1994. P. 110.
7. См.: *Cesarani D. Eichmann: His Life and Crimes*. Vintage, 2005. P. 167.
8. Свидетельство публикуется впервые.
9. Свидетельство публикуется впервые.
10. Свидетельство публикуется впервые.
11. См.: *Bauer Y. Jews for Sale? Nazi–Jewish Negotiations, 1933–1945*. Yale University Press, 1994. P. 150–151.
12. *Rees L. Auschwitz: The Nazis and the 'Final Solution'*. BBC Books, 2005. P. 230.
13. См.: *Jacobs G. Sacred Games*. Hamish Hamilton, 1995. P. 63–67.
14. Свидетельство публикуется впервые.
15. Свидетельство публикуется впервые.
16. *Rosen I. Sisters in Sorrow: Life Histories of Female Holocaust Survivors from Hungary*. Wayne State University Press, 2008. P. 192–193.
17. Свидетельство публикуется впервые.
18. Данные Мемориального музея Холокоста США <https://www.ushmm.org/wlc/en/article.php?ModuleId=10007728>.

19. Свидетельство публикуется впервые.
20. Свидетельство публикуется впервые.
21. Свидетельство публикуется впервые.
22. Свидетельство из фильма *Touched by Auschwitz*, written and produced by Laurence Rees, transmitted on BBC2, 20 January 2015.
23. Свидетельство публикуется впервые.
24. *Piper F.* Auschwitz: How Many Perished? Frap Books, 1996. P. 53. Автор написал, что в Освенцим попали 438 000 венгерских евреев (с территорий, которыми владела Венгрия во время войны), но Мирек Обстарчик (*Mirek Obstarczyk*) из Государственного музея Освенцим-Биркенау сказал мне, что теперь эти данные пересмотрены – 430 000 человек.
25. *Rees.* Auschwitz, p. 235.
26. SIME report no. 1 on the interrogation of Joel Brand, 16–30 June 1944, file no. SIME/P 7769, PRO FO 371/42811. См. также: *Rees.* Auschwitz, p. 227.
27. *Bauer.* Jews for Sale? P. 178.
28. См.: *Ibid*, p. 186.
29. См.: *Ibid*, p. 166.
30. *Ibid*.
31. См.: *Ibid*, p. 167.
32. Свидетельство из фильма *Himmler, Hitler and the End of the Reich*, produced by Detlef Siebert, executive producer Laurence Rees, transmitted on BBC2, 2001.
33. *Longerich P.* Heinrich Himmler. Oxford University Press, 2012. P. 720.
34. Документ найден исследовательской группой фильма *Himmler, Hitler and the End of the Reich*, PRO HW 1/3196.
35. Свидетельство из фильма *Himmler, Hitler and the End of the Reich*, transmitted on BBC2, 2001.
36. Свидетельство публикуется впервые.
37. Свидетельство публикуется впервые.
38. *Rees.* Auschwitz, p. 243–244.
39. Свидетельство из фильма *Himmler, Hitler and the End of the Reich*, transmitted on BBC2, 2001.
40. См.: *Bauer.* Jews for Sale? P. 158–159.
41. Свидетельство публикуется впервые.
42. См.: *van Pelt R. J.* The Case for Auschwitz: Evidence from the Irving Trial. Indiana University Press, 2002. P. 145–146.
43. *Müller F.* Eyewitness Auschwitz: Three Years in the Gas Chambers. Ivan R. Dee, 1999. P. 121. Частично цитируется также в кн.: *van Pelt.* Case for Auschwitz, p. 149.
44. Мы не можем утверждать, что папа читал отчет Врбы–Ветцлера до того, как направил Миклошу Хорти письмо, но вполне вероятно, что он знал о существовании этого документа, поскольку 20 июня 1944 года Врба встречался с представителем святого отца в Братиславе.
45. Свидетельство из фильма *Reputations: Pope Pius XII: The Pope, the Jews and the Nazis*, produced by Jonathan Lewis, executive producer Laurence Rees, transmitted on BBC2 in 1995.
46. *Ibid*.
47. См.: *Ibid*.
48. *Longerich P.* Holocaust: The Nazi Persecution and Murder of the Jews. Oxford University Press, 2012. P. 407–408. Запись из дневника Геббельса 27 апреля 1944 года.
49. *Guderian H.* Panzer Leader. Penguin, 2009. P. 342.

Глава 18. Убийства до конца

1. PRO FO 371/42809, онлайн на: <http://www.nationalarchives.gov.uk/education/worldwar2/theatres-of-war/eastern-europe/investigation/camps/sources/docs/5/transcript.htm>.
2. M. J. Neufeld, M. Berenbaum (eds.). *The Bombing of Auschwitz*. St Martin's Press, 2000; Gilbert M. *The Contemporary Case for the Feasibility of Bombing Auschwitz*, p. 70. См. также лекцию Мартина Гилберта в Мемориальном музее Холокоста США 8 ноября 1993 года. <http://www.winstonchurchill.org>.
3. См.: Rees L. *Auschwitz: The Nazis and the 'Final Solution'*. BBC Books, 2005. P. 248–252.
4. См.: Neufeld, Berenbaum (eds.). *The Bombing of Auschwitz*, p. 68; Rees. *Auschwitz*, p. 248.
5. Bauer Y. *Jews for Sale? Nazi – Jewish Negotiations, 1933–1945*. Yale University Press, 1994. P. 195.
6. Gilbert M. *Auschwitz and the Allies*. Pimlico, 2001. P. 127.
7. Свидетельство из фильма *Auschwitz: The Nazis and the 'Final Solution'*. Episode 5, written and produced by Laurence Rees, transmitted on BBC2, February 2005.
8. van Pelt R. J. *The Case for Auschwitz: Evidence from the Irving Trial*. Indiana University Press, 2002. P. 155–156. Первое сообщение Симонова о Майданеке было представлено в советском посольстве в Вашингтоне 29 августа 1944 года.
9. Müller F. *Eyewitness Auschwitz: Three Years in the Gas Chambers*. Ivan R. Dee, 1999. P. 153.
10. См.: Swiebocki H. *Auschwitz, 1940–1945: Central Issues in the History of the Camp*. Vol. 4. *The Resistance Movement*. Auschwitz Birkenau State Museum, 2000. P. 244–249; Piper F. *Auschwitz, 1940–1945: Central Issues in the History of the Camp*. V. 3. *Mass Murder*. Auschwitz Birkenau State Museum, 2000. P. 186–187.
11. См.: Ibid.
12. Свидетельство из фильма *Auschwitz: The Nazis and the 'Final Solution'*. Episode 5, transmitted on BBC2, February 2005.
13. Свидетельство публикуется впервые.
14. Свидетельство из фильма *Touched by Auschwitz*, transmitted on BBC2, 20 January 2015.
15. См.: Swiebocki. *Auschwitz*, v. 4, p. 232–233.
16. Финны считали, что ведут с немцами совместные боевые действия против СССР, а не являются их формальными союзниками.
17. Kershaw I. *Hitler: 1936–1945. Nemesis*, Allen Lane, 2000. P. 728–731.
18. См.: Cesarani D. *Eichmann: His Life and Crimes*. Vintage, 2005. P. 189–192.
19. См. показания Курта Бехера (*Kurt Becher*) 10 июля 1947 года, цитируемые в кн.: *Eichmann Interrogations: Trial of Adolf Eichmann*, Jerusalem. V. 8. P. 2895–2896, онлайн на: http://www.nizkor.org/hweb/people/e/eichmann-adolf/transcripts/Testimony-Abroad/Kurt_Becher-04.html note 42.
20. Rees L. *World War II: Behind Closed Doors*. BBC Books, 2008. P. 326.
21. Domarus M. *Hitler. Reden und Proklamationen 1932–1945*. V. 2. *Untergang*, R. Löwit, 1973. P. 2152. Воззвание Гитлера 25 сентября 1944 года.
22. Domarus M. *Hitler: Speeches and Proclamations*. V. 4. 1941–1945. *Bolchazy-Carducci*, 2004. P. 2965–2966. Речь Гитлера, произнесенная Гиммлером 12 ноября 1944 года.
23. Ibid, p. 2993. Новогоднее (1945 года) обращение фюрера к вермахту.
24. См.: Czech D. *Auschwitz Chronicle 1939–1945: From the Archives of the Auschwitz Memorial and the German Federal Archives*. I. B. Tauris, 1990. P. 783. Свидетельства Иозефа Циранкевича (*Józef Cyrankiewicz*) и Станислава Клодинского (*Stanislaw Klodinski*), 17 января 1945 года.
25. Свидетельство публикуется впервые.
26. Свидетельство публикуется впервые.
27. Свидетельство публикуется впервые.

28. Свидетельство публикуется впервые.
29. См.: *Strzelecki A.* Auschwitz, 1940–1945: Central Issues in the History of the Camp. V. 5. Epilogue, Auschwitz Birkenau State Museum, 2000. P. 29–36.
30. Свидетельство публикуется впервые.
31. Свидетельство публикуется впервые.
32. См.: *Krakowski S.* 'Massacre of Jewish Prisoners on the Samland Peninsula – Documents'. Yad Vashem Studies. V. 24 (1994). P. 349–387, here p. 367. См. также: *Grabowska J. K. L.* Stutthof, Temmen, 1993. P. 60.
33. *Rabinovic S.* Dank meiner Mutter. Fischer Taschenbuch Verlag, 2009. P. 220–247.
34. См.: *Blatmann D.* Die Todesmärsche 1944/45. Das letzte Kapitel des nationalsozialistischen Massenmords, Rowolth Verlag, 2010. P. 203.
35. См.: *Sagel-Grande I., Fuchs H. H., Rüter C. F.* Justiz und NS-Verbrechen. Sammlung deutscher Strafurteile wegen nationalsozialistischer Tötungsverbrechen 1945–1966. V. 14. University Press Amsterdam, 1976. Massenvernichtungsverbrechen in Lagern, KZ Stutthof, Herbst 1944 (Lfd. Nr. 446: LG Bochum vom 16.12.1955, 17 Ks 1/55). P. 147–234, here p. 156–160.
36. См.: *Kershaw I.* The End: Germany 1944–45. Allen Lane, 2011. P. 234.
37. См.: *Strzelecki.* Auschwitz, vol. 5, p. 35–36.
38. *Kershaw.* The End, p. 334.
39. Ранее не опубликованное свидетельство и *Rees.* Auschwitz, p. 270.
40. Слушания, проходившие в Лундском университете, Швеция. Свидетельство № 22: www.ub.lu.se/en/voices-from-ravensbruck-3.
41. Ibid. <http://www3.ub.lu.se/ravensbruck/interview18.pdf>.
42. См.: *Wachsmann N.* KL: A History of the Nazi Concentration Camps. Little, Brown, 2015. P. 568.
43. *Rees L.* Their Darkest Hour. Ebury Press, 2007. P. 112.
44. *Rees.* Auschwitz, p. 272.
45. Свидетельство из фильма *Himmler, Hitler and the End of the Reich*, transmitted on BBC2, 2001.
46. Ibid.
47. См.: E. Fröhlich (ed.). Die Tagebücher von Joseph Goebbels. T. II. Diktate 1941–1945. V. 15. K. G. Saur, 1995. P. 514. Запись от 15 марта 1945 года.
48. См.: Ibid, p. 521. Запись от 16 марта 1945 года.
49. Ibid, p. 564. Запись от 22 марта 1945 года.
50. *Kersten F.* Totenkopf und Treue. Heinrich Himmler ohne Uniform. Aus den Tagebuchblättern des finnischen Medizinalrats Felix Kersten. Mölich, 1952. P. 358–359. Himmler to Kersten, 21 March 1945.
51. Листовка 2 из протестов «Белой розы»: http://www.white-rose-studies.org/Leaflet_2.html. Ганс и Софи Шолль были задержаны и в феврале 1943 года казнены.
52. См.: <http://db.yadvashem.org/righteous/family.html?language=en&itemId=9221536>.
53. Оценка Иоганнеса Тухеля, директора мемориального центра немецкого Сопротивления: <http://www.raoulwallenberg.net/press/2007/museum-created-germans-hid/>.
54. *Kershaw I.* The 'Hitler Myth': Image and Reality in the Third Reich. Oxford University Press, 2001. P. 229–230.
55. *Kershaw I.* 'The Persecution of the Jews and German Popular Opinion in the Third Reich', Yearbook of Leo Baeck Institute. V. 26 (1981). P. 261–289, here p. 284. См. также: *Rees L.* The Nazis: A Warning from History. BBC Books, 1997. P. 223.
56. Свидетельство публикуется впервые.
57. Ранее не опубликованное свидетельство, а также *Rees.* Darkest Hour, p. 210.
58. Свидетельство публикуется впервые.

59. См.: *Kersten F.* The Kersten Memoirs. Hutchinson, 1956. P. 286–290.
60. Свидетельство из фильма *Himmler, Hitler and the End of the Reich*, transmitted on BBC2, 2001.
61. См.: *Kershaw.* Hitler: Nemesis, p. 819.
62. *Domarus.* Hitler. Reden und Proklamationen. V. 2. P. 2236–2237, 2239. Политическое завещание Адольфа Гитлера, 29 апреля 1945 года.
63. Hitler's Table Talk, 1941–1944. Phoenix Books, 2002. P. 221. 18 января 1942 года.
64. Интервью, взятое мною у профессора Яна Кершоу в 2009 году для образовательного веб-сайта WW2History.com, http://ww2history.com/experts/Sir_Ian_Kershaw/Hitler_and_the_Holocaust.
65. См., например, с. 259–260 в кн.: Fröhlich (ed.). Die Tagebücher von Joseph Goebbels. T. II. V. 3. K. G. Saur, 1994. P. 557–563. Запись от 27 марта 1942 года.
66. См.: *Longerich P.* Heinrich Himmler. Oxford University Press, 2012. P. 731.
67. Свидетельство публикуется впервые.

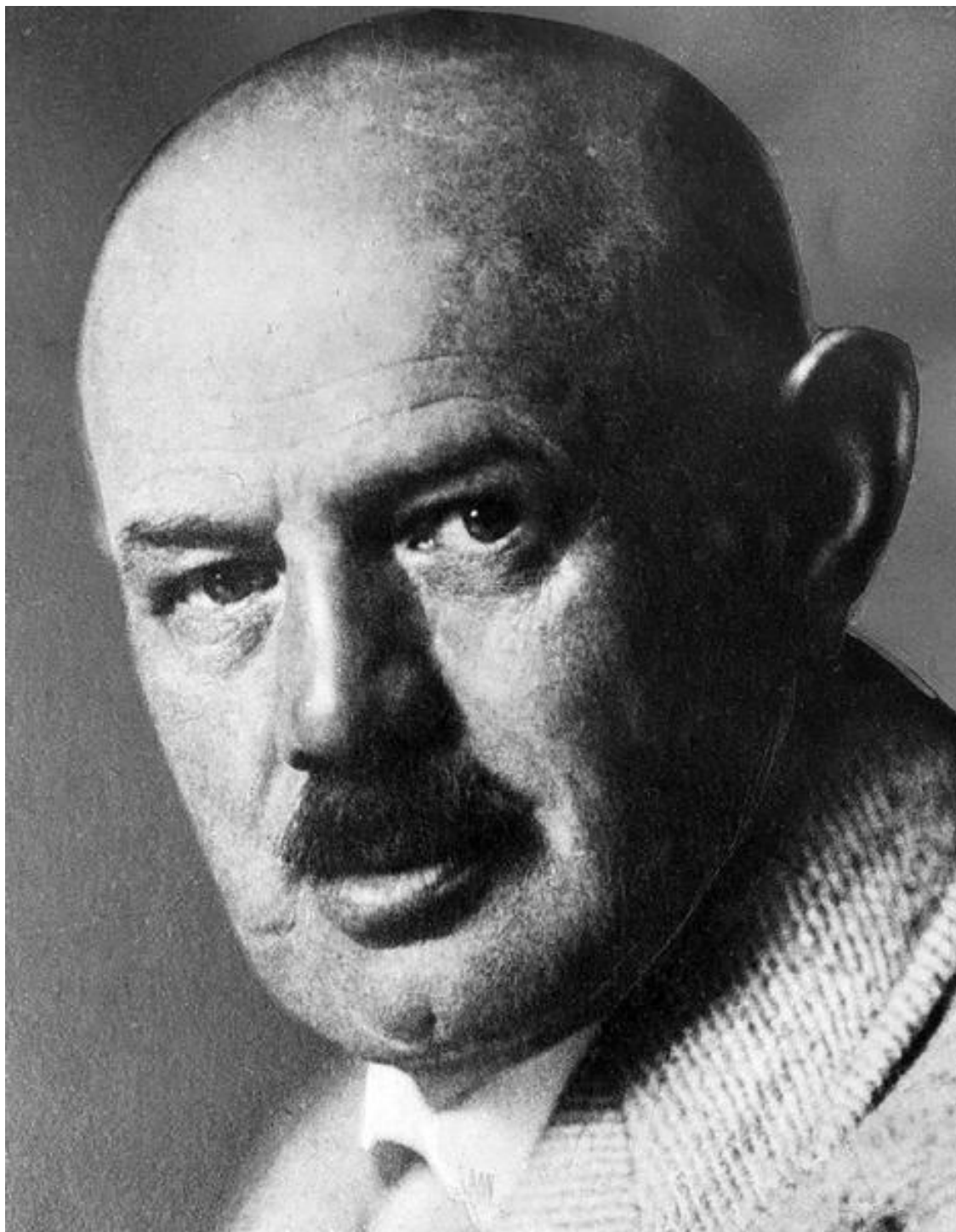
Постскрипtum

1. http://ww2history.com/experts/David_Cesarani/Hitler_s_ruthlessness_vs_Stalin_s.
2. См.: *Rees L.* Their Darkest Hour. Ebury Press, 2007. P. viii–ix.
3. См.: *Ibid* (особенно p. ix).

Иллюстрации

1. Адольф Гитлер (сидит, второй справа) среди своих сторонников. 1920-е годы. Будущий вождь немецкой нации уже тогда думал о том, какое впечатление производит на окружающих. Вот и сейчас он явно хочет выглядеть великим человеком

2. Драматург Дитрих Эккарт, наставник Гитлера в начале 1920-х. В то время Гитлер говорил о нем так: «Эккарт сияет в наших глазах, как Полярная звезда»

3. Йозеф Геббельс в молодости – пока просто демагог и уличный оратор. До прихода нацистов к власти еще далеко

4. Отряд фрайковцев марширует по улицам Мюнхена. 1919 год. Несколько опереточные баварские костюмы не должны вводить в заблуждение – эти полувоенные формирования были серьезной силой

5. Президент Пауль фон Гинденбург (слева) и Адольф Гитлер. 1933 год. Гитлер только что назначен рейхсканцлером. При известии об этом они испытали разные эмоции

6. Отто Мейснер, начальник канцелярии Гинденбурга (слева) и Франц фон Папен, бывший канцлером до ноября 1932 года. В январе 1933-го с разрешения Гинденбурга Папен провел переговоры с Гитлером и вошел в его кабинет в качестве вице-канцлера

7. Узники концентрационного лагеря. 1930-е годы. «Мы должны спасти этих людей, – говорил Герман Геринг, – вернуть их обществу перевоспитанными». «Перевоспитание» проводилось в условиях одного из самых жестоких тюремных режимов в истории

8. Узники Дахау. Конец 1930-х годов. Многие из этих людей оказались в лагере потому, что были политическими противниками режима

9. Адольф Гитлер. 1936 год. Совсем недавно британский премьер-министр Ллойд Джордж сказал о нем так: «Прирожденный лидер, магнетическая, динамическая личность, целеустремленный, с решительной волей и бесстрашным сердцем»

10. Свадьба Йозефа Геббельса и Магды Квандт. Декабрь 1931 года. За Харальдом – сыном Магды от первого брака – идет Гитлер

11. Теодор Эйке, комендант Дахау с лета 1933 года. Эйке говорил: «Мне нужны только твердые как скала, абсолютно преданные члены СС. Мягким нравом в наших рядах места нет»

12. Герман Геринг (слева) и Генрих Гиммлер. Трудно представить людей, более несхожих по характеру и темпераменту. Тем не менее оба были убежденными национал-социалистами

13. Адольф Эйхман, оберштурмбаннфюрер СС, начальник отдела гестапо IV В4, отвечавший за «окончательное решение еврейского вопроса»

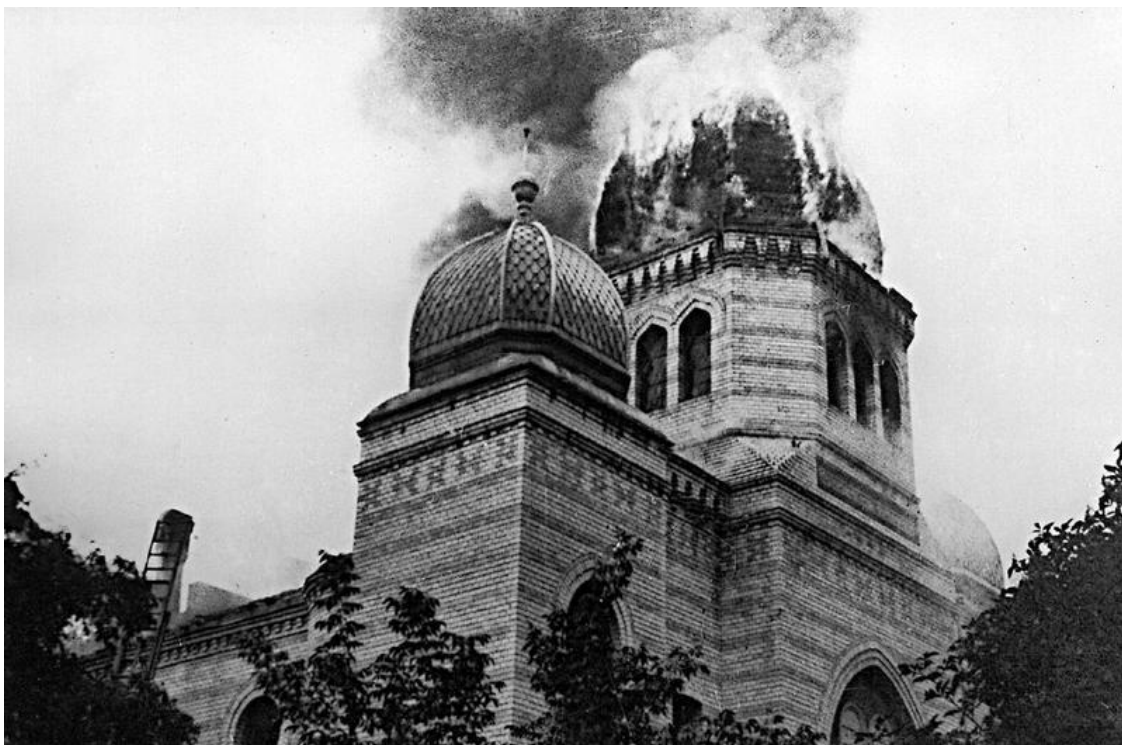
14. Генрих Гиммлер (на переднем плане) и Рейнхард Гейдрих в Вене. 1938 год. Вскоре после аншлюса Австрии службы безопасности, руководимые Гиммлером и Гейдрихом, начали арестовывать австрийцев, которых бездоказательно считали преступниками, асоциальными элементами, а то и попросту неприятными людьми

15. После аншлюса Австрии в 1938 году евреев заставляли мыть щетками улицы. «Мы были совершенно вне закона, – говорит житель Вены еврей Вальтер Каммерлинг. – Никакой защиты ни от кого»

16. Разбитые витрины после Хрустальной ночи – нападения нацистов на жилые дома, магазины и фабрики евреев, а также на синагоги. Ноябрь 1938 года

17. Пожар в синагоге во время Хрустальной ночи. В результате нападений 9–10 ноября погибли более 90 австрийских евреев. Впоследствии в концентрационные лагеря были отправлены около 30 000

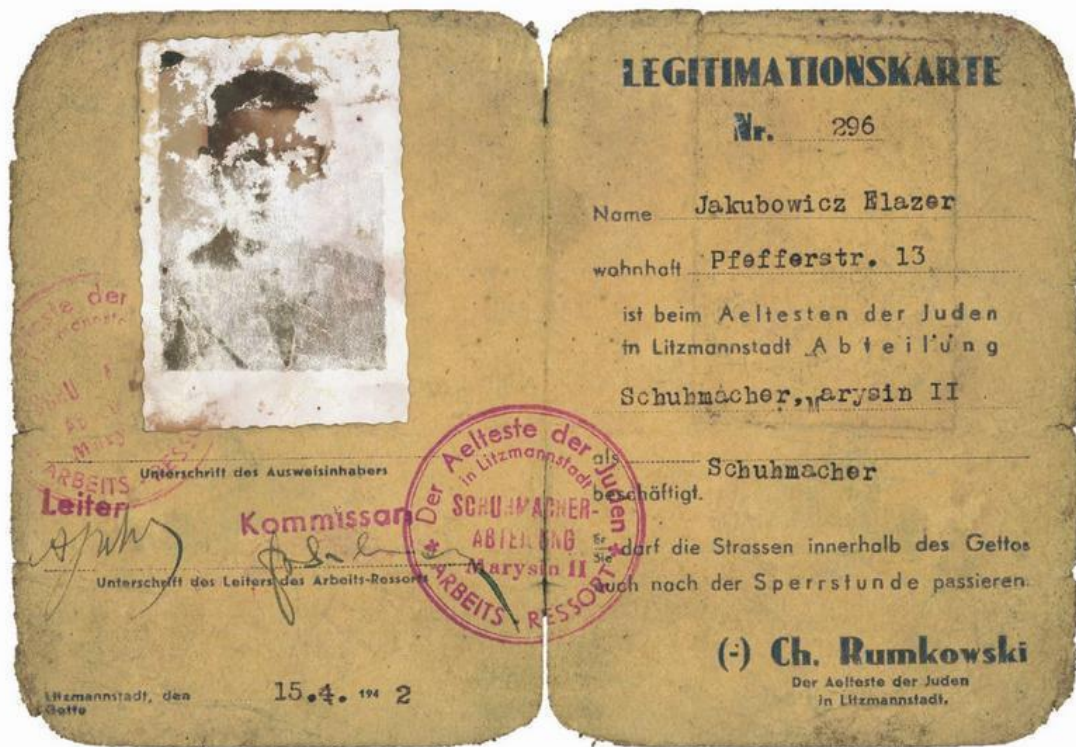

18. Главный лагерь Освенцима. Первая большая партия заключенных была доставлена сюда в июне 1940 года. Крупнейший и наиболее долго просуществовавший из нацистских лагерей уничтожения, Освенцим стал одним из главных символов Холокоста. Широко известный лозунг Arbeit Macht Frei («Труд делает свободным») в 1930-е годы был смонтирован на воротах Дахау – одного из первых концентрационных лагерей на территории рейха

19. Гитлер и его генералы. Слева от фюрера Гудериан (в шинели с меховым воротником). Сопратники называли его Быстрый Гейнц (Schneller Heinz) – танковые армии Гудериана действительно продвигались стремительно. На переднем плане (смотрит в камеру) Альфред Йодль, начальник штаба оперативного руководства Верховного командования вермахта

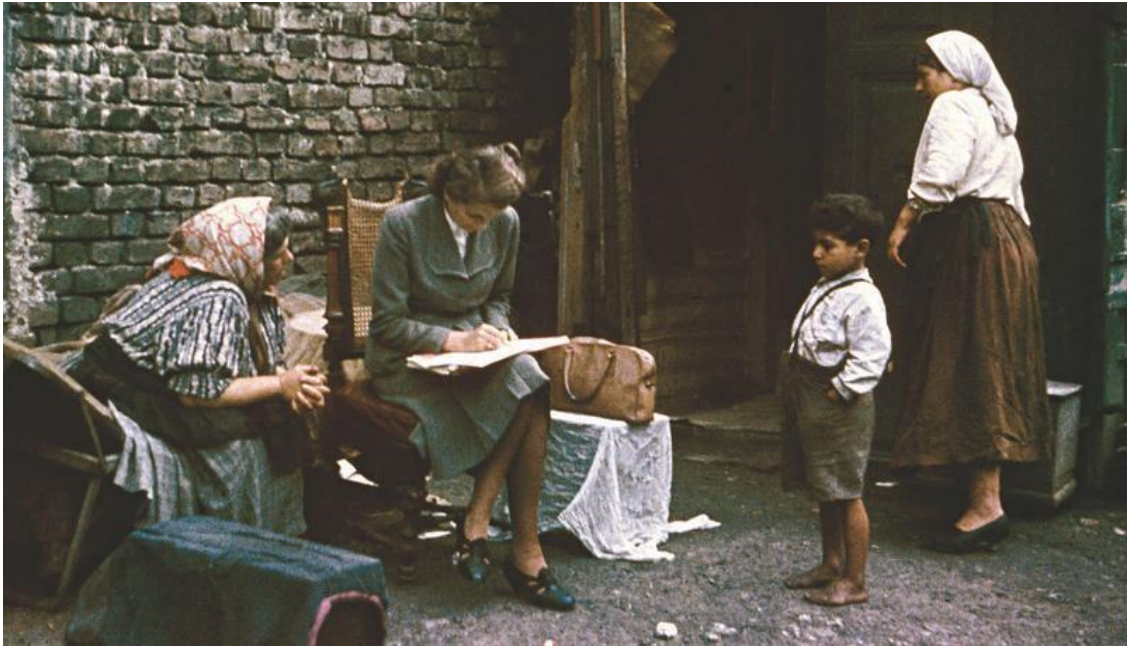

20. Документ, подтверждающий личность еврея лодзинского гетто (Legitimationskarte). Сами немцы называли это гетто Литцманнштадт. На Legitimationskarte Элиазера Якубовича, сапожника, внизу справа указана также фамилия главы юденрата – Румковский

21. Доктор Роберт Риттер (справа) опрашивает женщину народности синти. С конца 1930-х годов Риттер возглавлял станцию биологических исследований по евгенике и народонаселению. Сотрудники этой структуры пытались определить, кого можно классифицировать как чистокровных цыган, кого как цыган-полукровок, а кто совсем не имеет к цыганам отношения

22. Одна из помощниц Риттера разговаривает с членами семьи рома в Австрии. Со временем нацисты создадут огромную картотеку, в которую будут занесены 30 000 синти и рома. Впоследствии многих из них на основании этой формальной классификации уничтожат в лагерях смерти

23. Евреи лодзинского гетто в душе. Борьбе с инфекциями нацисты придавали очень большое значение, а вот от нравственных обязательств перед представителями «низшей» расы они считали себя свободными

24. Дети лодзинского гетто. В сентябре 1942 года тысячи из них были депортированы и сразу же уничтожены

25. Немецкие солдаты идут победным маршем по Парижу. Лето 1940 года. За шесть недель немцы добились на Западном фронте больших успехов, чем за всю Первую мировую войну

26. Голландские евреи садятся на поезд, который повезет их на восток. Там большинство этих людей погибнет в лагере смерти. Из Нидерландов депортировать евреев нацистам оказалось легче, чем из любой другой западноевропейской страны

27. Генрих Гиммлер (на пассажирском сиденье автомобиля) в лодзинском гетто. Июнь 1941 года. Рейхсфюрер что-то говорит Мордехаю Хайму Румковскому – главе еврейской администрации гетто

28. Мордехай Хаим Румковский в своем личном экипаже. Одна из наиболее противоречивых фигур Холокоста, Румковский обвинялся в активном сотрудничестве с нацистами, выявлении и пресечении любых попыток организации сопротивления. А еще в многочисленных сексуальных домогательствах и в том, что использовал положение главы юденрата в личных интересах

29. Адольф Гитлер с Йозефом Тисо (в центре), президентом Первой Словацкой республики. Тисо был профессором теологии, католическим священником. Несмотря на участие в депортации словацких евреев, он никогда не был отлучен от церкви

30. Адольф Гитлер и Бенито Муссолини. Приход итальянских фашистов к власти в начале 1920-х годов стал вдохновляющим примером для нацистов

31. Доктор Ирмфрид Эберль, директор бранденбургского центра «смерти из милосердия», впоследствии комендант Трешлинки. Эберль руководил Трешлинкой в то время, когда там наиболее интенсивно умерщвляли узников в рамках реализации операции «Рейнхард» – так называлась государственная программа Третьего рейха по систематическому истреблению евреев и цыган в генерал-губернаторстве

32. Кристиан Вирт, один из самых страшных злодеев, принимавших участие в преступлениях Холокоста. Активный участник операции Т-4 – программы нацистов по стерилизации, а в дальнейшем и физическому уничтожению людей с психическими расстройствами, умственно отсталых и неизлечимо больных, Вирт был первым комендантом лагеря смерти Белжец, а позже инспектором всей системы нацистских концлагерей

33. Папа Пий XII. Отказ понтифика публично осудить депортацию и истребление евреев сказывается на его репутации по сей день

34. После того как военная ситуация стала ухудшаться, Гитлер все реже появлялся на публике, но во многих своих выступлениях в том, что Германия проигрывает войну, он – совершенно абсурдно – обвинял евреев

35. Немецкие солдаты во время войны с СССР действовали в соответствии с директивой службы тылового обеспечения вермахта. А между тем 2 мая 1941 года в ней было сказано, что, поскольку всю наступающую немецкую армию придется кормить за счет занятых территорий, это означает, что, если фуражиры будут забирать все, что им требуется, десятки миллионов людей неизбежно умрут от голода. Советских людей...

36. Подразделение вермахта атакует советскую деревню. Еще во время планирования вторжения Гитлер говорил, что это будет война на уничтожение

37. Еврейские женщины перед расстрелом на оккупированной советской территории. Начиная с июля 1941 года нацисты стали все чаще убивать не только евреев-мужчин, но и женщин, а также детей

38. Нацисты считали, что на советской территории любой гражданский может оказаться партизаном, а значит, они могут убить каждого, кто просто косо на них посмотрит. Именно так сказал фюрер

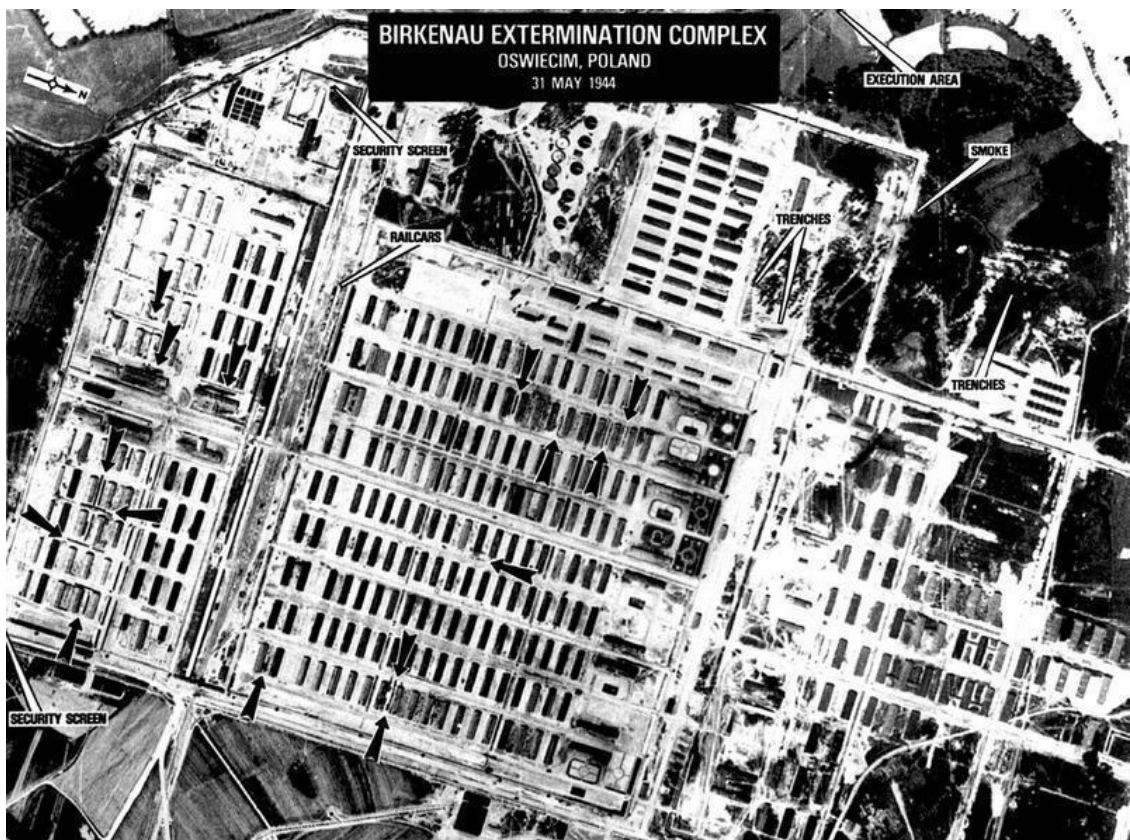
39. Колонна советских военнопленных. Из 5 700 000 солдат и офицеров Красной армии, захваченных немцами за время войны против Советского Союза, большинство (около 3 300 000) погибнет в немецкой неволе

40. После восстания в варшавском гетто все оставшиеся в живых евреи были отправлены в Трешлинку. Весна 1943 года. Хотя в военном плане восстание почти ничего не дало, решение евреев оказать нацистам сопротивление имело огромное значение

41. Венгерские евреи, прибывшие в Освенцим-Биркенау. 1944 год. Большинство людей, запечатленных на этой фотографии, включая всех детей, через несколько часов окажутся в газовых камерах

42. Самолеты-разведчики союзников вели фотосъемку Освенцима с весны 1944 года. Этот снимок Освенцима-Биркенау сделан в то время, когда туда каждый день приходили эшелоны с венгерскими евреями

43. Селекция в Освенциме-Биркенау. 1944 год – венгерская катастрофа. Большинство прибывающих обрекалось на немедленную смерть

44. Освенцим. Эсэсовцы и персонал женского лагеря отдыхают. Оскар Гренинг после войны говорил, что у всех «сотрудников» лагеря были дружеские отношения, о которых он и сегодня вспоминает с удовольствием

45. Освенцим, крематорий III. На этой фабрике смерти, начавшей функционировать в 1943 году, газовые камеры и помещения, где узники раздевались, располагались в полуподвале

46. Освенцим, крематорий IV. В отличие от крематориев II и III, в которых газовые камеры были добавлены уже на стадии проектирования, это здание, как и крематорий V, изначально конструировалось как место массовых умерщвлений. Газовые камеры и помещения, где обреченные раздевались, здесь располагались на одном уровне с печами, в которых сжигали трупы

47. Врач румынской армии Фриц Кляйн не мог быть призван в вермахт, а вступить в войска СС у него как у фольксдойче право имелось. Кляйн это сделал, и его дальнейшая служба проходила в концлагерях. В Берген-Бельзене он запечатлен на горе трупов. После освобождения лагеря англичане заставили Кляйна наряду с другими эсэсовцами помогать хоронить узников

48. Унтершарфюрер СС Оскар Гренинг. В Освенциме он работал в экономическом отделе – учитывал деньги и ценности, отобранные у прибывающих евреев

49. Пятрас Зеленка, литовец, член немецкой айнзатцгруппы, принимавший участие в акциях против евреев на оккупированной советской территории. После войны отбыл тюремный срок – 20 лет

Фотоматериалы

1. Адольф Гитлер среди своих сторонников, 1920-е (Ullsteinbild / TopFoto)
2. Дитрих Эккарт (Ullsteinbild / TopFoto)
3. Йозеф Геббельс (World History Archive / TopFoto)
4. Отряд фрайкоровцев на улицах Мюнхена, 1919 (Ullsteinbild / TopFoto)
5. Пауль фон Гинденбург и Адольф Гитлер, 1933 (akg-images)
6. Отто Мейснер и Франц фон Папен (Ullsteinbild / TopFoto)
7. Узники концентрационного лагеря, 1930-е (Ullsteinbild / TopFoto)
8. Узники Дахау, конец 1930-х (akg-images)
9. Адольф Гитлер, 1936 (Ullsteinbild / TopFoto)
10. Свадьба Йозефа Геббельса и Магды Квандт, декабрь 1931 (Topham Picturepoint)
11. Теодор Эйке (Ullsteinbild / TopFoto)
12. Герман Геринг и Генрих Гиммлер (Topham / AP)
13. Адольф Эйхман (Ullsteinbild / TopFoto)
14. Генрих Гиммлер и Рейнхард Гейдрих (Ullsteinbild / TopFoto)
15. После аншлюса Австрии в 1938 году евреев заставляли мыть щетками улицы (World History Archive / TopFoto)
16. Последствия Хрустальной ночи, ноябрь 1938 (Ullsteinbild / TopFoto)
17. Пожар в синагоге во время Хрустальной ночи (bpk / Abraham Pisarek)
18. Главный лагерь Освенцима (ITAR-TASS / Topfoto)
19. Гитлер и его генералы (Walter-Frenz-Collection, Berlin)
20. Документ, подтверждающий личность еврея лодзинского гетто (©IMAGNO / TopFoto)
21. Роберт Риттер опрашивает женщину народности синти (Ullsteinbild / TopFoto)
22. Одна из помощниц Риттера разговаривает с цыганской семьей (Roger-Violett / TopFoto)
23. Евреи лодзинского гетто в душе (Ullsteinbild / TopFoto)
24. Дети лодзинского гетто (Roger-Violett / TopFoto)
25. Немецкие солдаты маршируют по Парижу, 1940 (World History Archive / TopFoto)
26. Голландские евреи садятся в поезд, который повезет их на восток (©2003; Topham Picturepoint)
27. Генрих Гиммлер в лодзинском гетто, июнь 1941 (Ullsteinbild / TopFoto)
28. Мордехай Хаим Румковский в своем персональном экипаже (Ullsteinbild / TopFoto)
29. Адольф Гитлер с Йозефом Тисо, президентом Первой Словацкой республики (©2004; TopFoto)
30. Адольф Гитлер и Бенито Муссолини (World History Archive / TopFoto)
31. Доктор Ирмфрид Эберль (Bundesarchiv, B162 Bildid-00636 / Photographer: Unknown)
32. Кристиан Вирт (Yad Vashem)
33. Папа Пий XII (Ullsteinbild / TopFoto)
34. Адольф Гитлер к концу войны все реже появлялся на публике (Walter-Frenz-Collection, Berlin)
35. Немецкие солдаты решают свой продовольственный вопрос – забирают у крестьян свиней (Bibliothek für Zeitgeschichte in der Württembergischen Landesbibliothek, Stuttgart)
36. Подразделение вермахта атакует советскую деревню, Восточный фронт (Ullsteinbild / TopFoto)
37. Еврейские женщины перед расстрелом на оккупированной территории СССР (bpk / Karl Sturm)

38. Нацисты на оккупированной советской территории (akg-images)
39. Советские военнопленные (©2001; Topham / AP)
40. Евреи, оставшиеся в живых после восстания в варшавском гетто (World History Archive / TopFoto)
41. Венгерские евреи, прибывшие в Освенцим-Биркенау, 1944 (World History Archive / TopFoto)
42. Освенцим-Биркенау, фото с самолета-разведчика союзников (Roger-Violett / TopFoto)
43. Селекция в Освенциме-Биркенау (Ullsteinbild / TopFoto)
44. Охранники Освенцима и персонал женского лагеря отдыхают (United States Holocaust Memorial Museum, courtesy of Anonymous Donor)
45. Крематорий III в Освенциме (Archival Collection of the Auschwitz-Birkenau State Museum in Oświęcim)
46. Крематорий IV в Освенциме (Archival Collection of the Auschwitz-Birkenau State Museum in Oświęcim)
47. Фриц Кляйн в Берген-Бельзене (Roger-Violett / TopFoto)
48. Оскар Гренинг
49. Пятрас Зеленка